

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 485. Декабрь

• ФИЛОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ФИЛОСОФИЯ

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• PHILOSOPHY

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 485. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор
Издательства Томского государственного университета;
Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд.
экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Банкова Л.Л. Жаргонное обозначение цифр в китайском языке	5
Горчакова О.Ю., Толстова М.А., Ларионова А.В. Концепт «Будущее России» в сознании молодежи в условиях неопределенности (на материале результатов массового опроса)	14
Зусева-Озкан В.Б. Аукториальное повествование в прозе А.А. Бестужева-Марлинского в свете исторической нарратологии	24
Зюзькова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации	35
Назаренко И.И. Метафизическая самоидентификация женщины-эмигрантки в повести В. Яновского «Любовь вторая» и романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов»	44
Смолянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в.	53

ИСТОРИЯ

Конев К.А., Васильев А.В. Научная библиотека ТГУ и мифологема освоения Сибири: основные вехи (1878–1934 гг.)	65
Болдырева О.Н. Позиция казахов по отношению к калмыкам в 60-х гг. XVIII в.	73
Ахмедов Т.А. Война в городах Северного (Турецкого) Курдистана в 2015–2016 гг.: истоки, ход и последствия	80
Владимиров В.Н. Дифференциация зарплат рабочих и служащих Сибирского края (1925–1929 гг.): децильные коэффициенты и индекс Джини	87
Маклюков А.В. Этапы и особенности электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта (1960-е – начало 2000-х гг.)	94
Носов К.С., Муратова С.Р. Каменно-кирпичная фортификация конца XVII – первой половины XVIII вв. на территории Зауралья и Западной Сибири	104
Саблин В.А., Тимошина С.В. Математические отражающие ретрансляции восстановительных процессов в животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России в начале 1920-х гг.	116
Федюнин И.В. Лесостепное Подонье на рубеже плейстоцена и голоцена и проблема трансформации индустрий «переходного периода»	124

ПЕДАГОГИКА

Баланев Д.Ю., Шамаков В.А. Диагностические маркеры двигательной активности человека в электронной образовательной среде	138
Козырева О.А., Руднева И.А. Экспериментальная работа по методической подготовке будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка	145
Логинова Е.А., Морквина Е.А. Проблемы при изучении иностранного языка на неязыковых направлениях в ТюмГУ: вызовы и стратегии преодоления	155
Лобанов В.В., Мишенев С.В. Подходы российских коллективов арт-фехтования к подготовке спортсменов	164

CONTENTS

PHILOLOGY

Bankova L.L. Jargon names of Chinese numerals	5
Gorchakova O.Yu., Tolstova M.A., Larionova A.V. The concept “Future of Russia” in the minds of young people in conditions of uncertainty (based on the results of a mass survey)	14
Zuseva-Özkan V.B. Authorial narrative situation in the prose by Alexander Bestuzhev-Marlinsky in the light of historical narratology	24
Zyuzkova N.A. Functions of dialect vocabulary in internet communication	35
Nazarenko I.I. Metaphysical self-identification of an emigrant woman in Vasily Yanovsky’s story “The Second Love” and Boris Poplavsky’s novel <i>Apollo Bezobrazov</i>	44
Smolianinov A.V. Metatextual features of the collection <i>Siberian Stories</i> and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century	53

HISTORY

Konev K.A., Vasilyev A.V. Research Library of Tomsk State University and the mythologeme of the development of Siberia: The main milestones (1878–1936)	65
Boldyreva O.N. The Kazakhs’ attitude towards the Kalmyks in the 1760s	73
Akhmedov T.A. War in towns of Northern (Turkey) Kurdistan in 2015–2016: Origins, course and consequences	80
Vladimirov V.N. Differentiation of wages of workers and employees of Siberian Krai (1925–1929): Decile coefficients and the Gini index	87
Maklyukov A.V. Stages and features of the electrification of the Far Eastern railway transport (1960s – early 2000s)	94
Nosov K.S., Muratova S.R. Stone-brick fortification of the end of the 17th – first half of the 18th centuries on the territory of Western Siberia	104
Sablin V.A., Timoshina S.V. Mathematical reflective relays of restorative processes in the livestock sector of the peasant household in the European North of Russia in the early 1920s	116
Fedyunin I.V. Forest-steppe Podonye at the turn of the Holocene and the problem of the transformation of the “transition period” industries	124

PEDAGOGICS

Balaney D.Yu., Shamakov V.A. Diagnostic markers of human motor activity in a digital learning environment	138
Kozyreva O.A., Rudneva I.A. Experimental work on the methodology of preparing future teachers for the inclusion of schoolchildren in the conditions of a university technopark	145
Loginova E.A., Morkvina E.A. Problems in foreign language learning in non-linguistic fields at the University of Tyumen: Challenges and strategies for overcoming them	155
Lobanov V.V., Mishenev S.V. Different approaches of Russian artistic fencing collectives to the training process	164

Подлинняев О.Л., Миндеева С.В. Медиакomпетентность в системе научно-исследовательской работы студента	177
Podlinyaev O.L., Mindeeva S.V. Media competence in the system of student's research work	177
ФИЛОСОФИЯ	
Овсянникова Ю.Н., Осаченко Ю.С., Эннс И.А. Игра как практика образования: феноменологический и герменевтический аспект	187
Ovsyannikova Yu.N., Osachenko Yu.S., Enns I.A. Game as an educational practice: A phenomenological and hermeneutic aspect	187
Пилюшенко А.В. Гендерный фактор в спорте: маскулинность/феминность ценностей спорта как социального института	193
Pilyushenko A.V. Gender factor in sports: Masculinity/femininity of values of sports as a social institution	193
Хитрук Е.Б. «Случайно ли умер Фред?»: наука между теизмом и натурализмом	200
Khitruck E.B. "Was Fred's death accidental?": Science between theism and naturalism	200
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
Басина П.А., Дунаева Д.О., Саркисова А.Ю. «Валидация моделей машинного обучения для автоматизированного определения тональности русскоязычных текстов	206
Basina P.A., Dunaeva D.O., Sarkisova A.Yu. Validation of machine learning models for automated sentiment determination of Russian-language texts	206
Забокрицкая Л.Д., Орешкина Т.А., Обабков И.Н., Чепуров Е.Г. Применение алгоритма машинного обучения для профориентации абитуриентов высшего учебного заведения	217
Zabokritskaya L.D., Oreshkina T.A., Obabkov I.N., Chepurov E.G. Application of machine learning algorithm for career guidance of university applicants	217
Таран Е.А., Маланина В.А., Клемашева Е.И. Самооценка здоровья среди пожилых людей Томской области	226
Taran E.A., Malanina V.A., Klemasheva E.I. Self-perceived health among older adults in Tomsk Oblast	226
ПРАВО	
Алексеева Т.А., Юань В.Л. Использование психологического анализа устной речи и биографического метода в изучении личности	233
Alekseeva T.A., Yuan V.L. The use of psychological analysis of oral speech and the biographical method in the study of personality	233
Котляр И.А. Некоторые проблемы использования сетевой формы реализации образовательных программ в образовательных организациях высшего образования	240
Kotlyar I.A. Some problems of using the network form of educational programs' implementation in educational institutions of higher education	240
PHILOSOPHY	
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	
LAW	

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.581
doi: 10.17223/15617793/485/1

Жаргонное обозначение цифр в китайском языке

Людмила Львовна Банкова¹

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, lwittsa@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются жаргонные лексические аналоги китайских цифр. Проводится анализ механизмов и способов их образования. Для последних предложена авторская классификация, построенная на основе деления по графическому и фонетическому принципам, а также согласно конвенциональной обусловленности. В свете лингвосемиотического подхода описывается процесс семиозиса жаргонно-арготического обозначения цифр. Проанализирована взаимосвязь знакозамениителей цифр и сфер деятельности употребляющих их языковых субъектов.

Ключевые слова: китайский язык, китайский жаргон, лингвосемиотика, семиозис, цифра

Для цитирования: Банкова Л.Л. Жаргонное обозначение цифр в китайском языке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/485/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/1

Jargon names of Chinese numerals

Liudmila L. Bankova¹

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation, lwittsa@yandex.ru*

Abstract. The aim of the research described in the article is to address jargon numerals of the Chinese language that representatives of certain communities use for clandestine and facilitation purposes. The article analyses the ways and mechanisms of how jargon equivalents of numerals are formed and provides scrutiny, as well as a classification (including the one developed by the author). Moreover, the article studies the interdependence between the numeral substitutes and the realm of activities of their users. Over 70 sets of jargon numbers have been analysed. The work examines all present-day achievements in studies of jargon names of numerals that are currently available in Chinese linguistics and are the result of structural research. The author considers this vocabulary from the point of view of a linguistic semiotic approach and uses Charles Morris's semiotic model. When numerals are represented by jargon, the functioning of the sign is as follows. The bearer of the sign is a jargon numeral that points to a certain number (the designatum). Depending on whether the interpreter possesses the necessary cultural knowledge, s/he is (or is not) subjected to influence, which results in making a connection between the bearer of the sign and the designatum. The article accumulates and analyses a great number of ways that are used to build jargon vocabulary. The classification of all registered ways is based on their division according to their graphic and phonetic forms, as well as in accordance with their conventional predicament, thus resulting in three groups. The first group includes the vocabulary which is based on the graphic principle, the second group on the phonetic principle, the third group on the conventional predicament determining the choice of the sign substitute. The analysis of the empiric material allowed the author to single out the peculiarities attributable to jargon numerals. Firstly, the sign substitutes are of a universal character of when one and the same sign substitute may be used in several sets of numerals (hence, in several professional communities). Secondly, jargon numerals are characterized by multifunctionality as one and the same sign substitute may denote several different numerals. Thirdly, sign substitutes of numbers (numerals) generally refer to ordinal nonspecific vocabulary, primarily of neutral axiological connotation. This is due to the need to make it easy for semiosis participants to remember them and to avoid attracting the attention of outsiders to the communicative process.

Keywords: Chinese language, Chinese jargon, linguistic semiotics, semiosis, numeral

For citation: Bankova, L.L. (2022) Jargon names of Chinese numerals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/1

Введение

В Китае представители некоторых профессиональных сообществ используют особые жаргонно-арготические лексические средства в конспиративных целях, которые называются 秘密语 ‘секретный язык’ или 黑话 ‘темная речь’, а также 行话 ‘профессионализмы’, 市语 ‘жаргон торговцев; базарное аргот’, 春点 ‘незаметные знаки деятельности’, 切口 ‘профессиональное аргот’ (здесь и далее перевод наш. – Л.Б.) [1. С. 37]¹. Это лингвистическое явление можно наблюдать среди торговцев-лоточников, продавцов шелка и атласа, торговцев зерном, антикваров, в банковском деле, фармации, на ткацких мануфактурах и т.п. [5. С. 43; 6. С. 61; 7. С. 78].

Обширную область в этой сфере представляет обозначение цифр. Подобного рода жаргонная лексика по-китайски называется 数字隐语 ‘цифры на жаргоне’.

Основной функцией жаргонного обозначения цифр является конспиративная (криптоаллическая). Кроме того, благодаря облегчению процесса коммуникации между представителями одной отрасли [8. С. 59], цифры на жаргоне могут выполнять фасилитативную функцию.

Любая цифра может иметь жаргонный лексический аналог. При этом в той или иной отрасли может существовать собственный набор жаргонных цифр, отличающийся (полностью или частично) от жаргонных цифр другой сферы деятельности. Лю Чжунфу (刘中富) пишет, что «в секретном языке, на жаргоне способ выражения соответствующих цифр может довольно характерно отражать специфику лексики данной сферы» [9. С. 5]. По мнению Пэн Юхана, «жаргон представляет собой замаскированный язык, искусственно созданный и состоящий из специальных языковых знаков на основе естественного языка. Между жаргоном и обычным языком имеются некие связи, которые расшифровывают “секреты” жаргона» [10. С. 126].

Настоящая статья нацелена на рассмотрение жаргонных цифр в китайском языке, для чего в ней приводится анализ механизмов и способов образования последних с последующим классификационным рассмотрением (в том числе авторским). Кроме того, проанализирована взаимосвязь знаковозаменителей цифр и сфер деятельности употребляющих их языковых субъектов, что составляет вклад автора в развитие данной темы. Несмотря на то, что в исследованиях китайских ученых подробно описаны способы и механизмы образования жаргонных цифр, в отечественной науке о языке данный вопрос представляет лакунарную область. Этот факт, а также интерпретация автором полученных данных с точки зрения процесса семиозиса в рамках лингвосемиотического подхода, не применяемого ранее к данной проблематике лингвистами Поднебесной, делают настоящую работу актуальной.

Материалом исследования послужили данные из таких лексикографических источников, как «Большой словарь аргот» (《切口大词典》) У Ханьчи (吴汉痴) [11] и

«Словарь секретных выражений на сленге» (《俚语隐语行话词典》) Цюй Яньбиня (曲彦斌) [12]. Кроме того, рассматривались таблицы комплектов цифр на жаргоне из различных сфер деятельности, приводимые Пэн Юханом [10. С. 125–126], а также данные из работ китайских лингвистов [7–10; 13; 14]. Всего анализу были подвергнуты более 70 комплектов цифр.

Используемый в нашем исследовании эмпирический материал представляет собой преимущественно вышедшие из употребления комплекты цифр на жаргоне. Вот как этот факт объясняют Чжоу Жиань и Лянь Цзе (周曰安 廉洁): «Сохранность современных коммерческих тайн базируется на высоких технологиях, чья способность обеспечить секретность гораздо превосходит традиционные цифры на жаргоне. Поэтому последние крайне редко используются в современной коммерческой среде. Однако в ныншнем обществе в некоторых подпольных и нелегальных сферах деятельности секретные цифры на жаргоне по-прежнему в употреблении. Например, когда артисты дают концерты или представления “на стороне” без уплаты налогов, они часто используют подобную лексику для обсуждения цены. То же верно и в отношении преступных группировок» [15. С. 52].

Представляется, что тому есть еще одно объяснение: то, что секретно, недоступно лингвистическому анализу. Когда набор цифр перестает выполнять свою конспиративную функцию в результате утраты таинственности, тогда он становится объектом исследования лингвистов. Поэтому мы можем анализировать только устаревшие, вышедшие из употребления комплекты, а не современные.

Методология исследования

Все имеющиеся достижения в области изучения жаргонного обозначения цифр в китайском языкознании являются результатами работы в структурном направлении. В своей работе мы будем рассматривать эту лексику с лингвосемиотического ракурса.

В настоящем исследовании в рамках лингвосемиотического подхода применена модель семиозиса (процесса функционирования знака), предложенная Ч. Моррисом. В ней он выделяет четыре фактора: (1) то, что выступает как знак (знаковое средство, или знаконоситель/sign vehicle); (2) то, на что указывает знак (десигнат/designatum); (3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком (интерпретанта/interpretant); (4) интерпретатор/interpreter [16. С. 47].

В случае жаргонно-арготического обозначения цифр процесс семиозиса выглядит следующим образом. Знаконосителем выступает цифра на жаргоне, которая указывает на некое число (десигнат). В зависимости от того, обладает ли интерпретатор соответствующими культурологическими знаниями, на него происходит или не происходит воздействие, в результате которого он устанавливает связь между знаконосителем и десигнатом.

История вопроса

Самая ранняя фиксация цифр на жаргоне датирована периодом правления династии Сун в произведении «Руководство по игре в ножной мяч. Витиеватые выражения клуба ножного мяча при династии Сун» (《蹴鞠谱·圆社集》²). Там представлено два комплекта лексических вариантов цифр на жаргоне от одного до десяти [8. С. 58; 13. С. 50]. Еще один список жаргонизмов периода династии Сун приведен в восьмом томе «Цитаньшию» (《缙绅集》) «Продолжение Шилиньгуанци» (《事林广记续集》) Чэнь Юаньляна (陈元靓). Это первый китайский специальный сборник с классификацией жаргонно-арготической лексики. В период династии Мин зафиксировано несколько комплектов цифр на жаргоне в произведении «Путешествие по озеру Сиху» (《西湖游览志余》) [10. С. 124].

Такой лексикографический источник, как «Большой словарь аргю» (《切口大词典》), впервые изданный в 1924 г. и первоначально называвшийся «Большой общенациональный словарь аргю различных кругов общества» (《全国各界切口大词典》), на данный момент представляет собой самое большое собрание жаргонно-арготической лексики, среди которых описано более 40 видов обозначения чисел [11].

Проанализировав результаты исследования жаргонно-арготической лексики, обозначающей цифры, китайскими лингвистами, мы предлагаем условно разделить процесс изучения цифр на жаргоне на два периода: до 2005 г. и после этой даты. Первый период характеризуется простым перечислением и описанием способов образования цифр на жаргоне без их классифицирования. Этому вопросу посвятили свои статьи Фэн Вэньсю («Таинственный язык жаргонного обозначения цифр» (《神秘的名词数字隐语》, 1996) и Пэн Юхан («Анализ китайских цифр на жаргоне» (《中国数字隐语试析》, 2000; «Разнообразные цифры на жаргоне» (《五光十色的数字隐语》, 2000). Описание способов образования жаргонных цифр, представленное Фэн Вэньсю, является более полным и детализированным.

Что касается второго периода изучения жаргонно-арготической лексики, обозначающей цифры, то в 2005 г. была опубликована статья Люй Юнцзиня «Способы выражения цифр на жаргоне в китайском языке» (《汉语隐语生活中的数字表示法》), в которой он представил наиболее полную на данный момент классификацию рассматриваемого пласта лексики. В своей работе Люй Юнцзинь опирался на классификацию жаргонно-арготической лексики авторства Лю Чжунфу (монография «Секретный язык» (《秘密语》, 1998), которую он значительно дополнил. Затем важной вехой в исследовании жаргонизмов, в том числе и цифр на жаргоне, является докторская диссертация Шао Яньмэй (邵燕梅) «Исследование современной китайской коммерческой жаргонно-арготической лексики» (《现代汉语商业隐语研究》). Опираясь не только на данные словарей, но и на материалы, полученные в ходе полевых исследований, автор посвящает целую главу описанию взаимосвязи образования знакозаместителей и культурно-социального фона, а также рассмотрению способов образования цифр на жаргоне [11].

Ход исследования

1. Способы образования цифр на жаргоне.

Жаргонно-арготическая лексика, обозначающая цифры, подчиняется особым регулярным законам образования, которые представлены ниже следующими способами.

Способ 1. Внешнее сходство цифры и некоего предмета, в результате чего наименование этого предмета используется в качестве знакозаместителя (形象法 или 字形法)³. Например, 扁担 ‘коромысло’ (一 ‘один’); 筷子 ‘палочки для еды’ (二 ‘два’); 撑脚架 ‘откидная подножка (напр., велосипеда)’ (三 ‘три’); 耙头数 ‘волокающий грунтоприемник с четырьмя зубцами’ (四 ‘четыре’); 抓老子 ‘хваталка’ (五 ‘пять’); 两头翘 ‘двустороннее оперение’ (六 ‘шесть’); 小弯钩 ‘маленький крючок’ (七 ‘семь’); 眉毛数 ‘цифра-брови’ (八 ‘восемь’); 大弯钩 ‘большой крюк’ (九 ‘девять’) [6. С. 61; 8; 10; 13; 15. С. 51].

Способ 2. Использование знакозаместителя, графический облик которого представляет собой ключ или графему⁴ знаконосителя (笔画 или 偏旁法). В качестве примера приведем иероглифы 士 ‘ученый; солдат’, 贝 ‘раковина’, 毛 ‘волосы; шерсть’, 长 ‘начальник’, 仨 ‘трое’, 耳 ‘ухо’, 术 ‘искусство’, 另 ‘другой’, 王 ‘император, государь, монарх’, 合 ‘пара, коробка’, которые используются для замещения цифр с одного до девяти соответственно на том основании, что они представляют ключи или графемы (иногда в упрощенном виде) цифр-иероглифов формального комплекта (壹 ‘один’, 貳 ‘два’, 参 ‘три’, 肆 ‘четыре’, 伍 ‘пять’, 陆 ‘шесть’, 柒 ‘семь’, 捌 ‘восемь’, 玖 ‘девять’, 拾 ‘десять’)⁵ [8; 10; 13; 19. С. 60–61].

Способ 3. Обозначение знаконосителя на основе количества черт в иероглифе-знакозаместителе (笔画法). В качестве примера приведем комплект цифр на жаргоне из среды работников некоей ткацкой мануфактуры: 主 ‘господин’ (一 ‘один’); 丁 ‘взрослый работник; совершеннолетний мужчина’ (二 ‘два’); 丈 ‘китайская мера длины чжан; почтенный человек’ (三 ‘три’); 心 ‘сердце’ (四 ‘четыре’); 禾 ‘злак; колос’ (五 ‘пять’); 竹 ‘бамбук’ (六 ‘шесть’); 见 ‘видеть; взгляд; мнение’ (七 ‘семь’); 金 ‘золото; деньги; металл’ (八 ‘восемь’); 页 ‘лист; страница’ (九 ‘девять’); 马 ‘лошадь’ (十 ‘десять’) [7].

Способ 4. Обозначение знаконосителя на основе количества горизонтальных черт в иероглифе-знакозаместителе. Во времена династии Цин в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) в магазинах подержанного платья использовался следующий комплект: 大 ‘большой’ (一 ‘один’); 土 ‘земля’ (二 ‘два’); 田 ‘поле’ (三 ‘три’); 东/东 ‘восток’ (四 ‘четыре’); 里 ‘мера длины ли; внутренняя сторона’ (五 ‘пять’); 春 ‘весна’ (六 ‘шесть’); 轩 ‘колесница’ (七 ‘семь’); 书 ‘книга’ (八 ‘восемь’); 藉 ‘подстилка’ (九 ‘девять’) [15. С. 51].

Способ 5. Обозначение знаконосителя на основе количества выступающих элементов в графическом облике иероглифа-знакозаместителя (以某字笔画出头数的多少来作数字的隐语): 由 ‘исток, происхождение; причина’ (一 ‘один’); 中 ‘середина’ (二 ‘два’); 山 ‘гора’ (三 ‘три’); 工 ‘работа’ (四 ‘четыре’); 大

‘большой’ (五 ‘пять’); 王 ‘император, государь, монарх’ (六 ‘шесть’); 夫 ‘муж; мужчина; сановник’ (七 ‘семь’); 井 ‘колодец’ (八 ‘восемь’); 羊 ‘баран; овца; коза’ (九 ‘девять’); 非 ‘ложь; зло’ (十 ‘десять’) [15. С. 51].

Способ 6. Иероглиф-знаконоситель «спрятан» в иероглифе-знакозаменителе, и в процессе семиозиса интерпретатор разгадывает ребус (藏字法 или 猜谜法). Например, в иероглифах 旦 ‘утро; рассвет’ и 平 ‘ровный’ «спрятана» цифра 一 ‘один’; в иероглифах 竹 ‘бамбук’, 月 ‘месяц’, 介 ‘броня’, 刚 ‘твердый’ «скрывается» цифра 二 ‘два’; иероглифы 春 ‘весна’, 汪 ‘водоём’, 川 ‘река» содержат цифру 三 ‘три’. В качестве примера применения данного способа можно привести комплект цифр на жаргоне, используемый в эпоху династий Мин и Цин продавцами изделий из нефрита: 旦 ‘утро; рассвет’ (一 ‘один’); 竺 ‘бамбук; Индия’ (二 ‘два’); 清 ‘светлый’ (三 ‘три’); 罢 ‘прекращать(ся)’ (四 ‘четыре’); 语 ‘речь; язык’ (五 ‘пять’); 交 ‘отношения; связи’ (六 ‘шесть’); 皂 ‘мыло’ (七 ‘семь’); 未 ‘вэй (восьмой циклический знак в комплексе Земные ветви)’ (八 ‘восемь’); 丸 ‘шарик; пилюля’ (九 ‘девять’); 章 ‘глава; статья’ (十 ‘десять’) [6. С. 61; 8; 10; 12. С. 68; 13].

Способ 7. Знакозаменитель представляет собой описание некоего иероглифа, показывающее, как в результате опущения в выбранном иероглифе некой части получается знаконоситель (拆字法). Примеры из «Цитаньшиюй» (《 缙炎市语 》): 丁不勾 ‘иероглиф 丁 без элемента 勾 (一 ‘один’); 示不小 ‘иероглиф 示 без элемента 小 (二 ‘два’); 吾不口 ‘иероглиф 吾 без элемента 口 (五 ‘пять’); 皂不白 ‘иероглиф 皂 без элемента 白 (七 ‘семь’); 针不金 ‘иероглиф 针 без элемента 金 (十 ‘десять’); 断大 ‘переломленный иероглиф 大 (六 ‘шесть’); 交不义 ‘иероглиф 交 без элемента 义 (六 ‘шесть’); 分不刀 ‘иероглиф 分 без элемента 刀 (八 ‘восемь’) и т.п. [6. С. 61; 15. С. 51].

Способ 8. Знакозаменитель представляет собой вербальное описание жестов пальцев рук, используемых для обозначения цифр (手势描写法). В Тяньцзине в конце династии Цин в ломбардах использовался следующий комплект на основе данного способа: 道子 ‘черта, линия’ (一 ‘один’); 眼镜 ‘очки’ (二 ‘два’); 烱眼 ‘глазок печи’ (三 ‘три’); 叉子 ‘вилка’ (四 ‘четыре’); 一挝 ‘бить, колотить’ (五 ‘пять’); 羊角 ‘бараньи рога’ (六 ‘шесть’); 镊子 ‘щипцы’ (七 ‘семь’); 扒勺 ‘черпак’ (八 ‘восемь’); 钩子 ‘крюк’ (九 ‘девять’); 拳头 ‘кулак’ (十 ‘десять’) [20].

Способ 9. Фонетическое сходство цифры и первого иероглифа в устойчивом выражении⁸, в результате которого он выступает в качестве знакозаменителя при произнесении всей фразы (谐音法). Пэн Юхан иллюстрирует данный способ примерами из произведения «Путешествие по озеру Сиху» (《 西湖游览志余 》) времен династии Мин: 忆多娇 ‘воспоминания о красавице’ (一 ‘один’); 耳边风 ‘пролетающий мимо ушей ветер’ (二 ‘два’); 散秋香 ‘распустившиеся хризантемы’ (三 ‘три’); 思乡马 ‘тоскующий по родине конь’ (四 ‘четыре’); 误挂期 ‘опаздывать на свидание’ (五 ‘пять’); 柳摇金 ‘ива качает золотой листвою’ (六 ‘шесть’); 砌花台 ‘разбивать клумбу’ (七 ‘семь’); 霸凌桥 ‘Балинский мост’ (八 ‘восемь’); 救清郎 ‘спасать возлюбленного’ (九 ‘девять’); 舍利子 ‘Шари-путра’ (十 ‘десять’) [10. С. 127; 15. С. 52].

В последние годы династии Цин в городском округе Янчжоу провинции Цзянсу в мелких частных банкирских конторах использовались комплекты цифр на жаргоне, образованные с помощью рассматриваемого способа: 夜明珠 ‘лучистый жемчуг’ (一 ‘один’); 耳边风 ‘пролетающий мимо ушей ветер’ (二 ‘два’); 散花 ‘осыпать цветами’ (三 ‘три’); 狮子猫 ‘сиамская кошка’ (四 ‘четыре’); 乌梅果 ‘чернослив’ (五 ‘пять’); 隆冬 ‘глубокая зима’ (六 ‘шесть’); 棋盘 ‘шахматная доска’ (七 ‘семь’); 斑毛 ‘пестрая шерсть’ (八 ‘восемь’); 舅子 ‘шурин’ (九 ‘девять’); 省油灯 ‘экономящий масло светильник’ (十 ‘десять’) [8, 10, 13].

Способ 10. Совмещение инициали первого иероглифа с финалью второго иероглифа в словосочетании-знакозаменителе, в результате чего получается прочтение знаконосителя (反切法): 欲记 yù jì ‘стремиться записать, запомнить’ (一 ‘один’); 饶记 ráo jì ‘многочисленные записи’ (二 ‘два’); 烧山 shāo shān ‘выжигать склоны гор’ (三 ‘три’); 素之 sù zhī ‘из некрашеного шелка’ (四 ‘четыре’); 落鸞 luò du ‘падшие и преданные’ (六 ‘шесть’); 徐 xú ‘медленный’⁹ (七 ‘семь’); 博氏 bó shì ‘в названиях рыб’ (八 ‘восемь’); 觉尤 jué yóu ‘ощущать (за собой) вину’ (九 ‘девять’); 拆 chāi ‘разбирать, мера длины пядь’ (十 ‘десять’) [7. С. 80–81].

Способ 11. Сходство инициалей цифры и замещающей ее лексемы (знакозаменителя) (双声法): 摇 yáo ‘качать, трясти’ (一 yī/yāo ‘один’); 搜 sōu/shǎo ‘искать’ (三 sān ‘три’); 臊 sāo/sào ‘зловонный’ (四 sì ‘четыре’); 外 wài ‘внешний’ (五 wǔ ‘пять’); 柳 liǔ ‘ива плакучая’ (六 liù ‘шесть’); 俏 qiào ‘остроумие; изящный’ (七 qī ‘семь’); 奔 bēn/bèn ‘мчаться’ (八 bā ‘восемь’); 脚 jiǎo ‘нога’ (九 jiǔ ‘девять’); 杓 sháo ‘ковш’ (十 shí ‘десять’).

Способ 12. Замена цифр на знакозаменитель, представляющий собой общепонятную в данной отрасли или сфере деятельности лексику (借代法 или 行话法). Например, в области металлообработки цифры соответствуют цветам: 棕 ‘бу́ро-коричневый’ (一 ‘один’); 红 ‘красный’ (二 ‘два’); 橙 ‘оранжевый’ (三 ‘три’); 黄 ‘жёлтый’ (四 ‘четыре’); 蓝 ‘синий’ (五 ‘пять’); 紫 zǐ ‘фиолетовый’ (六 ‘шесть’); 灰 ‘серый’ (七 ‘семь’); 白 ‘белый’ (八 ‘восемь’); 黑 ‘чёрный’ (九 ‘девять’).

Также данный способ образования цифр на жаргоне можно проиллюстрировать примерами из области фармакологии: 恙 ‘недомогание’ (一 ‘один’); 独 ‘индивидуальный’ (二 ‘два’); 前 ‘передний’ (三 ‘три’); 柴 ‘иссохший; нежирный’ (四 ‘четыре’); 梗 ‘стебель’ (五 ‘пять’); 参 ‘женьшень’ (六 ‘шесть’); 苓 ‘лотос’ (七 ‘семь’); 壳 ‘кора, панцирь’ (八 ‘восемь’); 草 ‘трава’ (九 ‘девять’); 芎 ‘вид трав’ (十 ‘десять’) [8, 10, 13].

Способ 13. Опущение начального или заключительного иероглифа в устойчивом выражении, являющегося знакозаменителем (歇后语法, 歇前语法). При употреблении данного способа интерпретатор должен восстановить знакозаменитель, который не называется.

1. При опущении **первого** иероглифа в чэньюе, означающего цифру, происходит упоминание только последних трех элементов (歇前, или 缩头隐): (一) 江风 ‘ветер на реке’; (二) 郎神 ‘божество Эрлан-шэнь’; (三) 学士 ‘ученый трех типов школ’; (四) 朝元 ‘четыре рода аудиенций князей и вассалов с целью поздравления императора по случаю Нового года’; (五) 供养 ‘пять

предметов жертвоприношения»; (六么令 'Люэмэлинь (название песни в придворной школе искусств династии Тан)'); (七娘子 'семь молодых женщин'); (八声甘州 'восемь тонов Ганьчжоу'); (九菊花 'девять хризантем'); (十段锦 'десять отрезков парчи'.

2. При опущении **последнего** иероглифа в чэньюэ, являющегося знакозамениателем, происходит упоминание только первых трех элементов фразеологической единицы (歇后 или 缩脚隐). При этом опускаемый элемент может быть омофоном знаконосителя, обозначаясь другим иероглифом с другим тоном: 大年初一 (一) 'первый день нового года по лунному календарю'; 桃园结义¹⁰ 'дать клятву верности в персиковом саду'; 东倒西歪 'находиться в беспорядке'; 不三不四 'сомнительный'; 自念自(唔) 'делать два взаимоисключающих дела одновременно (букв. сам читает вслух, сам издает звуки чтения про себя)'; 呼么喝六 'кричать на всех подряд'; 形式逻辑 'формальная логика'; 搭七搭八 'точить ляды'; 十中八九 'близко к желаемому'; 紧牢固实 'прочный'. [6. С. 61; 8; 10; 13; 15. С. 52; 21; 22. С. 68–69]

Способ 14. Использование строк из древних стихов, заголовков древних текстов в качестве знакозамениателей (次字借用法). Например, в строчке из древнего стиха 鸟宿池边树 僧敲月下门 'Птица живет на дереве возле пруда, при лунном свете монах стучится в ворота' каждый иероглиф обозначает цифру соответственно занимаемому им в строке месту: 鸟 (一 'один'); 宿 (二 'два'); 池 (三 'три'); 边 (四 'четыре'); 树 (五 'пять'); 僧 (六 'шесть'); 敲 (七 'семь'); 月 (八 'восемь'); 下 (九 'девять'); 门 (十 'десять').

Также в качестве примера можно привести названия глав, расположенные по порядку в произведении «Суждения и беседы» (《论语》), каждая из которых замещает цифру согласно порядку своего расположения: 学而 'Учиться и...' (一 'один'); 为政 'Осуществлять правление...' (二 'два'); 八佾 'Восемь рядов...' (三 'три'); 里仁 'Община и человеколюбие...' (四 'четыре'); 公冶长 'Гунъе Чан...' (五 'пять'); 雍也 'Что касается Юна...' (六 'шесть'); 述而 'Я передаю...' (七 'семь'); 泰伯 'Тай Бо...' (八 'восемь'); 子罕 'Учитель редко...' (九 'девять')¹¹ [8, 10, 13].

Способ 15. Использование циклических символов Земные ветви (地支) в качестве знакозамениателей цифр. В таком состоящем из двух иероглифов знакозамениателе акцент делается на втором элементе, представляющем один из символов Земных ветвей¹² (что и отражено в переводе), в то время как первый элемент выполняет криптоаллигическую функцию. 流寅 'первый месяц по лунному календарю' (一 'один'); 月卯 'второй месяц по лунному календарю' (二 'два'); 汪辰 'третий месяц по лунному календарю' (三 'три'); 执巳 'четвертый месяц по лунному календарю' (四 'четыре'); 中巳¹³ 'пятый месяц по лунному календарю' (五 'пять'); 人未 'шестой месяц по лунному календарю' (六 'шесть'); 辛申 'седьмой месяц по лунному календарю' (七 'семь'); 卯酉 'восьмой месяц по лунному календарю' (八 'восемь'); 受戌 'девятый месяц по лунному календарю' (九 'девять'); 流戌 'десятый месяц по лунному календарю' (十 'десять') [8, 10, 13]. Кроме того, выбор знакозамениателей может также быть обуслов-

лен омофонией: 巳 sì и 四 sì 'четыре'; 午 wǔ (马 mǎ) и 五 wǔ 'пять', поскольку перечисление символов Земных ветвей начинается с третьего и кончается двенадцатым, а первые два (子 и 丑) не упоминаются.

2. Классификация способов образования цифр на жаргоне

Все вышеприведенное является всего лишь перечислением способов образования знакозамениателей цифр на жаргоне. Одну из первых попыток классифицировать эти способы на основе уже имеющихся наработок [9, 24] предпринял Люй Юнцзинь. Он взял за основу трехпозиционную классификацию Лю Чжунфу (刘中富), в которой группы выделены по типу выражения: знакозамениатели в форме слов и словосочетаний (词语形式的秘密语); знакозамениатели в форме предложений и фраз (句子形式的秘密语); звуковое изменение, фонетическое изменение (音变形式的秘密) [9. С. 32]. Люй Юнцзинь дополнил классификацию Лю Чжунфу и сопроводил ее примерами, в результате чего она приобрела следующий вид.

1. Знакозамениатели в форме слов и словосочетаний.

1. Знакозамениатель представляет собой описание формы иероглифа-знаконосителя (汉字字形描写法) (способ 1)¹⁴.

2. Знакозамениатель является конвенционально обусловленной лексемой (借词赋义法). К этой группе относится лексика, имеющая отношение к данной сфере деятельности или общеупотребительная лексика, в том числе имена собственные, например наименования рек и гор (способ 12).

3. Знакозамениатель, являющийся начальным или заключительным иероглифом в устойчивом выражении, опускается. Этот способ представляет собой своеобразные «прятки слова» (藏词表义法) (способ 13).

4. Знакозамениатель представляет собой вербальное описание жестов пальцев рук, используемых для обозначения цифр (手势描写法) (способ 8).

II. Знакозамениатели в форме предложения или фразы.

В данном типе в качестве знакозамениателей используются строки из древних стихов, заголовков древних текстов (способ 14).

III. Создание знакозамениателя на основе графического принципа.

1. Создание знакозамениателя происходит на основе особенностей его графического облика, заключающихся в том, что:

а) количество черт в иероглифе-знакозамениателе обозначает цифру (способ 3);

б) выбор знакозамениателя происходит на основе взаимосвязи количества форм черт и цифры. Например, сколько горизонтальных черт в иероглифе-знакозамениателе, такую цифру он и обозначает (способ 4). Или другой пример комплектов знакозамениателей, базирующийся на количестве выступающих элементов в иероглифе-знакозамениателе (способ 5).

2. Иероглиф-знаконоситель «прячется» иероглифе-знакозамениателе (藏字法) (способ 6).

3. Графический облик знакозамениателя представляет собой ключ или графему знаконосителя (способ 2).

IV. Создание знакозаменителя на основе фонетического принципа.

1. Совмещение инициали первого иероглифа с финалью второго иероглифа в словосочетании-знакозаменителе, в результате чего получается прочтение закононосителя (反切式) (способ 10).

2. Фонетическое изменение (音变式) (способ 11).

3. Омофония (谐音式). В этом способе закононоситель заменяется фразой, первый иероглиф в которой ему омофоничен (способ 9).

V. Комбинирование различных способов.

Примером может служить комплект знакозаменителей цифр на жаргоне некой преступной группировки:

留 'оставаться' (一 'один'). Знакозаменитель передает смысл «все потеряно, осталось что-то одно». Знакозаменитель представляет собой общепонятную в данной отрасли или сфере деятельности лексику.

月 'месяц, луна' (二 'два'). В середине иероглифа 月 «прячется» иероглиф 二 'два'.

汪 'водоем, пруд' (三 'три'). На закононоситель указывает ключ вода в знакозаменителе.

者 'суффикс существительных' (四 'четыре'). Знакозаменитель основан на аналогии с фразами 二者必居其一 'одно из двух' и 三者必居其一 'одно из трех', где после 二 'два' и 三 'три' идет 四 'четыре'. Использован способ опущения первого элемента.

中 'центр, середина' (五 'пять'). Знакозаменитель занимает пятое место в списке 东 'восток' 西 'запад' 南 'юг' 北 'север' 中 'центр, середина'. Применен способ создания знакозаменителя в форме предложения или фразы.

神 'дух' (六 'шесть'). Шесть жизненно важных органов (сердце, легкие, печень, почки, селезенка, желчный пузырь) называются 六神. Использован способ опущения первого элемента.

星 'звезда' (七 'семь'). В созвездии Большая Медведица всего семь звезд. Задействован способ конвенциональной замены.

张 'начальник' (八 'восемь'). Изображение на пальцах цифры восемь схоже с жестом показывающим, что что-то открыто. Использован способ вербального описания жестов с помощью пальцев, используемых для обозначения цифр.

爱 'любить' (九 'девять'). Интерпретаторы закононосителя (члены преступной группировки) любят вино (酒). В данном случае применена омофония.

是 'быть, являться' (十 'десять'). С помощью омофонии обозначает достаток, полноту [7. С. 81].

Недостатком разработанной Люй Юнцзином классификации цифр на жаргоне является смешение классификационных оснований. В ней перемешаны классификация морфологическая (анализ количества иероглифов в знакозаменителе) и структурная (анализ графического и фонетического облика). Представляется, что классифицировать данную лексику с точки зрения количества иероглифов в знакозаменителе следует отдельно.

Шао Яньмэй (邵燕梅) разделяет способы образования цифр на жаргоне на пять групп: на основе фонетического сходства закононосителя и знакозаменителя (语音造词法); на основе графического сходства законо-

носителя и знакозаменителя (文字造词法); с помощью опущения той части в знакозаменителе, которая указывает на закононоситель (截取造词法); на основе указания смысла знакозаменителя на закононоситель (意义造词法), на основе конвенционального обозначения знакозаменителем закононосителя, базирующегося на культурных данных (文化任意指代造词法) [14]. Положительным моментом данной классификации является отсутствие смешения классификационных оснований.

Результаты исследования

Мы предлагаем свое видение классификационного деления изучаемой лексики, в основу которого положен функционально-структурный подход. Эта трехпозиционная классификация близка к варианту, предложенному Шао Яньмэй (邵燕梅). Разница заключается в том, что три последние группы в ее пятипозиционной классификации в нашем случае объединены в одну. Данное решение объясняется тем, что закононоситель невозможно вычислить или угадать (как в других группах), его нужно знать. Кроме того, общим для всех этих способов является не графический или фонетический облик закононосителя (в нашем случае цифры), а смысловая корреляция закононосителя и знакозаменителя, обусловленная предварительной договоренностью участниками процесса семиозиса. В результате все способы образования цифр на жаргоне можно разделить на три группы.

1. В **первую** группу входят все способы, в основе которых лежит графический принцип (способы 1–8). Их можно разделить на три подгруппы, которые отличаются тем, что:

- цифра-знаконоситель зависит от количества тех или иных графических элементов в иероглифе-знакозаменителе (способы 3–5);

- в графическом облике иероглифа-знакозаменителя присутствует закононоситель в виде ключа (способ 2) или графемы (способ 6);

- графический облик цифры-знаконосителя описывается знакозаменителем, состоящим из двух-трех иероглифов (способы 1, 7, 8).

2. Во **вторую** группу входят все способы, в основе которых лежит фонетический принцип (способы 9–11).

3. **Третья** группа способов характеризуется конвенциональной обусловленностью при выборе знакозаменителя (способы 12–15).

Взаимосвязь жаргонных цифр и профессий

В результате анализа эмпирического материала с целью выявления взаимосвязи знакозаменителей цифр и сфер деятельности были получены следующие выводы.

1. Среди знакозаменителей, состоящих из одного иероглифа, очень распространено явление, когда один и тот же иероглиф может обозначать разные цифры в разных комплектах. Например, иероглиф 人 'человек' замещает цифры *один* (у даосских монахов), *два* (в комиссионных магазинах), *три* (у старьевщиков),

пять (в лавках по продаже кипятка, предприятиях торговли шёлком-сырцом, медных рядах). Иероглиф 边 ‘край, граница’ встречается в функции замещения цифр четыре (в рисовых лавках), восемь (в сфере культивирования коконов шелковичного червя), девять (в зерновой отрасли, хлопковых лавках). Иероглиф 寸 ‘цунь’ зафиксирован в качестве знакозамени-теля цифр три (в ювелирных магазинах), семь (в ком-миссионных магазинах), восемь (в сфере перепродажи крупного рогатого скота). Иероглиф 欠 ‘быть в долгу’ встречается в качестве цифр девять (у оклейщиков картин, в бобово-злаковой отрасли, рисовых лавках) и десять (в зерновой отрасли, хлопковых лавках). Иероглиф 加 ‘добавлять’ замещает цифры один (в сфере перепродажи крупного рогатого скота) и де-сять (у лакировщиков). То же самое верно и в отно-шении иероглифа 席 ‘циновка’ (в зерновой и бобово-злаковой отраслях).

2. Из предыдущего наблюдения следует другой вывод: многие иероглифы являются знакозамени-телями одних и тех же цифр в разных комплектах. Сре-ди них имеется одно исключение: иероглиф 川 ‘река, поток’ обозначает только цифру три и никакую дру-гую (в комплектах цифр на жаргоне бобово-злаковой отрасли, зерновой отрасли, хлопковых лавках, среди лакировщиков).

3. Иногда комплекты частично дублируют друг друга. Так, комплекты цифр-знакозамени-телей в ря-дах, торгующих морской рыбой, и рядах, торгующих свежей рыбой, различаются только двумя последними цифрами: 了 liǎo ‘заканчивать’ (一 ‘один’); 足 ‘нога’ (二 ‘два’); 南 ‘юг’ (三 ‘три’); 宽 ‘ширина’ (四 ‘четыре’); 如 ‘уподобляться’ (五 ‘пять’); 满 ‘полный’ (六 ‘шесть’); 青 ‘яркий’ (七 ‘семь’); 法 ‘закон’ (八 ‘восемь’); 丁 ‘взрос-лый работник; совершеннолетний мужчина’ / 底 ‘дно’ (九 ‘девять’); 料 ‘сырье’ / 色 ‘цвет’ (十 ‘десять’).

В комплектах знакозамени-телей из зерновой от-расли и хлопковых лавках не совпадает только пер-вый иероглиф: 席 ‘циновка’ / 了 liǎo ‘заканчивать’ (一 ‘один’); 败 ‘поражение’ (二 ‘два’); 川 ‘река, поток’ (三 ‘три’); 晓 ‘рассвет’ (四 ‘четыре’); 丸 ‘шарик; пилюля’ (五 ‘пять’); 龙 ‘дракон’ (六 ‘шесть’); 汤 ‘суп’ (七 ‘семь’); 千 ‘тысяча’ (八 ‘восемь’); 边 ‘край, граница’ (九 ‘де-вять’); 欠 ‘быть в долгу’ (十 ‘десять’).

4. Зафиксирован случай, когда в одной и той же отрасли (комиссионного товара) могут использовать-ся два комплекта знакозамени-телей цифр. Один ком-плект имеет следующие составляющие: 口 ‘рот’ (一 ‘один’); 人 ‘человек’ (二 ‘два’); 工 ‘работа’ (三 ‘три’); 比 ‘сравнивать’ (四 ‘четыре’); 才 ‘способности’ (五 ‘пять’); 渭 ‘р. Вэй’ (六 ‘шесть’); 寸 ‘цунь’ (七 ‘семь’); 木 ‘дерево’ (八 ‘восемь’); 金 ‘золото’ (九 ‘девять’); 首 ‘го-лова’ (十 ‘десять’). Другой комплект представлен сле-дующими знакозамени-телями цифр: 逗 ‘оставаться’ (一 ‘один’); 倍 ‘раз, крат’ (二 ‘два’); 母 ‘мать’ (三 ‘три’); 长 ‘начальник’ (四 ‘четыре’); 拐 ‘поворот’ (五 ‘пять’); 土 ‘земля’ (六 ‘шесть’); 兆 ‘предзнаменование’ (七 ‘семь’); 财 ‘богатство’ (八 ‘восемь’); 湾 ‘залив’ (九 ‘девять’). Мы можем лишь предположить, что это как-то связа-но с количеством цифр в комплектах: в первом их десять, во втором – девять.

5. Коннотация знакозаместителей преимуществен-но нейтральная. Встречаются случаи с положитель-ной окраской (吉 ‘счастье; удача; счастливый; удачли-вый’; 利 ‘польза, выгода’; 昌 ‘благоденствующий, про-цветающий’; 肃 ‘почтительный, величавый’; 祥 ‘бла-гоприятный’; 俏 ‘остроумие; изящный’). Реже встре-чаются иероглифы с отрицательной коннотацией (癆 ‘чахотка’, 献丑 ‘уродливый’; 臊 ‘зловонный’). Наблю-даемая аксиологическая пропорция в китайском языке перекликается с имеющимся в русистике мнением об отсутствии у арготизмов пейоративного значения [4. С. 128].

6. Каждый способ образования знакозамени-телей цифр на жаргоне обладает разной степенью конспира-тивности. Например, способ опущения элементов во фразеологизмах, которые, как правило, известны ши-рокому кругу носителей языка, характеризуется самой низкой степенью конспиративности.

7. В некоторых комплектах, преимущественно со знакозамени-телем, состоящим из одного иероглифа, отсутствует знакозамени-тель для цифры десять. Так-же во всех проанализированных комплектах отсут-ствует знак для обозначения нуля. На данный момент достоверная причина этих явлений нам неизвестна. Позволим себе предположить, что это связано с от-сутствием необходимости производить арифметиче-ские действия с жаргонными аналогами цифр.

Заключение

Анализ эмпирического материала позволил выде-лить свойственные цифрам на жаргоне особенности. Они заключаются, во-первых, в универсальности зна-козамени-телей, когда один и тот же знакозамени-тель может быть использован в нескольких комплектах цифр (следовательно, в нескольких профессиональ-ных сообществах). Во-вторых, жаргонным цифрам свойственна многофункциональность, поскольку один и тот же знакозамени-тель может обозначать несколь-ко разных цифр. В-третьих, знакозамени-тели цифр в основном представляют собой обычную неспецифич-ную лексику¹⁵ преимущественно нейтральной аксио-логической окраски в целях облегчения ее запомина-ния участниками процесса семиозиса. Также нейтральная окраска лексемы не привлекает внимание сторонних наблюдателей к процессу коммуникации.

Классификацию всех зафиксированных способов образования цифр на жаргоне мы предлагаем прово-дить, исходя из их деления по графическому и фоне-тическому принципам, а также принципу конвенцио-нальной обусловленности, деля их, таким образом, на три больших группы.

В перспективе исследования жаргонных вариантов цифр предстоит подтвердить или опровергнуть вы-двинутое в настоящей работе предположение о том, почему не у всех комплектов знакозамени-телей цифр на жаргоне есть цифра десять и отсутствует цифра нуль. Также исследовательский интерес вызывают теряющие или недавно потерявшие свою конспира-тивную окраску современные комплекты жаргон-ных цифр.

Примечания

- ¹ Жаргонно-арготическая лексика представляет собой «условные, неофициальные слова и словосочетания, употребляемые в речи отдельных социальных групп» [2. С. 171]. С целью предложения русскоязычных аналогов китайским терминам необходимо выбрать между терминами «жаргон» и «арго». С одной стороны, термин «арго» больше подходит для обозначения изучаемой лексики, чем жаргон, в силу своей большей конспиративности [3. С. 102]. Однако «за термином арго в его традиционном (и общепринятом) понимании тянется семантический шлейф криминальной коммуникации...» [3. С. 103] и он «отождествляется с “воровским” языком» [4. С. 128]. А поскольку в фокусе нашего исследования находится язык не только преступных сообществ, но и других социальных групп, то мы считаем целесообразным использовать термин «жаргон».
- ² У Пэн Юхана в названии этого произведения второй иероглиф не 鞣 ‘кожаный ножной мяч’, а 鞣 с тем же значением (《蹴鞠谱·圆社制诰》) [8. С. 58].
- ³ Здесь и далее в скобках будут приводиться все зафиксированные в ходе исследования термины-названия описываемых способов при их наличии.
- ⁴ О разнице китайских ключей и графем см. [17].
- ⁵ О соотношении обычного (小写) и формального (大写) комплектов китайских цифр см. [18].
- ⁶ Имеется в виду древняя форма иероглифа 主 в виде капли [7. С. 80].
- ⁷ Этот способ Люй Юнцзинь заимствовал у Цюй Яньбиня (曲彦斌) [12. С. 394].
- ⁸ Пэн Юхан указывает, что это фразы, состоящие из трех иероглифов (三子俗语), однако из нижеприведенных примеров видно, что это не всегда так.
- ⁹ Знакозаменители цифр семь и десять образованы другим способом. О комбинированных комплектах подробно рассказано ниже.
- ¹⁰ Диалектное произношение иероглифа 义 совпадает с произношением иероглифа 二.
- ¹¹ Перевод глав дан согласно [23].
- ¹² Примечательно, что символы Земные ветви могут обозначать разный числовой порядок. Это зависит от того, что они обозначают (годы при обозначении лет циклическими знаками или месяцы по лунному календарю). Например, 寅 является третьим циклическим знаком из двенадцати и обозначает цифру три. Однако месяц по лунному календарю он обозначает первый. Все это повышает конспиративные возможности употребления символов данного комплекта.
- ¹³ 马 ‘лошадь’ заменяет циклический знак 午 из комплекта Земных ветвей на том основании, что 午, представляющий пятый месяц по лунному календарю, в обозначении лет циклическими знаками обозначает год Лошади.
- ¹⁴ Поскольку объем статьи не позволяет приводить примеры, здесь и далее будут даны ссылки на номера уже приведенных выше способов с иллюстративным материалом.
- ¹⁵ Исключением являются комплекты цифр на жаргоне, образованные способом замены цифр на знакозаменитель, представляющий собой общепонятную в данной отрасли или сфере деятельности лексику.

Список источников

- 李宇明 析字构词——隐语构词研究 // 语文研究 1995年04期 页码: 37–42. [Li Yǔmíng. Xī zì gòucí – yǐnyǔ gòucífá yánjiū // Yǔwén yánjiū. 1995 nián 04 qī. Yèmǎ: 37–42].
- Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
- Редкозубова Е.А. Терминологическое и сущностное разграничение арго, жаргона и сленга как феноменов кодированной коммуникации // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 99–105.
- Руденко М.Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3 ч. Ч. 3. С. 127–134.
- Суй Тао. Лексика русского и китайского языков с точки зрения сферы ее употребления // Русский язык за рубежом. Русистика Китая. М., 2017. С. 41–43.
- 何长华 旧时商界的数字隐语 // 商业文化 1997年第5期 页码: 61–63. [Hé Chǎnghuá. Jiùshí shāngjiè de shùzì yǐnyǔ // Shāngyè wénhuà. 1997 nián dì 5 qī. Yèmǎ: 61–63].
- 吕永进 汉语隐语中的数字表示法 // 烟台师范学院学报(哲学社会科学版). 2005年9月第22卷第3期 页码: 78–82. [Lǚ Yǒngjìn. Hànyǔ yǐnyǔ háng huà zhōng de shùzì biǎoshìfǎ // Yāntái shīfǎn xuéyuàn xuébào (zhéxué shèhuì kēxué bǎn). 2005 nián 9 yuè dì 22 juǎn dì 3 qī. Yèmǎ: 78–82].
- 彭幼航 五光十色的数字隐语 // 广西广播电视大学学报 2000年9月3期 页码: 58–61. [Péng Yòuháng. Wǔ guāng shí sè de shùzì yǐnyǔ // Guǎngxī guǎngbō diànshì dàxué xuébào. 2000 nián 9 yuè 3 qī. Yèmǎ: 58–61].
- 刘中富 秘密语 北京: 新华出版社 1998. 188页 [Liú Zhōngfù. Mìmì yǔ. Běijīng: Xīnhuá chūbǎnshè, 1998. 188 yè].
- 彭幼航 中国数字隐语析 // 广西社会科学 2000年第5期 页码: 124–128. [Péng Yòuháng. Zhōngguó shùzì yǐnyǔ shì xī // Guǎngxī shèhuì kēxué. 2000 nián dì 5 qī. Yèmǎ: 124–128].
- 吴汉癸 切口大词典 上海: 上海文艺出版社 1989. 页码: 350. [Wú Hànrǎi. Qièkǒu dà cídiǎn. Shànghǎi: Shànghǎi wényì chūbǎnshè, 1989. Yèshù: 350].
- 曲彦斌 俚语隐语方言词典 沈阳: 辽宁教育出版社 1995. 页码: 465. [Qū Yànbīn. Lǐyǔ yǐnyǔ háng huà cídiǎn. Shěnyáng: Liáoníng jiàoyù chūbǎnshè, 1995. Yèshù: 465].
- 丰文秀 神秘的名词数字隐语 文化张廊 1996年10期 996. 50. [Fēng Wénxiù. Shénmì de míngcí shùzì yǐnyǔ. Wénhuà zhāng láng. 1996 nián 10 qī. Yèmǎ: 50].
- 邵熙梅 现代汉语商业隐语研究 博士论文 南开大学 2012. [Shào Yǎnméi. Xiàndài hànyǔ shāngyè yǐnyǔ yánjiū. Bóshì lùnwén. Nánkāi dàxué. 2012].
- 周日安 廉吉 隐语与谐音 佛山科学技术学院学报(社会科学版). 1999年第17卷第2期 页码: 49–58. [Zhōu Rì'ān, Lián Jié. Yǐnyǔ yǔ xiéyīn. Fúshān kēxué jìshù xuéyuàn xuébào (shèhuì kēxué bǎn). 1999 nián dì 17 juǎn dì 2 qī. Yèmǎ: 49–58].
- Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / под ред. Ю.С. Степанова. 2-е изд. М.: Академический проект, 2001. С. 45–98.
- Банков А.С., Банкова Л.Л. Китайские ключи и графемы: в чем различие? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 2017. Вып. 37. С. 25–33.
- Банкова Л.Л. Комплект китайских формальных цифр // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 119–123.
- 尽之 大写字词与隐语数词 商业文化 1995年05期 页码: 60–61. [Jìn Zhī. Dàxiě shùcí yǔ yǐnyǔ shùcí. Shāngyè wénhuà. 1995 nián 05 qī. Yèmǎ: 60–61].
- 王治家 王淑安 隐语的非语言形式 湖南公安高等专科学校学报 2002年第4卷第6期 页码: 80–83. [Wáng Zhìjiā, Wáng Shǔ'ān. Yǐnyǔ de fēi yányǔ xíngshì. Húnán gōng'ān gāoděng zhuānkē xuéxiào xuébào. 2002 nián dì 4 juǎn dì 6 qī. Yèmǎ: 80–83].
- 彭幼航 歇后语形式的隐语 社科与经济信息 2002年第1期 页码: 103–104. [Péng Yòuháng. Xièhòuyǔ xíngshì de yǐnyǔ. Shèkē yǔ jīngjì xīnxī. 2002 nián dì 1 qī. Yèmǎ: 103–104].
- 曲彦斌 汉语民间秘密语(隐语方言). 语法概要(下). 文化学刊 2014年5月第3期 页码: 67–85. [Qū Yànbīn. Hànyǔ mínhān mìmì yǔ (yǐnyǔ háng huà). Yǔfǎ gǎiyào (xià). Wénhuà xuékān. 2014 nián 5 yuè dì 3 qī. Yèmǎ: 67–85].

23. Суждения и беседы / Конфуций; [пер. с кит.; вступ. ст. и ком. Л.С. Переломова]. М.: РИПОЛ классик, 2017. 360 с.: ил. (PRO власть).
24. 刘序存. 中国秘密语言. 北京: 中国文联出版社. 1999. [Liú Xiàocún. Zhōngguó shénmì yányǔ. Běijīng: Zhōngguó wénlián chūbǎnshè, 1999].

References

1. Li, Yu (1995) Analyzing Characters and Forming Words — A Study on Cryptography and Word Formation. *Chinese Studies*. 4. pp. 37–42. (In Chinese).
2. Gorelov, V.I. (1984) *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese Language]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Redkozubova, E.A. (2008) Terminologicheskoe i sushchnostnoe razgranichenie argo, zhargona i slenga kak fenomenov kodirovannoy kommunikatsii [Terminological and essential distinction between argot, jargon and slang as phenomena of coded communication]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1. pp. 99–105.
4. Rudenko, M.Yu. (2016) Issledovanie argo, zhargona i slenga: voprosy terminologii [Study of argot, jargon and slang: issues of terminology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (59). Pt. 3. pp. 127–134.
5. Sui, T. (2016) Leksika russkogo i kitayskogo yazykov s tochkii zreniya sfery ee upotrebleniya [Vocabulary Russian and Chinese in terms of its scope of use]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4 (257). pp. 100–102.
6. He, Ch. (1997) Numerical lingo in the old business world. *Business Culture*. 5. pp. 61–63. (In Chinese).
7. Lu, Y. (2005) Numeral representation in Chinese jargon. *Journal of Yantai Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 3 (22). pp. 78–82. (In Chinese).
8. Peng, Y. (2000) Colorful digital lingo. *Journal of Guangxi Radio and TV University*. 3 September. pp. 58–61. (In Chinese).
9. Liu, Zh. (1998) *Secret Words*. Beijing: Xinhua Publishing House. (In Chinese).
10. Peng, Y. (2000) Analysis of Chinese digital lingo. *Guangxi Social Sciences*. 5. pp. 124–128. (In Chinese).
11. Wu, H. (1989) *The Great Dictionary of Incision*. Shanghai: Shanghai Literature and Art Publishing House. (In Chinese).
12. Qu, Yanbin. (1995) *A Dictionary of Slang and Jargon*. Shenyang: Liaoning Education Press. (In Chinese).
13. Feng, W. (1996) Mysterious digital argot among names. *Wenhua Zhang Lang*. October. 50. (In Chinese).
14. Shao, Y. (2012) *Research on modern Chinese business lingo*. Doctoral Dissertation. Tianjin. (In Chinese).
15. Zhou, R. & Lian, J. (1999) Arrogant and Homophone. *Journal of Foshan Institute of Science and Technology (Social Science Edition)*. 2 (17). pp. 49–58. (In Chinese).
16. Morris, Ch. (2001) Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. Translated from English. In: Stepanov, Yu.S. (ed.). *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: An anthology]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiy proekt. pp. 45–98.
17. Bankov, A.S. & Bankova, L.L. (2017) Kitayskie klyuchi i grafemy: v chem razlichie? [Chinese keys and graphemes: what's the difference?]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 37. pp. 25–33.
18. Bankova, L.L. (2018) Komplekt kitayskikh formal'nykh tsifr [A set of Chinese formal numerals]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 119–123.
19. Jin, Zh. (1995) Capitalized Numerals and Jargon Numerals. *Commercial Culture*. 5. pp. 60–61. (In Chinese).
20. Wang, Zh. & Wang, Sh. (2002) Non-verbal forms of argot. *Journal of Hunan Public Security College*. 6 (14). pp. 80–83. (In Chinese).
21. Peng, Y. (2002) Lingo in the form of Xiehouyu. *Social Science and Economic Information*. 1. pp. 103–104. (In Chinese).
22. Qu, Y. (2014) Chinese folk secret language (cryptic jargon). Grammar overview (Part 2). *Cultural Studies*. 3. pp. 67–85. (In Chinese).
23. Confucius. (2017) *Suzhdeniya i besedy* [Judgments and Conversations]. Translated from Chinese by L.S. Perelomova. Moscow: RIPOL klassik.
24. Liu, X. (1999) *Mysterious Chinese Language*. Beijing: China Federation of Literary and Art Circles Publishing House. (In Chinese).

Информация об авторе:

Банкова Л.Л. — канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: lwittsa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.L. Bankova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lwittsa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021;
одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 09.09.2021;
approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/485/2

Концепт «Будущее России» в сознании молодежи в условиях неопределенности (на материале результатов массового опроса)

Олеся Юрьевна Горчакова¹, Мария Анатольевна Толстова², Анастасия Вячеславовна Ларионова³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ avendus@mail.ru

² tolstova_11@mail.ru

³ anpavlar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена психолого-лингвистическому анализу реализации концепта «Будущее России». Материалом выступают данные массового опроса учащихся средних профессиональных учебных заведений. Проведена категоризация ответов респондентов на открытый вопрос «Россия будущего через 5 лет...», описаны положительные, отрицательные и нейтральные характеристики образа будущего России, выявлены основные когнитивные признаки, раскрывающие содержание концепта. Определено, что конструирование будущего неразрывно связано с негативными переживаниями событий, происходящих в стране.

Ключевые слова: концепт, будущее России, образ будущего, образ страны, молодёжь

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2022-0006

Для цитирования: Горчакова О.Ю., Толстова М.А., Ларионова А.В. Концепт «Будущее России» в сознании молодежи в условиях неопределенности (на материале результатов массового опроса) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 14–23. doi: 10.17223/15617793/485/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/2

The concept “Future of Russia” in the minds of young people in conditions of uncertainty (based on the results of a mass survey)

Olesya Yu. Gorchakova¹, Maria A. Tolstova², Anastasia V. Larionova³

^{1, 2, 3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ avendus@mail.ru

² tolstova_11@mail.ru

³ anpavlar@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the psychological and linguistic analysis of the implementation of the concept “Future of Russia”. The material is the data of a mass survey of 1780 students of secondary vocational schools. The features of the linguistic verbalization of the concept were identified out on the material of the reactions received to the open question “Russia of the future in 5 years ...”. In the study, a modeling method was used, which consists in describing the structure of the concept in the form of cognitive features that differ in frequency and reflect the features of the perception of the concept. The content analysis of the verbal reactions of the respondent was also used; the answers were categorized according to semantic similarity. The study contains an account of the emotional component of the image of the future of Russia. The answers of the subjects to the question “When I think about the future, I feel ...” were analyzed. Correlation analysis, frequency analysis (categories) and contingency analysis (categories) were used to identify the features of the relationship between anxiety and characteristics of the image of the future. The analysis showed that the key representatives of the concept “Future of Russia” are the lexemes *future*, *Russia* and its synonyms: *country*, *power*, *state*, *empire*. The most common word is the word *country* – the answers mentioned it 180 times. Most of the received replies represent the future of Russia, but do not nominate it. The frequency analysis showed that most of the participants (75%) are optimistic about the future of the country; 48% of the answers about the possible future were abstract and generalized. A positive assessment of the future of the country is most often expressed in the choice of adjectives – definitions for the core representatives of the concept, as well as through the use of complex adjectives, forms of degrees of comparison and comparative constructions, adjectives with the prefix *non*, etc. Despite the fact that young people are optimistic about the future of the country, the categorical structure of the emotional image of the future showed that the construction of the future is associated with negative experiences of the events taking place in the country. The distribution of the respondents’ answers to an open question

(1786 answers) “When I think about the future, I feel ...” is as follows: 41% of the answers are not informative; among the rest, 49.6% experience positive emotions (curiosity, interest, anticipation, joy, happiness, delight, calmness, excitement) and 50.4% negative ones (apathy, sadness, fear, melancholy, anxiety).

Keywords: concept, future of Russia, image of future, image of country, youth

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2022-0006.

For citation: Gorchakova, O.Yu., Tolstova, M.A. & Larionova, A.V. (2022) The concept “Future of Russia” in the minds of young people in conditions of uncertainty (based on the results of a mass survey). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 14–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/2

Серьезные изменения (геополитические, социально-экономические, общественно-политические), охватившие российское общество в последнее время, требуют особого внимания научного сообщества. Практика мировой конфронтации (информационного натиска и других видов противостояния) с Россией достигла таких масштабов, что затронула не только все сферы жизнедеятельности российского общества, но и охватила все слои населения, поставив перед современным человеком ряд новых и непростых вызовов и рисков.

На фоне усиления неопределенности [1] и усложнения жизненных условий (политических, экономических, социальных) можно говорить о трансформации массового сознания, усилении кризисных проявлений сознания, обострении неконструктивных состояний и переживаний (тревога, апатия, стресс), обуславливающих процесс отражения различных событий и явлений, происходящих в мире. В связи с этим актуализировалась проблема искажения образа будущего у российской молодежи, в том числе, образа будущего страны. Такая постановка проблемы делает необходимым разработку и реализацию междисциплинарных исследовательских теоретических и эмпирических моделей, позволяющих выявлять особенности образа России у современной молодёжи [2]. Такие модели будут способствовать, во-первых, созданию и масштабированию практик (программ), направленных на конструирование положительного (грамотного) образа будущего [3], в во-вторых, на формирование у молодых людей компетенций критического и рефлексивного отношения к разнообразному контенту (выявление и противостояние его манипулятивному потенциалу), который искажает индивидуальную картину мира человека, его ценностные ориентации, негативно воздействует на сознание, настроение, установки и поведение.

Понятие «образ будущего» находится в фокусе внимания разных наук и исследовательских парадигм. Так, в психологии образ будущего рассматривают как эмоционально-когнитивную модель, ориентирующую жизнедеятельность субъекта, определяющую направленность развития в будущем и личностный смысл переживаний в настоящем [3. С. 14–28]. Образ будущего страны входит в структуру образа будущего как область, в которых человек может ставить для себя цели [4]. При этом, образ страны отражает важнейшие культурные представления человека, с которыми он соотносит образ себя, своей семьи и социального

окружения в настоящем и в будущем. В его основу заложены представления о географической уникальности страны, природных ресурсах, истории народа, населяющего эту территорию, символического капитала культуры, а также представления о будущей судьбе страны во времени [5. С. 99].

В более широком смысле речь идет о коллективном образе будущего и гражданской идентичности [6]. Образ коллективного будущего трактуется как совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе [1. С. 213]. В содержании коллективного образа будущего выделяют коллективные цели и планы (они объединяют и координируют усилия группы в ходе совместной деятельности); групповые ожидания (представления о важных событиях в ближайшей перспективе); коллективные надежды (представления о вероятном положительном для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного будущего); групповые мечты (представления о желательных изменениях в обществе); коллективные страхи (представления об угрозах и рисках для индивидуального и коллективного благополучия и существования группы) [7. С. 216–217]. Образ страны (как идеальный так и реальный) определяет гражданская идентичность – личностное образование, связанное с осознанием своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе, которое отражает ценностно-мотивационную направленность личности в отношении культурных, социально-политических, правовых, экономических явлений в современном обществе и обуславливает степень ее гражданской активности [8. С. 9].

В работах социально-политического научного дискурса образ будущего представлен как некая модель развития, отличная от современной реальности [9]. Образ будущего рассматривается с точки зрения идеальных представлений, ценностей и архетипов. При этом понятия образ страны и образ государства чётко дифференцируются: «страна» вбирает в себя и политические, и культурные (менталитет, обычаи и язык) элементы, а «государство» представляет собой ядро политической системы общества, главный системообразующий фактор и элемент [10. С. 30]. В образ страны входят представления граждан об идеальных лидерах, власти, государстве, политических институтах. Эти идеализированные представления

формируют нормативные рамки восприятия реальных лидеров, власти, институтов [2. С. 99]. На основе социологических исследований определяются базовые элементы «русской мечты» как образа желаемого будущего для общества в целом и для себя лично, факторы, влияющие на образ России, а также динамические характеристики образа будущего страны [11–14].

Лингвистические работы, посвященные образу будущего страны, немногочисленны и в основном касаются изучения метафорического образа будущего России, конструируемого на материале разных типов дискурса: политического [15–17], дискурса СМИ [18, 19]. В указанных работах анализируется функционирование метафоры с точки зрения ее детерминированности множеством экстралингвистических факторов: системой государственного устройства, социально-экономической структурой страны, географическим положением страны, природно-ресурсным потенциалом и т.д. [19]. Будущее рассматривается как субъективное измерение, так как в него включен автор – человек, строящий прогноз на основе собственной точки зрения на экстралингвистическую действительность настоящего [15]. Анализ различных метафорических моделей образа будущего страны показал, что активизация метафор зависит от аксиологических установок носителей того или иного языка и от меняющихся политических событий. Так, например, было выявлено, что при репрезентации будущего России в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе КНР в контексте антиросийских санкций преобладают негативно окрашенные метафоры, которые чаще всего прогнозируют «мрачное» будущее российско-американских отношений [17].

Часть работ посвященных изучению метафорическому образу будущего страны выполнена в рамках лингвополитической прогностики – направления, в основе которого лежит трехуровневая методика изучения образных и иных стилистических средств, направленных на репрезентацию будущего в определенном дискурсе, включающая сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической / динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и лингвопрогнозного сценария (статического / динамического) [20].

Стоит отметить, что лингвистические работы, посвященные исследованию образа будущего России, выполнены в основном на материале текстов политической проблематики, в то время как обыденное (наивное, бытовое) сознание в данном аспекте изучено не было. Кроме того, обделенной вниманием, в том числе в работах социологов и психологов, остается такая целевая аудитория как студенты средних профессиональных учебных заведений (исследования в основном реализуются на базе школ и высших профессиональных учебных заведений).

Целью данной статьи является психолого-лингвистический анализ реализации концепта «Будущее России» на материале данных массового опроса современной молодежи.

Материал и методы исследования. В исследовании приняли участие 1780 студентов в возрасте от 16 до 30 лет, из них 1123 женщины (63,2% выборки) и 657 мужчин (36,8%). Все участники исследования – это учащиеся средних профессиональных учебных заведений г. Томска и Томской области общественно-гуманитарного (490 (27,5%), технического 760 (42,6%) и естественного – 530 (28,8%) профилей обучения.

Опросная форма состояла из нескольких разделов, раскрывающих собой структуру представлений об образе страны (в перспективе 5 лет) и о себе в настоящем и будущем: 1) социально-демографический (пол, возраст, профиль образования, учебное заведение); 2) скрининг-опросник ГТР-7 (GAD-7) для оценки уровня выраженности симптомов тревоги; 3) вопросы, уточняющие восприятие респондентом будущего России: характер ожидаемых изменений в стране в течение ближайших пяти лет и их оценка по пятибалльной шкале Лайкерта, а также поведенческие установки (миграционный аспект, в том числе желание и готовность к эмиграции).

Выявление особенностей языковой вербализации концепта «Будущее России» было проведено на материале реакций, полученных на открытый вопрос «Россия будущего через 5 лет...».

В данном исследовании мы опирались на метод моделирования, заключающийся в описании структуры концепта в виде когнитивных признаков, различающихся по частотности и отражающих особенности восприятия концепта выбранной группой респондентов. В ходе исследования был использован метод контент-анализа вербальных реакций респондента, проведена категоризация ответов по семантической близости и описаны основные когнитивные признаки, раскрывающие содержание концепта.

Концепт в данной работе, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимается как «дискретное ментальное образование... обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении...» [21. С. 24]. В ответах респондентов анализировалась сочетаемость лексем, их системные связи (антонимические, синонимические отношения), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний в целом. На основании этого при помощи приема интерпретации и контекстуального анализа определялись когнитивные признаки, реализуемые в исследуемом материале. Когнитивный признак – это отдельный признак объекта, осознанный сознанием человека и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания [21. С. 90].

Кроме того, исследование содержит учет эмоциональной составляющей образа будущего России. Анализируются ответы испытуемых на открытый вопрос «Когда я думаю о будущем, я чувствую...». В данном случае проверке подлежала гипотеза об изменении взаимосвязи эмоциональных переживаний и содержа-

тельных характеристик образа будущего страны на фоне серьезных преобразований, связанных с ростом социально-психологического напряжения в обществе (стране). Для выявления особенностей взаимосвязи тревоги и характеристик образа будущего был использован корреляционный анализ, частотный анализ (категорий) и анализ сопряженности (категорий).

Результаты исследования

Ключевыми репрезентантами концепта «Будущее России» являются лексемы *будущее* (*светлое будущее*), *Россия* (*Россия - это весь мир; Россия станет еще могущественнее*) и ее синонимы: *страна* (*спокойная страна с новыми границами; это либо Северная Корея сейчас, либо страна возможностей*), *державка* (*самая лучшая, непобедимая держава*), *государство* (*отличное и крепкое государство*), *империя* (*великая империя*).

Наиболее употребительным является слово страна, встречающееся в ответах испытуемых 180 раз. Меньшее количество словоупотреблений у лексем Россия – 87, держава – 51, государство – 16, империя – 7. Слово будущее употреблено 8 раз.

Словосочетание будущее России не было зафиксировано в ответах, однако темпоральная семантика высказывания выражена с помощью употребления глаголов в форме будущего времени (*станет еще больше могущественным государством; закончится вся война и будет мир во всём мире; политика наладится, страна будет процветать*).

Обращает на себя внимание частотность словоупотреблений слова *держава*, в котором актуализируется признак независимости, самостоятельности. В толковом словаре представлены следующие значения этой единицы: 1. Независимое государство, ведущее самостоятельную политику. 2. Высок. устар. Верховная власть; владычество [22. С. 389]. Об актуализации данных признаков свидетельствует сочетаемость единицы держава с прилагательным *великая, самодостаточная, могущественная, могучая, непобедимая*.

Стоит отметить, что большинство полученных ответов репрезентируют будущее России, но не номинируют его (*надеюсь будет такой же великой; ещё большее ограничение свобод; примерно такая же как и в данный момент, но с некими изменениями в инфраструктуре*). Это объясняется тем, что словосочетание Россия будущего представлено в самом вопросе, заданном респондентам. Кроме того, исследуемый концепт относится к такому типу концептов, для выявления признаков которого необходима рефлексия носителя языка. Его анализ предполагает проведение экспериментальной проверки, обращения к носителям языка анализа, а также учет ответов участников исследования на другие вопросы.

В приведенном ниже рисунке представлена категоризация ответов испытуемых по семантической близости, в которых образ России связан с различными характеристиками: как положительными и отрицательными, так и нейтральными.

Рис. 1. Категоризация ответов респондентов на открытый вопрос «Россия будущего через 5 лет...»

В ответах респондентов на открытый вопрос «Россия будущего через 5 лет...» актуализированы положительные, отрицательные и нейтральные характеристики будущего страны.

Частотный анализ показал, что подавляющее большинство ответов о возможном будущем (48%) носили абстрактный и обобщенный характер («**Положительная абстрактная характеристика**»). Положительная оценка будущего страны чаще всего выражается в выборе прилагательных – определений к ядерным репрезентантам концепта. Так, было выяв-

лено, что слово страна сочетается со следующими прилагательными: *великая* (32), *процветающая* (7), *богатая* (5), *прогрессивная* (5), *стабильная* (5), *отличная* (4), *могучая* (4), *красивая* (4), *могущественная* (3), *идеальная* (2), *прогрессирующая* (2).

Кроме того, на языковом уровне положительная оценка выражена посредством использования сложных прилагательных (*высокотехнологичная сверхдержава; высокоразвитая цивилизация*), форм степеней сравнения и сравнительных конструкций (*самая продвинутая сверх держава; самая сильная страна;*

станет наиболее сильной страной; станет еще более величественной страной как во времена российской империи), прилагательных с приставкой НЕ (великая и непобедимая; сильная и независимая), существительных с приставкой СВЕРХ-, ГИПЕР- (сверхдержава наравне с Китаем; гипердержава)

На материале ответов, содержащих положительную характеристику, отдельно выделим когнитивный признак «**Мирное время**» (6%), с которым семантически связана категория «**Победа**» (1%). Данный признак был вербализован посредством использования слова **мир**, а также его антонима **война**, употребляемого с частицей нет или предлогом без: *нет войны, без войны; мир нет войны; крепкая и без войн; надеюсь без войны и вражды; страна без войны; надеюсь в мире; будет жить в мире со всеми странами, прекрасная страна без войн*. Наступлению мира предшествует завершение войны, эксплицированное в анализируемых текстах глаголом **закончиться**: *закончится вся война и будет мир во всём мире; война и все будет хорошо; надеюсь война закончится*.

В некоторых ответах вербализовано представление о России в будущем как о стране, одержавшей победу, что выражено с помощью слова **победа**, прилагательного **непобедимая**, глаголов и деепричастий с соответствующей семантикой: *одерживая победу над Украиной; великая держава, которая победила нацизм; не будет короны, Россия победит Украину; выиграет войну с Украиной*.

5% ответов респондентов содержало более конкретные позитивные характеристики, которые отражали изменения в самых разнообразных сферах жизни: экономической, политической, религиозной, культурной, образовательной, технологической, экологии, здравоохранении («**Положительная конкретная характеристика**»): *не будет безработицы; повышение стипендий; улучшится геополитическая ситуация; страна без коррупции; пересмотрят и примут новые законы; ученые нашли лекарство от рака; равенство законов для всех*.

Основаниями нормативной оценки образа будущего являются следующие сферы:

1. Экономика (25) (*усовершенствованная в сфере экономики, растет ВВП*); рынок сбыта (*известные бренды которые ушли с территории РФ вернутся*); рынок труда (*отсутствие безработицы, выросла зарплата*); социальные выплаты (*выросла стипендия и заработная плата*).

2. Политика (17) (*налажена внутренняя политика, свобода слова, царствует демократия*), международные отношения (*уважение на международной арене, независимая от мира*), внешняя политика (*без войн и разногласий с др. государствами, стабильная политика на мировой арене, геополитическая ситуация явно улучшится*).

3. Здравоохранение и медицина (8) (*российские ученые нашли лекарство от рака, появятся улучшенные больницы, высокий уровень здравоохранения*).

4. Образование и воспитание (8) (*все страны мира стремятся получить российское образование, патри-*

отическое воспитание к родине, образование выйдет на новый уровень, появятся улучшенные школы).

5. Наука (5) (*усовершенствованная в сфере атомной физики, технологический прогресс, роботы вместо людей*).

6. Экология (4) (*чистый воздух, чистая вода, хорошие дороги, охраняют (бережно относятся) природу, чистая страна*).

7. Сельская промышленность (4) (*сельхоз изобилие, процветающее сельское хозяйство*).

8. Спорт (4) (*спортивная*).

9. Социальное равенство (3) (*справедливое отношение ко всему людям и во всех сферах, равенство законов для всех*).

10. Безопасность (2) (*очищенная от террористов, страна без коррупции*).

11. Законодательство (2) (*пересмотрят и примут новые законы, которые облегчат жизнь и спасут многих людей. Например, закон о домашнем насилии*).

12. Религия (2) (*царствует вероисповедание*).

13. Правосудие и пенитенциарная система (2) (*чтобы все были наказаны, если нарушали любой закон*).

14. Искусство (1) (*красота архитектуры*).

15. Культура (1) (*высокий уровень ценностей - общественных и культурных*).

16. Туризм (1) (*приезжать туристы, чтобы удивиться могуществу страны*).

Обращают на себя внимание примеры, в которых России приписываются многочисленные человеческие качества – моральные, психические, интеллектуальные, физические, эмоциональные, культурные навыки (*спортивная, вежливая, культурная, непьющая, богатая и образованная*). Создается антропоморфный образ России как человека – носителя определенных качеств, совершающего определенные действия (*Захватит всю планету и будет одна большая Россия; вернёт свое патриотическое воспитание к родине и станет крепче и едина; пересмотрит и примет новые законы, которые облегчат жизнь и спасут многих людей*).

К положительным характеристикам также относятся ответы респондентов (1%), которые отражают представление молодежи о России, как о стране, которая займёт лидирующее положение в мировом масштабе («**Россия № 1 по отношению к другим странам**»): *топ 1 мира по экономике; одна из крупных и влиятельных стран мира*. Вербализация данного признака осуществляется посредством использования сравнительных конструкций: *сверхдержава наравне с Китаем; Лучшие, чем США*. Россия получает такие определения, как **первая, главная, главенствующая, крупная, влиятельная**: *Во всем первая в мире; Россия будет главенствующая страна; главной страной мира как обычно; одна из крупных и влиятельных стран мира*.

К нейтральным характеристикам были отнесены ответы респондентов, которые носили безоценочный фактологический характер (*Россия останется такой же; как была так и будет; разные варианты будущего*).

20). Выделим следующие когнитивные признаки концепта:

1. «**Неизменное будущее России**» эксплицируется в 8% ответов и репрезентируется эмоционально нейтральной лексикой в отношении оценки будущего: *Россия останется такой же, Как была так и будет, останется такой же, Как была так и будет*. В некоторых ответах образ неизменного будущего связан с президентом: *Путин будет править, президентом всё равно будет Владимир Владимирович, Путин все ещё президент*.

2. «**Расширение границ России**». Данный признак эксплицируется в 6% примерах и репрезентируется посредством употребления: прилагательных в сравнительной степени: *более широкая территория, станет больше, шире*; глаголов, причастий с семантикой увеличения, расширения, присоединения: *увеличит территории, расширится, более расширенная территория, расцветающая страна; увеличившаяся по Территории; думаю будут присоединены ещё территории*; существительного **граница** в сочетании с определением **новый**: *страна с новыми границами*. В ответах респондентов определяется мера расширения территории посредством употребления наречия **чуть**: *Чуть больше территории; Примерно тоже что и сейчас может чуть расшириться территория*. В некоторых ответах содержится наименование конкретной территории, которая, как предполагают испытуемые, будет присоединена к России: *Украина в составе России; всё такая же только с ДНР и ЛНР; Киевская область – регион России*.

Частотно употреблении определительного местоимения **весь**, числительного **один** в сочетании со словами **мир / планета / страны**: *Весь мир!!!!; вся планета – это Россия; Весь земной шар – Россия; Все страны – это Россия; одна большая планета; одна страна в мире*.

В ответах данной группы преобладают глаголы, создающие образ России как живого существа, и включающих в себя семантику завоевания, захвата: *Захватит всю планету и будет одна большая Россия; Россия завоевала весь мир*.

3. «**Противоположные сценарии развития**» (1%). Этот признак представлен ответами респондентов относительно будущего России, которое содержит одновременно несколько альтернативных сценариев развития страны (*либо цветущей, либо угасающей; будет плохо или хорошо - зависит от усилий; возможны любые варианты*).

Отрицательная характеристика будущего России представлена в 5% ответов респондентов и, как правило, содержит абстрактные признаки с выраженной негативной оценкой: *станет еще хуже; загнётся; упадок; все плохо; в тяжёлом положении; явно не радостное; ждут проблемы*. Реже указаны конкретные сферы, негативно оцениваемые респондентами: *проблемы с медициной; война с другими странами;*

бездорожье; новые налоги; экономический и политический кризис; потеря доверия населения; популярность фашистских и реваншистских движений; потеря авторитета в мире; Ядерная зима; помогает всем, но не своим регионам; ещё большее ограничение свобод.

В данной группе представлены слова с переносным значением, имеющие разговорную и сниженную окраску: *дыра, дно, хуйня, загнётся, будет продолжать гнить*. Россия получает такие определения, как *отсталая, разрушенная, прогнившая, будущее - плохое, печальное, намного хуже чем сейчас*.

Категория «**Признаки не определены**» (20%) объединила ответы, которые не были отнесены к выделенным положительным, отрицательным и нейтральным характеристикам образа России (*Россия на 5 лет старше, страна, где мне 22 года, будет, индустриальная страна, СССР, станет планетой, Россию умом не понять и аршином не измерить, не знаю*). Самыми распространенными ответами были ответы: «не знаю», «сложно сказать», «сложно предсказать», «сложно определить».

Эмоциональные составляющие образа будущего. Дополнительно была поставлена задача соотнести образ будущего («Россия будущего через 5 лет...»), наделённый оптимистическими и пессимистическими характеристиками с эмоциональной составляющей образа («Когда я думаю о будущем, я чувствую...»). Актуальность такого сопоставительного анализа была продиктована высокой степенью психоэмоционального напряжения, которое ощущается в обществе на фоне разворачивающихся событий в последние месяцы (санкции, СВО).

Диаграмма показывает распределение ответов респондентов на открытый вопрос «Когда я думаю о будущем, я чувствую...». На основе частотного анализа категории, которые не содержали отсылку к определенному эмоциональному состоянию (41% от всей выборки), были исключены как не информативные (*ничего не чувствую, чувствую ответственность, чувствую уверенность, не знаю, что чувствую, не могу определить, что чувствую, не могу дать ответ*). В результате было выявлено, что выборка разделилась почти поровну: положительных эмоций испытывают 49,6% (любопытство, интерес, предвкушение, радость, счастье, восторг, спокойствие, волнение), а отрицательные 50,4% (апатия, грусть, печаль, страх, тоска, тревога). Анализ сопряженности показал ($n = 366$), что респонденты, которые склонны конструировать оптимистичный образ будущего чаще испытывают конструктивные чувства и эмоции (96,6%, $p = 0,0001$) и только у (3,4% – 6 респондентов) наблюдается противоположная тенденция: образ будущего наделён негативными свойствами, а эмоции, которые испытывают респондент, думая о будущем, только положительные.

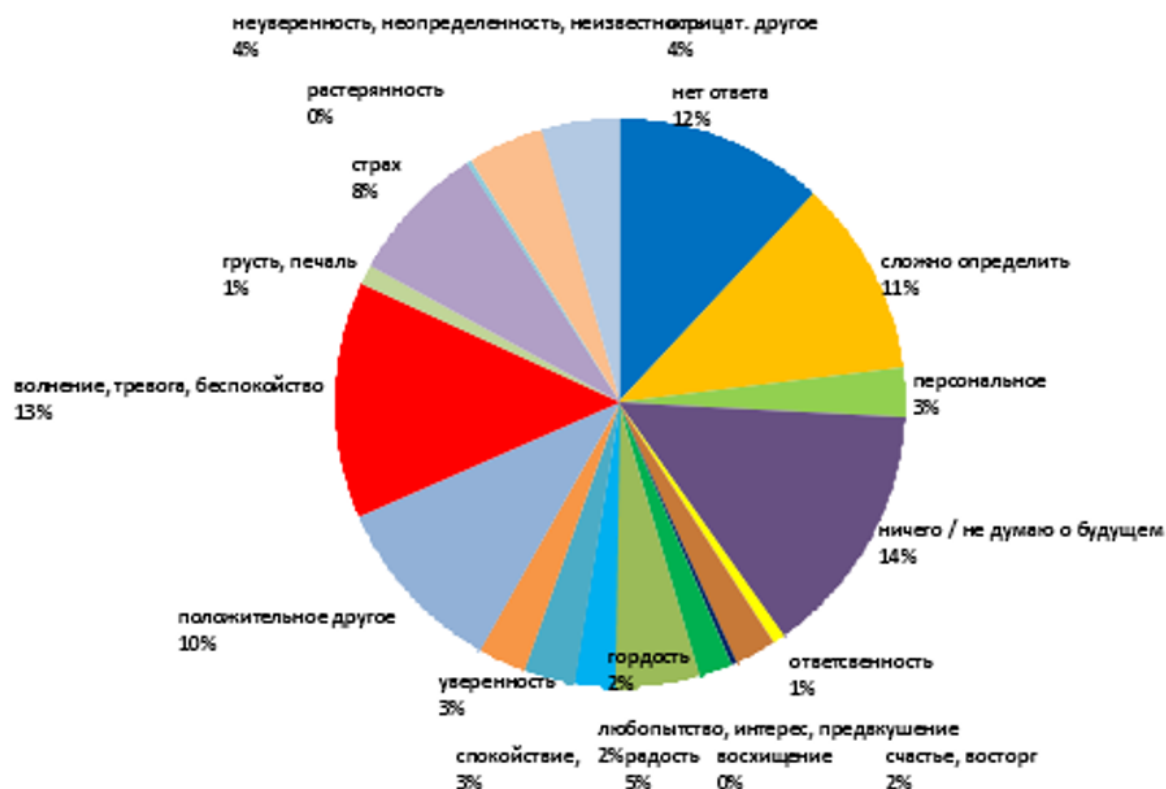

Рис. 2. Категоризация ответов респондентов на вопрос «Когда я думаю о будущем, я чувствую...»

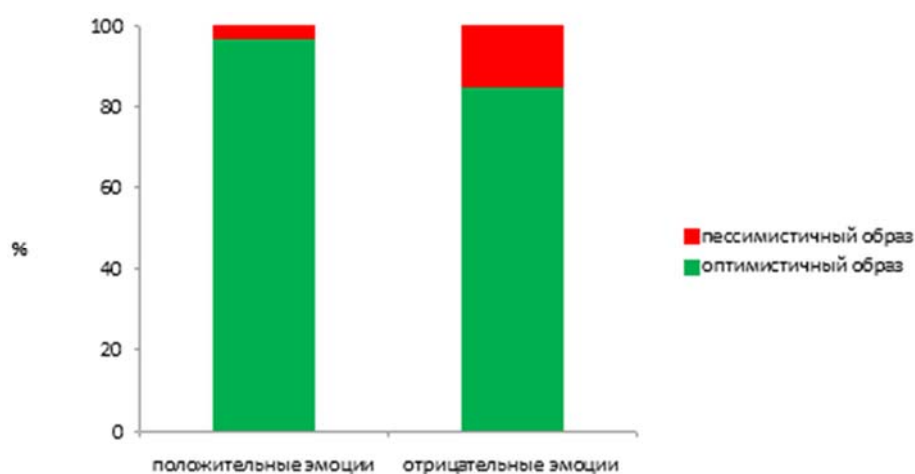

Рис. 3. Сопряженность характеристик образа (пессимистичный и оптимистичный) и эмоциональных составляющих образа (положительные эмоции, отрицательные эмоции)

График показывает, что группа внутри выборки делится на две подгруппы по эмоциональным переживаниям. В одну группу входят респонденты, которые переживают исключительно негативные эмоции, а во вторую только позитивные. Было выявлено, что респонденты, которые испытывают негативные эмоции, конструируют позитивный образ будущего России.

Примерно такое же соотношение является типичным для респондентов, которые испытывают только негативные эмоции, думая о будущем стра-

ны. 85% респондентов строят оптимистичный образ будущего, но негативные переживаниями сопровождают мысли о будущем страны: у 25% – пессимистичный образ и чувствуют они, думая о будущем, соответствующие образу переживания (страх, тревогу). Такие данные согласуются с положением о том, что конструирование будущего неразрывно связано с текущей ситуацией. Оценка будущего включает историкогенетические уровни и формы функционирования государства в настоящем [23]. Усложнение жизненных условий и обострение гео-

политической ситуации в стране (санкции, СВО, выраженная информационная конфронтация), очевидно, находят отражение в эмоциональных переживаниях отрицательной модальности (страх, тревога, стресс) и проецируется молодыми людьми на идеальный образ будущего.

На основе корреляционного анализа эти выводы были также подтверждены: чем выраженнее у молодых людей тревожность, тем сильнее проявляется тенденция воспринимать будущее страны негативно ($r_s = 0,37$; $p < 0,05$). Аналогичная взаимосвязь прослеживается и с готовностью к миграционным действиям ($r_s = 0,41$; $p < 0,05$): чем выше тревожность, тем выраженнее установка эмигрировать из страны (при условии, что такая возможность представится).

Выводы

1. Образ будущего страны является междисциплинарной тематикой, однако, основные теоретические и методологические разработки ведутся в рамках социально-политического подхода. Недостаточное внимание уделяется специфике восприятия страны своими гражданами и субъектному факторам конструирования образа будущего в контексте психолингвистических направлений исследования.

2. В ответах респондентов на открытый вопрос «Россия будущего через 5 лет...» актуализированы положительные, отрицательные и нейтральные характеристики будущего страны. В результате анализа выявлено, что положительные характеристики преобладают в ответах респондентов. Конструирование положительного образа происходит преимущественно посредством лексических единиц, имеющих абстрактное значение, и лишь незначительная часть ре-

спондентов указывает конкретные признаки образа будущего страны. Такое преобладание абстрактных характеристик свидетельствует о том, что в данном случае образ будущего России не осмысливается участниками исследования, а заимствуется из существующих в языке и культуре упрощённых (архетипических, мифологических, современных) конструкторов понимания реальности.

3. Концептуализация будущего России осуществляется на уровне лексики и на уровне синтаксических единиц, фиксирующих нормативную оценку анализируемого концепта. Будущее оценивается с точки зрения настоящего и включает самые разнообразные сферы оценивания (экономика, внутренняя и внешняя политики, технологии и др.). В исследуемых ответах актуализируются когнитивные признаки концепта, в основе которых лежат отдельные аспекты будущего России, которые связаны прежде всего с современными событиями, происходящими в стране («Расширение границ России», «Мирное время»).

4. Несмотря на то, что молодёжь оптимистично настроена в отношении будущего страны, категориальная структура эмоционального образа будущего дает возможность утверждать, что конструирование будущего неразрывно связано с негативными переживаниями событий, происходящих в стране. Несмотря на преобладание позитивных характеристик будущего почти половина молодых людей и девушек испытывают тревогу, страх, стресс, думая о будущем в перспективе 5 лет. Эмоциональная составляющая образа будущего зависит от отношения (понимания и оценки) молодежи к актуальной жизненной ситуации, событиям, разворачивающихся в социально-экономической, общественно-политической, социально-культурной сфере.

Список источников

1. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2, вып. 9 (14). С. 1–47.
2. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112.
3. Miller R. Transforming the future: Anticipation in the 21st century. Taylor & Francis, 2018. P. 300. URL: <https://doi.org/10.4324/9781351048002> (дата обращения: 04.09.2022).
4. Beal S.J. The development of future orientation: Underpinnings and related constructs. The University of Nebraska-Lincoln, 2011.
5. Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Степанова О.Б. Образ России в сознании российской молодежи: особенности ценностно-смыслового кода культурных представлений // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 6. С. 99–110. URL: <https://psy.jes.su/S020595920017076-9-1> (дата обращения: 11.09.2022).
6. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 14–28.
7. Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225.
8. Гальченко А.С. Психологические детерминанты формирования гражданской идентичности у старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.
9. Желтикова И.В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23).
10. Джамгадзе К.Б. Влияние психологических факторов на формирование образа своей страны в сознании российских граждан: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.
11. «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Политическая сфера» – проект АНО «Ино-Центр», 2006–2007 гг. URL: <https://ino-center.ru/news/n127.html> (дата обращения: 14.09.2022).
12. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. 2016. № 2 (81). С. 124–157.
13. «Идеальная Россия? Представь!» – проект независимого содружества социологов «Открытое мнение». 2018. URL: <http://russia2025.tilda.ws/imagine#rec43151656> (дата обращения: 14.09.2022).
14. Ожидания от будущего: взгляды оптимистов и пессимистов. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov/> (дата обращения: 14.09.2022).

15. Солопова О.А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов ХХI в.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 55–70.
16. Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова) // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 60–70.
17. Бойко А.В. Потенциал зооморфной метафоры со сферой-мишенью «будущее России» (на материале китайского языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 114–122.
18. Зарипов Р.И. Метафорические образы будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 699–713.
19. Будаев Э.В., Солопова О.А., Зарипов Р.И., Бойко А.В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ. СПб. : Научные технологии, 2021. 217 с.
20. Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016.
21. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ, 2007. 314 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 1: А–Й. 1985. 696 с.
23. Солопова О.А. Диакроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2015. 309 с.

References

1. Nestik, T.A. (2021) *Obraz budushchego, sotsial'nyy optimizm i dolgosrochnaya orientatsiya rossiyan: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis]. *Sotsiodigger*. 9–2 (14). pp. 1–47.
2. Shestopal, E.B. (2021) Image of an ideal future: Russians' normative concepts of authorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 99–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/12
3. Miller, R. (2018) *Transforming the Future: Anticipation in the 21st century*. Taylor & Francis. P. 300. doi: 10.4324/9781351048002
4. Beal, S.J. (2011) *The development of Future Orientation: Underpinnings and related constructs*. Lincoln, NE: The University of Nebraska-Lincoln.
5. Matveeva, L.V. et al. (2021) *Obraz Rossii v soznanii rossiyskoy molodezhi: osobennosti tsennostno-smyslovogo koda kul'turnykh predstavlenii* [The image of Russia in the minds of Russian youth: features of the value-semantic code of cultural representations]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 6 (42). pp. 99–110. [Online] Available from: <https://psy.jes.su/S020595920017076-9-1>. (Accessed: 11.09.2022).
6. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2014) Kollektivnyy obraz budushchego: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prognozirovaniya [Collective image of the future: socio-psychological aspects of forecasting] *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 14–28.
7. Nestik, T.A. (2018) *Konstruirovaniye kollektivnogo obraza budushchego v usloviyakh neopredelennosti* [Designing a collective image of the future in conditions of uncertainty]. In: Asmolov, A.G. (ed.) *Mobilis in mobile: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in Mobile: Personality in an era of change]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK. pp. 213–225.
8. Gal'chenko, A.S. (2017) *Psikhologicheskie determinanty formirovaniya grazhdanskoy identichnosti u starsheklassnikov* [Psychological determinants of the formation of civic identity among high school students]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Zheltikova, I.V. (2013) *Obraz budushchego v interpretatsii F. Polaka* [The image of the future in the interpretation of F. Polak]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3 (23).
10. Dzhigamadz, K.B. (2017) *Vliyaniye psikhologicheskikh faktorov na formirovaniye obraza svoey strany v soznanii rossiyskikh grazhdan* [Influence of psychological factors on the formation of the image of one's country in the minds of Russian citizens]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. INO-Tsentr. (n.d.) "Budushchee Rossii: vzglyad iz tsentra i regionov. Politicheskaya sfera" – proekt ANO "Ino-Tsentr", 2006–2007 gg. ["The future of Russia: a view from the center and regions. Political sphere" – a project of ANO "Ino-Center", 2006–2007]. [Online] Available from: <https://ino-center.ru/news/n127.html>. (Accessed: 14.09.2022).
12. Politiya. (2016) Rossiyskoye obshchestvo – 2020: ekspertnyy obraz budushchego [Russian society – 2020: an expert image of the future]. *Politiya*. 2 (81). pp. 124–157.
13. Otkrytoye mneniye [Open Opinion]. (2008) "Ideal'naya Rossiya? Predstav'!" ["Ideal Russia? Imagine!"]. [Online] Available from: <http://russia2025.tilda.ws/imagines/rec43151656>. (Accessed: 14.09.2022).
14. Levada-Center. (2020) *Ozhidaniya ot budushchego: vzglyady optimistov i pessimistov* [Expectations from the future: views of optimists and pessimists]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushchego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov/>. (Accessed: 14.09.2022).
15. Solopova, O.A. (2017) Metaphor in modeling the future: the best-case scenario (based on political discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 55–70. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/46/5
16. Kondrat'eva, O.N. & Ignatova, Yu.S. (2019) *Metaforicheskoye modelirovaniye budushchego Rossii v prognozhakh politologov (na materiale tekstov Vladimira Pastukhova)* [Metaphorical modeling of the future of Russia in the forecasts of political scientists (based on the texts of Vladimir Pastukhov)]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (75). pp. 60–70.
17. Boyko, A.V. (2021) Potentsial zoomorfnoy metafory so sferoy-mishen'yu "budushchee Rossii" (na materiale kitayskogo yazyka) [The potential of zoomorphic metaphor with the sphere-target "the future of Russia" (on the material of the Chinese language)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 4. pp. 114–122.
18. Zariyov, R.I. (2021) *Metaforicheskoye modelirovaniye budushchego Rossii v kontekste konstitutsionnoy reformy 2020 goda na materiale frantsuzskikh SMI* [Metaphorical images of the future of Russia in the context of the constitutional reform of 2020 on the material of the French media]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 3 (12). pp. 699–713.
19. Budaev, E.V. et al. (2021) *Metaforicheskoye modelirovaniye budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* [Metaphorical Image of the Future of Russia in Foreign Media]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.
20. Solopova, O.A. (2016) *Lingvopoliticheskaya prognostika sopostavitel'noye issledovaniye modeley budushchego rossii v politicheskikh diskursakh rossii, ssha i velikobritanii XIX v. (1855–1881) i XXI v. (2000–2014)* [Linguo-political prognostication is a comparative study of models of the future of Russia in the political discourses of Russia, the United States and Great Britain in the 19th century (1855–1881) and 21st century (2000–2014)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
21. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Solopova, O.A. (2015) *Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya: issledovaniye modeley budushchego v politicheskoy diskurse* [Diachronic Comparative Metaphorology: A Study of Future Models in Political Discourse]. Moscow: FLINTA; Nauka.

Информация об авторах:

Горчакова О.Ю. – старший преподаватель кафедры организационной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avendus@mail.ru

Толстова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Ларионова А.В. – канд. психол. наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anpavlar@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.Yu. Gorchakova, senior lecturer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avendus@mail.ru

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

A.V. Larionova, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anpavlar@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests..

*Статья поступила в редакцию 12.12.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 12.12.2022;
approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/485/3

Аукториальное повествование в прозе А.А. Бестужева-Марлинского в свете исторической нарратологии

Вероника Борисовна Зусева-Озкан^{1, 2}

¹ Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^{1, 2} v.zuseva.ozkan@gmail.com

Аннотация. Исследуется повествовательная манера А.А. Бестужева-Марлинского как «пик» аукториальной наррации в русской литературе. Демонстрируется спектр приемов такого повествования у Марлинского. Писатель подхватывает обе его линии – как патетико-дидактическую, так и комически-игровую, в некоторых произведениях их объединяя. Обсуждаются границы этой повествовательной ситуации как таковой, отчетливо проявляющиеся именно у Марлинского. Устанавливается значение его произведений для эволюции русской наррации.

Ключевые слова: аукториальное повествование, я-повествование, Бестужев-Марлинский, историческая нарратология, Ф.А. Эмин, Л. Стерн, авторские вторжения, отступления

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00417).

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Аукториальное повествование в прозе А.А. Бестужева-Марлинского в свете исторической нарратологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 24–34. doi: 10.17223/15617793/485/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/3

Authorial narrative situation in the prose by Alexander Bestuzhev-Marlinsky in the light of historical narratology

Veronika B. Zuseva-Özkan¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. This article examines the narrative manner of Alexander Bestuzhev-Marlinsky as the “peak” of authorial narration in Russian literature, against the background of the previous narrative tradition and with the prospect of its subsequent evolution. Authorial narration is considered in accordance with the concept of narrative situations by Franz Stanzel as narration in the third person, in which the narrator also tells the story from his own point of view and is highly revealed due to his intrusions, assessments and commentaries. The spectrum of techniques of authorial narration in Bestuzhev-Marlinsky is demonstrated: rhetorical questions, exclamations and appeals to the characters and to the reader; moral maxims and universal “truths”; moral assessment of the characters by the narrator; expression of his doubts, uncertainty, limited knowledge; games with the reader, self-reflection of the narrator as a source of narration; ironic and emotional digressions; dispute with the reader; metaliterary statements, including polemical ones. The author shows that the writer addressed both lines of the authorial tradition which had developed by that time, i.e. serious, or didactic (in Russian literature dating back to the first Russian novels, in particular, written by Fedor Emin), and comic, or playful, which may also be labeled as “Sternian” (on Russian literary soil dating back to Mikhail Chulkov’s novel *Mockingbird*), and in some works Bestuzhev-Marlinsky combines them. The author argues that the influence of the authorial narration on the structure of Bestuzhev-Marlinsky’s stories is so great that even those of his works that are written using the “I narrative situation” are not completely free from it: the writer smoothes the boundaries between two narrative situations. The author also expresses a hypothesis that, although in the numerous “authorial intrusions” and digressions which are characteristic of authorial narration, the narrator himself becomes his subject, he reflects on himself as a writer, as a source of narration, and not as a person: hence the absence of a full-fledged “image of the author” in Bestuzhev-Marlinsky’s works, even though in several texts he comes very close to its creation. Thus, the author discusses the “limits”, the boundaries of this narrative situation as such, which Bestuzhev-Marlinsky clearly manifested, and establishes the significance of his works for the evolution of narration in

Russian literature: the next stage in the evolution of authorial narration in Russia will be the convergence of the narrator with the image of the author.

Keywords: authorial narration, first-person narration, Bestuzhev-Marlinsky, historical narratology, Fedor Emin, Lawrence Sterne, authorial intrusions, digressions

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00417.

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. (2022) Authorial narrative situation in the prose by Alexander Bestuzhev-Marlinsky in the light of historical narratology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 24–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/3

Эта статья посвящена исследованию повествовательных особенностей прозы А.А. Бестужева-Марлинского, которая в полной мере отражает эпоху господства аукториальной наррации (термин Ф. Штанцеля) в русской литературе и демонстрирует, с одной стороны, ее максимально проявленные возможности, а с другой – «встроенные» в нее ограничения. Цели исследования состоят в том, чтобы, во-первых, проанализировать повествовательную манеру Марлинского как своего рода «пик», «акмэ» аукториальной наррации в России, во-вторых, отразить «пределы», границы этой повествовательной ситуации как таковой, замечательно проявляющиеся именно у Марлинского, и, в-третьих, установить значение его произведений для эволюции наррации в русской литературе. Следует отметить, что, хотя Бестужев-Марлинский, несомненно, известная фигура, о которой написано немало, последовательный нарратологический анализ его прозы почти не проводился (за исключением статьи В.Ш. Кривоноса и, до некоторой степени, статей Е.В. Вранчан и Т.Н. Степанищевой [1–3]): до сих пор исследователи в основном фокусировались на мотивно-тематической составляющей его творчества, на жанровой традиции и проблеме влияний (см., например: [4. С. 261–316; 5–11]).

Термин «аукториальная наррация», как известно, берет свое происхождение из нарративной теории Ф. Штанцеля, который сводит возможные варианты нарративной организации текста к трем типам «повествовательных ситуаций»: аукториальной, персональной и ситуации я-повествования [12]. При аукториальной ситуации повествование ведется в третьем лице, при этом нарратору также принадлежит точка зрения и он сильно выявлен, выступая с оценками и комментариями. Концепция Штанцеля неоднократно подвергалась серьезной критике нарратологов, которые указывали, что в этой типологии смешаны разные критерии, а именно «кто говорит» и «кто видит»: «Если первые два типа, связанные повествователем “от третьего лица”, отличаются точкой зрения, то третий тип, по Штанцелю, определяется исключительно присутствием нарратора в повествуемой истории. Несмотря на ряд критических отзывов нарратологов на эту тему, Штанцель так и не принял довод, что здесь смешаны два разных критерия и что в “рассказе от первого лица” точка зрения может быть и “аукториальной”, и “персональной”» [13. С. 88]. Тем не менее, поскольку концепция Штанцеля широко популярна и при этом обладает определенным «историко-эволюционным», диахроническим потенциалом, воспользуемся этим термином.

Аукториальная наррация в русской литературе, как, по-видимому, и в других национальных литературах, представляет собой исторически наиболее ранний тип повествования. В подавляющем большинстве случаев именно оно задействуется в произведениях XVIII – первой половины XIX в. (иногда перемежаясь я-повествованием). К началу XIX в. традиция аукториального повествования как бы складывалась из *двух линий*. Первую можно обозначить как *серьезную, или патетико-дидактическую*. Она восходит к первым русским романам, в частности, к «Непостоянной фортуны, или Походу Миранда» (1763) Ф.А. Эмина, где комментарии и оценки аукториального нарратора в основном сводятся к общим местам и моральным максимах вроде «Никогда нам при наших предприятиях торжествовать не надобно, покамест благополучного окончания не достигнем» [14. Ч. 1. С. 18]; «Милее нам друг в нещастии, нежели отец в благополучии» [14. Ч. 1. С. 25] и пр. Аукториальный нарратор здесь порой говорит о себе в первом лице – хотя и сравнительно нечасто: «Сказывают, ежели кто в наших злоключениях берет участие, то мы в мучениях своих некоторое облегчение ощущаем. Но мне сие мнение несправедливым кажется. Не видал я еще ни одного человека, который бы в то время перестал плакать, когда другой прослезившись рыдать оному помогает» [14. Ч. 1. С. 29]. У Эмина аукториальный нарратор еще не ведет игры с читателем – он вполне серьезен.

Напротив, *вторая линия – смеховая, комическая, игровая*. Она реализуется прежде всего в тех произведениях ранней русской литературы, которые восходят к европейскому «комическому роману», представленному прежде всего Сервантесом, Л. Стерном и П. Скарроном, с характерными для этого жанра металептическими вставками – т.н. «авторскими вторжениями». На русской почве наиболее значительным произведением такого рода в XVIII в. стал роман «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766–1768, 1789) М.Д. Чулкова. В нем присутствует инстанция аукториального экстрадиетического нарратора, «управляющего» течением повествования, характеризующаяся, однако, субъектной неустойчивостью: уже в предисловии «автор» как бы надевает на себя шутовской колпак, и затем легко меняет «личины»; в начальных главах его голос сливается с голосом Ладона, одного из основных интрадиетических рассказчиков, а к концу романа то же происходит с голосом второго интрадиетического нарратора – беглого монаха. Главная функция аукториального нарратора у Чулкова – иронизировать над всем рассказанным; в

связи с этим он обсуждает повествовательное (романное) искусство и его конвенции, причем «романическое» определяется как «противное здравому смыслу» (так же, как у Сервантеса и Скаррона), например: «...в сем месте должно описывать разлуку любовников, как они проклинают свою жизнь, желают всякий час смерти, ищут, чем заколоться <...>. Но я последую лучше здравому рассуждению и буду сказывать то, что больше с разумом и с природою сходно» [15. Ч. 3. С. 186–187]. Хотя аукториальный повествователь у Эмина серьезен, а у Чулкова шутив, оба они сходны в том, что остаются для читателя довольно абстрактными фигурами (у Чулкова – еще и крайне противоречивой, даже «дискретной»).

В самом конце XVIII в., в творчестве Н.М. Карамзина, аукториальный нарратор становится более конкретен и отчетлив. В эссе «Что нужно автору?» (1802) писатель утверждал, что «творец всегда изображается в творении», и в карамзинских повестях аукториальный нарратор отвечает его идеалу как человека с «чувствительной грудью», куда «всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь», человека, обладающего «*страстью к добру*», питающего в себе «святое, никакими сферами не ограниченное *желание всеобщего блага*» [16. Т. 2. С. 120–121]. Другой, комический, вариант аукториального нарратора представлен в рассказе Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1803), который явно следует за романом Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Любопытно, что Марлинский стоял на схожей позиции: «...книга есть человек; творение есть отражение творца, так я думаю и верю...» [17. Т. 2. С. 513] – и тоже при этом не пренебрегал комической линией традиции.

В романтической прозе первой трети XIX в. наррация была почти исключительно аукториальной, причем нарратор оставался сравнительно абстрактным, раскрывая свои оценки тех или иных событий и персонажей, свои литературные вкусы, но не становясь предметом собственной рефлексии как «я». Разница заключалась в степени выраженности, протяженности и сложности авторских вторжений. И проза Бестужева-Марлинского, с нашей точки зрения, представляет собой своего рода «акмэ» в эволюции русской аукториальной наррации: именно в его творчестве максимально разнообразно использованы ее возможности и приемы, явлены обе линии ее развития, выказаны ее парадоксы – риторические и онтологические, и в то же время явно намечены ее ограничения. При этом Марлинский обращается к обеим линиям традиции, в основном не смешивая их в одном произведении.

Так, в сравнительно ранней повести «Роман и Ольга» (1823) из древнерусской жизни наррация явно восходит к серьезной, или дидактической, линии: нарратор не играет с читателем и героями (которые в равной мере становятся объектами его обращений и комментариев), а наставляет первых и судит вторых – или сочувствует им. Авторские вторжения здесь не слишком развернутые (если сравнивать с другими текстами Марлинского) и направлены на истолкова-

ние рассказываемой истории как таковой, а не на рефлексии приемов ее рассказывания или собственную вербальную деятельность нарратора. Любопытно, что нарратор, несмотря на свое явное присутствие и однозначные оценки, не называет себя «я», избегает этого местоимения. Марлинский постоянно прибегает к риторическим вопросам, восклицаниям и обращениям («Души пылкие! вам они понятны: вы изведали сии волшебные мгновения, когда каждая мысль – радость, каждое ощущение – нега, каждое чувство – восторг!» [17. Т. 1. С. 43]), в том числе к героям («Покойно все на берегах Волхова; только ты не спишь и не дремлешь, прелестная Ольга!» [17. Т. 1. С. 50]). Нарратор выказывает себя сочувственником персонажей, волнуясь за их благополучие. При этом он высказывает моральные максимы и общечеловеческие «истины», окрашенные ностальгией по старым временам, по будто бы более добродетельной, нежели современность, древности: «В те времена добрые люди не стыдились еще слез своих, не прятали сердца под приветной улыбкою: были друзьями и недругами явно»; «Совесть упрекает нас сильнее, когда решимость на худое дело напрасна, ибо досада неудачи ее подстрекает, – то же самое было с Романом» [17. Т. 1. С. 38, 53]. Здесь еще явно ощущаются отзвуки предшествующей эпохи поэтики – традиционалистской, или, по С. Н. Бройтману, эйдетической, для которой характерна, среди прочего, такая особенность, как «ввергнутость» Автора «в мир произведения так же», как и персонажей. Этот статус наиболее очевидно проявляется в том, что автор «входит в свое произведение не только как художник, но и в качестве эстетически непосредственного субъекта, имеющего заданную моральную цель» [18. С. 151].

Схожим образом устроена повесть «Замок Нейгаузен» (1824), где присутствуют все названные особенности, в том числе однозначная моральная оценка героев повествователем, но при этом возникает «я» нарратора: «Я видел живописный Нейгаузен, и в нем не раздавался уже звук стаканов, ни гром оружия. Верхом въехал я в круглую залу пиршества, – там одно запустение и молчанье. Этот замок, построенный Вальтером фон Нордеком в 1277 году и наступивший пятою на границу России, доказывал некогда могущество Ордена; теперь доказывает он силу времени. Лишь одна круглая башня, прекрасной готической архитектуры, устояла; остальное распалось» [17. Т. 1. С. 123]. Здесь нарратор появляется как своего рода свидетель протекшего времени, глас таких истин, как *memento mori* и *sic transit gloria mundi*. Повесть с ее четко распределенными ролями добродетельных героев и злодеев получает не только чисто событийную концовку, но и разрешение в более широком пространственно-временном и умоглядном плане; роль нарратора как «я» сводится к функции способствовать этому завершению.

К типу повестей со схоже устроенной нарративной относится и «Изменник» (1825), где «я» рассказчика тоже появляется лишь однажды, выражая его сомнения, неуверенность, ограниченность знания («Не знаю, искренна или корыстна была дружба сия, но

они стали неразлучны. Так два нагорных потока, встретясь, кипят и спорят, и с ревом, неодоленные оба, сливают волны свои, и несутся одною дорогой» [17. Т. 1. С. 168–169]), и «кавказская быль» «Аммалат-Бек» (1832), где авторские вторжения сравнительно кратки и малочисленны. В основном аукториальность проявлена здесь через частое использование притяжательного местоимения «наши» по отношению к героям, риторические обращения к ним («Ужели твое сердце, твои глаза, Селтанета, не узнали своего любимца?» [17. Т. 2. С. 40]) и к читателям, а также «этнографические» соображения нарратора, отчасти тоже восходящие еще к «Мирамонду» и эминовской традиции, например: «По правому берегу его, между холмами и перелесками, рассеяны аулы кабардинцев, которых мы смешиваем в одно название черкесов, живущих за Кубанью, или чеченцев, обитающих гораздо ниже к морю. Побережные аулы сии мирны только по имени, но в самом деле они притоны разбойников...» [17. Т. 2. С. 43]. Наконец, чрезвычайно характерны для этой линии аукториальной наррации морализующие высказывания нарратора, судящего своих героев: «Сколько раз вместе с Верховским бодрствовал он в подобные ночи, – и где теперь он? И кто низвергнул его в могилу? И его убийца пришел теперь обезглавить труп недавнего друга, надругаться над его останками; как вор гробокопный, пришел...» [17. Т. 2. С. 118].

Более сложно устроена наррация в повести «Фрегат “Надежда”» (1833). Здесь Марлинский перемежает фрагменты с аукториальной наррацией письмами героев, которые тоже двигают сюжет. Авторские отступления тут весьма частые и порой весьма распространенные, причем не только касаются «общечеловеческих» чувств и истин и не только сводятся к суждениям о тех или иных душевных качествах и поступках героев, но и, например, допускают обширные рассуждения об искусстве – таково, в частности, замечательное аналитическое отступление о скульптурной группе Кановы «Амур и Психея», спровоцированное как схожестью Душеньки (Психеи) с героиней повести княгиней Верой, так и местом объяснения героев. Другое обширное отступление касается Наполеона и плавно переходит в отступление о платонизме, причем нарратор демонстрирует более сильные и менее «конвенциональные» эмоции, чем обычно у Марлинского, приобретая тем самым больше индивидуальности; ирония его становится более злой: «Да, милостивые государи и милостивейшие государыни, зовите меня как вам угодно, – я зло усмехаюсь, когда слышу молодую особу или молодого человека, рассуждающих о бескорыстной дружбе платонизма <...>. Платонизм – Калиостро, заговорит вас; он вытащит у вас сердце, прежде чем вы успеете мигнуть, подложит вам под голову подушку из пуха софизмов, убаюкает гармонией сфер, и вы уснете будто с маковки; зато проснетесь от жажды угара, с измятым чепчиком и, может быть, с лишним раскаянием. Притом – но неужто вы не заметили, что я шучу, что я хотел только попугать вас?.. Помилуйте, г.г.! мне ли, всегдашнему поклоннику этого милого каплуна в нравствен-

ном мире, поднять на него руку! Мне ли писать против него, когда я вслух, вполголоса всегда говорил в его пользу, писал ему похвалы стихами и прозою! Любопытные могут прочесть мою статью “Нечто о любви душ”. Она напечатана в “Соревнователе просвещения и благотворения”, не помню только в каком году, рядом с речью “О влиянии свирели и барабана на юриспруденцию”» [17. Т. 2. С. 239]. Любопытно здесь и пересечение границы двух миров: нарратор ссылается на реальный журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825), но на несуществующую статью.

Эта повесть вообще отличается прихотливостью отступлений – так, длинейшее отступление об очах милой и об отражении внутреннего мира человека в «яблоке глаза» («...любопытен и глаз каждого человека: чудный, хотя и неизданный роман таится в нем; каждый взор его есть уже глава, то в роде Жилблаза, то в роде Дон-Кихота или Роб-Роя» [17. Т. 2. С. 251] и т.д.) переходит в мрачные рассуждения о природе человека и, в частности, поколения, к которому принадлежит нарратор, далее от мысли о высоких душах он движется к восхищению созерцанием небосвода, размышлениям о бессмертии, о Боге, наконец, о море. Сама культура отступлений, видимо, унаследована от Стерна, но Марлинский здесь гораздо патетичнее, чем автор «Тристрама Шенди». Следует отметить и то, что в этом отступлении нарратор сообщает различные факты о самом себе: о знакомстве с людьми высокой души («Сколько высоких душ знал я, сколько знаю доселе! Они мирят человека с человечеством, как мирит природа человечество с его судьбою» [17. Т. 2. С. 252]), о той роли, которую море играло для него в юности («И ты, море, бурный друг моей юности! <...> Отрок, я играл с твоими всплесками; юноша, я восхищался твоими зеркальными тишинами и грозными бурями с вышины мачты. Праздниками были мне те дни, те недели, которые мог я проводить на палубе, вырвавшись из душной столицы <...>. Помню, как, бывало, вахтенный лейтенант, шутя, отдавал мне рупор для поворота и с каким неизъяснимо сладким удовольствием командовал я: “право на борт” и “кливершкот отдай!”» [17. Т. 2. С. 253]), о необходимости разлучения с ним и, видимо, о своей солдатской, походной жизни («Сколько раз <...> сожалел я, в грязи биваков, о зыбкой койке на кубрике...» [17. Т. 2. С. 253]), что совпадает с биографией самого Марлинского.

При этом нарратор и здесь не теряет характерного для творчества Марлинского морализма: «Да, ужасное похмелье дает нам упоение страстями! Изможденные телом и духом, мы пробуждаемся перед судом для того, чтоб услышать приговор неумытных жюри, которые из глубины души произносят страшное guilty – виновен» [17. Т. 2. С. 269]. В финале нарратор, с одной стороны, опасается, как бы его повесть не послужила соблазну, а с другой, размышляет о том, что в мире нет ничего, в чем зло бы не было смешано с добром: «...может быть, какой-нибудь бездушный ловелас выдавит сладкую отраву из любви Правина и Веры, перескажет неопытности лишь то, что льстит его намерениям. <...>

И его слушают, ему почти верят! При этой мысли я готов изломать перо свое! Но существует ли в мире хоть одна вещь, не говоря о слове, о мысли, о чувствах, в которой бы зло не было смешано с добром? <...> Бросим же смешную идею исправлять словами людей! Это забота провидения. Мы призваны сказать: так было, – пусть время извлечет из этого злое и доброе» [17. Т. 2. С. 283–284].

В связи с отмеченным в этой достаточно поздней повести «прояснением» облика нарратора, введением в нарратив некоторых биографических подробностей из жизни самого автора, следует поставить два вопроса: во-первых, о границах аукториального и я-повествования в прозе Марлинского и, во-вторых, о том, создает ли писатель т.н. «образ автора».

Действительно, если читать его прозу большим массивом, то отчетливыми становятся теоретические трудности разделения аукториального и я-повествования. В самом деле, если в обоих случаях нарратор говорит о себе «я», то каков критерий их разделения? Считается, что таковым является критерий диегетичности / недиегетичности повествователя: «Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе. Диегетический нарратор фигурирует двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект). Недиегетический же нарратор повествует не о самом себе как фигуре диегесиса, а только других фигурах. Его существование ограничивается планом повествования, “экзегесисом”» [13. С. 81]. Но в случае прозы Марлинского зачастую возникают трудности в определении того, является ли повествуемое «я» в данном тексте еще и повествуемым.

Такова, например, ситуация в повести «Замок Венден (Отрывок из дневника гвардейского офицера)» (1823). С одной стороны, уже в подзаголовке дается некая характеристика нарратора; в начале он сообщает о себе некие сведения, выходящие за пределы «экзегесиса»: «Говорят, маршрут переменен и полк наш станет в Вендене. Итак, я увижу сей столичный город древнего ливонского рыцарства» [17. Т. 1. С. 69]. С другой стороны, манера его повествования не отличается от названных выше повестей: налицо та же эмоциональность, те же четкие моральные оценки, те же риторические вопросы и восклицания, и даже советы, обращенные к героям («Проснись, Рорбах, или час твой близок! Ужели не слышишь крика ласточки над окном твоим? не слышишь граяния ворон, тучей поднявшихся с башен замка?»; «Ненавижу в Серрате злодея; но могу ли вовсе отказать в сострадании несчастному, увлеченному духом варварского времени, силою овладевшего им отчаяния?...» [17. Т. 1. С. 75, 76]).

Должен ли читатель соотнести эту повествовательную манеру с обликом молодого и пылкого, благородного духом гвардейского офицера? И если да, то не распространится ли невольно это впечатление на повести, лишённые указания на биографию и личность рассказчика, но рассказанные в той же манере? При чтении повестей Марлинского подряд в очень

сильной степени возникает такой эффект. Более сглажен он лишь в тех его произведениях, которые строятся на приеме вставных историй и, соответственно, обладают рядом рассказчиков («Вечер на бивуаке», 1823; «Второй вечер на бивуаке», 1823; «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», 1830; «Страшное гаданье», 1831; «Латник (Рассказ партизанского офицера)», 1832), хотя зачастую они и принадлежат той же гвардейской офицерской среде, т.е. возникает своего рода метатекст. Более того, и основной (обрамляющий) рассказчик в них склонен к аукториальным «выходам», и сам предмет и манера рассказа иногда совпадают с повестями, где нарратив ведет отчетливо аукториальный рассказчик (см., например, в «Вечере на Кавказских водах в 1824 году», где рассказчик вставной истории позволяет себе нечто вроде стернианского металеписа: «– Если вы, господа, станете беспрестанно перерывать рассказ, то помешаете брату моему и жениться и быть разорвану в клочки! – вскричал рассказчик с нетерпением» [17. Т. 1. С. 276]; я-нарратор всегда повествует у Марлинского как бы ввиду читателей). И, наконец, участие я-нарратора в диегесисе здесь крайне ограничено – фактически «рамка» с его участием сводится к установлению условий рассказывания вставных историй.

Очень любопытно устроена наррация в «рассказе» «Кровь за кровь» (1825) – подзаголовок «рассказ» здесь указывает на сообщение некоего лица. Действительно, начальный композиционный элемент этого текста представляет собой предупреждение, подписанное реальным именем автора – «А. Бестужев» и повторяющееся как образ молодого гвардейского офицера, пребывающего с полком в Ливонии (как в «Замке Венден»), так и мотив разрушенного замка, чья прошлая слава осталась позади – как в «Замке Нейгаузен»: «В последний поход гвардии, будучи на охоте за Нарвою, набрел я по берегу моря на старинный каменный крест; далее в оставленной мельнице увидел жернов, сделанный из надгробного камня с рыцарским гербом... и, наконец, над оврагом ручья, развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился с вопросами к одному из наших капитанов, известному охотнику до исторических былей и старинных небылиц. Он уже успел разведать подробно об этом замке от пастора, и когда нас собралось человек пяток, то он пересказал нам все, что узнал, как следует ниже. А. Бестужев» [17. Т. 1. С. 176]. Дальнейшее же повествование являет собой раннюю форму сказа («Кажись бы, зачем строить такие крепости, коли жить с соседями в мире?...», «Надо было видеть тогда барона: ниже травы, тише воды сделался; откуда взялись слезы, откуда молитвам выучился!.. Зачал небось причитать Лазаря. Оно, правду сказать, смерть не свой брат...» [17. Т. 1. С. 177, 188] и пр.), который при этом по ряду параметров повторяет типичное аукториальное повествование Марлинского – с апелляциями к общечеловеческому закону и моральными сентенциями, с идеализацией нравов старины, с нравственным судом над героями.

Другой пример «невыверженности» наррации в рамках одной из повествовательных ситуаций являет

собой повесть «Лейтенант Белозор» (1831). На протяжении всей повести ведется, казалось бы, аукториальное повествование в назидательно-идиллической манере, но с рядом игровых, даже комических фрагментов: «Двадцать пять лет – опасный возраст, милостивые государи, особенно для людей, заключенных в плавучем монастыре, и Белозор, волнуемый болезнию, которую мы привыкли называть молодостью, воспламенился пред неясною, неопределенною мечтою своего создания. Он так нежно, так страстно глядел на Голландию, <...> хотя и не выронил слезы, которая бы очень романически сорвана была вихрями и слилась с бездной океана, но вздохнул, и вздохнул очень глубоко. Не могу скрыть этого важного обстоятельства, как верный историк и покорный слуга истине» [17. Т. 1. С. 344]. Нарратор шутит с читателями, включая некоторые сведения из вроде бы собственной жизни – разумеется, в духе условности: «Но, милостивые государи, у меня нет прекрасной дочери, для которой бы вы стали, подобно Виктору, слушать все описания игрушек, и редкостей, и сосудов, орудий домашних...» [17. Т. 1. С. 363]. Описание героини шутливо апеллирует к топосам поэзии Пушкина: «...ножки, которые сам причудливый Пушкин мог бы поместить вместо эпиграфа какой-нибудь поэмы, – одним словом, всё, от гребенки до булавки, восхищало в ней нашего героя» [17. Т. 1. С. 358].

В духе Жан-Поля, используя многоступенчатые метафоры, сравнивает нарратор литературу с бытовыми делами: «Как романтик нашего времени, одержимый бесом бесконечности, бродит по горам и по долам, вызывает с Манфредом или Фаустом гениев стихий и разгадывает говор листьев, шум водопада, рев моря, – она пристально внимала ропоту кастрюль, шипению теста, и тайны варенья и печенья открывались пред ней в тишине и уединении» [17. Т. 1. С. 365]. Вслед за немецкими романтиками нарратор подключает гротескную кладбищенскую эстетику – «беспорядочное» письмо Виктора метарефлексивно сравнивается с беспорядком на кладбище: «В младенчестве слышал я сказку о добром молодце, который, украв у соседа петуха, набрел, пробираясь через кладбище, на толпу мертвецов. Забавники того света, покинув могилы, чтоб погреть свои костина месяце, играли, перекидывая своими головами как мячом <...>. Наутро любопытные нашли весь гробовой мир вверх дном: известный красавец лежал с беззубою головою старухи, у старика профессора философии накинута была набекрень детская головка <...>. Проснувшись на заре, точно в таком же беспорядке нашел письмо свое Виктор» [17. Т. 1. С. 375–376].

При всем этом в повести присутствует «Эпилог», где неожиданно, в нарушение ранее заданных условий повествования, появляется... авторская фигура: «В 1822 году, под осень, я приехал в Кронштадт встретить моряка-брата, который должен был возвратиться из крейсера на флоте. <...> Увиваясь между пестрыми рядами, меняясь вопросами со знакомыми, поклонами с полужнакомыми и приветствиями с пригоженькими, я был поражен необыкновенною красотою одной высокого роста дамы <...> Я несколько раз

вспрыгивал рядом с нею на парапет; шпоры мои брэнчали на чугуне пушки, сабля исторгала искры из гранита, но все эти проделки не выманили у прекрасной незнакомки ни одного взора, ни малейшего внимания. Самолюбие мое было обижено до конца ногтей: имея тогда красные щеки, черные усы и белый султан, я полагал, что имею право по крайней мере на ласковый взгляд каждой женщины; но это подстрекало меня; я хотел упорством победить упорство и как бог Термин прирос вблизи, любуясь ее ножками, карауля взгляды и в отместку наводя свою трубку на море» [17. Т. 1. С. 414–415]. Далее выясняется, что это и есть Жанни, некогда возлюбленная, а теперь жена Виктора. Автор как бы является засвидетельствовать подлинность рассказанного, при этом его фигура, с одной стороны, воспроизводит уже известный нам образ молодого офицера, а с другой – имеет явную комическую окраску. Более того, ввиду эпилога предшествующее повествование имеет потенцию перейти из разряда аукториального в разряд яповествования.

Наконец, «Письма из Дагестана» (1832) уже вполне вписываются в ситуацию яповествования, в них возникает вполне отчетливый и детально прописанный образ нарратора, который ближе всего в творчестве Марлинского подходит к тому, чтобы стать «образом автора». Напомним, образ автора – это ««вторичный автор» (Бахтин), созданный автором-творцом произведения в качестве своего воплощения – зримого (фигура «писателя», якобы создавшего произведение, одним из персонажей которого он в действительности является) или слышимого («голос» писателя – как бы «внезаходимого» субъекта прямого и авторского слова об изображенном мире)» [19. С. 148]. Хотя по ряду признаков образ автора сближается с понятием «аукториальный нарратор», однако, в отличие от последнего, который может быть сколь угодно абстрактной фигурой, образ автора характеризуется узнаваемостью – причем такой, в которой угадывается сам биографический автор; иначе говоря, образ автора – это проекция автора первичного, реального, биографического, в художественной плоскости.

По мнению В.Ш. Кривоноса, образ автора – крайне существенная черта творчества Марлинского, как бы организующая собой всё остальное: «Игра на значимом совпадении биографического автора и образа автора (их взаимной трансформации) позволяет Бестужеву-Марлинскому, с одной стороны, использовать текст как материал реконструкции авторской личности, отвечающей романтическому канону, с другой, обосновать существенный для романтизма принцип творческой тотальности» [1. С. 180]. Однако, как бы ни была соблазнительна идея о романтическом автобиографизме прозы Марлинского, по нашему мнению, большинство особенностей позиции нарратора в ней проистекают не из романтического мироощущения, а из литературной традиции. Например, как мы попытались показать выше, общечеловеческие истины и сентенции, характерные для нарратора у Марлинского, связаны не столько с романтическим «установлением эквивалентности повествователя и

героя», «общей у них способности пережить сходное психологическое состояние “с примерно одинаковой последовательностью стадий”» [1. С. 183, 184], сколько с усвоением специфики русского аукториального повествования – таких сентенций сколько угодно можно найти в русской прозе XVIII в., от серьезного Эмина до иронического Чулкова – и далее, например, у Н.М. Карамзина.

По нашему мнению, образ автора, при всей развитости аукториального повествования в прозе Марлинского, только начинает у него формироваться и не находит полного воплощения: дело в том, что нарратор у него рефлексует себя прежде всего в качестве литературного посредника между изображаемым миром и читателем и почти никогда не рефлексует себя именно как «я» в его человеческом, а не литературном измерении. Если, скажем, в это же время у Пушкина в «Евгении Онегине» образ автора представит и субъектом наррации (и метанаррации), и персонажем, участвующим в сюжетных событиях и наделенным автопортретными характеристиками, то у Марлинского дело обычно ограничивается первой из названных ипостасей. Ближе всего ко второй из них он подходит в «Письмах из Дагестана», где, однако, не получают никакого отражения важнейшие биографические факты жизни самого писателя: участие в декабристском движении и ссылка с разжалованием в солдаты (Пушкин, напомним, легко касается обстоятельств своей ссылки эвфемизмом «Но вреден север для меня»). А учитывая сложные, мягко говоря, отношения Бестужева-Марлинского с Николаем I, вряд ли можно говорить об автобиографичности такой эмоции нарратора: «Какой русский не веселится сегодня, празднуя тезоименитство великого нашего монарха! Но между тем как шампанское шумит и льется и пьется за его драгоценное здоровье у вас в столице, я посвящаю эти часы славе его победного оружия» [17. Т. 2. С. 167].

Тем не менее, у читателя возникает соблазн соотносить фигуру я-нарратора и биографического автора, тем более что повествование претендует на очерковость и документальность. Нарратор полон храбрости, воинского духа и при этом – в колониальном духе, уже известном нам по «Аммалат-Беку», – выносит решительные суждения об «азиатцах», т.е. народах Кавказа: «Трудно себе вообразить, как легко взбунтовать азиатцев! Самые нелепые слухи, самые невероятные надежды, самые несбыточные обеты идут у них за чистое золото» [17. Т. 2. С. 131]. Он почитает себя знатоком местных обычаев и языка: «Меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком...» [17. Т. 2. С. 144]. Он с презрением относится к трусости и не боится смерти: «В это время я был в Дербенте. В городе кипела какая-то мрачная деятельность. Мне все это казалось очень забавно. “Стоит ли жизнь таких хлопот?” – думал я и преспокойно закуривал фитилем трубку» [17. Т. 2. С. 136].

Довольно редко здесь встречаются металитературные «вторжения»: «Мы, как гомеровские троянцы, рукоплескали со стен победителям» [17. Т. 2. С. 142] – как и шутливо-иронические замечания («Дождь лив-

мя... <...> Палатки наши плавают, как стада чаек по болоту. <...> ...полевые мыши, на которых, видно, за грехи наслан потоп, спасаются на бурке моей от мокрой смерти, так что карманы мои обратились в невольные мышеловки. <...> Под такую погоду разве можно писать статью “Об удовольствиях походной жизни”!» [17. Т. 2. С. 150]) и патетические рассуждения: «Луч солнца играл, как поцелуй ангела, на лице моем, будто никогда не кропленным ни каплею пота, ни каплею слез, ни каплею крови! Тогда я мог сказать, как Фауст: “Возвышенный дух! ты дал мне, дал мне все, о чем молил я. Ты отдал мне в царство пышную природу, даровал силу ее чувствовать, ею наслаждаться! <...>”» [17. Т. 2. С. 170]. В общем, хотя «Письма из Дагестана» из всего наследия Марлинского ближе всего подходят к формированию «образа автора», в конечном итоге это так не происходит: многие высказывания нарратора представляются вполне близкими идеям самого писателя, описанные события происходят там, где, действительно, был Марлинский, но в «Письмах...» отсутствуют сугубо автобиографические штрихи. Примечательно также, что Марлинский оказался наиболее близок к созданию образа автора именно в ситуации яповествования, а не аукториальной наррации.

При этом в своей прозе, принадлежащей не к серьезно-дидактической, а к комически-игровой линии аукториального повествования, Марлинский, хотя и называет собственное имя в качестве авторско-нарраторского (в повести «Мореход Никитин»), оказывается очень далек от создания образа автора: повествующий субъект здесь рефлексует себя почти исключительно в качестве субъекта наррации и метанаррации. Эту линию аукториального повествования представляют такие повести, как «Ревельский турнир», «Испытание», «Мореход Никитин». Она явно ведет свое происхождение от Стерна и Сервантеса, к романам которых здесь присутствуют отсылки.

Первым опытом Марлинского в этом роде, еще довольно скромным, стала повесть «Ревельский турнир» (1825), сочетающая в себе обе линии традиции: с одной стороны, авторские вторжения здесь довольно кратки, как это характерно для дидактической линии, а с другой, они имеют отчетливо комическую интенцию и сфокусированы не только на предмете повествования, как в первом случае, но и на повествовании как таковом, а также на литературе, т.е. метарефлексивны и имеют игровую природу. Здесь нарратор обращается к читателям именно как к читателям – подчеркивая их статус и литературный статус собственного сочинения: «Угадываю любопытство многих моих читателей, не о яблоке познания добра и зла, но о яблоке родословном, именем Минны украшенном, – и спешу удовлетворить его, во-первых, потому, что я хочу нравиться моим читателям, во-вторых: не таюсь – люблю поговорить о прекрасных, хотя не умею говорить с ними» [17. Т. 1. С. 130]. Марлинский в «Ревельском турнире» еще несколько «старомоден» в использовании металеписов – подобно Чулкову в «Пересмешнике» (и вообще авторам XVIII в.), он осуждает романы и «романическое» как нечто неесте-

ственное и неправдоподобное, а также постоянно вставляет дидактические сентенции, обращенные к каждому: «Эдвин договорил это приветствие трепещущим голосом, но был доволен, что сказал его, конечно, более читателя, которого я прошу, хоть для меня, простить моего героя: во-первых, потому, что он не читал ни одного французского словаря комплиментов, а во-вторых, стоял перед прекрасною девушкою, к которой был очень неравнодушен. Ах! кто из нас не казался порой учеником пред светскими красавицами? <...> когда разыграется сердце, остроумие прячется так далеко, что его не выманишь ни мольбами, ни угрозами. И что ни говори, я не верю многословной любви в романах» [17. Т. 1. С. 132].

Гораздо свободнее написана повесть «Испытание» (1830), в которой знаки авторского присутствия не только рассеяны щедрее, но и в полной мере продолжают стернианскую традицию. Здесь много т.н. отступлений, тормозящих развитие сюжета, причем сами эти отступления рефлексированы – например, в виде эпиграфа из Байрона перед одной из главок: «If I have any fault, it is digression». Совершенно по-стерниански звучит отступление об усах (см. в «Тристраме Шенди» соответствующую главу): «Я мог бы при сей верной оказии, подражая милым писателям русских новостей, описать все подробности офицерской квартиры до синего пороха, как будто к сдаче аренды; но зная, что такие микроскопические красоты не по всем глазам, я разрешаю моих читателей от волнования табачного дыма, от бряканья стаканов и шпор, от гомеровского описания дверей, истрелянных пистолетными пулями, и стен, исчерченных заветными стихами и вензелями, от висящих на стене мундштуков и ташки, от нагорелых свеч и длинной тени усов. Когда же я говорю про усы, то разумею под этим обыкновенные человеческие, а не китовые усы, о которых, если вам угодно знать пообстоятельнее, вы можете прочесть славного китолова Скорезби. Впрочем, да не помыслят поклонники усов, будто я бросаю их из неуважения; сохрани меня Аввакум! Я сам считаю усы благороднейшим украшением всех теплокровных и хладнокровных животных, начиная от трехбунчужного паши до осетра. Но вспомните, что мы оставили гостей не простясь, а это не слишком учтиво» [17. Т. 1. С. 193–194].

Целую главу посвящает нарратор описанию Сытного рынка, причем за ним следует диалог с читателем: «Помилуйте, господин сочинитель! – слышу я восклицания многих моих читателей. – Вы написали целую главу о Сытном рынке, которая скорее возбудит может аппетит к еде, чем любопытство к чтению».

«В обоих случаях вы не в проигрыше, милостивые государи!»

«Но скажите по крайней мере, кто из двух наших гусарских друзей, Гремин или Стрелинский, приехал в столицу?»

«Это вы не иначе узнаете, как прочитав две или три главы, милостивые государи».

«Признаюсь, странный способ заставить читать себя».

«У каждого барона своя фантазия, у каждого писателя свой рассказ. Впрочем, если вас так мучит любопытство, пошлите кого-нибудь в комендантскую канцелярию заглянуть в список приезжающих»» [17. Т. 1. С. 205].

Встречаем мы и литературную рефлексия, сопоставляющую жизнь героев, с одной стороны, и роман, поэзию, с другой: «Такие мечты лелеяли сон Алины, и хотя в них не было ничего определенного, ничего такого, из чего бы можно было выкроить сновидение для романтической поэмы или исторического романа, зато в них было все, чем любит наслаждаться юное воображение» [17. Т. 1. С. 214]; «...графиня все вертелась еще перед трюмо в прелестном утреннем платье и, подобно поэту, который точит и гладит стихи свои, чтобы они по легкости казались прямо упавшими с пера, разбрасывала каштановые кудри по высокому челу с утонченною небрежностью» [17. Т. 1. С. 216].

Нарратор, подобно повествователям комического автоматарефлексивного романа, как бы надевает шутовской колпак: ««Ваши часы идут заодно с сердцем, подле которого лежат они; любовь – прилипчивая болезнь, ваше сиятельство», – сказал бы я графине, если б я был ее служанкою, по судьба создала меня только покорным слугою прекрасных, и я должен часто молчать, когда мог бы вернуть словцо очень кстати» [17. Т. 1. С. 216]. Наконец, нарратор прямо называет имена героев первого комического романа – «Дон Кихота» Сервантеса, устанавливая игровой и автоматарефлексивный строй своей повести: «– Полно, полно, любезный мой Дон-Кишот; мы между друзьями»; «Пустьяс в определения, я не остановлюсь на одном: у меня страсть к философии, как у Санхо Пансы к пословицам» [17. Т. 1. С. 195, 199].

Наконец, своего рода пределом развития «стернианской» линии аукториального повествования у Марлинского является поздняя повесть «Мореход Никитин» (1834), чему, видимо, способствует и «английский» сюжет. Нарратор с самого начала постоянно напрямую говорит с читателем, причем уснащает свою речь множеством шуток и каламбуров, например: «Посудина эта, или, выражаясь учтивее, этот корабль, – а слово *корабль*, заметьте, произвожу я от *короба*, а *короб* от *коробить*, а *коробить* от *горбить*, а *горб* от *горы*; надеюсь, что это ясно; какие-то подкидыши этимологи производят *корабль* от какого-то греческого слова, которого я не знаю, да и знать не хочу, но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная каким-нибудь продавцом грецких орехов; я, как вы изволите видеть, коренной русский, происхожу от русского корня и вырос на русских корнях, за исключением биквадратных, которые мне припились не по зубам, а потому, за секрет вам скажу, терпеть не могу ничего заморского и ничему иностранному не верю <...>» [17. Т. 2. С. 286]. Шутки эти в большой степени металитературны: «Окунитесь только в нашу словесность, решитесь прочесть с начала до конца пламенные статьи о бессмертных часах с кукушкою, о влиянии родимых макарон на нравственность и о воспитании виргинского табаку,

статьи столь пламенные, что их невозможно читать без пожарного камзола из асбеста, – и вы убедитесь, что литературные гении-самотесы на Руси так же обыкновенны, как сушеные грибы в великий пост, <...> что пишем мы благонравнее всей Европы, ибо в сочинениях наших никого не убивают, кроме здравого смысла» [17. Т. 2. С. 287].

Заданный вначале комический и отчасти абсурдный тон поддерживается и таким приемом, как передача повествования шуке: «Вот физиологические подробности, полученные мною от одной из очевидиц, шук: несмотря на архангелогородскую соль и непривычное ей путешествие в розвальнях, слог этой шуки так цветист, как будто бы она кушала сочинителей всех темных, пестрых и голубых сказок <...>».

Река, – рыбы всегда начинают речь с своего отчества, с своей стихии: благоразумные рыбы! в этом они нисколько не следуют сосцепительным сочинителям, которые всего более любят говорить о том, что они знают наименее, – река чуть струилась; корабль катился быстро, напутствуемый течением и ветром...» [17. Т. 2. С. 287–288], – причем финальная граница «рыбьего» повествования никак не маркирована.

Рассказ то и дело прерывается вторжениями посторонних лиц, так что граница между миром, в котором рассказывается, и миром, о котором рассказывается, постоянно нарушается: «...разноцветный мох подернут был оранжевою ягодою морошки...»

– Отличное противоскорбунное средство! – замечает мой приятель, медик. – Природа помещает всегда противуядие вблизи яда. Как мне известно, морошка составляет теперь отрасль торговли Придвинского края: ее для английского флота вывозят тысячами сороковых бочек.

...Морошки, раскинутой причудливыми узорами, подобно фате северной красавицы...

– Лучше бы сказать, подобно русскому ситцу, – говорит один женатый помещик, – потому что русские ситцы-самоделки точь-в-точь морошка по болю.

Рыба сморкает нос и продолжает:

Только одинокий журавль, царь пустыни, бродил там, как ученый по части зоологии... <...> Он нашел лягушку гораздо занимательнее людей. И справедливо: барон Брамбеус хоть вовсе не похож на журавля, а чуть ли не того же мнения» [17. Т. 2. С. 288].

При этом в «Мореходе Никитине» нарратор, пожалуй, больше, чем во всех других произведениях Бестужева-Марлинского, сам становится своим предметом – но предметом довольно условным, поскольку рефлексия повествователя относится к себе как литератору, а не как человеку. Даже отсылки к фактам собственной биографии здесь вполне литературны – так, по поводу слова «однако» нарратор замечает: «Ох, уж мне это *однако* вот тут сидит, с тех еще пор, как учитель хотел было, по его словам, простить меня за шалость, однако высек для примера; с тех пор как мой искренний друг и моя вернейшая любовница клялись мне в привязанности и за словом, однако, надули меня...» [17. Т. 2. С. 291]. Встречаются здесь и отступления вполне патетические – например, о «чув-

стве разлуки с родным берегом», однако на самом подъеме оно «разбивается» о выступление недовольного читателя, который здесь, как это уже бывало в «стернианских» повестях Марлинского, выводится на авансцену и вступает в диалог с автором: «О, если б я мог вымолить у судьбы или обновить до жизни памятью несколько подобных часов! Я бы... “Я бы тогда вовсе не стал читать ваших рассказов”, – говорит мне с досадою один из тех читателей, которые непременно хотят, чтоб герой повести беспрестанно и беспрестанно плясал перед ними на канате. <...> “Я бы вовсе не стал тогда читать ваших рассказов, г. Марлинский, потому что – извините мою откровенность – я уже не раз и не втихомолку зевал при ваших частых, сугубых и многократных отступлениях. <...> Вместо происшествий у вас химическое разложение морской воды; вместо людей мыльные пузыри и, что всего досаднее, вместо обещанных приключений ваши собственные мечтания”» [17. Т. 2. С. 295–296].

Отступления здесь, очевидно, тематизируются, как и у Стерна, и становятся предметом конфликта с читателем. Этот конфликт побуждает нарратора высказать свое авторское кредо и тем самым совершить еще одно длинное отступление, на этот раз на тему «не продается вдохновение, но можно рукопись продать»: «Ваша воля – читать или не читать меня; моя – писать как вздумается. “Но, милостивый государь, я купил рассказ ваш”. <...> Вы купили рассказ мой и можете сжечь его на раскурку, изорвать на завивку усов, употребить на обертку ваксы. Вы купили с этим право бранить или хвалить меня, но меня самого вы не купили и не купите, я вас предупреждаю. Перо мое – смычок самовольный, помело ведьмы, конь наездника» [17. Т. 2. С. 296]. Любопытно, что это патетическое и вроде бы вполне серьезное отступление тоже начинает растворяться в шутовской стихии, причем возникает стернианская тема «блуждания»: «Да! верхом на пере я вольный казак, я могу рыскать по бумаге без заповеди, куда глаза глядят. Я так и делаю: бросаю повод и не оглядываюсь назад, не рассчитываю, что впереди. <...> Степи мне, бури! Легко я мечтаю – лечу в поднебесье; тяжко ли думами – ныряю в глубь моря... “И приносите со дна какую-нибудь ракушку”. Хоть бы горсть грязи, милостивый государь» [17. Т. 2. С. 297].

Нарратор утверждает, что интерес повествования состоит не только в том, что происходит с героями, но и в повествователе как таковом, причем в этом фрагменте возникает целая россыпь литературных имен (вплоть до имени книгопродавца Смирдина) и ведется спор с «бульварными» читательскими вкусами: «Знаете ли, сколько страстей перемолол я своим сердцем? <...> если б я вздумал перевести с души на ходячий язык свои опыты, мечты и мысли, вы, вы сами, сударь, нашли бы эти записки занимательными не менее “Записок” Трелонея или “Последней нескромности современницы”».

“Ради Смирдина, сделайте это поскорее, любезнейший! И тисните в большую осьмушку с готическим заглавием и с виньеткою Жоанно. Я страх люблю виньетки и мемуары, особенно в роде Видока. <...>”

У нас печатная сторона человека всегда будет походить на подкладку из одних афиш комедианта Цапата в “Жильблазе”; и вот почему, милостивый государь, если вы хотите узнать меня, то узнавайте кусочками, угадывайте меня в стружках, в насечке, в сплавке. Не мешайте ж мне разводить собою рассказы о других: право, не останетесь внакладе» [17. Т. 2. С. 298].

Хотя эксплицитный читатель называет нарратора господином Марлинским, как раз в этой повести повествователь очень далек от образа автора: это повествователь комический, примеряющий шутовские маски, рефлексирующий о себе исключительно как о «бумажном» субъекте. Даже когда он признается в каких-либо убеждениях или стремлениях, сам их предмет и освещение, как правило, совсем не так патетичны и серьезны, как в тех повестях Марлинского, которые принадлежат другой линии аукториальной наррации. Например, повествователь, как истинный «сын века», признается в любви к комфорту: «...XIX век также прихотлив, будто женатый вельможа, comfort – надпись его щита. <...> Да чего он не выдумал! Всё – от машины растирать камни в пузыре до французской бритвы, гильотины, которая вам снимает голову так легко и скоро, что вы не успеете чихнуть, и до многих других этого рода усовершенствий. <...> Не хотите ли вы мне говорить про солнце старинное, про нестареющую природу, про наслаждение бивуаков, про здоровье гнилых сухарей и приятности грязного белья?.. Вздор, сударь! <...> Я хочу жить и умереть при свете газовых ламп, на тюфяке, набитом благовонным воздухом, в перчатках с пружинами, с резиною спиною, с сердцем, не промокающим даже от слез. <...> Ваш покорнейший» [17. Т. 2. С. 311]. Разумеется, это очень далеко и от того облика нарратора, который возникает, например, в «кавказских» повестях Марлинского, и от биографических фактов, известных о нем. Авторская фигура здесь условна, как и в любом метанарративном произведении, где дух комизма и литературная игра смягчают напряженность нравственного и философского поиска, позволяя оставить «последние вопросы» без ответов и утверждая динамичную противоречивость жизни, оправданность мира самим фактом его бытия.

Итак, Бестужев-Марлинский в своей прозе постоянно пользуется аукториальным повествованием: хотя это была эпоха несомненного господства такого типа повествования вообще, именно у Марлинского оно достигает большой изощренности и разнообразия приемов. В его творчестве демонстрируется весь его спектр, востребуются обе его линии – и патетико-дидактическая, и комически-игровая, причем в некоторых произведениях, например, в «Лейтенанте Белозоре», Марлинский их объединяет. Влияние аукториального повествования на устройство повестей Марлинского настолько велико, что от него не вполне освобождены и те его произведения, которые написаны с использованием я-повествования: границы между двумя повествовательными ситуациями у Марлинского сглажены. При этом писатель остается в рамках традиционного аукториального повествования в том отношении, что в его произведениях не формируется образ автора – хотя в нескольких текстах он весьма близко подходит к его созданию. Видимо, отчасти отсутствие образа автора у Марлинского связано с тем, что в первой половине XIX в. образ автора вообще появляется прежде всего в произведениях метафического типа – подчеркнем, не метанарративного, а именно метафического, поскольку именно они нацелены на рефлексию взаимоотношений искусства и действительности, равнопротяженную тексту произведения и составляющую основу его проблематики: образ автора и становится воплощением этой рефлексии – как, прежде всего, у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине». Напротив, для метанарративного произведения характерен аукториальный нарратор – а ведь многие повести Марлинского, несомненно, представляют собой замечательные образцы ранней русской метанаррации. Таким образом, повести А.А. Бестужева-Марлинского являются, с одной стороны, своего рода «пиком» аукториальности в русской литературе первой половины XIX в., а с другой, демонстрируют ограничения этого повествовательного типа. Следующим этапом в эволюции аукториального повествования в России станет сближение аукториального нарратора с образом автора.

Список источников

1. Кривонос В.Ш. Автор, герой и читатель в прозе А.А. Бестужева-Марлинского // Кривонос В.Ш. От Марлинского до Пригова: Филологические студии : учеб. пособие. М. : Флинта, 2020. С. 179–194.
2. Вранчан Е.В. Метафоры нелинейности повествования в романтической и постромантической прозе // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 28–32.
3. Степанищева Т.Н. Дебют А.А. Бестужева-прозаика (К характеристике «марлинизма») // Русская литература. 2020. № 3. С. 20–33.
4. Бэбби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб. : Академический проект, 2001. 368 с.
5. Востриков А.В. Тема «исключительной дуэли» у Бестужева-Марлинского, Пушкина и Лермонтова // Русская литература. 1993. № 3. С. 66–72.
6. Малкина В.Я. Описания путешествий по Кавказу в творчестве А.С. Пушкина и А.А. Бестужева (Марлинского) // Пушкин и русская культура. М. : Диалог-МГУ, 1998. С. 48–56.
7. Малкина В.Я. Этический конфликт и драматические формы в произведениях А.С. Пушкина и А.А. Бестужева (Марлинского): «Выстрел» и «Вечер на бивуаке» // Болдинские чтения. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1998. С. 34–42.
8. Малкина В.Я. Готическая традиция в повести А.А. Бестужева (Марлинского) «Страшное гаданье» // Мир романтизма. 2007. № 12(36). С. 137–143.
9. Часыгова Л.М. Кавказ в творчестве Александра Александровича Бестужева-Марлинского // Вестник науки. 2020. Т. 3, № 2(23). С. 35–37.
10. Шрага Е.А. Фантастические повести А.А. Бестужева-Марлинского: к проблеме жанрового статуса цикла // Грехнёвские чтения. Н. Новгород : Издатель Ю.А. Николаев, 2007. С. 128–134.
11. Юрченко Т.Н. Бал в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» // Культура и текст. 1999. № 5. С. 108–118.
12. Stanzel F. Theorie des Erzählens. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 333 p.

13. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
14. Эмин Ф.А. Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда : в 3 ч. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. 268 с.; 276 с.; 295 с.
15. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки: в 4 ч. М.: [Сенатская типография], 1783–1784. 224 с.; 166 с., 215 с., 230 с.
16. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 810 с.; 591 с.
17. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. 487 с.; 591 с.
18. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
19. Тмарченко Н.Д. Образ автора // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 148.

References

1. Krivonos, V.Sh. (2020) *Ot Marlinskogo do Prigova: Filologicheskie studii* [From Marlinsky to Prigov: Philological studies]. Moscow: Flinta. pp. 179–194.
2. Vranchan, E.V. (2011) Metafori nelineynosti povestvovaniya v romanticheskoy i postromanticheskoy proze [Metaphors of Narrative Nonlinearity in Romantic and Postromantic Prose]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 28–32.
3. Stepanishcheva, T.N. (2020) Debyut A.A. Bestuzheva-prozaika (K kharakteristike “marlinizma”) [Debut of A.A. Bestuzhev as a prose writer (On the characterization of “Marlinism”)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 20–33.
4. Bagby, L. (2001) *Aleksandr Bestuzhev-Marlinskiy i russkiy bayronizm* [Alexander Bestuzhev-Marlinsky and Russian Byronism]. Translated from English by N.L. Luzhetskaya. Saint Petersburg: Akademicheskii projekt.
5. Vostrikov, A.V. (1993) Tema “isklyuchitel'noy dueli” u Bestuzheva-Marlinskogo, Pushkina i Lermontova [The theme of “exceptional duel” by Bestuzhev-Marlinsky, Pushkin and Lermontov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 66–72.
6. Malkina, V.Ya. (1998) [Descriptions of travels in the Caucasus in the works of A.S. Pushkin and A.A. Bestuzhev (Marlinsky)]. *Pushkin i russkaya kul'tura* [Pushkin and Russian culture]. Proceedings of the Conference. Moscow. 11–13 November 1997. Moscow: Dialog-MGU. pp. 48–56. (In Russian).
7. Malkina, V.Ya. (1998) Eticheskii konflikt i dramaticheskie formy v proizvedeniyakh A.S. Pushkina i A.A. Bestuzheva (Marlinskogo): “Vystrel” i “Vecher na bivuaqe” [Ethical conflict and dramatic forms in the works of A.S. Pushkin and A.A. Bestuzhev (Marlinsky): “Shot” and “Evening at the bivouac”]. In: Fortunatov, N.M. (ed.) *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 34–42.
8. Malkina, V.Ya. (2007) Goticheskaya traditsiya v povesti A.A. Bestuzheva (Marlinskogo) “Strashnoe gadan'e” [Gothic tradition in A.A. Bestuzhev (Marlinsky) “Terrible Fortune Telling”]. *Mir romantizma*. 12 (36). pp. 137–143.
9. Chasygova, L.M. (2020) Kavkaz v tvorchestve Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva-Marlinskogo [The Caucasus in the work of Alexander Alexandrovich Bestuzhev-Marlinsky]. *Vestnik nauki*. 2-3 (23). pp. 35–37.
10. Shraga, E.A. (2007) [Fantastic stories by A.A. Bestuzhev-Marlinsky: to the problem of the genre status of the cycle]. *Grekhnevskie chteniya* [Grekhnev Readings]. Proceedings of the Conference. Nizhny Novgorod. 07–08 December 2006. Nizhny Novgorod: Izdatel' Yu.A. Nikolaev. S. 128–134. (In Russian).
11. Yurchenko, T.N. (1999) Bal v povesti A.A. Bestuzheva-Marlinskogo “Ispytanie” [Ball in the short novel Test by A.A. Bestuzhev-Marlinsky]. *Kul'tura i tekst*. 5. pp. 108–118.
12. Stanzel, F. (1979) *Theorie des Erzählens*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
13. Schmid, W. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Emin, F.A. (1781) *Nepostoyannaya Fortuna, ili Pokhozhdenie Miramonda* [Inconstant Fortune, or the Adventure of Miramond]. Moscow: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova.
15. Chulkov, M.D. (1783–1784) *Peresmeshnik, ili Slavenskiya skazki* [Mockingbird, or the Slavonic Tales]. Moscow: [Senatskaya tipografiya].
16. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
17. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. (1981) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Broymtan, S.N. (2004) Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
19. Tamarchenko, N.D. (2008) Obraz avtora [The image of the author]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A dictionary of actual terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. P. 148.

Информация об авторах:

Зусева-Озкан В.Б. – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия); главный научный сотрудник Центра научного проектирования Управления по научной работе РГГУ (Москва, Россия). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.B. Zuseva-Özkan, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); chief researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022;
одобрена после рецензирования 26.10.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 08.09.2022;
approved after reviewing 26.10.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 81'282.2, 81'42
doi: 10.17223/15617793/485/4

Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации

Наталья Антоновна Зюзькова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
zyuzkovanatalya@gmail.com

Аннотация. Обоснован выбор сети Интернет в целом и социальной сети «ВКонтакте» в частности в качестве источника исследования диалектной лексики в функциональном аспекте. Представлен обзор работ и основы типологии функций, выполняемых диалектизмами в художественных, публицистических, рекламных и PR-текстах. Определены функции диалектного слова в интернет-коммуникации: эмоционально-экспрессивная, номинативная, стилистическая, волонтеративная, характеризующая, инвективная, идентифицирующая функции, функция адресации.

Ключевые слова: диалектная лексика, русские народные говоры, сибирские говоры, функции диалектной лексики, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-комментарий

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Зюзькова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/485/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/4

Functions of dialect vocabulary in internet communication

Natalya A. Zyuzkova¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, zyuzkovanatalya@gmail.com

Abstract. The article analyzes the functioning of the Russian dialect vocabulary in modern discursive practices. The aim of the article is to determine the functions of dialect vocabulary in Internet communication. The relevance of the article lies in the need to study modern processes in Internet communication, the definition of trends in the development of language and speech, as well as the role of dialect vocabulary in the formation of the Russian-language communicative sphere. The novelty of the research lies in addressing the problem of discursive and functional heterogeneity of the language of the Internet, identifying zones and factors of such heterogeneity, systematizing functions of dialect words determined by the specifics of internet communication. The materials of the research include 80 text comments selected from the social network VKontakte and containing dialect lexemes belonging to the lexical-thematic group “Person”. Lexical elements were selected from the Vershinino Dictionary and include lexemes characterizing a person by social status, character, naming the features of human behavior and actions performed by a person. The research employed the descriptive method implemented by the methods of contextual analysis, systematization and classification of material. The method of partial sampling was used to collect the material. The first stage of the research described the functions of dialect vocabulary in different types of texts and discourses. At the second stage the features of the Internet as a source of material for linguistic analysis were characterized, including: accessibility, anonymity, democracy and equal positions of communicants. The third stage involved the selection of dialect material from the dictionary and the collection of comments from the social network VKontakte. The fourth stage identified the functions of the dialect word in internet communication: emotional-expressive, nominative, stylistic, voluntative, characterizing, invective, identifying functions, the function of addressing. It was determined that the allocation of the functions of dialect vocabulary varies depending on the criteria underlying classifications authors propose, depends on the subject and sphere of functioning of the text materials, their goals. The article proves that social networks make it possible to determine the functions of dialect elements, their lexical semantics, local connotations and areas.

Keywords: dialect vocabulary, Russian folk subdialects, Siberian subdialects, functions of dialect vocabulary, internet communication, internet discourse, internet comment

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Zyuzkova, N.A. (2022) Functions of dialect vocabulary in internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/4

Постановка проблемы

Русский литературный язык, возникший на основе московского говора, испытывал диалектное влияние на протяжении всего своего исторического развития. По замечанию Л.А. Дмитрук, «литературный язык в ситуации языкового дефицита до сих пор, как и несколько веков назад, в эпоху начала своего сложения, продолжает подпитываться выразительными средствами – словами, устойчивыми оборотами, синтаксическими конструкциями, – функционирующими на периферии национальной лингвистической системы в диалектах, просторечии, жаргонах» [1. С. 10]. Территориальные диалекты, продолжая оказывать влияние на становление и пополнение словарного состава литературного языка, в настоящее время нуждаются в особом изучении. Т.А. Демешкина отмечает значимость диалектной лексики для формирования научной терминосистемы: «существенным для понимания роли диалектов в развитии русского национального языка является, на наш взгляд, вывод о том, что диалектные единицы, исчезая из диалектной коммуникации, получают “прописку” в научном дискурсе, формируя его терминосистему» [2. С. 98].

Современные технологии и средства массовой коммуникации позволяют проследить употребление диалектной лексики в интернет-коммуникации, определить ее семантику, территориальную окрашенность, дискурсивную принадлежность. Гипотеза исследования заключается в том, что диалектные лексемы употребляются пользователями Интернета при создании текста в различных функциях.

Целью работы является определение функций диалектной лексики в интернет-коммуникации.

Актуальность исследования заключается в необходимости изучения процессов, происходящих в современной интернет-коммуникации, определения тенденций развития языка и речи, а также роли диалектной лексики в формировании русскоязычного коммуникативного пространства.

Новизна работы обусловлена обращением к проблеме дискурсивной и функциональной неоднородности языка сети Интернет, выявлении зон и факторов такой неоднородности, систематизации функций диалектных слов, детерминированных спецификой интернет-коммуникации.

Источником материала послужили 80 текстовых комментариев, выбранных из социальной сети «ВКонтакте» [3].

Методы исследования – описательный метод, реализуемый приемами контекстуального анализа, систематизации и классификации материала. При сборе материала использовался прием частичной выборки.

Исследователи отмечают, что «одной из ярких примет современного языкового пространства явля-

ется внутренняя подвижность его границ, характеризующаяся наложением, взаимопроникновением отдельных сфер» [4. С. 181]. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в интернет-коммуникации. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий повлекло за собой повсеместное использование социальных сетей, без которых современный мир и повседневное общение уже сложно представить. Интернет-пространство предоставляет материалы для изучения языковых единиц самых разных сфер, что отражается в исследованиях последних лет по различной тематике: изучение интернет-дискурса и языка Интернета, концептов интернет-лингвистики [5], рассмотрение статистики интернет-сайтов для объективной оценки устаревания лексики, ее территориального распространения и стилистического статуса [6], анализ функционирования диалектной лексики в русскоязычном Интернете и определение тематики и типов дискурсов, в которых употребляются диалектные единицы [7], определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации [8, 9], анализ представленности диалектной лексики в социальной сети «ВКонтакте» [10], построение функциональной типологии непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в словацком Интернете [11].

Об интересе к региональному и диалектному варианту языка свидетельствуют интернет-проекты, анализирующие употребление диалектных единиц в сети: интерактивный словарь «Языки русских городов» (в настоящее время проект закрыт), а также исследования компании «Яндекс»: «Местные слова в поисковых запросах», «Как говорится: местные слова в разных регионах России» [12, 13].

Выбор социальных сетей как источника материалов для изучения функционирования диалектной лексики не является случайным. По данным аналитической платформы DataReportal, в январе 2022 г. в Российской Федерации насчитывалось 106 млн пользователей социальных сетей, что составляет 72,7% от общей численности населения [14]. Такие характеристики социальных сетей, как мобильность, доступность, анонимность и мгновенная скорость передачи информации делают их одним из основных средств коммуникации, привлекая все большее количество пользователей. Социальная сеть «ВКонтакте» выбрана основным источником материала для проведения настоящего исследования, поскольку является наиболее популярной и часто используемой: ее аудитория составляет более 73 млн пользователей (по данным на 2021 г.).

Широкий функционал социальных сетей, ставших площадкой для повседневного общения, позволяет осуществлять поиск необходимых лексических единиц и проводить их дальнейший анализ. По замечанию Н.Д. Голева, «надежность интернет-источника

заключается в возможности всестороннего охвата разнообразных функциональных, социальных, территориальных пластов речевого материала и его больших массивов», что «позволяет говорить о достоверности содержательных и количественных характеристик интернета». Кроме того, возможности сети позволяют описывать и квалифицировать реальное функционирование лексики в общенародном языке и на этом фоне выявлять функциональные возможности разных типов диалектных слов, обнаруживать тенденции их узусализации [15. С. 119].

Поскольку поисковые сервисы Интернета дают возможность поиска контекстов, в которых фигурирует лексика различных языковых подсистем, возможно проследить существование диалектных единиц путем их поиска в социальных сетях, определить их семантику, степень распространенности, локальную привязку, функции.

Под функциями языка в современной лингвистике понимается роль (употребление, назначение) языка в человеческом обществе [16]. Существующие классификации функций языка весьма неоднородны и терминологически неоднозначны, поскольку выделяются исследователями на различных основаниях, зачастую вовсе не обозначенных и не сопровождающихся иллюстративными примерами, что значительно усложняет создание единой типологии. Проблема классификации функций языка рассмотрена в работах таких авторов как В.И. Заика [17], С.Ю. Дрофа [18], М.Н. Рассоха [19]. Подробный обзор некоторых наиболее часто упоминаемых языковых функций осуществлен В.З. Демьянковым [20].

Функции диалектных слов были рассмотрены на разном языковом материале, в различных типах текстов, функциональных стилях речи и дискурсах. Функционирование диалектной лексики в художественном тексте описано О.Н. Баженовой [21], Л.А. Дмитрук [1], Л.Б. Кузмезовой [22], В.А. Чукшисом [23, 24]. Ю.Н. Драчевой рассмотрено функционирование диалектной лексики в региональной печати 1920–1930-х гг. [25] и современной прессе [26], Т.Д. Романцовой проанализирована образная и эстетическая нагрузка диалектизмов в региональных медиатекстах [27–29]. В.А. Чукшисом описаны функции диалектизмов в австрийском газетном дискурсе [23, 30] и рекламном [23]; функционирование диалектизмов в рекламных и PR-текстах рассмотрено О.А. Поляковой [31]. Подробный анализ этих исследований и описанных в них функций является предметом отдельного рассмотрения и не входит в задачи этой статьи.

Вместе с тем, несмотря на существование названных работ, тема функционирования диалектных единиц в современных дискурсивных практиках не получила достаточного отражения в лингвистических исследованиях последних десятилетий, характеризующихся активным использованием сети Интернет. Внимание исследователей сосредоточено преимущественно на выявлении специфики функционирования диалектной лексики в текстах художественных произведений и в СМИ.

Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации

Коммуникативное пространство, формирующееся в Интернете, представляет собой уникальный феномен и является средой, в которой происходит активное смешение стилей и жанров общения, результатом чего является актуализация лексики разной системной принадлежности, Интернет-дискурс, понимаемый нами как особый вид коммуникации реализуется в речевом жанре интернет-комментария, функционирующем в социальной сети «ВКонтакте». Интернет-комментарий, в свою очередь, носит коммуникативный характер и содержит установку на общение, предполагая ответную реакцию адресата, которым может выступать любой человек. Устно-письменный характер анализируемого речевого жанра делает возможным проникновение в него групп лексики, которые имеют преимущественно устную форму бытования. Среди признаков, отличающих интернет-коммуникацию и представленные в ней дискурсы, Н.А. Ахренова выделяет высокую степень разговорности и эмоциональности, спонтанность, отклонение от норм литературного языка, максимальную вовлечённость в процесс коммуникации [5. С. 24].

Кроме того, интернет-коммуникация характеризуется следующими признаками:

1. Доступность, понимаемая как возможность быстрого обмена информацией и свободного доступа к ней.
2. Анонимность, позволяющая пользователям реализовывать различные речевые тактики и стратегии.
3. Демократичность как проявление демократизации языка, характеризующейся свободой выбора языковых средств участниками коммуникации.
4. Равные позиции участников общения, связанные с опосредованным, дистантным характером интернет-коммуникации, возможностью предоставления ложной информации о себе и использования «коммуникативных масок»).

Отмеченные признаки интернет-коммуникации дают ее участникам возможность чувствовать себя более раскрепощенно и свободно, проявлять в интернет-коммуникации повышенную экспрессивность, использовать словотворчество и различные языковые средства для выражения речевой агрессии. Это позволяет предположить, что диалектная лексика (в особенности лексика с отрицательно-оценочным компонентом) может широко использоваться в социальных сетях, поскольку обладает экспрессивностью и функционирует в устной речи (а сама интернет-коммуникация носит устно-письменный характер).

Для определения функций диалектных единиц в интернет-коммуникации был проведен анализ интернет-комментариев, выбранных из региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте» и содержащих диалектные единицы. Исследование проводилось в несколько этапов:

1. На первом этапе при помощи приема частичной выборки из «Вершининского словаря» [32] было отобрано 15 собственно диалектных единиц, относящихся

ся к лексико-тематической группе «Человек» и содержащих сему отрицательной оценки: это лексемы, характеризующие человека по социальному статусу, характеру, называющие особенности поведения человека и совершаемые им действия:

1. **БРОШЕНКА** – Женищина, оставленная мужем.
2. **ГУЛЕВАН** – Неодобр. Тот, кто праздно проводит время, не любит работать; хулиган, пьяница.
3. **ГУТОРИТЬ** – Неодобр. Говорить.
4. **ДИКОШАРЫЙ** – 1. Беспокойный, шумливый, ненормальный. 2. Дикий.
5. **ДОКОЛУПАТЬСЯ** – Найти ответ, понять что-л. в результате настойчивых поисков.
6. **ДУРНИЦА** – Сумасшедшая.
7. **МЕЛОЧНИК** – Презр. Скупой человек.
8. **НЕЖОРКИЙ** – С плохим аппетитом, разборчивый в еде.
9. **ОТЧИШКА** – Уничиж. к отец.
10. **ПРИСКРЕБАТЬСЯ** – Образн. Приставать к кому-л., надоедая.
11. **ПРОФИЛОНИТЬ** – Пробездельничать.
12. **РАСКУРОЧИТЬ** – Экспр. Неодобр. Разломать.
13. **СТРАМОВКА** – Осуд. Бессовестная женищина.
14. **ХАЛАТНИЧАТЬ** – Вести себя халатно.
15. **ШАЛАБОЛКА** – Перен. Пренебр. О легкомысленной женищине, девочке.

2. На втором этапе анализа с использованием парсингового сервиса [33] был осуществлен поиск выбранных лексем по комментариям в 12 крупных томских сообществах различной тематики, размещенных в социальной сети «ВКонтакте»: новостные сообщества (Регион-70, РИА Томск, Томские.ру), группы по интересам (Мамы Томска), сообщества для взаимопомощи (6 рукопожатий), сообщества для общения и знакомств (Знакомства в Томске, Женское Подслушано) и т.д. Главные критерии выбора сообществ – количество участников, популярность среди пользователей и комментаторская активность.

Общий список рассматриваемых региональных сообществ г. Томска и Томской области, представленных в социальной сети «ВКонтакте»

Название сообщества	Количество участников
Регион-70 Томск	309 тыс.
Томские.ру	107 тыс.
Черный список Томска	121 тыс.
Подслушано Томск Знакомства	97 тыс.
Вакансии, Подработка, Работа в Томске	95 тыс.
Шесть рукопожатий (Томск)	64 тыс.
Инцидент Томск	62 тыс.
Подслушано в Томске	48 тыс.
РИА Томск	47 тыс.
Томск Знакомства Ищу тебя	35 тыс.
Мамы Томска. Мамочки Томск	11 тыс.
Женское Подслушано Томск	6 тыс.

Общий охват аудитории рассматриваемых сообществ – более 1 млн чел. Вместе с тем, указанное число нельзя назвать точным, поскольку один человек может состоять в нескольких сообществах одновременно.

3. На третьем этапе анализа был проведен подсчет количества словоупотреблений рассматриваемых

лексем в перечисленных выше сообществах.

Количество словоупотреблений диалектных единиц в региональных сообществах г. Томска и Томской области

Лексическая единица	Количество словоупотреблений
Брошенка	215
Гулеван	6
Гуторить	2
Дикошарый	76
Доколузиться	345
Дурница	0
Мелочник	12
Нежоркий	0
Отчишка	0
Прискребаться	0
Профилонить	9
Раскурочить	149
Страмовка	0
Халатничать	0
Шалаболка	59

Полученные результаты отражают факты наличия / отсутствия конкретных диалектных лексем в интернет-комментариях и содержат количественные показатели словоупотреблений. Данные материалы могут послужить основой для дальнейшей работы, направленной на выявление факторов и причин использования (или неиспользования) диалектных единиц в интернет-коммуникации, закономерностей их перехода в интернет-дискурс.

4. На заключительном этапе анализа были определены функции диалектной лексики в интернет-коммуникации. В основе классификации функций лежат целевые установки адресанта, которые выражаются в речевых намерениях оценки, номинации, характеристики предмета, живого существа или явления, оскорбления, воздействия и так далее. Анализ комментариев позволил выявить следующие функции диалектных слов:

1. **Эмоционально-экспрессивная функция.** Некоторые исследователи связывают данную функцию с когнитивной или прагматической функцией. В настоящем исследовании эмоционально-экспрессивная функция определяется как самостоятельная функция, используемая для выражения чувств и эмоций адресанта, его оценки.

1) *говорят она вовсе не девушка была, а шалаболка заразная, и ехали они толпой на вписку куда-то...* (Здесь и далее комментарии приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации). В данном высказывании функция определена на основании контекстного окружения лексемы, содержащего оценочные компоненты (*шалаболка заразная*);

2) *с одной стороны вы правы. Но есть и другая сторона-отсутствие ответственности и инфраструктуры. Хватает дикошарых, которым пофиг все, и они несутся "волосы назад" и у нас в городе элементарно велослужбы то далеко не везде (<...>).*

3) *(<...>) Таких помоек хватает и в городе. Сначала загадят и разломают, потом воеют на всю сеть. В Томске в конце пр. Ленина есть один дом, новостройка. Там квартиры были на 1-1,5 млн дешевле, чем в домах рядом. Прикол в том, что дом построили*

и заселили сирот, раздали квартиры многодетным и др нуждающимся. Дому был год, а состояние на все 40. Подъезды загажены, лифты **раскурочены**, кнопки пожгли. Возле дома-помойка, страшно смотреть. Зато везде вой, что социальное жилье-хлам;

4) а у нас народ просто привык, что хорошо должно быть кому угодно, но не населению. А если население имеет смелость бунтовать, то толпа кричит недовольно в ответ. Не первый раз встречаю тут посты, авторы которых констатируют неудобства городской среды (базар на тротуаре - зоне для пешеходов, ну серьезно, это в порядке вещей?!) и вместо поддержки натыкаются на всякие «нашли до чего **доколунались**», «автору скучно живётся», «тут Жигули проедут» и тд. Наш народ просто привык жить в , и страшно негодует, если отдельные личности смеют протестовать.

Отметим, что общий эмоционально-экспрессивный фон в приведенных контекстах создается и поддерживается разговорными, просторечными и диалектными единицами, формирующими высказывание. В большинстве рассмотренных контекстов в качестве объекта оценки выступают лица, не участвующие в коммуникации.

2. **Номинативная** функция. В этой функции используются имена существительные, именующие предметы, действия, явления, людей.

1) Админу арбузик. Однако здравствуйте. Познакомлюсь с наимилейшей девушкой от 18 лет. Толстухи которые не проходят в дверные проемы, **брошенки**, чушки, **брошенки** со спиногрызами даже не пишете, не подавайте свои признаки жизни в этом поле или в лс. О себе расскажу в лс (в данном контексте функция определяется на основании называния и перечисления возможных наименований, характеризующих представительниц женского пола);

2) Это не у вас проблема, это у мужа проблемы с вами, пора бы запомнить, зарплата мужа - это зарплата мужа, зарплаты жены - семейный бюджет, если так дальше пойдет и вы не начнёте нормально зарабатывать то рискуете стать **брошенкой**, так как с нищими жёнами не ругаются, с ними делают вывод и прощаются!;

3) всех назвали своими именами. Даже если ребенку не повезло с родителями и они совершенно не занимались воспитанием. Понятно, что не эта девочка за себя такую ответственность несёт, а ее родители, но, к сожалению, нельзя наказать родителей за то, что их ребенок - **шалаболка**. Поэтому только ей с этим названием жить (характерные признаки номинативной функции прослеживаются в начале комментария – «всех назвали своими именами»).

3. **Стилистическая** функция. Служит для выражения авторской иронии, которая усиливается и достигается за счет соединения в рамках одного высказывания лексики, имеющей разную системную принадлежность: литературную (разговорную и книжную), просторечную, диалектную:

1) А вот и нутро невоспитанное полезло) Не ТЫ-кайте. Не прилично мещанке не по барски **гутьорить**)))

4. **Волеуководная** функция. Используется для оказания воздействия на других участников коммуникации.

1) Чё вы **доколунались** до вывески? Может теперь повываскивать жёлто-синие карандаши и фломастеры из наборов? Повываскивать одежду с жёлто-синими цветами? Может заставить Ленту перекрасить свои магазины?

В приведенном контексте функция реализуется в форме призыва к прекращению речевого действия – обсуждения поста, в котором содержится визуальная составляющая (фотография с вывеской сети гипермаркетов «Лента»).

5. **Характеризующая** функция. В некоторых контекстах эта функция может сближаться с номинативной и эмоционально-экспрессивной функциями, но выделяется как самостоятельная на основании особых коммуникативных целей адресанта: используется им для характеристики предметов, действий, явлений, людей.

1) не обращай внимания, это просто истеричка, глупая, бездетная и скорее всего **брошенка**!

2) Я тоже работаю водителем на маршрутке бывает всякие случаи у кого то денег нету или не хватает но такими мелочами не разбогатеет все равно . Эх , люди стали такими **мелочниками** за 5 рублей уже приключение в 5ую точку зарабатывают. Печально будущее таким темпом .Люди будьте Людми .Уважайте друг друга пожалуйста .и так плохо всем простым смертным живется.

6. **Функция адресации**. Актуализируется в форме обращения к адресату, предполагает ответную реакцию собеседника и носит выраженный коммуникативный характер. Отличие данной функции от волеуководной заключается в том, что функция адресации направлена на привлечение внимания адресата путем прямого обращения к нему. Обе функции выделяются на разных основаниях, находясь в отношениях включения (функция адресации входит в волеуководную функцию как более частная).

1) **выспались гулеваны?**

В данном контексте отражается сращение нескольких функций: функции адресации речи, предполагающей установку на коммуникацию, и характеризующей функции.

7. **Инвективная** функция. Используется при выраженном намерении оскорбить адресата.

1) читать умеешь **брошенка**?пукан у тебя горит и жаба душит что твой мужик к другой ушел и кинул ты с ребенком,видимо прозрел что овца это ты,а я замуж выходила без доверка и не имею таких проблем,так что откались тетя и иди бомби в другую сторону,раз не смогла семью сохранить.

2) да стремная ты **брошенка**, всем уже давно все понятно!)))

3) свинья, иди вес сгоняй. **Брошенка** дырявая.

Данная функция часто встречается в однословных комментариях и сближается с эмоционально-экспрессивной функцией. Инвективная функция отличается от эмоционально-экспрессивной целевыми установками адресанта, главной целью которого явля-

ется оскорбление собеседника, а также формой языкового выражения, воплощенной в прямом обращении к адресату.

8. **Идентифицирующая** функция. Используется говорящим «для выделения индивидуума или группы/коллектива, для номинации его особых свойств и характеристик» [19. С. 45].

1) *Но знаете, есть такое деревенское понятие - жоркий поросенок. Это который что ни съест - сразу в сало без потерь. А **нежоркий** - по лужам носится. Сколько его не корми, тощим останется.*

Помимо определения функций диалектной лексики в интернет-коммуникации, удалось сделать и другие наблюдения о специфике ее функционирования в интернет-комментариях.

1. С помощью социальных сетей можно определить семантику лексических единиц: глагол «профилировать» (в диалектном значении «пробездельничать») в части контекстов имеет значение «упустить, пропустить время»: *Нет никаких разводов, я покупала так воду и мне подарили за баллы кулер настольный. Девочки операторы всегда очень приветливые. И кстати мне сказали что до конца марта действует акция, а бонусы нужно обменять на товар до конца апреля. То что автор сам **профилировал** сроки никто не виноват.*

2. Рассмотренные диалектные единицы функционируют в интернет-комментариях преимущественно в тех же значениях, что и в «Вершининском словаре», но градус оценки в интернет-коммуникации значительно повышается: например, если в «Вершининском словаре» слово «шалоболка» приводилось с пометой *перен. пренебр.*, то в интернет-коммуникации слово имеет ярко выраженное бранное, осудительное значение:

1) *Сейчас дети даже не знают что такое резиночка, какие концерты на подъездах устраивали, весело было, а сейчас земля нарожала ублюдков которые к малолеткам подкатывают и **шалоболок** которые к ним садятся;*

2) *вы многому своих детей научили. Наверное, поэтому уже правнука имеете? Всех ранними **шалоболками** воспитали?*

3) *а где тут про насилие? Вы читали пост? Там совсем другая статья вменяется. Значит не было насилия. Речь о **шалоболке**, для которой это норма уже. А вот парень - дурак. Пусть с одноклассниками бы и шарилась, для него она всё-равно ребенок, хоть и опытнее некоторых взрослых.*

3. Проведенный анализ позволил выявить проблему, заключающуюся в необходимости определения современного системного статуса некоторых лексем, ранее маркированных как диалектные: так, например, лексемы «халатничать» и «брошенка» сопровождаются пометами *разг.* в «Словаре современного русского литературного языка» [34] и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [35] соответственно.

4. Несмотря на то, что часть диалектных слов из выборки в региональных сообществах г. Томска найдена не была, отмечено, что некоторые лексемы

функционируют за пределами Томской области в различных значениях.

Например, слово «**нежоркий**», обозначающее человека с плохим аппетитом и разборчивого в еде, представлено в публикациях сообществ и отдельных пользователей, не относящихся к территории Томской области: *Я вот человек незлобный, **нежоркий*** (г. Волгоград).

5. В комментариях можно наблюдать расширение семантики диалектного слова. Например, в некоторых контекстах лексемы «**нежоркий**», «гулеван», «дикий шарый» характеризуют не только человека, но и животное:

1) *Но знаете, есть такое деревенское понятие - жоркий поросенок. Это который что ни съест - сразу в сало без потерь. А **нежоркий** - по лужам носится. Сколько его не корми, тощим останется* (без территориальной привязки);

2) *кстати, красивый, **нежоркий** мужик, а это бабочка - мужик, ищет себе новую хозяйку. Продам за пол цены* (г. Пермь);

3) *Он уже дома, все хорошо. Вернулся под утро, **гулеван**. Хозяин пообещал сделать бирку " собака знает дорогу домой"* (г. Томск);

4) (<...>) *Зоошизики защищают именно парий - тех, кого по-хорошему надо усыплять. Это **дикий шарый**, трусливые и агрессивные собаки, которые разносят заразу, нападают на людей и домашних животных. Они шарахаются от петард, боятся ездить в машине, не поддаются дрессировке и т.д. и т.п. Несмотря на трусость, стаями они нападают на людей. Как было в Улан-Уде, Лангепасе и других городах...* (г. Томск)

Кроме того, лексемы, характеризующие в диалекте человека, в интернет-комментариях могут описывать неодушевленные предметы и характеризовать их свойства, выступая в переносных значениях:

1) *Славный, компактный. **Нежоркий** до бензина и неплохой помощник для тех, кто еще только учится, и на иномарку денег не накопил (об автомобиле модели «ВАЗ-2101», г. Кирово-Чепецк);*

2) *ожидаемый комментарий Есть друзья/знакомые/Семья которые могут отогнать на стоянку. легче бросить, не платить и не думать о соседях, нормальное поведение людей! Ага, в каждом дворе **брошенка** стоит и не по одному, и все собственники в коме и сироты!* (об автомобиле, оставленном без присмотра хозяина).

Проведенный анализ демонстрирует стилистическую неоднородность интернет-языка, показывает, что носители литературного языка используют диалектную лексику в интернет-коммуникации, не осознавая ее статуса.

Выводы

1. Уникальность общения в Интернете заключается в возможности включенного наблюдения за развертыванием коммуникации, имеющей устно-письменный характер. Устно-письменная речь, воплощенная в форме комментария и зафиксированная

в цифровом пространстве, даёт возможность сохранения языкового материала и неоднократного обращения к нему.

2. С помощью социальных сетей оказывается возможным определить функции диалектных единиц, проследить изменения в их лексической семантике, выявить локальную окрашенность и привязку. Функционал социальной сети «ВКонтакте» позволяет делать выводы о наличии или отсутствии употреблений конкретных лексем в интернет-коммуникации (в данном случае диалектных) определенного региона, предоставляет возможности и ресурсы для многоаспектного изучения лексики различных пластов.

3. Определение функций диалектной лексики варьируется в зависимости от критериев, лежащих в основе предлагаемых авторами классификаций, а

также зависит от тематики и сферы функционирования текстовых материалов, их целей. Отмеченные функции диалектизмов являются дискурсивно обусловленными.

4. Среди функций диалектного слова в интернет-коммуникации выявлены: эмоционально-экспрессивная, номинативная, стилистическая, волюнтаристическая, характеризующая, инвективная, идентифицирующая функции, функция адресации.

В перспективе дальнейшего исследования – анализ большего числа лексем в сообществах различных регионов с целью определения иных функций диалектных единиц, выявления их стилистического статуса, территориальной окрашенности, определения причин и путей проникновения в интернет-коммуникацию.

Список источников

1. Дмитрук Л.А. Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 5–11.
2. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «Болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.
3. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения: 05.10.2022).
4. Демешкина Т.А. Лексика как основа дискурсивного взаимодействия в русском языковом пространстве // Сборник научных статей IV Международного симпозиума : в 2 т. (Симферополь, 09–11 июня 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 181–187.
5. Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2018. 49 с.
6. Беликов В.И., Ахметова М.В. Статистическая оценка функциональных свойств лексики по материалам интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27–31 мая 2009 года). Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 25–31.
7. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Современный интернет-словарь диалектной лексики // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 125–133.
8. Миронова Д.М., Распопин Д.И., Окунева Е.А. Определение выраженности интернет-диалектов субъектов Российской Федерации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 2. С. 339–350.
9. Минакова И.В., Распопин Д.И., Окунева Е.А. Исследование диалектов в письменной речи социальных сетей // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 3. С. 211–221.
10. Зорина Л.Ю. Диалектное слово в Интернете // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 2014. СПб., 2014. С. 326–341.
11. Ващенко Д.Ю. Интернет как новая перспективная форма существования диалектов // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 197–205.
12. Местные слова в поисковых запросах. URL: https://yandex.ru/company/researches/2013/ya_regional_words/ (дата обращения: 05.10.2022).
13. Как говорится: местные слова в разных регионах России. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words/> (дата обращения: 05.10.2022).
14. Digital 2022: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 22.09.2022).
15. Голев Н.Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. Функции языка. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/564b.html> (дата обращения: 22.09.2022).
17. Заика В.И. Модель функций языка и речи для дисциплин, изучающих употребление языка // Białostockie Archiwum Językowe. 2013. № 13. С. 415–430.
18. Дрофа С.Ю. К проблеме классификации функций языка // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 73–77.
19. Рассоха М.Н. К проблеме функций языка: функция идентификации // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. № 1–2 (9). С. 40–47.
20. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М., 2000. С. 14–68.
21. Баженова О.Н. Стилистические ресурсы лексики в коми художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2022. 20 с.
22. Кучмезова Л.Б. Диалектная лексика как средство обогащения словарного состава литературного Карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 109–117.
23. Чукшис В.А. Этно- и социокультурный статус диалектов современного немецкого языка в Австрии : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2021. 380 с.
24. Чукшис В.А. Классификация и стилистические функции диалектизмов в произведениях австрийского писателя Томаса Рааба // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 124–127.
25. Драчева Ю.Н. Диалектная лексика в массовой коммуникации (на материале региональной прессы 1920–1930-х гг.) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 2016. СПб., 2016. С. 196–206.
26. Драчева Ю.Н. Диалектная лексика в современном газетном дискурсе // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф. (Москва, 26–28 октября 2018 г.). М., 2018. С. 85–88.
27. Романцова Т.Д. Образная нагрузка диалектизмов в публикациях «районки» // Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию Иркутского государственного университета и факультета филологии и журналистики (Иркутск, 27–30 июня 2013 г.). Иркутск, 2013. С. 228–237.
28. Романцова Т.Д. Диалектизмы как средство эстетизации медиатекста // Медиалингвистика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г.). СПб., 2017. С. 109–110.
29. Романцова Т.Д. Эстетическая нагрузка диалектизмов в региональных медиатекстах // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 3. С. 354–365.

30. Чукушис В.А. Функции диалектизмов в газетных текстах (на материале электронных версий австрийских газет) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. № 27. С. 63–74.
31. Полякова О.А. Лексика ограниченного употребления в рекламных и PR-текстах (функциональный аспект) // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2017. № 1. С. 86–95.
32. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
33. VK.BARKOV.NET. URL: <https://vk.barkov.net/> (дата обращения: 07.10.2022).
34. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
35. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 07.10.2022).

References

1. Dmitruk, L.A. (2021) Leksika s severnorusskoy dialektnoy bazoy v russkom literaturnom yazyke [Vocabulary with the North Russian dialect base in the Russian literary language]. *Neofilologiya*. 25 (7). pp. 5–11.
2. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/62/6
3. VKontakte (VK). (n.d.) [Online] Available from: <https://vk.com/about>. (Accessed: 05.10.2022).
4. Demeshkina, T.A. (2020) [Vocabulary as the basis of discursive interaction in the Russian language space]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in the Multicultural World]. Proceedings of the 4th International Symposium. Simferopol. 09–11 June 2020. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. pp. 181–187. (In Russian).
5. Akhrenova, N.A. (2018) *Dominanty sovremennoy internet-lingvistiki* [Dominants of modern Internet linguistics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Mytishchi.
6. Belikov, V.I. & Akhmetova, M.V. (2009) [Statistical assessment of the functional properties of vocabulary based on the materials of the Internet]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of the Annual Dialog [Dialogue] Conference. Vol. 8 (15). Bekasovo. 27–31 May 2009. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 25–31. (In Russian).
7. Golev, N.D. & Lebedeva, N.B. (2016) *Sovremennyy internet-slovar' dialektnoy leksiki* [Modern Internet Dictionary of Dialect Vocabulary]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 125–133.
8. Mironova, D.M., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2022) *Opredelenie vyrazhennosti internet-dialektov sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Determining the severity of Internet dialects of the constituent entities of the Russian Federation]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya*. 2. pp. 339–350.
9. Minakova, I.V., Raspopin, D.I. & Okuneva, E.A. (2021) *Issledovanie dialektov v pis'mennoy rechi sotsial'nykh setey* [The study of dialects in the written speech of social networks]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 3. pp. 211–221.
10. Zorina, L.Yu. (2014) *Dialektnoe slovo v Internete* [Dialect word on the Internet]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Nestor-Isoriya. pp. 326–341.
11. Vashchenko, D.Yu. (2015) *Internet kak novaya perspektivnaya forma sushchestvovaniya dialektov* [Internet as a new perspective form of existence of dialect]. In: Kalyn', L.E. (ed.) *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Vol. 17. Moscow: Institute for Slavic Studies of RAS. pp. 197–205.
12. Yandex. (2013) *Mestnye slova v poiskovykh zaprosakh* [Local words in search queries]. [Online] Available from: https://yandex.ru/company/researches/2013/ya_regional_words/. (Accessed: 05.10.2022).
13. Yandex. (2021) *Kak govoryt'sya: mestnye slova v raznykh regionakh Rossii* [As they say: local words in different regions of Russia]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words>. (Accessed: 05.10.2022).
14. Kemp, S. (2022) Digital 2022: The Russian Federation. *DataReportal*. [Online] Available from: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation>. (Accessed: 22.09.2022).
15. Golev, N.D. (2019) *Diskursivnyy slovar' dialektnoy leksiki Noveyshego vremeni (na materialakh Runeta): innovatsionnyy leksikograficheskii proekt* [Discursive Dictionary of Dialect Vocabulary of the Newest Time (based on Russian Internet Materials): Innovative Lexicographic Project]. *Voprosy leksikografii*. 16. pp. 113–137.
16. Slyusareva, N.A. (n.d.) *Funktsii yazyka* [Language functions]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/564b.html>. (Accessed: 22.09.2022).
17. Zaika, V.I. (2013) *Model' funktsiy yazyka i rechi dlya distsiplin, izuchayushchikh upotrebleniye yazyka* [Model of language and speech functions for disciplines studying the use of language]. *Bialostockie Archiwum Jezykowe*. 13. pp. 415–430.
18. Drofa, S.Yu. (2015) *K probleme klassifikatsii funktsiy yazyka* [To the problem of classification of language functions]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3 (139). pp. 73–77.
19. Rassokha, M.N. (2012) *K probleme funktsiy yazyka: funktsiya identifikatsii* [On the problem of language functions: the identification function]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1–2 (9). pp. 40–47.
20. Dem'yankov, V.Z. (2000) *Funktionalizm v zarubezhnoy lingvistike kontsa XX v.* [Functionalism in foreign linguistics at the end of the 20th century]. In: Romashko, S.A. (ed.) *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and structural aspects]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS. pp. 14–68.
21. Bazhenova, O.N. (2022) *Stilisticheskie resursy leksiki v komi khudozhestvennykh tekstakh* [Stylistic resources of vocabulary in Komi literary texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Syktyvkar.
22. Kuchmezova, L.B. (2021) *Dialektnaya leksika kak sredstvo obogashcheniya slovarnogo sostava literaturnogo Karachaevo-balkarskogo yazyka* [Dialect vocabulary as a means of enriching the vocabulary of the literary Karachay-Balkarian language]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 5 (103). pp. 109–117.
23. Chukshis, V.A. (2021) *Etno- i sotsiokul'turnyy status dialektov sovremennogo nemetskogo yazyka v Avstrii* [Ethno- and socio-cultural status of dialects of the modern German language in Austria]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
24. Chukshis, V.A. (2015) *Klassifikatsiya i stilisticheskie funktsii dialektizmov v proizvedeniyakh avstriyskogo pisatelya Tomasa Raaba* [Classification and stylistic functions of dialectisms in the works of the Austrian writer Thomas Raab]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (96). pp. 124–127.
25. Dracheva, Yu.N. (2016) *Dialektnaya leksika v massovoy kommunikatsii (na materiale regional'noy pressy 1920–1930-kh gg.)* [Dialect vocabulary in mass communication (on the material of the regional press of the 1920–1930s)]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Nestor-Isoriya. pp. 196–206.
26. Dracheva, Yu.N. (2018) *Dialektnaya leksika v massovoy kommunikatsii (na materiale regional'noy pressy 1920–1930-kh gg.)* [Dialect vocabulary in mass communication (on the material of the regional press of the 1920–1930s)]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and research)]. Saint Petersburg: Nestor-Isoriya. pp. 196–206.
26. Dracheva, Yu.N. (2018) [Dialect vocabulary in modern newspaper discourse]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Actual Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26–28 October 2018. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 85–88. (In Russian).

27. Romantsova, T.D. (2013) [The figurative load of dialectisms in the publications of the “district”]. *Sibirskoe prostranstvo v lingvisticheskom i kul'turnom aspekte* [Siberian Space in the Linguistic and Cultural Aspect]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 27–30 June 2013. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 228–237. (In Russian).
28. Romantsova, T.D. (2017) [Dialecticisms as a means of media text aestheticization]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. Proceedings of the 2nd International Conference. Saint Petersburg. 02–06 July 2017. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 109–110. (In Russian).
29. Romantsova, T.D. (2018) Esteticheskaya nagruzka dialektizmov v regional'nykh mediatekstakh [Aesthetic load of dialectisms in regional media texts]. *Medialingvistika*. 3 (5). pp. 354–365.
30. Chukshis, V.A. (2014) Funktsii dialektizmov v gazetnykh tekstakh (na materiale elektronnykh versiy avstriyskikh gazet) [Functions of dialectisms in newspaper texts (on the basis of electronic versions of Austrian newspapers)]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 27. pp. 63–74.
31. Polyakova, O.A. (2017) Leksika ogranichenennogo upotrebleniya v reklamnykh i PR-tekstakh (funktsional'nyy aspekt) [Vocabulary of limited use in advertising and PR texts (functional aspect)]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*. 1. pp. 86–95.
32. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
33. *VK.BARKOV.NET*. (n.d.) [Online] Available from: <https://vk.barkov.net/>. (Accessed: 07.10.2022).
34. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
35. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>. (Accessed: 07.10.2022).

Информация об авторе:

Зюзькова Н.А. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Zyuzkova, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 28.11.2022;
approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 82.091 + 821.161.1-32
doi: 10.17223/15617793/485/5

Метафизическая самоидентификация женщины-эмигрантки в повести В. Яновского «Любовь вторая» и романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов»

Иван Иванович Назаренко¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Nazarenko42@yandex.ru

Аннотация. Сопоставляются повесть В. Яновского «Любовь вторая» (1932–1933) и роман Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» (1926–1932) в аспекте метафизической самоидентификации женщины-эмигрантки, сюжетной роли её мифа о связи с трансцендентным миром. Интерпретируются аллюзии к Богородице (интенции к рождению нового человека, заступничество) и неисполнение миссии современной «богородицей». Выявляется различие авторской семантики образа женщины как эмигрантки из современной реальности.

Ключевые слова: проза младоэмигрантов, Б. Поплавский, В. Яновский, образ женщины-эмигрантки, сюжет самоидентификации

Для цитирования: Назаренко И.И. Метафизическая самоидентификация женщины-эмигрантки в повести В. Яновского «Любовь вторая» и романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 44–52. doi: 10.17223/15617793/485/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/5

Metaphysical self-identification of an emigrant woman in Vasily Yanovsky's story “The Second Love” and Boris Poplavsky's novel *Apollo Bezobrazov*

Ivan I. Nazarenko¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nazarenko42@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is to understand the “male” version of a woman in the prose of young emigrants: firstly, the metaphysical intuitions of female characters, and, secondly, the discovery of the metaphysical essence of a woman in the perception of characters and authors. The material of research is Vasily Yanovsky's story “The Second Love” (1933) and Boris Poplavsky's novel *Apollo Bezobrazov* (1932), and episodically Poplavsky's novel *Home From Heaven* (1935). The main aspects of comparative analysis are the image of an emigrant woman (Yanovsky's nameless heroine and Poplavsky's Teresa) and the plot of her personal and metaphysical self-identification (building a myth about her connection with God and the transcendent). The attitude towards explaining the female consciousness appears in the narration: the main narrators, carriers of the male consciousness, introduce the female “voice” (the heroines' diaries) that objectifies and mythologizes women. In both works, the picture of the world is built in accordance with the world image of female characters: in the opposition “earth/heaven”, close to the symbolist dual world. The plots of the heroines recreate their personal and metaphysical self-identification – the search for their place in the earthly and metaphysical realities, identification of themselves in relation to God, and not to society – and the author's test of the salvation of the metaphysical myth both for the women and for the male characters. Based on the classifications of the image of a woman in Russian culture (traditional type, demonic type, woman-heroine), the author has established that the image of an emigrant woman in Yanovsky and Poplavsky is closer to the traditional type. Although the heroines are not allowed to realize themselves in the sphere of the family, to fulfill their biological destiny, they are not the carriers of Eros, but victims of the male world, open to metaphysical spirituality. Allusions to the Mother of God bring together the heroines of Yanovsky and Poplavsky (Teresa's intercession for other characters, the pregnancy of Yanovsky's heroine). The author interprets the key event of Yanovsky's story – the transformation of the heroine on the top of the Notre Dame Cathedral as a result of the appearance of God to her – as a rewriting of real events for the aim of self-justification and self-persuasion. Transformation is associated with the expectation of a child, pregnancy, and the divine meaning she has acquired is a miracle of a new life that has arisen inside her. However, the modern “Mother of God” does not fulfill her mission: the heroine of Yanovsky does not give birth to a new life and does not find her place in the world; she remains an emigrant in an existential sense. Teresa in Poplavsky's novel is unable to overcome the collapse of the “paradise of friends”, to cement the existence of a small circle of people with spiritual efforts. In the novel *Home from Heaven*, Poplavsky shows a really established type of a modern woman: “earthly” temptresses Katya and Tanya, who do not become a salvation for the central character, like Teresa in the first novel. Poplavsky finds a tragic gap between corporality and the metaphysics of the feminine,

Yanovsky sees in a woman the connection between the physicality and the metaphysical. Both authors agree on the idea of the doom of a woman in modern reality and the impossibility of transforming the world with the Eternal Femininity.

Keywords: prose of young emigrants, Boris Poplavsky, Vasily Yanovsky, image of emigrant woman, plot of self-identification

For citation: Nazarenko, I.I. (2022) Metaphysical self-identification of an emigrant woman in Vasily Yanovsky's story "The Second Love" and Boris Poplavsky's novel *Apollo Bezobrazov*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/5

Традиционная семантика образа женщины в мировой культуре связана с биологическим предназначением рождения новой жизни и социальным долгом воспитания потомства. Христианство утверждает подчиненность женщины мужчине (сотворение Евы из ребра Адама), в христианской символике два ключевых женских образа: Ева и Святая Мария (Богородица). «В первом случае олицетворено Зло, ибо ответственность за грехопадение человека несет Ева. В другом – абсолютная непорочность, “вечная женственность”» [1. С. 179–180].

Культурологи склонны говорить о *женскости* русского «космо-психо-логоса» [2. С. 205–213], и образ женщины занимает особое место в русской культуре. Русский народ, по наблюдению Н. Бердяева, всегда более ощущал близость не Христа, а заступницы Богородицы, близкой по функции языческой матери-земли [3. С. 35]. Вечная Женственность, София Премудрость Божья – в основе философии Всеединства В. Соловьева, для него София – идеальная сущность, с помощью которой Бог творил бытие, посредник между идеальным миром и земной реальностью, в которой София способна воплощаться в женском облике, так как женщина, способная к жизнетворению, софийна по своей природе [4]. Идеи Соловьева стали философской основой творчества русских младосимволистов (А. Блок, А. Белый и др.).

Традиционные черты образа русской женщины в культуре: «стойкость, жертвенность, умение безропотно нести свой крест и героически разделять судьбу спутника жизни в любых бытийных обстоятельствах, абсолютная надёжность и при этом обязательная притягательность облика», душевная загадка [5. С. 282]. Вслед за Ю. М. Лотманом современные исследователи выделяют три типа женских образов в русской культуре: 1) традиционный тип (мать, жена, хозяйка, «смиреница», «крестовая сестра»); 2) женщина-героиня (феминистка, амазонка, горячее сердце, «пифагор в юбке»); 3) демонический тип (женщина-приз, «бесстыжая», «попрыгунья», женщина-муза, роковая женщина) [6. С. 65, 72; 7. С. 46–58; 8. С. 63, 64]. Возможно совмещение двух типов в одном женском образе. О.О. Хлопонина обнаруживает в русской культуре конца XIX – начала XX вв. смещение на второй план традиционного женского типа и выдвижение на первый – тип «героини», «адекватно реагирующей на модернизацию общества, современной и самостоятельной женщины» [8. С. 89], наряду с «демоническим» типом женщины, функция которой – увлечь, соблазнить и вдохновить мужчину.

В литературе Серебряного века одним из главных исследователей женской души, стремившимся «по-

смотреть на мир женскими глазами» [9. С. 101], можно назвать В. Брюсова, создавшего ряд прозаических произведений, где субъектом сознания и повествования была женщина (многие вошли в сборник «Дни и ночи», 1913). Наиболее значимое среди них – повесть «Последние страницы из дневника женщины» (1910). По мнению М.В. Михайловой, Брюсов попытался «переволноваться в женщину», избрав форму женского дневника, но главное его открытие было в том, что женщина «представляла не традиционно страдательным началом, а в той или иной мере вершительницей своей и мужской судьбы» [9. С. 98], хотя и сферой ее самореализации оставалась любовь. «Гендерная мистификация» в «Последних страницах...», как замечают О.Е. Павловская и О.С. Сахно, позволила Брюсову решить ряд задач: эстетическую (проникновение в душу женщины), этическую («попытка соотнести пол и нравственность») и нравственную (стремление убедиться, что время рубежа XIX–XX вв. уничтожило «человеческое (независимо от гендера) начало» [10. С. 569]). Подобные интенции к исследованию женской души через повествование от лица женщины можно обнаружить в западноевропейской прозе начала XX в.: женские частные тексты (А. Барбюс «Нежность», 1914; С. Цвейг «Письмо незнакомки», 1922), поток сознания женщины (заключительная глава романа Дж. Джойса «Улисс», 1921)...

О.Р. Демидова обнаруживает в литературе русской послереволюционной эмиграции тип «русской парижанки» – это женщина с русской культурной идентичностью и с российским до- и пореволюционным прошлым, влияющим на ее настоящее. Типы «русских парижанок»: 1) «оказавшиеся в Париже и живущие во французской столице так же, как жили в России»; 2) «пытающиеся приспособиться к обычаям парижской жизни или <...> приспособить их к своим привычкам и укладу, сложившимся до эмиграции»; 3) «стремящиеся стать частью французской жизни на общебытовом и/или интеллектуально-культурном уровне, не утратив своей русскости»; 4) «разорвавшие все связи с прошлым, отрицающие собственную русскость и скрывающие её от окружающих» [5. С. 292]. Новое понимание женщины литературой русской эмиграции отрицало традиционалистские представления о ней (мать для детей и мужа, хранительница очага, погруженная в быт). «Мужская» литература эмиграции «ограничивалась констатацией нового status quo на сугубо внешнем уровне, в некоторых случаях имплицитно или эксплицитно выражая (о)суждение по адресу „мятущейся души“ героини» [5. С. 290]. «Женская» литература эмиграции (особенно «младших» или младоэмигрантов: Н. Берберова, И. Одоев-

цева, Е. Бакунина и др.) существовала в условиях двойной маргинальности «по отношению к мужской литературе эмигрантского сообщества и к литературе страны-реципиента» [5. С. 194], но в изображении женщины «стремялась выйти за рамки существующей системы запретов и допущений, что нередко вызывало обвинения авторов в излишней „откровенности“, „безнравственности“, „физиологичности“» [5. С. 290].

Принимая во внимание вывод Ю. М. Лотмана («женская культура – это не только культура женщин. Это – особый взгляд на культуру, необходимый элемент ее многоголосия» [6. С. 73]), обратимся к «мужской» прозе младоэмигрантов – к повести В. Яновского «Любовь вторая» (1935) и романам Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» (1932) и «Домой с небес» (1935), оставляя анализ женской самопрезентации в прозе русских писательниц-эмигранток первой волны («Тело» (1933) Е. Бакуниной, «Аккомпаниаторша» (1934) Н. Берберовой и др.). В прозе младоэмигрантов, в отличие от писателей «старшего» поколения, происходит отталкивание от предшествующей художественной системы, исследование человека в отрыве от исконной среды, в положении экзистенциальной «заброшенности».

Цель исследования – обнаружить «мужскую» версию женщины в прозе младоэмигрантов: во-первых, метафизические интуиции женских персонажей, а во-вторых, открытие метафизической сущности женщины в восприятии персонажей (мужчин), нарраторов и авторов. В системе женских персонажей младоэмигрантской прозы более распространены персонажи-женщины социально-бытовой детерминированности («История одного путешествия» и «Ночные дороги» Г. Газданова), а также соблазнительницы, модернистский тип женщины (романная трилогия Ю. Фельзена, «Полет» Газданова). Мы акцентируем случаи парадоксальной связи традиции русской литературы в наделении женщины особой интенцией к метафизической реальности, хотя в прозе младоэмиграции преимущественно разрушались символистские мифы об особом месте женщины в бытии и о спасительности любви к женщине.

В прозе младоэмигрантов женщина чаще персонаж второго ряда, объект любви центрального персонажа, в которой ему видится спасение от одиночества и бездомности, что можно объяснить словами из романа «Триумфальная арка» писателя-эмигранта другой национальной культуры – Э.М. Ремарка: «У того, кто отовсюду гоним, есть лишь один дом, одно пристанище – взволнованное сердце другого человека. Да и то на короткое время». [11. С. 314]. Внутренний мир женщины, как правило, закрыт, что обозначает загадочность женской души для мужчины. Повесть Яновского «Любовь вторая» (1932–1933, первая публикация в 1935) – одно из немногих «мужских» младоэмигрантских произведений, наррация в котором, за исключением эпилога, отдана женскому персонажу, а события реальности опосредованы восприятием женского сознания. Это позволяет прочитывать повесть как попытку познания автором метафизики женского. В понимании женщины как существа телесного, но

открытого метафизической реальности Яновский близок Поплавскому в романе «Аполлон Безобразов» (1926–1932).

Повесть «Любовь вторая» интерпретирована М. Рубинс как следование практике «человеческого документа», однако автор «пытается преодолеть этот жанр и утвердить положительный идеал» [12. С. 27]. Роман Поплавского «Аполлон Безобразов» получил убедительную интерпретацию (Н.Ю. Грякалова [13], И.Е. Разинькова [14], М.Ю. Галкина [15] и др.) прежде всего персонажей-мужчин. Сопоставлений названных произведений, как и художественных систем двух писателей-младоэмигрантов не проводилось.

В «Любви второй» и «Аполлоне Безобразове» героини выстраивают метафизический миф о Боге, о своей связи с трансцендентным, что может преодолеть безысходность существования в земной реальности. Сюжеты героинь воссоздают их личностно-метафизическую самоидентификацию – поиск своего места в земной и метафизической реальностях, отчуждение от социума и идентификацию себя по отношению к абсолютному Другому – Богу, а не человеку – и проверку автором спасительности метафизического мифа как для женщины, так и для персонажей-мужчин.

Установка на разгадывание женского сознания проявляется в наррации. Женский «голос» вводит основной нарратор, носитель мужского сознания, прочитавший дневники женского персонажа. В повести Яновского, как открывается в финале, это пытавшийся спасти героиню русский хирург, который не был знаком с ней и не был свидетелем её истории, но после гибели женщины собрал и опубликовал её дневники. Введение в роман Поплавского дневника Терезы, «русской девушки с французским именем» [16. С. 84], также мотивировано его прочтением бывшим священником Робертом, влюбленным в неё, и основным нарратором-персонажем – Васенькой (он упоминает, что Тереза «ничего не умела прятать» [16. С. 191], в том числе свои дневники). Функция дневниковой формы в литературном произведении – «обнажить внутренний мир повествователя» [17. С. 351], его сокровенное. В дневниках обеих героинь зафиксировано не только существование в эмпирическом потоке, но и прорыв к метафизической реальности и Богу. Мужское сознание объективирует мистический опыт героинь и в то же время мифологизирует женщин.

Оговоримся, что текст героини Яновского близок дневнику, но это не собственно дневник, записи в котором делаются синхронно существованию в эмпирическом потоке. Сюжетно она пытается вести дневник и бросает его, возвращаясь к записям лишь в конце повести после духовного преображения на вершине Нотр-Дама. Её цель – транслировать мистический опыт встречи с божеством в земной реальности другому, потенциальному читателю, к которому могут попасть её тексты: «мое пробуждение значительно в каждой мелочи, одинаково ценно как для меня, так и для других; безмерная обязанность моя – все запомнить, воспроизвести, передать» [18. С. 139]. Текст

героини повести Яновского – письменная рефлексия прошедших событий жизни, переработанный первичным нарратором в повесть: «Из всего, что довелось слышать, а также благодаря доставшейся мне тетради дневника, <...> сложилась эта повесть» [18. С. 143]. То есть реальные события, произошедшие с героиней, подвергаются двойной интерпретации: сначала ей самой, потом нарратором, хирургом, модальность наррации которого – *вера* в историю героини. Однако думается, что на авторском уровне семантика ключевого события повести Яновского – преобразования героини – автомиф; к этому мы вернемся ниже.

Цель ведения дневника для Терезы – потребность в диалоге хотя бы с самой собой ради преодоления одиночества в «раю друзей», но с помощью письма, способствующего погружению в своё сознание, возможен и прорыв к метафизической реальности. Функция введения дневника Терезы в наррацию на авторском уровне – открыть её тайну. Дневник героини параллелен субъективному повествованию Васеньки и даёт выход сознания героини в метафизическое пространство, иное восприятие заглавного персонажа романа Безобразова, главной загадки романа, и происходящих событий, понимание которых недоступно Васеньке, чья личность несоразмерна личности Безобразова. В дневнике Тереза формулирует понимание своей миссии, близкой идее апокатастасиса – искупления и спасения всех грешных и падших, даже Дьявола, которого она видит в Безобразове, отвергшего активный способ существования ради созерцания бытия и своего мышления: «Прижать к своему сердцу Иисуса великое счастье, но прижать к сердцу Люцифера еще прекраснее, ибо Люцифер глубже страдает и обречен огню. Не святого, а изгнанного и падшего любишь. Искупить Люцифера, вот что хотела бы я, если бы была Марией» [16. С. 186].

В обоих произведениях картина мира выстраивается в оппозиции «земля» / «небо», близкой романтико-символистскому двомирию. Наблюдение И.Е. Разиньковой о романах Поплавского приложимо и к повести Яновского: «Путь “на небо” оказывается <...> дорогой вглубь себя, высота соотносится с глубиной» [14. С. 17]. «Земля» у обоих авторов – это материальная, природная и социальная реальность. «Небо» – метафизика сознания, в котором возможно общение с Богом как метафорой Абсолюта. И.Е. Разинькова выделяет у Поплавского пространство «междумирья», пространственно-временной лакуны «между “небом” и “землей”» [14. С. 21]. У Яновского метафизика сознания неотделима от метафизики тела.

В «Аполлоне Безобразове» изображен «нищий рай друзей», группа русских эмигрантов и европейцев (Васенька, Безобразов, Тихон Богомилов, Тереза, Авероз), их объединяет одиночество и устремленность к метафизическому, каждый создал индивидуальный миф о Боге (каждый «в плену у своего сна о Боге» [19. С. 230], по определению Безобразова в романе «Домой с небес» (1935)). Координаты выстраивания самоидентичности для них – не социальная реальность, а метафизика «неба», что проявляется в блужданиях «рая друзей» из центра эмигрантского

мира (Париж) на периферию (пригород, замок у озера Лаго ди Гардо) и обратно: «Так жили мы, все одинаково и каждый по-своему защищаясь от жизни, Безобразов – мышлением, Зевс – презрением, я – печалью. И конечно, Терезе, которая защищалась молитвою, было всех труднее и всех мучительнее жить» [16. С. 160]. Однако Бог недостижим, остаётся существование в пространстве «междумирья», в котором существует сознание Безобразова, в отличие от Терезы, стремящейся и побуждающей к полному отрыву от реальности и единению с Богом.

В центре «Любви второй» – безымянная русская эмигрантка, которая стремится приспособиться к эмигрантской жизни: обеспечить существование не телом, а физическим трудом. Яновский, в отличие от Поплавского, изображает более рациональную, земную женщину, которая лишь в финале открывает существование метафизической реальности. Хотя «земля» (парижская реальность, как и в романе Поплавского) в повести описана метафорами безвыходной тюрьмы, ада, лабиринта, сна, «толкучки», до преобразования героини Яновского, в отличие от персонажей Поплавского, воспринимает небесный мир не в оппозиции земной реальности, а как часть неизбежно враждебного городского мира, небесный мир недоступен: «Вверху темнело ночное небо, кудлатое, злое, такое далекое, что сердце медленно сжималось: не догонишь, не достанешь, никак, ни к чему» [18. С. 103]. Иначе небо воспринимается на вершине Нотр-Дама – как «спокойное, совершенное, уводящее» [18. С. 130], идеальность небесного мира дарует ощущение единства мира и единства с миром.

Героиня повести Яновского из русской «захудало-дворянской, чиновничьей» [18. С. 75] семьи. Она сирота, потерявшая мать ещё в детстве, а отца – в юности, во время эмиграции из России в Латвию. Память о матери, связанной с революционными кругами, но не дожившей до революции и не увидевшей её разрушительных последствий, осталась лишь благодаря нескольким фотографиям. Судьба матери предвосхищает судьбу героини Яновского (неудовлетворенность существованием и действительностью, страдания, ранняя гибель), её отличие от матери в том, что она погибла, не породив новую жизнь. Предыстория героини, раскрывающаяся в её воспоминаниях по приезду в Париж, показывает её как не самостоятельную, а зависимую от мужской опоры женщину: сначала от отца, смерть которого можно трактовать как символическую жертву ради жизни дочери, потом от любовника – Павла Кондратьевича (тип русского интеллигента, безвольного и совестливого обольстителя).

Тереза не русская, но имеет русские корни: её отец – «французский аристократ из Лотарингии», а мать – «русская немка из остзейских дворян» [16. С. 96], которая втайне от мужа называла дочь русским именем Вера. Тереза, родившаяся и живущая во Франции, не эмигрантка в социальном смысле, но она «эмигрантка» из профанной земной реальности, с детства слышащая голоса иных миров и стремящаяся к иной реальности. Перипетии судьбы Терезы связаны

не с социальными катаклизмами, а с личной драмой (избиение сумасшедшим отцом, ранний отрыв от семьи и жизнь в швейцарском монастыре, издевательства дяди-опекуна). Сочинение мифа о Боге может быть объяснено желанием преодолеть тотальное одиночество: Тереза в повествуемой истории, как и героиня Яновского, сирота (отец умер, мать оставила и уехала в Испанию).

Оба автора создают образ женщины, близкий традиционному типу: не носительница Эроса, а жертва мужского мира, болезненная, смиренная, страдающая, открытая метафизической духовности. Общим не дано реализовать себя в сфере семьи, исполнить биологическое предназначение. Образ Терезы аллюзивен: исследователи видели в ней травестийный вариант блоковской Прекрасной Дамы [13. С. 113], продолжение образа святой Терезы имени Младенца Иисуса [13. С. 112–113; 14. С. 14], лермонтовских героинь [20. С. 113]... Думается, ключ к разгадке образа Терезы – другая аллюзия, связывающая её с героиней повести Яновского, – к Богородице. Роберт прямо называет Терезу «Матерью Небесной» [16. С. 182], и сама Тереза в дневнике сближает себя с Девой Марией [16. С. 185]; преображение героини Яновского происходит на вершине Собора Парижской Богоматери, после её гибели она сопоставляется с Богородицей безымянным русским хирургом [18. С. 144]. У обоих авторов героини аллюзивно связываются с Богородицей как имевшие опыт контакта с божеством.

Тереза близка Богородице как сохранившая нравственную чистоту и девственность, у неё нет физического влечения к мужчинам. В «рая друзей» она принимает символическую роль заступницы, «духовной» матери персонажей: жалеет их, пытается защитить от «безобразовщины» и искупить самого Безобразова, которого воспринимает как Дьявола, хочет вернуть его к Богу и бытию, созданному Богом. Героиня Яновского неспособна защитить ни себя, ни других, однако в финале повести она могла стать реальной матерью. Нарратор, хирург, носитель рационального сознания, мифологизирует героиню, сближая её с Богородицей, переводя её образ и её историю не в религиозный план, а скорее в онтологический (поэтому не имеет значения, что ребенок зачат «порочно» – насильником). Любая женщина близка Богородице в авторской оценке, потому что способна творить новую жизнь, и нарратор ощущает вину, что не спас от гибели ни женщину, ни ребенка, поскольку её экзистенциальной вины в случившемся нет.

Героиня повести Яновского имеет автономную историю, воссоздающую обреченность женщины в эмиграции самостоятельно выстраивать своё существование и свою идентичность в отсутствие мужской поддержки, родовых и национальных связей. Сюжет преображения героини близок сюжету самоидентификации, идентичность обретается под влиянием внеличностных сил. Предыстория Терезы введена как вставной сюжет, напрямую не связанный с событиями основной истории, в которой героиня важна в коллизии кризиса самоидентичности нарратора-персонажа – Васеньки. Васенька выстраивает свою идентичность с

оглядкой на Аполлона Безобразова и Терезу, воспринятых как два варианта существования в отрыве от земной реальности: равнодушие или жалость к другим, самостояние или упование на волю Бога, созерцание или действие, интенция к сознанию или бытию. Безобразов и Тереза связаны не противостоянием, а безответным чувством девушки к Аполлону и их «метафизическим спором» (по определению Безобразова [16. С. 173]) за души остальных персонажей «рая друзей», прежде всего, Васеньки.

Сюжет Терезы движется как возвращение с «небес» (монастырь) к другим людям, воспринятым как родственные души, не на «землю», не в профанную реальность, но в «междумирье» «рая друзей», что заканчивается распадом «рая» и возвращением к затворничеству. Это проявляет авторскую концепцию человеческих отношений: возможна лишь иллюзия дружбы и любви, но соприкосновение сознаний неизбежно заканчивается трагическим непониманием и разрывом. Сюжет героини Яновского движется от одинокого и бессмысленного существования в Париже к преображению сознания женщины на вершине Нотр-Дама и её гибели в «эпilogue». У Яновского встречи героини с реальными людьми, мужчинами, напротив, приводят к разочарованиям и страданиям, что проявляет авторскую картину тотально враждебного к женщине мира, в котором невозможно найти даже иллюзию родственной души. Образ женщины, «русской парижанки», изображенной Яновским, близок второму типу из выделенных О. Р. Демидовой: она хранит свою русскость, не стремясь ассимилироваться в чужой инациональной среде, но и не повторяет в эмиграции свою российскую жизнь, а пытается приспособиться к новым условиям жизни.

История выживания героини Яновского в Париже до преображения близка предыстории Терезы, функция которой – объяснить формирование её личности, её религиозность и фанатичное богоискательство. Во-первых, влияние родителей: протестантство отца – религиозного фанатика, кальвиниста кальвиниста, для которого «все христианство сосредоточивалось вокруг идеи возмездия человечеству, коллективно, вне времени оскорбившему Создателя» [16. С. 96], и католичество матери – «кроткая и незлобивая вера» [16. С. 126]; в сознании Терезы соединяются оба типа религиозности. Во-вторых, пребывание в швейцарском монастыре, где развернута драма молодого священника Роберта, обезумевшего из-за любви к Терезе и утратившего веру не в Бога, но в его благость и всемогущество. Тереза впервые исполняет богородичную функцию заступничества, спасая Роберта от разъяренной его богохульной проповедью толпы.

Социальная коллизия героини Яновского связана с падением на социальное «дно» Парижа и необходимостью самостоятельно бороться за выживание (по приезду в Париж оказывается без крыши над головой и без денег бывшего любовника). Внутренняя коллизия героини – кризис самоидентичности и отсутствие смысла существования, причем временное разрешение социальной коллизии (устройство на работу в ателье) не отменяет, а усиливает потребность в само-

идентификации и в обретении цели жизни, героиня в поиске прагматических ценностей. У Поплавского социальная коллизия героини редуцирована, с детства Тереза принимает нищету, её существование смещено в сферу духовного. Её внутренняя коллизия – метания между «небом» и «землей», жажда соединения с Богом и жалость ко всему живому и неживому в земном мире.

Координаты самоидентификации героини Яновского в начале повести заданы образами русских женщин: культурными (Анна Каренина) и историческими (София Перовская, террористка, руководившая убийством Александра II). Личность героини шире отведенной обстоятельствами роли эмигрантки, обреченной бороться за выживание. Героиня отвергает традиционные представления о предназначении женщины (замужество, рождение ребенка), в сознании она стремится к идентичности с типом самостоятельной, независимой, любящей и любимой женщины, реализующей себя в сфере естественного чувства, как Каренина, или в «жертвенном подвиге» [18. С. 64], как Перовская, которая тоже была любима (Желябовым). Однако обстоятельства оставляют героине Яновского традиционную роль жертвы и конформистки, вместо искреннего чувства – прагматические отношения с русским эмигрантом Онучиным. По оценке героини, это «вздорный тридцатилетний юноша» [18. С. 64–65], «малокультурный, грубой складки человек, с проблесками благородства» [18. С. 88], но она зависима от него и использует его.

Смена семантического поля в сюжетах женских персонажей связана с неслучившимся самоубийством. Историю героини Яновского можно прочитывать как отсроченную гибель: в детстве она чудом выжила после скарлатины, что ослабило здоровье: у героини «больное сердце» [18. С. 52]. Выживание в детстве воспринимается как чудо, дает ощущение не избранности, но «надежды на хоть какую-то осмысленную жизнь» в будущем [18. С. 76]. Мысли о самоубийстве впервые появляются в начале повести, когда она оказывается на социальном «дне» Парижа. Окончательное решение утопиться в Сене приходит после потери работы и провале при устройстве на новую работу, когда героиня теряет не только обрести цель жизни, но и надежду самостоятельно обеспечивать себя. Это решение укрепляется после её изнасилования бывшим офицером, русским эмигрантом, чем Яновский утверждает агрессивность мужского – телесного – восприятия женщины. Однако и в этих обстоятельствах современная женщина-эмигрантка обнаруживает конформизм: она принимает временную работу, которую ей даёт жена русского, пытающаяся искупить вину мужа, хотя работа и не отменяет решение о суициде, а лишь отсрочивает его. Героиня, «закаленная “Анной Карениной” и Софией Перовской» [18. С. 64], не может смириться с тем, что её существование сведено до удовлетворения чужих физических потребностей: «Время от времени в ушах звенел знакомый пустой голос: “Деточка, деточка...” <...> ...и не само слово, а выражение: рассеянности, благодарности и разочарования. Благодарности» [18. С. 117].

Для Терезы решение об уходе из земной жизни – надежда прорваться к Богу из профанной парижской реальности, в которой она оказалась после монастыря; для героини Яновского – надежда избавиться от унижения и обрести вечный покой в небытии. Обе в пограничной ситуации не совершают экзистенциальный выбор смерти, решение лишить себя жизни снимается природной женской интенцией к жизни и к бытию. Тереза хочет «испытать все радости земного существования» [16. С. 131]: ресторан, кино, ярмарка, катание на карусели. Случайная встреча с Васенькой и Безобразовым на балу русских эмигрантов воспринимается ей как миссия (послана в мир защищать их). Героиня Яновского, погруженная в земную реальность, напротив, перед самоубийством идёт в Собор Парижской Богоматери, в чём можно увидеть не притяжение к высшей реальности, а следование культурному стереотипу (мечтала посетить Нотр-Дам с детства).

М. Рубинс интерпретирует Нотр-Дам в повести Яновского как «символическое “высокое место”» [12. С. 27], где на неё нисходит «любовь вторая» [18. С. 28], божественная, преображающая. Полагаем, возможна иная интерпретация. Героиня допускает, что её видения могли быть вызваны измененным сознанием (голод, усталость, истощение), кроме того, как становится известно в финале, в сцене восхождения на вершину Нотр-дама она была беременна, а беременность – это перестраивание женского организма. Сомнения героини в Боге даже после его открытия дают основание трактовать её преображение как автомиф, пересочинение реальных событий в тексте с целью самооправдания и самоубеждения. Вероятно, ей мерзко вынашивать ребенка насильника, и она сочиняет миф о явлении Бога, которое описывается метафорами метафизического полового акта, в то время как воспоминание о реальном изнасиловании русским, с которым зачат ребенок, редуцировано, как вызывающее отвращение. Сравним две рифмующиеся сцены – изнасилование: «Я лежала почти без сознания: колело в сердце навывлет. Он меня обнял и начал целовать, потом задернул занавески и изнасиловал» [18. С. 111]; явление божества: «Лежала, отдавшись, с закрытыми глазами, пригнув голову, как во время сильного шторма; заденет – снесет, раздавит. Сердце вздувалось, разливалось, заняло все тело: оно билось всюду со все ускоряющейся быстротой, вены и артерии горячими трубами опоясывали тело; я слышала свист, необычайный, острый. Мощный дух вливался в меня. Я задыхалась от страха и тяжести» [18. С. 129].

Наша интерпретация не отменяет преображение героини, но корректирует его семантику: оно связано с беременностью, обретенный ей божественный смысл – это чудо новой жизни, зародившейся внутри неё: «весь мой путь домой (и дальше, потом) был сплошным общением, молчаливой беседой с Богом, тем горячее, тем интимнее, что не надо было глядеть куда-то вверх, а, наоборот, углубиться в себя, окунуться, внедриться, так как Бог был, светил во мне... <...> ...беседовать с Ним было так же просто, и необходимо, и легко, как мыслить и дышать» [18. С. 131]. Тем са-

мым Яновский утверждает метафизику тела как единства земного и метафизического в женщине. Преображенная, героиня приближается к мироощущению и способу существования Терезы: цель жизни – в самой жизни и любви ко всему живому, что просветляет мир в сознании. Это показано сценой в метро, где героиня Яновского будто преображает своим присутствием всех: французские рабочие, раньше пристававшие к ней, смотрят на неё с трепетом и уважением.

Поплавский показывает разрушение «рая друзей» не реальностью, а внутренним несовершенством человека. Воспринимавшие друг друга метафизиками, свободными от обыденных, «земных» отношений, персонажи образуют вокруг Терезы любовный четырехугольник: помешанный на ней Роберт, не решающийся открыть чувства Васенька и Безобразов, которым она, идентифицирующая себя как возлюбленную Христа, подменяет недостижимого Бога, и который так же недоступен для неё. Тереза не спасает Безобразова духовно, не возвращает его от сомнения в бытии к Богу, но спасает его физически – от одинокой смерти в горах после схватки с сумасшедшим Робертом.

Уход Терезы в финале романа в кармелитский монастырь – это и признание неисполнения миссии (искупить Безобразова), и самонаказание за гибель Роберта и за поражение в «метафизическом споре» с Безобразовым за душу Васеньки. Героиня Яновского после преображения думает об уходе в монастырь, но решает остаться, не прятаться от профанной реальности. Финал её истории – гибель при преждевременных родах из-за больного сердца. Хирург-нарратор вводит аллюзию героини как Богородицы в конце повести – «сильной» позиции произведения: «я у изголовья кровотокающей женщины с лицом Богородицы» [18. С. 144]. Однако на уровне автора богородичные аллюзии разрушаются: дата смерти героини не совпадает с успением Богородицы (28 августа по григорианскому календарю), и умирает она не в воскресенье, что можно было бы прочитывать как духовное воскресение к новой жизни, а «в понедельник 29 августа, на рассвете (обычный час)» [18. С. 141]. Если Богородица способствует воплощению мессии в земной реальности, то героиня Яновского не порождает новую жизнь даже ценой своей, её «шестимесячный мальчик» [18. С. 141] погибает, что проявляет авторскую концепцию неотменимости материального бытия и невозможности спасения метафизическим мифом. Хотя лицо покойной отражает не боль и не ужас, а покой и смирение с судьбой, она на мгновения умиротворяет и объединяет русского хирурга и его коллег в любовании её красотой.

В романе Поплавского «Домой с небес» центральный персонаж Олег – не принятый Терезой и пересочинивший себя Васенька – создает, подобно Терезе, миф о своей связи с трансцендентным Богом. В «Домой с небес» Поплавским изображается иной, близкий демоническому образ женщины: «земные» соблазнительницы Таня и Катя, русские эмигрантки, выступающие в роли проводников Олега на пути из метафизики сознания и культуры в природную и социальную реальность. Сознание женских персонажей

остаётся закрытым, вводятся лишь фрагменты из дневников Тани, близкой Олегу в стремлении к самопознанию, Катя же, как абсолютно земная, погруженная в социальную реальность женщина, не ведет дневники, что у Поплавского является знаком неспособности к саморефлексии.

Несмотря на русскость женщин, между Олегом и героинями романа не возникает духовной связи, которая притягивала его к Терезе, остающейся его высшей любовью. Обнаружение следов духовности Терезы в телесной Тане как обретение искомого идеала («небожительская аскетическая красота Терезы на этом античном, почти коровьем лице, но на этот раз без той ужасной праязливости, чахоточной худобы» [19. С. 280]) оказывается заблуждением. Таня и Катя близки и взаимозаменяемы, но ни одна из них неспособна заменить недостижимый идеал – Терезу или отвергнутого персонажем Бога. Пройдя испытание реальностью и разорвав с обеими женщинами, в финале, в одиночестве, Олег открывает возможность спасения в соединении земного и метафизического: «чтобы жить, нужно религиозно не осуждать себя за жизнь, не убегать от Бога в действительность, а вносить Бога в нее, орудуя и скрепляя все им. <...> Он не умел вносить Бога в свою любовь...» [19. С. 420].

«Домой с небес» – последний роман Поплавского. Писатель не обнаружил преодоления трагического разрыва между метафизикой и телесностью, изобразив воплощение недоступной Вечной Женственности (Тереза) и «земных» женщин (Таня и Катя). Яновский видит в женщине единство земного и метафизического, возможность и земной женщине приблизиться к метафизической реальности. Оба автора сходятся в концепции обреченности женщины в современной действительности, однако и Яновский и Поплавский фиксируют возможность изменения сознания другого человека под влиянием женщины (безымянного хирурга, Васеньки). Архетипическая семантика сюжетов женщин в романах выражает идею неисполнения женской миссии в современном мире: нерождение ребёнка (возможно, нового человека) и неспасение «мужского» мира Вечной Женственностью.

Трагическое поражение женского в земном мире проявляется, во-первых, в сюжетах Поплавского и Яновского, в реальных коллизиях социальной эмиграции, в расхождении влечения к женщине мужчин и личной интенции женщин, в финальных разрешениях судеб женских персонажей (смерти и затворничества). Во-вторых, содержательна субъектная организация: близкая дневнику форма «я»-повествования женщины включена в повествование нарратора-свидетеля, и частный взгляд на историю женщины доказывает значение женщины в духовной ориентации мужчины. Однако бытийственное положение женщины, соединяющей земное (рождение жизни) и метафизическое (духовные законы, должны быть выше социальных и чувственно-телесных), в современном мире не принято за критерий существования. Экзистенциальный поиск абсолютов личностей и не направлен на демифологизацию любого чужого абсолюта.

Яновский и Поплавский, с одной стороны, продолжают художественные искания Брюсова (исследование женской души путем введения дневника женщины), хотя и редуцируют любовь как сферу реализации женщины, а с другой – выламываются из общей

тенденции литературы эмиграции, возвращаясь к традиционному пониманию женщины (жертва мужского мира), хотя и осложненному наделением женщины интенций к метафизической реальности при ее телесной природе.

Список источников

1. Степанянц М.Т. Образ женщины в религиозном сознании: прошлое, настоящее, будущее // *Общественные науки и современность*. 1993. № 4. С. 177–183.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
4. Соловьев В. С. Смысл любви. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_smysl/ (дата обращения: 03.01.2022)
5. Демидова О.Р. Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 352 с.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство СПб, 1994. 399 с.
7. Кардапольцева В.Н. Женские лики России. Екатеринбург, 2000. 158 с.
8. Хлопонина О.О. Динамика женской образности в русской художественной культуре 1890–1930-х гг.: дис. ... канд. культурологии. М., 2019. 226 с.
9. Михайлова М.В. В.Я. Брюсов о женщине (анализ гендерной проблематики творчества) // *Брюсовские чтения 2002 года: сб. статей / редкол.: С. Т. Золя и др. Ереван: Лингва, 2004. С. 97–114.*
10. Павловская О.Е., Сахно О.С. Основа гендерной мистификации художественного дискурса // *Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ / отв. за вып. А.Г. Кошаев. Краснодар: КубГАУ, 2022. С. 569–571.*
11. Ремарк Э.М. Триумфальная арка / пер. с нем. Б. Кремнева и И. Шрайбер; предисл. М. Харитонов. М.: Правда, 1982. 480 с.
12. Рубинс М. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избранная проза. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–48.
13. Грякалова Н.Ю. Травестия и трагедия. Метафизическая проблематика символизма в романах Бориса Поплавского // *Александр Блок. Исследования и материалы. [Вып. 3]. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 102–124.*
14. Разинькова И. Е. Поэтика романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» в контексте прозы русской эмиграции рубежа 1920-х – 1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
15. Галкина М.Ю. Художественно-философские аспекты прозы Бориса Поплавского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 32 с.
16. Поплавский Б.Ю. Аполлон Безобразов // *Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. М.: Согласие, 2000. С. 5–226.*
17. Атарова К.Н., Лесские Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // *Известия АН СССР, серия литературы и языка*. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.
18. Яновский В.С. Любовь вторая // Яновский В.С. Любовь вторая: Избранная проза. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 51–144.
19. Поплавский Б.Ю. Домой с небес // *Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы. М.: Согласие, 2000. С. 227–430.*
20. Янушкевич А.С. «Козлиная песнь» К. Вагинова и «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского: судьба русского гедонизма // *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 5: Гедонистическое мироощущение и гедонистическая этика в интерпретации русской литературы XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 94–123.*

References

1. Stepanyants, M.T. (1993) *Obraz zhenshchiny v religioznom soznanii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Image of a Woman in Religious Consciousness: Past, Present, Future]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 177–183.
2. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm; Eksmo.
3. Berdyayev, N.A. (2008) *Russkaya ideya* [Russian Idea]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
4. Solov'ev, V.S. (n.d.) *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. [Online] Available from: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_smysl/. (Accessed: 03.01.2022).
5. Demidova, O.R. (2015) *Izgnan'e kak poslan'e: estezis i etos russkoy emigratsii* [Exile as a Message: Esthesis and Ethos of the Russian Emigration]. Saint Petersburg: Russkaya kul'tura.
6. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint Petersburg: Iskuststvo SPb.
7. Kardapol'tseva, V.N. (2000) *Zhenskie liki Rossii* [Women's Faces of Russia]. Yekaterinburg: Ural State Mining University.
8. Khloponina, O.O. (2019) *Dinamika zhenskoy obraznosti v russkoy khudozhestvennoy kul'ture 1890–1930-kh gg.* [Dynamics of female imagery in Russian artistic culture in the 1890s – 1930s]. *Culturology* Cand. Diss. Moscow.
9. Mikhaylova, M.V. (2004) V.Ya. Bryusov o zhenshchine (analiz gendernoy problematiki tvorchestva) [Bryusov about a woman (an analysis of the gender perspective of creativity)]. In: S.T. Zolyan, S.T. et al. *Bryusovskie chteniya 2002 goda* [Bryusov's Readings of 2002]. Yerevan: Lingva. pp. 97–114.
10. Pavlovskaya, O.E. & Sakhno, O.S. (2022) [The basis of gender mystification of artistic discourse]. *Itogi nauchno-issledovatel'skoy raboty za 2021 god* [Results of Research Work for 2021]. Proceedings of the Anniversary Conference. Krasnodar. 06 April 2022. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. pp. 569–571. (In Russian).
11. Remarque, E.M. (1982) *Triumfal'naya arka* [Arc de Triomphe]. Translated from German by B. Kremneva & I. Shrayber. Moscow: Pravda.
12. Rubins, M. (2014) Strannyi pisatel' russkogo zarubezh'ya [A strange writer of Russian abroad]. In: Yanovskiy, V. (2014) *Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza* [Second Love: Selected prose]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 5–48.
13. Gryakalova, N.Yu. (1998) Travestiya i tragediya. Metafizicheskaya problematika simvolizma v romanakh Borisa Poplavskogo [Travesty and tragedy. Metaphysical problems of symbolism in the novels of Boris Poplavsky]. In: Bystrov, V.N. et al. (eds) *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and materials]. Vyp. 3. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 102–124.
14. Razin'kova, I.E. (2009) *Poetika romana B.Yu. Poplavskogo "Apollon Bezobrazov" v kontekste prozy russkoy emigratsii rubezha 1920-kh – 1930-kh godov* [The poetics of the novel by B.Yu. Poplavsky "Apollo Bezobrazov" in the context of the prose of the Russian emigration at the turn of the 1920s – 1930s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
15. Galkina, M.Yu. (2011) *Khudozhestvenno-filosofskie aspekty prozy Borisa Poplavskogo* [Artistic and philosophical aspects of Boris Poplavsky's prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

16. Poplavskiy, B.Yu. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 5–226.
17. Atarova, K.N. & Lesskis, G.A. (1976) Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoy proze [Semantics and structure of first-person narrative in fiction]. *Izvestiya AN SSSR, seriya literatury i yazyka*. 4 (35). pp. 343–356.
18. Yanovskiy, V.S. (2014) *Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza* [Second Love: Selected prose]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 51–144.
19. Poplavskiy, B.Yu. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 227–430.
20. Yanushkevich, A.S. (2003) “Kozlinaya pesn” K. Vaginova i “Apollon Bezobrazov” B. Poplavskogo: sud’ba russkogo gedonizma [“Goat Song” by K. Vaginov and “Apollo Bezobrazov” by B. Poplavsky: the fate of Russian hedonism]. In: Rybal’chenko, T.L. (ed.) *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul’turnyy dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 94–123.

Информация об авторе:

Назаренко И.И. – аспирант, ассистент кафедры истории русской литературы XX века Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Nazarenko, postgraduate student, teaching assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2022;
одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 26.01.2022;
approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 82-822
doi: 10.17223/15617793/485/6

Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в.

Артём Витальевич Смольянинов¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, smoart2@gmail.com

Аннотация. Представлен подход к изучению коллективного литературного сборника «Сибирские рассказы» как метатекста. Определены связи между социально-политическими воззрениями составителя, авторов и концепцией и содержанием издания. Выявлены метатекстовые признаки на уровне замысла, структуры, нарратива и мотивного комплекса, обеспечивающие его художественную целостность. В заключении обозначено культурно-историческое значение сборника в аспекте формирования региональной литературы.

Ключевые слова: метатекст, литературный ансамбль, коллективный литературный сборник, литературный процесс, сибирская литература, сибирское областничество, Н.С. Щукин, И.В. Оммулевский, А.К. Ордынский

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Смольянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 53–64. doi: 10.17223/15617793/485/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/6

Metatextual features of the collection *Siberian Stories* and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century

Artem V. Smolianinov¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smoart2@gmail.com

Abstract. The article presents an approach to the study of Siberian collective literary collections as metatexts. The research material is the collection (almanac) *Siberian Stories* (1862) – the first Siberian book of this type. Its compiler and publisher is N. S. Shchukin (1838–1870), an Irkutsk writer, public figure, founder of the Siberian community in St. Petersburg, who had a great influence on N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin, the main ideologists of *oblastnichestvo* [Siberian regionalism movement]. Their memories of N. S. Shchukin are involved in the study as supplementary material. The relevance and, at the same time, the novelty of the work (in the framework of studying the literature of Siberia) are due, firstly, to the lack of literary analysis of both the collection *Siberian Stories* and the works included in it (authored by I. V. Omulevsky and A. K. Ordynsky); secondly, the need to comprehend its place in the literary process of the region of the second half of the 19th century, associated with the activities of *oblastniks* [members of the Siberian regionalism movement], who actively developed the theory of identity of Siberian literature. The aim of the article is to identify the signs linking the texts of the collection *Siberian Stories* into an artistic whole and thereby forming a metatext. The author of the article assumes that there is an idea, a concept, or even an internal intention of the compiler, who, guided by any of the above, determines the selection and order of texts in the collection, and also takes into account the actual writers' position, the content of the works and correlates them with the image of a real or potential reader (the target audience). The research methods were sociological and structural-descriptive, as well as methods of narrative and motivic analysis to identify the frequency, common components of works in the collection. The rationale for the use of the metatext theory in one of its extended interpretations is the effective experience of its application for the study of literary ensembles. The analysis of the collection *Siberian Stories* shows that its metatextual features are read at several interrelated levels: ideological, conceptual, structural, which finds expression in narrative, compositional, motivic and figurative specifics. The fact that this publication is a metatext (metanarrative) about Siberia, created by Siberians and for Siberians, makes it possible to fit it into the cultural-historical and, in particular, literary process of the region as a landmark phenomenon, the relevance of which was due to the requests of literary subjects. The significance of the collection is confirmed by the fact that it expresses the characteristic features of a new stage in the formation of Siberian literature in the 1860s: the ideology of *oblastnich-*

estvo, the image of a Siberian writer, the Siberian circle of problems, the Siberian reader as a target, genre heterogeneity, the feuilleton manner of narration.

Keywords: metatext, literary ensemble, multi-author literary collection, literary process, Siberian literature, Siberian regionalism, N.S. Shchukin, I.V. Omulevsky, A.K. Ordynsky

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Smolianinov, A.V. (2022) Metatextual features of the collection *Siberian Stories* and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 53–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/6

Введение

Теория метатекста, генетически близкая к идеям французских структуралистов и постструктуралистов (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар) о метанарративах, культурном дискурсе, текстуальности пространства и деконструкции субъекта, оформилась в отечественной филологии во второй половине XX в. (Р.О. Якобсон, А. Вежбицкая, Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин) и с тех пор была и продолжает оставаться предметом внимания разных исследователей. Согласно ряду работ, посвященных вопросам развития данной теории и проблемам дефиниции ее предмета, в современной научной парадигме принято выделять несколько подходов, в которых она изучается, а именно: лингвистический, семиотический, литературоведческий и культурологический [1–5]. Наибольшее распространение и разработку среди них получили лингвистический (А. Вежбицкая, В.А. Шаймиев, Т.Я. Андрущенко, И.Т. Вепрева, А.Н. Ростова и др.) и литературоведческий подходы (преимущественно в рамках структурно-семиотического направления Ю.М. Лотмана и представителей московского-тартуской школы, а также концепции диалогизма М.М. Бахтина) [1, 4].

Одна из главных проблем данной теории заключается в отсутствии точной и исчерпывающей трактовки понятия «метатекст», на что еще в 1981 г. обращал внимание П.Х. Тороп [6. С. 39]. В литературоведении это дополнительно усложняется использованием учеными как узкоспециализированных – и, нередко, синонимичных, – так и предельно широких определений¹. С одной стороны, это закономерно усложняет выработку единой методики для выявления и описания различных метатекстов; с другой – позволяет расширить область изучаемых предметов и синтезировать отдельные дефиниции для выявления новых аспектов исследования данного феномена. Так, в настоящее время можно выделить направление, связанное с изучением метатекстуальных образований, представляющих собой художественные «ансамбли» – коллективные литературные сборники (альманахи, антологии, хрестоматии) и журналы. Оно реализовано в работах В.С. Киселева, Ю.В. Казарина, В.В. Баженовой, Т.А. Снегиревой и А. В. Подчиненова [8–11].

В данном направлении исследователи объединяют идеи М.М. Бахтина (диалогизм), Ю.М. Лотмана (семиосфера), теорию литературного цикла (как явления, онтологически схожего с расширенным пониманием

метатекста), а также книговедческий, культурно-исторический и коммуникативный подходы, в результате чего литературный ансамбль рассматривается как художественное целое, единство нескольких текстов, которое выступает в качестве точки пересечения дискурсов авторов, читателей и составителей/издателей².

Исходя из положений лингвистической теории текста и постструктуралистских представлений о текстуальном устройстве общества, возможно рассматривать каждый текст как самостоятельное высказывание, реализованное в конкретной коммуникативной ситуации или дискурсе. В таком случае совокупность текстов, как-либо соотносящихся друг с другом, обладающих схожими или однородными компонентами, становится высказыванием более сложного порядка, поскольку оно содержит в себе «голоса» (дискурс) нескольких литературных субъектов. Подобное текстуальное образование возникает в определенной культурно-исторической среде, в которой протекает литературный процесс, и вполне закономерно коррелирует с его дальнейшим развитием³. Облегчить фиксацию изменений позволяют границы литературного процесса или, как минимум, его характер и идейно-эстетическая направленность, что в первую очередь отражается в схеме «автор – текст – читатель», субъекты и объект которой, в частности, пространственно близки друг к другу. Так, собрание текстов, включенных в состав коллективного сборника, обретает характер эстетического и коммуникативного единства – зачастую имплицитного, требующего дешифровки, но все же прослеживаемого, как отмечает В.В. Баженова, на концептуальном уровне [10].

Необходимо пояснить, что ученые, предлагающие такой взгляд на метатекст, уделяют существенное внимание обоснованию его целостности (в первую очередь, на концептуальном уровне), которая не только обеспечивает когезию внутренних элементов, но и позволяет обозначить границы отдельных произведений в пространстве текстов. В этом смысле их взгляд оппозиционен постструктуралистской критике, в которой не принята текстуальная демаркация.

Итак, актуальность и вместе с тем новизна исследования обусловлены, во-первых, отсутствием литературоведческого анализа как самого сборника «Сибирские рассказы», так и входящих в него произведений в рамках изучения литературы Сибири⁴; во-вторых, необходимостью осмысления его места в литературном процессе региона второй половины

XIX в., связанного с деятельностью областников – в первую очередь, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, которые были хорошо знакомы с составителем сборника и, как известно, активно разрабатывали теорию идентичности сибирской литературы.

Целью предлагаемой статьи становится выявление признаков⁵, связывающих тексты коллективного сборника «Сибирские рассказы» в художественное целое и тем самым образующих метатекст. Гипотетически предполагается наличие замысла, концепции или даже внутренней интенции составителя, который, руководствуясь чем-либо из вышеперечисленного, определяет отбор и порядок текстов в сборнике, а также учитывает собственно авторскую позицию, содержание произведений и соотносит их с образом реального или потенциального читателя (то есть целевой аудитории), который, как представляется вероятным, должен идентифицировать целостность высказывания и усвоить его согласно идее составителя (особенно если принимать во внимание факт локальной идентичности составителя, авторов и целевой аудитории). Обозначим, что в качестве задачи не ставится воспроизведение достоверной концепции составителя, однако мы полагаем, что возможно ее приближительное моделирование в результате анализа авторских идейных воззрений, соотносенных с содержанием и структурой сборника.

В число методов, используемых в настоящей работе, вошли социологический (социально-политические, идейные воззрения составителя и авторов сборника) и структурно-описательный (концепция и структура сборника), а и также методы нарративного и мотивного анализа (выявление частотных, общих компонентов произведений в составе сборника). Обоснованием использования теории метатекста в одной из ее расширенных трактовок является результативный опыт ее применения для исследования литературных ансамблей [8–11]. Кроме того, при таком подходе выявляется связь текста и субъектов литературного процесса с культурно-историческим пространством, что необходимо учитывать при изучении формирования региональной литературы.

Основным материалом исследования является коллективный литературный сборник «Сибирские рассказы», изданный в 1862 г. в Иркутске. Согласно выходным данным, сборник был напечатан в иркутской типографии Штаба войск Восточной Сибири, которая открылась в этом же году. Привлекаются также мемуарные тексты Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина.

Составитель и авторы: идейный аспект

Составителем и одновременно издателем сборника выступил Николай Семенович Щукин (1838–1870) – литератор и общественный деятель, малой родиной которого является Иркутск; племянник своего полного тезки, известного сибирского писателя-краеведа – Н.С. Щукина (1792–1883).

Как пишет М.В. Шиловский, «именно с Щукиным связано зарождение сибирского областничества как

общественно-политического движения» [14], что подтверждается воспоминаниями Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, на которых Щукин произвел впечатление своим живым, деятельным, пылким нравом и принципиальностью во всем, что касалось служения на благо Сибири [15. С. 4; 16. С. 109]. Известно, что в 1858 г. он поступил в Главный педагогический институт в Петербурге, где основал сибирское землячество, в которое входило несколько студентов-сибиряков, объединенных идей научного и культурного развития региона. Активность данного кружка «на некоторое время прекратилась после отъезда Н. С. Щукина в Сибирь в 1859 г. и вновь возобновилась под руководством Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева» [14]. Таким образом, сопоставляя данный факт с воспоминаниями главных идеологов сибирского областничества, можно говорить о том, что Н. С. Щукин фактически подготовил «почву» для их деятельности [17. С. 136–141].

В рамках исследования необходимо выделить следующие важные черты личности Щукина, дающие представление о воззрениях составителя «Сибирский рассказы»: патриотические чувства к региону (и понимание его проблем), приверженность идеям революционной демократии, критическое отношение к представителям официальной власти, а также острое чувство социальной справедливости [15, 16]. Примечательно, что, говоря о молодом Щукине, Ядринцев даже сравнивал его с героем тургеневского романа – Рудиным [15. С. 8].

Обратимся к авторскому составу сборника, который представлен в оглавлении перечнем псевдонимов: Синдбад, Омулевский, Аполлон Приканский и Язон Аргонавтов. Согласно воспоминаниям Ядринцева, в сборник вошел очерк самого Щукина (в качестве очерка в сборнике указано произведение Синдбада) «и еще двух-трех начинающих писателей, между прочим, рассказ „Сибирячка“ Омулевского» [15. С. 8]. Однако есть основания полагать, что в данном случае имеет место ошибка мемуариста. Во-первых, ему неизвестны точные личности всех авторов, за исключением Омулевского; во-вторых, заметно, что о содержании сборника у Ядринцева имеются неполные представления, и в своих текстах он больше нигде о нем не упоминает, а под очерком, приписываемым Щукину, вполне могло иметься в виду предисловие издателя.

Итак, рассмотрим реальные персоны авторов «Сибирских рассказов». Одним из них является Иннокентий Васильевич Омулевский (1836–1883) – известный сибирский прозаик, поэт, публицист и переводчик, близкий друг Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, опубликовавший в сборнике свой дебютный рассказ «Сибирячка» под постоянным псевдонимом (настоящая фамилия – Федоров) [18]. Его довольно обширное литературное наследие⁶ 1860–1880-х гг. характеризуется особым, трепетным отношением к пространству Сибири и запечатлению образов сибиряков, испытывающих гнет и произвол местных властей, в чем он, без сомнения, был близок с Н.С. Щукиным. В частности, Е.В. Петухов писал о нем так: «Соб-

ственно, реальное содержание идеалов Оммулевского, насколько он выразил их в своей лирике, несложно: оно почти совершенно исчерпывается стремлением к свободе, любовью к людям, готовностью на борьбу за их настоящее и будущее, отсутствием эгоизма, возвышенным, чуждым всякого мелкого расчета душевным подъемом, глубокой верой в исповедуемые идеи» [19. С. 25–26]. Показательным в идейном плане является главный роман И.В. Оммулевского «Шаг за шагом» (1870), в котором он, по мнению М.Д. Зиновьевой, «отразил историческую преемственность в освободительном движении в России... Герой романа – сторонник постепенных преобразований („Шаг за шагом“); он верит в силу „положительных знаний“, науки, образования, пропагандирует атеизм, материализм, восхищается искусством, борется за эмансипацию женщин» [18].

Вторым автором сочинений, вошедших в сборник, является Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1818/1830–1915), опубликовавший свои произведения под тремя псевдонимами: Язон Аргонавтов, Аполлон Приканский и Синдбад. О принадлежности ему первого псевдонима говорится в статье Е.Н. Туманник [20. С. 16]; второй псевдоним образован в результате сочетания имени автора и топонимического прозвища, которое соответствует месту его ссылки⁷; последний можно присвоить Ордынскому на основании семантического сходства с первым, особенно если принимать во внимание факт того, что писатель практически постоянно находился в различных путешествиях. Наконец, отметим, что все три псевдонима приписываются ему и на «Сибирском литературном портале им. Владислава Ляхницкого» [21], а между идущими под ними произведениями наблюдается очевидное стилевое сходство.

В истории региональной литературы Ордынский в большой степени известен своим интересом к этнографическому описанию Сибири, а также бурятской и монгольской культуре (что не нашло отражения в изучаемом сборнике); «его статьи и очерки публиковали все крупнейшие сибирские издания – „Восточное обозрение“, „Сибирская жизнь“, „Сибирский наблюдатель“ и др.» [20. С. 15]. Тем не менее, мировоззренческая, творческая, идеологическая позиция писателя была очень близка к областнической, и, оказавшись в ссылке, «он становится поборником и деятелем просвещения края, ратует за развитие сибирской литературы, за пробуждение литературной жизни и много трудится в этом направлении» [20. С. 16–17].

Примечателен и творческий метод Ордынского. В частности, Е.Н. Туманник характеризует его так: «...по своим личным впечатлениям он создавал интереснейшие зарисовки из сибирской жизни, выступая в них в качестве писателя-реалиста, одновременно придавая им вид типичных картинок повседневности, как в юмористической форме, так и в ироничной манере обличая пороки общества и отдельных его представителей – обитателей Сибири – чиновников, купцов, любителей легкой наживы, грабивших местных аборигенов» [20. С. 16].

Итак, можно резюмировать, что авторский корпус «Сибирских рассказов» и составитель сборника объ-

единены общим представлением о будущем региона, способностью чутко улавливать его проблемы, а также стремлением утвердить своеобразие сибирской литературы. Именно поэтому уместно говорить о том, что целью сборника, по всей видимости, являлось художественное воспроизведение сибирского пространства и его жителей, но при этом не в краеведческом или этнографическом ключе, а в плане социального устройства. Для составителя и авторов стал принципиальным поиск типичных характеров среди разных слоев сибирского общества, что и находит выражения во включенных в состав сборника произведениях. Кроме того, это дается сквозь призму областнической идеологии, выражающейся, в первую очередь, в критике официальной власти, пагубно влияющей не только на образ жизни сибиряков, но и на их нравы, поведение, культурный уровень.

Концепция и структура «Сибирских рассказов»

Доподлинно известно, что выходу «Сибирских рассказов» предшествовал совместный замысел Н.С. Щукина, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина – выпуска в Иркутске журнала «Сибиряк» [12. С. 49]. Идея возникла после студенческих репрессий 1861 г., причем ее инициатором выступил Щукин [17. С. 139], у которого, как пишет Ядринцев, всегда «было страстное желание создать в Сибири свою местную печать» [15. С. 7]. Примечательно, что главным литературным работником журнала Щукин планировал сделать Ордынского, уже тогда отличавшегося большим талантом, продуктивностью и имевшего объемный материал. По этому поводу последний писал Потанину: «Цель нашего журнала – развить литературу в Сибири, заставить сибиряков сбросить с себя застенчивость в передаче мыслей на бумагу и пр., и пр. Цель великолепная. Нам лишь бы сделать начало, а там все пойдет как по маслу» [20. С. 16].

В итоге выпуск журнала был отменен. В качестве одной из возможных причин можно назвать разногласия между Ядринцевым, Потаниным и Щукиным, которые по-разному видели цель издания. Первые настаивали на том, что «Сибиряк» должен был стать инструментом политической борьбы, в то время как сам Щукин видел в нем площадку для объединения трудов сибирских писателей [17. С. 139–140].

Факт наличия у Н.С. Щукина идеи о литературно-художественном журнале, которую не удалось реализовать, позволяет говорить о том, что она все же нашла частичное воплощение в концепции сборника «Сибирские рассказы» [12. С. 51]. Об этом косвенно свидетельствует сотрудничество составителя с учредителями частной иркутской библиотеки М.П. Шестуновым и В.И. Вагиным, с помощью которых он открыл подписку на журнал, а потом – на сборник [23].

Любопытно, что сами «Сибирские рассказы» Н.С. Щукин в предисловии обозначает как «первую книгу чисто-литературного содержания» [24], изданную непосредственно в Сибири. При этом, если рас-

смагивать «Сибирские рассказы» сквозь призму современной типологии изданий, можно уточнить, что данный сборник является непериодическим альманахом – то есть фактически первым в Сибири изданием альманахного типа, о важной роли которых в истории русской литературы говорили еще А.С. Пушкин и В.Г. Белинский.

Как бы то ни было, отметим, что метатекстуальный характер сборника обозначается уже на уровне названия, которое не только задает общую тему произведений, их жанр, но и указывает на сюжетообразующее пространство, подход к конструированию художественного образа Сибири (и, что важно, «изнутри» самой Сибири, т.е. авторами-сибиряками). Впрочем, жанровое определение здесь отнюдь не строгое, в чем мы убедимся при рассмотрении произведений.

Но прежде обратим внимание на паратекст, который также имеет метатекстуальную функцию, задающую подход к чтению и осмыслению текста (то есть является своего рода кодом или программой чтения, закладываемой составителем / издателем в книгу). В данном случае к нему относятся: 1) уже обозначенное название, маркирующее тематическое своеобразие включенных в сборник произведений; 2) предисловие от издателя, в котором декларируется литературный статус «Сибирских рассказов»; 3) оглавление, свидетельствующее о полижанровом характере сборника и определяющее ракурс рецептивной эстетики; 4) финальная реплика издателя («Конец»), семантически подтверждающая художественную целостность, завершенность сборника как текстового единства.

Что касается содержания (обозначенного Н.С. Щукиным как оглавление, что тоже можно рассматривать в качестве метатекстового признака, указывающего на художественную целостность), то в состав сборника вошли пять произведений, одно из которых («Сибирячка»), принадлежит И.В. Омулевскому, а остальные – А.К. Ордынскому:

1. «Практическая девушка (очерк сибирских нравов)». *Синдбад*

2. «Сибирячка (рассказ из путевых впечатлений)». *Омулевский*

3. «Борода и кринолин». *Апполон Приканский*

4. «Влюбленный заседатель (неправдоподобное, но истинное происшествие)». *Язон Аргонавтов*

5. «Привидение на заимке (сибирская легенда)». *Язон Аргонавтов*

Как видим, жанровая структура сборника неоднородна. Она строится на оппозиционном диалоге текстов, демонстрирующем взаимодействие разных жанровых интенций авторов. Так, *очерк* и *легенда* выступают как крайние границы метатекста, жанр которого составитель в целом определяет как рассказы. Очерк ориентирован на правдивость и документальность изображаемого, в то время как легенда – жанр прозаического фольклора. Несмотря на явную оппозицию произведений в плане достоверности, в данном сборнике их объединяет сибирская тематика, обозначенная в их названиях.

В центр сборника помещено произведение *без жанрового наименования*, однако составитель все равно включает его в парадигму сочинений, которые он все квалифицирует как рассказы.

Между второй и четвертой позицией, как между первой и пятой, наблюдается переключки в связи с взаимодействием документального и художественного начал в повествовании всех произведений, однако здесь это имеет смешанный характер: *рассказ из путевых* (указание на документальность) *впечатлений* (не события и факты, которые можно документально точно изобразить, а именно впечатления); далее – *неправдоподобное, но истинное происшествие* (коррелирует с документальностью и изображением впечатлений от увиденного произведения, занимающего вторую позицию в сборнике; одновременно противопоставляются внешняя и внутренняя событийность (*впечатления – происшествие*)).

Таким образом, если рассматривать содержание «Сибирских рассказов» в аспекте дихотомии «реальное – вымышленное» (или, например, по степени художественного вымысла), то становится очевидна определенная системность структуры содержания, указывающая на наличие замысла составителя, разместившего тексты в конкретном порядке. В этой своеобразной структуре наблюдается четкий «безжанровый» центр, являющийся одновременно точкой демаркации двух жанровых групп – «плоскости реализма» и «плоскости вымысла». Неслучайно первый и пятый текст, единственные среди всех, имеют точное жанровое обозначение, где очерк, соответственно, воплощает «экстремум реализма», а легенда – «экстремум вымысла». Второй и четвертый текст, в свою очередь, имеют черты смежных, переходных жанров со сложным взаимодействием внешнего и внутреннего сюжета, документального и вымышленного.

Подобный порядок, задающий жанровый диалог произведений, может быть обусловлен двуединой задачей сборника – во-первых, отобразить жизнь сибиряков с разных позиций, чтобы полнее охватить круг проблем сибирского края и обозначить их глубину, во-вторых, чтобы показать поиски способов их художественного воплощения сибирскими авторами. Это достигается путем объединения в сборнике нейтральной зарисовки социальной жизни («очерк сибирских нравов»), зарисовки мыслей и чувств автора-повествователя («рассказ из путевых впечатлений»), бытового рассказа («слуха») («неправдоподобное, но истинное происшествие») и местного фольклора («сибирская легенда»). В результате складывается многогранный образ сибирского социума, который транслируется через сборник (метатекст).

Текст «Борода и кринолин», не имеющий жанрового наименования, отличается от остальных произведений ярко выраженной злободневностью, прямым конфликтом между горожанами и чиновниками, философскими размышлениями о судьбе Сибири, ее текущем состоянии, перспективах и людях. В каком-то смысле он больше тяготеет к публицистике, чем к художественной литературе. Помещая данный текст в центр сборника, составитель, очевидно, маркирует его как особо значимый.

Нарратив и композиция произведений

Тезис о целостности сборника и специфика его структуры подтверждается логикой организации текстов, которая актуализируется в их нарративной специфике. Так, общая схема нарратива «Сибирских рассказов» может быть выражена формулой «1–2–2–2–1», где цифрой обозначается количество нарраторов в каждом произведении.

Для «Практической девушки» и «Приведения на заимке», вступительного и заключительного произведения соответственно, характерен аукториальный нарратив: в них повествование ведется от третьего лица; повествователь не выражен явно, однако, что важно, представляет собой не всеведущую персону, а непричастного очевидца; он не присутствует в сюжете, дистанцирован от него, его образ прослеживается, скорее, на стилистическом уровне и обнаруживается прямыми обращениями к своим читателям, комментариями описываемого, который он делает для них. В каком-то смысле речевая манера повествователя характеризует его как сатирика сибирской жизни, хорошо знакомого с ее отдельными проявлениями, образами, типажам.

Три произведения, составляющие «ядро» сборника («Сибирячка», «Борода и кринолин», «Влюбленный председатель»), отличаются двойным акториальным нарративом: в них присутствует рассказчик, включенный в основной сюжет и ведущий повествование от первого лица, однако впоследствии его роль всегда переходит персонажу, третьему лицу, излагающему в ходе диалога ретроспективную историю изначальному нарратору, в результате чего организуется рамочная композиция сюжета.

Следует отметить, что для «Сибирских рассказов» в целом характерна смешанная композиция, которая, тем не менее, обретает упорядоченность, заданную структурой сборника. Первый и последний тексты разворачиваются линейно, очерчивают повествовательные границы метатекстуального высказывания, являются точками сосредоточения ключевых образов и мотивов сборника. Второй и четвертый текст играют, скорее, роль иллюстраций, примеров частных проявлений сибирской жизни. Их образное наполнение и сюжет менее насыщены по сравнению с обрамляющими произведениями. То же, в общем-то, справедливо и для третьего текста, однако он, как мы уже говорили, отличается социально-философской проблематикой, особой позицией повествователя.

Такое нарративное устройство текстов и порядок их расположения в сборнике отнюдь не случайны, – в этом тоже усматривается замысел составителя. Так, «Практическая девушка» является самым объемным произведением, в котором вводятся характерные мотивы и образы сборника. Впоследствии они идентифицируются читателем в остальных рассказах по принципу узнавания. В каком-то смысле этот текст инициирует диалог с читателем в определенном модусе, к которому тот постепенно привыкает, и нужно отметить, что модус этот сатирический, направленный на изобличение социальных проблем. Эти про-

блемы и образы конкретизируются в трех срединных текстах и закрепляются в финальном, очень близком по эстетическому выражению и характеру повествования первому.

При этом нужно сказать, вновь обращаясь к структуре сборника, что несмотря на сходство произведений по типу нарратора, картина мира в них имеет разную степень достоверности. В очерке нарратор излагает то, что наблюдает сам. Путевые впечатления – это фиксация эмоций нарратора, слушающего историю жизни сибирской крестьянки, то есть не полностью достоверное изображение. Третье произведение – описание дневных событий, свидетелем которых был персонаж, о чем он и сообщает первому нарратору. Четвертое – происшествие, взятое в ретроспективе; представляет собой рассказ очевидца, построенный в аспекте полемики с нарратором. И наконец, пятое – это история, воспроизведенная нарратором по рассказам местных жителей (необязательно очевидцев).

Опорные участки нарратива обозначаются на композиционном уровне. Кроме того, что в сборнике есть две иерархичные группы текстов, в каждом из них присутствует один и тот же прием, связанный с кольцевым описанием конкретной ситуации, но возврат к ней всегда подразумевает качественно иной взгляд на проблему. В этом плане все рассказы в жанровом отношении сближаются с притчей, поскольку их сюжеты обретают нравоучительный характер (недаром «заглавное» произведение позиционируется как «очерк нравов»). Но вместе с тем данная притча подается словно через призму публицистики, памфлетности, о чем свидетельствует сатирическая манера повествователя в первом и последнем тексте, что также соответствует художественной задаче составителя и авторов.

Приведем примеры такого повтора ситуаций. В экспозиции «Практической девушки» фигурирует сцена игры в шашки между Мирским, молодым сибирским чиновником, который еще не утратил романтического отношения к жизни, и Иваном Ивановичем, пожилым чиновником в отставке, который относится к жизни сугубо утилитарно, руководствуясь исключительно расчетом и выгодой. В ходе игры они дискутируют на тему любви и пути к успеху в государственной карьере. Когда появляется Зоя Никаноровна – свояченица Ивана Ивановича, являющаяся той самой «практической девушкой», – Мирский, испытывающий к ней симпатию, совершает ошибочный ход и быстро проигрывает своему оппоненту [24. С. 8].

Впоследствии Зоя будет манипулировать чувствами Мирского в собственных корыстных интересах, связанных с браком по расчету с Кубышкиным, состоятельным коммерсантом. Уже в экспозиции становится понятно, что герой заведомо обманут («поражение в игре»). В развязке мы вновь наблюдаем игру в шашки, но в этот раз возмущенный Мирский, узнавший все правду, выходит из нее по собственному желанию, тем самым символически разрывая отношения с Зоей [24. С. 48].

Рассказ «Сибирячка» открывается мотивом дороги и пейзажем Барабинской низменности:

– Ну, барин, погодка! – заметил мне сквозь зубы ямицки, отряхивая свою козью доху, причем меня как-то особенно неприятно обдало в лицо мокрым снегом.

Я было задремал, но тотчас очнулся и **тревожно выглянул из кибитки; кругом, что называется, свету божьего не видать было: ветер, метель, снег, снег и снег...**

– А много ли осталось до дружка? (Дружками по Барабинской степи зовут вольных ямициков) – спросил я с искренним любопытством.

– Да осталось немного; всего с полверсты, не больше: вишь, **за метелью-то не углядишь деревни-то...** [24. С. 55].

Образ метели связан с ситуацией потери в пространстве, разобщенности людей, сопряжен с угрозой жизни. Сибирские просторы предстают враждебным местом, фактически соприкасающимся с потусторонним миром, и только свет окон деревни может сигнализировать о спасении, об «очагах жизни» в этой степи.

В конце произведения рассказчик, вдохновленный историей тяжелого жизненного пути Анастасии и Филиппа (сибирских крестьян, которые, несмотря на все испытания, сумели сохранить свою любовь и пронести ее через года), снова отправляется в путь, и в этот раз пейзаж и само восприятие ситуации кардинально отличаются от того, что мы видели в начале рассказа:

День стоял чудесный: теплый, светлый... Я, признаюсь, едва не заплакал, садясь в кибитку: так мне было жаль оставлять этих добрых, простых людей...

– Ну, с богом! Трогай, парень! – заключил хозяин наше трогательное прощание. <...>

Но мы уж мчались во весь дух свежих сил... [24. С. 72].

Рассказчик больше не испытывает тревоги. Услышанная им история Анастасии и Филиппа способствует его внутренней трансформации, обновлению душевных сил. Он понимает, что Сибирь – это не только метель и опасность утраты пути, но и пространство света и надежды.

В рассказе «Борода и кринолин» закольцованным элементом являются размышления рассказчика об апатичности городской жизни, бездействии властей, а также надежда на скорые перемены в связи с приездом нового городничего:

Для каждого горожанина интересно знать, каков будет новый городничий, тем более, если старый не слишком-то был хорош, а еще более, если у горожанина **торчит перед носом болото**, подобное тому зыбуну, который с незапамятных времен завелся перед моею квартирою. В богоспасаемом нашем граде уже разнеслись слухи, что новый городничий взялся устроить благородное собрание, воскресную школу, завести городскую библиотеку, учредить театр, литературные вечера и живые картины. <...> **Авось его высокоблагородие хоть мельком бросит «взгляд» на эту грязь, которую я ежедневно люблю, и которую все проходящие зачерпывают в калоши. Авось он подвинет сонные умы и апатические руки**

здешных обывателей к уничтожению этой заповедной грязи несколькими возами гальки, щепок или просто даже мусору [24. С. 75].

Однако этому не суждено сбыться. Новый городничий занимается чем угодно, кроме своих непосредственных обязанностей (или вовсе бездействует), и рассказчик с досадой заключает:

По всему видно, что **грязь, столько времени по-дергивающая мраком мои светлые очи**, останется нетронутой и **станет дожидаться еще нового городничего**, и что ее теперешний наш отец и благодетель из-под кринолина доблестной своей супруги не заметит. **Значит все останется по-старому и новых порядков нам не видать.** Борода спряталась под кринолином, кринолин прикрыл бороду, а миру нет ни тепла, ни холоду [24. С. 82].

Четвертый рассказ, «Влюбленный заседатель», начинается со спора рассказчика с Бурдомакиным, зажиточным крестьянином, работающим на местных чиновников. Рассказчик негативно относится как к деятельности представителей власти, так и к их личностям, и Бурдомакин пытается опровергнуть его мнение. Он говорит:

Случается, и на них накатывает такой стих или такая планида, что они так и просятся в герои книжных историй, в лица разных небывлиц... Я, пожалуй, и согласен с этим. Но я знаю одного заседателя, который так влюбился было в одну девицу, что просто его следовало если не в книжные герои произвести, то уж бесприменно упрянуть в тот дом, где обливают холодной водой да на цепи сажают... Вот как перевернула его любовь! [24. С. 88].

Бурдомакин рассказывает историю о Сергее Петровиче Беспардонном, который якобы влюбляется в Клавдию Васильевну, молодую столичную дворянку. Она навещает своего умирающего отца, отправленного в ссылку в Сибирь. Беспардонный всячески пытается сделать ей предложение, но все время получает отказ. При этом все остальные обыватели считают, что он искренне в нее влюблен.

В финале выясняется, что показная «любовь» Беспардонного является частью аферы, связанной с желанием породниться с Клавдией и завладеть ее богатым имением. Рассказчик, выслушав историю до конца, иронично заключает:

Значит, вашему заседателю можно – и даже очень можно – было влюбиться влюбиться в Клавдию Васильевну на манер книжных героев: со стихами, меланхолией, серенадами, отчаянием, неистовством и прочими чудесами [24. С. 102–103].

В последнем тексте, «Привидение на заимке», кольцевым элементом выступает фраза «Муж и жена – одна сатана» [24. С. 107], которая появляется в эпиграфе и повторяется рассказчиком в конце произведения. В этой истории мы узнаем о Сысое Артамоныче, который обогатился, будучи доверенным у купца Толстобрюхова и, по слухам, довел того до могилы, завладев всем его состоянием. Дочь Толстобрюхова, Любовь Патрикеевна, остается без наследства, и Сысой трижды делает ей предложение. Возмущенная поначалу Любовь Патрикеевна внезапно соглашается,

сменив гнев на милость, однако становится ясно, что она тоже руководствуется неким мотивом. Сысой, занимающийся философскими и мистическими исследованиями, пытается совершить революционное открытие, установив контакт с миром мертвых, однако боится, что за ним явится покойный Толстобрюхов, про которого ему было видение. В финале он все же символически сталкивается с призраком, и месть Толстобрюхова, таким образом, свершается через Любовь Патрикеевну.

Сквозные мотивы и образы

Последними метатекстуальными признаками «Сибирских рассказов» являются сквозные мотивы и образы, фигурирующие в двух и более текстах. Их повторяемость обеспечивает закрепление конкретных высказываний в пространстве метатекста, определяет специфику дискурса составителя, авторов и читателей, формирует эстетический и когнитивный план восприятия сборника, что, в свою очередь, влияет на восприятие совокупного образа социального устройства Сибири.

Один из наиболее явных мотивов – мотив обмана, аферы, (притворства), характеризующий индивидуальное стремление к богатству, выгоде, высокому положению. В «Практической девушке» Иван Иванович добивается успеха и положения путем различных интриг и махинаций, нисколько не считаясь с нормами морали. Аналогично ведет себя и Зоя Никаноровна, стремящаяся вступить в брак по расчету и презирующая искреннюю любовь Мирского. Во «Влюбленном заседателе» вся история строится вокруг аферы Беспардонного, которой ради осуществления своих планов изображает искренность, набожность, нежные чувства к Клавдии Васильевне. В легенде «Произведение на заимке» идет своеобразное противостояние между Сысоем Артамонычем и Любовью Патрикеевной, каждый из которых играет «роль» честного супруга.

Поведение и поступки многих персонажей определяют мотив любви (настоящей и ложной) и ревности. Мирский любит Зою и ревнует ее к Кубышкину, первоначально не понимая, чем он интересен для нее. Любовь простых сибирских крестьян, Анастасии и Филиппа, преодолевает необъятность и враждебность сибирского пространства, а также социальную несправедливость крепостнического строя. Ложное, притворное чувство Беспардонного сталкивается с любовью Клавдии Васильевны и Дениса Карпова, которая рушит его планы. На ложной любви построены семейные отношения Сысоя Артамоныча и Клавдии Патрикеевны.

Куда большей специфичностью отличаются сквозные образы. Наиболее ярким и сильным в сборнике является образ Сибири как колониального, эксплуатированного региона, что, в частности, находит выражение в упадке местных нравов, культурном застое, высоком уровне преступности. Все прогрессивные идеи подавляются как революционные. Показателен в этом плане следующий фрагмент, в котором ведется спор о проблеме школьного образования:

Пускаясь более и более в рассуждения по этому предмету, Иван Иванович доходил до того убеждения, что если бы дозволено было некоторым ссыльным обучать открыто детей, то Сибирь в несколько лет сделала бы невероятные успехи в отношении народной грамотности, потому что ей не достаёт только учителей, и сделала бы это на собственные средства, не прибегая к пособиям казённым.

– Вы настоящий либерал, Иван Иванович! – рычал Гасильников. Ну как это можно? Ведь ссыльные – преступники, люди, не имеющие никаких прав, а, следовательно, и нравственности... Можно ли им доверять светоч науки?

– Насчет науки я вот что вам скажу, батенька. Многие ссыльные, которым вы с полицией воспретили обучать детей в городе, имеют образование выше многих наших не только приходских, но даже и уездных учителей, сударь мой!.. [24. С. 20].

В «Бороде и кринолине», в дополнение к уже приведенным ранее мыслям рассказчика, описывается произвол местных чиновников и, в частности, бездействие представителей высшей власти:

– Какие тут новые порядки! – возопил квартальный, понижая голос и трусливо оглядываясь кругом. – Наш городничий любит только тон задавать, все же там относительно порядков он сдал на руки писмоводителю Омутовскому-Озеровскому, плуту и мошеннику первостатейному, как сами изволите знать [24. С. 84].

О произволе говорится и в рассказе «Влюбленный заседатель»: Беспардонный нисколько не гнушается использовать свои возможности для достижений целей и расправы над нижестоящими.

Менее выраженными (особенно в силу преобладания сатирического модуса), но все же различимыми в сборнике являются мортальные образы, характеризующие Сибирь как мистическое пространство двоемрия, места, где жизнь и смерть идут рука об руку. Например, в «Практической девушке» есть эпизод, в котором герои гуляют за городом, и Иван Иванович рассказывает легенду о некоем преступнике:

Неизвестно, чем бы окончился этот мудреный диспут, если бы Зоя Никаноровна, поворотивши в сторону, не подошла к крутому берегу оврага, и не закричала своим звонким серебряным голоском:

– Ах, какой великолепный, какой поэтический вид! Посмотрите, господа!

<...>

– Вид-то действительно великолепный, матенька, да место-то не слишком одобрительное, сударыня моя, – произнес Иван Иванович и начал рассказывать длинную легенду о преступнике, похороненном под наклонившимся крестом [24. С. 22].

Желая вспомнить тот «поэтический вид», Мирский приходит к оврагу, но вместо сталкивается там с inferнальным видением:

И вот Мирский взглядами, исполненными трепетного ожидания, начал окидывать местность по ту сторону оврага. Но вдруг невольно вздрогнул... Ему показалось, что темные впадины глаз этой длинной лошадиной головы озарились фосфорическим блеском

и злобно, язвительно на него посмотрели; вслед за этим весь остов, как будто в досаде, повернулся на своем месте, крестик зашатался и из одинокой могилы послышался глубокий, тяжелый, подземный вздох... [24. С. 22].

В «Сибирячке», помимо упомянутого пейзажа степи, присутствуют сцены убийства дворян, в которых образ Анастасии можно условно сопоставить с образом «мстительного духа крепостничества».

Во «Влюбленном заседателе» Беспардонный, впервые войдя в дом отца Клавдии Васильевны, видит отца, дочь и весь интерьер практически в райском свете [24. С. 90], при том что сам он как персонаж имеет выраженное демоническое начало (стихийные расправы над крестьянами и поселенцами). После этой встречи с ним происходит удивительное преобразование:

С этого дня он сделался шелковый какой-то человек. Теперь он словно от мира и всех дел человеческих отрешился или в монастырь на спасительное житье собирался [24. С. 92].

Весь сюжет «Привидения на заимке» построен на обыгрывании потусторонней тематики. Показателен фрагмент, в котором Сысою снится покойный Толстобрюхов:

Ко всему этому остается прибавить еще следующее обстоятельство: посещение могилы Толстобрюхова бывшим его главным доверенным произошло ни раньше, ни позже, как в ночь, следовавшую за той страшной и бурной ночью, в которую Сысой Артамоныч, поднявши на ноги весь дом свой и даже соседей, с лихорадочною дрожью уверял всех, что к нему приходил некто с красным шарфом на шее, смотрел исподлобья сверкавшими, как молния глазами и говорил нечто невыразимо-ужасное [24. С. 110].

Выделяется также ряд образов сибирской повседневности, присутствующих в описании изб, квартир, частично – природы, города. К последнему добавляются образ «келейной», апатичной жизни горожан (в которой «нет ни любви, ни интриг, ни бегства из дома родительского, ни препятствий неодолимых к супружеству» [24. С. 113]) и характеристика их речи, зачастую состоящей из смеси просторечных и модных, высоких слов из научных и философских областей. В текстах также встречается такая примечательная деталь, как окна жилищ, из которых люди наблюдают за всем происходящим. В каком-то смысле ими опосредована связь внутреннего (индивидуального) и внешнего (социального и природного) пространства.

Отдельного внимания заслуживают сквозные социальные образы (типичные представители сибирского социума), среди которых главными являются образы сибирского чиновника и сибирской девушки.

Первый представлен преимущественно в отрицательном ключе на примере таких персонажей, как Иван Иванович, Беспардонный и городничий. Рассуждая о жизненных целях, Иван Иванович говорит следующее:

Вы должны знать, что мы, русские, – народ и домовитый, и необщественный. Мы, сударь мой, народ чиновный. Нам не нужна свобода... Упаси Бог

нас от равенства... чинов, чинов и чинов, – вот чего мы жаждем от мала до велика, батенька, вот на чем мы помешаны, сударь мой [24. С. 5].

Несмотря на то, что речь идет о всем русском народе, в дальнейшем Иван Иванович раз за разом возвращается к этой мысли именно в контексте проживания в Сибири, где высокий чин гарантирует богатство, привилегии, статус, поскольку местная власть фактически занимает место дворянского сословия, что, например, наглядно выражается в думах Кубышкина:

С некоторого времени в нем зародилась мысль о женитьбе на какой-нибудь невесте из чиновничьего круга. Этой женитьбой он думал, если не одворяниться, то по крайней мере, сродниться с высшим заповедным кругом, и надеялся чувствовать себя в нем более свободным и развязным [24. С. 40].

Сибирские девушки в сборнике разделяются на «практических» (Зоя Никаноровна, жена городничего, Любовь Патрикеевна) и «романических» (Дуня Вавилкова, Анастасия, Пошехонова, Клавдия Васильевна). Их характеристика дается в первом тексте:

1) – Вы кажется собирались объяснить нам, что такое практическая девушка?

– Практическая девушка, – возопил Мирский... – это... Стенька Разин в кринолине...

– Гришка Отрепьев в мушкетерке! – подхватил Бассамыгин.

– Кузьма Роцин... в мантилье веласкес!.. – продолжал Мирский.

– Ванька Каин в бурнуса шамбери! – прибавил злобно Бассамыгин.

– У практической девушки вместо сердца... – снова начал Мирский.

– Ну, что такое вместо сердца? – заговорили все разом, обращаясь к Мирскому.

– Сам черт не разберет, что у ней такое вместо сердца, – заключил Мирский... [24. С. 51]

2) Романическая девушка принимала к сердцу и чужие горести... плакала и над чужими несчастьями [24. С. 51].

Качества «романических» девушек отображены в рассказе «Сибирячка», где им, на примере Анастасии, приписывается скромность и богобоязненность, сочетающаяся со смелостью и находчивостью, а также способностью к глубокой эмпатии. Эти же черты далее будут проявляться в характерах Пошехоновой («Борода и кринолин») и Клавдии Васильевны («Влюбленный заседатель»). «Практическим» девушкам, напротив, свойственны безнравственность, корысть, расчетливое мышление, приоритет собственных интересов. В этом их образ пересекается с образом сибирских чиновников.

Заключение

Итак, анализ сборника «Сибирские рассказы» показал, что его метатекстуальные признаки считаются на нескольких взаимосвязанных уровнях: идейном (областнические взгляды Н.С. Щукина, И.В. Омулевского, А.К. Ордынского), концептуаль-

ном (художественное изображение сибирского социума), структурном (воспроизведение различных аспектов сибирской жизни с разных позиций), что находит выражение в нарративной, композиционной, мотивной и образной специфике. Факт того, что данное издание является метатекстом (метавысказыванием) о Сибири, созданным сибиряками и для сибиряков, позволяет вписать его в культурно-исторический и, в частности, литературный процесс региона как знаковое явление, востребованность которого была обусловлена запросами литературных субъектов.

Подтверждением тому служит паратекстовый элемент – предисловие от Н.С. Щукина, в котором он выражает признательность сибирской публике и пишет, что почти все билеты на тираж сборника были раскуплены за несколько месяцев до его выхода, причем как в Иркутске, так и в других сибирских городах. Тем не менее, отсутствуют источники, в которых как-либо оценивается значение выпуска в свет «Сибирских рассказов» на уровне общественной рефлексии или литературных параллелей.

В мемуарах Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина выход сборника «Сибирские рассказы» удостоен лишь краткого упоминания как главного достижения Н.С. Щукина в период проживания в Иркутске (без непосредственного отзыва о его литературной значимости): «В Иркутске он издал небольшую книжку „Сибирских рассказов“... Книжечка эта составляет библиографическую редкость» [15. С. 8], «Его стремление служить литературе выразилось только изданием беллетристического сборника под названием „Сибирские рассказы“» [16. С. 112]. Это может объясняться тем (как мы уже упоминали, говоря об идее журнала «Сибиряк»), что «на первых порах политизированные воззрения областников не позволяли им признать за местной беллетристикой вообще хоть ка-

кое-нибудь будущее. В написанном в январе 1862 г. письме к Н.С. Щукину Потанин категорично охарактеризовал текущий момент как „время прокламаций“, а мечты своего корреспондента „о каких-то романах, повестях, живописании и воспроизведении“ объявил „жалкой целью“» [25. С. 191]. Признание важности беллетристики областниками произойдет только после судебного процесса 1865 г., когда Ядринцев и Потанин начнут формировать замысел романа «Тайжане» (1872).

Любопытно, что преодоление ими «застоя» в литературном процессе Сибири, возникшего еще в 1840-х гг., обошлось без должного внимания к «Сибирским рассказам». Так, например, несмотря на негативную оценку качества сборника в художественном плане (пересмотр которой, отметим, не входил в задачи исследования), представленную в «Сибирской советской энциклопедии»⁸, в нем обнаруживаются те же концептуальные, содержательные и формальные элементы, что и в «Тайжанах»: идеология областничества, сибирские авторы, сибирский круг проблем, адресация читателю-сибиряку, жанровая неоднородность, фельетонная манера повествования.

Наконец, представляется возможным уточнить место «Сибирских рассказов» в литературном процессе региона, обозначив его не только как первый литературный сборник, напечатанный в Сибири, но и как явление метатекстуальной, коммуникативной природы, в котором, благодаря усилиям Н.С. Щукина, И.В. Омелевского и А.К. Ордынского, нашли начальное выражение характерные черты нового этапа формирования сибирской литературы 1860-х гг. В перспективе этот взгляд может быть уточнен путем сопоставительного анализа «Сибирских рассказов» с последующими коллективными литературными сборниками XIX в.

Примечания

¹ В первом отношении используются такие понятия, как «авторское повествование в повествовании», «автометатекстуальность», «автометаописание», «метаописательный пласт текста», «метаописание», «саморефлексия», «автокомментарий». «метапovествование», «текст в тексте», «текст о тексте»; во втором – «целостность текстов, написанных одним писателем (Е.А. Гончарова, Н.А. Смирнова) или группой авторов – МТ журнала, альманаха (В.С. Киселев), литературного цикла (Я.О. Глембоцкая, Л.Е. Ляпина) или МТ целого литературного направления (Н.А. Смирнова)» [7. С. 3].

² В отличие от цикла, в котором признаки художественного целого выражены более явно и соотносятся непосредственно с авторским замыслом, в сборнике (особенно в коллективном) прежде всего необходимо изучать замысел составителя.

³ В качестве примера репрезентативна работа Ю.В. Казарина «Журнальный метатекст как объект текстоведения», в которой выделяются признаки и свойства литературно-художественного журнала как метатекстового образования. К критериям, маркирующим его сущность и цельность, автор относит пространственно-временной, языковой, этико-эстетический, концептуальный, идейный, стилистический и стиливой, антропологический, текстовый, когнитивный/гносеологический, интертекстуальный, контекстологический, графико-дизайнерский, креолизованный [9. С. 32–33].

⁴ Несмотря на частые упоминания «Сибирских рассказов» в краеведческих источниках, в научной области фактически существуют только две работы, в которых этот сборник кратко описан в книговедческом аспекте, – это монография Е.А. Макаровой «Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания» [12] и статья И.А. Айзиковой «Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева» [13].

⁵ Метатекстовые признаки коллективного литературного сборника, пользуясь критериями Ю.В. Казарина, представляется возможным обнаружить на идейном (социально-политические воззрения составителя и авторов), концептуальном (образ и функции конкретного сборника в сознании составителя), текстовом (структура сборника и характер связи между входящими в него произведениями) и этико-эстетическом (специфика и повторяемость художественных образов) уровнях.

⁶ На момент выхода сборника «Сибирские рассказы» И.В. Омелевский был только в начале творческого пути.

⁷ Из Киевской губернии А.К. Ордынский в 1850 г. был сослан в Канский уезд Енисейской губернии [21. С. 69].

⁸ «Как всегда, появление местной печати дает стимул и выход литер. тенденциям. Эта местная лит-ра на первых порах выражается в обличительных фельетонах (в стихах и в прозе), в бытовых зарисовках и пр. Типичным явлением этой переходной поры служит крайне слабый в художественном отношении литер. альманах („Сиб. рассказы“)» [26].

Список источников

1. Ким Х.Е. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // *Acta Slavica Iaponica*. 2004. Vol. 21. P. 202–213.
2. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–269.
3. Сипрова А.А. Феномен метатекстуальности в гуманитаристике XX столетия: бахтинский дискурс // *Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*. 2017. № 3. С. 146–152.
4. Аппазова С.Т. Метатекст: лингвистический и литературоведческий аспекты // *Гуманитарные исследования*. 2012. № 1 (41). С. 82–87.
5. Бердник Е.С. Применение понятия «Метатекст» к произведению словесного искусства // *В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2013. № 6 (29). С. 237–247.
6. Тороп П.Х. Проблема интекста // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам*. XIV. Текст в тексте. 1981. Вып. 567. С. 33–44.
7. Барина Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе : А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 24 с.
8. Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 282. С. 184–190.
9. Казарин Ю.В. Журнальный метатекст как объект текстоведения. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. 116 с.
10. Баженова В.В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое : альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.
11. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // *Известия Уральского государственного университета*. 1999. № 13. С. 5–13.
12. Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 236 с.
13. Айзикова И.А. Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2019. № 21. С. 67–87.
14. Шиловский М.В. Демулен из Иркутска // *Сибирская Заимка – история Сибири в научных публикациях*. URL: <https://zaimka.ru/shilovsky-shchukin/> (дата обращения: 15.11.2022).
15. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания : очерки первого сибирского землячества в Петербурге. Красноярск : Издание Красноярского Союза областников-автономистов, 1919. 27 с.
16. Потанин Г.Н. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Т. 6. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. 336 с.
17. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 529 с.
18. Зиновьева М.Д. Омудевский И.В. : биобиблиографическая справка // *Lib.ru/Классика*. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_0030.shtml (дата обращения: 15.11.2022).
19. Петухов Е.В. И.В. Федоров-Омудевский : очерк его жизни и литературной деятельности. Томск : Паровая литография П.И. Макушина, 1900. 61 с.
20. Туманик Е.Н. Сибирский писатель и этнограф Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915) : новые материалы к творческой биографии // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 3. С. 15–18.
21. Ханевич В. А. Ордынский Аполлон Ксаверьевич // *Сибирская старина : краеведческий альманах*. 2002. № 19. С. 69.
22. Сибирские писатели // *Сибирский литературный портал имени Владислава Ляхницкого*. URL: <https://siberia.gabbe.ru/sibirskie-pisateli/> (дата обращения: 16.11.2022).
23. «Сибиряк», журнал // *Иркипедия – портал иркутской области*. URL: http://irkipedia.ru/content/sibiryak_zhurnal (дата обращения: 18.11.2022).
24. Сибирские рассказы. Иркутск : Типография штаба войск, 1862. 122 с.
25. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков : особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 371 с.
26. Литература сибирская // «Сибирская советская энциклопедия» (1929) // *Иркипедия – портал иркутской области*. URL: http://irkipedia.ru/content/literatura_sibirskaya_sibirskaia_sovetskaya_enciklopediya_1929 (дата обращения: 03.12.2022).

References

1. Kim, Kh.E. (2004) Teoriya metateksta i formy ee proyavleniya v poetike [The theory of metatext and forms of its manifestation in poetics]. *Acta Slavica Iaponica*. 21. pp. 202–213.
2. Kuznetsova, A.V. (2020) Metatekst v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii [Metatext in a literary text: pragmatics and functions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (13). pp. 265–269.
3. Siprova, A.A. (2017) Fenomen metatekstual'nosti v gumanitaristike XX stoletiya: bakhtinskiy diskurs [The phenomenon of metatextuality in the humanities of the 20th century: Bakhtin's discourse]. *Konferentsiy ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy*. 3. pp. 146–152.
4. Appazova, S.T. (2012) Metatekst: lingvisticheskiy i literaturovedcheskiy aspekty [Metatext: linguistic and literary aspects]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (41). pp. 82–87.
5. Berdnik, E.S. (2013) Primenenie ponyatiya "Metatekst" k proizvedeniyu slovesnogo iskusstva [Application of the concept of "Metatext" to a work of verbal art]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 6 (29). pp. 237–247.
6. Torop, P.Kh. (1981) Problema inteksta [The problem of intext]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam*. XIV. Tekst v tekste. 567. pp. 33–44.
7. Barinova, E.E. (2008) *Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrativе : A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov* [Metatext in Postmodern Literary Narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
8. Kiselev, V.S. (2004) The metatext as the artistic whole's type (to the problem's standing). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 184–190. (In Russian).
9. Kazarin, Yu.V. (2016) *Zhurnal'nyy metatekst kak ob'ekt tekstovedeniya* [Journal Metatext as an Object of Text Science]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
10. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe : al'manakh, antologiya* [Russian literary collection of the middle of the 20th – early 21st centuries as a whole: almanac, anthology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
11. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (1999) "Tolsty" zhurnal v Rossii kak tekst i sverkhstekst [Podchinenov A.V. "Thick" journal in Russia as a text and supertext]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 13. pp. 5–13.

12. Makarova, E.A. (2020) *Literaturno-khudozhestvennye sborniki Sibiri kontsa XVIII – pervoy trety XX v. v aspekte formirovaniya regional'nogo knigoizdaniya* [Literary and Artistic Collections of Siberia at the End of the 18th – First Third of the 20th Centuries. in the Aspect of the Formation of Regional Book Publishing]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Ayzikova, I.A. (2019) Fiction About Siberia in the Book Collection of G.K. Tyumentsev. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 21. pp. 67–87. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/21/4
14. Shilovskiy, M.V. (2000) Demulen iz Irkutsk [Demoulins from Irkutsk]. *Sibirskaya Zaimka – istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh*. 12 April. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/shilovsky-shchukin/>. (Accessed: 15.11.2022).
15. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sibirskie literaturnye vospominaniya : ocherki pervogo sibirskogo zemlyachestva v Peterburge* [Siberian Literary Memoirs: Essays on the first Siberian community in St. Petersburg]. Krasnoyarsk: Izdanie Krasnoyarskogo Soyuzu oblastnikov-avtonomistov.
16. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.
18. Zinov'eva, M.D. (1990) Omulevskiy I.V.: biobibliograficheskaya spravka [Omulevsky I.V.: bio-bibliographic reference]. *Lib.ru/Klassika* [Lib.ru/Classics]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_0030.shtml. (Accessed: 15.11.2022).
19. Petukhov, E.V. (1900) *I.V. Fedorov-Omulevskiy: ocherk ego zhizni i literaturnoy deyatel'nosti* [I.V. Fedorov-Omulevsky: An essay on his life and literary activity]. Tomsk: Parovaya litografiya P.I. Makushina.
20. Tumanik, E.N. (2013) Sibirskiy pisatel' i etnograf Apollon Ksaver'evich Ordynskiy (1830–1915): novye materialy k tvorcheskoy biografii [Siberian Writer and Ethnographer Apollon Ksaverievich Ordynsky (1830–1915): new materials for his creative biography]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 15–18.
21. Khanevich, V.A. (2002) Ordynskiy Apollon Ksaver'evich. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh*. 19. P. 69. (In Russian).
22. Sibirskiy literaturnyy portal imeni Vladislava Lyakhnitskogo [Siberian literary portal named after Vladislav Lyakhnitsky]. (n.d.) *Sibirskie pisateli* [Siberian writers]. [Online] Available from: <https://siberia.gabbe.ru/sibirskie-pisateli/>. (Accessed: 16.11.2022).
23. Irkipediya – portal irkutskoy oblasti [Irkipedia – Portal of Irkutsk Oblast]. (2016) “*Sibiryak*”, *zhurnal* [Sibiryak Journal]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/sibiryak_zhurnal. (Accessed: 18.11.2022).
24. Shchukin, N. (1862) *Sibirskie rasskazy* [Siberian Stories]. Irkutsk: Tipografiya shtaba voysk.
25. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Peculiarities of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
26. Shirabon, S. & Alekseev, M. (eds) (2016) *Literatura sibirskaya* [Siberian literature]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/literatura_sibirskaya_sibirskaya_sovetskaya_enciklopediya_1929. (Accessed: 03.12.2022).

Информация об авторе:

Смолянинов А.В. – ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Smolianinov, teaching assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 06.12.2022;
approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(571)
doi: 10.17223/15617793/485/7

Научная библиотека ТГУ и мифологема освоения Сибири: основные вехи (1878–1934 гг.)

Кирилл Александрович Конев¹, Артём Викторович Васильев²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ kk.tsu@yandex.ru

² art@lib.tsu.ru

Аннотация. Проанализированы особенности формирования образов Сибири в нарративе о Научной библиотеке как части обосновывающего мифа о первом сибирском университете. Исследуется возникновение и развитие мифологем о библиотеке как инструмента освоения и окультуривания Сибири и как хранителя мирового, национального и сибирского наследия.

Ключевые слова: Сибирь, библиотеки, Научная библиотека Томского государственного университета, мифологемы, места памяти, публичный дискурс

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Конев К.А., Васильев А.В. Научная библиотека ТГУ и мифологема освоения Сибири: основные вехи (1878–1934 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 65–72. doi: 10.17223/15617793/485/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/7

Research Library of Tomsk State University and the mythologeme of the development of Siberia: The main milestones (1878–1934)

Kirill A. Konev¹, Artyom V. Vasilyev²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ kk.tsu@yandex.ru

² art@lib.tsu.ru

Abstract. The Research Library of Tomsk State University, which is now one of the largest university libraries in Russia, was established simultaneously with the university. Along with the first museums, the Botanical Garden and other university departments, it was almost immediately incorporated into the process of developing the transboundary Siberian space. To date, the history of the TSU Research Library is presented in generalizing and individual works dedicated to its employees, funds and collections, practices of interaction with readers and partners. At the same time, it seems relevant to identify the role of the Research Library as an actor involved in the process of constructing images of Siberia. This is due to the institutional involvement of the library in the complex of interactions within and around the university that has developed over decades. This involvement also makes the library a “memory space”, participating in the formation of images of the past, present and future at various levels – material, symbolic and functional. The aim of this work is to reveal the features of the formation of images of Siberia in the narrative about the Research Library, which is part of the substantiating myth about the first Siberian University. The lower chronological limit was chosen due to the fact that it is in the first years of the existence of the library that the core of its fund is formed and the main patterns of perception are laid; the upper limit because in 1936 the university library was given the status of a “research library”, which marked a key milestone in its development as the largest university library in Siberia. In the pre-revolutionary period, key ideas were laid down that were reflected in the construction of the image of Siberia as a region rich in various resources suitable for study – the library as part of the university that accumulates and preserves heritage, including the Siberian one. Conventionally, these ideas can be represented as binary structures: Siberia as an undeveloped, wild territory – the library as a tool for its development, cultivation; Siberia as a region with rich various resources suitable for exploration – the library as part of the university accumulating and preserving the heritage, including the Siberian one. In early Soviet times, there was a further development and discovery of ideas related to the perception of Siberia and the library as an instrument for exploring the region and

familiarizing it with world culture and history. The library is a tool for collecting information, preserving and saving book collections of the past, and bibliographic ordering of the scattered Siberian information space.

Keywords: Siberia, libraries, Research Library of Tomsk State University, mythologeme, memory space, public discourse.

Financial support: The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Konev, K.A. & Vasilyev, A.V. (2022) Research Library of Tomsk State University and the mythologeme of the development of Siberia: The main milestones (1878–1936). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 65–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/7

Введение. Процесс создания первого в азиатской части России университета современниками воспринимался как начало качественного нового этапа освоения территории Западной Сибири и в целом всего востока страны. Как известно, началу строительства университета в Томске в 1878 г. предшествовал многолетний период подготовки и обсуждений в высших эшелонах власти и в печати. Дискуссии об актуальности и возможности создания университета, необходимых для этого ресурсах и вероятном месте его расположения способствовали тому, что идея сибирского университета прочно вошла в публичные дискурсы и была увязана с проблемами развития Сибири.

Закладка и затем открытие 22 июля (3 августа) 1888 г. первого сибирского университета в Томске способствовали дальнейшей трансляции его образа как научного и культурного инструмента интеграции Сибири и России. «Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды и разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную, равноправную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства» [1. С. 4], – говорил В.М. Флоринский на торжестве открытия университета.

Рассказ о прошлом функционален, как отмечает Я. Ассман, при этом он становится «либо движущей силой развития», либо обоснованием преемственности. «Прошрое, закрепленное и интериоризованное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фиктивно оно или действительно», – указывает немецкий историк и культуролог [2. С. 80].

В настоящее время нарративы о «75-летней борьбе за идею университета» и о «первом университете за Уралом» стали важным компонентом обосновывающего мифа, укореняющего ряд представлений о ТГУ как центре научного освоения региона. Одним из его содержательных элементов является образ университетской библиотеки, который (как и образ университета в целом) конструируется и транслируется в нормативных документах, научных и научно-популярных текстах, публицистике и выступлениях руководства учебного заведения и региональных элит.

Научная библиотека ТГУ, ныне являющаяся одной из крупнейших вузовских библиотек России, создавалась одновременно с университетом. Наряду с первыми музеями, Ботаническим садом и другими университетскими подразделениями она была практиче-

ски сразу инкорпорирована в процесс освоения трансграничного сибирского пространства. К настоящему времени история НБ ТГУ представлена в обобщающих трудах и отдельных работах, посвященных ее сотрудникам, фондам и коллекциям, практикам взаимодействия с читателями и партнерами. Вместе с тем представляется актуальным выявить роль Научной библиотеки как актора, включенного в процесс конструирования образов Сибири. Связано это со сложившимся за десятки лет институциональной включенностью библиотеки в комплекс интеракций внутри и вокруг университета. Эта включенность делает библиотеку также «местом памяти», участвующим в формировании образов прошлого, настоящего и будущего, на различных уровнях – материальном, символическом и функциональном.

Таким образом, цель данной работы – выявить особенности формирования образов Сибири в нарративе о Научной библиотеке, являющемся частью обосновывающего мифа о первом сибирском университете. Хронологические рамки исследования охватывают период со времени основания университета в Томске до 1934 г. Нижняя граница выбрана в силу того, что именно в первые годы существования библиотеки формируется ядро ее фонда и закладываются основные паттерны восприятия; верхняя – поскольку в 1934 г. библиотеке университета был присвоен статус «Научная», что обозначило ключевую веху в ее развитии как крупнейшей университетской библиотеки Сибири.

Рассматриваемые образы формируются в ходе коммуникации. Уместно при этом обозначить типичные роли, в рамках которых библиотека как институт включалась в коммуникативные акты, а также определить используемые при этом форматы взаимодействия.

«Источник научного знания». В.М. Флоринский еще на этапе становления университета сформулировал принципы, на которых должна была строиться будущая библиотека. Одной из важнейших ее характеристик являлась универсальность фондов. В условиях удаленности Томска от культурных и научных центров преподаватели и студенты могли бы рассчитывать лишь на университетское книжное собрание, которое должно было включать литературу по всем отраслям знаний. Так, за библиотекой закреплялась роль источника авторитетных сведений, применимых для научных исследований. Дальнейшее развитие в этом отношении продолжалось осуществляться в контексте складывания и совершенствования ключевых

направлений деятельности – поддержки научных исследований, обслуживании студентов и преподавателей, попытках выхода в городское и региональное информационное пространство и обращении к новым аудиториям. На нынешнем этапе позиционирование НБ ТГУ в роли «ресурсного центра», обеспечивающего деятельность ключевых стейкхолдеров и развитие информационной культуры, закреплено в миссии подразделения [3].

«Место рождения идей и смыслов». Созданная для того, чтобы обеспечивать потребности ученых и преподавателей и помогать студентам, библиотека становилась не только ресурсной базой, но и соучастником исследовательского и образовательного процесса. Кроме того, личные, тематические книжные и архивные коллекции, сложившиеся на протяжении десятков лет работы, стали основой для проведения исследований непосредственно сотрудниками библиотеки. В их результате не только анализировался состав этих коллекций или реконструировались процессы их поступления или бытования, но происходило формирование идей, связанных с позиционированием библиотеки, и образов Сибири. Так, результатом работы по описанию и изучению личной библиотеки поэта и переводчика В.А. Жуковского, осуществленной сотрудником НБ ТГУ В.В. Лобановым и группой филологов ТГУ под руководством Ф.З. Кануновой, стали издание каталога коллекции (1981) и трехтомной монографии «Библиотека Жуковского в Томске» (1978–1988). Культивируемая память о данном достижении является частью образа ТГУ, позиционируемого как места сохранения культурного наследия России и одного из ведущих в России центров по изучению творчества В.А. Жуковского и русской литературы в целом. Вместе с тем факт приобретения библиотеки поэта для университета сибирским золотопромышленником и меценатом А.М. Сибиряковым позволяет также актуализировать тему благотворительности и ее роли в развитии просвещения и науки в Сибири.

«Посредник и площадка для коммуникации». Еще одна роль библиотеки в коммуникации – посредническая. Обладание коллекциями, представляющими научную ценность, позволило закрепить за учреждением функцию места встречи и коммуникации представителей научного сообщества, выстраивающих связи на почве изучения и ввода в оборот тех или иных документов. Ярким примером реализации этой роли могут являться научные проекты с участием представителей различных факультетов или организаций. Так, уже завершённый проект РНФ «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете» под руководством новосибирского ученого В.Л. Портных объединил специалистов из Томска, Москвы, Санкт-Петербурга и Любека. Основой для проведения исследований стали рукописи, хранящиеся в фонде НБ ТГУ. Выполнение роли медиатора связано и с использованием помещений библиотеки. Функциональные пространства НБ ТГУ в новом здании стали местом различных форм комму-

никации преподавателей и студентов, ученых, представителей всевозможных городских сообществ. В то же время конференц-залы старого здания выполняют ставшую традиционной роль места проведения торжественных мероприятий, встреч между представителями власти, бизнеса, научного сообщества, деятелями культуры.

Выделяя форматы коммуникации с участием НБ ТГУ, можно говорить об их направленности – диалог и монолог. В первом случае сотрудники библиотеки от ее лица участвуют в информационном обмене с коллегами, преподавателями и учеными, студентами и представителями городских и региональных сообществ. Например, в рамках совместных проектов, обмена опытом, повышения квалификации. Во втором – библиотека транслирует информацию или некие идеи и смыслы, не имея цели или возможности получать обратную связь. Например, в ходе создания каталогов, просветительского контента или размещающая в открытом доступе цифровые копии книжных памятников.

Таким образом, в рамках отмеченных ролевых моделей и форматов коммуникации библиотека практически с момента своего основания принимала участие в конструировании образов Сибири. Рассмотрим, как репрезентации библиотеки в различные периоды влияли на данный процесс.

Имперский период – складывание ключевых паттернов. В рамках торжеств по случаю закладки, а затем и открытия первого в Сибири университета в концентрированной форме были представлены основные компоненты его образа. В речах устроителя – В.М. Флоринского, а также других участников мероприятий звучала и университетская библиотека. Восток страны воспринимался и рассматривался как неистощимый источник научных материалов для исследователей и огромное поле для приложения научных методов и знаний. Позиционируя Сибирь в устоявшемся образе дикой территории, требующей приложения культуры и знания, устроитель университета, чиновники от просвещения и представители интеллигенции предлагали новую форму освоения региона. Использование всевозможных ресурсов Сибири в рамках и за счет распространения образования и науки призвано было не истощать ее, а привести впоследствии к процветанию.

«Сибирь – это научная новь, которая сторицею вознаградит всякого труженика», – подчеркивал В.М. Флоринский в речи по случаю закладки университета. Но, по мнению чиновника, для этого было необходимо условие: «...чтобы Сибирский Университет, учреждаемый вдали от центров европейского просвещения, был бы снабжен всеми средствами для самостоятельной ученой жизни». К таковым были отнесены и учебные пособия, «которые собираются исподволь, общими силами» [4. С. 16]. Таким образом, библиотека, создававшаяся за счет пожертвований ученых и меценатов, позиционировалась как важный инструмент, без которого невозможно освоение Сибири.

Примечательно, что презентация данного образа происходила в рамках разворачивания идеи о «вторичном» завоевании Сибири, на этот раз культурном и духовном. Важная роль при этом отводилась потомкам «именитых людей» Строгановых, предоставивших университету ценнейшее книжное собрание. Во время закладки университета исторические параллели и идея преемственности нашли выражение в визуальном оформлении участка рожи, где происходило торжество. По воспоминаниям Г.Н. Потанина, в углу площадки помимо мачт с флагами «рисовалась картина “Ермак, скачущий на коне”, над ним надпись: “Завоевание Сибири 1580 г. Сибирский университет 1880 г.”» [5. С. 239]. В «Исторической записке о возникновении в Сибири университета...» (1888), которая была составлена в связи с его открытием, указывалось на необходимость организации фундаментальной библиотеки, способной удовлетворить запросы ученых в Томске, удаленном от центров просвещения. Отмечено было при этом, что род Строгановых, ранее способствовавший завоеванию Сибирского царства, «через 300 лет снабдил и первый рассадник высшего просвещения Сибири духовную пищу и орудиями для научных завоеваний страны» [6. С. 42].

Эксплуатация данного сюжета продолжилась и в XX в. В публикации библиотекаря А.И. Милютина в «Русском библиофиле», посвященной строгановскому собранию, данная фраза была повторена с некоторыми изменениями. Автор отмечал, что потомок Строгановых «через 300 лет после покорения Сибири дополнил культурную роль своих предков, принеся в дар первому рассаднику высшего просвещения духовную пищу и средства для культурного завоевания страны» [7. С. 8].

Примененная неоднократно историческая параллель, удачно включавшая в себя метафорическое представление книжного собрания как орудия/инструмента освоения территории, впоследствии стала хрестоматийной и на настоящем этапе также регулярно используется в рамках трансляции нарратива о создании университета.

Таким образом, формировавшийся образ университета на начальном этапе его существования предполагал взгляд на Сибирь как неосвоенный регион, поле экспериментов и приложения научных сил, способных привнести сюда культуру и цивилизацию. Примечательно, что такая же линия проводилась в поздравлениях и обращениях по случаю открытия учебного заведения. Так, в адресе Восточно-Сибирского отдела ИРГО отмечалось, что новому университету «может предстоять завидная доля сделаться главным обсервационным пунктом, посредником и проводником европейской цивилизации в Азии; вместе с тем сама отдаленная окраина примкнет к цивилизованному миру» [8. С. 26–27].

Начальник Алтайского горного округа Н.[И.] Журин в своем поздравлении говорил о возможности преодоления колониального прошлого Сибири за счет развития местной университетской науки. «Пусть отныне приманкой для европейца в Сибири служат не золото и пушнина только, но и те знания, рассадни-

ком которых предназначено быть нашему новооткрываемому университету», – отмечалось в тексте адреса [8. С. 18].

Нужно отметить, что библиотека примеряла на себя роль инструмента освоения Сибири не только рамках обеспечения научной и образовательной деятельности внутри университета. Уже в 1895 г. библиотека, фонд которой продолжал пополняться благодаря пожертвованиям и покупкам, выделила из накопившейся в Хабаровске публичной библиотеки [9. С. 36]. Образ культурного форпоста или центра распространения знаний являлся в данном случае не просто удобной и яркой метафорой, но и воплощался в конкретных и измеримых действиях.

Не одни лишь культурные ценности и богатства из личных собраний знати и деятелей культуры, поступившие из европейской части страны, должны были помогать новому учебному заведению в просвещении региона. Литература о Сибири и коллекции, собранные на ее территории, также рассматривались как важный инструмент для решения тех задач, о которых упоминалось выше. На этапе становления университетской библиотеки и в первое десятилетие ее существования в фонд поступали коллекции и единичные документы, так или иначе связанные с Сибирью – тематически, через личность владельца или на основании институциональной принадлежности. Еще в 1880-е гг. в состав фонда поступали книги из Томской мужской гимназии. Впоследствии В.М. Флоринский, используя свое положение попечителя Западно-Сибирского учебного округа, способствовал передаче в университет коллекций, бытовавших на территории Сибири. По его ходатайству в Томск из Березовского уездного училища была передана партия редких изданий о Сибири, среди которых были «Сибирский вестник», издававшийся Г.И. Спасским в 1818–1824 гг., черновая рукопись 2-го тома сочинения П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (начало XIX в.) и др. [10. С. 75]. Следует также отметить заинтересованность В.М. Флоринского в поиске и приобретении даже отдельных экземпляров, которые, по его мнению, необходимо было иметь в Томске. В письме А.И. Дмитриеву-Мамонову, жившему в Тобольске, чиновник выражал заинтересованность в приобретении журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», полагая, что «для библиотеки Сибирского университета это был бы ценный вклад, как редкое и первое литературное Сибирское издание» [10. С. 48–49].

Концентрация материалов о Сибири в фонде университетской библиотеки постепенно превращала ее в хранилище ценных и уникальных документов местного происхождения и значения, способствуя постепенному формированию образа центра хранения книг о регионе. Это в свою очередь вызывало стремление части университетского сообщества институционально выделить сибирские коллекции. Например, в 1907 г., по сообщению «Сибирской жизни», группой студентов университета было подано ходатайство в совет профессоров с просьбой о «выделении всех трудов по

сибиреведению, имеющихся в главной университетской библиотеке и юридическом кабинете университета, в особое отделение под именем “Сибирский кабинет при юридическом факультете”...». Также студенты просили составить для этих книг особый систематический каталог и предоставить отдельное помещение. Совет, рассмотрев ходатайство, признал выделение книг «неудобным» и ввиду отсутствия свободных помещений отклонил просьбу. Взамен студентам было предложено принять участие «в составлении по существующим каталогам отдельного алфавитного каталога имеющихся книг по сибиреведению» [11].

Важно отметить, что образ библиотеки как средства освоения и изучения Сибири «включался» и в контексте анализа проблем, связанных с функционированием подразделения. Библиотекарь Н.В. Миницкий в работе «К вопросу об университетских библиотеках» (1911) указывал, что библиотека – «единственное обширное научное книгохранилище для огромной окраины, а потому культурное значение этой библиотеки совершенно исключительное», в силу чего полагал необходимым расширить ее штаты и увеличить ассигнования на закупку новой литературы. При этом библиотекарь отмечал, что «убеждение в необходимости более широко открыть двери университетской библиотеки как местным ученым и литературным силам, так и вообще всем лицам, преследующим научные цели...» стало общим убеждением томской профессуры и в целом соответствовало европейским понятиям о роли крупных библиотек в культурной жизни страны [12. С. 57].

В дореволюционный период был заложен еще один паттерн восприятия библиотеки – как места демонстрации выдающихся культурных ценностей. Уже на этапе организации отделов библиотеки в главном корпусе университета были предусмотрены витрины, в которых размещались особо ценные материалы из Строгановской библиотеки. Позднее по библиотеке проводились экскурсии для важных гостей. Так, все высокопоставленные гости Томска неизменно посещали университет и его библиотеку. В 1891 г. в ней побывал цесаревич Николай Александрович, в 1902 г. министр С.Ю. Витте, в 1910 г. П.А. Столыпин. В публикации «Сибирской жизни», посвященной памяти первого библиотекаря – С.К. Кузнецова, отмечалось: «...когда какие-нибудь знатные гости появляются в университете, то им обязательно показывают библиотеку. Это то, чем во всяком случае может гордиться университет». Характеризуя покойного как экскурсовода, автор некролога (некто М.) подчеркивал, что С.К. Кузнецов был «влюблен в книги», а «его объяснения были настоящими лекциями по истории книжного дела» [13. С. 3]. Сдача в эксплуатацию нового здания библиотеки в 1914 г. способствовала ее превращению в местную культурную достопримечательность. В 1915 г. не некоторое время университет даже вводил платный осмотр библиотеки [9. С. 52].

Таким образом, в дореволюционный период были заложены ключевые идеи, отразившиеся на конструировании образа Сибири как региона, богатого различными ресурсами, пригодными для изучения – библиотека как часть университета, аккумулирующая и сохраняющая наследие, в том числе и сибирское. Условно их можно представить в виде бинарных конструкций:

– Сибирь как неосвоенная, дикая территория – библиотека как инструмент ее освоения, окультуривания;

– Сибирь как регион, богатый различными ресурсами, пригодными для изучения – библиотека как часть университета, аккумулирующая и сохраняющая наследие, в том числе и сибирское.

«Книжная сокровищница Сибири»: развитие нарратива в советские годы. В годы революции и первых лет советской власти происходит развитие представление о библиотеке как о месте приобщения к культурным достижениям человечества. Это представление институализируется в масштабной выставочной деятельности и все большем внимании, уделяющемся тому, чтобы доступ к фондам не ограничивался только студентами и преподавателями университета или в некоторых случаях даже стенами библиотеки. На протяжении 1920-х гг. выставочная работа и популяризация фонда являются одной из ключевых форм деятельности библиотеки. Выставки рассматриваются как средство приобщения посетителей библиотеки к достижениям мировой и национальной культуры и научной мысли, одновременно своими темами задавая определенный идеологически выдержанный контекст рассказа об истории. Особую роль в начале этой работы сыграли профессора историко-филологического факультета. Под руководством Б.Л. Богаевского в 1920 г. открывается Кабинет графических искусств, задачей которого было «обратить внимание на книгу как памятник культуры соответствующих стран и веков» и объединившего в себе функции выставочного зала и места работы и коммуникации ученых-гуманитариев [14]. Эта деятельность оказывается вдвойне важной после закрытия самого историко-филологического факультета, поскольку библиотека с ее выставками и лекциями становится на некоторое время важнейшим проводником гуманитарного знания в городе.

Благодаря такой работе представление о библиотеке как центре культурного просвещения прочно укрепляется не только в городском пространстве, но далеко за его пределами. Способствуют этому начавшаяся деятельность по раскрытию книжных коллекций в научной периодике [7, 15, 16], выступления и доклады томских библиотекарей на конференциях разного уровня, в том числе международного, их переписка с деятелями культуры и искусства. В визитах гостей города связь между библиотекой и культурной миссией университетского города проявляется очень ярко. Известно высказывание А.В. Луначарского, называвшего Томск Сибирскими Афинами и оставившим яркие впечатления об университетской библиотеке, «вне стен и роскошных собраний» которой

«нельзя изучать историю оперы и музыки XVIII столетия и разрабатывать проблемы развития Великой французской революции» [17. С. 16]. Еще более ярко эта связь между мировой историей, Томском и библиотекой прослеживается в очерке поэтессы и журналистки Марии Шпанской, посетившей Томск в 1926 г. Для нее Томск – не столько Сибирские Афины, сколько город Дон Кихота, потерявший свое бывшее административное значение, но сохранивший культурный и научный потенциал и грезящий о новых задачах по освоению Сибири. Дон Кихот – это также образ пространства: «отощавший» облик поселений вдоль Томи, как некое тело города, и «благородная голова» с «кудрями университетских рощ», и ее средоточие – «редчайшая университетская библиотека исключительной ценности книг и материалов, среди которых строчки, исписанные решительным и неровным почерком Робеспьера, занимают не последнее место» [18. С. 2]. В визитах и впечатлениях гостей библиотеки постепенно вырисовывается новый паттерн, который станет ключевым в нарративе о библиотеке в последующие годы: представление о роли библиотекарей как хранителей наследия. Это прослеживается уже в произведениях И.Г. Эренбурга. Так, в романе «День второй» И.Г. Эренбург на основе своего знакомства с городом и директором библиотеки В.Н. Наумовой-Широких создает художественный образ Натальи Петровны Горбачевой, в годы революции спасавшей редкие книги из строгановского собрания «от людей и от огня» («Они хотели победы. Она хотела спасти книги» [19. С. 319–320]). Этот образ позднее будет развит П.Г. Антокольским в посвященном В.Н. Наумовой-Широких стихотворении «В библиотеке» («...героиня русского романа, Сибири снежной милое дитя...»). Данные впечатления от посещения города и библиотеки, будучи запечатленными в форме газетных статей и очерков, художественных произведений или воспоминаний, передающихся устно, на долгие годы сформировали основополагающее представление о библиотеке Томского университета как хранилище мирового наследия в Сибири: задолго до того, как эти коллекции будут введены в широкий научный оборот.

В годы Гражданской войны происходят события, которые в будущем станут основой для зарождения новой мифологии о библиотеке. Речь идет о закрытии многочисленных культурных, религиозных и образовательных организаций и связанном с этим расформированием книжных хранилищ этих учреждений. Библиотека Томского университета в силу разных причин становится местом для перемещения этих многочисленных коллекций. Аналогичный процесс происходит с коллекциями некоторых томских ученых, по тем или иным причинам покидающим город и оставляющим свои собрания в библиотеке и университете на временное или постоянное хранение. В сентябре 1920 г. Коллегией по управлению вузами Томска при библиотеке университета был даже создан распределительный комитет, просуществовавший около года. Так была передана библиотека разведывательного отдела Омского военного округа, а также

архив канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа за 1909–1917 гг., архив дирекции народных училищ Томской губернии и др. Чуть позже библиотеку пополнили обширные собрания книг из закрывшихся духовных учебных заведений и томских монастырей: Томской духовной семинарии, Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря, Тобольского церковного древлехранилища и т.д. Среди ярких примеров личных собраний – библиотека профессора Томского университета и министра юстиции в правительстве А.В. Колчака Г.Г. Тельберга, оставленная им на хранение в университете в 1919 г. Сюда же можно отнести собрание Н.Я. Новомбергского, П.А. Прокошева и некоторых других. Нужно отметить, что изучение данных коллекций начнется гораздо позже. Учитывая передачу к 1925 г. библиотеки Г.К. Тюменцева, которую образно называют «Энциклопедией сибириведения», можно отметить существенный рост исторических коллекций сибирского происхождения. Можно также отметить начало складывания паттерна, связанного со спасением наследия – образ, который закрепится после опубликования сведений о сохранении наследия русских классиков в годы Великой Отечественной войны.

Заключение

Библиотека ТГУ и освоение Сибири. Говоря о сибирских коллекциях, нельзя не упомянуть дискуссии, которая развернулась в годы революции относительно сибирской библиографии и о развитии сети сибирских библиотек. Именно в этих дискуссиях в наибольшей степени раскрывается представление о библиотечной работе как имманентной процессу освоения Сибири. Наиболее ярко это отразилось в деятельности Института исследования Сибири.

Появление Института исследования Сибири, как известно, было одной из крупнейших попыток создать учреждение, которое бы на системной основе занималось изучением Сибири и координацией усилий в этой области в интересах развития региона. Уже на этапе подготовки и обсуждения организации института выяснилось, что одной из ключевых задач в области изучения Сибири является составление сибирской библиографии [20]. В этих дискуссиях звучали не только мысли о реорганизации библиографической работы в Сибири, но и реорганизации библиотечной сети в целом и создании областных сибирских библиотек: «Первыми шагами в создании областной библиотеки должны быть: 1) учет всех книжных богатств Сибири 2) организация союза библиотек, как основы областной библиотеки» [21. С. 40].

Такие областные библиотеки предполагалось создать прежде всего в Томске и Иркутске. Как известно, в итоге при институте были созданы библиографическое бюро и библиотечная комиссия [22], а также сформирована библиотека, куда позднее вошла личная библиотека Г.Н. Потанина. Просуществовавший недолго институт задал вектор для развития библиотечной деятельности в сфере поддержки процессов изучения и освоения Сибири. Сама

библиотека института была передана библиотеке Томского университета. Программа по формированию сибирских коллекций, составлению сибирской библиографии и информационной поддержке изучения и освоения Сибири была во многом реализована в 1920-е гг. в рамках уже советской библиотечной политики; и во многом именно библиотека Томского университета стала проводником для ее воплощения. В 1920 г. она стала получать обязательный книжный экземпляр Сибирской книжной палаты, а с 1925 г. — Центральной книжной палаты РСФСР. Присвоение библиотеке статуса научного учреждения Наркомата просвещения РСФСР в структуре ТГУ с самостоятельным бюджетом в 1934 г. обозначало ее заслуги в области формирования книжного фонда и значи-

мость данного учреждения для научной и культурной жизни Сибири. О библиотеке стали говорить не только как о «учено-учебно-вспомогательном учреждении университета», но и как «публичной библиотеке всесибирского масштаба, и музее редкой художественной книги» и о «центре справочно-библиографической работы Сибири» [23. С. 22].

Таким образом, в 1930-е гг. происходит дальнейшее развитие и усиление ключевых идей, связанных с восприятием Сибири и библиотеки, как инструмента ее освоения и приобщения к мировой культуре и истории. Библиотека выступает как инструмент собирания информации, сохранения и спасения книжных коллекций прошлого, и библиографического упорядочивания разрозненного сибирского информационного пространства.

Список источников

1. Первый университет в Сибири / с 8 фотогравюрами работы Шерер и Набгольц в Москве. Томск : Изд-е ред. «Сибирского вестника», 1889. [2], 93 с., [8] л.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 80.
3. Миссия библиотеки // Сайт Научной библиотеки ТГУ. [Б. м.], 2020. URL: <https://www.lib.tsu.ru/ru/o-biblioteke/missiya> (дата обращения: 13.10.2022).
4. Описание празднества, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года, по случаю закладки Сибирского университета. Томск : [б. и.], 1880. 73 с.
5. Потанин Г.Н. О торжествах при закладке Сибирского университета в Томске. Письмо в газету «Сибирь» // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 238–241.
6. Историческая записка о возникновении в Сибири университета : (составлена по случаю открытия 22 июля 1888 г. медицинского факультета Томского университета) // Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1888. С. 1–61.
7. Милютин А.И. Библиотека графа Строганова в Томском университете // Русский библиофил. 1914. № 2. С. 3–24. С. 8.
8. Торжество открытия Императорского Томского университета // Открытие Императорского Томского университета. Томск, 1888. С. 1–76.
9. Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири. К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета / под ред. Л.И. Боженко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 194, [3] с.
10. Колосова Г.И. Василий Маркович Флоринский — основатель библиотеки Томского университета. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. 128 с.
11. Томская жизнь // Сибирская жизнь. Томск. 1907. № 59. 28 июня.
12. Миницкий Н.В. К вопросу об университетских библиотеках : (по поводу представленных на уважение законодательных учреждений проектов устава и штата императорских российских университетов). Томск : Типография Губернского Управления, 1911. 59 с.
13. М. С.К. Кузнецов // Сибирская жизнь. Томск. 1913. № 184. 22 августа.
14. Колосова Г.И. Кабинет графических искусств: одна из страниц истории библиотеки // Научная библиотека в системе классического университета : материалы VII науч.-практ. конф., посвященной 125-летию начала формирования книжного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета, 4–5 октября 2005 г. Томск, 2006. С. 69–76.
15. Милютин А.И. Крупнейшее книгохранилище Сибири // Жизнь Сибири: Ежемесячный журнал политики, экономики и краеведения. 1927. Июль. № 7 (56).
16. Наумова-Широких В.Н. Библиотека Томского государственного университета. // Красный библиотечарь. № 4. С. 64–65.
17. Открытый миру...: Хроника визитов в Томский университет (1880–2008 гг.) / под ред. Г.В. Майера. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 150 с.
18. Дон Кихот на Томи // Красное знамя : томская областная ежедневная газета. 1926. № 198 (1 сентября). С. 2.
19. Эренбург И.Г. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1991. Т. 3. С. 319–320.
20. Азадовский М.К. Задачи сибирской библиографии // Сибирские записки. 1919. № 6.
21. Шостакович И.Б. О создании областных библиотек // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск : [б. и.], 1919. С. 40–41.
22. Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 145–151.
23. Вяткин Г. 50-летие Томского государственного университета // Просвещение Сибири. 1934. № 6. С. 13–24.

References

1. Sibirskiy vestnik. (1889) *Pervyy universitet v Sibiri* [The First University in Siberia]. Tomsk: Izd-e red. "Sibirskogo vestnika".
2. Assman, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, remembrance, and political imagination]. Translated from German by M.M. Sokol'skaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. P. 80.
3. Research Library of Tomsk State University. (2000) *Missiya biblioteki* [Mission of the Library]. [Online] Available from: <https://www.lib.tsu.ru/ru/o-biblioteke/missiya>. (Accessed: 13.10.2022).
4. Anon. (1880) *Opisanie prazdnstva, byvshego v g. Tomske 26 i 27 avgusta 1880 goda, po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the celebration that took place in Tomsk on August 26 and 27, 1880, on the occasion of the laying of the Siberian University]. Tomsk: Tip. i litogr. Mikhaylova i Makushina.
5. Yanovskiy, N.N. (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 238–241.
6. Anon. (1888) *Otkrytie Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 goda* [Opening of the Imperial Tomsk University on July 22, 1888]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina. pp. 1–61.

7. Milyutin, A.I. (1914) Biblioteka grafa Stroganova v Tomskom universitete [Library of Count Stroganov at Tomsk University]. *Russkiy bibliofil*. 2. pp. 3–24.
8. Anon. (1888) *Otkrytie Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 goda* [Opening of the Imperial Tomsk University on July 22, 1888]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina. pp. 1–76.
9. Filimonov, M.R. (1988) *Knizhnaya sokrovishchnitsa Sibiri. K 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [Book Treasury of Siberia. To the 100th anniversary of the opening of the Scientific Library of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Kolosova, G.I. (2018) *Vasilii Markovich Florinskiy – osnovatel' biblioteki Tomskogo universiteta* [Vasily Markovich Florinsky, the Founder of the Library of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Sibirskaya zhizn'. (1907) Tomskaya zhizn' [Tomsk Life]. *Sibirskaya zhizn'*. 59. 28 June.
12. Minitskiy, N.V. (1911) *K voprosu ob universitetskikh bibliotekakh: (po povodu predstavleniy na uvazhenie zakonodatel'nykh uchrezhdeniy projektov ustava i shtata imperatorskikh rossiyskikh universitetov)* [On the issue of university libraries: (regarding the draft charter and staff of imperial Russian universities submitted for respect to legislative institutions)]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo Upravleniya.
13. Sibirskaya zhizn'. (1913) M. S.K. Kuznetsov. *Sibirskaya zhizn'*. 184. 22 August.
14. Kolosova, G.I. (2006) [Office of graphic arts: one of the pages of the history of the library]. *Nauchnaya biblioteka v sisteme klassicheskogo universiteta* [Scientific Library in the System of the Classical University]. Proceedings of the 7th Conference. Tomsk. 4–5 October 2005. Tomsk: Tomsk State University. pp. 69–76. (In Russian).
15. Milyutin, A.I. (1927) Krupneyshee knigokhranilishche Sibiri [The largest book depository in Siberia]. *Zhizn' Sibiri: Ezhe mesyachnyy zhurnal politiki, ekonomiki i kraevedeniya*. July. 7 (56).
16. Naumova-Shirokikh, V.N. (n.d.) Biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Library of Tomsk State University]. *Krasnyy bibliotekar'*. 4. pp. 64–65.
17. Mayer, G.V. (ed.) (2008) *Otkrytyy miru...: Khronika vizitov v Tomskiy universitet (1880–2008 gg.)* [Open to the world...: Chronicle of visits to Tomsk University (1880–2008)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Krasnoe znamya. (1926) Don Kikhot na Tomi [Don Quixote on Tom]. *Krasnoe znamya*. 198. 1 September. P. 2.
19. Erenburg, I.G. (1991) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 319–320.
20. Azadovskiy, M.K. (1919) Zadachi sibirskoy bibliografii [Objectives of Siberian Bibliography]. *Sibirskie zapiski*. 6.
21. Shostakovich, I.B. (1919) O sozdaniy oblastnykh bibliotek [On the creation of regional libraries]. In: *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: [s.n.]. pp. 40–41.
22. Gribovskiy, M.V., Fominykh, S.F. & Nekrylov, S.A. (2013) The bibliographic bureau and library committee of Siberia Research Institute (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2013. 5 (25). pp. 145–151.
23. Vyatkin, G. (1934) 50-letie Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [50th Anniversary of Tomsk State University]. *Prosveshchenie Sibiri*. 6. pp. 13–24.

Информация об авторах:

Конев К.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, зав. отделом рукописей и книжный памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kk.tsu@yandex.ru

Васильев А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, директор Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: art@lib.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Laboratory for General and Siberian Lexicography; head of the Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kk.tsu@yandex.ru

A.V. Vasilyev, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Laboratory for General and Siberian Lexicography; head of the Research Library, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art@lib.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 22.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94(470.47).06+94(5)
doi: 10.17223/15617793/485/8

Позиция казахов по отношению к калмыкам в 60-х гг. XVIII в.

Ольга Николаевна Болдырева¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, olya.boldyreva2013@yandex.ru

Аннотация. На основании материалов Архива внешней политики Российской империи и Национального архива Республики Калмыкия рассмотрены отношения казахов и калмыков в 60-х гг. XVIII в. Подробно прослежены связи Калмыцкого ханства с соседствующими на востоке народами и странами в обозначенный период, преимущественно с казахскими жузами, которые не противоречили интересам России в данных регионах.

Ключевые слова: калмыки, джунгары, казахи, набег, национальность

Для цитирования: Болдырева О.Н. Позиция казахов по отношению к калмыкам в 60-х гг. XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 73–79. doi: 10.17223/15617793/485/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/8

The Kazakhs' attitude towards the Kalmyks in the 1760s

Olga N. Boldyreva¹

¹ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation, olya.boldyreva2013@yandex.ru

Abstract. The relevance of this article is determined by the desirability and even, speaking more directly, the need for a further, more source-based, expanded and theoretically grounded study of the role of the Kalmyk Khanate in Russia's eastern policy, especially in the eighteenth century, when the khanate was at its peak. This is important not only for the history of the Kalmyk people proper, but also for studying and highlighting the participation of the peoples that were part of Russia in its foreign policy activities in this or that period. The aim of the article is to examine the relations of the Kazakhs and the Kalmyks in the third quarter of the 18th century, based on new materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire and the National Archive of the Republic of Kalmykia. The scientific novelty of the work consists in a detailed tracing of the connection of the Kalmyk Khanate with the neighboring nations and states in the east, mainly with Kazakh zhuzes, which did not contradict the interests of Russia in these regions. In the 1760s, relations between the Kalmyks and the Yuzhny Zhuz suddenly began to worsen. The Kazakhs were guided in their actions by their own goals. Speaking about the regional situation, its role was determined by the available opportunities, and they were quite modest, which made Kazakh khans turn to a strong external ally for protection. The Russian state for them in this regard was quite profitable. The author infers that, in the second half of the 18th century, the situation in the Kalmyk-Chinese relations changed, which was due to the attack of the Qing Empire on the Dzungar Khanate. The rebellion of Amursana demonstrated the reluctance of the Dzhungar people to endure Chinese domination, which was the reason for the Chinese court to get rid of the discontented. Another pilgrimage mission reminded China that there was another branch of the Dzungar people. The nomadic system of the Kalmyk economy, their courage and the ability to travel long distances in a matter of hours could serve both for protecting the interests of the Qing Empire and for opposing them. Everything was determined by the extent to which Beijing could control the migration process. Therefore, the Qing used a certain psychological effect on the Kalmyks, prompting them to leave Russia. The author concludes that, politically, the role of the Kazakh Khanate in the development of the situation in Central Asia was not decisive.

Keywords: Kalmyks, Dzungars, Kazakhs, raids, nationality

For citation: Boldyreva, O.N. (2022) The Kazakhs' attitude towards the Kalmyks in the 1760s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 73–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/8

Историографию проблемы условно можно поделить на несколько типологических групп, которые различаются между собой по способам, уровню организации, подаче определенного исторического материала, а также и по хронологической последовательности. К первой группе относятся работы

дореволюционных российских и западных исследователей, вторую группу составляют труды восточных авторов, в третью группу входят научные исследования историков советского периода и четвертую группу образуют материалы современных авторов.

К первой группе, прежде всего, относится труд Г.Ф. Миллера «История Сибири» [1]. Первый том этого издания содержит информацию по истории Северного Казахстана, в частности, имеются сведения о Сибирском ханстве и пребывании Ураз-Мухаммеда в этом ханстве, а также освещается поход Ермака в Сибирь и борьба с ним и русскими воеводами, которую вел хан Кучум. История российско-казахских отношений чрезвычайно интересовала Ч.Ч. Валиханова. Свои исследования он изложил в работах «Письмо профессору И.Н. Березину», «Извлечения из “Жами ат-Таварих”» [2. С. 228–255]. С точки зрения исследуемой нами проблемы, определенный интерес представляет книга историка А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» [3]. Это первый монографический труд, который автор целиком посвятил исследованию истории и этнографии Казахстана.

Вторую группу литературы по исследуемой нами теме составляют труды восточных авторов. Она представлена такими работами, как «Таварих-и гузида-ат Нусрат-наме» анонимного автора, «Фатх-наме» муллы Шади, «Шараф-наме-и шахи» Хафиза Таныша, «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Муртазы, «Бахр ал-асрар фи манакиб ал ахйар» Махмуд Бен Эмир Вали, «Тарих-и Кашгар» (имя автора неизвестно), Искандар Мунши «Тарих-и аламарай-и Аббаси» [4], «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдар Дулати [5]. Эти источники частично переведены и опубликованы в сборниках и отдельных изданиях.

Труды советских историков составляют третью группу литературы заявленной в статье проблемы. Советская историография, в том числе и казахстанская, всегда акцентировала внимание на представленной в статье проблеме, которую изучали, конечно, связывая с русско-казахскими отношениями того же периода. Оценивая позицию России по отношению к казахскому народу, советская историография продолжала традиции дореволюционной как непременно позитивной, что единогласно принималось и историками Казахстана. В советский период немногие авторы решались писать подлинную историю российско-казахских отношений из-за репрессий и гонений. Лишь с началом перестройки и обретением Казахстаном государственной независимости ученые получили возможность исследовать многие актуальные проблемы истории казахского народа, писать правду о его правителях. В казахстанской историографии начало новому мышлению положил академик М.К. Козыбаев [6. С. 136–161].

Многие историки современной историографии обращались к истории российско-казахских отношений. Среди них можно выделить С.Д. Асфендиарова [7], М.С. Муканова [8], Х.А. Арынбаева [9], Н.Г. Апполову [10], В.Я. Басина [11], Ш.М. Сабитова [12], А.И. Левшина [3], Ж.Б. Кундакбаеву [13] и др. Ж.Б. Кундакбаева и Ш.М. Сабитов делают акцент на калмыцко-казахских отношениях. Ш.М. Сабитов отмечает четыре этапа в рассматриваемых взаимоотношениях. Основываясь на письмах казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу

во время откочевки калмыков в Джунгарию, Ж.Б. Кундакбаева проанализировала реакцию казахов на уход калмыков в 1771 г. и отношение к этому российского кабинета министров.

К.К. Абуев, исследуя деятельность казахского хана Абылая, в своих трудах анализирует международную политику хана с Россией, Китаем, Джунгарским и Калмыцким ханствами. Без сомнения, отношения калмыков и казахов на протяжении XVIII в. были двойственными. К.К. Абуев доказал, что хан Абылай стремился установить дружественные отношения между этими народами [14].

Историк И.В. Ерофеева занималась изучением калмыцко-казахских отношений [15. С. 154]. В своем труде о хане Абулхаире автор подчеркивает, что в середине XVIII в. органы российской пограничной администрации имели мало информации о казахах, поэтому высылали их в степь, в примыкающие азиатские государства для расширения накопленных познаний, также и к калмыкам. Калмыки же должны были доставлять данные в российскую администрацию о жизни и характере отношений с казахами. Также Ерофеева подчеркивает, что казахский чингизид Абулхаир, еще не являясь ханом, служил при дворе калмыцкого хана Аюки.

В 1760-е гг. отношения калмыков с Младшим жузом казахов султана Нурали внезапно начали накаляться. Казахи преследовали свои цели. Если говорить о местной ситуации, то ее роль определялась существующими возможностями. А они были довольно умеренны, что и принуждало казахских ханов обращаться к защите мощного внешнего союзника. В данном плане российское правительство для них было довольно полезным [16. С. 27]. Другими словами, в данной ситуации роль Казахского ханства в Центральной Азии не была центральной и определяющей.

14 сентября 1761 г. к Усть-Каменогорской крепости пришли с нойоном Баджуром 170 джунгар, в соответствии с их пожеланием их приняли в российское подданство. Но уже в октябре за ними прибыли цинские представители, которые требовали вернуть их подчиненных – 153 джунгара. Коллегия иностранных дел, которая не стремилась делать более сложными взаимоотношения с цинами, распорядилась отдать джунгар. Позже в российском правительстве были получены сведения, что цинские руководители, которые отошли от Усть-Каменогорской крепости на пять или шесть верст, всех перестреляли и закопали в земле, кроме самого нойона и трех людей зайсангов.

Царское правительство восприняло настолько ожесточенное поведение цинских командиров как «варварский беспощадный поступок», который послужил предпосылкой того, что 31 марта 1762 г. Коллегия иностранных дел издала указ сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову, в соответствии с которым требовалось дать задание селенгинскому коменданту бригадиру В.В. Якоби доставить для цинского пограничного командира протест, требующий, чтобы в дальнейшем таковых поступков, которые не соответствовали начальному порядку, не было [17. Л. 13–13 об.].

Этот же указ Коллегии иностранных дел разрешал Ф.И. Соймонову принимать в подданство Российского государства джунгар, которые ушли из Цинской империи. Однако желающие были поставлены в известность, что они будут вынуждены самостоятельно, не имея поддержки российских властей, перебегать на Волгу к калмыкам. Оставшись, они будут преследоваться китайской стороной, охранять их властные структуры России не хотели.

С трудом переходя Волгу, джунгары теряли своих людей. Большая часть жертв вначале принадлежала к категории бедствующих. Они не имели никакой возможности без помощи других добраться до Волги, более того, все время голодали. Все это привело к ситуации, когда представители регионального руководства должны были управляться с вопросами обеспечения кочевников, которые переселились на Волгу, выдавая не только провиант, но и одежду. И даже, невзирая на это, людские потери были чрезвычайно существенными. Также причинами смерти были и бесчисленные заболевания, к примеру, горячка, лихорадка и прочие. Были недостатки и в снабжении их питанием. И все-таки главную роль сыграл вопрос питания, которого не хватало. Джунгары были убеждены в том, что смерть соплеменников связана с отсутствием «у них в пищу скота», одновременно говорили, что «провиант им со удовольствием и производился» [18. Л. 616].

Российские власти разработали правила, в соответствии с которыми джунгары препровождались на Волгу. Для их сопровождения выделялся хорошо вооруженный конвой, всевозможными способами избегавший встреч с казахами. В случае встречи телеги закрывались рогожами. Данные меры объяснялись тем фактом, что казахи мешали прохождению джунгаров, они не только не позволяли свободно передвигаться по их территории, но и нападали. Это совершалось даже наперекор требованиям, которые Коллегия иностранных дел предъявляла к хану Младшего жуза Нурали и султану Аблаю, в пропуске российских подданных-торгоутов, которые проживали с начала XVIII в. в Джунгарии. Переводчик А.И. Тевкелев писал в своем донесении в Коллегию иностранных дел: «Такой народ (джунгары. — *Авт.*), на которого они (казахи. — *Авт.*) издавна и натурально почти злобствуют и льстятся всегда на расхищение их, просто не пропустят, но всячески будут покушаться по своему лакомству и легкомыслию в том их проходе препятствовать» [19. Л. 125 об.]. А также А.И. Тевкелев докладывал, казахи должны осознавать, что волжские калмыки — традиционные неприятели казахов — за счет этих кочевников будут сильнее.

Власти России придумали ряд планов расселения принимаемых в её подданство джунгар. Лучшим признали план поселения джунгар на Волге с волжскими калмыками. Однако при всем этом правительство Российского государства не было заинтересовано тем, что калмыцкий наместник Дондук-Даши был взволнован усердием ойратов возвратиться на этническую отчизну для того, чтобы возобновить потерянную самостоятельность. И руководство ошиблось, плотно

расселив джунгар и оставив за джунгарскими нойонами возможность управлять улусами.

Кроме того, казахско-джунгарское противоборство не следует представлять как сильное движение, которое выступает за национальную свободу и самостоятельность [16. С. 37–38], так как в нем не было тотальных и кровавых боевых столкновений.

В этих отношениях Россия придерживалась активного положения в региональном процессе. В Центральной Азии она двигалась к цели, определив ее в качестве наиважнейшей в своей политике. И обращение некоторых казахских правителей к российскому подданству было важным обстоятельством обеспечения избранного страной внешнеполитического курса [16. С. 37–38]. Поэтому Российское государство не могло оказывать помощь джунгарам. Россия, расставляя приоритеты в казахской степи, укрепляла свою позицию в успешном достижении цели, в том числе и вступления двух жузов в ее подданство. Все это разъясняло политику России, действовавшую в отношении джунгар и казахов. Основное — не позволить, чтобы одни захватили остальных, так как в такой ситуации Джунгария может стать опаснейшим соседом российской стороне [16. С. 37–38]. Возможно, создав в непосредственной близости от сибирских границ России сильное монголо-тюркское государство, которое может стать угрозой региональным российским интересам, содействовало тому, что Россия использовала все свои возможности для защиты новых подданных от угрозы наступления ойратов [16. С. 37–38].

18 августа 1762 г. Коллегия иностранных дел направила к бригадиру А.Д. Бехтееву, который состоял при калмыцком наместнике Убаши, копии с распоряжения Коллегии к оренбургскому губернатору Давыдову и с письма канцлера графа И.И. Воронцова к казахскому хану Нурали по причине «разбития калмыками киргиз-касацкой воровской партии» и просьбы Нурали о возврате казахов, которые попали при этом в плен к калмыкам. Указ из Коллегии на имя Давыдова за подписью канцлера графа И.И. Воронцова и вице-канцлера князя А.М. Голицына датирован 5 августом 1762 г. Из «Рапорта» от 28 марта стало известно, что по полученным от калмыцкого владельца Бамбара данным оказывается, что нападали на калмыцкие улусы 140 казахов, в том числе и зять Нурали-хана, султан Джаганкир, тело которого Бамбар погреб, а в плен взяли 43 калмыка [20. Л. 2–3]. Астраханская губернская канцелярия сообщала, что среди казахов, взятых в плен калмыками, есть киргиз Актан-Бердий Жулдусов, которого отправят в Оренбург, также астраханский губернатор пойманных казахов отправил до Гурьева городка, а затем в Оренбург. В дополнение в Оренбург нужно было направить Арапа и башкирца, а также киргиза Атымбет Кутлумбаева, которых поймали во время поиска казахов возле Гурьева городка. Однако Арап, который пожелал принять христианство, был направлен вначале в Москву в Контору правительствующего Сената, а башкирец по молодости лет годный к военной службе — в Отзейские полки в Москву. Коллегия иностранных дел велела, чтобы всех казахов, кто будет убивать, воровать

и совершать набеги на русские жилища, выселять из Оренбурга [20. Л. 3–4]. Нурали-хан не единожды просил освободить казахов, которых калмыки захватили. И.И. Воронцов предполагал, что можно им вину простить, и выручив через них находящихся в казахских руках человек 12 калмыков, вернуть их в орду, так как, хотя они и ослушались императорских указов, но не причинили вреда калмыкам, чтобы они при крепостях и форпостах пакостей чинить не отважились [20. Л. 4–5]. Хан Дондук-Даши, а также владелец Бамбар долгие годы требовали от казахов, загнавших своих лошадей «очень далеко за здешнюю сторону реки Яика и потому калмыками уже захвачены», вернуть лошадей. Поэтому в рапорте владельца Бамбара от 28 марта он добивался, чтобы казахскую группировку разбили, потому что калмыцкие владельцы страдали от их нападений [20. Л. 6–7]. Таким образом, было принято решение не требовать от Бамбара плененных казахов, а к Нурали-хану отправить известие, в котором ему было отказано в его просьбе. Канцлер писал, что, безусловно, есть опасность со стороны казахов, так как не выполнили их просьбу. По имевшемуся опыту было ясно, что нужно предпринять меры предосторожности, потому что сколько им добра не делали, казахи все равно лучше не стали [20. Л. 8–9 об.]. Если калмыцкий наместник хочет напугать Нурали-хана, то пусть не забывает, что у хана в плену находятся около двенадцати калмыков, которых Убаши хотел возвратить, а каким способом – захватом или переговорами, решать ему. Был вариант, в награду Нурали-хану послать сто рублей и приказать отдать тайно казахов, причем к нему отослать калмыков, которые содержатся в Оренбурге и Астрахани, таким образом, показав ему свое ханское прощение [20. Л. 10–10 об.].

Письмо канцлера М.И. Воронцова к Нурали-хану было датировано 5 августа 1762 г. До этого Нурали писал Воронцову, что прошлой зимой казахи из-за своего легкомыслия приняли решение нападать на волжских калмыков [20. Л. 11]. Владельцы были предупреждены, а к казахам отправили людей, чтобы сообщить им об этом, поэтому многие казахи отказались от своих планов. Султан Джахангир, который возвращался от своего тестя хана Нурали с пятью людьми, случайно наткнулся на калмыцкую партию, которая его схватила. Однако калмыки, которые напали на эту партию, видели, что Джахангир жив.

М.И. Воронцов ответил Нурали-хану: ему точно известно, что султан Джахангир при сражении с калмыками убит, однако расследование еще продолжается, в случае если окажется, что он остался в живых, то его сразу же возвратят Нурали-хану. Вопрос об освобождении казахов, сражавшихся с калмыками, не мог быть решен, так как калмыки не по этому поводу к ним приходили, но казахи к калмыкам за тем, чтобы причинить им вред [20. 11 об.]. М.И. Воронцов писал Нурали, что тот должен помнить, как казахи приходили к Волге и у Красного Яра многих калмыков ограбили, поэтому в Оренбург был послан генерал-майор Тевкелев и требовал от казахов, согласно императорскому указу, освобождения калмыков, но ка-

захи их не освободили [20. Л. 12]. Следовательно, причины возврата казахов нет.

М.И. Воронцов не сомневался, что Нурали действовал под давлением родственников тех казахов, взятых в плен калмыками. Однако Нурали должен принимать за милость императрицы, что калмыки после разгрома казахской воровской партии не были пропущены российскими форпостами в погоню за казахами через реку Яик, иначе могли бы и безвинные люди погибнуть [20. Л. 12].

Нурали-хан приводил в пример случай с башкирами, разорившими казахов. На это М.И. Воронцов отвечал, что с ними поступили справедливо: хотя их не приговорили к смертной казни, однако навсегда отправили в ссылку. М.И. Воронцов обнадежил Нурали-хана, что поиски убийцы его племянника султана Магомед-Али продолжаются, если хоть маленькая зацепка в этом деле найдется, то будет производиться следствие.

Весной 1766 г. казахи украли у крайних улусов около 1 000 лошадей, но наместник Убаши запретил посылать погоню за ними [21. Л. 70 об.–71]. Возможно, уже тогда он понимал необходимость соглашения с Нурали. 1 сентября 1768 г. Бамбар с ханскими зайсангами Цагалой и Цойджином прибыл в Оренбург с целью участия в торжествах по случаю созыва Екатериной II новой Уложенной комиссии. Официальный предлог был использован для проведения переговоров с казахами, где посредником выступал местный губернатор. При нем представители двух сторон приняли решение проявлять друг к другу уважение, не причинять вреда. Согласно обычаям, этот договор был подтвержден взаимным обниманием. Обе стороны, обсуждая вопрос захвата скота, договорились оставить прежние между ними иски (т.е. за предыдущие годы), вернуть то, что было захвачено в последнее время. 24 сентября Бамбар и Нурали обсудили тему захваченного скота. Представители обеих сторон обменялись требованиями в увеличении угнанного поголовья скота [22. Л. 72–76].

Итак, Убаши планировал двигаться через казахские степи, рассчитывая на воцарившиеся мирные отношения с Нурали и арбитраж Китая в отношениях с Аблаем. Заключительным аргументом для хана стало боевое преимущество конницы калмыков, которая неоднократно побеждала казахов.

10 марта 1769 г. И.А. Рейнсдорп писал управляющему «Калмыцкими делами» И.А. Кишенскому следующее: атаман илецких казаков рапортовал ему, что владелец Шеаренг в сопровождении трех тысяч кибиток стал подданным казахского хана Нурали [23. Л. 30]. Рейнсдорп, узнав эту новость, задумался, каковы могли быть причины такого поступка. Во-первых, казахи могли знать, что калмыки с владельцами находились на границах России, вероятно, казахи хотели воспользоваться этим и напасть на оставшиеся улусы; во-вторых, Шеаренг колебался в своем решении, возможно, на него будет совершено покушение [23. Л. 30]. Рейнсдорп приказал яицкому войску быть осторожными на форпостах и в отношении Шеаренга и всей калмыцкой орды.

Илецкой станицы атаман Лазарь Портнов рапортовал Рейнсдорпу: казахский старшина Младшего жуза владений султана Айчувака Антюбай Алтабасаров получил известие, что калмыцкий владелец Шеаренг стал подданным Нурали-хана, который кочует по реке Яику при урочище Индерских гор, вместе с тремя тысячами кибиток с женами, с детьми, со скотом [24. Л. 30 об.]. На другой день, собрав калмыков к Нурали-хану, Антюбай отправил вместе с ними своих сыновей Хунтая и Бикчуру, чтобы те узнали у хана, не собираются ли они нападать на границы [23. Л. 31–31 об.]. Поэтому атаман вынужден был отправить немедленно в войсковую канцелярию сотника с рапортом, чтобы на яицких форпостах приняли меры предосторожности, о чем было доложено Давыдову.

26 марта И.А. Кишенской писал Рейнсдорпу, что ногайцы-карагаши с тысячью кибиток, «будучи внутри калмыцких улусов», не могли причинить вреда или перейти на сторону врага [23. Л. 32]. Находясь на луговой стороне, они не вели переписку с казахами и не думали с ними убежать, хотя Кишенской приказал форпостам, которые стояли по обеим сторонам Волги, никого не пропускать и об этом доложил коменданту Астраханской губернии Бекетову. Если окажется, что ногайцы все-таки перейдут через Яик, их схватить и с хорошей охраной прислать или в Астрахань, или к Кишенскому.

Также И.А. Кишенской признался, что некоторые из калмыцких владельцев дружили с Айчувак султаном, а один из тех владельцев, не подчиняясь императорскому указу, вел с ними переписку и пересылку, кроме того, выдал замуж за него свою родственницу [23. Л. 34]. Этот владелец не только возводил напрасное подозрение на некоторых калмыцких владельцев, но и был недоброжелателен к калмыцким владельцам и калмыцкому хану, хотел при сложившихся в то время военных обстоятельствах ввести тревогу в калмыцкий народ, поэтому подговорил к этому Айчувак султана, чтобы его подданные разнесли весть о побеге владельца Шеаренга с его улусом к казахскому хану Нурали [23. Л. 34 об.]. Но слухи не могли распространиться без согласия предводителей казахов, так как Шеаренг в тот день не прикочевал к Волге. Собранные против турецких подданных, которые жили на Кубани, 20-тысячное калмыцкое войско Кишенскому пришлось разделить на две части: одну половину послать в казахскую орду, чтобы вернуть владельца Шеаренга, а другую, малочисленную, оставлять на месте, так как она была не в силах искать неприятеля и защищать оставшиеся на нагорной стороне улусы и лежащие при Волге города и прочие русские жилища [23. Л. 34 об.–35]. И.А. Кишенской просил Рейнсдорпа, чтобы через старшину Ахтубай Алтабарова владений султана Айчувака, из улусов которого убежал владелец Шеаренг к атаману Портнову, или с помощью денег узнать, не по просьбе ли калмыцких владельцев распространились слухи о владельце Шеаренге, и если подозрение окажется верным, то ему сообщить об этом [23. Л. 35].

30 июня 1769 г. татарин Сеит Касимов в канцелярии губернатора говорил, что в марте во время откочевки

Нурали-хана на реке Яик напротив яицких форпостов калмыцкий владелец Шеаренг кочевал в близости к тем форпостам на внутренней стороне против Кулагиной крепости и тайно отправил к хану четырех калмыков в надежде, что Шеаренг найдет там убежище, так как ни он, ни его письма не уважаются [23. Л. 33–33 об.]. И просил хана принять его в свое сообщество. Однако хан не согласился, а сказал Шеаренгу, что если ему, хану, захочется, то он из России уйдет насовсем и приближаться к ней не будет [23. Л. 33 об.]; напротив, казахи, как народ своевольный, не оставят Шеаренга в покое, а калмыков ему вернули обратно [23. Л. 33 об.].

25 августа 1769 г. Рейнсдорп в письме обещал Кишенскому, что обязательно ему передаст новости от ногайского писаря, отправленного, чтобы узнать подробности о Шеаренге, принял ли он протекцию Нурали-хана [23. Л. 32 об.].

Высокий уровень переговаривающихся сторон не позволяет согласиться с известным мнением Н.Я. Бичурина, который считал, что калмыки, переходя через казахские земли, знали, что «сии хищники, отважные перед купеческими караванами», всегда боялись калмыцкого оружия. То есть калмыки думали, что этот путь для них будет приятной прогулкой от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша [24. С. 111].

Данные соглашения могли сказаться во время откочевки большей части калмыцкого народа в Китай в 1771 г. Оренбургский губернатор Рейнсдорп утверждал, что от китайского двора к Аблай-султану прислано было посольство с требованием о пропуске калмыков в Китай или в противном случае оказания им помощи [25. Л. 10 об.]. С.В. Липовцов по этому поводу отмечал, что по неизвестной причине Аблай-хан вместо дальнейшего преследования калмыков, вдруг прекратил их поиски и отправил своего чиновника с донесением илийскому начальнику, управлявшему тогда всеми пограничными китайскими войсками, об уходе калмыков из России и намерении их пробраться к берегам реки Или, а также о бывших сражениях с ними на равнинах Цинкесс-Цаганских [26. С. 297].

Из вышесказанного можно прийти к выводу, что во второй половине XVIII в. положение дел в калмыцко-китайских отношениях поменялось, причина этому – нападение Цинской империи на Джунгарское ханство. Мятеж Амурсаны показал нежелание джунгарского народа терпеть китайское господство, что и послужило причиной для китайского двора избавиться от выражающих недовольствие людей. Паломническая миссия напомнила Китаю про то, что существует еще одна ветвь джунгарского народа. Наличие кочевой системы хозяйства калмыков, их смелость и умение передвигаться на огромные расстояния в считанные часы могли служить и защитой интересов Цинской империи, и ее противником. Все определялось тем, как Пекин смог бы держать под контролем процесс передвижения. Потому Цины использовали определенное психологическое влияние на калмыков, побуждая их оставить Россию.

Список источников

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд. Акад. наук СССР, 1941.
2. Валиханов Ч.Ч. Извлечения из Жами ат-Таварих // Валиханов. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Каз. сов. энцикл., 1984. Т. 1.
3. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.
4. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука, 1969.
5. Мирза Мухаммад Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Алматы : Тұран, 2003.
6. Козыбаев М.К. Правда и мифы о Ермаке // История и современность. Алма-Ата : Галым, 1991.
7. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата ; Москва : Казах. краев. изд-во, 1935.
8. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.
9. Арынбаев Х.А. Образование казахских жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахского ханства : тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1988.
10. Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948.
11. Басин В.Я. Казахское ханство в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахское ханство в XV–XVIII вв.: Вопросы социально-политической истории. Алма-Ата, 1969.
12. Сабитов Ж.М. Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6.
13. Кундакбаева Ж.Б. Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию. 1770–1771 // Исторический архив. 2009. № 1.
14. Абуев К.К. Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-российских отношений. Омск, 2002.
15. Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007.
16. Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2.
17. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1762 г. Д. 1.
18. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755–1757 гг. Д. 4.
19. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757 г. Д. 7.
20. Национальный архив Республики Калмыкия. Р-145. Д. 342.
21. Национальный архив Республики Калмыкия. Д. 386.
22. Национальный архив Республики Калмыкия. Д. 403.
23. Национальный архив Республики Калмыкия. Р-145. Д. 138.
24. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.
25. Национальный архив Республики Калмыкия. Д. 432.
26. Липовцов С.В. Уложение китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб., 1828.

References

1. Miller, G.F. (1941) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Valikhanov, Ch.Ch. (1984) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Alma-Ata: Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya.
3. Levshin, A.I. (1996) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat.
4. Ibragimov, S.K. et al. (eds) (1969) *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata: Nauka.
5. Dughlat, M.M.H. (2003) *Tarikh-i Rashidi*. Translated into Kazakh. Almaty: Tyran. (In Kazakh).
6. Kozymbaev, M.K. (1991) *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. Alma-Ata: Galym.
7. Asfendiarov, S.D. (1935) *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen)* [History of Kazakhstan (Since ancient times)]. Alma-Ata; Moscow: Kazakhstanskoe kraevoe izdatel'stvo.
8. Mukanov, M.S. (1974) *Etnicheskiy sostav i rasselenie kazakhov Srednego zhuza* [Ethnic Composition and Resettlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata: Nauka.
9. Arynbaev, Kh.A. (1998) *Obrazovanie kazakhskikh zhuzov i ikh dal'neyshaya etnopoliticheskaya sud'ba* [Formation of the Kazakh zhuzes and their further ethnopolitical fate]. In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii narodov Sredney Azii i Kazakhskogo khanstva* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and the Kazakh Khanate]. Moscow: [s.n.].
10. Appolova, N.G. (1948) *Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka* [Accession of Kazakhstan to Russia in the 1730s]. Alma-Ata: [s.n.].
11. Basin, V.Ya. (1969) *Kazakhskoe khanstvo v sisteme vneshney politiki Rossii v pervoy polovine XVIII v.* [The Kazakh Khanate in the system of Russian foreign policy in the first half of the 18th century]. In: Suleymenov, B.S. (ed.) *Kazakhskoe khanstvo v XV–XVIII vv.: Voprosy sotsial'no-politicheskoy istorii* [Kazakh Khanate in the 15th–18th Centuries: Issues of socio-political history]. Alma-Ata: Nauka.
12. Sabitov, Zh.M. (2014) *Kazakhsko-kalmytskie otnosheniya v 1700–1715 godakh* [Kazakh-Kalmyk relations in 1700–1715]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 6. pp. 122–126.
13. Kundakbaeva, Zh.B. (2009) *Pis'ma kazakhskogo khana Nurali orenburgskomu gubernatoru I.A. Reinsdorpu vo vremya otkochevki kalmykov v Dzhungariyu. 1770–1771* [Letters from the Kazakh Khan Nurali to the Orenburg Governor I.A. Reinsdorp during the migration of the Kalmyks to Dzungaria. 1770–1771]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1.
14. Abuev, K.K. (2002) *Deyatel'nost' khana Abylaya po ob'edineniyu kazakhskikh zemel' i razvitiyu kazakhsko-rossiyskikh otnosheniy* [The activities of Khan Abylay on the unification of Kazakh lands and the development of Kazakh-Russian relations]. History Dr. Diss. Omsk.
15. Erofeeva, I.V. (2007) *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair: Commander, ruler, politician]. Almaty: Dayk-Press.
16. Moiseev, V.A. (2000) *Dzhungaro-kazakhskie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii* [Dzungar-Kazakh relations in the 17th–18th centuries and the policy of Russia]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 22–43.
17. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund Zyungorskie dela [Zyungor Files]. List 113/1. (1762). File 1.
18. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund Zyungorskie dela [Zyungor Files]. List 113/1. (1755–1757). File 4.
19. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund Zyungorskie dela [Zyungor Files]. List 113/1. (1757). File 7.
20. National Archive of the Republic of Kalmykia. R-145. File 342.
21. National Archive of the Republic of Kalmykia. File 386.
22. National Archive of the Republic of Kalmykia. File 403.
23. National Archive of the Republic of Kalmykia. R-145. File 138.
24. Bichurin, N.Ya. (1991) *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [Historical Review of the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present]. 2nd ed. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.
25. National Archive of the Republic of Kalmykia. File 432.
26. Lipovtsov, S.V. (1828) *Ulozhenie kitayskoy palaty vneshnikh snosheniy* [Code of the Chinese Chamber of External Relations]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya.

Информация об авторе:

Болдырева О.Н. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия). E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Boldyreva, Cand, Sci. (History), senior lecturer, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation). E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2017;
одобрена после рецензирования 22.04.2019; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 07.09.2017;
approved after reviewing 22.04.2019; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94/99
doi: 10.17223/15617793/485/9

Война в городах Северного (Турецкого) Курдистана в 2015–2016 гг.: истоки, ход и последствия

Теюб Ахмед оглы Ахмедов¹

¹ Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
Нерюнгри, Россия, RSevoi@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются военные действия в курдских городах восточных и юго-восточных вилайетов Турции, которые проходили с 20 июля 2015 года по апрель 2016 года после прекращения перемирия в результате того, что мирные акции курдской молодежи, стремящейся к самоуправлению в своих городах, были отвергнуты турецкой властью. Дается оценка деятельности сторонников Рабочей партии Курдистана, воюющих в городских условиях, и турецких военных, которые в ходе боев чаще всего разрушали города и убивали мирных жителей, нежели боролись с курдскими повстанцами. Исследованы причины, по которым курдские боевые отряды для защиты своих завоеваний строили баррикады и рыли траншеи, в ответ на что Анкара вводила бессрочный комендантский час и ограниченный войсковой контингент для зачистки от курдских повстанцев.

Ключевые слова: Турция, Курдистан, курдский вопрос, самоуправление, Рабочая партия Курдистана, Движение патриотической революционной молодежи, Оджалан, Диярбакыр, Сур, Джизре, Юксекова, Сильван

Для цитирования: Ахмедов Т.А. Война в городах Северного (Турецкого) Курдистана в 2015–2016 гг.: истоки, ход и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 80–86. doi: 10.17223/15617793/485/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/9

War in towns of Northern (Turkey) Kurdistan in 2015–2016: Origins, course and consequences

Teub A. Akhmedov¹

¹ Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation, RSevoi@yandex.ru

Abstract. This article examines the armed struggle of Kurdish rebels in the cities of the eastern and southeastern vilayets of the Republic of Turkey after the breakdown of the truce between Ankara and the Kurdistan Workers' Party in July 2015. The intention of the Kurdish patriotic revolutionary youth (sympathetic to the party and erecting barricades and digging trenches to protect their gains) to establish self-government in the cities of Northern (Turkish) Kurdistan was the beginning of an uncompromising struggle between the opposing sides. The Turkish military, by order of the authorities, decided to pacify the Kurdish minority in the country not through dialogue, but by declaring a martial law and a state of emergency. During the first months of the confrontation, Kurdish rebels established their order in certain cities of the country, and the Turkish government recognized the loss of control over them. This forced the Turkish authorities to switch from a policy of ultimatums to decisive actions by sending regular military units to the region and announcing a round-the-clock and indefinite curfew in towns with predominantly Kurdish population. The aim of this article is to assess the reasons for the Turkish authorities' brutal crackdown against the local self-government created by the Kurdish population under the acceptance of the territorial integrity of the Republic of Turkey, and the consequences of conducting military operations in peaceful towns for the international prestige of Ankara. The author examines the armed struggle of Kurdish rebels in urban areas in the context of the war of the Turkish authorities with the military wing of the Kurdistan Workers' Party, the Kurdistan People's Civil Defense Units; the crimes committed by the Turkish military against civilians in the towns Sur, Silvan, Cizre, Yuksekova, Silop, Shirnak and many others in Northern (Turkish) Kurdistan between July 2015 and April 2016; and the reaction of international organizations to Turkey's excessive and inadequate actions in the region – in particular, the intention of the UN High Commissioner for Human Rights to conduct an independent investigation of the civilian casualties and the categorical refusal of Ankara to meet the demands of the UN representatives. The reports published by the press agencies about the dead civilians in the basements were claimed the propaganda of a terrorist organization by the Turkish authorities. The author of the study concludes that attempts of the leaders of the Kurdistan Workers' Party to

take the armed guerrilla struggle to the towns after the breakdown of the truce in order to seize and maintain control over the medium and large settlements to force the Turkish state to peace negotiations and to resolve the long-term conflict with this tactic failed to succeed, and the Kurdish militias, under the onslaught of superior enemy forces, were forced to withdraw to their mountain bases and return to the long-standing ways of fighting.

Keywords: Turkey, Kurdistan, Kurdish issue, self-rule, Kurdistan Workers' Party, Patriotic Revolutionary Youth Movement, Öcalan, Diyarbakır, Sur, Cizre, Yüksekova, Silvan

For citation: Akhmedov, T.A. (2022) War in towns of Northern (Turkey) Kurdistan in 2015–2016: Origins, course and consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 80–86. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/9

Противостояние курдов и Турции имеет долгую и богатую историю. В новейшей истории отношения между ними обострились в 70–80-е гг. XX в. Не найдя компромисс с турецкими властями, Рабочая партия Курдистана (РПК) 15 августа 1984 года начала боевые действия [1. С. 24], которые продолжаются до сих пор. В этом противостоянии стороны не желают идти на уступки друг другу. Турецкие власти категорически отказываются признавать существование в стране курдской проблемы и, тем более, вооруженных бойцов Народных сил самообороны Курдистана как одну из сторон конфликта. Курдская же сторона в лице Рабочей партии Курдистана поставила перед собой задачу достижения если не независимости для курдов, то хотя бы ограниченной автономии в рамках территориальной целостности Турции. Вооруженное крыло РПК неоднократно объявляло перемирие в одностороннем порядке, например, в 1993, 1995, 1998 и 1999 гг. [2]. На это турецкие власти никак не реагировали, а средства массовой информации Турции преподносили это общественности как слабость и даже паралич организации. Соответственно, такое отношение к мирным инициативам РПК приводило к возобновлению боевых действий.

Турецкие власти после ареста и суда над лидером Рабочей партии Курдистана А. Оджаланом в 1999 г. [3. С. 69] надеялись, что без него, как это ранее бывало в курдской истории, организация распадется из-за внутренних разногласий и тем самым сопротивление прекратится. Однако их надежды не оправдались, и борьба курдов за свои права активно продолжалась и без А. Оджалана.

В ноябре 2002 г., после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития [4], ее лидер Р. Эрдоган заявил, что для него и его правительства приоритетными являются не только социально-экономическое благополучие граждан, но и разрешение многолетнего конфликта на востоке страны, но без диалога с «сепаратистами и террористами».

Первоначально премьер-министр Р. Эрдоган, как и все его предшественники, пытался ликвидировать конфликт военным путем и созданием новых рабочих мест в регионе. Через ограниченный период времени, осознав, что это не приведет к ожидаемым результатам, Р. Эрдоган начал вносить некоторые косвенные поправки в нормативно-правовые акты, не трогая при этом основной закон, то есть Конституцию Турции, в части обеспечения всех прав курдских граждан страны.

Время показало, что и эти меры не дают позитивных результатов, и он был вынужден начать тайные

переговоры с действующими лидерами Рабочей партии Курдистана. В этот процесс был вовлечен и основатель РПК А. Оджалан. Премьер-министр Турции Р. Эрдоган не был пионером в этом процессе – в начале 90-х гг. XX в. такие шаги предпринял тогдашний президент Турции Т. Озал [2]. Однако после его загадочной смерти в апреле 1993 г. все контакты с РПК были прекращены.

В переговорный процесс между РПК и представителями турецких властей, который начался еще в 2005 г., был активно вовлечен А. Оджалан, находящийся в тюремном заключении. Конкретные рамочные условия для переговоров были согласованы с А. Оджаланом турецкой разведкой, после чего с 2007 г. в г. Осло шли тайные переговоры между представителями РПК и национальной разведывательной службой Турции (МИТ) при посредничестве ряда европейских структур, среди которых называли Институт исследования проблем мира Осло [5. Р. 52]. В переговорах как с представителями РПК в Осло, так и лично с самим Оджаланом участвовал руководитель МИТ Х. Фидан [6].

Переговоры завершились тем, что при негласном посредничестве А. Оджалана в апреле 2013 г. между Рабочей партией Курдистана и Турцией было подписано первое официальное перемирие. Появился пусть и призрачный, но шанс на урегулирование конфликта мирными средствами. Но теракт в г. Суруче в июле 2015 г. [7] положил конец этому перемирию, и стороны возобновили боевые действия.

В июле 2015 г., после срыва мирного процесса, вновь возобновились боевые действия между турецкими военными и Народными силами самообороны Курдистана. Началось с того, что курдская революционная молодежь решила объявить самоуправление в ряде городов, в частности в Суре, в центральном районе Диярбакыра [8], Анкара на это ответила введением бессрочного комендантского часа, а турецкие военные – тяжелой техникой в город и затем в другие города на юго-востоке страны.

Ответным шагом лидеры РПК призвали патристическую революционную молодежь Северного (Турецкого) Курдистана организовать самоуправление во всех курдских городах восточных и юго-восточных вилаетов Турции на основе принципа «демократического федерализма». В ответ на это турецкие власти ужесточили правила передвижения граждан в курдских городах, хотя внеправовые меры против курдской молодежи предпринимались еще с марта 2015 г. [9].

В конце августа власти предложили А. Оджалану выступить с письменным обращением к турецким

курдам. Однако вице-премьер Турции Я. Акдоган заявил прессе, что во время конфликта выпуск такого обращения будет неподобающим, и оно так и не было опубликовано [10].

Ситуация осложнилась, когда в сентябре 2015 г. под непосредственным руководством лидеров РПК, в частности М. Карайылана и Б. Эрдола, в городах Турецкого Курдистана начали строить баррикады и рыть траншеи [11]. В Диярбакире боевой операцией непосредственно руководил старший командир Народных сил самообороны Курдистана Х. Эроглу, в городах вилайетов Хаккяры, Силопе, Шанлиурфа, в населенных пунктах Юксекова, Джизре руководство осуществлял старший член совета РПК А. Корду.

В условиях нарастающего кризиса турецкие власти были вынуждены не ограничиваться ведением комендантского часа в курдских городах страны, а ввести в регион не только жандармерию, но и регулярные войска. В частности, в городе Диярбакире, в исторической части города в районе Сур, где начались основные боевые действия, были задействованы силы 16-й механизированной бригады и 7-й механизированной пехотной дивизии 7-го армейского корпуса 2-й полевой армии Турции общей численностью 10 тыс. чел. [12]. В городе Юксекова вилайета Хаккяры была задействована 3-я пехотная дивизия 7-го армейского корпуса 2-ой полевой армии, а также 5-я горная бригада коммандос. В Джизре и Силопи были задействованы 70-я механизированная бригада и 172-я бронетанковая бригада 7-го армейского корпуса 2-й полевой армии [13] под общим командованием бригадного генерала А. Худути.

В ноябре 2015 г. Анкара была вынуждена признать, что потеряла контроль над некоторыми городами Восточной и Юго-Восточной Анатолии [14]. В них установилось самоуправление под контролем сепаратистов Рабочей партии Курдистана и связанных с ней революционных молодежных организаций.

11 декабря 2015 г. в 15 кварталах Сура на неопределенный срок был введен 24-часовой комендантский час [15]. Жители исторического района города Диярбакир лишились возможности выйти из дома, в том числе для покупки продуктов или лекарств. При этом полиция через громкоговорители приказывала людям уезжать из района на неопределенный срок. В районе были отключены все средства жизнеобеспечения, власти готовились к штурму, и в ходе боев в Суре большинство домов мирных граждан пострадали от артиллерийских обстрелов [15].

В январе–феврале 2016 г. в районе Сур в Диярбакире продолжались позиционные столкновения между жандармерией и турецкими военными с одной стороны, и курдскими повстанцами – с другой [14]. Пока курдские революционеры защищали историческую цитадель Сур, примерно 10 тыс. турецких солдат и полицейских пытались подавить их сопротивление и разобрать баррикады и заграждения. Одновременно в 2 км от места боев шел несанкционированный митинг курдских женщин с требованием прекратить бои и возобновить переговоры [16]. В ответ турецкие поли-

цейские применили против мирных демонстрантов слезоточивый газ, пластиковые пули и водометы.

Военные действия между турецкими военными и сторонниками Рабочей партии Курдистана в Суре, исторической части города Диярбакир, завершились в марте 2016 г. поражением курдов, но в большей части района комендантский час продолжал действовать в течение всего 2016 г. Мэр Диярбакира Ф. Анли сообщил средствам массовой информации, что из 70 тыс. жителей Сура свои дома покинули около 50 тыс. человек [17]. После принудительного выселения жителей из разрушенной части города турецкие власти огородили ее стенами, бывшим жителям не разрешили забрать свои ценные вещи, так как все было национализировано, многие здания были снесены.

Еще летом–осенью 2015 г. в Джизре, Ширнаке и Юксекова турецкие военные применяли тяжелое вооружение по гражданским объектам. Генеральный штаб Турции сообщал разные данные о своих успехах в Диярбакире и Джизре, особенно с середины декабря 2015 г. [14]. Из-за противоречивости сводок турецких военных приходится делать вывод о том, что в это время эти города контролировали сторонники Рабочей партии Курдистана.

18 декабря 2015 г. глава МВД Турции Э. Ала заявил, что с начала боевых действий властями нейтрализованы не менее 3 тыс. террористов РПК, полицейские изъяли 10 т взрывчатки и 240 единиц огнестрельного оружия [18], власти и впредь так же будут вести бескомпромиссную борьбу с сепаратистами и их покровителями.

В охваченных восстанием курдских городах восточных и юго-восточных вилайетов Турции создавались Силы народной самообороны по примеру Западного (Сирийского) Курдистана. Например, 2 февраля 2016 г. такой отряд был создан в Юксекова (Гевер) в провинции Хаккяры [19]. Это местное ополчение стало подкреплением для ранее созданных аналогичных отрядов в Джизре, Керборане, Суре, Нусайбине, Сильване и многих других городах.

По словам пресс-секретаря ополченцев Э. Гевера, революционная молодежь Юксекова (Гевера) будет наказывать тех, кто разрушил их дома, принес смерть близким и родным [19]. Они не дадут покоя тем силам, которые стремятся уничтожить курдов как нацию, их долг защитить свою землю любой ценой.

Турецкая армия и силы безопасности в январе–марте 2016 г. расширили свою деятельность и увеличили продолжительность комендантского часа в городе Юксекова (Гевер). Командование 2-й полевой армии, расположенной в регионе, перебросило в город дополнительно еще 80 единиц тяжелой бронетехники, в том числе танки и самоходные артиллерийские системы. При таком соотношении сил курдские отряды не могли долго противостоять превосходящим силам противника, и силы самообороны города были вынуждены оставить свои боевые позиции и уступить в окраинные деревни.

По заявлению турецких военных, операция по преследованию курдских незаконных вооруженных групп продолжалась и за пределами города, и в ней

тоже были задействованы сотни единиц механизированной техники, в том числе вертолеты, танки, гаубицы. Мирные жители угрозами были вынуждены покинуть свои дома. В деревнях и горах, как и раньше, турецкой жандармерии и горным войскам окончательно ликвидировать курдских повстанцев не удалось. Они скрылись в своих горных базах.

В городе Сильване, так же как во многих других городах, противостояние началось с того, что повстанцы рыли траншеи и строили баррикады для защиты города от наступления турецких войск. Но, как и ранее, они не учли действия со стороны турецких властей. Это привело к тому, что 2 октября 2015 г. турецкие военные начали операцию [20]. Сигналом этого стал артиллерийский обстрел позиций революционной молодежи города.

В ноябре 2015 г. турецкие военные, осознав, что без серьезных мер вытеснить засевших курдских повстанцев из города не получится, начали осаду Сильвана. Параллельно они развернули против города воздушную атаку, и боевые вертолеты атаковали три района 90-тысячного города – Конак, Мескит и Текель [21], а механизированные части 2-й полевой армии били по восставшим из танков. Кроме того, турецкие власти угрожали населению остановить снабжение, прекратить подачу воды и электричества.

В декабре 2015 г. курдские революционеры на небольшой промежуток времени сумели вытеснить войска и захватить городок Сильван, расположенный неподалеку от Диярбакыра [9]. Не имея внешней поддержки, при истощении внутренней, курдские повстанцы не смогли долгое время господствовать в городе, и в начале 2016 г. им пришлось оставить свои позиции [9]. Турецкие военные при помощи превосходящих сил и информационной атаки установили контроль над городом, и, как и во всех других курдских провинциях, без разрушений не обошлось.

Аналогичное противостояние между курдскими повстанцами и турецкой армией происходило в Даргечит, Идиле, Нусайбине, Ширнаке, Силопе и многих других небольших и средних городах Турецкого Курдистана [12]. Противостояние, как всегда, начиналось в этих городах с желания местной молодежи объявить самоуправление и жить по тем правилам, которые они считают верными. Эти правила основывались на учении лидера РПК А. Оджалана о «демократическом федерализме». В соответствии с этим учением, в социально-экономической и политической системе демократического федерализма Турция должна остаться единой страной, но каждый населенный пункт сам формирует свое управление, устанавливает тот язык, на котором он говорит, и ту социально-экономическую систему, которая ему больше подходит.

Анкара, как в других регионах, не стала церемониться с повстанцами, и в этих городах сначала был введен бессрочный комендантский час. Например, в Нусайбине комендантский час был объявлен 7 раз, в Юксекова – 5, в Силопе – 2 раза [22. С. 5]. Когда власти убедились, что ситуация выходит из-под контроля, были введены регулярные войска. Армейская группировка сначала утюжила город артиллерийскими обстрелами, а затем начала зачистку от повстанцев. В

апреле 2016 г. турецким властям с трудом удалось установить контроль над этими городами и партизаны Рабочей партии Курдистана были оттеснены в горы.

С июня 2015 по апрель 2016 г. общая продолжительность комендантского часа, объявленного 61 раз, в том числе в 1 административном центре вилайета, 7 провинциях, 21 городе и десятках кварталах городов, составляла, по данным информационного центра Демократической партии народов (ДПН), 768 дней [22. С. 5].

Самым критическим, после центральной части Диярбакыра, Суры, было положение в городе Джизре, провинция Ширнак. Здесь все также началось с баррикад и рытья траншей.

Призыв турецких властей прекратить сопротивление и сдаться повстанцы оставили без ответа. 14 декабря 2015 г. власти объявили в городе Джизре круглосуточный комендантский час [23] и ввели туда жандармерию и части регулярных войск.

Обстановка в городе осложнялась тем, что власти даже при строгом режиме не смогли быстро установить контроль над городом, и 20 января 2016 г. турецкие военные приняли жесткие меры воздействия на повстанцев, открыв огонь по группе мирных курдских гражданских лиц, желавших покинуть зону боевых действий [23], в результате чего погибли двое и были ранены девять горожан. После того, как некоторые средства массовой информации сообщили об инциденте, Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд-аль-Хуссейн выразил обеспокоенность и призвал к расследованию [12].

7 февраля 2016 г. поступили новые сообщения от жителей Джизре о том, что они в ловушке в подвалах, среди них есть раненые, однако турецкие военные отказываются допустить к ним машины скорой помощи [23].

В это же время газета «Джумхуриет» опубликовала запись телефонного разговора с гражданами в одном из подвалов. В другой записи сообщается, что сторонники радикальной турецкой организации «Серые волки» при поддержке турецких военных сожгли заживо около 20 человек после того, как залили бензин в подвал [23].

Это акция, как показывают сообщения из разных источников, стала не последней. В течение следующих месяцев аналогичные акции продолжались во многих подвалах города, в частности, в тот же злосчастный день 7 февраля 2016 г. силы безопасности Турции убили более 150 мирных жителей, многие из которых, как сообщается, сгорели заживо [23]. Теми же источниками утверждается, что это были преднамеренные расправы и умышленные казни, которые не могут оправдываться последствиями военных действий. Некоторые из заявленных погибших были детьми в возрасте от девяти до десяти лет. Некоторые из полностью сгоревших трупов идентифицировать так и не удалось.

По данным Ассоциации по правам человека, 178 безоружных людей были убиты турецкими военными, и их тела нашли в трех подвалах разрушенных домов. Об этом же сообщали курдские источники [24].

Турецкие власти называли эти обвинения «безосновательной пропагандой терроризма», используемой

Рабочей партией Курдистана в качестве «инструмента вербовки» новых сторонников.

Согласно данным пресс-релиза ООН, Анкара отказалась разрешить группе ООН проведение расследования в этом районе. В Верховном комиссариате ООН по правам человека сообщили, что у них была информация о том, что более 100 человек были сожжены заживо, когда укрывались в подвалах в Джизре [23].

При помощи круглосуточного комендантского часа и применения военной силы с разрушением города турецкие власти в марте 2016 г. установили над ним контроль, и на протяжении 2016–2017 гг. город Джизре был объявлен закрытой зоной.

В ходе этой неравной борьбы жители Джизре продемонстрировали непреклонную решимость, стоя насмерть до последнего бойца, веря в свою справедливую борьбу. По мнению М. Тунчи, сопредседателя Народного собрания Джизре, погибшие стали символом борьбы за равноправие народов в Ближнем и Среднем востоке [25. С. 4–5].

По сообщению турецких военных, в период «антитеррористической операции» в 2015–2016 гг. в городах Турецкого Курдистана было ликвидировано несколько тысяч повстанцев. Аналогичные цифры потерь турецких военных передавала противоположная сторона, Народные силы самообороны Курдистана, в своих сводках. Можно сделать вывод, что истина о числе потерь сторон лежит посередине. Между тем курдские политические организации утверждали, что большинство убитых людей – это мирные жители, которые в условиях комендантского часа и активных боевых действий не смогли покинуть свои дома и погибли от действий турецких военных.

Турецкие источники сообщали, что с июля 2015 по май 2016 г. Рабочая партия Курдистана потеряла в боях 2 583 курдских повстанца убитыми в горных регионах Турции, и еще 2 366 в Ираке, 713 боевиков были взяты в плен, 214 добровольно сдались, сама же Турция потеряла 483 сотрудника сил безопасности, 2 859 были ранены [26].

Международные организации, обеспокоенные ситуацией в Северном (Турецком) Курдистане, выразили Анкаре недовольство тем, как жестко был наведен порядок в курдских регионах страны. Турецкие вла-

сти, в лице министра иностранных дел М. Чавушоглу, стремясь обезопасить себя от обвинений со стороны мирового сообщества в причастности к массовым убийствам мирных жителей, заявили, что Рабочая партия Курдистана использует безоружное население в качестве «живого щита», тогда как турецкое правительство пересекает активную деятельность «курдских террористов» на своей территории [27].

По данным депутата турецкого парламента от ДПН Ф. Сарийилдиза, которые он озвучил на 33-й сессии комиссии ООН по правам человека, во время конфликта в городе Джизре были убиты 257 человек, из них 24 ребенка. Депутат от ДПН также напомнил о том, что еще 143 человека из погибших – это студенты, политические, общественные и культурные деятели, журналисты [28. С. 8]. Эти люди погибли от рук турецких военных в подвалах домов, в которых они скрывались от прямых обстрелов турецкой артиллерии по жилым домам.

Представитель ДПН Ф. Сарийилдиз также подчеркнул, что сотни людей могли остаться в живых, если бы на Турцию было оказано давление со стороны международного сообщества, и трагедия в Джизре – это преступление против человечества [28. С. 8]. Он также напомнил, что турецкие власти не отвечают на требования ООН расследовать военные преступления в Джизре.

Подводя итоги, можно сказать, что главной целью этих акций было принуждение турецких властей к продолжению переговоров и параллельно желание вести тактические бои с ориентиром на захват и удержание городов Турецкого Курдистана. При этом военное крыло РПК, Народные силы самообороны Курдистана, не смогло или не решилось предупредить своих сторонников о неравенстве сторон в войне в городских условиях. Все меры предпринимались без учета отсутствия поддержки со стороны международного сообщества, в надежде на поддержку собственного народа. В условиях войны с Турцией подвиг народа не всегда дает позитивные результаты. В итоге боевые действия между Народными силами самообороны Курдистана и турецкими военными в городах стали более разрушительными и менее результативными, чем этого ожидали руководители Рабочей партии Курдистана в этот период времени.

Список источников

1. Пробуждение поработенного народа / сост. М.А. Гасратян // Современное состояние курдской проблемы: научный симпозиум. М., 1995. С. 24–27.
2. Рабочая партия Курдистана: численность, деятельность // SYL.ru. URL: <https://www.syl.ru/article/312385/rabochaya-partiya-kurdistanachislennost-deyatelnost>
3. Ахмедов Т.А. Реорганизация и деятельность Партии рабочих Курдистана в 1999–2009 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 69–72.
4. Милошевич З. О политике Партии справедливости и развития Турецкой Республики // LiveInternet.ru. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3124701/post133155001/>
5. Yarali S. Why do peace negotiations fail? A Case Study of the 2012–2015 Peace Talks between Turkey and the PKK. Universite de Montreal, 2017.
6. Лачинер С. Переговоры Оджалана с турецкой разведкой // МК-Турция. URL: <https://mk-turkey.ru/blog/sedat-laciner/2013/01/21/peregovory-odzhalana-s-tureckoj-razvedkoj.html>
7. Шлыков П. Теракт в Суруче в контексте политической борьбы в Турции // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/terakt-v-suruche-v-kontekste-politicheskoy-borby-v-turtsii/>
8. Беляев М. Турецкая армия проводит военную операцию в «столице» курдов // ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2910948>

9. Шакарянц С. Восстание курдов в Диярбекире: «цена вопроса» – Турция // Eurasia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/02/10/vosstanie-kurdov-v-diyarbakire-cena-voprosa-turciya>
10. Stein A., Blaser N. The bell tolls for Turkey and the PKK // Al Jazeera Media Network. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/9/8/the-bell-tolls-for-turkey-and-the-pkk>
11. Главнокомандующий Народными силами самообороны Курдистана: в Турецком Курдистане уже идет гражданская война // RusNext.ru. URL: <https://rusnext.ru/news/1451412621>
12. Турецко-курдский конфликт: причины, страны-участницы, общие потери, командующие // NewsOpt. URL: <https://newsopt.ru/politika/10861-turecko-kurds-konflikt-prichiny-strany-uchastnicy-obshhie-poteri-komandujushhie/>
13. Сухопутные войска Турции // Военно-патриотический сайт «Отвага». URL: <http://otvaga2004.ru/kaleydoskop/kaleydoskop-army/suxoputnye-vojska-turcii/>
14. Хронология курдско-турецкого конфликта (2015 – настоящее время) // turbopages.org. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e7805756-62de82e6-e5d07fa2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Turkey-PKK_conflict_\(2015-present\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e7805756-62de82e6-e5d07fa2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Turkey-PKK_conflict_(2015-present))
15. Сотни тысяч турецких курдов покинули свои дома из-за полицейских спецопераций // База данных управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев RefWorld. URL: <https://www.refworld.org.ru/topic,51dc06764,51dc104c212,584832e74,0,,,html>
16. В Диярбакыре две тысячи женщин протестуют против боев полиции и ППК // Вестник Кавказа. URL: <https://vestnikavkaza.ru/news/V-Diyarbakyre-dve-tysyachi-zhenshchin-protestuyut-protiv-boev-politsii-i-RPK.html>
17. В Турции возобновились бои в центре «курдской столицы» // Центр поддержки Русско-Армянских стратегических и общественных инициатив. URL: <https://russia-armenia.info/node/24564>
18. Efkana Ala: 3 binin üzerinde terörist öldürüldü // Sabah. URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2015/12/18/efkana-ala-3-binin-uzerinde-terorist-olduruldu>
19. YPS-Jin Gever announces its establishment // Firat News Agency. URL: <https://anfenglish.com/women/yps-jin-gever-announces-its-establishment-13815>
20. Турецкие силовики проводят операцию против ППК на юго-востоке страны // «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20151002/1295279704.html>
21. Осада Сильвана (2015) // Siam.Press. URL: [https://siam.press/wiki/ru/Siege_of_Silvan_\(2015\)](https://siam.press/wiki/ru/Siege_of_Silvan_(2015))
22. Бюллетень информационного центра Демократической партии народов (ДПН) № 112 от 10.04.2016 года // Свободный Курдистан. Апрель. 2016. № 4 (154). С. 5.
23. Декабрь 2015 г. – февраль 2016 г. – комендантский час в Джизре // Siam.Press. URL: https://siam.press/wiki/ru/December_2015%E2%80%93February_2016_Cizre_curfew
24. Комендантский час в Джизре с декабря 2015 года по февраль 2016 года // ru.frwiki.wiki. URL: https://ru.frwiki.wiki/wiki/Couvre-feu_sur_Cizre_entre_d%C3%A9cembre_2015_et_f%C3%A9vrier_2016
25. Весна 2016 года станет курдской весной // Свободный Курдистан. Март. 2016. № 3 (153). С. 4–5.
26. В Турции в столкновениях погибли 483 силовика с июля 2015 года // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20160525/1439367791.html>
27. Война в Турецком Курдистане // Politinform.SU. URL: <https://politinform.su/47028-voyna-v-tureckom-kurdistan.html>
28. Обсуждение в ООН // Свободный Курдистан. Сентябрь. 2016. № 9 (159). С. 8.

References

1. Gasratyan, M.A. (ed.) (1995) [Awakening of the enslaved people]. *Sovremennoe sostoyanie kurdskey problemy* [The Current State of the Kurdish Problem]. Proceedings of the Symposium. Moscow. 24–25 November 1994. Moscow: Axina Welat. pp. 24–27. (In Russian).
2. SYL.ru. (2017) Rabochaya partiya Kurdistana: chislennost', deyatelnost' [Kurdistan Workers' Party: number, activity]. SYL.ru. 7 May. [Online] Available from: <https://www.syl.ru/article/312385/rabochaya-partiya-kurdistana-chislennost-deyatelnost>.
3. Akhmedov, T.A. (2012) Kurdistan Workers Party reorganization and activity in 1999-2009. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 69–72. (In Russian).
4. Miloshevich, Z. (2010). O politike Partii spravedlivosti i razvitiya Turetskoy Respubliki [On the policy of the Justice and Development Party of the Republic of Turkey]. *LiveInternet.ru*. 23 August. [Online] Available from: <https://www.liveinternet.ru/users/3124701/post133155001/>.
5. Yarali, S. (2017) *Why do peace negotiations fail? A Case Study of the 2012–2015 Peace Talks between Turkey and the PKK*. Master's Thesis. Montreal.
6. Lachiner, S. (2013) Peregovory Odzhalana s turetskoy razvedkoy [Ocalan's negotiations with Turkish intelligence]. *MK-Turtsiya*. [Online] Available from: <https://mk-turkey.ru/blog/sedat-laciner/2013/01/21/peregovory-odzhalana-s-tureckoj-razvedkoj.html>.
7. Shlykov, P. (2015) Terakt v Suruche v kontekste politicheskoy bor'by v Turtsii [The terrorist attack in Suruç in the context of the political struggle in Turkey]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)* [Russian International Affairs Council (RIAC)]. 22 July. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/terakt-v-suruche-v-kontekste-politicheskoy-borby-v-turtsii/>.
8. Belyaev, M. (2016) Turetskaya armiya provodit voennuyu operatsiyu v "stolitse" kurdiv [The Turkish army conducts a military operation in the "capital" of the Kurds]. *Kommersant*. 6 February. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2910948>.
9. Shakaryants, S. (2016) Vosstanie kurdiv v Diyarbakire: "tsena voprosa" – Turtsiya [Kurdish uprising in Diyarbakir: Turkey is at stake]. *Eurasia Daily*. [Online] Available from: <https://eadaily.com/ru/news/2016/02/10/vosstanie-kurdov-v-diyarbakire-cena-voprosa-turciya>.
10. Stein, A. & Blaser, N. (2015) The bell tolls for Turkey and the PKK. *Al Jazeera Media Network*. [Online] Available from: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/9/8/the-bell-tolls-for-turkey-and-the-pkk>.
11. RusNext.ru. (2015) Glavnokomanduyushchiy Narodnymi silami samooborony Kurdistana: v Turetskom Kurdistane uzhe idet grazhdanskaya voyna [Commander-in-Chief of the People's Self-Defense Forces of Kurdistan: a civil war is already underway in Turkish Kurdistan]. *RusNext.ru*. 29 December. [Online] Available from: <https://rusnext.ru/news/1451412621>.
12. NewsOpt. (2019) Turetsko-kurdskiy konflikt: prichiny, strany-uchastnitsy, obshchie poteri, komanduyushchie [Turkish-Kurdish conflict: causes, participating countries, total losses, commanders]. *NewsOpt*. 14 March. [Online] Available from: <https://newsopt.ru/politika/10861-turecko-kurds-konflikt-prichiny-strany-uchastnicy-obshhie-poteri-komandujushhie/>.
13. Otvaga. (2012) Sukhoputnye voyska Turtsii [Ground forces of Turkey]. *Otvaga*. 26 October. [Online] Available from: <http://otvaga2004.ru/kaleydoskop/kaleydoskop-army/suxoputnye-vojska-turcii/>.
14. Turbopages.org. (n.d.) *Khronologiya kurdsko-turetskogo konflikta (2015 – nastoyashchee vremya)* [Chronology of the Kurdish-Turkish conflict (2015 – present)]. [Online] Available from: [https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e7805756-62de82e6-e5d07fa2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Turkey-PKK_conflict_\(2015-present\)](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e7805756-62de82e6-e5d07fa2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Turkey-PKK_conflict_(2015-present)).
15. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). (2016) Sotni tysyach turetskikh kurdiv pokinuli svoi doma iz-za politseyskikh spetsoperatsiy [Hundreds of thousands of Turkish Kurds have fled their homes due to special police operations]. *Refworld*. [Online] Available from: <https://www.refworld.org.ru/topic,51dc06764,51dc104c212,584832e74,0,,,html>.
16. Vestnik Kavkaza. (2016) V Diyarbakyre dve tysyachi zhenshchin protestuyut protiv boev politicii i RPK [In Diyarbakir, two thousand women protest against the fighting between the police and the PKK]. *Vestnik Kavkaza*. 6 February. [Online] Available from: <https://vestnikavkaza.ru/news/V-Diyarbakyre-dve-tysyachi-zhenshchin-protestuyut-protiv-boev-politsii-i-RPK.html>.

17. Tsentri podderzhki Russko-Armyanskikh strategicheskikh i obshchestvennykh initsiativ [Support Center for Russian-Armenian Strategic and Public Initiatives]. (2016) *V Turtsii vozobnovilis' boi v tsentre "kurdskoy stolitsy"* [Fighting resumed in Turkey in the center of the "Kurdish capital"]. [Online] Available from: <https://russia-armenia.info/node/24564>.
18. Sabah. (2015) Efan Ala: 3 binin üzerinde terörist öldürüldü. *Sabah*. 18 December. [Online] Available from: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2015/12/18/efkan-ala-3-binin-uzerinde-terorist-olduruldu>.
19. Firat News Agency. (2016) YPS-Jin Gever announces its establishment. *Firat News Agency*. 4 February. [Online] Available from: <https://anfenglish.com/women/yps-jin-gever-announces-its-establishment-13815>.
20. RIA Novosti. (2015) Turetskie siloviki provodyat operatsiyu protiv RPK na yugo-vostoke strany [Turkish security forces carry out an operation against the PKK in the south-east of the country]. *RIA Novosti*. 02 October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20151002/1295279704.html>.
21. Siam.Press. (2015) Osada Sil'vana [Siege of Silvan]. *Siam.Press*. [Online] Available from: [https://siam.press/wiki/ru/Siege_of_Silvan_\(2015\)](https://siam.press/wiki/ru/Siege_of_Silvan_(2015)).
22. Svobodnyy Kurdistan. (2016) Byulleten' informatsionnogo tsentra Demokraticheskoy partii narodov (DPN) № 112 ot 10.04.2016 goda [Bulletin of the information center of the Democratic Party of the Peoples (HDP) No. 112 of April 10, 2016]. *Svobodnyy Kurdistan*. April. 4 (154). P. 5.
23. Siam.Press. (2016) Dekabr' 2015 g. – fevral' 2016 g. – komendantskiy chas v Dzhizre [December 2015 – February 2016 – Curfew in Cizre]. *Siam.Press*. [Online] Available from: https://siam.press/wiki/ru/December_2015%E2%80%93February_2016_Cizre_curfew.
24. Ru.fwiki.wiki. (n.d.) *Komendantskiy chas v Dzhizre s dekabrya 2015 goda po fevral' 2016 goda* [Curfew in Cizre from December 2015 to February 2016]. [Online] Available from: https://ru.fwiki.wiki/wiki/Couvre-feu_sur_Cizre_entre_d%C3%A9cembre_2015_et_f%C3%A9vrier_2016.
25. Svobodnyy Kurdistan. (2016) Vesna 2016 goda stanet kurdskoy vesnoy [Spring 2016 will be a Kurdish spring]. *Svobodnyy Kurdistan*. March. 3 (153). pp. 4–5.
26. RIA Novosti. (2016) V Turtsii v stolknoveniyakh pogibli 483 silovika s iyulya 2015 goda [In Turkey, 483 security officials have died in clashes since July 2015]. *RIA Novosti*. 25 June. [Online] Available from: <https://ria.ru/20160525/1439367791.html>.
27. Politinform.SU. (2016) Voyna v Turetskom Kurdistane [War in Turkish Kurdistan]. *Politinform.SU*. 10 February. [Online] Available from: <https://politinform.su/47028-voyna-v-tureckom-kurdistane.html>.
28. Svobodnyy Kurdistan. (2016) Obsuzhdenie v OON [Discussion at the UN]. *Svobodnyy Kurdistan*. September. 9 (159). P. 8.

Информация об авторе:

Ахмедов Тенюб Ахмед оглы – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Нерюнгри, Россия). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Akhmedov, Cand. Sci. (History), associate profesor, Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University (Neryungri, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 23.08.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94(571)“1925/1929”:338
doi: 10.17223/15617793/485/10

Дифференциация зарплат рабочих и служащих Сибирского края (1925–1929 гг.): децильные коэффициенты и индекс Джини

Владимир Николаевич Владимиров¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vnapple@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается дифференциация заработной платы промышленных рабочих и служащих Сибирского края в период позднего НЭПа (1925–1929 гг.). Для измерения уровня дифференциации рассчитывались децильные коэффициенты и индекс Джини. Источниками исследования послужили статистические бюллетени, издававшиеся в Новосибирске во второй половине 1920-х гг. Сделан вывод о постепенном формировании линии на выравнивание заработной платы промышленных рабочих и утверждения уравнительных принципов к окончанию периода НЭПа.

Ключевые слова: неравенство, заработная плата, рабочие, служащие, Сибирский край, децильный коэффициент, индекс Джини

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21–18–00509: «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до "Великого перелома" в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (руководитель чл.-кор. РАН Л.И. Бородин).

Для цитирования: Владимиров В.Н. Дифференциация зарплат рабочих и служащих Сибирского края (1925–1929 гг.): децильные коэффициенты и индекс Джини // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 87–93. doi: 10.17223/15617793/485/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/10

Differentiation of wages of workers and employees of Siberian Krai (1925–1929): Decile coefficients and the Gini index

Vladimir N. Vladimirov¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vnapple@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify specific features differentiating incomes of the part of the urban population of Siberia whose incomes were determined mainly by the size of wages. These are workers and employees of state enterprises and organizations. The chronological framework is the second half of the 1920s. Wage inequality is considered on the basis of data on its differentiation among workers in all branches of industry and office employees. An informative source for studying the issues of wage differentiation of workers in Siberian Krai is *Byulleten' statistiki truda Sibirskogo kraya* [Bulletin of Labor Statistics of Siberian Krai] published in 1926–1928 and its continuation *Byulleten' statistiki truda i promyshlennosti* [Bulletin of Labor and Industry Statistics] published in 1928–1929. Their data confirm the high level of Siberian statistics of the NEP period, which has already been stated by researchers. Each issue of the Bulletin, in addition to statistical tables, charts and graphs, contains detailed comments by experts on the methods of data collection and processing. Based on the source information, I have formed two data arrays. The first of them is related to the differentiation of workers' wages presented in the form of an interval scale. Surveys were conducted once a year in March for 4 years – from 1926 to 1929. As for the second set of data (those covering employees), they are available only for March 1926 and March 1927. During the study all available data were entered into appropriate tables and processed in the Microsoft Excel spreadsheet program. The decile coefficient and the Gini index were also calculated. For 4 years, the inequality in the wages of workers decreased significantly. The decile coefficient fell from 3.56 to 2.50, while the Gini index fell from 0.25 to 0.19. Among employees, there was a slight increase in the level of inequality. The situation with wage differentiation gradually stabilized over the entire period and remained unchanged in 1928–1929 having reached its limit. This indicates the victory of the leveling trend in the wage policy towards industrial workers in Siberian Krai.

Keywords: inequality, wages, workers, employees, Siberian Krai, decile coefficient, Gini index

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00509: The Evolution of Income and Property Inequality Among the Population of Russia: From the Great Reforms to the “Great

Breaking Point” in the Regional Dimension (Statistical and Geoinformation Analysis) (headed by L.I. Borodkin, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Vladimirov, V.N. (2022) Differentiation of wages of workers and employees of Siberian Krai (1925–1929): Decile coefficients and the Gini index. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 87–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/10

Целью представленного исследования является выявление специфических черт в дифференциации доходов той части городского населения Сибири, чьи доходы определялись в основном размером заработной платы (рабочие и служащие государственных предприятий и организаций), хронологические рамки – вторая половина 1920-х гг. В настоящей работе рассматривается неравенство в заработной плате на основе данных по ее дифференциации среди рабочих всех отраслей промышленности и служащих. Для этой цели рассчитывались децильный коэффициент и индекс Джини.

Территориальные рамки работы ограничены Сибирским краем, административной единицей, существовавшей с 1925 по 1930 г. и включавшей в себя территории современных республик Хакасия и Алтай, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской (с 1926 г.) и частично Тюменской областей. Общая площадь Сибирского края, по материалам переписи 1926 г., составляла 4 062,8 тыс. кв. км, а население – 8 687,9 тыс. чел., при этом доля городского населения была 13%. Сибирский край составлял 37,9% от всей территории Сибири (включая Дальний Восток), а по населению – 76,5% всего населения страны, проживающего за Уралом [1].

Региональная специфика Сибири внутри страны, обусловленная ее огромными пространствами с относительно редким населением, климатическими особенностями и т.п., существовала начиная со времени постепенного вхождения ее территории в состав России в конце XVI–XVII вв. Эта специфика была характерна и для советского периода, в определенной степени сохраняется она и в настоящее время.

Изучение экономического неравенства в России/СССР встречается с большими трудностями как в силу отсутствия достаточного количества репрезентативных источников, так и с точки зрения методологии и методики исследования. В стране долгое время не существовало единого подоходного налога, хотя попытки его ввести предпринимались с самого начала XX в., в том числе и в Сибири [2]. Этот момент побуждает исследователей обращаться к другим показателям; если говорить о населении городов, то здесь наиболее адекватным средством оценки выглядит заработная плата рабочих и служащих, которая, как отмечает Л.И. Бородин, «была основным (часто единственным) источником дохода рабочих и служащих уже с начала 1924 г., когда в СССР была осуществлена денежная реформа, в результате которой страна перешла на твердую денежную валюту» [3. С. 27].

По словам А.А. Ильюхова, борьба по вопросу о размере заработной платы была традиционной для российских рабочих, и первое ее обострение после падения самодержавия произошло еще летом и осенью 1917 г. [4. С. 68]. В другой работе тот же автор

отмечает, что борьба за адекватную зарплату, стимулирующую труд, продолжалась всю первую половину 1920-х гг. [5. С. 61]. С середины 1920-х гг. партийно-государственная политика и деятельность профсоюзов стали ориентироваться на процессы выравнивания заработной платы [5. С. 122]. О взятом государством курсе на выравнивание заработной платы промышленных рабочих подробно писал на новом этапе разработки этой темы Л.И. Бородин, основываясь на обширной документальной базе и историографии 1920-х гг. [3. С. 28–29].

В ранее опубликованной нами статье [6] анализировалась динамика заработной платы промышленных рабочих Сибирского края во второй половине 1920-х гг. Был сделан вывод о незначительном увеличении дифференциации между зарплатами рабочих отраслей промышленности с самой высокой и самой низкой средней заработной платой. Проведенный анализ динамических рядов позволяет установить основные тенденции в динамике заработной платы в основных отраслях промышленности. Однако для выяснения структуры неравенства в заработной плате и его увеличения/уменьшения можно говорить на основе изучения другого вида данных – дифференциации заработной платы работников по интервальной шкале. При этом можно переходить к изучению двух важнейших показателей неравенства – децильных коэффициентов и индекса Джини.

По вопросам дифференциации заработной платы рабочих Сибирского края одними из наиболее информативных источников являются «Бюллетень статистики труда Сибирского края», выходивший в 1926–1928 гг. [7–9], и его продолжение – «Бюллетень статистики труда и промышленности», издававшийся в 1928–1929 гг. [10, 11]. Используемые нами источники данных подтверждают высокий уровень сибирской статистики периода НЭПа, на что уже указывали исследователи [12, 13]. Каждый выпуск «Бюллетеня» помимо статистических таблиц (а в ряде случаев также различных диаграмм и графиков) содержит подробные комментарии специалистов по методике сбора и обработки данных.

Изначально предполагался ежеквартальный выпуск «Бюллетеня...», однако, периодичность удавалось выдерживать только на первом этапе его издания. С июля 1926 г. по январь 1928 г. было опубликовано 6 номеров «Бюллетеня статистики труда Сибирского края», что в целом соответствовало заявленному графику издания. Что касается «Бюллетеня статистики труда и промышленности», то за полтора года его издания с июля 1928 г. до конца 1929 г. формально вышло 8 номеров, однако часть из них публиковалась сдвоенными и строенными выпусками, всего было издано 4 отдельных книжки. Данные, на которых основаны наши расчеты и выводы, содержатся в

номерах 2, 5 и 6 первого «Бюллетеня» и номерах 2–3 и 6–7–8 второго. На основе информации источника нами сформировано два массива данных.

Первый из них связан с дифференциацией зарплаты рабочих, отраженной в интервальной шкале. Обследования проводились один раз в год в марте в течение 4 лет – с 1926 по 1929 г.

В источнике результаты обследований показаны в таблицах (рис. 1). Данные о заработной плате сгруппированы не только по промышленности в целом, но и отдельно по горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, половозрастному разделению труда (мужчины и женщины, взрослые и подростки). При этом данные представлены не только в абсолютных цифрах, но и в процентах.

Кроме того, дополнительно мы располагаем данными о зарплате промышленных рабочих за 1925 г., которые также позволяют рассчитать необходимые нам показатели неравенства. Таким образом, было сформировано 5 временных точек, для которых подсчитывались децильный коэффициент и индекс Джини. Объемы выборки были установлены нами путем подсчета соотношения числа рабочих, охваченных обследованием, с общим числом промышленных рабочих. Оно составляет около 20% для 1926 г. и находится в интервале 29–32% для 1927–1929 гг. Для 1925 г. этот процент, исходя из имеющихся данных, установить невозможно.

Распределение фабрично-заводских рабочих Сибири по размеру заработной платы по обследов. за март 1926 г.																		
ГРУППЫ РАБОЧИХ ПО РАЗМЕРУ ЗАРАБОТКА	В АБСОЛЮТНЫХ ЧИСЛАХ									В %								
	Горная промыш- ленность	Обрабатывающая промышленность	По всей промыш- ленности	В том числе						Горная промыш- ленность	Обрабатывающая промышленность	По всей промыш- ленности	В том числе					
				Мужчины			Женщины						Мужчины			Женщины		
				Взрослые	Подростки	Итого	Взрослые	Подростки	Итого				Взрослые	Подростки	Итого	Взрослые	Подростки	Итого
Всего обследованных . . .	6889	2049	8938	8134	196	8330	536	72	608	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе получающих:																		
до 20 черв. руб.	363	215	578	196	147	343	171	64	235	5,3	10,5	6,5	2,4	75,0	4,1	31,9	88,9	38,6
20,01—30	624	335	959	694	46	740	212	7	219	9,1	16,3	10,7	8,5	23,5	8,9	39,6	9,7	36,0
30,01—40	1353	410	1763	1679	2	1681	82	—	82	19,6	20,0	19,7	20,6	1,0	20,1	15,3	—	13,5
40,01—50	1818	286	2104	2081	—	2081	22	1	23	26,3	13,9	23,6	25,6	—	25,0	4,1	1,4	3,8
50,01—60	1343	272	1615	1589	—	1589	26	—	26	19,4	13,3	18,1	19,5	—	19,1	4,9	—	4,3
60,01—70	763	167	930	919	—	919	11	—	11	11,1	8,1	10,4	11,3	—	11,0	2,1	—	1,8
70,01—80	334	149	483	475	—	475	8	—	8	4,9	7,3	5,4	5,8	—	5,7	1,5	—	1,3
80,01—90	139	69	208	204	—	204	4	—	4	2,0	3,4	2,3	2,5	—	2,5	0,6	—	0,7
90,01—100	59	70	129	128	1	129	—	—	—	0,9	3,4	1,4	1,6	0,5	1,6	—	—	—
100,01—110	30	29	59	59	—	59	—	—	—	0,4	1,4	0,7	0,7	—	0,7	—	—	—
110,01—120	24	21	45	45	—	45	—	—	—	0,4	1,0	0,5	0,6	—	0,5	—	—	—
120,01—130	18	12	30	30	—	30	—	—	—	0,3	0,6	0,3	0,4	—	0,4	—	—	—
130,01—140	9	4	13	13	—	13	—	—	—	0,1	0,2	0,2	0,2	—	0,2	—	—	—
140,01—150	6	4	12	12	—	12	—	—	—	0,1	0,3	0,1	0,2	—	0,1	—	—	—
150,01—200	5	3	8	8	—	8	—	—	—	0,1	0,2	0,1	0,1	—	0,1	—	—	—
200,01—250	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—	0,1	0,0	0,0	—	0,0	—	—	—
250,01—300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Свыше 300	1	—	1	1	—	1	—	—	—	0,0	—	0,0	0,0	—	0,0	—	—	—

Рис. 1. Распределение рабочих по размеру заработной платы в марте 1926 г. [7. С. 39 (табл. 10)]

Что касается второго массива данных по служащим, то такие данные есть только за март 1926 г. и март 1927 г. Соответствующие статистические таблицы носят название «Дифференциация заработной платы в учреждениях союза совторгслужащих...». Этот профессиональный союз советских и торговых служащих включал в себя не только государственных служащих, но и работавших на частных предприятиях. В указанные выше сроки было проведено выборочное исследование в административно-хозяйственных учреждениях и торговых предприятиях Сибирского края, в том числе и частной формы собственности. Данных для установления процента выборки нет, но в абсолютных цифрах это довольно большое число служащих: 9 682 сотрудника из 274 учреждений и торговых предприятий в 1926 г. и 9 478 сотрудников из 295 учреждений и торговых предприятий в 1927 г. В то же время доля работников частных предприятий составляла в первом случае всего 1,3%, а

во втором – еще меньше, 0,8% [7. С. 16, 42 (табл. 13); 9. С. 8, 35 (табл. 20)].

Децильный коэффициент применяется в статистике для оценивания дифференциации населения по доходам, при этом для вычисления показателя берутся доходы двух противоположных групп населения. Он рассчитывается как соотношение минимального значения дохода 10% наиболее обеспеченного населения и максимального значения дохода 10% наименее обеспеченного населения, показывая, таким образом, разницу между различными слоями социальных групп. Основной недостаток децильного коэффициента заключается в том, что в подсчетах не используются показатели дохода 80% населения, относящегося к рассматриваемой группе, но находящегося между двумя «полюсами» с наибольшими и наименьшими доходами.

Индекс (коэффициент) Джини – еще один показатель распределения доходов среди населения, который ис-

пользуется для оценки неравенства между различными сообществами (от стран и регионов до отдельных групп людей) или для сравнения распределения дохода между ними. Индекс Джини изменяется от 0 до 1 (либо выражается в процентах); чем больше его значение отклоняется от 0 и приближается к 1 или 100%, тем в большей степени доходы распределены неравномерно и сконцентрированы в руках отдельных групп населения.

В ходе исследования все имеющиеся данные были введены в соответствующие таблицы и обработаны в программе электронных таблиц Microsoft Excel. В этой же программе производилась визуализация результатов (создание графиков и диаграмм). В большинстве случаев данные в источнике представлены в абсолютных цифрах и в процентах. Для подсчетов в большинстве случаев использовались абсолютные значения. Это делалось для того, чтобы избавиться от погрешностей в вычислениях, которые возникали при подсчете процентов создателями источника из-за округлений. Тем не менее в некоторых случаях, когда количество случаев в интервалах выражалось только процентами от общей совокупности, приходилось использовать их.

Суть и методика вычисления различных показателей неравенства многократно описаны в статистической, экономической, социологической литературе.

Краткое изложение возможностей и границ применения разнообразных коэффициентов и индексов имущественного неравенства, а также обзор методик их вычисления и сравнительных возможностей доступно представлены, например, в статье А.А. Салминой [14].

На рис. 2 представлены этапы и шаги вычисления децильного коэффициента и индекса Джини. Децилями называются границы между интервалами, каждый из которых представляет собой в данном случае 10% всей совокупности рабочих или служащих, получающих ту или иную зарплату и ранжированных по ее размеру. Чтобы привести исходную таблицу, содержащую 24 интервала, к 10-интервальному виду, проводится расщепление интервалов. Граница, выраженная в размере заработной платы между первым и вторым интервалами (с самым низким уровнем зарплаты), и представляет собой первый дециль (D1). Такая же граница между девятым и десятым интервалом (высокий уровень зарплаты) – это девятый дециль (D9). Отношение D9/D1 – это и есть децильный коэффициент. Дальнейшие преобразования приводят к вычислению индекса Джини. Вычисленные значения децильных коэффициентов и индексов Джини собраны в отдельную таблицу (рис. 3), результаты визуализации значений которой представлены на рис. 4.

P14												
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1		page0042				март 1926						
2		служащие		Итого								
3		Интервалы, черновые руб.	середина интервала	число лиц	%	Нак. частота, р	денежный доход i-й группы населения	денежный доход i-й группы населения	денежный доход i-й группы населения	денежный доход i-й группы населения	денежный доход i-й группы населения	денежный доход i-й группы населения
4	5	10 до 10	7,5	16	0,1653	0,17	1,2	0,021	0,0	0,0	0,0	0,0
5	10	15 10,01-15	12,5	125	1,2911	1,46	16,1	0,271	0,3	3,4	2,4	2,4
6	15	20 15,01-20	17,5	665	6,8684	8,32	120,2	2,020	2,3	41,7	35,8	35,8
7	20	25 20,01-25	22,5	692	7,1473	15,47	160,8	2,703	5,0	134,9	117,8	117,8
8	25	30 25,01-30	27,5	776	8,0149	23,49	220,4	3,704	8,7	292,8	264,6	264,6
9	30	35 30,01-35	32,5	664	6,8581	30,34	222,9	3,746	12,5	515,6	467,8	467,8
10	35	40 35,01-40	37,5	695	7,1783	37,52	269,2	4,524	17,0	823,0	755,1	755,1
11	40	45 40,01-45	42,5	670	6,9201	44,44	294,1	4,943	21,9	1213,0	1122,0	1122,0
12	45	50 45,01-50	47,5	650	6,7135	51,16	318,9	5,360	27,3	1993,6	1741,0	1741,0
13	50	60 50,01-60	55	1223	12,6317	63,79	694,7	11,677	39,0	3135,0	2848,9	2848,9
14	60	70 60,01-70	65	902	9,3163	73,10	605,6	10,178	49,1	4085,9	3855,9	3855,9
15	70	80 70,01-80	75	518	5,3501	78,45	401,3	6,744	55,9	4978,8	4681,1	4681,1
16	80	90 80,01-90	85	513	5,2985	83,75	450,4	7,570	63,5	5759,8	5526,1	5526,1
17	90	100 90,01-100	95	322	3,3258	87,08	315,9	5,310	68,8	6342,5	6146,9	6146,9
18	100	110 100,01-110	105	223	2,3032	89,38	241,8	4,065	72,8	6838,6	6648,7	6648,7
19	110	120 110,01-121	115	184	1,9004	91,28	218,5	3,673	76,5	7320,7	7118,3	7118,3
20	120	130 120,01-130	125	170	1,7558	93,04	219,5	3,689	80,2	7707,9	7555,1	7555,1
21	130	140 130,01-140	135	113	1,1671	94,21	157,6	2,648	82,8	8176,9	7938,9	7938,9
22	140	150 140,01-150	145	157	1,6216	95,83	235,1	3,952	86,8	8720,4	8451,2	8451,2
23	150	175 150,01-175	162,5	149	1,5389	97,37	250,1	4,203	91,0	9386,5	9016,5	9016,5
24	175	200 175,01-200	187,5	166	1,7145	99,08	321,5	5,403	96,4	9701,7	9592,6	9592,6
25	200	225 200,01-225	212,5	41	0,4235	99,50	90,0	1,512	97,9	9841,6	9767,4	9767,4
26	225	250 225,01-250	237,5	24	0,2479	99,75	58,9	0,989	98,9	9975,2	9890,6	9890,6
27	250	275 выше 250	262,5	24	0,2479	100,00	65,1	1,094	100,0			
28												
29		ВСЕГО		9682	100		5950	100		106990	103545	
30		Граница наименьшего дециля				21,18						
31		Граница наибольшего дециля				113,26						
32		Соотношение крайних децилей				5,35						
33												
34		1 D1				21,179621						
35		2 D2				27,829093						
36		3 D3				34,748997						
37		4 D4				41,795973						
38		5 D5				49,140185						
39		6 D6				57,003817						
40		7 D7				66,670738						
41		8 D8				82,923263						
42		9 D9				113,25675						
43												

Рис. 2. Преобразование в электронных таблицах Microsoft Excel исходного интервального ряда распределения заработной платы для вычисления децильного коэффициента и индекса Джини

Децильный коэффициент			Индекс Джини	
Год	Рабочие	Служащие	Рабочие	Служащие
1925	3,56	–	0,25	–
1926	3,09	5,35	0,23	0,34
1927	2,60	5,41	0,20	0,35
1928	2,50	–	0,19	–
1929	2,50	–	0,19	–

Рис. 3. Значения вычисленных децильных коэффициентов и индексов Джини на основе дифференциации заработной платы у промышленных рабочих и совторгслужащих Сибирского края в 1925–1929 гг.
[7. С. 13, 16, 39 (табл. 10), 42 (табл. 13); 8. С. 30 (табл. 16); 9. С. 8, 35 (табл. 20); С. 41 (табл. 14); 10. С. 32 (табл. 16)]

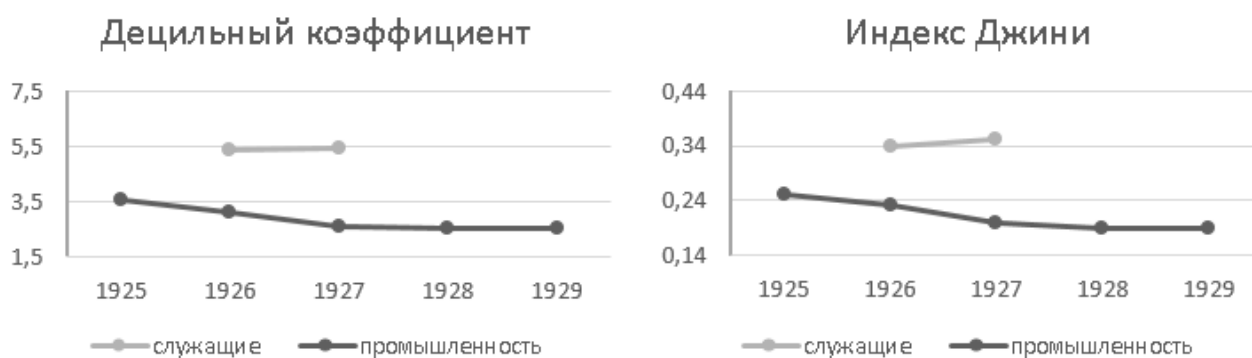

Рис. 4. Динамика децильных коэффициентов и индекса Джини для промышленных рабочих и служащих Сибирского края в 1925–1929 гг.

Если говорить о выявлении тенденций, то для служащих это не позволяет сделать недостаток данных. Можно лишь отметить некоторое повышение обоих коэффициентов: децильного – с 5,35 до 5,41, а Джини – с 0,34 до 0,35. В то же время можно достаточно уверенно отметить, что за 4 года неравенство в зарплате рабочих существенно уменьшилось, на это указывают оба показателя. Децильный коэффициент упал с 3,56 до 2,50, а индекс Джини – с 0,25 до 0,19. Иными словами, у служащих наблюдается небольшое увеличение неравенства в зарплате, в то время как у рабочих это неравенство сглаживается.

Как видно на графиках, линии децильного коэффициента и индекса Джини очень близки друг к другу по характеру динамики и имеют почти одинаковые тренды изменений. Ясно, что неравенство в заработной плате у служащих было существенно выше, нежели у рабочих. При этом и средняя зарплата у обеих групп различалась, хотя и незначительно. В марте 1926 г. средняя зарплата промышленных рабочих составляла 46,66 руб., служащих – 59,15 руб. [7. С. 16]. В марте 1927 г. средние зарплаты были соответственно 51,43 и 66,05 руб. [9. С. 8]. Таким образом, в первом случае средняя зарплата служащего превышала среднюю зарплату рабочего на 26,8%, во втором – на 28,4%. Не исключено, что сравнительно небольшая разница в зарплате рабочих и служащих обусловлена наличием в составе последних такой категории, как младший обслуживающий персонал, зарплата которого, как показывают источники, была существенно ниже зарплаты квалифицированных рабочих.

Так, в 1926/27 хозяйственном году средняя заработная плата младшего обслуживающего персонала в промышленности Сибирского края была 29,85 руб., или 59,5% средней зарплаты рабочего, составлявшей 50,17 руб. Для сравнения: средняя зарплата служащих в промышленности составляла в том же году 90,24 руб., т.е. более чем в 3 раза выше зарплаты младшего обслуживающего персонала и в 1,8 раза выше средней зарплаты рабочего [15. С. 360–371 (табл. 4–6)].

В заключение рассмотрим динамику изменения у промышленных рабочих величин коэффициента D1 и D9 и ее соотношение с динамикой изменения индекса Джини (рис. 5). Прежде всего обращает на себя внимание рост величины первого дециля, показывающего верхнюю границу величины зарплаты 10% самых низкооплачиваемых рабочих, с 16,10 руб. в 1925 г. до 36,54 руб. в 1929 г. За 4 года он вырос на 127%, или в 2,27 раза. В то же время девятый дециль, характеризующий нижнюю границу величины зарплаты 10% самых высокооплачиваемых рабочих, увеличился за это время на 59,1%, или в 1,59 раза. Таким образом, темпы роста заработной платы низкооплачиваемых рабочих существенно превышали те же процессы у рабочих высокооплачиваемых.

На практике это приводило к реальному уменьшению неравенства в заработной плате промышленных рабочих Сибирского края. Более быстрый рост зарплаты низкооплачиваемых рабочих приводил к более высокому значению децилей в низших интервальных группах, на что реагировала и величина индекса Джини.

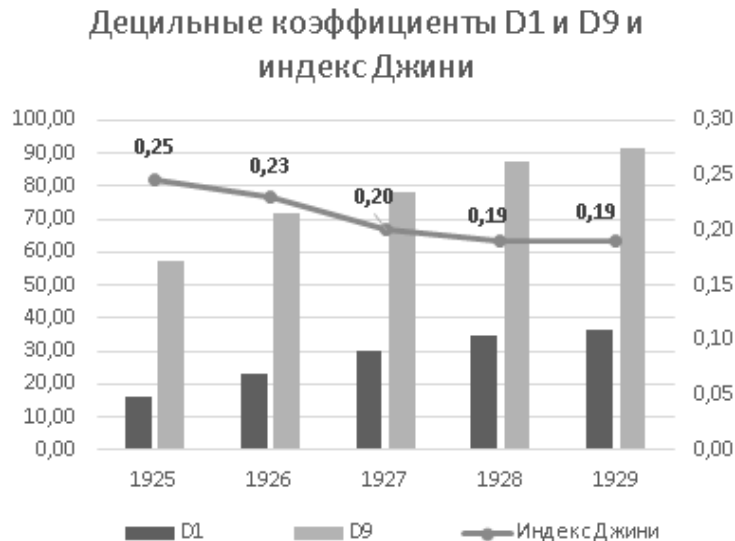

Рис. 5. Динамика изменения коэффициентов D1 и D9 и индекса Джини у промышленных рабочих в 1925–1929 гг. Левая шкала показывает уровень зарплат (в руб.), правая – величину индекса Джини

Ситуация с дифференциацией заработной платы постепенно стабилизируется в течение второй половины 1920-х гг. и остается практически неизменной в 1928–1929 гг., когда дальнейшее выравнивание могло критически снизить мотивацию к повышению производительности труда и грозить дестабилизацией производственных процессов.

В целом уравнивательная тенденция в зарплатной политике преобладала в Сибирском крае в 1925–1929 гг. Это вполне соответствует аналогичным процессам в общесоюзном масштабе, которые проанализировала И.М. Гарскова [16. С. 48 (табл. 11)], показав уменьшение разрыва в заработной плате между высоко- и низкооплачиваемыми промышленными рабочими в 1927–1929 гг.

Список источников

1. Сибирский край // Историческая энциклопедия Сибири. URL: http://sibhistory.edu54.ru/index.php?title=СИБИРСКИЙ_КРАЙ&oldid=6910 (дата обращения: 20.11.2022).
2. Фэге К. Наш подоходный налог: историко-критический очерк. Томск, 1919. 32 с.
3. Бородин Л.И. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих на закате нэпа: между «уравниловкой» и стимулированием труда // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 27–37. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-27-37
4. Илюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 264 с.
5. Илюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 415 с.
6. Владимиров В.Н., Неженцева Н.В., Щетинина А.С. Дифференциация заработной платы рабочих Сибирского края в период нэпа (1925–1929) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 51–62. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62
7. Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 2. Новосибирск, 1926. 80 с.
8. Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 5. Новосибирск, 1927. 76 с.
9. Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 6. Новосибирск, 1928. 91 с.
10. Бюллетень статистики труда и промышленности. № 2–3. Новосибирск, 1929. 112 с.
11. Бюллетень статистики труда и промышленности. № 6–7–8. Новосибирск, 1929. 114 с.
12. Шишкин В.И. У истоков государственной советской статистики в Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2010. № 1. С. 72–78.
13. Исупов В.А. Демографическая статистика в Сибири: история становления (1920–1930-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2010. № 1. С. 90–101.
14. Салмина А.А. Сравнительный анализ показателей неравенства – их особенности и применение // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 35–58.
15. Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930. 804 с.
16. Гарскова И.М. Динамика неравенства в оплате труда в отраслях советской промышленности в годы нэпа: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 38–50. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-38-50

References

1. Papkov, S.A. (2013) Sibirskiy kray [Siberian Territory]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. [Online] Available from: http://sibhistory.edu54.ru/index.php?title=СИБИРСКИЙ_КРАЙ&oldid=6910. (Accessed: 20.11.2022).
2. Fage, K. (1919) *Nash podokhodnyy nalog: istoriko-kriticheskiy ocherk* [Our Income Tax: A historical and critical essay]. Tomsk: [s.n.].
3. Borodkin, L.I. (2022) Differentsiatsiya zarabotnoy platy promyshlennyykh rabochikh na zakate nepa: mezhdru “uravnilovko” i stimulirovaniem truda [Differentiation of the wages of industrial workers at the end of the NEP: between “equalization” and stimulation of labor]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1 (74). pp. 27–37. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-27-37
4. Il'yukhov, A.A. (2007) *Zhizn' v epokhu peremen: Material'noe polozhenie gorodskikh zhiteley v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917–1921 gg.)* [Life in an Era of Change: The Financial Situation of Urban Residents during the Revolution and the Civil War (1917–1921)].

- Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Il'yukhov, A.A. (2010) *Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks paid: The policy of the Soviet government in the field of wages in 1917–1941]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
 6. Vladimirov, V.N., Nezhensteva, N.V. & Shchetinina, A.S. (2022) Differentsiatsiya zarabotnoy platy rabochikh Sibirskogo kraia v period nepa (1925–1929) [Differentiation of wages of workers in the Siberian Territory during the NEP (1925–1929)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1 (74). pp. 51–62. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-51-62
 7. *Byulleten' statistiki truda Sibirskogo kraia*. (1926) 2.
 8. *Byulleten' statistiki truda Sibirskogo kraia*. (1927) 5.
 9. *Byulleten' statistiki truda Sibirskogo kraia*. (1928) 6.
 10. *Byulleten' statistiki truda i promyshlennosti*. (1929) 2–3.
 11. *Byulleten' statistiki truda i promyshlennosti*. (1929) 6–7–8.
 12. Shishkin, V.I. (2010) U istokov gosudarstvennoy sovetskoy statistiki v Sibiri [At the origins of state Soviet statistics in Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*. 1. pp. 72–78.
 13. Isupov, V.A. (2010) Demograficheskaya statistika v Sibiri: istoriya stanovleniya (1920–1930-e gody) [Demographic statistics in Siberia: the history of formation (1920s – 1930s)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*. 1. pp. 90–101.
 14. Salmina, A.A. (2019) Sravnitel'nyy analiz pokazateley neravenstva – ikh osobennosti i primeneniye [Comparative analysis of inequality indicators – their features and application]. *Obshchestvo i ekonomika*. 7. pp. 35–58.
 15. Kraevoy planovyy otdel [Regional Planning Department]. (1930) *Sibirskiy kray. Statisticheskii spravochnik* [Siberian Region. Statistical handbook]. Novosibirsk: Izd. Statsektora Krayp plana.
 16. Garskova, I.M. (2022) Dinamika neravenstva v oplatu truda v otraslyakh sovetskoy promyshlennosti v gody nepa: sravnitel'nyy analiz [Dynamics of inequality in wages in the branches of the Soviet industry during the NEP: a comparative analysis]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1 (74). pp. 38–50. doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-38-50

Информация об авторе:

Владимиров В.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета.
E-mail: vnapple@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.N. Vladimirov, Dr. Sci. (History), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vnapple@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests..

*Статья поступила в редакцию 27.11.2022;
одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 27.11.2022;
approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94:621.311.1(571.6)
doi: 10.17223/15617793/485/11

Этапы и особенности электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта (1960-е – начало 2000-х гг.)

Алексей Владимирович Маклюков¹

¹ *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, alekseymaklyukov@yandex.ru*

Аннотация. Представлена периодизация и дана характеристика этапов перевода железных дорог Дальнего Востока на электрическую тягу. Раскрываются региональные особенности осуществления этого процесса, анализируются проблемы затягивания электротехнической модернизации, определяется роль электрификации в развитии транспортной системы восточной части России. Показано, что электрификация дальневосточной магистрали создала надежную основу для успешного функционирования железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: электрификация, модернизация, электровозы, электропоезда, дальневосточная железная дорога, российский Дальний Восток

Для цитирования: Маклюков А.В. Этапы и особенности электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта (1960-е – начало 2000-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 94–103. doi: 10.17223/15617793/485/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/11

Stages and features of the electrification of the Far Eastern railway transport (1960s – early 2000s)

Alexey V. Maklyukov¹

¹ *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, alekseymaklyukov@yandex.ru*

Abstract. The article presents the periodization and characterizes the stages of the transition of the railways of the Far East to electric traction, reveals the regional features of the implementation of this process, analyzes the problems of delaying electrical modernization, determines the role of electrification in the development of the transport system of the eastern part of Russia. The relevance of the study of the historical experience of the electrification of railway transport in the Far East of Russia is associated with modern processes taking place in the global economy and the transport industry. An analysis of the literature on the problem shows that it is not sufficiently developed, it requires special study and deepening of issues, clarification and detailing of a number of historical facts. The modernization theory is the conceptual basis of the study. The theory of modernization allows us to trace the dynamics and determine the nature of changes in the development of railway transport in the Far East in a wide chronological context in the context of the state's economic policy. The study is based on a corpus of unpublished sources. The author distinguishes and characterizes three stages of the electrical modernization of the railway transport of the Far East: the first stage (1961–1968) is the transfer to electric traction of the tracks of the Vladivostok branch; the second stage (1980–1987) is the electrification of highways in Khabarovsk Krai and Amur Oblast; the third stage (1993–2002) is the completion of the electrification of the Khabarovsk-Ussuriysk sections. The article shows that, in the Soviet era, the electrification of the Trans-Siberian Railway was limited to only individual sections. The restraining factors of transport modernization are revealed: severe natural and climatic conditions; significant length of railways, complexity and high cost of electrification work; the weak, low-quality energy base that was constantly lagging behind in development; the regional policy ambiguous in content and results of the state. The historical experience of the electrification of railways in the Far East shows that the large-scale state task of transferring highways to electric traction in the Far Eastern conditions in a short time could not be completed. The article concludes that the electrification of the Far Eastern railway transport quickly paid off all government costs. It created a reliable basis for the successful functioning of the railway, both in the Soviet era and at present, significantly increased and continues to increase the efficiency of work, improve the technical and economic indicators of transport.

Keywords: electrification, modernization, electric locomotives, electric trains, Far Eastern Railway, Russian Far East

For citation: Maklyukov, A.V. (2022) Stages and features of the electrification of the Far Eastern railway transport (1960s – early 2000s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 94–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/11

Актуальность исследования исторического опыта электрификации железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке России связана с современными процессами, происходящими в мировой экономике и транспортной отрасли. Электрификация вновь становится важнейшим фактором трансформации наземных видов транспорта, импульсом для развития электромобильного и электротехнического рынка, началом эры электромобильности. Электрификация железных дорог продолжает иметь огромное значение для мира в целом и России в частности, поскольку является наиболее эффективным технологическим способом наземной транспортировки грузов, способствует освоению и развитию новых экономических районов. Железнодорожные транспортные коммуникации всегда имели особое значение для освоения и экономического развития труднодоступной и слабозаселенной дальневосточной части России. Обращение к историческому опыту модернизации дальневосточной железнодорожной магистрали позволяет раскрыть особенности осуществления этого процесса в условиях значительной протяженности региона, его природно-климатических особенностей и сложностей энергообеспечения.

Необходимость исследования исторического опыта электрификации как главного направления модернизации транспорта на Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI в. вызвана недостаточной разработанностью этой проблемы. Сибирские и уральские историки В.В. Алексеев и [1] А.А. Конов [2] внесли фундаментальный вклад в изучение процессов электрификации железных дорог Урало-Сибирского региона страны, развития энергетического хозяйства, электротехнического переоснащения предприятий и перехода подвижного состава на электрическую тягу. Дальневосточные историки и специалисты в области транспорта рассматривали в исторической ретроспективе различные вопросы модернизации средств коммуникаций, но проблемы электрификации дальневосточной железной дороги в 1960–1980-е гг. нашли отражение лишь в работах У.В. Ежеля [3–5]. Завершение процессов электротехнической модернизации железнодорожного транспорта в условиях трансформаций 1990-х – начала 2000-х гг. фрагментарно осветил А.В. Лаврентьев [6]. Некоторая фактографическая информация представлена в различных опубликованных юбилейных сборниках [7–10]. В целом в литературе накоплен определенный материал по данной проблеме, но она требует специальной проработки и углубления вопросов, уточнения и детализации ряда исторических фактов.

Цель исследования: изучение исторического процесса электрификации железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке в 1960-е – начале 2000-х гг. Задачи исследования: 1) проанализировать предпосылки и проблемы начала электрификации дальневосточных железных дорог; 2) выявить и охарактеризовать этапы перевода подвижного состава магистральных железных дорог Дальнего Востока на электрическую тягу; 3)

показать особенности процесса электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта; 4) определить роль электрификации в развитии транспортной системы восточной части России.

Концептуальной основой исследования являются теория модернизации. Под модернизацией железнодорожного транспорта понимается глубокая перестройка материально-технической сферы транспорта на базе ее электрификации, внедрения электрической тяги и инновационных изменений в систему работы транспорта. Теория модернизации позволяет проследить динамику и определить характер изменений в развитии железнодорожного транспорта Дальнего Востока в широком хронологическом срезе в контексте экономической политики государства. Исследование базируется на принципах историзма и междисциплинарности. Первый позволил рассмотреть процесс электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта в 1960-е – начале 2000-х гг. в соответствии с конкретно-исторической ситуацией с учетом причинно-следственных связей. Вторым принцип сыграл решающую роль при анализе технических и экономических аспектов. При помощи историко-сравнительного метода выявлены закономерности, тенденции и отличительные черты электрификации транспортной системы Дальнего Востока в рассматриваемый период.

Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных (ГАРФ, РГАЭ, РГАНИ, РГАСПИ) и региональных архивов (ГАО, ГАПК, ГАХК). Выявленная делопроизводственная плановая и управленческая документация Министерства путей сообщения СССР, управления Дальневосточной железной дороги и ее отделений, центральных и региональных партийно-хозяйственных органов власти содержит различные сведения по технической политике государства на железнодорожном транспорте Дальнего Востока.

Изучение различных аспектов модернизации железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке в 1960-е – начале 2000-х гг. и анализ такого процесса, как внедрение электрической тяги в работу транспорта и его влияния на экономические развитие региона, позволяют выделить три этапа электрификации дальневосточных железных дорог: первый этап 1961–1968 гг.; второй – 1980–1987 гг.; третий этап – 1993–2002 г. Критерии выделения этапов основываются на периодах экономического развития страны, особенностях технической модернизации ее дальневосточной части и перевода отдельных участков железных дорог региона на электротягу.

Началу электрификации Дальневосточной железной дороги предшествовала многолетняя плановая, проектная и подготовительная работа. Планирование электрификации регионального транспорта началось в 1925 г. Тогда ректор Государственного Дальневосточного университета профессор В.П. Во-

логдин первым предложил дальневосточным плановым органам идею электрификации пригородного железнодорожного участка Владивостока. В 1926–1927 гг. под его руководством кафедра тепловой механики университета разработала «Проект электрификации района Владивостока с электрической железной дорогой Владивосток – Океанская». Однако проект Вологодина оказался невостребованным, советское правительство, решая тогда хозяйственные проблемы в центральной части страны, проявило к нему безразличие [11; 12. С. 165–166].

На правительственном уровне плановые вопросы электрификации Дальневосточной железной дороги стали разрабатываться с начала 1930-х гг. Постановлением СТО от 5 октября 1930 г. Наркомату путей сообщения (НКПС) РСФСР поручалось в течение пяти лет начать электрификацию отдельных участков дорог. 16 октября 1930 г. специально сформированная комиссия при НКСП по вопросу транспортного строительства на Дальнем Востоке рассмотрела два проекта электрификации Владивостокского железнодорожного узла. Первый предусматривал перевод на электротягу участков между станциями Первая Речка – Чуркин – бухта Улисс; второй – Первая Речка – Угольная – Шкотово – Кангауз. Стоимость работ по двум проектам оценивалась в 30,4 млн руб. По предварительным подсчетам, для 120 км электрифицированных путей требовалось 85 тыс. кВт генерирующих мощностей, что в 3,5 превышало мощность строящейся на тот момент Артемовской ГРЭС. Слабая энергетическая база региона еще не могла обеспечить такие сложные технологические потребности [13. Л. 1, 21]. В мае 1932 г. Госплан СССР провел всесоюзную конференцию по составлению генерального плана электрификации СССР, на которой обсуждалась широкая программа развития железнодорожного транспорта страны. К 1937 г. намечалось довести по СССР общее протяжение электрифицированных линий до 20 тыс. км, а к 1945 г. – до 50 тыс. км. Ставилась амбициозная задача электрифицировать самый протяженный из всех участков железной дороги в дальневосточной части СССР – от ст. Олекма до Советской Гавани. Только за счет каких источников электроэнергии дорога должна была функционировать, в материалах конференции совершенно не указывалось [14. С. 3, 206]. Сложившаяся в 1930-е гг. региональная система энергохозяйства была неэффективной и не могла решать даже базовые задачи электроснабжения потребителей. События Великой Отечественной войны наиболее остро обнажили эти проблемы, а регион охватил энергетический кризис.

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. в СССР вернулись работы по электрификации железных дорог в европейской части страны и Сибири. На Пленуме ЦК КПСС в Москве 4–12 июля 1955 г. впервые после Великой Отечественной войны специально обсуждался вопрос о научно-техническом прогрессе в области развития транспорта страны. Перевод железных дорог на электротягу определялся необходимостью увеличения пропускной и провозной способности железных дорог

в связи с быстрым ростом экономики СССР, ускоренным возрождением оборонного потенциала страны и расширением связей с другими государствами [2. С. 120, 122]. Если в 1950 г. общая протяженность линий, работающих на электротяге, по стране составляла 2 775 км, то к 1956 г. уже 5 320 км. В Сибири, где создавалось мощнейшая энергетическая база страны, выполнение генплана осуществлялось успешно. К середине 1950-х гг. завершилась электрификация магистрального хода в пределах Западной Сибири, а в 1960 г. – Восточной Сибири. Уже в 1958 г. СССР вышел на первое место в мире по протяженности электрифицированных железных дорог [15. С. 330].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. стали разрабатываться проекты электрификации железнодорожного транспорта в Приморском крае. Инженеры-энергетики районного энергоуправления Дальэнерго в 1948 г. составили проект электрификации участка Владивосток – Артем – Шкотово. Руководство Дальэнерго и управление Дальневосточной железной дороги в январе 1949 г. направили в Совмин СССР и Министерство путей сообщения (МПС) свое совместное предложение с проектом электрификации Владивостокского узла [16. Л. 3, 63, 67, 95]. В Совмине СССР посчитали, что проект нужно доработать в сторону увеличения электрифицированных участков. Так, 3 марта 1949 г. МПС СССР получило от правительства распоряжение «приступить к разработке проектного задания на электрификацию путей Угольная – Сучан – Находка связи с началом строительства Сучанской ГРЭС и с целью увеличения грузопотока в порт Находка с 1200 тыс. т до 3 000 тыс. т в год к 1955 г.». В Находке создавался крупнейший на востоке СССР транспортно-промышленный центр и строился Находкинский торговый порт. Проектное задание МПС было подготовлено и утверждено Совмином СССР 19 мая 1952 г. Согласно проекту, для работы электровазозов серии ВЛ-22 на этой дистанции требовалось построить контактную сеть напряжением 3 300 В протяженностью 180 км. Сметная стоимость всех работ оценивалась в 248,2 млн руб. [17. Л. 17–18].

На Дальнем Востоке низкие темпы строительства и ввода агрегатов новой современной Сучанской ГРЭС, а также резко растущий спрос на электроэнергию предприятий нового строящегося г. Находка и угледобывающих шахт г. Сучана не позволили в 1950-е гг. реализовать проект электрификации железной дороги Угольная – Находка. В правительстве от электрификации этого сложного в плане энергообеспечения участка отказались. В постановлении Совмина СССР от 12 марта 1955 г. № 479 только указывалось, что в течение 1956–1958 гг. МПС обязывалось электрифицировать 46 км путей между станциями Владивосток – Угольная [18. Л. 31]. Но и это решение реализовалось не сразу.

Поворотным в истории развития железных дорог СССР стал 1956 г. Совмин СССР 3 февраля 1956 г. принял специальное постановление № 196-121 «О генеральном плане электрификации железных дорог», которое стало грандиозной программой по модернизации и переводу на электротягу магистралей от Москвы до Владивостока. К 1970 г. по генплану в стране намечалось

электрифицировать 40 тыс. км линий, в том числе 2 тыс. км магистральных на Дальнем Востоке. В генеральном плане электрификации впервые была поставлена задача электрифицировать Транссибирскую магистраль, связать западные и восточные районы СССР в единую экономическую систему, обеспечивающую единство и целостность государства. На первом этапе электрической тягой планировалось обеспечивалось движение от Москвы до Байкала, на втором – до Владивостока [19. Л. 175, 180].

Следует отметить, что несмотря на громкие заявления партии и правительства по электрификации Транссиба на Дальнем Востоке страны, в 1960–1970-е гг. объективных предпосылок для реализации масштабного генплана не существовало. Для того

чтобы электрифицировать Транссиб на участках Могоча – Свободный – Архара (1 200 км), требовалось построить Зейскую ГЭС мощностью 1 290 МВт в Амурской области и высоковольтные линии электропередач. Проект Зейской ГЭС был утвержден в 1958 г., но его реализацию правительство затянуло, строительство станции началось лишь в 1964 г. и продлилось 16 лет. Для электрификации участков Уссурийск – Губерово – Хабаровск – Архара (1 064 км) необходимо было ввести в строй Приморскую ГРЭС, ее первую очередь планировалось пустить уже в семилетку 1959–1965 гг. В плане электрификации Дальневосточной железной дороги 1961 г. ставка делалась на ввод агрегатов Зейской ГЭС и Приморской ГРЭС (табл. 1).

Таблица 1

Электрификация Дальневосточных железных дорог по плану 1961 г.*

Наименование участка	Км ж/д путей	Планируемый год строительства	Стоимость работ, млн руб.
Владивосток – Угольная	46	1962	7,9
Уссурийск – Находка	267	1962–1963	14
Уссурийск – Губерово	348	1966–1967	18,4
Губерово – Хабаровск	306	1968–1969	16,4
Хабаровск – Бира	226	1968–1969	12,1
Бира – Архара	220	1969–1970	12
Волочаевка 2 – Комсомольск	343	1971–1974	–

* Составлено по: [20. Л. 12].

Однако строительство Приморской ГРЭС, главного источника электроснабжения Уссурийск – Губерово – Хабаровск, развернулось только в 1965 г. и завершилось в 1985–1990 гг. Причина затягивания заключалась в неудовлетворительной организации энергетического строительства на Дальнем Востоке. Трест Дальэнергострой Минэнерго СССР оказался не готов возводить мощные электростанции, имел слабую стройиндустрию, испытывал острую нехватку строительных машин, рабочих кадров, финансирования [21. Л. 5].

К концу 1950-х – началу 1960-х гг. сложились предпосылки для коренной технической реконструкции Дальневосточной железной дороги для перехода на новые прогрессивные виды тяги. Несмотря на то, что материально-техническая база дорог значительно отставала в развитии от уральских и сибирских магистралей, в 1955–1960 гг. в целом транспортная железнодорожная система региона заметно улучшила показатели своей работы. Грузооборот увеличился на 50%, достигнув 23,5 млрд км в год, прибыль от перевозок к 1961 г. увеличилась в 3 раза, дорога из дотационно-убыточной становилась рентабельной. По подсчетам специалистов, перевод поездов Дальневосточной железной дороги на электротягу позволял бы еще экономить ежегодно 615 тыс. т угля стоимостью 19,4 млн руб. [3. С. 39; 18. Л. 9, 14]. Принятие правительством в 1956 г. генплана стимулировало развитие в СССР системы подготовки инженерных кадров по направлению «электрификация». В 1956 г. в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) началась подготовка первых специалистов по электрической тяге, а в 1958 г. здесь была создана ка-

федра «Электроподвижной состав», которую возглавил И.П. Лисин. Первый выпуск дальневосточных инженеров-электромехаников транспорта состоялся в 1960 г. Молодые специалисты ХабИИЖТ направлялись на создаваемые электрифицированные участки в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. В январе 1965 г. в институте открывается факультет «Электрификация железных дорог», инициатором и организатором которого стал его первый декан кандидат технических наук В.А. Бессонов. Факультет и кафедра «Электроподвижной состав» сыграли огромную роль как в подготовке кадров для выполнения задач электрификации железных дорог, так и в области научного и практического внедрения электрической тяги на участках Дальневосточной железной дороги [22; 23. Л. 40].

Первый этап электрификации железных дорог на Дальнем Востоке (1961–1968 гг.) характеризуется началом реализации генерального плана электрификации железных дорог СССР в Приморском крае и завершением перевода подвижного состава Владивостокского отделения железной дороги на электрическую тягу.

В соответствии с постановлением Совмина СССР от 11 апреля 1958 г. Дальгипротранс разработал проектное задание для электрификации пригородного участка Владивосток – Надеждинская 46,7 км. Задание нашло отражение в постановлении правительства от 19 января 1960 г. «О развитии г. Владивостока». В марте 1961 г. приказом МПС со ст. Алмазной Восточной Сибири отправляется первый строительно-монтажный поезд № 25 треста Воссибтрансстрой с 500 рабочими на ст. Угольная. Здесь создавалась база технического снабжения электрифицируемого участка. В мае 1961 г. Хаба-

ровское строительное управление № 22 треста Дальтранстрой переводится на участок для сооружения высоких пассажирских платформ и других построек. К 1 октября 1961 г. трест выполнил план работ на 85%, установил 1 200 железобетонных опор, построил здание тяговой подстанции «Надеждинская», уложил 30 км магистрального кабеля и т.д. [23. Л. 16; 26. Л. 3]. В мае 1962 г. на ст. Первая Речка прибывает второй поезд № 275 треста Красноярсктранстрой с 400 рабочими, начинаются электромонтажные работы. В октябре 1962 г. Дальтранстрой разворачивает строительство на участке Уссурийск – Надеждинская 66,5 км. Стройиндустрия треста насчитывала: 4 установочных поезда, 5 котлоагрегатоподъемника, 2 экскаватора, 52 автомашины, 11 автокранов. На базу снабжения из Восточной Сибири доставили 2 131 железобетонную опору (завод ЖБИ г. Улан-Удэ), 145 металлических, 111 км контактного провода [24. Л. 3, 10; 25. Л. 1].

30 декабря 1962 г. государственная комиссия на электропоезде серии ЭР9 Рижского вагоностроительного завода проезжает и принимает в эксплуатацию первый электрифицированный участок Владивосток – Надеждинская. Линия стала работать на однофазном токе промышленной частоты напряжением 25 кВ. Стоимость работ составила 7,1 млн руб. При их осуществлении выявился ряд технических проблем. Трасса железной дороги на полуострове Муравьева-Амурском оказалась зажата пригородными постройками и Амурским заливом, что потребовало значительного объема строительных работ и их удорожания. Электрифицированный 1 км дороги обошелся в 164 тыс. руб., что в 2,4 раза превысило стоимость 1 км электрификации Красноярской железной дороги. Удорожающий фактор обуславливался и завозом всех материалов и оборудования из Сибири и западных районов СССР [23. Л. 15; 26. Л. 3].

Второй участок дороги Уссурийск – Надеждинская принимается в эксплуатацию 30 декабря 1963 г. Общая протяженность электрифицированной линии достигает 113 км. Успешность первого этапа модернизации Дальневосточной железной дороги была обусловлена реконструкцией Артемовской ГРЭС, мощность которой к 1965 г. достигла 300 МВт, что в 20 раз превышало проектную. На тот момент эта ГРЭС стала самой мощной электростанцией на Дальнем Востоке и главным источником электроснабжения электрифицированной железной дороги [25. Л. 1; 26. Л. 77].

Следующим шагом в электрификации Владивостокского отделения железной дороги стал перевод на электротягу участка Угольная – Сучан – Находка. К 1961 г. завершился ввод в эксплуатацию котлов Сучанской ГРЭС, станция заработала на полную мощность 215 МВт, что подготовило энергетическую базу. Проект перевода на электротягу однопутной трассы до Находки разработал Дальгипротранс. Проект был утвержден МПС 6 августа 1962 г. Приказом Госкомитета по транспортному строительству СССР 8 мая 1964 г. для начала выполнения работ на ст. Тихоокеанская со ст. Уссурийск передислоцировался строительномонтажный поезд № 275. Практически весь коллектив рабочих-строителей и монтажников, выполнивший электрификацию Владивостокского участка, перешел на новое строительство. Тресту Дальтранстрой из-за сложного горного рельефа трассы (ст. Кангауз – Тигровая – Фридман – Красноармейская – Наречное) пришлось выполнить значительный объем сложных строительно-монтажных работ. Первый электропоезд серии ВЛ-60 прошел по участку Угольная – Сучан – Находка 12 января 1967 г., после чего госкомиссия приняла его в эксплуатацию. Но еще множество работ МПС по титулу «Электрификация Угольная – Находка ДВЖД» выполнялось вплоть до конца 1969 г. [3. С. 46; 7. С. 267; 23. Л. 55–56].

В 1968 г. полностью завершилась электрификация Владивостокского отделения. В эксплуатацию сдали последний участок Вторая речка – Мыс Чуркин 14 км, выполненный по проекту инженера М.И. Шелудько [11. С. 176; 23. Л. 64]. Общая эксплуатационная длина электрифицированных участков достигла 324,5 км, длина контактной сети – 748,4 км. Количество установленных опор контактной сети насчитывалось 10 654, в том числе 9 287 железобетонных и 1 367 металлических. Участки обслуживали 33 тяговых и трансформаторных подстанции. В 1967 г. в отделение на смену первым электровозам серии Н-60 пришли новые грузопассажирские серии ВЛ-60 и ВЛ-60Р, а в 1969 г. – ВЛ-60К. Скорость движения грузовых поездов достигала 65–70 км/ч, пассажирских – до 90–100 км/ч [27. Л. 4; 28. Л. 6, 12, 27]. С 1966 по 1970 г. электропотребление локомотивов Владивостокского отделения на электротягу увеличилось в 10 раз, общий пробег электропоездов вырос в 3 раза, в том числе грузовых – в 3,5 раза (табл. 2).

Таблица 2

Показатели работы электропоездов Владивостокского отделения железной дороги. 1966–1970 гг.

Род движения	Ед. изм.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
Пассажирское	Пройдено, км	639 003	1 023 160	1 072 331	1 080 953	1 101 728
	Потреблено, тыс. кВт	2 269,7	13 782,8	14 354,0	16 361,6	16 509,6
Грузовое	Пройдено, км	1 874 609	5 035 286	5 529 858	5 856 443	6 188 489
	Потреблено, тыс. кВт	11 252,4	8 938,7	117 009,0	120 968,0	131 153,0
Всего	Пройдено, км	2 513 612	6 085 242	6 618 875	6 954 636	7 307 646
	Потреблено, тыс. кВт	13 553,4	103 552,8	131 665,4	137 552,0	148 260,3

*Составлено по: [28. Л. 6, 12, 20, 27].

В ходе начала эксплуатации электрифицированных линий и электропоездов в природно-климатиче-

ских условиях Приморского края выявился ряд проблем. В 1966 г. специалисты ХАБИИЖТ под руководством С.А. Хлопова обследовали участок путей

Уссурийск – Владивосток, обнаружив, что 62% железобетонных опор контактной сети имеют трещины, возникшие в результате избыточного количества цемента, влажности морского климата и резких изменений температур. На сложных участках Угольная – Находка для обеспечения безопасности движения потребовалось выполнить электрическую централизацию стрелок и переводов, а на ряде станций запретить маневренные работы. Обильные летние осадки, сильные ветра и обледенения зимой часто приводили к авариям, повреждением контактной сети и остановке движения электропоездов [25. Л. 55, 64, 75].

Несмотря на определенные успехи, в целом темпы электрификации дальневосточного железнодорожного транспорта оставались самыми низкими в СССР. Генплан по переводу магистралей Транссиба на электротягу оказался сорван. Причина оставалась прежней – слабое энергетическое строительство. С середины 1970-х гг. значительные материально-технические и финансовые ресурсы стали оттягиваться на строительство восточного участка Байкало-Амурской магистрали, для которого закупалась лучшая заграничная техника. В 1974 г. началось строительство первой линии электропередач 500 кВ Зейская ГЭС – Свободный к Транссибу, но из-за слабого оснащения энергостроителей техникой и машинами, несвоевременной поставки им металлоконструкций работы затянулись и завершились только в декабре 1980 г. Мощность построенной Зейской ГЭС пять лет фактически запыралась. В 1976 г. началось строительство новой Бурейской ГЭС с изношенным на 95% парком строительных машин. Региональная электроэнергетика, несмотря на заявления партии и правительства, оставалась недостроенной и слабо развитой отраслью [29. Л. 262; 30. Л. 45].

В 1970-е гг. на Дальнем Востоке была построена только однопутная электрифицированная железная дорога Находка – Врангель протяженностью 18,9 км. Она связала железные дороги Владивостокского отделения с крупнейшим строящимся на востоке СССР портом Восточный. Общая протяженность электрифицированных линий в регионе в 1975 г. достигла 345,2 км, оставаясь на этом показателе до начала 1980-х гг. В целом дальневосточный железнодорожный транспорт работал на тепловозной тяге и только в самой южной части Приморья грузовые составы переключали к электровазам [31. Л. 6; 32. Л. 1 об.].

Второй этап электрификации дальневосточного транспорта (1980–1987 гг.) связан с началом и завершением перевода на электрическую тягу магистралей в Хабаровском крае и Амурской области.

К началу 1980-х гг. сложились технологические условия для электрификации участков Хабаровского отделения. В 1980–1983 гг. построен энергомо-500 кВ Зейская ГЭС – Свободный – Хабаровск длиной 1 000 км, который стал важнейшим источником энергообеспечения Хабаровского края. Только за 1984 г. край получил с Амурской области в основном от Зейской ГЭС 2,3 млрд кВт·ч электроэнергии [33. Л. 2]. Зейская ГЭС, как самая мощная и экономичная электростанция Дальнего Востока, вывела региональную электроэнергетику на качественно новый уровень и создала надежную энергетическую базу для дальнейшей электрификации Транссиба.

Проект электрификации первого железнодорожного участка от ст. Бира – до ст. Хабаровск в 1974 г. разработал Дальгипротранс. В 1976 г. им спроектировал второй участок от ст. Бира – до ст. Архара. Подготовка электрификации первого участка протяженностью 236 км началась в 1977 г. На выполнение работ отправились студенческий строительный отряд «Энергия» и специалисты ХаБИИЖТ, рабочие строительно-монтажного поезда № 203. Основные работы по строительству линий электропередач, подстанций и по пусковому комплексу выполнял Хабаровский трест Дальэлектросетстрой. К марту 1980 г. завершился перевод на электротягу участка Хабаровск – Бира, а к концу года на нем работали уже 64 электропоезда серии ВЛ-80т и 9 электропоездов ВЛ-60к. Уже в 1980 г. 65% перевозочных работ на ст. Хабаровск-2 были выполнены электровазами ВЛ-80т весом 6 тыс. т. В 1981 г. завершилась электрификация второго участка Архара – Хабаровск, общая длина линий составила 462 км [34. Л. 10, 117; 35. Л. 50, 52; 36. Л. 9].

В 1981 г. в Хабаровское отделение пришли новейшие утяжеленные электровазы серии ВЛ-80с в количестве 80 единиц. В связи с пополнением парка электровазов проводились работы по реконструкции и расширению ремонтной базы. Строится крытый корпус для технического обслуживания электровазов ТО-2 в локомотивном депо ст. Хабаровск-2, цеха текущего ремонта ТР-1 на ст. Архар и на ст. Облучье. В 1983–1985 гг. на базе ЭВМ на станциях отделения внедрено комплексное автоматизированное управление перевозками. Всего за 1980–1985 гг. в электрификацию Хабаровского отделения железных дорог вложили 32,5 млн руб. [35. Л. 53, 60, 62]. В результате за этот период было перевезено 78,2 млн т груза, грузооборот увеличился на 8,4%, пассажирооборот – на 11,6% Удельный вес электропоездов в грузообороте к 1985 г. достиг 73% (табл. 3).

Таблица 3

Показатели работы электропоездов дальневосточных железных дорог. 1980–1985 гг.*

Удельный вес электротяги, %	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Хабаровское отделение						
По грузообороту	26,9	36,4	64,0	71,4	73,2	73,5
По эксплуатационной длине	32,8	32,6	65,7	65,6	65,7	65,8
Владивостокское отделение						
По грузообороту	96,2	96,4	96,7	96,9	97,0	97,1
По эксплуатационной длине	74,2	74,1	74,2	74,2	74,3	74,2

*Составлено по: [33. Л. 35].

В Амурской области, где магистрали находились под управлением Забайкальской железной дороги, электрификация проводилась по отдельным участкам в период 1983–1987 гг. В 1983 г. в эксплуатацию сдали участок Белогорск – Архара 214 км; в 1984 г. – Шимановская – Белогорск 141 км; в 1985 г. – Ушумун – Шимановская 121 км; в 1986 г. – Сковородино – Ушумун 296 км; в 1987 г. – Ерофей Павлович – Сковородино 195 км [11. С. 202, 204, 206, 208, 210]. Полностью электрифицированная железнодорожная магистраль стала крупнейшим потребителем электроэнергии в Амурской области. В 1988 г. ее доля в общем балансе электропотребления достигла 39%, а из отпущенных железной дороге 2,2 млрд кВт·ч электроэнергии 2,0 млрд, или 91%, было израсходовано на электротягу [37. Л. 21].

В целом в советскую эпоху электрификация Транссиба ограничилась лишь отдельными участками. Не электрифицированными оставались 97,4%, или 643 км, главного пути Уссурийского отделения железных дорог (Уссурийск – Хабаровск). Несмотря на ввод в 1985 г. линии передач 500 кВ Приморская ГРЭС – п. Дальневосточная и ЛЭП 220 кВ п. Дальневосточная – Уссурийск, южные районы Приморского края испытывали острый дефицит в электроэнергии. В 1989 г. было заморожено и в последующем брошено строительство

Уссурийской ТЭЦ 260 МВт, капиталовложения в которую были освоены на 70%. Отрицательную роль сыграла и сложная экономическая ситуация в стране. В мае 1989 г. правительство утвердило проект электрификации участка Хабаровск – Бикин 224 км и выдало задание на разработку проекта Бикин – Ружино 176 км. Из-за резкого сокращения финансирования МПС по плану перенесло эти работы за пределы 1990 г. [38. Л. 24, 35; 39. Л. 4].

В 1990 г. общая протяженность электрифицированных участков входивших в управление Дальневосточной железной дороги составляла 809,8 км, из них на территории Приморского края – 345 км, Хабаровского края – 360,8 км, Амурской области (до ст. Архара) – 104 км. На электрифицированных линиях имелось 2 576 км контактной сети, 118 трансформаторных подстанций, было установлено 36 402 опоры, из них 34 612 железно-бетонных и 1 790 металлических [40. Л. 9]. В 1980–1990-е гг. электропотребление железных дорог ежегодно возрастало. За этот период в целом оно увеличилось в 1,6 раза, при этом на электротягу – в 2,4 раза (рис. 1). Железные дороги стали крупнейшим потребителем электроэнергии на Дальнем Востоке.

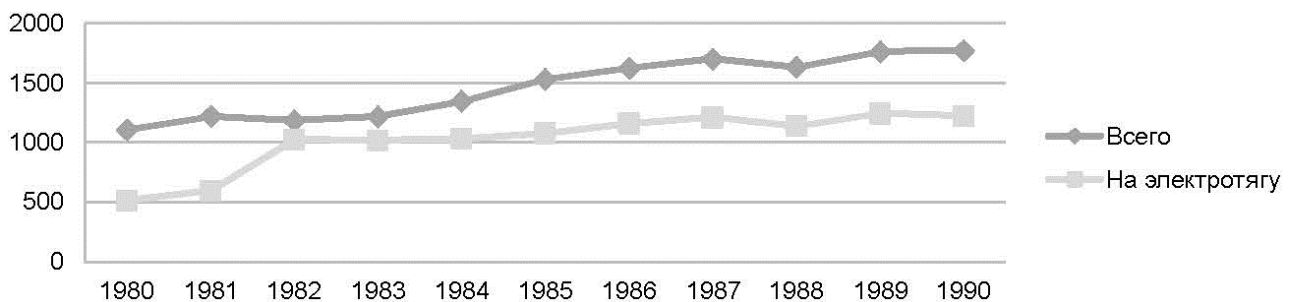

Рис 1. Динамика электропотребления управления дальневосточной железной дороги. 1980–1990 гг., млн кВт·ч. Составлено по: [35. Л. 35; 41. Л. 3].

Необходимо отметить, что в конце 1980-х гг. началась электрификация западных участков Байкало-Амурской магистрали. В постоянную эксплуатацию БАМ ввели 1 ноября 1989 г., к этому времени от каскада ГЭС р. Ангара в Восточной Сибири перевели на электротягу самый восточный участок Ангаракан – Таксимо 101 км. Но для электрификации самой протяженной и сложной части Таксимо – Советская Гавань мощностей Зейской ГЭС и строящейся Бурейской ГЭС не хватало. В утвержденной в 1990 г. правительством программе развития зоны БАМа на 1995–2000 гг. ставилась задача строительства на озере Эворон в Хабаровском крае атомной электростанции на 1 320 МВт. В том же 1990 г. строительство Бурейской ГЭС замораживается, а от атомного проекта власти отказываются [42. Л. 136]. Проблема перевода восточного участка БАМа на электротягу остается не решенной.

С распадом СССР и падением промышленного сектора на Дальнем Востоке в 1990-е гг. произошло резкое снижение спроса на электроэнергию. С одной стороны,

это сгладило остроту проблемы ее дефицита в Хабаровском и Приморском крае, а с другой – высвободило энергетические мощности для дальнейшей электрификации железных дорог. Кроме того, в 1990 г. Минэнерго удалось ввести в строй последний девятый энергоблок Приморской ГРЭС и повысить ее мощность до максимума – 1 467 МВт. Это была важнейшая технологическая предпосылка для продолжения работ по электрификации Транссиба [43. С. 15].

Третий (завершающий) этап электрификации дальневосточной магистрали пришелся на 1993–2002 гг. В 1990-е гг. постоянная нехватка финансовых средств позволяла Министерству путей сообщения РФ на Дальнем Востоке осуществлять электрификацию только коротких участков в виде краткосрочных планов. В 1993 г. работы по электрификации после 1987 г. возобновились. В 1993 г. вводиться 43 км Хабаровск-2 – Кругликова, в 1996 г. 76 км Кругликова – Вяземская. С перерывом в работе в декабре 1998 г. сдается в эксплуатацию 105 км Вяземская – Бикин. В декабре 1999 г. завершилась электрификация 68 км

участка Сибирцево – Уссурийск. И наконец, в 2000–2002 гг. отдельными участками сдаются остальные 353 км магистрали: Сибирцево – Свиягино – Ружино – Губерево – Бикин. Электрификация Транссибирской магистрали в 2002 г. окончательно завершилась. МПС вложила в электрификацию свыше 50 млрд руб. Работы выполнили 2 тыс. строителей, монтажников, энергетиков и эксплуатационников Балтийской строительной компании. На митинге на станции Ружино 25 декабря 2002 г. в присутствии руководителей МПС, управления Дальневосточной железной дороги, администраций Приморского и Хабаровского края тожественно завершилась электрификация главного хода Транссиба. В день железнодорожника 12 августа 2003 г. рабочие и специалисты, выполнившие работы по электрификации, получили государственные награды [6. С. 182; 44; 45].

В непростой для страны и региона период рыночных реформ завершение работ по переводу на электрическую тягу магистралей и внедрение новых технологий на основе электрификации сыграли важную роль в развитии дальневосточного железнодорожного транспорта. С 1999 г. начинается значительный рост грузоперевозок, их себестоимость снижается более чем на 20%. Только за первое полугодие 2003 г. производственно-экономические показатели работы Дальневосточной железной дороги увеличились: на 30% трансконтинентальные контейнерные перевозки, на 14% – грузооборот, на 9% – отправление грузов, на 9% – производительность труда. Возросла техническая скорость и общий вес составов, увеличился оборот вагонов, снизились эксплуатационные расходы и т.д. [5. С. 194; 6. С. 182; 41].

Итак, поставленная в советском генплане 1956 г. задача связать электрифицированным железнодорожным транспортом Москву и Владивосток была выполнена почти спустя 50 лет. Однако план модернизации региональных железных дорог 1961 г. до сих пор

остается незавершенным. В Хабаровском крае локомотивы на участке Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань продолжают работать на тепловозной тяге.

Таким образом, исторический опыт электрификации железных дорог Дальнего Востока показывает, что масштабную государственную задачу по переводу на электрическую тягу магистралей в дальневосточных условиях в короткие сроки выполнить не удалось. Предложенная в исследовании периодизация основывается на периодах экономического развития страны, особенностях технической модернизации ее дальневосточной части и перевода отдельных участков железных дорог региона на электротягу. В ходе проведенного исследования выявлено, что сдерживающими факторами модернизации транспорта являлись не только суровые природно-климатические условия, значительная протяженность железных дорог, сложность и дороговизна выполнения электрификационных работ, но и в первую очередь слабая, некачественная и постоянно отстающая в развитии энергетическая база. Региональная электроэнергетика характеризовалась дефицитом мощностей электростанций и самой высокой в стране себестоимостью электроэнергии. Свою роль сыграла и неоднозначная по содержанию и результатам государственная региональная политика, которая предопределила периоды относительных подъемов и падений развития экономики. Несмотря на все трудности, электрификация дальневосточного железнодорожного транспорта в конечном итоге быстро окупала все государственные издержки. Она создала надежную основу для успешного функционирования железной дороги как в советское, так и в настоящее время, значительно повысила и продолжает повышать эффективность работ, улучшать технико-экономические показатели работы транспорта.

Список источников

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2: 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976. 272 с.
2. Конов А.А. Модернизация железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2021. 778 с.
3. Ежеля У.В. История развития железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке России (1961–1985 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1992. 230 с.
4. Ежеля У.В. Дальневосточная железная дорога во второй половине XX века: Свершения, проблемы и их решение (социально-экономический аспект). Хабаровск, 2009. 111 с.
5. Ежеля У.В. Перестройка как исторический опыт конвергенции социалистической системы и новой экономической политики (на примере железнодорожного транспорта Дальнего Востока) // В зеркале Перестройки : сб. науч. ст. Владивосток, 2015. С. 188–195.
6. Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России в условиях общественного реформирования (середина 1980-х годов – начало XX века) : дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2016. 408 с.
7. Дальневосточная магистраль России: посвящено 100-летию Дальневосточной железной дороги, 1897–1997 : сборник / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск : Част. коллекция, 1997. 351 с.
8. Дорога сквозь века: Дальневосточной железной дороге – 110 лет: 1897–2007 / сост. Т.И. Гладких. Хабаровск, 2007. 320 с.
9. 110 моментов истории Дальневосточной железной дороги: 1897–2007. Б. м. : б. и., 2007. 31 с.
10. Зовут стальные магистрали: Хабаровскому институту инженеров ж.-д. транспорта – 50 лет / Г.И. Воловник, А.П. Катков, В.С. Купцов и др. Хабаровск : ХаБИИЖТ, 1989. 190 с.
11. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. М., 1996. 223 с.
12. Маклюков А.В. Профессор В.П. Вологдин и его проекты по электрификации Владивостока // Итоги и перспективы исторической науки на Дальнем Востоке (Десятилетия Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток : Дальнаука, 2021. С. 161–167.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 12. Д. 738.
14. Генеральный план электрификации СССР : материалы к Всесоюз. конф. Т. 3: Электрификация транспорта / под ред. Г.И. Ломова. М. : Гос. соц. экон. изд-во, 1932. 303 с.
15. Алексеев В.В. Электрификация Сибири 1917–1970 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1974. 410 с.
16. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 41. Д. 356.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 1766.
18. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 1064.
19. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 41. Д. 141.

20. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-353. Оп.8. Д. 327.
21. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 2904.
22. Наша история // ДВГУПС. URL: <https://dvguips.ru/000106.html> (дата обращения: 20.11.2022).
23. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 16. Д. 108.
24. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 93. Д. 208.
25. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 93. Д. 244.
26. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1345.
27. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 16. Д. 466.
28. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 16. Д. 81.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 145. Д. 31.
30. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 1085.
31. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 16. Д. 1090.
32. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 16. Д. 1717.
33. Государственный архив Амурской области (ГАО). Ф. Р-480. Оп. 15. Д. 49.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 1432.
35. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 22. Д. 47.
36. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 25. Д. 9.
37. ГАО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 1701.
38. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 906.
39. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 166.
40. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 22. Д. 35.
41. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 22. Д. 157.
42. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 6107.
43. Маклюков А.В. Государственная стратегия ускоренного развития электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР (1964–1991 гг.): исторический опыт // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 5–17. doi: 10.31857/S013128120015931-5
44. Электрификация Транссиба. URL: <https://transsib.ru/cat-electric.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
45. Вручение наград группе железнодорожников Дальневосточной магистрали за вклад в завершение электрификации Транссиба. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9349/page/4069?id=6808>

References

1. Alekseev, V.V. (1976) *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. Vol. 2: 1951–1970. Novosibirsk: Nauka.
2. Konov, A.A. (2021) *Modernizatsiya zheleznodorozhnogo transporta na Urale v 1956–1991 gg.* [Modernization of railway transport in the Urals in 1956–1991]. History Dr. Diss. Yekaterinburg.
3. Ezhelya, U.V. (1992) *Istoriya razvitiya zheleznodorozhnogo transporta na Dal'nem Vostoke Rossii (1961–1985 gg.)*. [History of the development of railway transport in the Russian Far East (1961–1985)]. History Cand. Diss. Vladivostok. (In Russian).
4. Ezhelya, U.V. (2009) *Dal'nevostochnaya zheleznaya doroga vo vtoroy polovine XX veka: Sversheniya, problemy i ikh reshenie (sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt)*. [Far Eastern Railway in the second half of the 20th century: Achievements, problems and their solution (socio-economic aspect)]. Khabarovsk.
5. Ezhelya, U.V. (2015) *Perestroyka kak istoricheskiy opyt konvergentsii sotsialisticheskoy sistemy i novoy ekonomicheskoy politiki (na primere zheleznodorozhnogo transporta Dal'nego Vostoka)* [Perestroika as a historical experience of the convergence of the socialist system and the new economic policy (on the example of the railway transport of the Far East)]. In: *V zerkale Perestroiki: sb. nauchnykh statey* [In the mirror of Perestroika: Articles]. Vladivostok. pp. 188–195.
6. Lavrent'ev, A.V. (2016) *Razvitie transporta na Dal'nem Vostoke Rossii v usloviyah obshchestvennogo reformirovaniya (seredina 1980-h godov – nachalo XX veka)*. [Development of transport in the Far East of Russia in the context of social reform (mid-1980s – early 20th century)]. History Dr. Diss. Vladivostok.
7. Burkova, V.F. & Zuev, V.F. (1997) *Dal'nevostochnaya magistral' Rossii: posvjashcheno 100-letiju Dal'nevostochnoy zheleznoy dorogi, 1897–1997: sbornik* [The Far Eastern Mainline of Russia: Dedicated to the 100th Anniversary of the Far Eastern Railway, 1897–1997: collection]. Khabarovsk.
8. Gladkikh, T.I. (2007) *Doroga skvoz' veka: Dal'nevostochnoy zheleznoy doroge – 110 let: 1897–2007* [The Road Through the Ages: The Far Eastern Railway is 110 years old: 1897–2007]. Khabarovsk.
9. Anon. (2007) *110 momentov istorii Dal'nevostochnoy zheleznoy dorogi: 1897–2007* [110 Moments in the History of the Far Eastern Railway: 1897–2007]. [S.I.].
10. Volovnik, G.I., Katkov, A.P. & Kuptsov, V.S. (1989) *Zovut stal'nye magistrali: Habarov. in-tu inzhenerov zh.-d. transp. – 50 let* [They are called steel lines: Khabarovsk Institute of Railway Transport Engineers is 50]. Khabarovsk.
11. Anon. (1996) *Kratkie svedeniya o razvitiy otechestvennykh zheleznikh dorog s 1838 po 1990 gg.* [Brief information about the development of domestic railways from 1838 to 1990]. Moscow. [s.n.].
12. Maklyukov A.V. (2021) [Professor V.P. Vologdin and his electrification projects]. *Itogi i perspektivy istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke (Desyatye Krushanovskie chteniya)* [Results and Prospects of Historical Science in the Far East (Tenth Krushanov Readings)]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 161–167. (In Russian).
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1884. List 12. File 738.
14. Anon. (1932) *General'nyy plan elektrifikatsii SSSR* [Master Plan for the Electrification of the USSR]. Conference Proceedings. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gos. sots. ekon. izd-vo.
15. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 41. File 356.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 86a. File 1766.
17. Alekseev, V.V. (1974) *Elektrifikatsiya Sibiri 1917–1970 gg.* [Electrification of Siberia, 1917–1970]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 106. File 1064.
19. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund. 5. List 41. File 141.
20. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-353. List 8. File 327.
21. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 17. File 2904.
22. Far Eastern State Transport University. (n.d.) *Nasha istoriya*. [Our history]. [Online] Available from: <https://dvguips.ru/000106.html>
23. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 16. File 108.
24. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1884. List 93. File 208.
25. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1884. List 93. File 244.
26. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 1345.
27. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 16. File 466.

28. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 16. File 81.
29. Russian State Archive of Socio-Political History. (RGASPI). Fund 17. List 145. File 31.
30. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 17. File 1085.
31. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 16. File 1090.
32. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 16. File 1717.
33. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-480. List 15. D. 49.
34. Russian State Archive of Socio-Political History. (RGASPI). Fund 17. List 150. File 1432.
35. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 22. File 47.
36. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 25. File 9.
37. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-965. List 1. File 1701.
38. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-259. List 49. File 906.
39. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 163. File 166.
40. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 22. File 35.
41. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 22. File 157.
42. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 17. File 6107.
43. Maklyukov, A.V. (2021) The State Strategy for the Accelerated Development of the Electric Power Industry in the Far East of the USSR (1964–1991): Historical Experience. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 5–17. (In Russian).
44. Transsib.ru. (n.d.) *Elektrifikatsiya Transsiba* [Electrification of the Trans-Siberian Railway]. [Online] Available from: <https://transsib.ru/cat-electric.htm>
45. RZD. (2003) *Vruchenie nagrad grupe zheleznodorozhnikov Dal'nevostochnoj magistrali za vklad v zavershenie jelektrifikatsii Transsiba* [Presentation of awards to a group of railway workers of the Far Eastern Railway for their contribution to the completion of the electrification of the Trans-Siberian Railway]. [Online] Available from: <https://company.rzd.ru/ru/9349/page/4069?id=6808>

Информация об авторе:

Маклюков А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Maklyukov, Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 28.11.2022;
approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94 (57)+72.03
doi: 10.17223/15617793/485/12

Каменно-кирпичная фортификация конца XVII – первой половины XVIII в. на территории Зауралья и Западной Сибири

Константин Сергеевич Носов^{1, 2, 3}, Светлана Раиловна Муратова⁴

¹ Центр изучения истории фортификации, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
(филиал Центрального научно-исследовательского и проектного института Минстроя России), Москва, Россия

^{3, 4} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{1, 2, 3} konstantin_nossov@yahoo.com

⁴ s.r.muratova@utmn.ru

Аннотация. Представлены сведения о редких русских памятниках Зауралья и Западной Сибири, получивших в конце XVII – первой половине XVIII в. каменно-кирпичные оборонительные стены: Софийском и Гостином дворах и кремле в Тобольске, Верхотурском кремле, Далматовском монастыре. Рассмотрены история строительства и характеристики оград, проведен сравнительный архитектурный анализ. Отмечено, что у многих памятников ограды так и остались недостроенными. Авторы приходят к выводу, что основное предназначение каменно-кирпичных крепостных оград в Зауралье и Сибири видели в их репрезентативной функции.

Ключевые слова: фортификация, каменное строительство, Тобольский кремль, Гостиный двор, Верхотурский кремль, Далматовский монастырь

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720012/21.

Для цитирования: Носов К.С., Муратова С.Р. Каменно-кирпичная фортификация конца XVII – первой половины XVIII в. на территории Зауралья и Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 104–115. doi: 10.17223/15617793/485/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/12

Stone-brick fortification of the end of the 17th – first half of the 18th centuries on the territory of Western Siberia

Konstantin S. Nossov^{1, 2, 3}, Svetlana R. Muratova⁴

¹ History of Fortification Study Center, Moscow, Russian Federation

² Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning
(branch of the Central Research and Design Institute of the RF Ministry of Construction, Housing and Utilities),
Moscow, Russian Federation

^{3, 4} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

^{1, 2, 3} konstantin_nossov@yahoo.com

⁴ s.r.muratova@utmn.ru

Abstract. The authors analyzed the fortification features of the exceptional monuments of Russian stone-brick defensive architecture in Western Siberia of the late 17th – first half of the 18th centuries: the Kremlin in Tobolsk together with the Sophia and Gostiny Dvory, the Kremlin in Verkhoturys, the Monastery in Dalmatovo. We paid attention to the stages of their construction, tried to clarify the time of their construction. The method of analysis of graphic materials (fixation plans and projects) made it possible to identify the degree of implementation of the fortification objects planned for the project. The use of comparative architectural analysis of fortification elements of fortifications with analogues of the European part of Russia and methods of historical and architectural research (measurement and calculation) made it possible to determine their fortification role and the actual dimensions of fortification elements (the Monastery in Dalmatovo, the Kremlin in Tobolsk). The genesis method made it possible to interpret the ways of origin of the forms of fortification of the studied objects. When comparing the architectural monuments with each other, much in common was found: all fortification objects were built under the influence of the Russian architectural style that developed in domestic defense architecture in the late 15th to 17th centuries; when compared with the fortifications of that time in the European part of Russia, their style was equal to the Kremlin of Moscow and was far

from the principles of bastion fortification, common not only in Western Europe, but also in the European part of Russia (for example, the fortifications of the 16th century in earthen version – the Earthen fortress of Ladoga, the Small Earthen City of Novgorod – and of the first years of the 18th century – the stone Novodvinsk fortress). The methods of formal, compositional and proportional analysis made it possible to pay special attention to the elements of fortification objects and describe their forms and construction solutions. The walls of the stone fortifications of Siberia followed the terrain, in contrast to the regular shape of the fortresses built according to the requirements of the fortification of that time; the number and frequency of towers did not meet the requirements: in the Verkhoturys Kremlin there were only two of them, and in the Dalmatovsky Monastery and the Tobolsk Kremlin they were unevenly distributed in the spans and some of them remained unfinished; the fortifications were not high – about 4.5 to 6 meters – and the height was different; spinnars on steep slopes included various administrative, residential or utility buildings (Kremlin in Tobolsk, Dalmatovsky Monastery), or they had a lower height compared to those on the floor side (Verkhoturys); the width of the spindles did not meet the requirements and at different sites it was about 1.8 m (the spindles of the fortresses of the European part of the country were 3 m wide or more); on the inside of the fortress, the parapets have arches about 3–4 m wide and high, loopholes of the sole fight (Sophia Dvor in Tobolsk), and sometimes sole and middle battles (Verkhoturys Kremlin, Dalmatovsky Monastery).

Keywords: fortification, stone construction, Tobolsk Kremlin, Gostiny Dvor, Verkhoturys Kremlin, Dalmatovsky Monastery

Financial support: The research was funded by RFBR and Tyumen Region, Project No. 20-49-720012/21.

For citation: Nossov, K.S. & Muratova, S.R. (2022) Stone-brick fortification of the end of the 17th – first half of the 18th centuries on the territory of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 104–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/12

Введение

Освоение русскими Сибири происходило быстрыми темпами. К концу XVII в. первопроходцы вышли к Тихому океану и почти вся территория Сибири вошла в состав Русского государства. Для закрепления на новых территориях русские первопроходцы строили различные укрепления. Зимовья, остроги и «города» имели различную конструкцию, из-за чего получали разный статус [1; 2. С. 35–73; 3; 4. С. 171–179; 5]. Но материалом для них неизменно служило дерево, что неудивительно: значительные территории Сибири покрыты лесом, а строить из дерева намного быстрее и проще, чем из камня. Рубить дома из дерева в то время умели почти все мужчины, поэтому построить деревянные укрепления мог любой отряд первопроходцев. Совсем другое дело – каменное или кирпичное строительство. Оно не только сложнее, дороже и требует больше времени, но – главное – тут не обойтись без специалистов-каменщиков. В России долгое время ощущалась нехватка таких специалистов. Недаром для особо масштабных строек, таких как Смоленская крепостная стена рубежа XVI–XVII вв. или возведение Санкт-Петербурга в начале XVIII в., каменных дел мастеров собирали со всей страны и указами запрещали всякое иное каменное строительство. В Сибири же нехватка специалистов-каменщиков чувствовалась особо остро. Для осуществления строек специалистов направляли из столицы. Так, для строительства Софийского двора в Тобольске из Москвы в 1683 г. направили подмастерьев каменных дел Г. Тютин и Г. Шарыпин. Первый так и остался в Тобольске, а последний потом возвратился в столицу, но в 1699 г. вновь вместе со своей артелью был послан в Тобольск для строительства кремля [6. Л. 51; 7. С. 228; 8. С. 187].

Существенный удар по каменному строительству в Сибири нанес указ Петра I 1714 г., запретивший каменное строительство по всей стране, кроме Петербурга. Но еще в 1710 г. царским указом предписывалось со всей страны выслать «на вечное житье» в

Санкт-Петербург 4 750 мастеровых. К 1712 г. число людей разных специальностей, затребованных из Сибирской губернии в Петербург, составило 2 799 человек [7. С. 46, 47]. Для малолюдной Сибири с ее и постоянной нехваткой квалифицированных специалистов ежегодная высылка мастеровых была чрезвычайно тяжелой повинностью, которая не могла не сказаться отрицательно на каменно-кирпичном строительстве. Пётр I снова разрешил строить каменные сооружения по стране только указом от 11 мая 1722 г.

Надо заметить, что особой необходимости в каменной или кирпичной фортификации в Сибири никогда не было. Аборигенное население здесь, как правило, не знало «огненного» боя и не имело артиллерии, что наложило определенный отпечаток на характер русской фортификации в регионе. К особенностям сибирских укрепленных пунктов XVI–XVII вв. можно отнести: 1) почти исключительное применение в фортификации дерева. Земляные и тем более каменные оборонительные сооружения в рассматриваемый период были крайне редкими; 2) относительно слабые укрепления, не предназначенные для обороны от артиллерии; 3) привязанность многих укрепленных поселений к рельефу местности, что для европейской части России было уже днем вчерашним; 4) многоцелевое использование различных построек. XVIII в. внес свои коррективы в размещение и конструкцию укрепленных пунктов Сибири: вместо отдельных острогов и «городков» возникли протяженные линии укреплений, включавшие крепости, форпосты, редуты и маяки [2. С. 31, 73]. Но строились они по-прежнему из дерева или земли, либо из обоих материалов.

Каменное строительство в Сибири развивалось медленно, а каменно-кирпичная фортификация так и не получила здесь широкого распространения, оставшись лишь экзотикой. С.Н. Баландин на начало XIX в. (указывая 1803 г.) насчитал 230 строений из которых только 4 были оборонительными, остальные 115 – культовыми, 37 – административными, 72 – частными [8. С. 196].

В данной работе будут рассмотрены как раз эти редкие исключения – каменно-кирпичные оборонительные сооружения, которые появились в Зауралье и в Западной Сибири в конце XVII – первой половине XVIII в. Подходящие для каменного строительства условия в то время сложились, по словам С.Н. Баландина, на территории первых русских городов – Тюмени, Тобольска, Верхотурья, где основалось плотное земледельческое население, выросли большие по численности города, ставшие центрами русской администрации в Сибири, средоточием сибирского духовенства и торгового купечества [8. С. 174, 175]. Эти же характеристики относятся к причине строительства в Зауралье Далматова монастыря, который быстро оброс слободами по Исети и Течи и где требовалась защита русского населения от притязаний башкир на осваиваемые крестьянами земли.

Основная часть

Памятники каменной (под которой далее мы будем подразумевать и каменно-кирпичную) фортификации конца XVII – первой половины XVIII в. были и частично сохранились в Тобольске, Верхотурье и Далматове. Они и будут рассмотрены ниже в хронологической последовательности их возведения.

Тобольск. Каменное строительство в Сибири началось в Тобольске, бывшем «стольном городе». Первым заказчиком каменных построек выступила церковь. В 1674 г. была заложена «палата первая каменная» митрополита Корнилия, достроенная в 1691 г., а в 1679–1680 гг. строились «каменные кельи» митрополита Павла [7. С. 25–26; 9. С. 34]. Первенцем же среди каменных культовых сооружений Сибири стал возводившийся в 1681–1686 гг. Софийский собор в Тобольске. Но нашей целью является анализ каменной фортификации, поэтому культовые сооружения и общественные постройки мы не будем принимать во внимание. Точное время сооружения каменной крепостной ограды Софийского двора не известно. Святые ворота с церковью Сергия Радонежского, возведенные в 1686–1688 гг., на сегодня не сохранились. Разумеется, в этот период строились и каменные стены Софийского двора. Хотя В.И. Кочедамов не указывает точный период их возведения [9. С. 28, 30]. С.В. Копылова, ссылаясь на документ из фонда РГАДА «портфели Миллера», очерчивает период строительства крепостной ограды предположительно 1681–1699 гг. [7. С. 22].

По В.И. Кочедамову, давшему единственное подробное ее описание, ограда выглядела следующим образом. Она включала семь круглых и две квадратные башни. Башни имели высоту около 17 м, в нижних ярусах были снабжены круглыми бойницами диаметром около 30 см и завершались короной машикулей. Большинство прясел были прямыми, но два южных, следуя изгибам мыса, получили в плане форму входящего угла. О первоначальной высоте прясел можно получить представление по сохранившейся ее части, встроенной в квадратную башню восточной стены. Кочедамов предположил, что они были высо-

той около 9 м. Мы согласимся с С.В. Копыловой, которая считает, что прясла были высотой только 4,3 м [7. С. 22; 9. С. 34]). Ширина стен в нижней части была небольшой: около 1,8 м у прясел и около 1 м у сохранившейся Южной башни. С внутренней стороны прясел устроили арки высотой около 3,6 м и шириной около 4,2 м. Некоторые арки получили бойницы подшошвенного боя. Толщина внешней стены в арках составляла всего около 45 см (1,5 кирпича). Зубцы, завершавшиеся раздвоением в верхней части («ласточкин хвост»), имели высоту 1,9 м, ширину около 1 м и толщину 0,45 м. С внешней стороны стены имели ровную поверхность и были украшены полукруглым валиком под зубцами, а южная стена – возможно, еще рельефными филенками [9. С. 30–34].

Каменные стены кремля взамен многократно горевших деревянных задумали построить еще в 1678 г. Однако к реальному осуществлению этого замысла приступили намного позже. Только после того, как Семён Ремезов подготовил разные проекты, съездил в Москву, где прошел обучение техническим знаниям (и получил некий итальянский архитектурный трактат – «Строения печатная книга фряжская»), проект строительства был утвержден, а Семён Ремезов был назначен руководителем строительства [9. С. 18, 51–52].

По окончательному проекту кремль должен был получить стены протяженностью 229 саж. (487,8 м). С восточной стороны кремлёвские стены примыкали к ограде Софийского двора и Гостиному двору. Непосредственно в кремлевские стены должны были быть встроены культовые и административные здания: Вознесенская церковь в юго-восточном углу и Приказная палата в южной стене. Кроме того, по мнению В.И. Кочедамова, стены должны были получить три круглые башни в западной стене и несколько воротных башен. Среди последних своими размерами и архитектурой выделялась Спасская воротная башня. Она предполагалась восьмигранной, шириной в 9 саж. (19 м) и высотой в 15 саж. (32 м). Ее ворота должны были иметь «запускную решетку», а в двух верхних ярусах, предположительно, размещалась Спасская надвратная церковь. Внутри кремля должны были стоять Воеводский двор и хлебные житницы [9. С. 53].

Следующим фортификационным объектом можно признать построенный по проекту С.У. Ремезова Гостиный двор. По С.В. Копыловой, он начал строиться не позднее 1703 г. и был окончен в 1708 г. [7. С. 32–34]. Гостиный двор первоначально хотели построить на нижнем посаде, куда было проще подвозить товар и где было бы удобнее торговать. Однако в Сибирском приказе увидели возможность сэкономить на дорогом каменном строительстве и предписали строить его рядом с кремлем, «где бы и городской стене было в замену» [7. С. 31–32]. В окончательном проекте Гостиный двор примыкал к стенам кремля и Софийского двора, но при этом сохранил и определенную обособленность, будучи окружен собственными стенами по всему периметру. Он получил четыре круглые угловые башни с машикулями. По мнению В.И. Кочедамова и С.В. Копыловой, он имел две воротные башни [7. С. 34; 9. С. 62], а по мнению Е.П. Загваздина – только одну,

выходящие на запад [10. С. 63]. Но на плане 1762 г. мы видим два входа в Гостиный двор и место примыкания его юго-восточной башни к северной стене Софийского двора [11]. Также мы можем наблюдать, что по проекту

Ремезова не были достроены запланированные ворота в северной стене, но в западной стене на месте запланированной глухой башни были построены ворота и, видимо, была еще и калитка (рис. 1).

Рис. 1. Тобольская крепость в 60-е гг. XVIII в. [10. Л. 181 об.–182]:

А – Тобольская старая крепость и в ней архиерейский дом; В – башни; С – Гостиный двор; D – башни Гостиного двора; Е – губернская канцелярия; F – разваленная церковь; G – ворота, а над ними палаты; H – гауптвахта; I – караульная изба; К – соборная церковь; L – приходские церкви; M – архиерейские палаты в старой крепости; N – соборная колокольня; O – погреб; P – часовня; Q – поварня; R – беседка; S – амбары; T – каменные палаты; U – колодец; V – сады; W – магазины; X – губернаторский двор; Y – лавки торговые; Z – лестница с горы

Закрытые укрепленные гостиные дворы, как в Тобольске, для России того времени были редким исключением. Намного чаще строились неукрепленные гостиные дворы с лавками с внешней стороны. Показательно, что практически одновременно с тобольским строился Гостиный двор в Верхотурье, тоже каменный и примерно тех же размеров и планировки. Однако верхотурский Гостиный двор не имел оборонительной ограды с башнями и его лавки выходили как внутрь двора, так и наружу [12. С. 109–114].

Известно, что к середине XVIII в. Гостиный двор назначенный в Тобольск новый губернатор Ф.И. Соймонов застал в запустении. Здесь не было купцов, вместо них разместились «татарская комиссия», словесный суд и колодники. В подвалах стояла вода. По указанию нового губернатора был проведен ремонт, после чего помещения Гостиного двора использовали по назначению – аренда их приезжими купцами стала приносить городу прибыль [7. С. 35]. Известно, что здание пострадало во время пожара 1788 г. До наших дней здание уже дошло в несколько измененном виде. Это отметили в своих исследованиях В.И. Кочедамов, а вслед за ним и С.В. Копылова [2. С. 160; 7. С. 36].

Когда же строились кремлевские стены, остается неясным. Не известны ни дата начала, ни дата окончания работ. Исследователи обычно ограничиваются

указанием на активизацию строительства кремлевских стен после прибытия в Тобольск в 1711 г. губернатора М.И. Гагарина, который привлек к работам более 300 пленных шведов [8. С. 189; 9. С. 64]. Указ Петра I от 1714 г., запрещавший каменное строительство по всей стране, кроме Петербурга, безусловно, повлиял и на строительство Тобольского кремля. Но о степени влияния исследователи порой придерживаются противоречивых мнений. К примеру, В.И. Кочедамов в одной работе отметил, что после этого указа всякое каменное строительство в Тобольске прекратилось на 20 лет [9. С. 102], а в другой предположил, что «юго-западная и северная крепостные стены с одной глухой и одной проезжей Нязевской башней, видимо, по особому разрешению были построены в 1715 г.» [2. С. 161]. С.В. Копылова своей монографии отметила, что после указа 1714 г. «все работы вскоре были свернуты» [7. С. 47], но в другом месте сообщила о сооружении в 1714–1717 гг. Дмитриевских ворот (Рентереи), при этом обтекаемо указав, что была в это время сооружена «часть крепостной стены и несколько башен» [7. С. 37]. С.Н. Баландин связывал окончание строительства в Тобольском кремле с катастрофой 1717 г., когда неожиданно рухнула почти достроенная Вознесенская церковь. Он неубедителен, утверждая, что стены кремля так и остались недостроенными, и указывая на законченность только

двух башен на западной стороне (одна – воротная, другая – глухая) [8. С. 190].

План Тобольска 1762 г. [10. Л. 181об.–182] и «генеральный план центра Тобольска по состоянию на 1717 г.», предоставленный В.В. Кирилловым [13. С. 110], между собой идентичны. Происхождение плана Тобольска 1717 г. В.В. Кириллова не совсем понятно, так как он не делает ссылку и не указывает его происхождение. Но мы можем отметить, что планы крепостей и карты в те времена, при отсутствии существенных изменений, копировались. Поэтому можно предположить, что план 1762 г. был скопирован с «неизвестного» плана 1717 г. Можно считать, что к 1717 г. стены кремля были закончены. Недостроенными остались лишь воротные комплексы в северной стене. К тому же в более поздней своей работе В.В. Кириллов указывает, что стены кремля были закончены к 1717 г., и связывает окончание строительства и незаконченность воротных комплексов в северной стене и южных ворот с отъездом М.П. Гагарина по причине начала над ним следствия [14. С. 47–48].

Через Тобольск прошли практически все экспедиции и посольства, которые направлялись на Восток. В своих дневниковых записях участники этих предприятий оставили следующие описания города. К примеру, участник посольства Л.И. Измайлова в Китае (1719–1722) Георг Иоганн Унферцагт, художник и гравер, посетивший Тобольск в декабре 1719 г., оставил после себя не только изображения Тобольска [15. С. 77–110], но и воспоминания о каменных строениях, в которых говорится: «...дом губернатора расположен на горе, там же приказ, или ратуша, монастырь, где живет архиерей, гостиный двор и т.д. И все они каменные и обнесены красивой стеной» [16. С. 561]. Другой участник этого же посольства Джон Белл, шотландец по происхождению, отметил о Тобольске следующее: «Стоит он на высоком месте берега реки Тобола. Стены его вымазаны известью, что, присовокупя к вызолоченным крестам и главам церковным, составляет весьма прекрасный вид... Тобольск укреплен кирпичною стеною с четверугольными башнями и бастионами по разстояниям и снабден множеством военных снарядов. Внутри города находятся губернаторския палаты, разные казенныя строения, многия церкви, построенныя из кирпича, между прочим, соборная и архиепископския палаты. Улица от стены, а особливо к полуденной стороне, прекраснее всех прочих» [17. С. 500–501].

Исходя из этих записей, можно было предположить, что все-таки стены Тобольского кремля были выстроены между 1711–1715 гг., но в «Записках» Лоренца Ланга, который впервые побывал в Тобольске в январе 1716 г., по пути в Пекин, куда его отправил Петр I, говорится: «27-го [мы приехали в] главный город Сибири – Тобольск. Он расположен на высокой горе и окружен кирпичной стеной. Внутри стены находится монастырь с церковью, за укреплением тоже выстроены церкви, и это придает городу чрезвычайно

красивый вид» [18. С. 488–489]. Его записи можно расценивать как описание Софийского двора, так как он не упоминает, кроме церковных зданий, кирпичные здания второй части кремля. Поэтому мы считаем, что стены кремля остались такими, какими они были возведены к 1717 г., и согласимся в предположении В.В. Кириллова об окончании строительства кремля в связи с отъездом М.П. Гагарина.

Даже несмотря на то, что мы не знаем даты начала строительства стен, можно согласиться с мнением С.В. Копыловой, что оно осуществлялось на завершающем этапе возведения кремлевского ансамбля, после того как были построены административные и культовые здания. По мнению исследователей, это говорит о том, что еще в процессе строительства ансамбль кремля утратил военно-оборонительное значение и стал прообразом административного центра русского города [7. С. 37–38; 19. С. 65]. Это подтверждает и отказ от строительства отводной башни южных ворот с несколькими мостами под горой, рекомендованной еще в 1698 г. Сибирским приказом и описание Тобольска, данное в документе 1774 г., где сказано: «...а как укрепление его без правила фортификации, почему и не можно назначить потребнаго числа воиска к обороне его» [20. Л. 11об.].

К моменту остановки каменного строительства ансамбль Тобольского кремля состоял из двух огражденных стенами частей, светской и духовной: собственно кремля в западной части и Софийского двора в восточной части. Однако до наших дней стены собственно кремля не сохранились, и сегодня кремлем называют комплекс зданий Софийского двора вместе с расположенным рядом укрепленным Гостиным двором. Но и ограда Софийского двора по большей части представляет собой результат работы советских реставраторов. Более или менее оригинальными можно считать только Южную башню, нижнюю часть Павлинской башни и небольшой фрагмент восточного прясла [21. С. 424–427]. Столь плохая сохранность оригинальных частей памятника затрудняет его архитектурный анализ. На фотографиях, сделанных в 80-е гг. XIX в., видно, что южная стена Тобольского кремля в первоначальном виде уже не существовала, сохранилась лишь ее юго-восточная часть (рис. 2, 3).

Верхотурье. Основанный в 1598 г. город имел важное значение: через него проходила Бабинова дорога, объявленная единственным официальным путем в Сибирь. Другие дороги были перекрыты завалами и строго контролировались. Транзит большого количества грузов приносил хорошие таможенные сборы, что способствовало процветанию и быстрому росту Верхотурья. Как и в других сибирских городах, первые укрепления города были деревянными и не раз перестраивались. После очередного пожара (в 1690 г.) воевода К.П. Козлов обратился в Сибирский приказ с предложением не восстанавливать деревянные укрепления, а строить каменный город [2. С. 91–93].

Рис. 2. Вид на Тобольский кремль. Южная стена отсутствует. Фотография В.Л. Туленкова. 1880-е гг. [22]

Рис. 3. Вид на Тобольский кремль с юго-востока. Фотография Ф.С. Ляхмайера. 1880-е гг. [22]

5 августа 1696 г. Пётр I подписал грамоту о строительстве каменного кремля в Верхотурье. Из Москвы прислали «чертеж и описание особое», в котором подробнейшим образом было описано, как вести строительство: как делать свайные основания, как тесать камень, как забутовывать стены, как замазывать наружные плоскости стен известью, что кирпичные своды следует делать только над первым этажом церкви, в остальных крепостных постройках ярусы перекрывать «накатными потолками». Для изготовления кирпича и извести, а также производства работ в Верхотурье направили 22 московских мастера. Во главе этой артели стоял Тимофей Гусев. По мнению В.И. Кочедамова, это были мастера, освобожденные от постройки Софийского двора в Тобольске. В их задачу входило не только осуществлять строительные работы, но и научить самих верхотурцев возводить каменные здания [2. С. 164; 8. С. 190, 191].

С.Н. Баландин приводит следующую последовательность возведения кремлевского ансамбля в Верхотурье: строительство началось в 1699 г. с постройки больших каменных амбаров, в 1700 г. была построена приказная палата, в 1701 г. – воеводский дом, затем были выстроены стены с башнями и Гостиный двор, а Соборная Троицкая церковь строилась с 1703 по 1709 г. К 1712–1714 гг. кремль в Верхотурье был завершен, и мастера стали уезжать на стройки в другие города Сибири [8. С. 191–192]. В.И. Кочедамов относит начало возведения стен к 1700 г. [2. С. 164], но хронологическую последовательность не рассматривает.

Верхотурский кремль поставили на скальном выступе на берегу р. Туры, на Троицком камне. Самой высокой была северная стена, выходившая на овраг р. Свяги. Западная стена проходила по краю крутого обрыва и ввиду хорошей естественной защищенности была относительно невысокой [2. С. 162–163]. Кремль получил лишь две башни. Это восьмигранные сооружения, почти не возвышающиеся над прилегающими пряслами. Башни поставили по краям хорошо защищенной крутым обрывом западной стороны вдоль р. Туры. А наиболее опасная восточная сторона, выходившая на пологую местность и торговую площадь, получила двое ворот, но ни одной башни. Такое размещение башен свидетельствует о небоевой, а исключительно репрезентативной функции кремлевских стен. Башни поставили не там, где они могли бы оказать помощь в обороне, а там, где они были видны издали, являясь высотными доминантами кремлевского ансамбля. О небоевом характере кремлевских стен свидетельствуют также богато декорированные и лишённые защиты воротные арки и встроенный в восточную стену между воротами пышно декорированный неукрепленный Троицкий собор с колокольней.

В дневниках иностранцев, проезжавших через Верхотурье, сохранились хотя и скудные, но некоторые записи. К примеру, Лоренц Ланг, проезжавший через город в январе 1716 г., записал: «20-го утром – в Верхотурье. Этот город довольно большой... Он укреплен несколько лучше, чем другие» [18. С. 488]. Другой иностранец, Джон Белл записал в своем днев-

нике следующее: «Город Верхотурье расположен на приятной зрению вышине и укреплен ровом и тыном. Управляется он коммендантом, начальствующим над гварнизонам, состоящим из несколько регулярных войск и козаков» [17. С. 499]. Г.И. Унферцагт дает более подробное описание: «В этом городе есть каменная стена, за ней живет комендант и выстроен каменный приказ, или ратуша. В городе есть также красивый каменный цейгауз и каменные церкви. Здесь почитается за редкость, если у кого-то есть каменный дом или же имеется каменное строение» [16. С. 560].

Далматовский монастырь. Успенская Далматова пустынь положила начало русскому расселению в Южном Зауралье, став первым русским населенным пунктом в этом регионе [23. С. 5, 6]. Основанный в 1644 г. Далматовский монастырь поначалу имел деревянные крепостные стены, окончательно погибшие в пожарах 1707–1708 гг. Еще основатель этого монастыря – монах Далмат (бывший тобольский казак Дмитрий Иванович Мокринский) – лелеял мечту о перестройке монастырских зданий в камне по образцу Софийского двора в Тобольске. Но Далмат скончался в 1697 г., а разрешение на каменное строительство было получено только в начале XVIII в. [2. С. 171–172].

Монастырский комплекс огражден крепостными стенами, в плане напоминающими неправильный шестиугольник. Каменные стены охватили большую территорию, чем предшествующие деревянные. По В.И. Кочедамову, хронология строительства каменных крепостных стен выглядит следующим образом. Их возведение началось в 1713 г. с восточных (Святых) ворот монастыря и затянулось на полстолетия. Северо-западная стена с Красным бастионом строилась в 1724 г., юго-восточная стена с двумя башнями и воротами – в 1727–1728 гг. По описи 1731 г. стена все еще была «в недострое». От Святых ворот до Красного бастиона стену завершали «щиты» (зубцы), а стена влево от Святых ворот до угловой башни «щитов» не имела (их построили только в 1841 г.). Вдоль берега р. Исети и оврага каменной стены на момент составления описи не было вовсе, вместо нее стоял деревянный забор в кирпичных столбах. Все три угловые башни оставались недостроенными. В 1732 г., опасаясь восстания башкир и вторжения киргизов, спешно приступили к усилению оборонно-способности монастыря: вырыли рвы, поставили надолбы и рогатки, доделывали каменные стены. Забор вдоль берега наконец-то заменили каменной стеной, но без бойниц и боевого хода, а зубцы поставили только на участке у оврага. Новый этап строительных работ приходится на 1766–1777 гг., когда достроили надвратную Богословскую церковь и обе угловые башни южной стены [2. С. 172–175].

Сегодня крепостная стена ограждает монастырь со всех сторон, кроме южной и юго-западной (рис. 4). На этих участках границы монастыря образуют здания братского корпуса, трапезной и другие хозяйственные постройки. Крепостная стена изнутри снабжена арками (шириной и высотой около 3 м), поверх которых проходит боевой ход (ширина 1,8 м).

Рис 4. Далматовский монастырь с высоты птичьего полета с северо-восточной стороны. Фотография К.С. Носова

В каждой арке устроено по две бойницы – подошвенного и среднего боя. Каждая из этих бойниц находится в нише (ширина и высота около 1 м). Сами отверстия бойниц небольшие, их примерные размеры: изнутри 25 см ширины и 20 см высоты, снаружи 10 см ширины и 15 см высоты. Каждая бойница закрывалась ставней и запиралась брусом сечением примерно 10×10 см. Если подошвенным боем пользовались с земли, то к бойницам среднего боя были устроены деревянные помосты, укладывавшиеся на выступы пилонов, устроенные на высоте 1,8 м от современной дневной поверхности. Толщина прясел невелика: с пилонами она доходит до 175 см, а без пилонов (в арках) составляет всего 1,0 м. Высота стен до боевого хода около 4,5 м. Снаружи боевой ход огражден зубцами с раздвоением в верхней части («ласточкин хвост»). Зубцы довольно низкие (1,5–1,8 м) и узкие (ширина 85 см, толщина 70 см). Промежуток между зубцами составляет всего 20 см. Зубцы опираются на консольные выступы кирпичной кладки, между которыми образуются скошенные вниз машикули шириной 20 см (все замеры авторские).

Юго-Западная башня представляет собой восьмирик на четверике, завершается восьмигранным кирпичным шатром, маковкой с яблоком и флюгером, на котором значился год постройки сооружения. Выполняла наблюдательно-сторожевые функции.

Юго-Восточная башня восьмигранная, имеет высоту более 21 м (10 саж.). Она также выполняла сторожевые функции, так как с нее хорошо просматривалась вся окружающая местность. Башня трехъярусная, хотя по старым описям значится как «двухъярусная» [24], т.е. двухъярусная (возможно, только два яруса из

трех были жилыми). По В.И. Кочедамову, башня имеет три яруса, но только «два ряда боевых отверстий» [2. С. 175–176]. Видимо, один из ярусов исследователь считал небоевым. На каждой грани, за исключением двух, обращенных во двор монастыря, устроено по окну-бойнице, которые в большинстве случаев круглые (диаметр 30–40 см). Первый ярус перекрыт кирпичным сводом, а снаружи отделен от остальных узорчатым карнизом. Остальные ярусы имели балочные перекрытия. Сообщение между ярусами осуществлялось по кирпичной внутристенной лестнице. Завершается башня шатром с 8 окошками.

Башни северной стены – Северо-Западная башня (так называемый Красный бастион) и Северо-Восточный бастион – не были завершены. В северо-западном углу был построен четверик и на нем – часть восьмерика. Из-за некогда украшавшего сооружение великолепного кирпичного орнамента эта башня получила название Красный (Красивый) бастион. Недостроенная башня хорошо видна на одной из фотографий С.М. Прокудина-Горского 1912 г. Однако позднее башня была разрушена, и сегодня на месте Северо-Западной башни можно видеть лишь выступ стены.

Северо-Восточная башня, или бастион, получил только четверик высотой с примыкающие прясла, остальное построено не было. По количеству бойниц он именовался еще Шестипушечным бастионом – в его внешних стенах устроено 6 круглых бойниц. В плане это четырехугольное сооружение («четверик с зубцами»), направленное углом наружу так, что образуется подобие бастиона (небольшие фланки и открытость с горжи усиливают сходство).

Рис. 5. Северо-западное прясло Далматовского монастыря, вид изнутри. Фотография К.С. Носова

Каменные крепостные стены Далматовского монастыря (см. рис. 5), единственного из каменных сооружений Сибири, подверглись испытанию боем: монастырь выдержал осады во времена дубинщины 1762–1764 гг., пугачевщины 1774 г. и картофельного бунта 1842 г.

Сравнительный архитектурный анализ

При сравнении рассмотренные выше памятники обнаруживают много общего. Все они построены на принципах еще башенной фортификации в архитектурном стиле, сложившемся на Руси в конце XV – XVII вв. В них не нашли воплощения принципы бастионной фортификации, к тому времени уже давно и хорошо известной не только в Западной Европе, но и в России: по крайней мере, с 1580-х гг. в земляном (Земляная крепость Ладоги, Малый Земляной город Новгорода), а с первых лет XVIII в. в каменном исполнении (Новодвинская крепость).

При выборе места для вышеописанных памятников максимально использовался рельеф местности. Ставили их на скальном мысу на берегу рек. Вполне вероятно, делалось это не столько из военных соображений, сколько для представительского виду. Стены оград следовали краям обрывов, ввиду чего планировка оград порой весьма причудлива. Но стены между башнями (прясла) все же в соответствии с фортификационными принципами старались спрямлять, хотя здесь были и исключения.

Башен было немного. Наибольшее их число получила ограда Софийского двора в Тобольске, а наименьшее – Верхотурский кремль. В последнем их всего две, причем поставили их совсем не там, где требовали принципы обороны. По форме башни строили восьмигранными (Верхотурский кремль, Далматовский монастырь), «восьмерик на четверике» (Далматовский монастырь), круглыми и квадратными (Тобольск). Башни нередко получали круглые бойницы (Софийский двор в Тобольске, Далматовский монастырь).

Прясла имели разную высоту, но в целом были невысокими – около 4,5–6 м. Расположенные над крутыми склонами прясла порой включали разные административные, жилые или хозяйственные здания (Тобольский кремль, Далматовский монастырь) или они имели меньшую высоту в сравнении с теми, что находились с напольной стороны (Верхотурье). По сравнению с крепостями в европейской части страны, где толщина прясел, как правило, превышала 3 м [4. С. 142], рассмотренные памятники имеют весьма тонкие прясла – толщина всего около 1,8 м. Но они также снабжены изнутри арками (шириной и высотой около 3–4 м) и имеют бойницы только подошвенного (Софийский двор в Тобольске), а иногда подошвенного и среднего боев (Верхотурский кремль, Далматовский монастырь).

Ворота во всех памятниках имели символически-декоративный характер и не соответствовали требованиям фортификационной науки. Они представляли собой либо простые воротные арки, устроенные рядом со встроенным в ограду собором или церковью (Верхотурский кремль, Далматовский монастырь), либо надвратная цер-

ковь размещалась прямо над воротной аркой (Тобольск). В любом случае не приспособленные к обороне ворота и церкви свидетельствуют о небоевом характере оград.

Завершались прясла, а иногда и башни, зубцами в форме «ласточкин хвост», т.е. раздвоением в верхней части. Зубцы такой формы были привнесены итальянскими зодчими в конце XV в. и впервые появились на стенах и башнях Московского и Новгородского кремлей. В России они приобрели новый политический смысл – стали символом принадлежности к Московии [25. С. 40–59]. И позднее, вплоть до XVIII в., памятники башенной фортификации, возводившиеся уже исключительно русскими зодчими, получали зубцы именно такой формы. Не стали исключением и рассмотренные выше памятники Западной Сибири, где зубцы такой формы по сравнению с памятниками европейской части страны имели более скромные размеры: они весьма узкие и невысокие.

Зубцы выносили на консольных выступах так, что в промежутке между ними образовывались машикули. В некоторых памятниках машикули есть на башнях и пряслах (Верхотурский кремль), в других – только на башнях (Софийский и Гостиный дворы в Тобольске), в третьих – только на пряслах (Далматовский монастырь).

Помимо зубцов в форме «ласточкин хвост», некоторые ограды имеют дополнительные декоративные элементы: полукруглый валик и прямоугольные наличники с треугольным фронтоном (ограда Софийского двора и Гостиный двор в Тобольске), профилированные розетки (ограда Софийского двора в Тобольске и Далматовский монастырь), ряды поребрика (Гостиный двор в Тобольске).

Заключение

Каменное и кирпичное строительство в Сибири началось значительно позже, чем в европейской части России, лишь в последней четверти XVII в. И первыми такими постройками были не оборонительные сооружения, а гражданские и культовые. Крепостные ограды строились в последнюю очередь и в ряде памятников ограды так и остались недостроенными: в Далматовском монастыре не достроили завершения двух башен и некоторых прясел, в Тобольском кремле остались незавершенными воротные системы в северной стене и южные ворота – Дмитриевские. Такое отношение к оборонительным оградам объясняется в первую очередь отсутствием в первой половине XVIII в. реальной военной опасности в регионе.

Немаловажным достоинством каменно-кирпичных оград считалась их устойчивость к огню, ведь большинство деревянных крепостных стен погибло при пожарах, столь часто опустошавших русские города и сибирские в частности. Однако дороговизна каменно-кирпичного строительства и нехватка специалистов не позволили таким сооружениям получить широкое распространение в регионе и вытеснить деревянные ограды.

Основное предназначение каменно-кирпичных крепостных оград в Сибири видели в их репрезентативной функции. Отсюда равнение на образцы из европейской части страны, в первую очередь на Московский Кремль конца XV в., Смоленскую крепостную стену рубежа XVI–XVII вв. и монастырские ограды XVII в.

Список источников

1. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974. С. 7–37.
2. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. Москва, 1978. 190 с.
3. Носов К.С. Сибирские «города», остроги и зимовья в XVII в.: терминология и строительные традиции // Из кузнецкой старины. Вып. 3. Новокузнецк, 2012. С. 148–157.
4. Носов К.С. Русские средневековые крепости. М., 2019. 304 с.
5. Муратова С.Р. Основание города Тобольска и особенности его долговременных укреплений в конце XVI–XVII вв. // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып. 4: Исторические науки : темат. сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Татарникова. Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2014. С. 6–21.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Д. 1377.
7. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII–XVIII в. Новосибирск, 1979. 255 с.
8. Баландин С.Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 174–196.
9. Кочедамов В.И. Тобольск (Как рос и строился город). Тюмень, 1963. 156 с.
10. Загваздин Е.П. Материалы к истории Гостиного Двора Тобольска // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 2. С. 61–68.
11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 958.
12. Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные и функциональные особенности верхотурского гостиного двора (XVII–XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 109–114.
13. Кириллов В.В. Постройки Семёна Ремезова в Тобольске (Приказная палата и Дмитриевские ворота Тобольского кремля) // Архитектурное наследие. 1962. Т. 14. С. 109–124.
14. Кириллов В.В. Тобольск. М. : Искусство, 1984. 239 с.
15. Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост.: Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев ; под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб. : Нестор-История, 2019. 312 с.
16. Записки Г.И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке / пер. с нем. Т.К. Шафрановской. М. : Наука, 1978. Т. 1. С. 556–585.
17. Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке / пер. с нем. Т.К. Шафрановской. М. : Наука, 1978. Т. 1. С. 498–554.
18. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин в 1715–1717 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке / перевод с нем. яз. Т.К. Шафрановской. М. : Наука, 1978. Т. 1. С. 488–498.
19. Кириллов В.В. Ансамбль Тобольского кремля (Опыт создания общегородского публичного центра раннепетровского времени) // Русское искусство первой четверти XVIII века. М. : Наука, 1974. С. 53–67.
20. РГА ВМФ. Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 938.

21. Носов К.С., Муратова С.Р., Балунов И.В. Оборонительные стены Тобольского кремля: историко-архитектурный очерк // Научный диалог. 2021. № 8. С. 424–427.
22. Тобольский кремль – музейный ансамбль. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. URL: <https://tiamz.ru/home-rus/tobolskij-kreml-muzejnij-ansambl.html> (дата обращения: 25.07.2022).
23. Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск, 2011. С. 5, 6.
24. Государственный архив в г. Шадринске. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3113. Л. 8. URL: https://www.kurgangen.ru/Istochniki/Dokumets_Dalmato/Opisanie_stroeny (дата обращения: 21.07.2022 г.).
25. Носов К.С. Парпет русских кремлей «в итальянском стиле» конца XV – первой трети XVI века // Архитектурное наследство. Вып. 75. СПб.: Коло, 2021. С. 40–59.

References

1. Balandin, S.N. (1974) Oboronnaya arkhitektura Sibiri v XVII v. [Defense architecture of Siberia in the 17th century]. In: *Goroda Sibiri* [Cities of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 7–37.
2. Kochedamov, V.I. (1978) *Pervye russkie goroda Sibiri* [The First Russian Cities of Siberia]. Moscow: Stroyizdat.
3. Nosov, K.S. (2012) Sibirskie “goroda”, ostrogi i zimov’ya v XVII v.: terminologiya i stroitel’nye traditsii [Siberian “cities”, prisons and winter huts in the 17th century: terminology and building traditions]. In: *Iz kuznetskoy stariny* [From the Kuznetsk Antiquity]. Vol. 3. Novokuznetsk: Poligrafist. pp. 148–157.
4. Nosov, K.S. (2019) *Russkie srednevekovye kreposti* [Russian Medieval Fortresses]. Moscow: Yauza.
5. Muratova, S.R. (2014) Osnovanie goroda Tobol’ska i osobennosti ego dolgovremennykh ukrepleni v kontse XVI–XVII vv. [The foundation of the city of Tobolsk and the features of its long-term fortifications at the end of the 16th–17th centuries]. In: Tatarnikova, A.I. (ed.) *Trudy Tobol’skoy kompleksnoy nauchnoy stantsii UrO RAN* [Proceedings of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 4. Tobol’sk: Tobolsk Complex Scientific Station of UB RAS. pp. 6–21.
6. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA) Fund 214. File 1377.
7. Kopylova, S.V. (1979) *Kamennoe stroitel’svo v Sibiri: Konets XVII–XVIII v.* [Stone Construction in Siberia: the end of the 17th–18th centuries] Novosibirsk: Nauka.
8. Balandin, S.N. (1981) Nachalo russkogo kamennogo stroitel’sva v Sibiri [The beginning of Russian stone construction in Siberia]. In: *Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka* [Siberian Cities of the 17th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 174–196.
9. Kochedamov, V.I. (1963) *Tobol’sk (Kak ros i stroilsya gorod)* [Tobolsk (How the city grew and was built)]. Tyumen: Tyumenskoe knizhnoe izdatel’svo.
10. Zagvazdin, E.P. (2014) Materialy k istorii Gostinogo Dvora Tobol’ska [Materials for the history of the Gostiny Dvor of Tobolsk]. *Balandinskie chteniya*. 2 (9). pp. 61–68.
11. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 3/I. List 23. File 958.
12. Lyutsidarskaya, A.A. & Maynischeva, A.Yu. (2009) Arkhitekturno-stroitel’nye i funktsional’nye osobennosti verkhotur’skogo gostinogo dvora (XVII–XVIII vv.) [Architectural, construction and functional features of the Verkhoturys Gostiny Dvor (17th–18th centuries)]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. 4 (25). pp. 109–114.
13. Kirillov, V.V. (1962) Postroyki Semena Remezova v Tobol’ske (Prikaznaya palata i Dmitrievskie vorota Tobol’skogo kremlya) [Semyon Remezov’s Buildings in Tobolsk (Prikaznaya Chamber and Dmitrievsky Gates of the Tobolsk Kremlin)]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 14. pp. 109–124.
14. Kirillov, V.V. (1984) *Tobolsk*. Moscow: Iskustvo. (In Russian).
15. Basargina, E.Yu. (ed.) (2019) *Pervyy issledovatel’ Sibiri D.G. Messerschmidt: Pis’mo i dokumenty. 1716–1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
16. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese Relations in the 18th Century]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 556–585.
17. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese Relations in the 18th Century]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 498–554.
18. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (1978) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke* [Russian-Chinese Relations in the 18th Century]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 488–498.
19. Kirillov, V.V. (1974) Ansambl’ Tobol’skogo kremlya (Opyt sozdaniya obshchegorodskogo publichnogo tsentra rannepetrovskogo vremeni) [Ensemble of the Tobolsk Kremlin (The experience of creating a city-wide public center of the early Peter the Great time)]. In: Alekseeva, T.V. (ed.) *Russkoe iskustvo pervoy chetverti XVIII veka* [Russian Art of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow: Nauka. pp. 53–67.
20. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 3/I. List 23. File 938.
21. Nosov, K.S., Muratova, S.R. & Balyunov, I.V. (2021) Oboronitel’nye steny Tobol’skogo kremlya: istoriko-arkhitekturnyy ocherk [Defensive Walls of the Tobolsk Kremlin: Historical and Architectural Essay]. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 424–427.
22. Tobol’skiy istoriko-arkhitekturnyy muzej-zapovednik [Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve]. (n.d.) *Tobol’skiy kreml’ – muzeyny ansambl’* [Tobolsk Kremlin, museum Ensemble]. [Online] Available from: <https://tiamz.ru/home-rus/tobolskij-kreml-muzejnij-ansambl.html>. (Accessed: 25.07.2022).
23. Samigulov, G.Kh. (2011) *Ot Dalmatova monastyrja do Chebarkul’skoy kreposti* [From the Dalmatov Monastery to the Chebarkul fortress]. Chelyabinsk: Kniga. pp. 5–6.
24. State Archive in Shadrinsk. Fund 224. List 1. File 3113. Page 8. [Online] Available from: https://www.kurgangen.ru/Istochniki/Dokumets_Dalmato/Opisanie_stroeny. (Accessed: 21.07.2022).
25. Nosov, K.S. (2021) Parapet russkikh kremley “v ital’yanskoy stile” kontsa XV – pervoy treti XVI veka [The parapet of Russian kremlins “in the Italian style” of the end of the 15th – first third of the 16th centuries]. In: Bondarenko, I.A. (ed.) *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. Vol. 75. Saint Petersburg: Kolo. pp. 40–59.

Информация об авторах:

Носов К.С. – д-р ист. наук, директор Центра изучения истории фортификации (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал Центрального научно-исследовательского и проектного института Минстроя России) (Москва, Россия); научный сотрудник Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: konstantin_nosov@yahoo.com

Муратова С.Р. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: s.r.muratova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.S. Nossov, Dr. Sci. (History), director of the History of Fortification Study Centre (Moscow, Russian Federation); leading research fellow of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Research and Design Institute of the RF Ministry of Construction, Housing and Utilities (Moscow, Russian Federation); researcher of the University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: konstantin_nossov@yahoo.com

S.R. Muratova, Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of History, Law, Socio-Economic Disciplines and Teaching Methods, University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: gaisulka@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.08.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 03.08.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 94(470.1).084.3:631
doi: 10.17223/15617793/485/13

Математические отражающие ретрансляции восстановительных процессов в животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России в начале 1920-х гг.

Василий Анатольевич Саблин¹, Светлана Валентиновна Тимошина²

¹ Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, sablin@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4639-3981

² Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, timohina68@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4675-1005

Аннотация. Предпринята попытка междисциплинарного изучения животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России с подкреплением его достоверными статистическими маркерами происходящих процессов. Массивы цифровых данных с валидной целью и задачам исследования ретроспективной глубиной подвергнуты статистической обработке с применением корреляционного анализа. Проанализированы факторы, которые влияли на организационные основы ведущих отраслей крестьянского производства.

Ключевые слова: новая экономическая политика, крестьянская парцелла, животноводство, поголовье скота, возрастная структура стада, параметры хозяйства, эффективность производства

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238).

Для цитирования: Саблин В.А., Тимошина С.В. Математические отражающие ретрансляции восстановительных процессов в животноводческой отрасли крестьянского двора на Европейском Севере России в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 116–123. doi: 10.17223/15617793/485/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/13

Mathematical reflective relays of restorative processes in the livestock sector of the peasant household in the European North of Russia in the early 1920s

Vasily A. Sablin¹, Svetlana V. Timoshina²

¹ Vologda State University, Vologda, Russian Federation, sablin@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4639-3981

² Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation, timohina68@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4675-1005

Abstract. This article is an attempt at an interdisciplinary study of the livestock sector of the peasant household in the European North of Russia, supported by its reliable statistical markers of ongoing processes. Arrays of digital data with valid goals and objectives of the study with a retrospective depth were subjected to statistical processing using correlation analysis. The cross-sectional analysis covered data on a variety of studied factors (the number of farm animals in households ranked by species composition of livestock, age groups and the number of heads, crop areas ranked by their size, the proportion of farms with or without their own hired workers, the presence of fishing activities, volumes of field and sown areas, as well as the numerical expression of comparable indicators in intersectoral relationships, including: per farm, per 100 capita, per horse, horses and cows per farm, etc.). The factors that influenced the organizational foundations of the leading branches of peasant production are analyzed. The question is raised about the nature of changes in the number and sex and age structure of the herd of the peasant economy during the years of the New Economic Policy. Particular attention is paid to the issues of the qualitative state of the livestock and changes in the repair base of livestock breeding. The dependence of the livestock of a peasant household on the size of the crop, the availability of workers and meadow areas has been revealed. At the same time, it is noted that the completion of the restoration processes in animal husbandry did not lead to qualitative changes in the economic structure of the northern village, the basis of which was a small parcel closed within the framework of subsistence production. The patterns identified by the authors can serve as an incentive for a further study of applied sectors of the na-

tional economy in the European North of Russia (development of the processing industry, trade, fodder production, transport networks, light industry, animal science, veterinary medicine, etc.).

Keywords: new economic policy, peasant parcel, animal husbandry, livestock, age structure of herd, farm parameters, production efficiency

Financial support: The article was prepared within the framework of the project “Agriculture in the context of the modernization of the European North of Russia in the 1920–1930s”, supported by the Russian Foundation for Basic Research (No. 20-09-00238).

For citation: Sablin, V.A. & Timoshina, S.V. (2022) Mathematical reflective relays of restorative processes in the livestock sector of the peasant household in the European North of Russia in the early 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 116–123. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/13

Проблема модернизационного потенциала крестьянской экономики, являвшаяся предметом острых политических дискуссий конца 1920-х гг., и сегодня составляет одну из важнейших тем крестьяноведческих исследований. В статье эффективность животноводческой отрасли крестьянского хозяйства в начальной стадии нэпа рассмотрена применительно к условиям обширного гомогенного пространства Европейского Севера России.

Масштабная аграрная революция 1917–1921 гг. охватила всю страну, важнейшим следствием которой стала социально-экономическая нивелировка крестьянских дворов и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу.

В начале 1920-х гг., по окончании Гражданской войны начинается постепенное возрождение экономики крестьянского двора и в частности его животноводческой отрасли. В отечественной историографии использованы многие, как правило, описательные методы обработки статистических данных, отражающих процессы трансформации животноводческой отрасли в 1920-е гг.

В данном исследовании впервые предпринята попытка обработки цифровых показателей на основе соответствующей презентации характерных прецизи-

онных статистических отражающих ретрансляции изучаемых процессов. Статистические базы данных были обработаны способом корреляционного анализа в различных отображениях (натуральном, процентном, долевым, темпорально-хронологическом с определением средних величин, лимитов, стандартного отклонения, значения, силы и вектора корреляционных связей), что позволило выявить все нюансы и сложности процессов восстановления скотоводческой отрасли крестьянской парцеллы на Севере Европейской России в начальной стадии нэпа.

Смена экономического курса властей в начале 1920-х гг. позитивно сказалась на состоянии животноводческой отрасли в регионе. Анализ представленных в табл. 1 показателей динамики численности скота в регионе, полученных волостными статистиками на основе 6,5%-ной выборки хозяйств за 1916–1924 гг. [1. С. 200–201], дает основание для выводов, что в 1924 г., за исключением Карельской АССР, численность рабочего скота и коров фактически повсеместно превысила показатель 1916 г. [2. С. 48].

Наиболее заметными темпами этот процесс проходил в Архангельской губернии. В тоже время поголовье коз и овец в этой губернии и Карелии, восстанавливалось сравнительно медленно.

Таблица 1

Численность скота на Европейском Севере России в 1916–1924 гг. в границах 1924 г., тыс. голов

Скот	Год	Карельская АССР		Архангельская губ.		Коми АО		Вологодская губ.		Северо-Двинская губ.		Потребляющие губернии
		всего	% к 1916 г.	всего	% к 1916 г.	всего	% к 1916 г.	всего	% к 1916 г.	всего	% к 1916 г.	
Лошади	1916	33,4	100,0	51,9	100,0	39,1	100,0	170,2	100,0	116,0	100,0	100,0
	1923	28,6	85,6	55,2	107,7	38,7	99,0	169,4	99,5	116,0	100,0	105,0
	1924	28,6	85,6	58,9	113,5	42,4	108,4	180,1	105,8	122,3	105,4	108,5
Коровы	1916	54,1	100,0	74,8	100,0	59,3	100,0	277,2	100,0	191,0	100,0	100,0
	1923	56,1	103,7	87,9	117,5	53,5	90,2	283,7	102,5	178,5	93,5	120,0
	1924	62,5	115,5	100,2	134,0	66,4	112,0	309,2	111,5	193,1	101,0	127,2
Овцы и козы	1916	82,0	100,0	130,1	100,0	99,2	100,0	367,7	100,0	204,8	100,0	100,0
	1923	68,7	83,8	129,1	99,2	83,6	84,5	428,3	116,5	213,4	104,2	130,8
	1924	74,8	91,2	172,0	132,2	91,7	92,4	476,4	129,6	303,9	148,1	151,1

Говоря о восстановительных процессах в животноводческой отрасли, следует отметить, что их динамика на Европейском Севере была заметно ниже, чем по России в целом. Причины этого следует искать в возникших к концу Гражданской войны затруднениях с ремонтом стада.

В связи с вышеизложенным перейдем к характеристике возрастного состава крестьянского стада. В составе тяглового скота, по принятым нормам воспроизводства, численность молодняка не должна быть ниже 15% от всего поголовья [3. С. 65]. Учитывая это, можно прийти к выводу, что на Европейском Севере

России в начале 1920-х гг. данный показатель был достаточно стабильным. Если в 1916 г. на Крайнем Севере на 100 голов рабочих лошадей приходилось 15,4 голов жеребят, то в 1924 г. – уже 16,5 голов. В «земледельческих» губерниях, к примеру в Северо-Двинской, в 1917 г. молодняк к общей численности конского поголовья составлял 15,1% [1. С. 224–225], затем эта пропорция резко ухудшилась, и в 1922 г. опустилась до 6,8%. Восстановление здоровых пропорций стада началось с 1923 г. и достигло 11%, а в 1924 г. – 12,7% [4. С. 56].

Что касается поголовья крупного рогатого скота, то в начале 1920-х гг. крестьяне были всерьез заняты проблемой масштабного ремонта стада, значительно постаревшего за годы Первой мировой войны и революции. В составе стада статистика фиксировала повсеместное преобладание молодняка. В целом же нормальные возрастные пропорции стада рогатого

скота, какие были отмечены в 1916 г., не были достигнуты. Правда, в Коми АО, как отмечалось в отчете Облисполкома Коми АО, «в отличие от предыдущих лет, когда наблюдалось большое нарушение соотношений возрастных групп состава стада крупного скота, в 1924–1925 гг. этот состав пришел в нормальное состояние, обеспечивая правильное пополнение и дальнейший рост стада в ближайшие годы» [5. С. 58].

Для более детального рассмотрения проблемы обеспеченности рабочим и рогатым скотом крестьянских дворов обратимся к материалам гнездовых динамических переписей 10,0% крестьянских дворов в 1920–1924 гг. по Архангельской и Вологодской губерниям (табл. 2). Следует отметить масштаб проводимых переписей, включающих описания крестьянских дворов из 9 тыс. деревень Архангельской и 19 тыс. деревень Вологодской губерний [1. С. 316–317].

Таблица 2

Группировка крестьянских хозяйств Архангельской и Вологодской губерний по обеспеченности рабочим и крупным рогатым скотом в 1920–1924 гг.

Основной показатель	Архангельская губерния				Вологодская губерния			
	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Число обследованных селений	7 655	7 954	8 147	8 203	18 691	18 965	19 007	19 141
<i>Группы по рабочему скоту, % хозяйств</i>								
Без скота	47,0	45,5	46,4	44,9	30,0	29,7	30,2	30,1
С одной головой	51,2	53,0	52,1	53,0	63,8	65,5	65,2	63,7
С двумя головами	1,8	1,5	1,5	2,1	5,9	4,7	4,5	5,9
С тремя головами	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,1	0,1	0,3
С четырьмя и более головами	–	–	–	0,0	0,0	–	0,0	0,0
<i>Группы по коровам, % хозяйств</i>								
Без скота	15,6	12,4	11,8	11,9	9,9	9,0	8,7	7,6
С одной головой	58,6	58,5	58,8	58,1	48,2	54,4	55,2	45,7
С двумя головами	22,8	24,5	24,2	25,1	35,2	31,4	30,2	35,2
С тремя головами	2,8	4,0	4,5	4,2	5,9	4,5	5,0	9,1
С четырьмя и более головами	0,2	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7	0,9	2,4

Применение статистических методов обработки показателей дало основание для выводов о том, что доля «безлошадных» хозяйств в период с 1920 по 1924 г. в обеих губерниях была практически стабильна с низкими показателями вариации. Но при этом среднее ее значение в Вологодской и Архангельской губерниях изначально и постоянно отличалось по соотносимым периодам. Так, разница средних показателей доли безлошадных хозяйств в Вологодской области была всегда ниже в 1,41–1,57 раза, чем в Архангельской.

«Безкоровные» хозяйства в период с 1920 по 1924 г. в обеих губерниях претерпевали аналогичные изменения. При этом среднее значение их доли в Вологодской и Архангельской губерниях также изначально и постоянно отличалось по соотносимым периодам, т.е. разница средних параметров доли «безкоровных» хозяйств в Вологодской области была всегда ниже в 1,36–1,58 раза, чем в Архангельской.

Показатель доли дворов с одной лошастью в Архангельской и Вологодской губерниях был также низковолатилен (малоизменчив), хотя во второй губер-

нии он был всегда стабильно и достоверно выше, в пределах 20,0%.

Отличия в доле хозяйств с 3–4 лошадьми были слабо вариативны в обеих губерниях, что сильно отличается от ситуации с хозяйствами, где при поголовье лошадей насчитывало в две головы. Как оказалось, в Вологодской губернии этот показатель был достоверно высоким на протяжении всего анализируемого периода – в среднем в 3,05 раза (лимиты 2,81–3,28).

Показатели доли хозяйств без коров стабильно снижались на протяжении анализируемого периода, как в отдельных губерниях, так и в целом. Корреляционная связь зависимости была средней силы и составила $r = -0,44$, что означало тенденцию к относительной экономической стабилизации.

Доля хозяйств с одной коровой была постоянна в обеих губерниях, корреляционная связь слабая ($r = -0,09$). Однако вновь различия были отмечены в сторону уменьшения этого статистического индикатора изначально и постоянно в Вологодской губернии с одновременным увеличением доли хозяйств с двумя коровами.

В целом по обеим губерниям доля хозяйств с 1–2 коровами составила в эти годы 70,0–80,0%, тогда как большинство выборки по наличию лошадей составили хозяйства без них или с одной головой.

Достоверный рост в обеих губерниях отмечен в доли хозяйств с тремя коровами, также отмечена сильная корреляционная связь как в Архангельской ($r = 0,81$), так и в Вологодской губернии ($r = 0,63$) при низком стандартном отклонении выборки и изначальной разнице в сторону увеличения в Вологодской в среднем 1,58 раза.

Объяснение достоверных статистических показателей, указывающих на изначальную и стабильную разницу в сторону увеличения в Вологодской губернии лежит в сложившемся многофакторном благоприятствовании, ассоциированном с климатом, растениеводством, кормопроизводством (заливные луга, обильная кормовая база), молочным скотоводством, эпизоотическом благополучием местных молочных гуртов (отсутствие эпизоотий), антропогенной интродукцией и районированием молочных пород крупного рогатого скота, развитием локальных технологий производства молочных продуктов (зарождающийся на местных породах скота молочный «бренд») и т.д.

Восстановительные процессы в экономике индивидуального двора обеих губерний прежде всего

находили выражение в постепенном снижении удельного веса «бескоровных» и «малокоровных» хозяйств.

Если в «однокоровных» дворах корова обеспечивала крестьянскую семью молочными продуктами, то наличие в хозяйстве трех и более коров, видимо, служило маркером товарного животноводства. Однако число «многокоровных» дворов не превышало 5,0% от всех дворов в Архангельской и 11,5% – в Вологодской губерниях.

Такого же рода маркером товарного, точнее промыслового, хозяйства (лесной промысел, извоз) являлось отмеченное статистикой за эти годы уменьшение безлошадных и возрастание доли однолошадных и двухлошадных дворов в Архангельской губернии. Возрастание количества тяглового скота не коррелировалось с размерами полеводческого производства и выводило использование тяглового скота за рамки крестьянского двора. В Вологодской губернии такого рода тенденция не проявлялась, что могло свидетельствовать о достижении некоего оптимума тяглового скота в хозяйстве, достаточного для обслуживания полеводческой отрасли крестьянского двора, концентрирующегося на сельскохозяйственном производстве.

Посмотрим на характер распределения крестьянских хозяйств по уровню их обеспечения скотом в Северо-Двинской губернии за 1916–1925 гг. [6] (табл. 3).

Таблица 3

Группировка крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии по обеспеченности рабочим и крупным рогатым скотом в 1916–1925 гг., %

Группа хозяйств	Год					
	1916.	1920	1922	1923	1924	1925
Безлошадные	23,9	19,9	20,4	21,8	22,9	25,7
Однолошадные	60,1	77,4	77,1	71,2	68,0	65,8
Двухлошадные	14,7	2,7	2,5	6,9	8,8	7,9
Трехлошадные	1,3	–	–	0,1	0,3	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Бескоровные	11,0	7,0	8,3	8,9	6,5	7,2
Однокоровные	35,6	59,3	61,9	61,3	49,1	42,1
Двухкоровные	29,3	29,1	25,7	24,8	33,5	33,5
Трехкоровные	14,4	4,2	3,9	4,3	8,5	12,6
Четырехкоровные	9,7	0,4	0,2	0,7	2,4	4,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Корреляционный анализ данных выявил закономерность в изменении доли хозяйств по наличию лошадей как по годам, так и по секторальному их замещению. Например, слабая положительная корреляционная связь динамики таких хозяйств по годам отмечена в ранге безлошадных и однолошадных хозяйств ($r = 0,178$, $r = 0,264$) с взаимобразной заменой в 1920–1924 гг. То есть при постоянном и значительном увеличении однолошадных дворов соответственно уменьшается доля безлошадных, а также двухлошадных и трехлошадных.

Доля хозяйств без коров на протяжении 1916–1925 гг. стабильно и достоверно с годами уменьшалась, что говорит об экономическом, товарном, производ-

ственным и кормовом росте губернии (сильная корреляционная связь обратной силы составила $r = -0,75$).

Опять же золотой серединой, т.е. экономически сложившейся рабочей моделью для ведения хозяйства, в Северо-Двинской губернии на протяжении всего периода были хозяйства с 1–2 коровами (суммарная доля их всегда составляла 70,0–90,0%), динамика этих показателей с учетом года имела достоверную связь средней силы ($r = 0,31$, $r = 0,28$). В 1925 г. их количество уже превышало первоначальные 18,2 и 14,3%.

Количество хозяйств с 3–4 коровами увеличивалось в период 1920–1924 гг., но не достигло показателей 1916 г. В любом случае позитивные тенденции в кре-

стьянском животноводстве не могли привести к кардинальным изменениям экономического потенциала крестьянской parcelлы [1. С. 308–309] и всего лишь иллюстрировали тенденцию к выравниванию показателей обеспеченности средствами производства (табл. 4).

Сопоставительный анализ животноводческой оснащённости крестьянской parcelлы двух губерний позволяет убедиться в восстановлении животноводческой специализации Вологодской губернии уже в

начальной стадии нэпа. Это демонстрируют более высокие в сравнении с Архангельской губернией средние арифметические таких показателей, как доля хозяйств с наемными рабочими (в 1,9 раза), количество рабочего скота на одно хозяйство (в 1,36 раза), количество коров на одно хозяйство (в 1,17 раза), количество полевых и усадебных площадей на одно хозяйство (в 2,53 раза), объёмы посева на одного едока (в 2,61 раза).

Таблица 4

Главные характеристики крестьянских хозяйств Архангельской и Вологодской губерний в 1920–1924 гг.
(по данным ежегодных переписей одних и тех же селений)

Основной показатель	Архангельская губерния					Вологодская губерния				
	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Средняя семья	5,1	5,1	5,0	5,0	4,9	5,0	5,0	5,0	4,9	4,9
% хозяйств										
Без своих работников	17,2	16,8	16,4	15,6	16,8	14,2	13,9	13,1	13,6	14,2
С промыслами	41,3	45,6	33,9	36,5	71,9	21,8	19,7	13,5	33,9	61,9
С наемными рабочими	1,7	1,2	2,4	0,7	2,0	2,3	2,3	2,1	3,3	5,2
Без всякого скота	11,4	8,5	7,8	7,3	8,1	6,9	6,0	5,7	5,3	4,9
На одно хозяйство приходится										
Рабочего скота	0,54	0,56	0,56	0,55	0,57	0,78	0,76	0,76	0,75	0,76
Коров	1,14	1,17	1,21	1,24	1,24	1,41	1,39	1,34	1,34	1,53
Овец взрослых	1,0	1,1	1,1	1,2	1,3	0,8	0,8	0,8	0,9	1,0
Свиней и подсвинков	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,03	0,02	0,01	0,02	0,04
Полевого и усадебного посева, дес.	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	1,6	1,4	1,7	1,7	2,0
Посева на 1 едока, дес.	0,13	0,13	0,13	0,13	0,13	0,32	0,28	0,35	0,35	0,40

В свою очередь, по ряду показателей (доля хозяйств без своих работников, доля хозяйств с промыслами, доли хозяйств без наличия любого скота) крестьянские дворы Вологодской губернии отставали от хозяйств Архангельской губернии в 1,2–1,5 раза.

Данное сравнение подтверждается корреляционным анализом. Причем если в анализируемый период коэффициент корреляции между хронологическим периодом и долей хозяйств без своих работников в Архангельской губернии имел отрицательное значение средней силы ($r = -0,52$), то в Вологодской области он был очень слабым ($r = -0,10$) ввиду незначительной волатильности показателя, вернувшегося к начальному значению.

В 1920–1924 гг. в регионе произошли существенные изменения в доле хозяйств с промыслами с 2–3-кратным превышением начального уровня, корреляционная связь составила, соответственно, $r = 0,54$ и $r = 0,78$. Вместе с ростом этого показателя произошло увеличение показателя доли хозяйств с наемными рабочими в обеих губерниях, но с более рапидарным изменением именно в Вологодской.

В обеих губерниях изменения в сторону снижения доли хозяйств без скота были весьма существенны, коэффициент корреляции был отрицательным, сильным, достоверным и составил соответственно $r = -0,76$ и $r = -0,98$.

Изменения доли хозяйств по градации наличия рабочего скота на одно хозяйство в обеих губерниях имели низкую вариацию, но всегда хронологически она была выше в Вологодской. Математические

индикаторы делают очевидным факт статистически устойчивого различия их по двум губерниям, все больше и больше убеждая исследователей в существовании полифакторных предикторов развития молочного животноводства прежде всего в Вологодской губернии.

Восстановление и рост поголовья скота в регионе не являлись показателем аналогичных изменений в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Это объяснялось тем, что демографические процессы в деревне, вызвавшие резкий прирост и измельчание крестьянских дворов, привели к ухудшению их производственных параметров в части обеспечения средствами производства [7. С. 16–17]. В этой связи довольно показательны сведения за 1924 г. [2. С. 30], представленные в табл. 5.

Результаты обработки объемных цифровых данных по изучаемым показателям также продемонстрировали высокодостоверные корреляционные связи между ними, и их также можно обозначить своеобразными математическими индикаторами происходящих процессов.

Доля хозяйств без рабочего скота и без посевных площадей в обоих регионах составила соответственно 72,2 и 98,2%. Низкая волатильность косвенно может говорить об аналоговой экономической ситуации по данной категории хозяйств, об отсутствии потребности в тягловой силе при неимении посевных площадей, о найме и занятии другими промыслами, не связанными с обработкой земли.

Таблица 5

Группировка крестьянских хозяйств Европейского Севера по посевным группам в 1924 г., относительные цифры

Показатель, %	Без посева	До 1 дес.	От 1,1 до 2 дес.	От 2,1 до 3 дес.	От 3,1 до 4 дес.	От 4,1 до 6 дес.	От 6,1 до 8 дес.	От 8,1 до 10 дес.	От 10,1 до 16 дес.
<i>Крайний Северный район европейской части России</i>									
Хозяйств в группе	5,6	68,3	22,2	3,5	0,4	0,0	–	–	–
Площадь посева по группе	–	48,7	39,2	10,5	1,3	0,3	–	–	–
Без рабочего скота	72,2	37,4	8,8	2,4	–	–	–	–	–
С одной лошастью	22,2	59,4	83,2	79,6	47,8	33,3	–	–	–
С двумя лошадьми	3,4	3,0	7,2	16,8	52,2	66,7	–	–	–
С тремя лошадьми	1,0	0,1	0,5	1,2	–	–	–	–	–
С четырьмя и более лошадьми	1,2	0,1	0,3	–	–	–	–	–	–
Без коров	26,3	7,0	1,4	0,4	–	–	–	–	–
С одной коровой	51,1	55,6	22,9	8,2	4,4	–	–	–	–
С двумя коровами	13,0	29,9	45,8	41,2	21,7	–	–	–	–
С тремя коровами	5,2	6,2	22,4	25,1	21,8	33,3	–	–	–
С четырьмя и более коровами	4,4	1,3	7,5	25,1	52,1	66,7	–	–	–
<i>Северный район европейской части России</i>									
Хозяйств в группе	1,4	25,4	40,8	21,3	7,5	3,1	0,4	0,1	0,0
Площадь посева по группе	–	10,5	35,3	29,4	14,8	8,0	1,5	0,4	0,1
Без рабочего скота	98,2	55,3	19,3	6,7	3,1	2,0	1,3	–	–
С одной лошастью	1,8	44,2	77,1	82,7	77,6	63,1	58,2	46,7	–
С двумя лошадьми	–	0,5	3,5	10,3	18,3	33,2	35,4	53,3	66,7
С тремя лошадьми	–	–	0,1	0,3	0,5	1,5	5,1	–	33,3
С четырьмя и более лошадьми	–	–	–	–	0,1	0,2	–	–	–
Без коров	83,2	14,3	3,4	1,2	0,9	0,5	–	–	–
С одной коровой	14,7	69,5	50,9	30,1	17,7	3,0	11,4	–	–
С двумя коровами	2,1	15,1	38,2	48,6	47,8	39,0	36,7	26,7	–
С тремя коровами	–	1,1	6,2	16,0	25,0	36,4	34,2	60,0	66,7
С четырьмя и более коровами	–	–	1,3	4,1	8,6	15,1	17,7	13,3	33,3

Далее отмечена сильная достоверная отрицательная корреляционная связь показателей доли хозяйств при увеличении посевных площадей и «безлошадности», что объясняется необходимостью тягловой силы для обработки площадей ($r = -0,61$). Данный вывод презентативен ко всему Европейскому Северу России, так как различие между регионами слабовариативно, корреляция составляет по регионам соответственно – 0,592 и – 0,635.

Данный вид сильной достоверной корреляционной связи сохраняется, незначительно снижаясь и в следующей доли хозяйств по обоим регионам именно при содержании одной лошади ($r = -0,52$), а внутри регионов – уже с существенной разницей: – 0,69 и – 0,38. Выявленное отличие находило объяснение в различии народно-хозяйственных приоритетов двух регионов.

Более значимыми становятся различия результатов корреляционного анализа в долях хозяйств обоих регионов при наличии 2 и 3 лошадей и увеличении посевных площадей. Если корреляционная связь между долей хозяйств с 2–3 лошадьми и увеличением посевов в обеих группах была средней силы и по регионам составила 0,40 и 0,53, то иная картина отмечена в показателях отдельно по двум регионам. Так, в хозяйствах Крайнего Северного района она осталась отрицательная: – 0,15 и – 0,50, а в хозяйствах Северного района она стала сильной и положительной: + 0,979 и + 0,806.

То есть к 1924 г. создаются маркеры экономической дифференциации хозяйств Северного от Крайнего Северного районов в виде устойчивого формирования доли хозяйств с 2–3 лошадьми на протяжении всей выборки по объемам посевов (от 0,0 до 16 дес.), и корреляционная связь такой силы и значимости это подтверждает.

Доля хозяйств без коров при отсутствии посевных площадей в обоих регионах составила соответственно 26,3 и 83,2% (разница в 3,16 раза). Если в хозяйствах Крайнего Северного района на этот показатель влияли климат, географическая широта (тундра), уменьшение объема растительности в период короткого летнего выпаса и развитие параллельной ветки животноводства – оленеводства, то в Северном районе хозяйству без посевных площадей априори содержать корову было нерентабельно.

Если связь анализируемых показателей по хозяйствам обоих регионов при наличии одной, двух, трех, четырех коров из отрицательной и одновременно сильной поступательно и хронологически переходила в слабоположительную (– 0,68; – 0,44; + 0,43; + 0,16 соответственно по градации количества коров), то данная связь внутри регионов хотя и имела аналогичный вектор к изменению от отрицательного, но по показателям отличалась в разы.

Так, по хозяйствам Крайнего Северного района она составила: – 0,70; – 0,67; – 0,42; – 0,17, а по хозяйствам Северного района, соответственно: – 0,66; – 0,25;

+0,96; +0,96. Этот статистический предиктор отражает различия, потенциал и перспективу развития молочного животноводства в Северном регионе.

В заключение следует отметить, что восстановление животноводства на Европейском Севере России началось после изнурительной Гражданской войны и в основном завершилось к началу 1925 г. Было восстановлено довоенное поголовье стада, сбалансирована его возрастная структура, качественно улучшена ремонтная база. Анализ отмеченных тенденций позволяет судить о том, что изначально в Северном районе (Вологодская и Северо-Двинская губернии) более, чем в Крайнем Северном районе (АКССР и Коми АО, Архангельская губерния), существовали предпосылки интенсивного восстановления животноводства и скотоводства. Выявленная факторная зависимость установившегося территориально морфотипа животноводства в каждом субъекте и зависимость его от климата, рельефа, площадей, структуры лугов и пастбищ, возможности ведения других промыслов, находили подтверждение в том, что в конце восстановительного периода на долю Северного района приходилось 70%

лошадей от всего региона, коров и овец – более 71% по каждому виду, коз – 79%, свиней – более 90%. Более того, отмечено, что известное по более ранним источникам эпизоотическое благополучие местных молочных гуртов (отсутствие эпидемий и эпизоотий), антропогенная интродукция и районирование неприхотливых молочных пород крупного рогатого скота, развитие локальных технологий производства молочных продуктов и маслоделия (зарождающийся на местных породах скота молочный «бренд») создали предиктор для дальнейшего развития здесь молочного животноводства.

В конечном итоге к середине 1920-х гг. в северной деревне основу составляли однокоровные и однолошадные дворы, напрямую отражавшие преобладавшую посевную группировку дворов с посевом до 1 дес. в Крайнем Северном и от 1 до 2 дес. в Северном районах. Обеспечение скотом многопосевных групп дворов было лучше, но их удельный вес был столь незначителен, что не мог влиять на общую картину обеспеченности скотом северной деревни.

Список источников

1. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой (К III съезду Советов Союза ССР). М., 1925. 786 с.
2. Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. М., 1926. 416 с.
3. Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы специальных экономических обследований. Л., 1929. 216 с.
4. Бачурихин А.Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. IV. Великий Устюг, 1927. С. 40–62.
5. Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1924–25 год. Усть-Сысольск, 1925. 69 с.
6. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2: Северо-Двинский губернский комитет (губком) ВКП (б). Оп. 1. Д. 1641. Л. 306.
7. Опыт исчисления баланса народного хозяйства Коми области за 1912, 1923–24 и 1924–25 гг. (1-я часть) и Контрольные цифры народного хозяйства области на 1925–26 и 1926–27 гг. (2-я часть) // Автономная Коми (Зырянская) область, Плановая комиссия при Облисполкоме. Усть-Сысольск: Издание Облплана, 1926. 109, [2] с.

References

1. USSR. (1925) *Narodnoe khozyaystvo Soyuzs SSR v tsifrakh s prilozheniem dannykh po mirovomu khozyaystvu. Statisticheskiy spravochnik. God 2-oy (K III s"ezdu Sovetov Soyuzs SSR)* [The national economy of the USSR in figures with the application of data on the world economy. Statistical handbook. Year 2 (To the 3rd Congress of Soviets of the USSR)]. Moscow: [s.n.].
2. Central Statistical Administration. (1926) *Naselenie, posevy, skot, ptitsa i sel'skokhozyaystvennyy inventar' v 1923 i 1924 gg.* [Population, Crops, Livestock, Poultry and Agricultural Implements in 1923 and 1924]. Moscow: Tip. MKKh im. F.Ya. Lavrova.
3. Severo-Dvinskaya gubernnaya planovaya komissiya [Severodvinsk Provincial Planning Commission]. (1929) *Gorod Kotlas i ego rol' v razvitiy narodnogo khozyaystva Severnogo kraya: materialy spetsial'nykh ekonomicheskikh obsledovaniy* [The City of Kotlas and Its Role in the Development of the National Economy of the Northern Territory: Materials of special economic surveys]. Leningrad: Sev.-Dvinsk. gub. planovaya komissiya.
4. Bachurikhin, A.N. (1927) *Obzor sostoyaniya sel'skogo khozyaystva Severo-Dvinskoy gubernii* [Review of the state of agriculture in the North Dvina province]. In: *Zapiski Severo-Dvinskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraya* [Notes of the North Dvina Society for the Study of the Local Territory]. Vol. 4. Velikiy Ustyug: Sovmysl'. pp. 40–62.
5. Komi oblastnoy Sovet rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyских deputatov [Komi Regional Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies]. (1925) *Otchet oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Komi avtonomnoy oblasti za 1924–25 god* [Report of the Regional Executive Committee of the Komi Autonomous Oblast for 1924–25]. Ust-Sysolsk: Tip. Komi izd-va.
6. Vologda Regional Archive of Modern Political History. Fund 2: Severo-Dvinskiy gubernskiy komitet (gubkom) VKP (b) [Severodvinsk provincial committee (provincial committee) of the CPSU (b)]. List 1. File 1641. Page 306.
7. Komi-Zyryan Autonomous Oblast, Planning Commission under the Regional Executive Committee. (1926) *Opyt ischisleniya balansa narodnogo khozyaystva Komi oblasti za 1912, 1923–24 i 1924–25 gg. (1-ya chast') i Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyaystva oblasti na 1925–26 i 1926–27 gg. (2-ya chast')* [An attempt of calculating the balance of the national economy of the Komi Oblast for 1912, 1923–24 and 1924–25. (1st part) and Control figures of the national economy of the oblast for 1925–26 and 1926–27. (Part 2)]. Ust-Sysolsk: Izdanie Oblplana.

Информация об авторах:

Саблин В.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета. E-mail: sablin@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4639-3981

Тимошина С.В. – канд. ветеринар. наук, старший научный сотрудник лаборатории биоэкономики и устойчивого развития Вологодского научного центра Российской академии наук. E-mail: timohina68@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4675-1005

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Sablin, Dr. Sci. (History), head of the Department of General History and World Politics, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sablin@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4639-3981

S.V. Timoshina, Cand. Sci. (Veterinary Sciences), senior research fellow, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation). E-mail: timohina68@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4675-1005

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 902.01
doi: 10.17223/15617793/485/14

Лесостепное Подонье на рубеже плейстоцена и голоцена и проблема трансформации индустрий «переходного периода»

Иван Владимирович Федюнин^{1, 2}

¹ ООО «Центр охранных археологических исследований», Воронеж, Россия

² Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

^{1, 2} feduniniv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы перехода от палеолита к мезолиту на территории лесостепного Подонья. Рассматриваются природно-климатические условия, фаунистические остатки, материалы памятников финального палеолита и раннего мезолита позднего дриаса – пребореала. Имеющиеся данные показывают, что неизменным объектом охоты на протяжении финального палеолита – раннего мезолита оставалась лишь лошадь при увеличении разнообразия голоценовых видов (лось, бобр) и освоении речных промыслов. Радикальная трансформация каменных индустрий охотников – собирателей была, возможно, адекватной реакцией на происходившие природно-климатические изменения.

Ключевые слова: финальный палеолит, мезолит, поздний плейстоцен, древний голоцен

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-29-05012 МК

Для цитирования: Федюнин И.В. Лесостепное Подонье на рубеже плейстоцена и голоцена и проблема трансформации индустрий «переходного периода» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 124–137. doi: 10.17223/15617793/485/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/14

Forest-steppe Podonye at the turn of the Holocene and the problem of the transformation of the “transition period” industries

Ivan V. Fedyunin^{1, 2}

¹ Center for Conservation Archaeological Research, Voronezh, Russian Federation

² Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

^{1, 2} feduniniv@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of transition from the Paleolithic to the Mesolithic through the prism of industry transformation. For the territory of the Middle Don, it was previously considered by P.I. Boriskovsky, S.N. Zamyatnin, V.P. Levenk, A.A. Formozov, A.N. Bessudnov, A.A. Bessudnov, and I.V. Fedyunin. The first monograph on the Mesolithic of the Middle Don concluded that there was no continuity between the Late Paleolithic and Early Mesolithic industries. The materials of the study were industries and faunal remains of sites, natural-scientific reconstructions of the natural environment in the Final Paleolithic and Early Mesolithic of the forest-steppe Podonye. The main research methods were: technical and typological analysis and synthesis, generalization of the data of the reference monuments of the Pleistocene and Holocene boundary. In the Late Glacial period, the upper reaches of the Don and its course up to the mark of modern Voronezh were occupied by periglacial tundra, to the south all the spaces of the Don basin, including the Azov Sea, were occupied by periglacial steppes. The border of the forest-steppe and steppe zones actually corresponded to the modern one. Within the interval of the Bolling (warming, 12.4–12 thousand years BP) – the Older Dryas (cooling, 12–11.8 thousand years BP) – the Allerød (warming, 11.8–10.9 thousand years BP), the periglacial hyperzone disintegrates. The Oldest Dryas was the time of a continental climate with very harsh winters and hot summers. The Allerød was an analogue of the Bolling with a more oceanic and humid climate. At the beginning of the Holocene, climatic characteristics approached modern standards. In the Late Glacial period (21–12 cal. thousand years BP), the faunal complex was formed by mammoth, horse, bison, reindeer, wolf, arctic fox, hare, woolly rhinoceros, tur, spotted hyena, and wolverine. In the Holocene, the composition of the animal world and, accordingly, the objects of hunting/gathering change. In all the studied sites of the Final Paleolithic and the Early Mesolithic there is a horse; elk bones were found at the sites of Samotoyevka, Plautino 2, Borshchevo 2. A certain part of the diet of the population of Nazarovka were mollusks. The available data show an intermittent picture of the development of the cultures of the Final Paleolithic and the Early Mesolithic in the forest-steppe Don, with which researchers who consider the problem from a migration perspective agree. The reasons may be related both to the large num-

ber of chronological gaps between the dated monuments and to the nature of human adaptation to new conditions. For the group of monuments related to the Zamyatninsky culture, there is no reliable data on the genesis and manifestation of stable features in the industries of the final Paleolithic. The Borshchevo II industry with three cultural layers may be autochthonous in the chronological interval under consideration, but the example of this monument within the Kostenkovsko-Borshchevsky district is unique and isolated. In the local Mesolithic, the legacy of these industries does not manifest itself. In turn, the sites of the early Mesolithic of the Zimovnik culture have no genetic roots in the Final Paleolithic of the forest-steppe Podonye.

Keywords: Final Paleolithic, Mesolithic, Late Pleistocene, Ancient Holocene

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-05012 mk.

For citation: Fedyunin, I.V. (2022) Forest-steppe Podonye at the turn of the Holocene and the problem of the transformation of the “transition period” industries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 124–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/14

Введение

Проблема изучения «переходных периодов», безусловно, одна из наиболее сложных в археологии. Хронологические рамки работы определены интервалом древнего дриаса позднего плейстоцена – пребореала раннего голоцена, финального палеолита – раннего мезолита.

Ранее вопросы перехода к мезолиту на Среднем Дону так или иначе рассматривались П.И. Борисковским, С.Н. Замятниным, В.П. Левенком, А.А. Формозовым, А.Н. Бессудновым и А.А. Бессудновым, автором данной статьи (историография вопроса см.: [1]). В первой монографии по мезолиту Среднего Дона, опубликованной 16 лет назад, был сделан вывод об отсутствии преемственности между позднепалеолитическими и раннемезолитическими индустриями [2. С. 126].

Природные условия

В позднеледниковье верховья Дона и его течение до широтных отметок, скорее всего, соответствующих современному г. Воронеж, занимала перигляциальная тундростепь¹, ее южная граница со временем сдвинулась к северу, до широты современной ст. Казанская (Ростовская область), еще южнее все пространства бассейна Дона, включая Приазовье, были заняты перигляциальными степями [3. С. 152], с зарослями ивы, березы, сосны, ольхи и облепихи в долинах рек [4. С. 23]. Фактически граница лесостепной и степной зон Придонья в это время соответствовала современной. Именно тогда формируются ведущие признаки лесостепи, выделенные основным ее исследователем Ф.Н. Мильковым: присутствие на водоразделах степных и лесных фитоценозов; господство лессовидных пород в качестве подпочв и эрозионных форм в пластике рельефа [5. С. 26]. Состояние лесостепи с этого времени являлось климатически устойчивым, колебания климата отражались прежде всего на изменении «количественного соотношения леса и степи, не затрагивая самой сущности лесостепного ландшафта» [5. С. 55].

В рамках интервала беллинг (потепление, 12,4–12 тыс. л.н.) – средний дриас (похолодание, 12–11,8 тыс. л.н.) – аллерд (потепление, 11,8–10,9 тыс. л.н.) фактически весь бассейн Дона включал в себя лесостепные ландшафты, только верховья и исток

относились к зоне перигляциальной тундролесостепи. Именно в это время происходит распад перигляциальной гиперзоны [3. С. 200, 205]. По мнению Е.А. Спиридоновой, в межстадиалы развивались только островные леса с участием ели, ольхи, березы в пределах долины Дона [6. С. 70], при этом большую роль в сложении лесов играла ель [6. С. 100]. Как отмечает Ф.Н. Мильков, и леса, и степи лесостепной зоны имеют мало общего с основными видами растительности собственно лесной и степной ландшафтных зон [5. С. 49]. Леса, в основном, лиственные, дубравного типа, и сосновые – на песчаных борах, степи отличаются от территорий Нижнего Дона с его ковыльными степями разнотравьем с высокими урожаями травы [5. С. 51–52], безусловно, привлекавших млекопитающих разных видов.

В период последнего ледникового максимума на фоне повсеместного иссушения климата в регионе снижается водность рек, врезание сменяется аккумуляцией в долинах [7. С. 327]. Наиболее мощный речной сток исследователи фиксируют в период 14–10 тыс. л.н. [8. С. 334], либо 16–11 тыс. л.н. [9. С. 313] или ранее [10. С. 119], причем его основной причиной было значительное количество зимних осадков [8. С. 334], сток талых ледниковых вод был сориентирован на север и запад, фактически не участвовал в образовании крупных рек Русской равнины [11. С. 225].

Благодаря деградации многолетней мерзлоты в позднеледниковое время и в начале голоцена усиливаются сглаживание и распластывание пологостей, снижаются коэффициенты стока. В части речных долин древние макрорусла отмерли, современные реки формируют свои меандрирующие русла в другой части днища долины. Более распространены реки, где современное русло «в основном следует вдоль древнего и как бы вложено в него» [8]. В поймах Дона встречаются незатапливаемые участки, поднимающиеся на 1–2 м над фоновой поверхностью, именно на них располагаются стоянки финального палеолита и мезолита (Самотоевка, Плаутино 2, Каменка 1 и др.), как, впрочем, и более поздних периодов голоцена [12]. Памятники, как правило, многослойны, культурные отложения имеют «палимпсестовый» характер. Исследователи отмечают, что подобные участки чаще всего представляют собой шпору прорванной макроизлучины или палеоостров внутри гигантской старицы [8. С. 333]. Снижение половодий приводило к появлению наиболее высоких частей пойм первого этапа формирования, часто среди

пойм появлялись фрагменты низких (первых надпойменных или промежуточных) террас [13. С. 23].

Древнейший дриас (DR-1) был временем континентального климата с очень суровыми зимами и жарким летом. Уровень осадков снизился [14. С. 125]. В растительности господствует пыльца травы и кустарничков, содержание пыльцы древесных в среднем составляет около 20%, и иногда возрастает до 40% [6. С. 102].

В беллинге (BØ) климат становится более океаническим, зимы не суровые, лето прохладное, слой осадков увеличивается и превышает современный [14. С. 125]. В это время в общем составе пыльцы преобладают древесные породы, где доминирует ель (40–60%) и сосна [6. С. 102].

Древний дриас (DR-2) и молодой дриас (DR-1) представляли собой аналоги древнейшего дриаса с континентальным, сухим климатом. Температура воздуха в январе около -32°C (на $20-22^{\circ}$ ниже современной), лето было теплым, осадков выпадало в 2 раза выше современных значений [14. С. 125].

Аллеред (AL) был аналогом беллинга с более океаническим и влажным климатом [15. С. 137–138]. Период характеризуются спектрами с господством пыльцы ольхи и сосны при содержании широколиственных пород до 6% (липа, дуб). В начале и конце межстадиала преобладает сосна при участии ели, уве-

личивается содержание разнотравья и злаков [6. С. 102–103].

В начале голоцена климатические характеристики приблизились к современным нормам. По мнению Е.А. Спиридоновой, в течение пребореального периода на территории Подонья отмечалась неоднократная смена условий лесостепи и степи, характер растительных сообществ на протяжении этого времени претерпевал значительные изменения. Миграции лесостепи определялись возрастом господствующей роли бореального флористического комплекса. Лесные формации были образованы в основном сосной, реже – березой [6].

Фауна

В позднеледниковье (21–12 кал. тыс. л.н.) фаунистический комплекс образуют мамонт, лошадь, бизон, северный олень, волк, песец, заяц. Часто встречаются шерстистый носорог, тур, пятнистая гиена и росомаха [16. С. 50]. В голоцене состав животного мира и, соответственно, объектов охоты/собирательства меняется. Данные о составе фаунистических остатков из основных памятников финального палеолита и мезолита приведены в таблице².

Т а б л и ц а 1

Фауна стоянок финального палеолита и мезолита лесостепного Подонья

Фауна	Самотоевка	Назаровка, н.с. ³	Дивногорье 9	Дивногорье 1	Борщево 2 (1 к.с.)	Плаутино 2
Лошадь	172/4	1/1	7887/>81	789/8	8	1/1
Северный олень				24/2	4	
Заяц	6/2				2	
Волк					2	
Бобр	6/1	1/1				
Лось	10/3				1	5/1
Тур	1/1				1	
Песец			1/1			
Росомаха			1/1			
Лисица					1	
Пещерная гиена					1	
Благородный олень		1/1				2/1
Щука						11/2
Моллюски <i>Unio</i>		230				1
Моллюски <i>Helix</i>		1				

Приведенные выше материалы показывают достаточно большой разброс промысловых животных и объектов собирательства, скорее всего, обусловленный хозяйственным характером и долговременностью обитания на стоянках. Видом, который безусловно присутствует во всех исследованных стоянках финального палеолита и раннего мезолита, является лошадь. Кости лося присутствуют на стоянках Самотоевка, Плаутино 2 (н.с.), Борщево 2 (1 к.с.).

Специфичны продукты рыбной ловли и речного собирательства. В ходе исследований стоянки Назаровка в 2006–2007 гг. было изучено слабо насыщенное скопление створок раковин, располагавшееся частично в черноземе и суглинке [19, 20]. В 2007 г. в слое лессовидного суглинка между створками горизонтально залегающей раковины *Unio* была найдена широкая патинированная

пластина. Среди всех раковин, за редкими исключениями, почти нет ни одной целой створки, планиграфические границы распространения позднеледниковых кремней и ракушечника совпадают [19. С. 14]. Скорее всего, определенную часть рациона населения стоянки составляли моллюски. При этом на изученных мезолитических памятниках лесостепного Подонья находки скопления раковин отсутствуют, они характерны в большей степени для «береговых» неолитических стоянок (Копанище, Черкасская, Щучье II).

Каменные индустрии памятников

Перечень памятников, которые могут использоваться для изучения процессов перехода от палеолита к мезолиту на территории лесостепного Подо-

ня, невелик – это стоянки Самоетовка, Назаровка (нижний слой) бассейна Черной Калитвы, Дивногорье 1, 9 на Дону, в районе впадения Тихой Сосны, Борщево 2 на Дону, а также Плаутино 2 (нижний слой) в Прихоперье. Относительно «чистой» представляется коллекция нижнего слоя стоянки Ямное, но, к сожалению, органические материалы в ней не сохранились. Крайние пункты значительно удалены друг от друга. А.Н. Бессудновым и А.А. Бессудновым в перечень опорных памятников мезолита включается и стоянка Ситнянская Лука [17. С. 100], с чем согласиться нельзя [1. С. 39].

Первый культурный слой Борщево II был изучен раскопками на площади около 630 м². Находки образовывали обособленные скопления. Каменный инвентарь включал в себя около 2 500 находок, 325 орудий [21. С. 239]. Техника расщепления была основана на утилизации призматических нуклеусов. Для памятника характерны концевые, концевые-боковые, округлые скребки; боковые, двугранные, на сломанных заготовках резцы, симметричные и асимметричные острия, пластины с приглушенным краем (рис. 1). Ю.Ю. Цыганов по итогам раскопок памятника в 1990-е гг. сделал вывод об идентичности каменных индустрий всех культурных слоев [22].

Рис. 1. Борщево 2. Каменный инвентарь первого культурного слоя (по: [42. Рис. 14–18])

Радиоуглеродные датировки помещают индустрии памятника в интервал 10–18 тыс. кал. л.н. [18. С. 36; 21. С. 262]. Одна дата опубликована Г.В. Синицыной: $12\,720 \pm 140$ (14 739–15 482 CalBP (GrA-9249)) [23. С. 156. Табл. 3]. Г.И. Лазуков сопоставляет нижний культурный слой Борщево II с III слоем Костенок 21, имеющим даты $16\,960 \pm 300$ л.н. (LE-1043), $22\,270 \pm 150$ л. (GrN-7363), $21\,260 \pm 340$ л. (GrN-10513) [18. С. 209].

Ю.Ю. Цыганов соотносит I культурный слой памятника с началом интервала бёллинг, характеризовавшегося условиями стабильной степной зоны без

существенных перепадов климата [22. С. 18]. Аналоги индустрии Борщево II исследователь находит в Гонцах, Кирилловской стоянке, Бугорке, Чулатово II при отсутствии мамонтовой фауны [22. С. 19]. И.Н. Гавриленко отмечает стадиальный характер сходства указанных памятников [24. С. 247].

С 2004 г. по настоящее время совместной экспедицией ЛГПУ и ИИМК РАН изучаются памятники Дивногорья (стоянки 1, 2, 9) [25], исследователями выделен микрорайон с базовой стоянкой и местом забоя и разделки туш лошадей [26. С. 73]. Техника

расщепления была основана на утилизации одно- и двухплощадочных нуклеусов, направлена на получение длинных сколов, в коллекциях высок процент орудий (от 10 до 50 %), среди которых представлены скребки, боковые резцы, пластины с усечением концов ретушью, отщепы и пластины с ретушью, пластины с притупленным краем, асимметричные

острия (рис. 2) [26. С. 152–153]. Радиоуглеродные даты Дивногорья 1: $12\,050 \pm 170$ (ЛЕ-8649), $13\,380 \pm 220$ (ЛЕ-8648) и $13\,430 \pm 130$ (АА-) л.н. [27. С. 303]. Серия дат в интервале 18–14 тыс. л.н. получена по образцам Дивногорья 9 [26]. Индустрии стоянок были отнесены к кругу памятников восточного эпиграветта [27. С. 303].

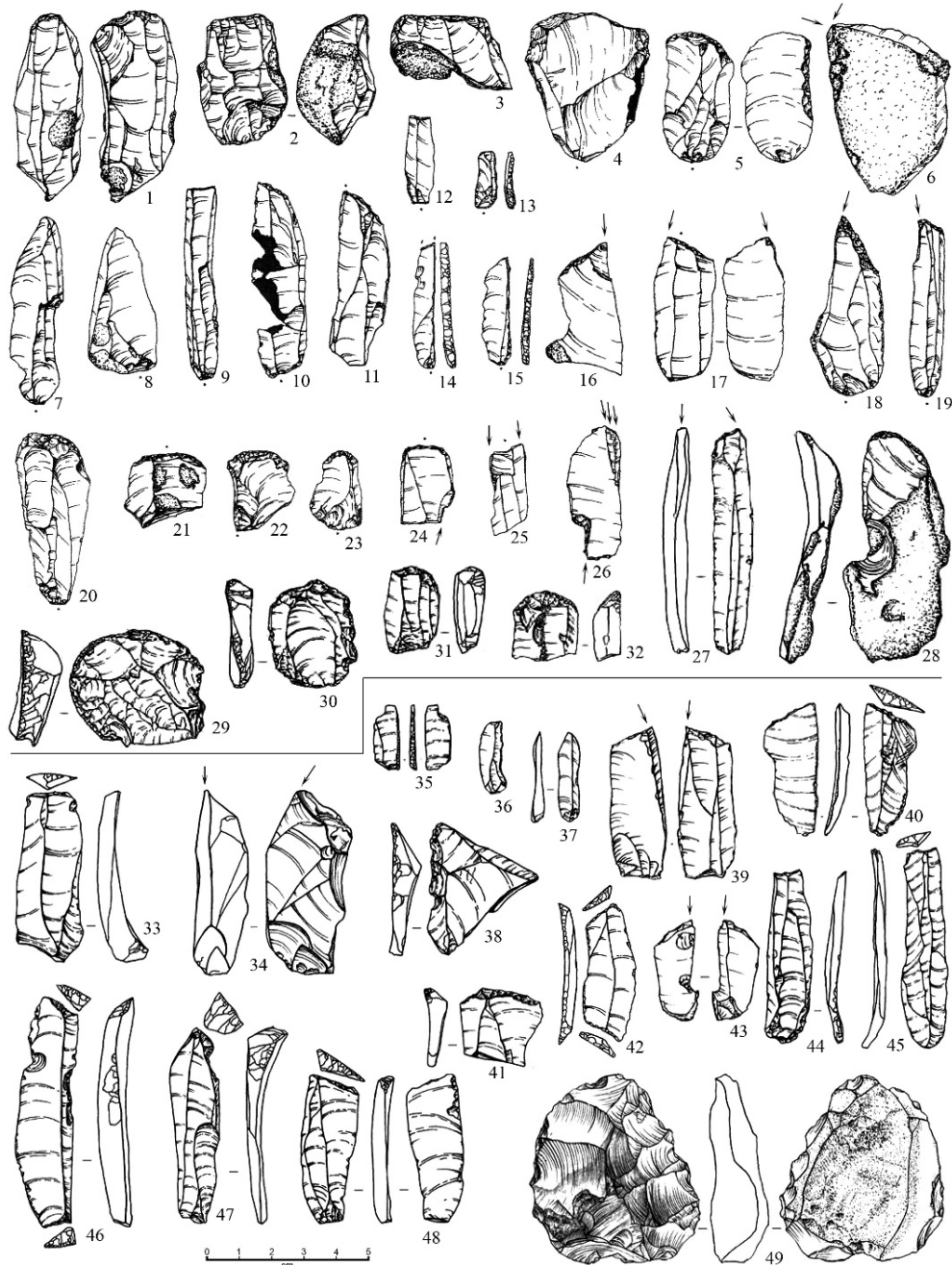

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянок Дивногорья. 1–32 – Дивногорье 1; 33–49 – Дивногорье 9 (по: [26. Рис. 1; 2])

Стоянка Назаровка исследовалась И.В. Федюниным в 2006–2007 гг., вскрыта площадь 138 м^2 , получены материалы позднего палеолита и позднего мезолита. Техника раскалывания была основана на утилизации призматических, пирамидальных и торцовых нуклеусов из мелового кремня, направлена на получение пластин в технике «мягкого» отбойника. Во вторичной обработке орудий преобладала крутая и

отвесная ретушь, отмечены приемы плоской подтески, а также резцовый скол. Орудийный набор представлен резцами – двугранными и на сломе заготовок, пластинами с ретушью, проколками; единичны находки острий, скребки (рис. 3).

По данным спорово-пыльцевого анализа время образования нижнего слоя стоянки отнесено к белингу – аллереду [28].

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Назаровка (нижний слой)

Неоднократно рассматривался исследователями комплекс находок стоянки Самотоевка. Памятник был выявлен в 1995 г. и исследован небольшим раскопом Т.Ю. Березуцкой [29], позже раскопан А.Н. Бессудновым [30]. Техника расщепления камня базировалась на утилизации пирамидальных и призматических нуклеусов, была направлена на получение длинных правильных сколов-заготовок. Среди орудий выделяются концевые скребки, резцы на сломанных заготовках, двугранные и боковые (рис. 4). Особый интерес представляют находки геометрических микролитов (рис. 4, 38–43).

В 2010 г. И.В. Федюнин указал на сходство индустрий Самотоевки и быковской культуры Курского Посеймья [28] на основании облика каменного инвентаря, при наличии в Самотоевке асимметричных треугольников, аналогии которым в позднем палеолите Русской равнины можно найти только в коллекции стоянки Быки 1 и 7 [31]. В 2013 г. А. А. Чубур выдвинул спорную идею «геометризации» охотничьего вооружения «путем диффузии» асимметричных треугольников из «каменнобалковской-имеретинской» культуры [32].

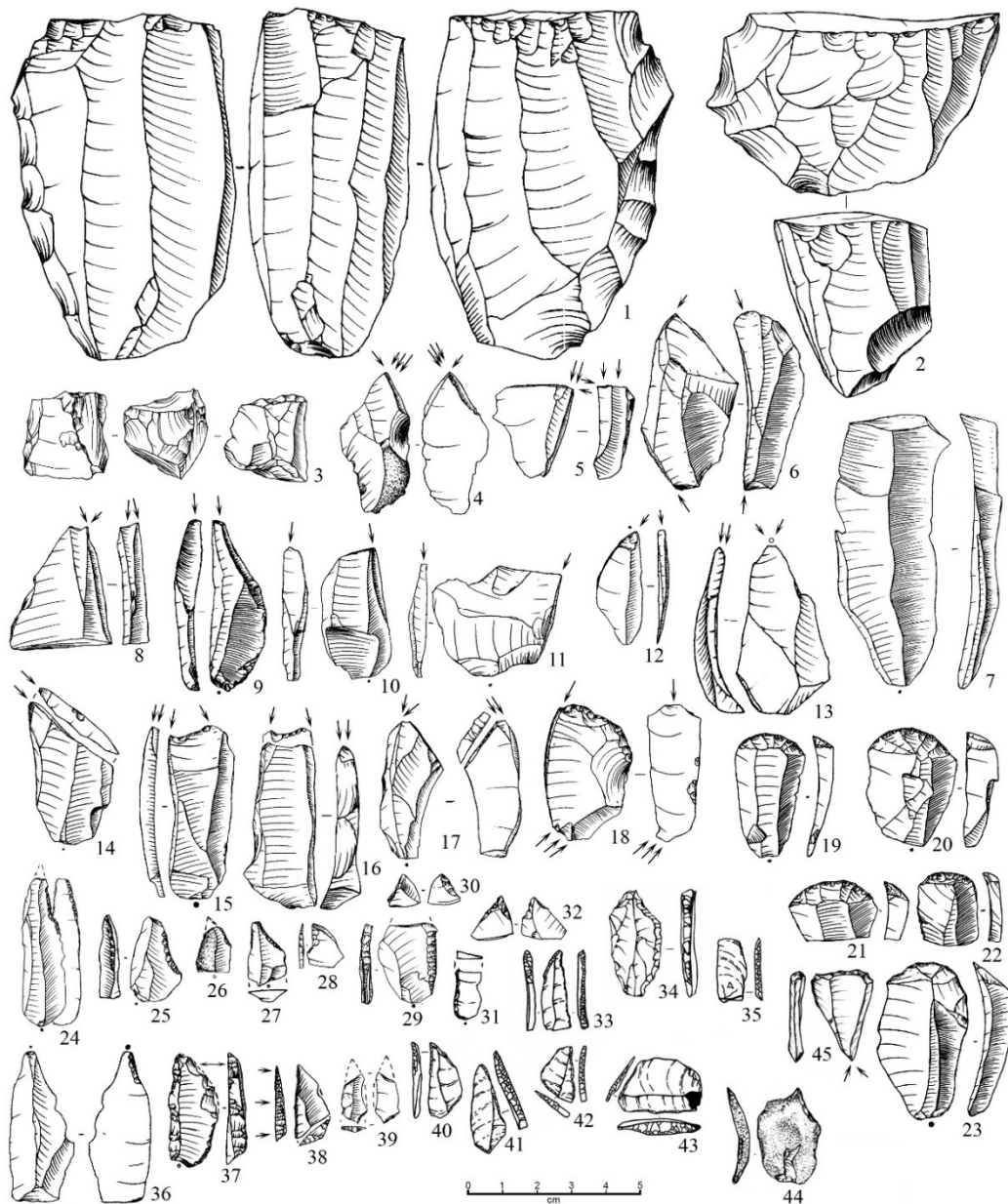

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Самотоевка (33–35, 40–45 – по: [26. Рис. 3, 4])

А.Н. Бессудновым и А.А. Бессудновым была высказана иная точка зрения на проблему генезиса самотоевской индустрии. Авторы связывают ее происхождение с материалами замятнинской культуры [30. С. 40].

Датировки стоянок быковской культуры: Быки-1 – 17570 ± 120 (ГИН – 8408), $17\ 640 \pm 130$ (ГИН – 8409), $17\ 200 \pm 300$ (ГИН – 8408a), $16\ 600 \pm 180$ (ГИН – 8409a); Быки-7, к. с. Ia: $16\ 000 \pm 130$ (ГИН – 11755), к. с. I: $17\ 000 \pm 90$ (ГИН – 11753), $14\ 300 \pm 370$ (ГИН – 13082), $14\ 600 \pm 250$ (ГИН – 13083), $15\ 600 \pm 400$ (ГИН – 13084), $17\ 320 \pm 640$ (ЛЕ – 7794) л. н. [33. С. 19]. Датировки Самотоевки по ^{14}C : $13\ 800 \pm 350$ (ЛЕ-8566), $14\ 730 \pm 100$ (ГИН-12852), $15\ 600 \pm 550$ (ЛЕ-8567), $15\ 900 \pm 150$ (ГИН-12851) л. н. [34. С. 23].

Финальнопалеолитические материалы стоянки Самотоевка, скорее всего, относятся к быковской культуре. Подтверждают такое предположение имеющиеся радиоуглеродные датировки Быков-7 и Самотоевки,

общее сырье – меловой кремль, сходство каменных индустрий, где были встречены низкие асимметричные треугольники, отсутствие мамонтовой фауны. Расположение Самотоевки (порядка 280 км к юго-востоку от быковского скопления памятников) может включить в ареал быковской культуры, помимо Поднепровья, участок степной зоны бассейна Дона.

Памятники раннего мезолита представлены рядом комплексов с неопределимой культурной спецификой, а также стоянками зимовниковской культуры.

У южной границы Верхнего Дона исследована стоянка Ямное с материалами раннего мезолита [35]. Индустрия стоянки базировалась на отщеповой технологии, в коллекции выразительны двугранные резцы и резцы на сломе, короткие концевые скребки, обломки топора с перехватом, остря с арочной формы обушками, обработанными отвесной ретушью (рис. 5). Трапеций в коллекции нет.

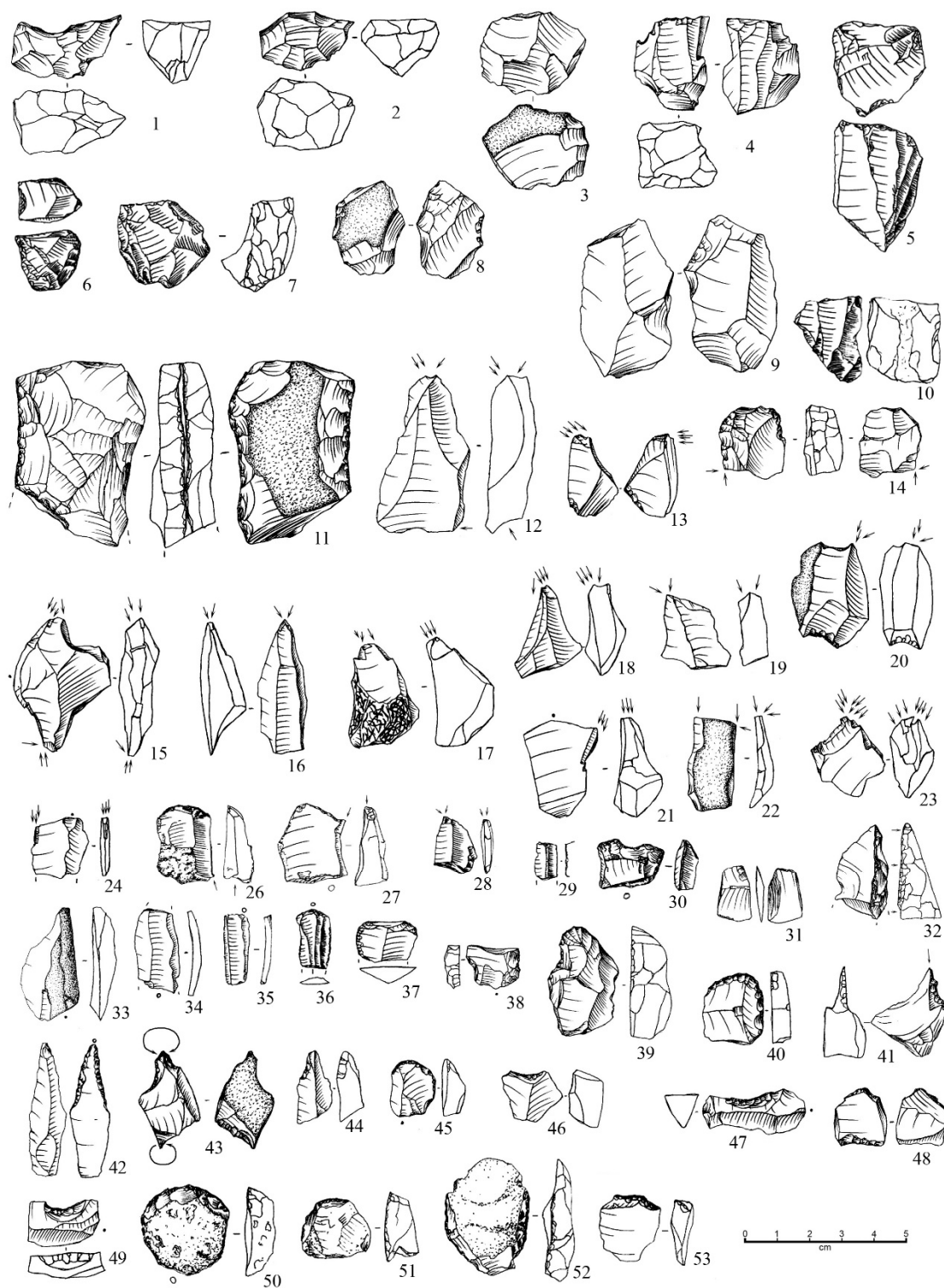

Рис. 5. Каменный инвентарь раннего мезолита стоянки Ямное

Нижний слой стоянки Плаутино 2, расположенной в центральной части междуречья Дона и Волги, датирован по ^{14}C (зуб млекопитающего) 9950 ± 100 некал. л.н. (SPb-309). Материалы опубликованы [12]. В ходе исследований были изучены индустрии раннего и позднего мезолита.

В основании нижнего слоя в центральной части раскопа и сооружении 1 залегала небольшая коллек-

ция изделий из импортного мелового кремня, на характеристике которой можно остановиться подробнее. Находки выделяются высоким процентом орудий по отношению к заготовкам и отходам производства. Техника расщепления изобилует недостающими элементами.

Пренуклеусов не встречено, имеющиеся нуклеусы представляют собой остаточные формы (рис. 6, 1, 2).

Все выявленные пластины укладываются в спектр показателей ширины от 0,5 до 2,3 см, как правило, двускатные, соответствуют облику верхнепалеолитических длинных сколов и пластин «кварцитового»

раннемезолитического комплекса. Их показатели говорят о применении мягкого отбойника, позволявшего получать длинные тонкие сколы с относительно прямым профилем в технике удара.

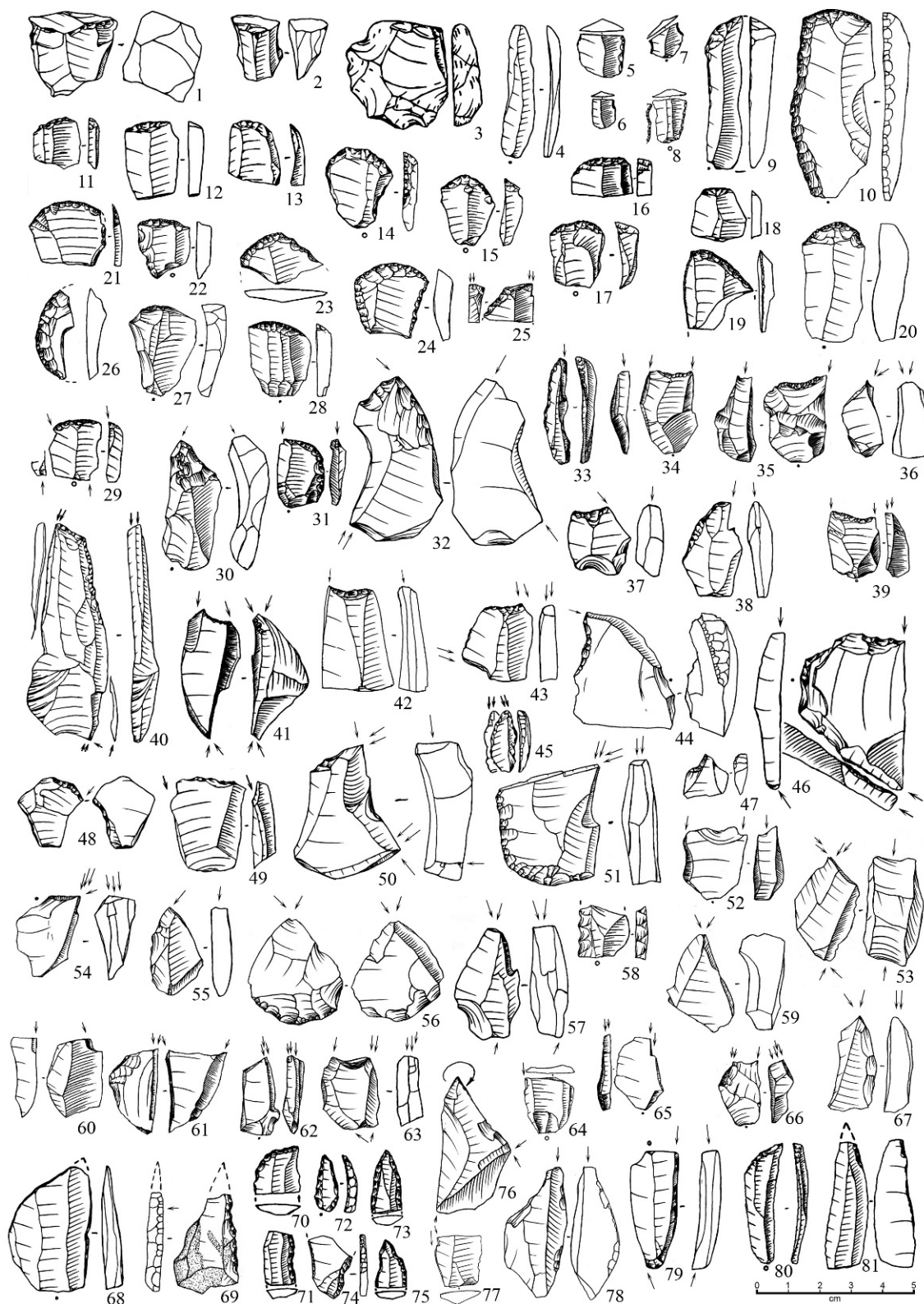

Рис. 6. Пластины 2, нижний слой. Комплекс находок из мелового кремня

Среди орудий выделяются пластины и их фрагменты с различной локализацией регулярной краевой

ретуши (рис. 6, 5–8), концевые и конце-боковые скребки (рис. 6, 10–24, 27–28).

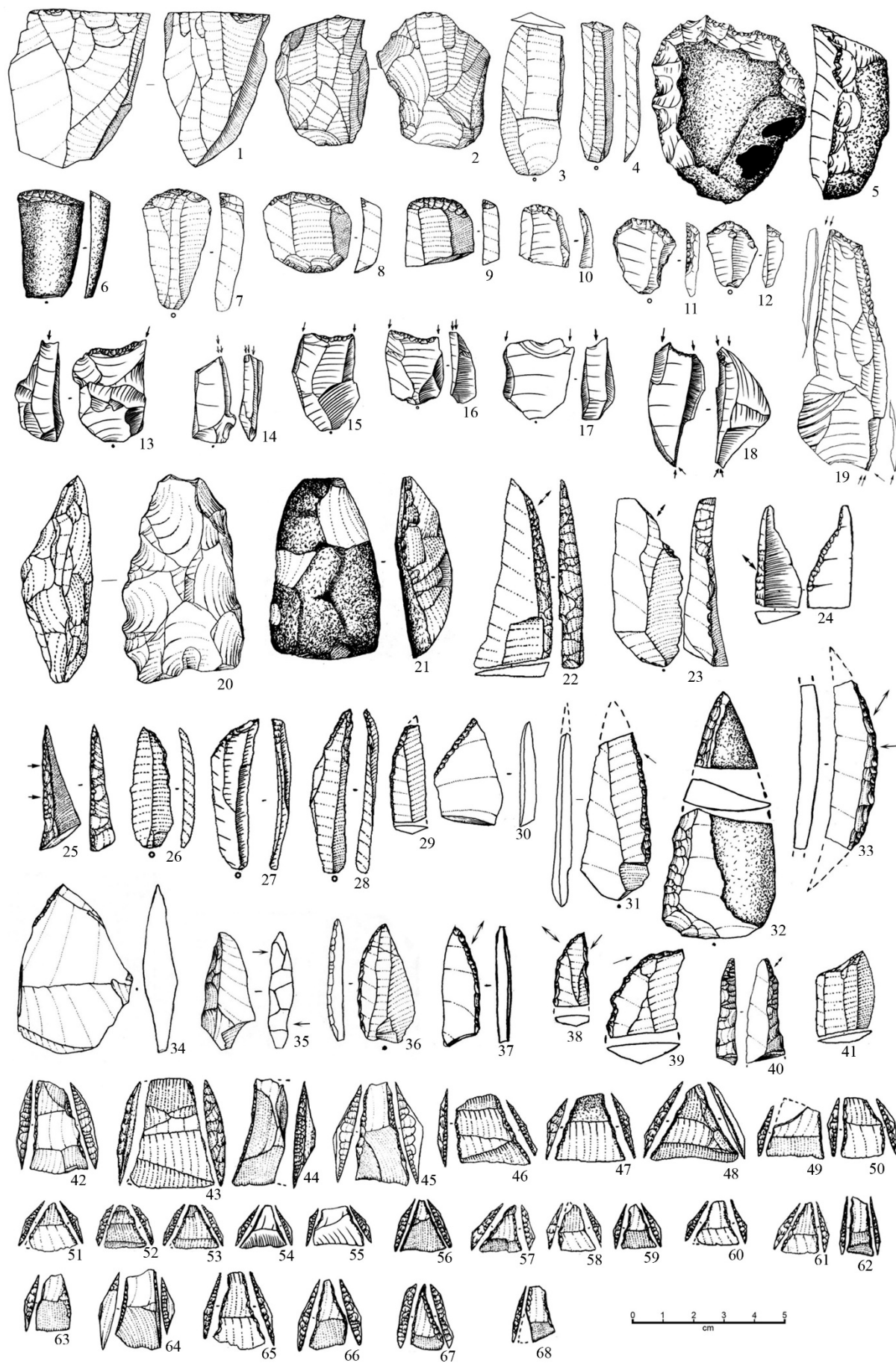

Рис. 7. Плаутино 2, нижний слой. Образцы находок из кварцита

Наиболее яркая и выразительная категория орудий комплекса находок из мелового кремня – резцы. Явный приоритет здесь принадлежит орудиям, изготовленным на сломе заготовки (см. рис. 6, 52, 60–62, 64–66), почти равные доли занимают двугранные (рис. 6, 36, 50, 51, 53, 67) и ретушные резцы с прямой, скошенной или ровной площадкой (рис. 6, 25, 29–35, 37–44, 46). Встречено много комбинированных типов.

Среди других орудий выделяются обломок пилки на пластине с приостряющей ретушью, образующей серию регулярных выемок (рис. 6, 58), атипичный скребок со следами сильной утилизации, обломок черешковой части какого-то орудия, скорее всего, наконечника стрелы (рис. 6, 74), сломанное асимметричное острие на широкой пластине, обработанное мелкой краевой крутой ретушью (рис. 6, 68), асимметричное острие с прямым обушком, образованным крутой ретушью со стороны брюшка и естественно сужающимся концом (рис. 6, 69), целые и сломанные пластины со скошенным ретушью концом (рис. 6, 70, 80), сегментовидное острие со следами макроизноса в виде резцовых сколов на кончике (рис. 6, 45), небольшая проколка (рис. 6, 72).

Встречены два обломка симметричных острий из пластин, обработанных крутой ретушью (рис. 6, 73, 75), а также орудие с противолежащей мелкой краевой ретушью без кончика (рис. 6, 81). В единственном случае в коллекции выявлен так называемый псевдомикролезец (рис. 6, 47).

Бережное отношение к меловому кремню проявлялось в реутилизации орудий и существовании комбинированных типов, среди которых наиболее распространённое сочетание – скребок-резец, скребок-проколка, резец-развертка на коническом окончании ограненного резцовыми сколами обломка.

Описанная коллекция находок из мелового кремня без трапеций, с обломками симметричных и асимметричных острий, судя по всему, имела более раннюю хронологическую позицию по сравнению с основным комплексом раннего мезолита из кварцита (см. рис. 7), при этом находки из мелового кремня встречены, как на площади простирания культурного слоя, так и в закрытом комплексе Сооружения 1. Ближайшие выходы данного сырья расположены в 500 км к западу от Плаутино 2.

Зимовниковская культура выделена А.Ф. Гореликом в результате изучения стоянок Зимовники 1, 2 и других в Подонцовье в 1980-е гг. [36], вопросы хронологии и периодизации, содержания неоднократно затрагивались исследователями [12, 37, 38]. Материалы зимовниковской культуры обладают устойчивыми чертами сходства на фоне других культур «с трапециями». Основное количество дат укладывается в РВ-II [37. С. 83].

Л.Л. Зализняк в своей работе включил материал стоянки Плаутино 2 в сабовский вариант зимовниковской культуры [38. С. 66]. Но, как уже отмечалось ранее, общность содержания выделенных вариантов культуры вызывает множество вопросов [1], так что с большей уверенностью можно говорить о сходстве только с эпонимным памятником. Материалы стоянки Сабовка фактически идентичны плаутинским, за исключением разницы в сырье, имеют пребореальную-бореальную датировку по данным изучения почв [39].

Заключение

Приведенные выше данные в очередной раз дают прерывистую картину развития культур финального палеолита и раннего мезолита в лесостепном Подонье, с чем согласны и другие исследователи, рассматривающие проблему с позиций миграционной теории [17. С. 110]. Для группы памятников, традиционно рассматриваемой в рамках замятнинской культуры, нет надежных данных о генезисе, несмотря на длительность ее существования [40; 42. С. 321], как, впрочем, и проявлении каких-либо устойчивых черт в индустриях финального палеолита. Автохтонной в рассматриваемом хронологическом интервале может быть индустрия Борщево II с тремя культурными слоями, однако пример этого памятника в рамках Костенковско-Борщевского района уникален и единичен. Определенное сходство индустрий обнаруживается в сравнении Борщево 2 (1 к.с.) и Дивногорья 1, 9 [40. С. 104]. В местном мезолите наследие этих индустрий не проявляется.

В свою очередь, стоянки раннего мезолита зимовниковской культуры не имеют генетических корней в финальном палеолите лесостепного Подонья.

Таким образом, рассматриваемый период в целом характеризуется нелинейным, дискретным характером развития каменных индустрий, проходившим на фоне глобальных природно-климатических изменений. Его причины могут быть связаны как с большим количеством хронологических лакун между датированными памятниками, так и с характером адаптации человека к новым условиям.

Имеющиеся данные показывают, что неизменным объектом охоты на протяжении финального палеолита – раннего мезолита оставалась лишь лошадь при увеличении разнообразия голоценовых видов (лось, бобр) и освоении речных промыслов. В такой ситуации трансформация, причем, вполне возможно, радикальная, каменных индустрий охотников – собирателей описанных выше стоянок была адекватной реакцией на происходившие природно-климатические изменения.

Примечания

¹ Исследователи отмечают неопределенность южной границы комплекса [3].

² Данные по стоянкам Самоотоевка, Дивногорье 9, 1, приведены по [17. С. 104. Табл. 2]. Данные по стоянке Борщево 2 – по [18. С. 217–222].

³ Однозначное отнесение всей фауны Назаровки только к финальному палеолиту проблематично, так как кости залегают на уровне контакта с отложениями позднего мезолита.

Список источников

1. Федюнин И.В. Каменный век и энеолит лесостепного Подонья // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж : Научная книга, 2021. С. 25–194.
2. Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж : ВГПУ, 2006. 145 с.
3. Маркова А.К. Комплексы млекопитающих Европы в конце плейстоцена – раннем голоцене // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.) / отв. ред. А.К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен. М. : Товарищество научных изданий КМ К., 2008. С. 91–299.
4. Маркова А.К., Кольфсхотен Т., Симакова А.Н., Пузаченко А.Ю., Белоновская Е.А. Экосистемы Европы в период позднеледникового потепления бёллинг-аллерёд (10.9–12.4 тыс. лет назад) по палинологическим и териологическим данным // Известия РАН. Серия географическая. 2006. № 1. С. 15–25.
5. Мильков Ф.Н. Лесостепь Русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 296 с.
6. Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене (верхний палеолит – бронза). М. : Наука, 1991. 221 с.
7. Матлахова Е.Ю., Панин А.В. Геохронология экстремальных палеогидрологических событий в бассейне Верхнего и Среднего Дона в позднем плейстоцене // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г. М., 2020. С. 326–332.
8. Панин А.В., Сидорчук А.Ю. Геоморфологические свидетельства мощного стока рек Русской равнины в позднем Валдае // Геоморфология на рубеже XXI века. Труды IV Щукинских чтений. М., 2000. С. 331–334.
9. Панин А.В., Сидорчук А.Ю. Проблемы реконструкции водного баланса Русской равнины в позднем Валдае // Квартер-2005. Материалы 4 Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 313–314.
10. Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Борисова О.К. Флювиальные процессы и речной сток на Русской равнине в конце поздневалдайской эпохи // Горизонты географии (к 100-летию К.К. Маркова). М. : Географический факультет МГУ, 2005. С. 114–127.
11. Сидорчук А.Ю., Панин А.В., Борисова О.К. Палеогидрология рек Русской равнины в условиях климатических изменений позднеледниковья // VI Всероссийский гидрологический съезд. 28 сентября – 1 октября 2004 г. М. : Метеоагентство Росгидромета, 2008. С. 225–229.
12. Федюнин И.В. Стоянка Плаутино 2 и ее место в мезолите бассейна Дона. Воронеж : ВГПУ, 2012. 148 с.
13. Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Чернов А.В. Основные этапы формирования пойм равнинных рек Северной Евразии // Геоморфология. 2011. № 3. С. 20–31.
14. Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Панин А.В., Чернов А.В. Эволюция эрозивно-русловых систем на Восточно-Европейской равнине за последние 150 тысяч лет // Маккавеевские чтения – 2013. Сборник материалов. М. : Географический факультет МГУ, 2014. С. 117–138.
15. Сидорчук А.Ю., Панин А.В., Борисова О.К. Климатические изменения стока воды рек на южном мегахлоне Восточно-Европейской равнины в позднеледниковье // Древние и современные долины и реки: история формирования, эрозийные и русловые процессы. Волгоград : ВГПУ, 2010. С. 118–140.
16. Маркова А.К., Пузаченко А.Ю. Реконструкция изменений окружающей среды в позднем плейстоцене по териологическим материалам стоянок Костёнковско-Борщёвского района и прилегающих территорий // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района. Материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.). Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. С. 47–56.
17. Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А. К вопросу о переходе от палеолита к мезолиту на Верхнем и Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 99–112.
18. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979 / под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л. : Наука, 1982. 284 с.
19. Федюнин И.В. Отчет о раскопках стоянки Назаровка в нижнем течении р. Черная Калитва в 2006 г. // Архив Института археологии Российской академии наук (ИА РАН).
20. Федюнин И.В. Отчет о раскопках стоянки Назаровка в нижнем течении р. Черная Калитва в 2007 г. // Архив ИА РАН.
21. Аникивич М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб. : Нестор-История, 2008. 304 с.
22. Цыганов Ю.Ю. Исследование палеолитической стоянки Борщево 2 // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. : ИИМК РАН, 1995. С. 28–29.
23. Синицына Г.В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб. : Элек-Сис, 2013. С. 152–182.
24. Гавриленко И.М. Кам'яні та кістяні вироби гінцівського пізньопалеолітичного поселення (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологічний альманах. 2003. № 13. С. 232–249.
25. Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хут. Дивногорье на Среднем Дону // Российская археология. 2010. № 2. С. 125–134.
26. Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Особенности разнофункциональных позднепалеолитических памятников в Дивногорье // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3. Воронеж : Научная книга, 2012. С. 73–77.
27. Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Зарецкая Н.Е., Кузнецова Т.В., Нечушкин Р.И., Тиунов А.В. Некоторые результаты естественнонаучных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. С. 302–306.
28. Федюнин И.В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж : ВГПУ, 2010. 208 с.
29. Березуцкая Т.Ю. Отчет о открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 году // Архив ИА РАН.
30. Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н. Позднепалеолитическая стоянка Самотоевка в бассейне Черной Калитвы (предварительное сообщение) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ : Шлях, 2012. С. 37–41.
31. Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите центра Русской равнины. Брянск : Брянск-сегодня, 2001. 136 с.
32. Чубур А.А. Проникновение геометрических микролитов в среднеднепровскую историко-культурную область поздней поры верхнего палеолита: миграция людей или миграция идей? // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза : ПИРО, 2013. Вып. 3. С. 12–20.
33. Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск : Мечта, 2015. 254 с.
34. Бессуднов А.А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 32 с.
35. Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж : ВГПУ, 2012. 154 с.
36. Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев : Наукова думка, 1984. С. 4–23.
37. Гавриленко И.М. Зімівніківська археологічна культура (до історії ранньомезолітичного населення лівобережної України). Полтава, 2000. 128 с.

38. Залізник Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України: Культурний поділ та періодизація. Київ : Шлях, 2005. 184 с.
39. Веклич М.Ф., Герасименко Н.П. К вопросу о стратиграфии мезолитических и неолитических памятников Луганской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск, 1990. С. 20–22.
40. Бессуднов А.А. Замятинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита: миф или реальность? // Camera Praehistorica. 2019. № 1. С. 36–69.
41. Ефименко П.П., Борисковский П.И. Палеолитическая стоянка Борщево II. МИА 39. М. ; Л. : АН СССР, 1953.
42. Федюнин И.В. Поздневалдайские индустрии Костенковско-Борщевского района и проблемы изучения финального палеолита лесостепного Подонья // Stratum Plus. 2018. № 1. С. 305–324.

References

1. Fedyunin, I.V. (2021) Kamennyy vek i eneolit lesostepnogo Podon'ya [Stone Age and Eneolithic of the forest-steppe Don region]. In: Fedyunin, I.V. (ed.) *Ocherki arkheologii lesostepnogo Podon'ya v epokhu golotsena* [Essays on the archeology of the forest-steppe Don region in the Holocene epoch]. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 25–194.
2. Fedyunin, I.V. (2006) *Mezoliticheskie pamyatniki Srednego Dona* [Mesolithic Monuments of the Middle Don]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
3. Markova, A.K. (2008) Kompleksy mlekopitayushchikh Evropy v kontse pleystotsena – rannem golotsene [Complexes of mammals in Europe at the end of the Pleistocene – early Holocene]. In: Markova, A.K. & van Kolfschoten, T. (eds) *Evolutsiya ekosistem Evropy pri perekhode ot pleystotsena k golotsenu (24–8 tys. l.n.)* [Evolution of Ecosystems in Europe During the Transition from the Pleistocene to the Holocene (24–8 thousand years ago)]. Moscow: Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK. pp. 91–299.
4. Markova, A.K. et al. (2006) Ekosistemy Evropy v period pozdnelednikovogo potepeniya belling-allered (10.9–12.4 tys. let nazad) po palinologicheskim i teriologicheskim dannym [Ecosystems of Europe during the Late Glacial Bölling-Allerød warming period (10.9–12.4 thousand years ago) according to palynological and theriological data]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 1. pp. 15–25.
5. Mil'kov, F.N. (1950) *Lesostep' Russkoy ravniny. Opyt landshaftnoy kharakteristiki* [Forest-Steppe of the Russian Plain. Landscape experience]. Moscow: USSR AS.
6. Spiridonova, E.A. (1991) *Evolutsiya rastitel'nogo pokrova basseyna Dona v verkhnem pleystotsene – golotsene (verkhniy paleolit – bronza)* [Evolution of the vegetation cover of the Don basin in the Upper Pleistocene – Holocene (Upper Paleolithic – Bronze Age)]. Moscow: Nauka.
7. Matlakhova, E.Yu. & Panin, A.V. (2020) [Geochronology of extreme paleohydrological events in the Upper and Middle Don basin in the late Pleistocene]. *VIII Shchukinskiye chteniya: rel'ef i prirodoopol'zovanie* [8th Shchukin Readings: Relief and nature management]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 28 September – 1 October 2020. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 326–332. (In Russian).
8. Panin, A.V. & Sidorchuk, A.Yu. (2000) [Geomorphological evidence of a powerful runoff of the rivers of the Russian Plain in late Valdai]. *Geomorfologiya na rubezhe XXI veka* [Geomorphology at the Turn of the 21st Century]. Proceedings of the 4th Shchukin Readings. Moscow. May 2000. Moscow: Moscow State University. pp. 331–334. (In Russian).
9. Panin, A.V. & Sidorchuk, A.Yu. (2005) [Problems of reconstruction of the water balance of the Russian Plain in late Valdai]. *Kvartir-2005*. Proceedings of the 4th All-Russian Congress. Syktyvkar. 23–26 August 2005. Syktyvkar: Geoprint. pp. 313–314. (In Russian).
10. Panin, A.V., Sidorchuk, A.Yu. & Borisova, O.K. (2005) Flyuvial'nye protsessy i rechnoy stok na Russkoy ravnine v kontse pozdnevaldayskoy epokhi [Fluvial processes and river flow in the Russian Plain at the end of the late Valdai era]. In: *Gorizonty geografii (k 100-letiyu K.K. Markova)* [Horizons of Geography (To the 100th anniversary of K.K. Markov)]. Moscow: Moscow State University. pp. 114–127.
11. Sidorchuk, A.Yu., Panin, A.V. & Borisova, O.K. (2008) [Paleohydrology of the rivers of the Russian Plain under the conditions of climatic changes of the Late Glacial]. *Proceedings of the 6th All-Russian Hydrology Congress*. Moscow. 28 September – 1 October 2004. Moscow: Meteoragentstvo Rosgidrometa. pp. 225–229. (In Russian).
12. Fedyunin, I.V. (2012) *Stoyanka Plautino 2 i ee meste v mezolite basseyna Dona* [Plautino 2 site and its location in the Don Basin Mesolithic]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
13. Panin, A.V., Sidorchuk, A.Yu. & Chernov A.V. (2011) Osnovnye etapy formirovaniya poym ravninnykh rek Severnoy Evrazii [The main stages in the formation of floodplains of the lowland rivers of Northern Eurasia]. *Geomorfologiya*. 3. pp. 20–31.
14. Sidorchuk, A.Yu. et al. (2014) [Evolution of erosion-channel systems in the East European Plain over the past 150 thousand years]. *Makkaveevskie chteniya – 2013* [Makkaveev's Readings – 2013]. Proceedings of the Seminar. Moscow. 6 December 2013. Moscow: Moscow State University. pp. 117–138. (In Russian).
15. Sidorchuk, A.Yu., Panin, A.V. & Borisova, O.K. (2010) Klimaticheskie izmeneniya stoka vody rek na yuzhnom megasklone Vostochno-Evropeyskoy ravniny v pozdnelednikov'e [Climatic changes in river water runoff on the southern megaslope of the East European Plain in the Late Glacial]. In: *Drevnie i sovremennye doliny i reki: istoriya formirovaniya, erozionnye i ruslovnye protsessy* [Ancient and Modern Valleys and Rivers: History of formation, erosion and channel processes]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. pp. 118–140.
16. Markova, A.K. & Puzachenko, A.Yu. (2017) [Reconstruction of environmental changes in the late Pleistocene based on therological materials from the sites of the Kostyonki–Borshchyovo archaeological region and adjacent territories]. *Estestvennonauchnye metody v izuchenii i sokhranении pamyatnikov Kostenkovsko-Borshchevskogo arkheologicheskogo rayona* [Natural Science Methods in the Study and Preservation of the Monuments of the Kostyonki–Borshchyovo archaeological region]. Proceedings of the International Conference. Voronezh. 15–17 September 2016. Voronezh: Voronezh State University. pp. 47–56. (In Russian).
17. Bessudnov, A.N. & Bessudnov, A.A. (2019) K voprosu o perekhode ot paleolita k mezolitu na Verkhnem i Srednem Donu [To the question of the transition from the Paleolithic to the Mesolithic in the Upper and Middle Don]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 3-8 (28). pp. 99–112.
18. Praslova, N.D. & Rogacheva, A.N. (eds) (1982) *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979* [Paleolithic of the Kostyonki–Borshchyovo Region on the Don. 1879–1979]. Leningrad: Nauka.
19. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS). Fedyunin, I.V. (2006) *Otchet o raspokkakh stoyanki Nazarovka v nizhnem techenii r. Chernaya Kalitva v 2006 g.* [Report on the excavation of the Nazarovka site in the lower reaches of the river. Chernaya Kalitva in 2006].
20. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS). Fedyunin, I.V. (2007) *Otchet o raspokkakh stoyanki Nazarovka v nizhnem techenii r. Chernaya Kalitva v 2007 g.* [Report on the excavation of the Nazarovka site in the lower reaches of the river. Chernaya Kalitva in 2007].
21. Anikovich, M.V., Popov, V.V. & Platonova, N.I. (2008) *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona v kontekste verkhnego paleolita Evropy. Trudy Kostenkovsko-Borshchevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN* [Paleolithic of the Kostyonki–Borshchyovo region in the context of the Upper Paleolithic of Europe. Proceedings of the Kostyonki–Borshchyovo archaeological expedition of the Institute of Metallurgical Materials of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Tsyanov, Yu.Yu. (1995) Issledovanie paleoliticheskoy stoyanki Borshchevo 2 [Study of the Paleolithic site Borshchevo 2]. In: *Izucheniye kul'turnykh vzaimodeystviy i novye arkheologicheskie otkrytiya* [Study of Cultural Interactions and New Archaeological Discoveries]. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture of RAS. pp. 28–29.
23. Sinitsyna, G.V. (2013) O migratsiyakh i avtokhtonnom razvitiy kul'tur final'nogo paleolita na severo-zapade Russkoy ravniny [On migrations and autochthonous development of cultures of the final Paleolithic in the north-west of the Russian Plain]. In: Sinitsyna, G.V. (ed.) *Problemy*

- zaseleniya severo-zapada Vostochnoy Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy) [Problems of Settlement of the North-West of Eastern Europe in the Upper and Final Paleolithic (Cultural and historical processes)]. Saint Petersburg: Elek-Sis. pp. 152–182.
24. Gavrilenko, I.M. (2003) Kam'yani ta kistyaniivirobi gintivs'kogo pizn'opaleolitichnogo poselennya (za materialami Poltav's'kogo kraєznavchogo muzeju) [Kamyany and kistyaniivirobi of the Gintivs piznopaleolithic settlement (according to the materials of the Poltava Regional Museum)]. *Arkheologicheskii al'manakh*. 13. pp. 232–249.
25. Bessudnov, A.A. & Bessudnov, A.N. (2010) *Novyye verkhnepaleoliticheskie pamyatniki u khut. Divnogor'e na Srednem Donu* [New Upper Paleolithic sites near Khut. Divnogorye on the Middle Don]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2. pp. 125–134.
26. Bessudnov, A.A. & Bessudnov, A.N. (2012) [Features of multifunctional Late Paleolithic sites in Divnogorye]. *Divnogorskiy sbornik* [Divnogorsky Collection]. Proceedings of the International Conference. Vol. 3. Divnogorye. 28–30 July 2011. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 73–77. (In Russian).
27. Bessudnov, A.N. et al. (2014) [Some results of natural-scientific research of the monuments of the Divnogorsk group of the late Upper Paleolithic]. *Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archeological Congress*. Kazan. 21–25 October 2014. Kazan: Otechestvo. pp. 302–306. (In Russian).
28. Fedyunin, I.V. (2010) *Paleolit i mezolit Yuzhnogo Podon'ya* [Paleolithic and Mesolithic of the Southern Don]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
29. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS). Berezutskaya, T.Yu. (n.d.) *Otchet k otkrytuyu listu № 85 o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy v Novokhar'kovskom mikrorayone (Ol'khovatskiy rayon Voronezhskoy oblasti) v 1995 godu* [Report to the open sheet No. 85 on the conduct of archaeological research in the Novokharkov microdistrict (Olkhovatsky district of Voronezh Oblast) in 1995].
30. Bessudnov, A.A. & Bessudnov, A.N. (2012) Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Samotoevka v bassejne Chernoy Kalitvy (predvaritel'noe soobshchenie) [Late Paleolithic Samotoevka site in the Chyornaya Kalitva basin (preliminary report)]. In: *Problemi doslidzhennya pam'yatok arkheologii Shkhidnoi Ukraini* [Problems of the Preservation of Archaeological Monuments of Eastern Ukraine]. Luhansk: Shlyakh. pp. 37–41.
31. Chubur, A.A. (2001) *Byki. Novyy paleoliticheskii mikroregion i ego mesto v verkhnem paleolite tsentra Russkoy ravniny* [Bulls. New Paleolithic microregion and its place in the Upper Paleolithic of the center of the Russian Plain]. Bryansk: Bryansk-segodnya.
32. Chubur, A.A. (2013) Proniknovenie geometricheskikh mikrolitov v srednedneprovskuyu istoriko-kul'turnuyu oblast' pozdney pory verkhnego paleolita: migratsiya lyudey ili migratsiya idey? [The penetration of geometric microliths into the Middle Dnieper historical and cultural area of the Late Upper Paleolithic: migration of people or migration of ideas?]. In: *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the East European Forest-Steppe]. Vol. 3. Penza: PIRO. pp. 12–20.
33. Akhmetgaleeva, N.B. (2015) *Kamennyi vek Poseym'ya: verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Byki-7* [Stone Age of Poseimye: Upper Paleolithic site Byki-7]. Kursk: Mechta.
34. Bessudnov, A.A. (2011) *Pamyatniki pozdney pory verkhnego paleolita basseyna Verkhnego i Srednego Dona* [Monuments of the Late Upper Paleolithic of the Upper and Middle Don basin]. Abstract of History Cand. Diss. Saint Petersburg.
35. Surkov, A.V. & Skorobogatov, A.M. (2012) *Mnogosloynnaya stoyanka Yamnoe (materialy issledovaniy)* [Multilayered Yamnoye site (research materials)]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
36. Gorelik, A.F. (1984) Mezolit Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya (voprosy kul'turno-khronologicheskogo chleneniya) [Mesolithic of the North-Eastern Black Sea region (issues of cultural and chronological division)]. In: *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy* [Materials of the Stone Age on the Territory of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka. pp. 4–23.
37. Gavrilenko, I.M. (2000) *Zimivnikivs'ka arkheologichna kul'tura (do istorii rann'omezolitichnogo naseleennya livoberezhnoi Ukraini)* [Zimivnikivsk Archaeological Culture (Before the history of the early Mesolithic population of the left-bank Ukraine)]. Poltava: ACMI.
38. Zaliznyak, L.L. (2005) *Final'niy paleolit i mezolit kontinental'noi Ukraini: Kul'turniy podil ta periodizatsiya* [Final Paleolithic and Mesolithic of Continental Ukraine: Cultural podil and periodization]. Kiiv: Shlyakh.
39. Veklich, M.F. & Gerasimenko, N.P. (1990) K voprosu o stratigrafii mezoliticheskikh i neoliticheskikh pamyatnikov Luganskoy oblasti [On the issue of stratigraphy of the Mesolithic and Neolithic monuments of Luhansk Oblast]. In: *Problemy issledovaniya pamyatnikov arkheologii Severskogo Donetsa* [Problems of the Study of Archeological Monuments of the Seversky Donets]. Lugansk: [s.n.]. pp. 20–22.
40. Bessudnov, A.A. (2019) Zamyatninskaya arkheologicheskaya kul'tura pozdney pory verkhnego paleolita: mif ili real'nost'? [Zamyatninskaya archaeological culture of the late Upper Paleolithic: myth or reality?]. *Camera Praehistorica*. 1. pp. 36–69.
41. Efimenko, P.P. & Boriskovskiy, P.I. (1953) *Paleoliticheskaya stoyanka Borshchevo II. MIA 39* [Paleolithic site Borshchevo II. MIA 39]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
42. Fedyunin, I.V. (2018) Pozdnevaldayskie industrii Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona i problemy izucheniya final'nogo paleolita lesostepnogo Podon'ya [Late Valdai industries of the Kostyonki-Borshchyovo region and problems of studying the Final Paleolithic of the forest-steppe Don region]. *Stratum Plus*. 1. pp. 305–324.

Информация об авторе:

Федюнин И.В. – канд. ист. наук, генеральный директор ООО “Центр охранных археологических исследований” (Воронеж, Россия); доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия). E-mail: feduniniv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Fedyunin, Cand. Sci. (History), general director, Center for Conservation Archaeological Research (Voronezh, Russian Federation); associate professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: feduniniv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 17.06.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 902.01
doi: 10.17223/15617793/485/15

Диагностические маркеры двигательной активности человека в электронной образовательной среде

Дмитрий Юрьевич Баланев¹, Виктор Анатольевич Шамаков²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ balanevd@gmail.com

² sva1.0a@mil.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования индивидуальных характеристик двигательной активности пользователя системы управления обучением при решении типовых задач, заданных моделью «компромисс скорость–точность», с использованием оценки различных стратегий решения модифицированной задачи Фиттса. Наряду с показателями скорости и точности описаны и проиллюстрированы в виде графиков и рисунков треки движения указателя компьютерной мыши с учетом пройденной дистанции и ускорения движений испытуемого. Обсуждаются дизайн и содержание предлагаемой диагностической процедуры. В результате анализа данных было выделено шесть групп пользователей: с высокими и низкими показателями по характеристикам скорости, точности и амплитуды движения.

Ключевые слова: закон Фиттса, компромисс скорость–точность, информационная система, интерфейс человек-машина, цифровая образовательная среда, индивидуальные особенности, когнитивные способности

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России (проект № FSWM-2020-0040).

Для цитирования: Баланев Д.Ю., Шамаков В.А. Диагностические маркеры двигательной активности человека в электронной образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 138–144. doi: 10.17223/15617793/485/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/15

Diagnostic markers of human motor activity in a digital learning environment

Dmitry Yu. Balanev¹, Viktor A. Shamakov²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ balanevd@gmail.com

² sva1.0a@mil.ru

Abstract. The article aims to study the dynamics of psychological and psychophysiological indicators of students' cognitive activity in a digital learning environment. As a research platform, we used the well-known task of speed–accuracy tradeoff, adapted for work in the LMS Moodle using a set of plug-ins that implement both the stimulus situation itself and the ability to monitor the characteristics of the user's motor activity displayed in the track of the cursor control device (mouse tracking). As part of the study, LMS users performed a cognitive test, included in the digital learning environment and demonstrating the manifestation of Fitts's law in two versions: with instructions for the accuracy and speed of searching for the center of a reference figure that appears on a computer screen. The results were obtained in the form of tracks of the movement of a computer mouse, the main characteristics of the motor activity of the subjects – the time to complete both parts of the test, the distance traveled, the accuracy of hitting targets, and speed and acceleration – were analyzed and evaluated. All participants' indicators significantly differed depending on the stages of the experiment. These studies were presented in the form of a set of formal statistical generalizations and visualization, reflecting the characteristic features of the subjects' actions, the distance traveled, speed and acceleration on all segments of the path. As a result of data analysis, 6 groups of users were identified, differing in the degree of severity of indicators in terms of the characteristics of speed, accuracy and amplitude of movement. Of particular interest were such traces of a person's actions, which, on the one hand, were an expression of his skills or experiences,

and, on the other hand, were available not only for subjective, but also for objective analysis. As an example, we can point to the handwriting of a person who became one of the promising objects of study by psychologists of the early twentieth century. The concept of "handwriting" was easily transferred to other ways of transmitting information, for example, to the work of an operator with a key when transmitting messages using the "Morse code" method. Thus, the use of a computer mouse monitoring system in a digital learning environment provides an opportunity to quickly and adaptively provide interaction with the user, taking into account their psychophysiological characteristics and emotional state. The proposed diagnostic system allows us not only to determine the quantitative characteristics of the path traveled and the click map of a computer mouse, but also to classify the user into one or another group, taking into account their psychological characteristics.

Keywords: Fitt's law, speed-accuracy tradeoff, information system, human-machine interface, digital learning environment, individual characteristics, cognitive abilities

Financial support. The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2020-0040

For citation: Balanев, D.Yu. & Shamakov, V.A. (2022) Diagnostic markers of human motor activity in a digital learning environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 138–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/15

Введение

Идея анализа характерных особенностей деятельности человека, выраженных в продуктах его познавательной деятельности, имеет давнюю историю. Особый интерес вызывали такие следы действий человека, которые с одной стороны являлись выражением его навыков или переживаний, а с другой – были доступны не только для субъективного, но и объективного анализа. В качестве примера можно указать на почерк человека, который стал одним из перспективных объектов изучения психологов начала двадцатого века.

Так в работах Людвиг Клагеса, посвященных психодиагностическому значению почерка, делается попытка связать «отзывчивость характера» с «психической движущей силой» и «психическим сопротивлением» при помощи простой математической взаимосвязи [1]. Позднее, проводя анализ немецкой практической психологии периода Второй мировой войны, П. Фиттс указывает на тенденцию использовать в подходе немецких психодиагностов субъективные оценки процессуальных характеристик психологических тестов, которые часто оказывались предпочтительнее оценок результативности. При этом приводятся ссылки на многочисленные данные о связи почерка человека с его интеллектуальными способностями, темпераментом, характером, настроением и даже суицидальными наклонностями, которые могли бы стать предметом статистического анализа [2]. Тот факт, что П. Фиттс ссылается на уже на восемнадцатое издание работы Клагеса «Почерк и характер», вышедшее в 1940 г., позволяет заключить, что эти работы в области психодиагностики на основе почерка были чрезвычайно популярны и востребованы.

Понятие «почерк» легко было перенесено на другие способы передачи информации, например на работу оператора с ключом при передаче сообщений по методу «азбука Морзе». Особенно это стало очевидно после появления первых механизмов, способных воспроизводить идеальные отрезки времени при передаче сообщений, модулированными короткими и длинными тоновыми сигналами [3]. Опытные операторы радиосвязи оказались способны узнавать друг друга

по «стилю» передачи, который зависел от индивидуальных особенностей так же, как и рукописный почерк. Специально проведенный в 1914 г. эксперимент, в ходе которого коммутировался канал передачи, осуществляемой человеком-оператором при помощи ручного ключа и механическим устройством «Omniograph», показал, что более половины операторов признали это устройство более надежным и предпочтительным отправителем.

В наше время индивидуальные различия пользователей компьютерных систем, проявляемые в использовании таких широко распространенных устройств, как компьютерная мышь или клавиатура, исследуется в целом ряде работ. Так, анализ манеры управления компьютерной мышью дает достаточно информации для проведения аутентификации пользователя [4, 5]. Такие признаки могут сочетаться с «клавиатурным почерком» – особенностями в скорости и ритмичности нажатий на клавиши при наборе текста, а также наличию характерных паттернов промежутков времени между нажатиями на различные клавиши [6]. Совершенствование методов распознавания и оценки таких паттернов при помощи развитых статистических процедур и машинного обучения предоставляет уникальную возможность для исследователей и широкое поле для экспериментов не только в психодиагностике, но и при оценке процесса обучения, так как они могут проявляться и фиксироваться все время обучения опосредованное применением компьютерной техники. Оказалось, что ставшие привычными устройства, обеспечивающие взаимодействие человека и компьютера, позволяют получить значительный объем данных, по которым возможно оценить действия пользователя с точки зрения его психофизиологического, психологического и эмоционального состояния [6–8].

В то же время понятие индивидуального стиля успешно применялось для описания любых видов деятельности человека и к началу 1970-х гг. приобрело наиболее общий вид. Как отмечал Е.А. Климов, индивидуальный стиль есть обусловленная типологическими особенностями устойчивая система способов, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности [9]. Во многом это стало возможно благодаря экспери-

ментальным исследованиям моделей, в которых простые, на первый взгляд, задачи проявляли стилевые особенности человека не только на уровне «почерка», но и с точки зрения мышления.

Одна из таких универсальных задач, исследующая зависимость между скоростью, точностью и амплитудой движения, предназначенного для указания на цель различного размера, была предложена в 1954 г. П. Фиттсом. Результаты экспериментального исследования американский ученый представил в виде математического закона, который связывает время движения к наблюдаемой цели с точностью движения и с расстоянием до нее. «Чем дальше или точнее выполняется движение руки (кисти, ноги и др.) субъекта, тем больше коррекции необходимо для его выполнения и, соответственно, больше времени требуется субъекту для внесения этой коррекции» [10. Р. 381]. Закон Фиттса, выполняемый как статистическая тенденция в больших выборках, оказался подвержен нарушениям, причины которых не вполне однозначны [11, 12].

Наша собственная интерпретация нарушений закона Фиттса [13–15] позволяет выходить за пределы психофизиологических объяснений и обнаруживать стоящие за этими нарушениями психологические новообразования.

Методы исследования

Основной целью проведенного нами исследования стало совмещение двух разноуровневых, с точки зрения стилей построения деятельности, систем. Одна из них представлена ситуацией решения задач «компромисс скорость–точность–амплитуда», другая – характером двигательной активности испытуемого, использующего в качестве инструмента решения этой задачи компьютерную мышь. Дополнительно решалась задача включения исследования в систему управления обучения (LMS) в качестве диагностического средства, позволяющего зафиксировать индивидуальный стиль решения такого рода задач. Таким образом мы получили модель, при помощи которой можно оценивать действия пользователя, направленные на манипулирование информацией в процессе электронного обучения, в том числе и за пределами исследовательской процедуры.

Динамика изменения характеристик движения компьютерной мыши может быть использована в об-

щем случае как средство оценки утомляемости пользователя, целенаправленности и осмысленности его действий. Для достижения поставленной цели был сконструирован программный комплекс, включенный в качестве дополнительного модуля в систему управления обучения LMS Moodle. Доступный как образовательный ресурс, этот модуль может быть включен в логику работы любого образовательного курса или использоваться изолированно.

Дизайн диагностической процедуры выполнен в виде светлого прямоугольника на экране компьютера, на котором предьявляется ряд однотипных задач. Каждая такая задача представляет собой окружность фиксированного размера с размером значительно меньше, чем фон, на котором она выводится (рис. 1). По инструкции пользователь должен указать на центр окружности или как можно точнее, или как можно быстрее. Задачи сгруппированы в две серии, первая из которых выполняется «на точность», а вторая «на скорость». Каждая серия состоит из 128 повторяющихся задач. Такое количество однотипных задач определяется своеобразным компромиссом. С одной стороны, мы заинтересованы в большом количестве повторений для повышения внутренней валидности исследования и возможности использования как можно большего количества методов статистического анализа результатов. С другой – утомляемость в ситуации спровоцированной монотонии проявляется достаточно быстро и результаты решения задачи в начале процедуры и в конце сравнивать станет затруднительно. В другом нашем исследовании [15] мы использовали серии продолжительностью в 60 задач, имея в виду минимально возможную длину для проведения статистического исследования. Однако при этом оказалось затруднительно использовать методы частотного анализа. Рассматривая показатели точности и времени решения каждой задачи в качестве временного ряда, в данном исследовании мы имеем в виду возможность проведения процедуры быстрого преобразования Фурье для выявления скрытых закономерностей, которые могут объяснить индивидуальные стилевые особенности. При планировании исследования мы также зафиксировали влияние некоторых переменных – размер мишени, а также расстояние между ними являются постоянными величинами.

Рис. 1. Процесс эксперимента «компромисс скорость–точность»

Разработанный программный модуль позволяет также отслеживать движения компьютерной мыши пользователя все время проведения исследовательской процедуры. Все действия пользователя с мышью фиксируются с частотой 100 Гц. Таким образом появляется возможность отследить путь и траекторию движения исполнительного действия пользователя, а также затраченное на это движение время. В качестве базовых характеристик двигательной активности фиксируется время выполнения каждой задачи и серии в целом, учитывается пройденное курсором мыши расстояние, точность попадания в центр окружности, расстояние и количество промахов. В качестве обобщающих характеристик подсчитывается средняя скорость выполнения задания, средняя дистанция и среднее время реакции на появление стимула – окружности, а также стандартные отклонения.

Точность решения задачи является зависимой переменной и оценивается в минимальных единицах измерения экрана компьютера – пикселях. Точность, а точнее расстояние промахов представляет собой расстояние между местом клика пользователя и центром появившейся на экране окружности.

Эксперимент проводился на стационарных компьютерах с мониторами с диагональю 21" дюйм и разрешением 1 920×1 080 пикселей. Использовалась компьютерная мышь с разрешением оптического датчика 1 000 dpi.

Результаты исследования и обсуждение

По завершению эксперимента для каждого испытуемого строятся карты совершенных нажатий на клавиши мыши (кликов) и пройденного пути (рис. 2). Графики в верхней части рис. 2 отображают путь движений курсора и карту кликов для этапа на точность. Скорость и ускорение обозначены цветом. Графики в нижней части рис. 2 отображают те же параметры для серии с инструкцией «на скорость». Таким образом мы получаем изображения, состоящие из облака точек (кликов) и пройденного пути для каждого участника эксперимента. Индивидуальный стиль каждого пользователя с точки зрения скорости решения задачи, точности и характера движений по внешнему виду уникален. Для сравнения может быть использован эталон (рис. 3).

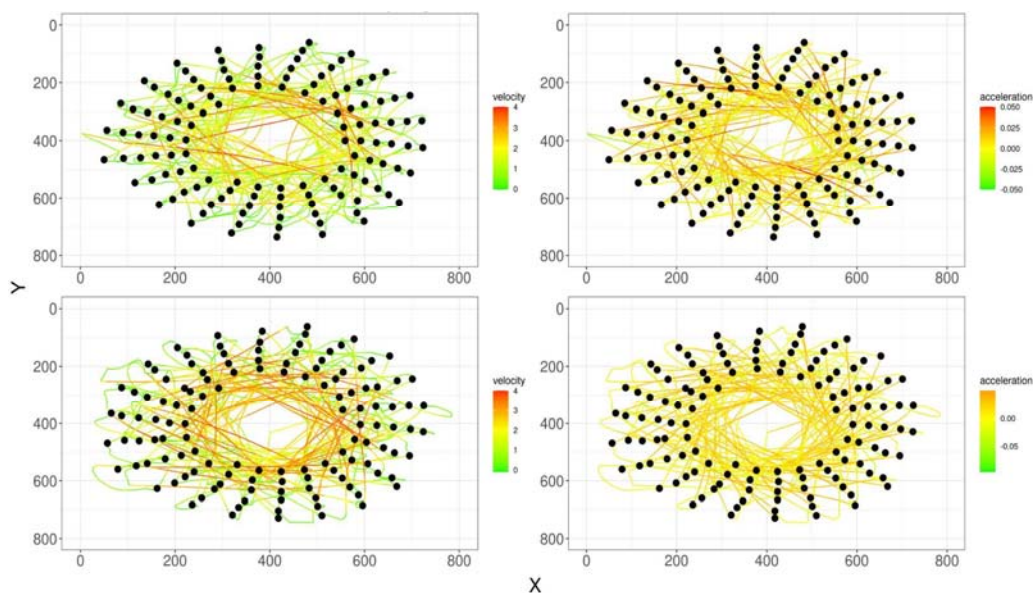

Рис. 2. Графическое представление результатов эксперимента «компромисс скорость–точность».

Левый верхний график – задание на точность с отображением скорости в виде цвета. Правый верхний график – задание на точность с отображением ускорения в виде цвета. Левый нижний график – задание на скорость с отображением скорости в виде цвета.

Правый нижний график – задание на скорость с отображением ускорения в виде цвета

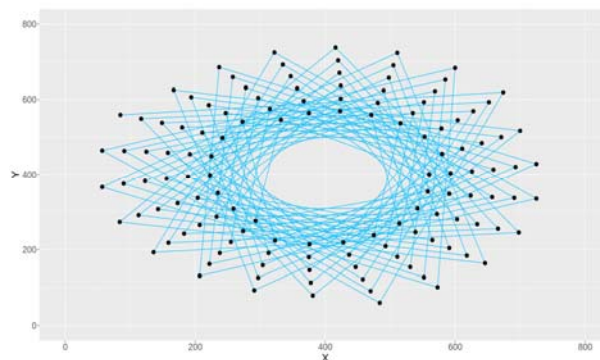

Рис. 3. Идеальная фигура и идеальный путь, 128 точек

Отдельно стоит уделить внимание преобразованию переменных скорости и ускорения для построения цвета на графиках рис. 2. Так как переменная «скорость» у каждого испытуемого сопровождалась большим количеством отклоняющихся значений, был установлен искусственный лимит в 4 пикс./мс, и все выбросы были заменены на это значение. Затем значения этого временного ряда были сглажены с помощью библиотеки *sleekts* системы статистической обработки R [16]. Ускорение также было ограничено от $-0,5$ пикс./мс² до $0,5$ пикс./мс² и сглажено. Положительные значения указывают на ускорение, отрицательные свидетельствуют о торможении на определенном участке пути.

Все полученные результаты и данные о каждом участнике эксперимента записывались в файлы в формате json и csv, обрабатывались и загружались в реляционную базу данных MySQL, хранящуюся на удаленном сервере. Программный модуль для проведения эксперимента был разработан с использованием современных web-технологий, языков программирования JavaScript и PHP. Предобработка и анализ данных проводились с помощью языка программирования R [17. Р. 472]. Для визуализации использовалась R библиотека *ggplot2* [18. Р. 268].

Идеальная фигура и идеальный путь с центрами окружностей в виде черных точек показаны на рис. 3. Идеальный путь представляет собой кратчайшее расстояние, т.е. прямую от центра одной окружности до центра другой, а идеальная фигура является множеством многоконечных звезд наложенных друг на друга. Длина идеального пути составляет 54 829 пикс., средняя идеальная дистанция на 1 клик равна 431 пиксела, стандартное отклонение – 94 пикселя. За идеальную точность взято минимальное расстояние кликов от центров окружностей – 0 пикселей. За эталонное время взято

самое лучшее время выполнения теста при отсутствии промахов – 77,4 с в части теста на точность и 63,1 с в части теста на скорость. Таким образом, зная эталонные характеристики, мы можем оценить, насколько они отличаются от реальных показателей, и на этом основании составить классификацию участников эксперимента.

Итоговая выборка состояла из 95 участников в возрасте от 18 до 25 лет.

Сравнение показателей участников эксперимента компромисс скорость–точность между первым и вторым этапом (на точность и на скорость) с помощью парного теста Стьюдента показало статистически значимые различия. Это говорит о том, что большая часть участников эксперимента верно поняли инструкцию и изменили манеру своих действий при выполнении второй части эксперимента по сравнению с первой. Таким образом среднее время выполнения теста с инструкцией на точность значительно отличается от части теста с инструкцией на скорость [$T(54) = 8,11, p < 0,01$], средняя пройденная дистанция [$T(54) = 2,54, p < 0,05$], расстояние промахов [$T(54) = 6,86, p < 0,01$], скорость [$T(54) = 14,11, p < 0,01$].

При разбиении наблюдений на крайние группы и визуальной оценке их результатов на графиках явно выделяются следующие типы испытуемых. Первое деление – самые точные и неточные участники. Когда пользователь попадает в окружности с максимальной точностью, на результирующем графике можно наблюдать ровные лучи из точек кликов (рис. 4). Участники, которые не точно попадают в окружности, получают на результирующем графике хаотичное распределение этих точек.

Следующая группа – самые быстрые и медленные участники. На рис. 5 в левой его части можно наблюдать преимущественно желто-зеленые линии, которые обозначают скорость на данном отрезке пути.

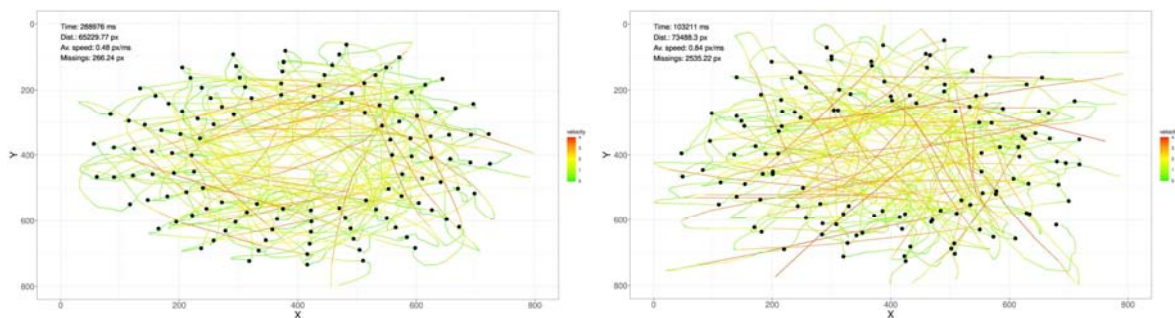

Рис. 4. Слева – результат участника с высокой точностью попадания, справа – участника с низкой точностью попадания

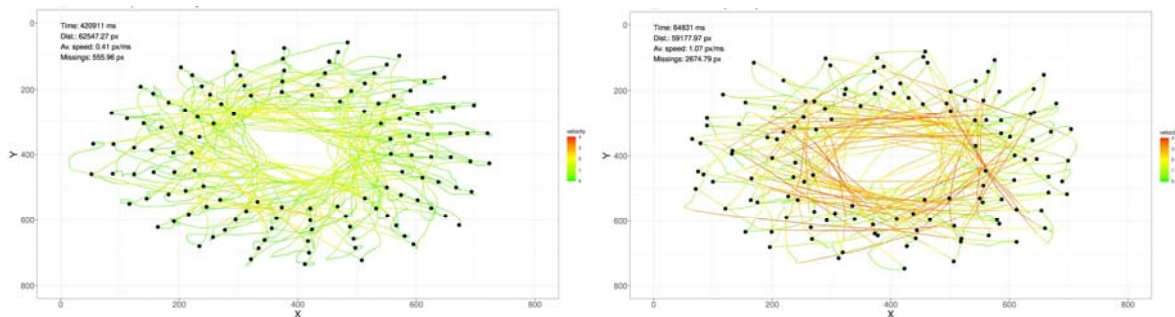

Рис. 5. Слева – низкая скорость выполнения, справа – высокая скорость выполнения

На рис. 4 в правой его части можно наблюдать преимущественно оранжевые и красные линии, которые говорят о высокой скорости выполнения эксперимента. Естественным образом с увеличением скорости падает точность попадания по целям, что также видно по карте кликов.

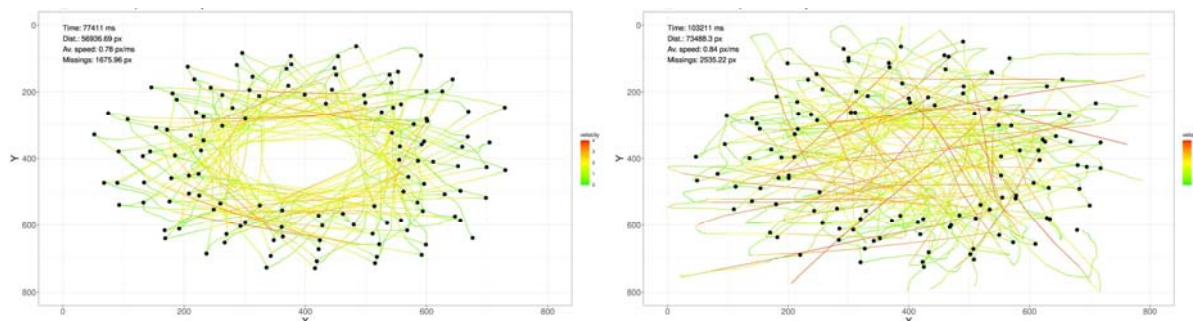

Рис. 6. Слева – короткий путь и низкая амплитуда движений, справа – длинный путь и высокая амплитуда движений

Заключение

Анализ полученных экспериментальных данных дает основание для нескольких исследовательских обобщений:

- использование диагностической системы мониторинга амплитуды движений с использованием компьютерной мыши в процессе решения когнитивной задачи открывает новые возможности получения информативных данных о характере действий пользователей в электронной образовательной среде;
- предлагаемый исследовательский инструмент позволяет не только фиксировать количе-

Последнее деление – участник с самой низкой и высокой амплитудой движений.

Пользователи с низкой амплитудой проделали минимально короткий путь, в то время как пользователи с высокой амплитудой – максимально длинный (рис. 6).

ственные характеристики двигательной активности человека, отражаемые на карте кликов компьютерной мыши, но и диагностические данные для типологизации пользователей с учетом их психологических особенностей;

- еще одной образовательной возможностью использования предлагаемой диагностической процедуры является непрерывное отслеживание психоэмоционального состояния пользователя персонального компьютера в процессе действий в электронной образовательной среде и оказание своевременной педагогической поддержки.

Список источников

1. Klages L. Über die psychodiagnostische Bedeutung der Handschrift // Bericht über den III. Internationalen Kongress für Philosophie. 1909. S. 631–639.
2. Fitts P.M. German applied psychology during World War II // American Psychologist. 1946. № 1(5). P. 151–161.
3. Greaves V.F. The Radio Operator Problem // Proceedings of the Institute of Radio Engineers. 1914. Vol. 2, № 3. P. 195–210.
4. Диденко С.М., Шапцев В.А. Исследование динамики работы пользователя с манипулятором мышь // Математическое и информационное моделирование. Тюмень, 2004. С. 295–304.
5. Диденко С.М. Разработка и исследование компьютерной модели динамики системы «пользователь – мышь» : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Тюмень, 2007. 18 с.
6. Joseph S., Joshua A., Derrick L., Gerry D. Mouse Tracking, Behavioral Biometrics, and GEFE // Southeastcon, 2013 Proceedings of IEEE. April 2013.
7. Васильев В.И., Сулавко А.Е., Борисов Р.В., Жумажанова С.С. Распознавание психофизиологических состояний пользователей на основе скрытого мониторинга действий в компьютерных системах // Искусственный интеллект и принятие решений. 2017. № 3. С. 21–37.
8. Bhatnagar M., Raina K., S Khairnar J., S Khairnar N. A Survey on Behavioral Biometric Techniques: Mouse vs Keyboard Dynamics // IJCA Proceedings on International Conference on Recent Trends in Engineering and Technology. 2013. ICRTET(5). May 2013. P. 22–25.
9. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1969. 278 с.
10. Fitts P.M. The information capacity of the human motor system In controlling the amplitude of movement // Journal of Experimental Psychology. 1954. Vol. 47. P. 381–391.
11. Juras G., Slomka K., Latash M. Violations of Fitts' Law in a Ballistic Task // Journal of Motor Behavior. 2009. № 41:6. P. 525–528.
12. Roberts J.W., Blinch J., Elliott D., Chua R., Lyons J.L., Welsh T.N. The violation of Fitts' Law: an examination of displacement biases and corrective submovements // Experimental Brain Research. 2016. Vol. 234(8). P. 2151–2163.
13. Баланев Д.Ю. Возможности визуализации результатов экспериментального исследования компромисса скорость–точность // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / ред. В.А. Барабанщиков. М. : ИП РАН, 2010. С. 80–86.
14. Баланев Д.Ю., Бредун Е.В. Компромисс скорость–точность как предмет психологического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 123–132.
15. Баланев Д.Ю., Куликов И.А. Конструирование признаков индивидуальных различий в задаче «компромисс скорость–точность» методом периодограммы // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 82–95.
16. Muntashir-Al-Arefin Md. Ayub Al. sleekts: 4253H, Twice Smoothing. R package version 1.0.2. 2015. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=sleekts>
17. Kabacoff R. R in Action. Shelter Island. New York : Manning publications, 2011.
18. Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. New York : Springer-Verlag, 2016.

References

1. Klages, L. (1909) [Über die psychodiagnostische Bedeutung der Handschrift]. *Proceedings of the 3rd International Congress of Philosophy. Heidelberg*. 1–5 September 1908. pp. 631–639.
2. Fitts, P.M. (1946) German applied psychology during World War II. *American Psychologist*. 1 (5). pp. 151–161. doi: 10.1037/h0059674
3. Greaves, V.F. (1914) The Radio Operator Problem. *Proceedings of the Institute of Radio Engineers*. 3 (2). pp. 195–210.
4. Didenko, S.M. & Shaptsev, V.A. (2004) Issledovanie dinamiki raboty pol'zovatelya s manipulyatorom mysh' [Study of the dynamics of the user's work with the mouse manipulator]. In: *Matematicheskoe i informatsionnoe modelirovanie* [Mathematical and Information Modeling]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 295–304.
5. Didenko, S.M. (2007) *Razrabotka i issledovanie komp'yuternoy modeli dinamiki sistemy "pol'zovatel' – mysh'"* [Development and study of a computer model of the dynamics of the "user – mouse" system] Abstract of Engineering Cand. Diss. Tyumen.
6. Joseph, S. et al. (2013) [Mouse Tracking, Behavioral Biometrics, and GEFE]. *Proceedings of IEEE Southeastcon 2013*. Jacksonville, FL. 4–7 April 2013. IEEE. pp. 1–6.
7. Vasil'ev, V.I. et al. (2017) Raspoznavanie psikhofiziologicheskikh sostoyaniy pol'zovateley na osnove skrytogo monitoringa deystviy v komp'yuternykh sistemakh [Recognition of psychophysiological states of users based on hidden monitoring of actions in computer systems]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy*. 3. pp. 21–37.
8. Bhatnagar, M. et al. (2013) [A Survey on Behavioral Biometric Techniques: Mouse vs Keyboard Dynamics]. *ICRTET(5)*. Proceedings on International Conference on Recent Trends in Engineering and Technology. Bangalore. 18–21 May 2013. IJCA. pp. 22–25.
9. Klimov, E.A. (1969) *Individual'nyy stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoy sistemy* [Individual Style of Activity Depending on the Typological Properties of the Nervous System]. Kazan: Kazan State University.
10. Fitts, P.M. (1954) The information capacity of the human motor system in controlling the amplitude of movement. *Journal of Experimental Psychology*. 47. pp. 381–391.
11. Juras, G., Slomka, K. & Latash, M. (2009) Violations of Fitts' Law in a Ballistic Task. *Journal of Motor Behavior*. 41:6. pp. 525–528.
12. Roberts, J.W. et al. (2016) The violation of Fitts' Law: an examination of displacement biases and corrective submovements. *Experimental Brain Research*. 234 (8). pp. 2151–2163.
13. Balanev, D.Yu. (2010) Vozmozhnosti vizualizatsii rezul'tatov eksperimental'nogo issledovaniya kompromissa skorost'–tochnost' [Possibilities of visualizing the results of an experimental study of the trade-off speed-accuracy]. In: Barabanshchikov, V.A. (ed.) *Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* [Experimental Psychology in Russia: Traditions and perspectives]. Moscow: Institute of Psychology of RAS. pp. 80–86.
14. Balanev, D.Yu. & Bredun, E.V. (2021) Kompromiss skorost'–tochnost' kak predmet psikhologicheskogo analiza [Compromise speed-accuracy as a subject of psychological analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (23). pp. 123–132.
15. Balanev, D.Yu. & Kulikov, I.A. (2021) Attribute construction of individual differences in the "speed – accuracy compromise" task using the periodograms. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 82. pp. 82–95. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/82/5
16. Al-Arefin, M. & Ali, M.A. (2015) *sleekts: 4253H, Twice Smoothing. R package version 1.0.2. 2015*. [Online] Available from: <https://CRAN.R-project.org/package=sleekts>.
17. Kabacoff, R. (2011) *R in Action. Shelter Island*. New York: Manning publications.
18. Wickham, H. (2016) *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. New York: Springer-Verlag.

Информация об авторах:

Баланев Д.Ю. – канд. психол. наук, декан факультета психологии, зав. лабораторией экспериментальной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: balanevd@gmail.com

Шамаков В.А. – инженер-исследователь лаборатории экспериментальной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sva1.0a@mil.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.Yu. Balanev, Cand. Sci. (Psychology), dean of the Faculty of Psychology; head of the Laboratory of Experimental Psychology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balanevd@gmail.com

V.A. Shamakov, research engineer, Laboratory of Experimental Psychology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sva1.0a@mil.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022;
одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 26.10.2022;
approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/485/16

Экспериментальная работа по методической подготовке будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка

Ольга Анатольевна Козырева¹, Инна Александровна Руднева²

^{1, 2} Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹ kozyrevaoa@mail.ru

² inna.rudneva@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ отечественной и зарубежной научно-педагогической литературы по проблеме профессиональной подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников в условиях университетского технопарка. Описана методология, логика и содержание экспериментальной работы. Результаты проведенного исследования показывают эффективность применения мастерских профессиональных проб студентов – будущих педагогов, организованных в условиях университетского технопарка и производственной инклюзивной практики.

Ключевые слова: методическая подготовка, будущие педагоги, инклюзивное образование, готовность к инклюзии школьников, университетский технопарк, мастерские профессиональных проб

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке ВГСПУ в рамках научно-го проекта «Модель методической подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию школьников на базе технопарка».

Для цитирования: Козырева О.А., Руднева И.А. Экспериментальная работа по методической подготовке будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 145–154. doi: 10.17223/15617793/485/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/16

Experimental work on the methodology of preparing future teachers for the inclusion of schoolchildren in the conditions of a university technopark

Olga A. Kozyreva¹, Inna A. Rudneva²

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

¹ kozyrevaoa@mail.ru

² inna.rudneva@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need for the dissimilation of the experience of the effective use of university technoparks in the process of organizing the educational and professional activities of future teachers. The research is based on synergetic, personality-oriented, competence-based, activity-based approaches to the development and implementation of the pedagogical process. The general scientific methodological basis of the process under study and its conceptual framework were a systematic approach that allows us to consider it as a single whole in all the diversity of internal and external relations with the elements of the educational environment of the University technopark. The aim of the study was to evaluate the effectiveness of experimental work on the methodological preparation of future teachers for the inclusion of schoolchildren on the basis of the university technopark. To analyze the readiness of future teachers for the inclusion of schoolchildren, the levels of its formation were determined: low, medium, potentially high, and actually high. The experimental work was carried out with students – future teachers – and had a step-by-step nature. At the stage of the ascertaining experiment, a quantitative and qualitative assessment of the initial level of formation of the readiness of future teachers for the inclusion of schoolchildren was carried out. At the stage of the formative experiment, educational work was carried out with students aimed at forming their readiness for the inclusion of schoolchildren within the framework of the academic discipline Education of Persons with Disabilities and industrial (technological in the system of inclusive education) practice. The key form of the educational process was the workshops of students' professional tests, as specially organized educational tests that provide immersion in the simulated elements of educational and professional activities of future teachers in order to gain experience of actions and build an individual trajectory of their professional formation and development. At the stage of the control experiment, the dynamics of the level of formation of the future teachers' readiness for the inclusion of schoolchildren was analyzed. A comparative analysis of the level groups of students at the ascertaining and

control stages of the experimental work showed a decrease in the group of a low level of formation of the readiness of future teachers for the inclusion of schoolchildren from 26% to 5%. There was also an increase in the potentially high-level group from 26% to 53% of respondents. The performed experimental work revealed the positive dynamics of the formation of the readiness of future teachers for the inclusion of schoolchildren in the conditions of the university technopark and also confirmed the validity of the formulated theoretical provisions underlying the model of their methodological training.

Keywords: methodological preparation, future teachers, inclusive education, readiness for inclusion of schoolchildren, university technopark, professional trial workshops

Financial support: The study was supported by Volgograd State Socio-Pedagogical University.

For citation: Kozyreva, O.A. & Rudneva, I.A. (2022) Experimental work on the methodology of preparing future teachers for the inclusion of schoolchildren in the conditions of a university technopark. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 145–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/16

Актуальность исследования определяется стремительным увеличением детей с особыми образовательными потребностями. Дельта различий представлена обширным списком нозологических групп [1. С. 18]. Вектор внимания ученых и практиков направлен именно на инклюзивно ориентированную методическую подготовку будущих педагогов [2–4]. Ее недостаточная исследованность применительно к формату инклюзивного образования обуславливает необходимость специального научного осмысления данной проблемы в аспекте нашего исследования.

Панорама позиций ученых на вынужденную трансформацию профессиональной деятельности будущих педагогов в связи с возникновением мегатренда «инклюзивное образование» центрирует готовность к инклюзии школьников в качестве ядра методической подготовки в педагогическом университете. Векторные научные исследования профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзии школьников демонстрируют трудности ее формирования в процессе обучения в вузе. Учеными сформулирован форсайт профессиональных барьеров. Поэтому в фокусе внимания ученых и практиков образования находится методическая подготовка будущих педагогов к инклюзии школьников, результат которой выступает гарантом обеспечения будущего безбарьерного образовательного транзита обучающихся различных нозологических групп.

Актуальность исследования определяется и тем, что в значительной мере разработанными являются научно-методологические подходы к профессиональной подготовке будущих педагогов к реализации инклюзивного образования школьников, тогда как научно-методические основы методической подготовки представляются малоразработанными. Диссимилиация опыта эффективного применения университетских технопарков в процессе организации учебно-профессиональной деятельности будущих педагогов позволяет рассматривать их в качестве высокотехнологичной опорной площадки, трансфера для формирования готовности будущих педагогов к инклюзии школьников.

Введение. Стратегические задачи развития современного российского общества, существующий нормативный регламент актуализировали подготовку инклюзивно ориентированного педагогического кад-

рового резерва, имеющего конкурентное преимущество – сформированную профессиональную готовность к инклюзивному образованию школьников [5, 6]. Изучение отечественной и зарубежной научной литературы, собственный многолетний профессиональный опыт позволили нам выявить возможные риски особого рода, сосредоточенные в сфере кадрового обеспечения педагогами инклюзивного образования [2, 5]. Анализируя причины нестабильной эффективности инклюзивного образования, среди основных учеными называются дефицит педагогических кадров и их неготовность к работе с детьми различных нозологических групп [1, 2].

Для реализации цели исследования, мы смоделировали исследуемый процесс на базе университетского технопарка. Он подробно описан авторами в ранее опубликованной работе [7]. Опираясь на разработанную педагогическую модель, мы осуществили перенос части организационных форм методической подготовки будущих педагогов в образовательную среду технопарка педагогического университета [7. С. 234]. Архитектура указанной педагогической модели, тезисно показанная далее, представлена тремя взаимосвязанными структурными компонентами: целевым, процессуально-деятельностным и аналитико-результативным блоками.

Целевой блок помимо четко сформулированного социального заказа, актуальных рамок ФГОС ВО последнего поколения, других векторных документов содержит цель методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников и обосновывает основные фундаментальные для исследования научные подходы (системный, компетентностный, личностно-деятельностный), принципы. Процессуально-деятельностный блок содержит обоснование организационно-педагогических условий успешной реализации исследуемого процесса; описания особенностей учебно-профессиональной деятельности будущих педагогов, которая осуществляется на базе университетского технопарка с указанием форм, методов, средств организации учебного процесса и видов профессиональной деятельности. Анализ всего спектра полученных результатов отражен в аналитико-результативном блоке. Он способствует объективизации моделируемого процесса, позволяет оперативно его корректировать, оценить качество методической

подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников [7. С. 235].

Методология исследования. Общенаучным методологическим основанием исследуемого процесса, концептуальным каркасом выступил системный подход, позволяющий рассматривать его в качестве единого целого во всем многообразии внутренних и внешних связей с элементами образовательной среды университетского технопарка. Исследование базируется на синергетическом, личностно-ориентированном, компетентностном, деятельностном подходах к разработке и внедрению педагогического процесса.

Синергетический подход способствует систематизации проектирования процесса методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников, разворачивание которого происходит с максимальным включением ресурсов образовательной среды университетского технопарка. Опора на личностно-ориентированный подход обеспечивает приоритетное развитие личности будущих педагогов в процессе методической подготовки. Реализация компетентностного подхода связана с определением необходимых изменений в методической подготовке будущих педагогов, обусловленных сменой знающего подхода на формирование «твердых» компетенций, в том числе в области устойчивого внедрения и развития инклюзивного образования. Применение деятельностного подхода обеспечивает создание на базе университетского технопарка условий для организации профессиональных проб студентов как средства формирования их профессиональной готовности к инклюзии школьников.

Обобщенное представление о процессе методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников на базе университетского технопарка мы сформировали средствами метода моделирования.

Экспериментальная работа основывалась также на метаанализе диссертационных исследований современных ученых, посвященных исследуемой проблематике [8, 9].

Цель исследования – оценка эффективности экспериментальной работы по методической подготовке будущих педагогов к инклюзии школьников на базе университетского технопарка.

Методы и организация исследования. В работе были использованы следующие методы:

- междисциплинарный теоретический анализ, позволивший провести содержательный и технологический анализ моделей методической подготовки будущих педагогов к инклюзии, применяемых в других педагогических университетах в РФ и за рубежом;

- педагогическое моделирование, в рамках применения которого осуществлялась разработка модели готовности будущих педагогов к инклюзии, а также модели их методической подготовки к инклюзивному образованию школьников, отражающих основные научные идеи и технологические решения исследователей;

- педагогический эксперимент, в ходе которого была организована опытно-экспериментальная работа по апробации целевых, содержательных, процессуальных характеристик методической подготовки бу-

дущих педагогов в педагогическом университете к инклюзии школьников на базе технопарка;

- статистическая обработка эмпирических данных, позволившая выполнить качественный и количественный анализ результатов исследования.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» в период с февраля по июль 2022 г.; в нем приняли участие 243 студента 3-го курса направления подготовки «Педагогическое образование».

Экспериментальная работа имела этапный характер. Целью констатирующего этапа эксперимента являлась количественная и качественная оценка уровня сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников. Для этого исследователями была разработана анкета «Изучение методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников». Первый блок вопросов анкеты нацелен на изучение представлений и научно-педагогических знаний студентов об основных идеях инклюзивного образования, теории и практике организации обучения и воспитания школьников в условиях инклюзии. Вопросы второго блока анкеты позволяли анализировать отношение студентов к инклюзии как культурному коду, к преподаванию своего предмета в инклюзивном классе, в котором совместно обучаются школьники с ограниченными возможностями здоровья и нормативным развитием. Третий блок вопросов анкеты направлен на изучение уровня владения методиками обучения и воспитания школьников в процессе инклюзии.

На этапе формирующего эксперимента осуществлялась учебно-воспитательная работа со студентами, направленная на формирование их готовности к инклюзии школьников. Аудиторная и внеаудиторная работа включала проведение лекций, практических занятий, использование анализа педагогических ситуаций, проектирование и реализацию технологических карт инклюзивных уроков и внеурочных мероприятий, экспорт инклюзивных и ассистивных технологий, а также организацию профессиональных проб в условиях университетского технопарка и производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики. Инвариантным структурным элементом всех образовательных программ направления «Педагогическое образование» для реализации цели исследования являлось включение в учебный план дисциплины «Обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья» и указанного вида производственной практики.

На этапе контрольного эксперимента проводился анализ динамики уровня сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников с использованием методов качественной и количественной обработки эмпирических данных.

Результаты и их обсуждение. Методическая подготовка будущих педагогов выступает неперменной частью профессионально-педагогической подготовки компетентных, эффективно практикующих учителей. Анализ научных публикаций современных ученых показал, что структура и содержание методической

подготовки будущих педагогов представлены многообразно, однако авторы сходятся во мнении о том, что методическая подготовка будущего педагога к инклюзии школьников включает личностную и практическую составляющие [10. С. 25; 11. С. 13]. Личностная составляющая профессионально-педагогической подготовки будущих педагогов к инклюзии представляется наиболее существенной и заключается в формировании ценностного отношения к проблеме инклюзии и эксклюзии – признания значимости человека вне связи с особенностями его здоровья и уровня физического, психического, социального развития, приверженности идее инклюзивного образования. Также методическая подготовка нацелена на формирование гуманистических профессионально важных личностных качеств, таких как доброта, эмпатия, милосердие и др. Практическая составляющая связана с освоением опыта будущей профессионально-педагогической деятельности со школьниками, как развивающимися в норме, так и имеющими ограниченные возможности здоровья (детьми, способными в другом). Для будущих педагогов важен опыт конструирования и применения технологических карт инклюзивного урока, инклюзивного внеурочного мероприятия, взаимодействия с родителями особого ребенка, участия в разработке и внедрении адаптированной образовательной программы по своему предмету, индивидуального образовательного маршрута.

Анализ зарубежных источников, посвященных проблеме подготовки будущих педагогов, показал, что особое внимание должно уделяться таким аспектам их профессиональной подготовки, как необходимость внесения изменений в содержание программ подготовки учителей для инклюзивного образования [12], обязательное формирование инклюзивной культуры педагога [13], удовлетворение потребности в знаниях и умениях организовать учебно-воспитательный процесс с разными категориями детей [14].

С опорой на анализ отечественных и зарубежных научных работ мы конкретизировали понятие методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников в педагогическом университете, под которой понимаем целенаправленный управляемый учебно-воспитательный процесс подготовки будущих педагогов к будущей профессиональной деятельности в изменившихся условиях. Результатом методической подготовки выступает готовность к профессиональной деятельности в инклюзивном формате.

Методическая подготовка будущих педагогов к инклюзии школьников может быть унифицирована, т.е. воссоздана на основе типичной модели, поэтому мы осуществили моделирование указанного процесса. Проведенное исследование показало, что интегрирующей формой методической подготовки будущих педагогов выступили мастерские профессиональных проб, организованные в рамках университетского технопарка и в ходе производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики. Мастерская профессиональных проб является формой учебного процесса, направленного на активное формирование опыта будущей профессиональной дея-

тельности. Подобный опыт способствует построению индивидуального стиля творческой, исследовательской деятельности, личностному росту, как преподавателя, так и обучающегося [15].

Применение мастерских профессиональных проб позволяло формировать систему знаний будущих педагогов в действии, передавать мастерство от наставника-мастера к обучающемуся через пробы, ошибки, их исправление и рефлекссию пробного действия. Мастерские профессиональных проб проводились участниками исследовательского коллектива – высококласными специалистами-наставниками из числа вузовских преподавателей и учителей-предметников инклюзивных школ. Организация мастерских профессиональных проб на базе университетского технопарка в рамках аудиторных занятий по дисциплине «Обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья» в ходе самостоятельной проектной и исследовательской работы студентов в коллаборации межпредметных групп создавала условия для формирования их методической готовности к инклюзии школьников.

Уточним, что профессиональная проба – это специально организованное учебное испытание, обеспечивающее погружение в смоделированные элементы учебно-профессиональной деятельности будущих педагогов с целью получения опыта. Это максимально способствующий накоплению итераций опыта действий и выстраиванию индивидуальной траектории профессионального становления и развития завершённый вид краткосрочной учебно-профессиональной деятельности [16, 17]. Будучи системной детерминантой формирования методической готовности будущих педагогов к инклюзии школьников, профессиональные пробы диагностичны, субъектно-ориентированы, полинаправлены на инклюзивные компетенции, рефлекссию «прожитого» пробного действия. Могут реализовываться как индивидуально, так и в паре или группе.

Для реализации профессиональных проб будущих педагогов с целью формирования их готовности к инклюзии школьников нами были разработаны и проведены следующие мастерские профессиональных проб: «Мотивация и сопричастность», «Физиология ребенка в норме и с особенностями развития», «Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья», «Учебное оборудование, ассистивные технологии», «Технологическая карта урока», «Технологическая карта внеурочного занятия», «Рефлексия».

Мастерская профессиональных проб «Мотивация и сопричастность» направлена на актуализацию смыслов образовательной инклюзии, задач инклюзивного образования как социального заказа современного общества. Будущие педагоги получали профессиональную пробу эмоционального прикосновения к инклюзии как социальной и профессиональной проблеме. Мастерская профессиональных проб «Физиология ребенка в норме и с особенностями развития» позволяла показать развитие ребенка в норме и с ограниченными возможностями здоровья в связи с его

трудностями в обучении, где состоялась профессиональная проба формирования целостного представления о развитии ребенка на основе междисциплинарных научных знаний из области анатомии, физиологии, патологии, психологии, педагогики. Мастерская профессиональных проб «Трудности школьного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья» предполагала представление и анализ примеров учебной деятельности и поведения школьников на уроках и занятиях. Будущие педагоги получали профессиональную пробу корректного отношения к оцениванию учебных работ школьников, пониманию внутренних причин и мотивов поведения и поступков школьников, в том числе с ограниченными возможностями здоровья. Мастерская профессиональных проб «Учебное оборудование, ассистивные технологии» была нацелена на презентацию и освоение современного оснащения образовательной среды инклюзивной школы, создавала условия для профессиональной пробы организации учебного и воспитательного процесса со школьниками, имеющими ограниченные возможности здоровья и инвалидность. Мастерская профессиональных проб «Технологическая карта урока» создавала условия для профессиональной пробы студентов в разработке технологической карты инклюзивного урока, формулировании цели, задач, детализации содержания, в осуществлении отбора инклюзивных и ассистивных технологий и видов учебной деятельности обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Мастерская «Технологическая карта внеурочного занятия» позволяла студентам получить профессиональную пробу в разработке технологической карты внеурочной деятельности, в формулировании цели, задач, отбора форм и содержания внеурочной деятельности, в подборе необходимых инклюзивных технологий для успешного вовлечения детей с ограниченными возможностями здоровья во все виды воспитательной деятельности образовательной организации. Мастерская профессиональных проб «Рефлексия» была нацелена на организацию самоанализа студентами степени сформированности готовности к будущей профессиональной деятельности в условиях инклюзии. Профессиональная проба студентов связана с опытом самоанализа целостного представления о развитии ребенка, самоанализа сформированности готовности к инклюзии школьников.

Мастерские профессиональных проб будущих педагогов проводились также в рамках производственной инклюзивной практики. Указанный вид практики включен в образовательные программы направления «Педагогическое образование» в связи с необходимостью профессиональной подготовки будущих педагогов к успешному выполнению трудовых функций по обучению, воспитанию и развитию обучающихся с особыми потребностями в образовании, сформулированных в профессиональном стандарте педагога. Целью организации производственной инклюзивной практики являлось формирование компетенций будущих педагогов по обучению, воспитанию и разви-

тию обучающихся, в том числе с особыми потребностями в образовании, на основе требований государственных образовательных стандартов и в соответствии с уровнем развития современного научного гуманитарного знания (ОПК-3, ОПК-6).

Содержание программы производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики подробно описано в работе Е.П. Хвастуновой [18]. Освоение инклюзивной практики создает условия для профессиональных проб будущих педагогов во взаимодействии со всеми субъектами образовательного процесса современной школы: проектирование и проведение инклюзивного урока, внеурочного инклюзивного мероприятия, участие в проведении родительского собрания, включение в работу методических сообществ учителей-предметников, педагогических консилиумов, других межпредметных коллабораций педагогов.

Обратимся к результатам проведенной экспериментальной работы.

Для анализа готовности будущих педагогов к инклюзии школьников были определены уровни ее сформированности: низкий, средний, потенциально высокий, актуально высокий. Выделение потенциально высокого и актуально высокого уровней основано на идеях теории Л.С. Выготского о закономерностях психического развития ребенка. Экстраполяция данной теории позволяет обнаружить готовность будущего педагога самостоятельно и творчески осуществлять обучение и воспитание школьников в условиях инклюзии (актуально высокий уровень сформированности готовности) и готовность к проектированию процессов обучения и воспитания школьников с выполнением практической деятельности только при поддержке наставника, в команде (потенциально высокий уровень сформированности готовности). В таблице 1 представлено их описание.

Проведенное исследование показало разноуровневое состояние сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников как в анализе целостного личностно-профессионального качества, так по структурным компонентам исследуемого феномена.

Изучение эмпирических данных по первому блоку вопросов анкеты позволило определить уровни сформированности представлений и научно-педагогических знаний студентов об инклюзии как культурном коде современного общества, теории и практики организации современного инклюзивного образования. К низкому уровню нами были отнесены 8% опрошенных студентов (против 32% в констатирующем эксперименте). Среднему уровню соответствуют 10,8% испытуемых (против 56%). К потенциально высокому уровню были отнесены 67,2% респондентов (против 11,6%). К актуально высокому уровню мы посчитали возможным отнести 14% будущих педагогов (против 0,4%). Уровни сформированности их представлений и научно-педагогических знаний студентов об инклюзии в структуре готовности к инклюзии школьников представлены на рис. 1.

Уровни сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников

Уровень	%	Показатели сформированности
Низкий	0–39	Студент имеет общие представления о проблемах инклюзии, системе инклюзивного образования. Студент в целом положительно относится к будущей профессии педагога, но не стремится к профессионально-педагогической деятельности в инклюзивной школе. Студент способен по шаблону провести отдельные этапы урока или внеурочного мероприятия со школьниками
Средний	40–59	Студент владеет отдельными научно-педагогическими знаниями об основных идеях современного инклюзивного образования. Студент сомневается в целесообразности инклюзии, не стремится к пониманию особенностей обучения и воспитания школьников с ограниченными возможностями здоровья. Студент способен использовать отдельные формы и приемы обучения и воспитания школьников в процессе инклюзии, стремится действовать по образцу
Потенциально высокий	60–79	Студент принимает ценности инклюзии, владеет научно-педагогическими знаниями об основных идеях современного инклюзивного образования, теории и практике организации обучения и воспитания школьников с ограниченными возможностями здоровья. Студент позитивно относится к перспективе их обучения и воспитания без создания специальных условий. Студент способен проектировать содержание обучения и воспитания школьников в процессе инклюзивного образования, учебно-воспитательную деятельность способен выполнять при поддержке наставника
Актуально высокий	80–100	Студент привержен ценностям инклюзии, владеет системой научно-педагогических знаний об основных идеях современного инклюзивного образования, о теории и практике организации обучения и воспитания школьников с ограниченными возможностями здоровья. Студент позитивно относится к перспективе их обучения и воспитания. Студент владеет методиками обучения и воспитания школьников в процессе инклюзивного образования, умеет самостоятельно и творчески проектировать и осуществлять систему урочной и внеурочной деятельности

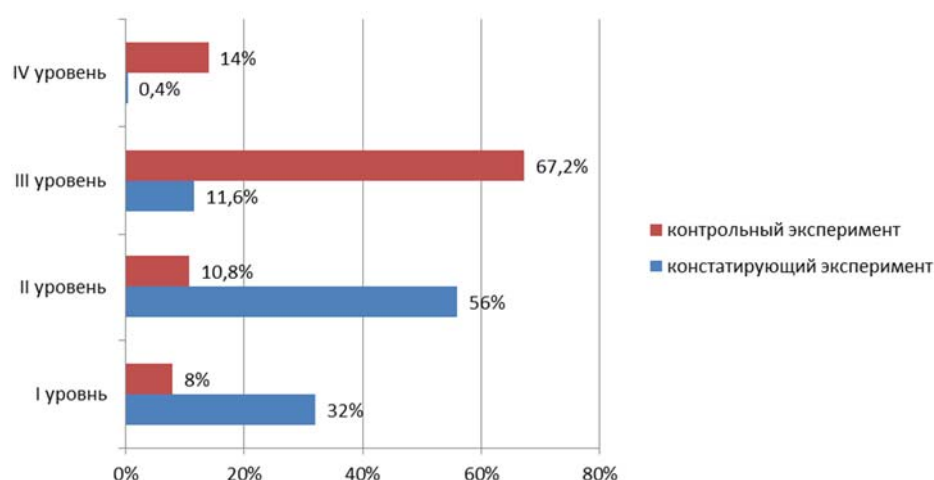

Рис. 1. Уровни сформированности представлений и научно-педагогических знаний студентов об инклюзивном образовании в структуре готовности к инклюзии школьников

Анализ количественных показателей уровневых групп респондентов на констатирующем и контрольном этапах экспериментальной работы показал существенное уменьшение низкого и среднего уровней сформированности представлений и научно-педагогических знаний об инклюзии в структуре их готовности к инклюзии школьников. Также выявлено увеличение групп потенциально высокого и актуально высокого уровней, что является особенно важным для нашего исследования.

Изучение эмпирических данных по второму блоку вопросов анкеты позволило определить уровни сформированности отношения студентов к

проблемам инклюзии, преподаванию своего предмета в условиях инклюзивного образования. К низкому уровню мы отнесли 6,4% респондентов (против 22% опрошенных на констатирующем этапе эксперимента); к среднему уровню – 30,8% (против 34%); к потенциально высокому уровню – 50,8% (против 37,2%) соответственно. Актуально высокому уровню соответствовали 12% опрошенных студентов (против 6,8%). Уровни сформированности отношения студентов к перспективам преподавания своего предмета в условиях инклюзии в структуре готовности к инклюзии школьников представлены на рис. 2.

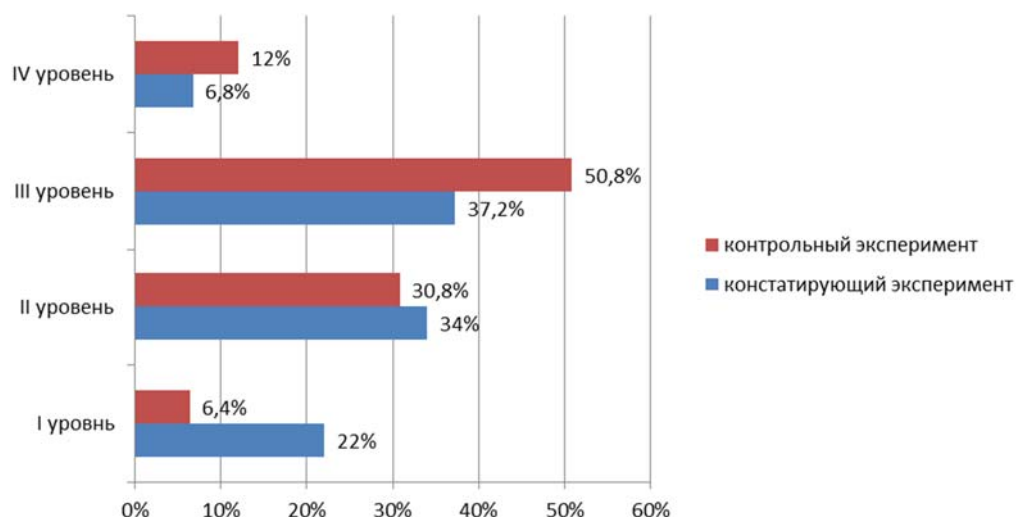

Рис. 2. Уровни сформированности отношения студентов к перспективам преподавания своего предмета в условиях инклюзивного образования в структуре готовности к инклюзии школьников

Анализ качественных показателей уровней групп студентов на констатирующем и контрольном этапах экспериментальной работы показал существенное уменьшение группы низкого уровня сформированности их отношения к перспективам преподавания своего предмета в условиях инклюзии в структуре готовности к ней. Кроме того, значительно увеличилась группа респондентов, отнесенная нами к потенциально высокому уровню. Такую динамику мы связываем с успешными профессиональными пробами будущих педагогов, осуществленными в ходе производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики. Необходимо отметить, что группа студентов, находящихся на среднем уровне, уменьшилась за счет значительного перемещения в группу потенциально высокого уровня.

Изучение эмпирических данных по третьему блоку вопросов анкеты позволило определить уровни сформированности умений студентов проектировать и применять методики обучения и воспитания школьников в процессе инклюзии. К низкому уровню нами были отнесены 1,6% респондентов (против 24% опрошенных на констатирующем этапе эксперимента). Средний уровень составил 40% испытуемых студентов (против 36%); потенциально высокий уровень – 42% опрошенных (против 33,2%) соответственно. Актуально высокому уровню соответствовали 16,4% будущих педагогов (против 6,8%). Уровни сформированности умений проектировать и применять методики инклюзивного обучения и воспитания в структуре готовности будущих педагогов к инклюзии школьников представлены на рис. 3.

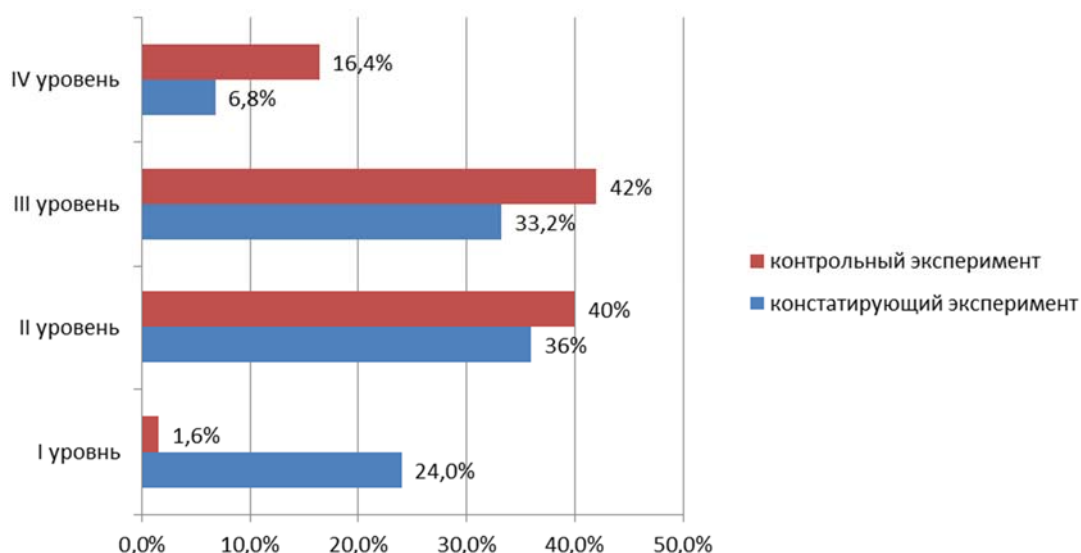

Рис. 3. Уровни сформированности умений проектировать и применять методики инклюзивного обучения в структуре готовности будущих педагогов к инклюзии школьников

Анализ качественных показателей уровней групп студентов на констатирующем и контрольном этапах экспериментальной работы показал значитель-

ное уменьшение группы низкого уровня сформированности умений проектировать и применять методики инклюзивного обучения и воспитания в структуре

готовности будущих педагогов к инклюзии школьников. Также существенно увеличилась группа студентов актуально высокого уровня.

Выводы о положительной динамике процесса формирования готовности будущих педагогов к инклюзии школьников мы уточняли и дополняли на основе наблюдений за учебно-профессиональной деятельностью студентов в период производственной инклюзивной практики. Итоговая динамика сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников представлена в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ уровней сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников

Уровень	Констатирующий эксперимент, чел. (%)	Контрольный эксперимент, чел. (%)
I (низкий)	63 (26%)	12 (5%)
II (средний)	102 (42%)	68 (28%)
III (потенциально высокий)	66 (27%)	129 (53%)
IV (актуально высокий)	12 (5%)	34 (14%)

Анализ качественных показателей уровней групп студентов на констатирующем и контрольном этапах экспериментальной работы показал уменьшение группы низкого уровня сформированности готовности будущих педагогов к инклюзии школьников и увеличение групп потенциально высокого и актуально высокого уровней. Проведенная экспериментальная работа выявила положительную динамику процесса формирования готовности будущих педагогов к инклюзии школьников в условиях университетского технопарка, а также подтвердила правомерность сформулированных теоретических положений, находящихся в основе модели данного процесса. Вместе с тем необходимо отметить, что 5% респондентов по итогам формирующего эксперимента отнесены нами к низкому уровню сформированности их готовности к инклюзии школьников. Такие студенты выказывали сопротивление идеям инклюзии, сомневались в перспективах совместного обучения нормативно развивающихся школьников и школьников с ограниченными возможностями здоровья, особенно имеющими сочетанные нарушения развития. В их суждениях преобладали негативные оценки необходимости создания специальных условий для совместного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и без них. Они отказывались принимать участие в волонтерских проектах со школьниками.

Выводы. Современное понимание подготовки будущих педагогов учитывает вариативность и многофакторность индивидуальных образовательных маршрутов получения профессионального образования, специфику педагогической деятельности в инклюзивном формате, обостренную эмоциональную сложность, и позволяет рассматривать ее как гарантированно опережающую, инклюзивно ориентированную и динамично развивающуюся. Поиск новых моделей профессиональной подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников обращает внимание исследователей на внедренческий потенциал образовательной среды технопарка универсальных метапредметных педагогических компетенций, на площадке которого формируются целостные методические знания, компетенции в области устойчивого внедрения и развития инклюзивного образования, опыт будущей профессиональной деятельности.

Проведенное исследование показало значительную эффективность логики и структуры экспериментальной работы по методической подготовке будущих педагогов к инклюзии школьников на базе университетского технопарка. Ключевой формой учебного процесса выступают мастерские профессиональных проб студентов, проводимые в аудиторной и внеаудиторной работе в условиях университетского технопарка и в рамках производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики. Создание условий для целенаправленного формирования готовности будущих педагогов к инклюзии школьников, несомненно, является перспективной целью непрерывного профессионально-педагогического образования, способствующего «удержанию» педагогов в профессии. И для решения подобных задач мастерские профессиональных проб обладают значительным образовательным потенциалом. При этом авторы констатируют, что материалы исследования требуют дальнейшего научно-педагогического поиска и безотлагательного решения выявленных в исследовании проблем.

Исследовательская перспектива методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников заключается в разработке новых моделей ее осуществления, апробации технологии формирования профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзии, уточнении формулировок и содержания инклюзивных компетенций, многофакторных критериев их оценки, что в совокупности обеспечит повышение качества инклюзивного образования.

Список источников

1. Матасов Ю.Т. На пути к разумной инклюзии: ЗА и ПРОТИВ // Коррекционно-педагогическое образование. 2017. № 1 (9). С. 18–22.
2. Назарова Н.М. К вопросу о теоретических и методологических основах инклюзивного обучения // Специальное образование. 2012. № 2 (26). С. 6–12.
3. Некрасова О.А., Коротовских Т.В. Формирование профессиональной компетентности в области инклюзии как необходимое условие модернизации системы образования РФ // Перспективы науки. 2016. № 1 (76). С. 36–40.
4. Бородаева Л.Г. Проблема духовно-нравственного воспитания студентов в социокультурных условиях современной России // Грани познания. 2012. № 3. С. 24–28.
5. Байлук В.В. Формирование готовности будущих специалистов в вузе к профессиональной самореализации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 464 с.
6. Рудин И.В., Мёдова Н.А., Сергеева А.И. Новые подходы к формированию инклюзивно ориентированных компетенций будущих педагогов в условиях высшего учебного заведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (190). С. 29–33. doi: 10.23951/1609-624X-2018-1-29-33

7. Козырева О.А. Моделирование методической подготовки будущих педагогов к инклюзии школьников // *Kant*. 2022. № 1 (42). С. 232–235. doi: 10.24923/2222-243X.2022-42.44
8. Хафизуллина И.Н. Формирование инклюзивной компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2008. 23 с.
9. Шумиловская Ю.В. Подготовка будущего учителя к работе с учащимися в условиях инклюзивного образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2011. 27 с.
10. Егупова М.В. Методическая подготовка студентов, будущих учителей математики, к созданию собственных образовательных продуктов // *Наука и школа*. 2013. № 2. С. 24–27.
11. Ивенских И.В., Сорокоумова С.Н., Суворова О.В. Профессиональная готовность будущих педагогов к работе с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в условиях инклюзивной практики // *Вестник Мининского университета*. 2018. № 1 (22). С. 12–31. doi: 10.26795/2307-1281-2018-6-1-12
12. Kathryn S. Young Institutional separation in schools of education: Understanding the functions of space in general and special education teacher preparation // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27. P. 2.
13. Ryan J. Establishing inclusion in a new school: The role of principal leadership // *Exceptionality Education International*. 2010. Vol. 20. P. 6-24.
14. Glazzard J. Perceptions of the barriers to effective inclusion in one primary school: Voices of teachers and teaching assistants // *Support for Learning*. 2011. Vol. 26 (2). P. 56–63. doi: 2048/10.1111/j. 146769604.2011.01478.x
15. Мухина И.А. Что такое педагогическая мастерская. Мастерские по литературе: интеграция инновационного и традиционного опыта: книга для учителя. СПб., 2002. 489 с.
16. Примчук Н.В. Создание условий для профессиональных проб студентов – будущих учителей в образовательной среде вуза // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2015. № 178. С. 48–52.
17. Бородаева Г.Г., Руднева И.А. Содержание и технологии личностно-профессионального развития будущих педагогов специального образования в вузе // *Школьный логопед*. 2016. № 1(57). С. 28–33.
18. Хвастунова Е.П. Организация производственной (технологической в системе инклюзивного образования) практики в структуре подготовки студентов педагогического вуза // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. № 2 (165). С. 111–117.

References

1. Matasov, Yu.T. (2017) Na puti k razumnoy inkluzii: ZA i PROTIV [On the way to reasonable inclusion: FOR and AGAINST]. *Korreksionno-pedagogicheskoe obrazovanie*. 1 (9). pp. 18–22.
2. Nazarova, N.M. (2012) K voprosu o teoreticheskikh i metodologicheskikh osnovakh inkluzivnogo obucheniya [On the issue of theoretical and methodological foundations of inclusive education]. *Spetsial'noe obrazovanie*. 2 (26). pp. 6–12.
3. Nekrasova, O.A. & Korotovskikh, T.V. (2016) Formirovanie professional'noy kompetentnosti v oblasti inkluzii kak neobkhodimoe uslovie modernizatsii sistemy obrazovaniya RF [Formation of professional competence in the field of inclusion as a necessary condition for the modernization of the education system of the Russian Federation]. *Perspektivy nauki*. 1 (76). pp. 36–40.
4. Borodaeva, L.G. (2012) Problema dukhovno-nravstvennogo vospitaniya studentov v sotsiokul'turnykh usloviyakh sovremennoy Rossii [The problem of spiritual and moral education of students in the socio-cultural conditions of modern Russia]. *Grani poznaniya*. 3. pp. 24–28.
5. Bayluk, V.V. (2016) *Formirovanie gotovnosti budushchikh spetsialistov v vuze k professional'noy samorealizatsii* [Formation of the Readiness of Future Specialists in the University for Professional Self-Realization]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. Rudin, I.V., Medova, N.A. & Sergeeva, A.I. (2018) Novye podkhody k formirovaniyu inkluzivno orientirovannykh kompetentsiy budushchikh pedagogov v usloviyakh vysshego uchebnogo zavedeniya [New approaches to the formation of inclusively oriented competencies of future teachers in a higher educational institution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (190). pp. 29–33. doi: 10.23951/1609-624X-2018-1-29-33
7. Kozyreva, O.A. (2022) Modelirovanie metodicheskoy podgotovki budushchikh pedagogov k inkluzii shkol'nikov [Modeling the methodological preparation of future teachers for the inclusion of schoolchildren]. *Kant*. 1 (42). pp. 232–235. doi: 10.24923/2222-243X.2022-42.44
8. Khafizullina, I.N. (2008) *Formirovanie inkluzivnoy kompetentnosti budushchikh uchiteley v protsesse professional'noy podgotovki* [Formation of inclusive competence of future teachers in the process of professional training]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Astrakhan.
9. Shumilovskaya, Yu.V. (2011) *Podgotovka budushchego uchitelya k rabote s uchashchimisya v usloviyakh inkluzivnogo obrazovaniya* [Preparing a future teacher to work with students in an inclusive education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Shuya.
10. Egupova, M.V. (2013) Metodicheskaya podgotovka studentov, budushchikh uchiteley matematiki, k sozdaniyu sobstvennykh obrazovatel'nykh produktov [Methodical preparation of students, future teachers of mathematics, to create their own educational products]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 24–27.
11. Ivenskikh, I.V., Sorokoumova, S.N. & Suvorova, O.V. (2018) Professional'naya gotovnost' budushchikh pedagogov k rabote s obuchayushchimisya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu v usloviyakh inkluzivnoy praktiki [Professional Readiness of Future Teachers to Work with Students with Disabilities and Disabilities in the Conditions of Inclusive Practice]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1 (22). pp. 12–31. doi: 10.26795/2307-1281-2018-6-1-12
12. Young, K.S. (2011) Institutional separation in schools of education: Understanding the functions of space in general and special education teacher preparation. *Teaching and Teacher Education*. 27. pp. 483–493.
13. Ryan, J. (2010) Establishing inclusion in a new school: The role of principal leadership. *Exceptionality Education International*. 20. pp. 6–24.
14. Glazzard, J. (2011) Perceptions of the barriers to effective inclusion in one primary school: Voices of teachers and teaching assistants. *Support for Learning*. 26 (2). pp. 56–63. doi: 2048/10.1111/j. 146769604.2011.01478.x
15. Mukhina, I.A. (2002) *Chto takoe pedagogicheskaya masterskaya. Masterskie po literature: integratsiya innovatsionnogo i traditsionnogo opyta: kniga dlya uchitelya* [What is a pedagogical workshop. Workshops in Literature: Integrating Innovative and Traditional Experiences: A Teacher's Book]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences.
16. Primchuk, N.V. (2015) Sozdanie usloviy dlya professional'nykh prob studentov – budushchikh uchiteley v obrazovatel'noy srede vuza [Creation of conditions for professional tests of students – future teachers in the educational environment of the university]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 178. pp. 48–52.
17. Borodaeva, G.G. & Rudneva, I.A. (2016) Soderzhanie i tekhnologii lichnostno-professional'nogo razvitiya budushchikh pedagogov spetsial'nogo obrazovaniya v vuze [The content and technologies of personal and professional development of future teachers of special education at the university]. *Shkol'nyy logoped*. 1 (57). pp. 28–33.
18. Khvastunova, E.P. (2022) Organizatsiya proizvodstvennoy (tekhnologicheskoy v sisteme inkluzivnogo obrazovaniya) praktiki v strukture podgotovki studentov pedagogicheskogo vuza [Organization of industrial (technological in the system of inclusive education) practice in the structure of training students of a pedagogical university]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (165). pp. 111–117.

Информация об авторах:

Козырева О.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия). E-mail: kozyrevaoa@mail.ru

Руднева И.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной педагогики Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия). E-mail: inna.rudneva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Kozyreva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: kozyrevaoa@mail.ru

I.A. Rudneva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: inna.rudneva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.08.2022;
одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 29.08.2022;
approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 378.016:811
doi: 10.17223/15617793/485/17

Проблемы при изучении иностранного языка на неязыковых направлениях в ТюмГУ: вызовы и стратегии преодоления

Елена Александровна Логинова¹, Елена Александровна Морквина²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ e.a.loginova@utmn.ru

² e.a.morkvina@utmn.ru

Аннотация. Представлен анализ отечественных и зарубежных работ, рассматривающих ключевые проблемы при изучении иностранного языка студентами неязыковых направлений. Методом анкетирования установлены причины, препятствующие эффективному освоению иностранного языка студентами неязыковых направлений в ТюмГУ. Разработана модель поддержки и развития студентов для эффективного овладения иностранным языком. Определены рекомендации для преподавателей иностранных языков, работающих на неязыковых направлениях.

Ключевые слова: иностранный язык, студенты неязыковых направлений, глобализация, межкультурная коммуникация, проблемы в изучении иностранного языка

Для цитирования: Логинова Е.А., Морквина Е.А. Проблемы при изучении иностранного языка на неязыковых направлениях в ТюмГУ: вызовы и стратегии преодоления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 155–163. doi: 10.17223/15617793/485/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/17

Problems in foreign language learning in non-linguistic fields at the University of Tyumen: Challenges and strategies for overcoming them

Elena A. Loginova¹, Elena A. Morkvina²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ e.a.loginova@utmn.ru

² e.a.morkvina@utmn.ru

Abstract. The knowledge of a foreign language in the era of digitalization, communication, and high technology is one of the main indicators of a successful, competitive person. However, in higher educational institutions, as well as at the University of Tyumen, the result of learning a foreign language among non-linguistic students remains unsatisfactory. Moreover, not all students feel the need to learn a foreign language. Despite many modern methods of teaching a foreign language, the problem remains unresolved and predetermines the relevance of solving this issue. The research aims to theoretically justify, determine and analyze the key problems in foreign language teaching, and to identify pedagogical conditions to overcome barriers and causes that prevent effective foreign language acquisition by non-linguistic students at the University of Tyumen. To reach the aim, the available research in the field of teaching foreign languages in non-linguistic universities, difficulties and barriers in learning a foreign language that inhibit thinking processes and do not allow students to fully reveal their abilities were reviewed. By the method of a sociological survey (questionnaire), the reasons that prevent the successful mastering of a foreign language by students of non-language fields were analyzed. 265 students (1st-3rd year) of different non-linguistic specialties and foreign language teachers took part in the poll. The obtained data were interpreted and mathematically processed. The main results of the study are the identification of key problems in learning a foreign language by students of non-linguistic areas: psychological barriers (insecurity, fear of making mistakes, etc.); lack of motivation; low self-organization and self-discipline; language difficulties, initially weak level of foreign language skills, etc. The mechanisms of support and motivation of non-linguistic students in successful foreign language learning were determined (to clearly set a goal in learning a foreign language; to create positive emotions and motivation; to use authentic material, modern methods and technologies of learning to practice vocabulary, etc.); the model of support for non-linguistic students in mastering a foreign language and recommendations for solving the raised problems were developed. The conducted research gives grounds to conclude that an effective means of solving such a problem is the organization of the teaching of foreign language to students of non-linguistic areas, taking into account the requirements of time, as well as their psychological and individual characteristics. The article concludes with the prospects of research in designing an educational system for the training of non-linguistic students and replenishing the base with teaching-methodological and didactic materials.

Keywords: foreign language, non-linguistic students, globalization, intercultural communication, problems in learning a foreign language

For citation: Loginova, E.A. & Morkvina, E.A. (2022) Problems in foreign language learning in non-linguistic fields at the University of Tyumen: Challenges and strategies for overcoming them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 155–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/17

Введение

Современный мир находится в постоянном динамическом развитии. Благодаря научно-техническому прогрессу и глобализации стремительно возрастает интерес людей к изучению иностранных языков (ИЯ). Знание двух и более языков стало неотъемлемой компетенцией любого современного высокообразованного человека. Потребность в изучении иностранных языков, несомненно, повышает престиж предмета «Иностранный язык» в вузе. Кроме того, ТюмГУ ставит перспективные задачи и предъявляет высокие требования к выпускникам по изучению и овладению ИЯ, а именно овладение ИЯ до уровня B1 (согласно общеевропейским компетенциям владения иностранным языком CEFR) за два года обучения (в течение трех или четырех семестров) [1. С. 52].

Однако в учреждениях высшего образования, а также в ТюмГУ результат изучения ИЯ у студентов неязыковых направлений остается неудовлетворительным. Кроме того, не все студенты испытывают потребность в изучении ИЯ. Несмотря на современные методы обучения ИЯ, проблема остается нерешенной. Проблемы и трудности при изучении иностранного языка на неязыковых направлениях в российских вузах достаточно давно обсуждаются в педагогических сообществах, ТюмГУ не стал исключением. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания исследователей, методистов, учителей в материалах международных конференций, проводимых ведущими педагогическими вузами России [2, 3]. Общее мнение о современных студентах, изучающих ИЯ в неязыковых вузах, состоит в том, что они не мотивированы в изучении ИЯ, не умеют или не желают самостоятельно работать, имеют клиповое мышление, не достигают необходимых языковых компетенций по завершению курса. Подготовка студентов к быстро меняющимся условиям в мире, в их будущей профессиональной сфере представляется малоэффективной без инновационных трансформаций в системе высшего образования, без выявления причин, влияющих на успешное овладение ИЯ. Вместе с тем любые трансформации и инновации не могут происходить без участия самих студентов и преподавателей, без их внутренней готовности к таким инновациям [4].

Некоторые проблемы в изучении ИЯ отечественные ученые напрямую связывают с психологическими барьерами, барьерами в общении и учебной деятельности, познавательными барьерами в активизации мыслительных процессов [5–7]. Зарубежные исследователи также объясняют проблемы изучения ИЯ трудностями в учебной деятельности (языковым дефицитом, влиянием эмоционального состояния на

успешное усвоение материала и т.п.) [8–10]. Проблемой трудностей изучения иностранного языка занимались как психологи (И.А. Зимняя, З.И. Клычникова и др.), так и методисты (Е.Н. Соловова, И.Л. Бим, Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий и др.) [5, 6]. В роли барьеров, как отмечает В.И. Андреев, могут выступать нехватка необходимой информации, недостаток самообладания, индивидуальные особенности студента в эмоциональной и личностной сферах, определенные черты характера человека и его темперамент [11]. Отечественные ученые пришли к выводу о том, что в обучении психологический барьер следует рассматривать как педагогическое явление, характеризующееся «затруднениями студента, возникающими при решении им учебных задач и выражающимися в неспособности оценить происходящее, контролировать свои эмоции, найти способ разрешения проблемы» [12. С. 15].

Важная роль в преодолении психологических барьеров эмоциональной сферы у студента, по мнению исследователей, отводится формированию навыков в управлении своими эмоциями и чувствами. Необходимо научить понимать свои эмоциональные состояния и причины, вызывающие их, способствовать формированию адекватной самооценки, которая позволит правильно соотносить свои силы при выполнении задач разной трудности. В сфере саморегуляции важно «формировать навыки психической и физической саморегуляции, развивать навыки анализа жизненных ситуаций, научиться осознавать свое поведение и состояния других людей, уметь осуществлять самооценку и определять свои достоинства и недостатки» [12. С. 16]. Вместе с тем исследования показывают, что в волевой сфере студенту необходимо «освоить навыки самостоятельного контроля своего поведения, научиться планировать деятельность, развивать самообладание, упорство, целеустремленность, обязательность, дисциплинированность, терпимость, сдержанность, решительность, выдержку» [13, 14]. В экзистенциальной сфере важно развивать способность «видеть и понимать себя, сознавать свои мысли, действия, поступки, оценивать собственные возможности для выхода из затруднительных ситуаций, принимать соответствующие решения для достижения цели» [12. С. 16]. Для мотивационной сферы высокую значимость приобретает развитие стремления «выйти из затруднительных ситуаций, желание изменить себя, преодолеть комплексы» [12. С. 16]. Для предметно-практической сферы большое значение придается умению слушать, общаться, воспринимать информацию и принимать решения [15–19]. Для интеллектуальной сферы нужно научиться проводить «самоанализ своего психического состояния, видеть причины своих неудач не только в ком-то, но и в себе, управ-

лять своим мышлением, чувствами, развивать способность анализировать ситуацию» [11]. Развитие и активизация наиболее значимых компонентов психических сфер индивидуальности невозможны без оказания на них определенного педагогического воздействия [20–26]. По мнению зарубежных ученых, один из способов избежать или минимизировать трудности в усвоении иностранного языка – сделать обучение более современным, используя различные инновационные технологии в качестве мотивационного инструмента [24–28]. Несмотря на глубокое изучение данной темы, отечественные и зарубежные ученые указывают на необходимость дальнейшего исследования данного вопроса.

Все вышесказанное предопределило цель исследования – теоретическое обоснование, выявление и анализ причин, препятствующих эффективному освоению иностранного языка студентами неязыковых направлений в ТюмГУ, а также выявление педагогических условий для преодоления проблем в преподавании иностранного языка.

Методология исследования

В нашем исследовании мы использовали теоретические методы: анализ литературы по проблеме исследования; эмпирические методы: социологический опрос (анкетирование), наблюдение и метод статистической (математической) обработки результатов исследования. Для реализации цели исследования применялся метод социологического опроса (анкетирование). Анкетирование проведено посредством Google Forms. Участниками стали студенты неязыковых направлений (1–3-й курс) и преподаватели иностранных языков, работающие со студентами неязыковых направлений.

1. Для получения общих сведений студентов по изучению ИЯ и их отношению к дисциплине «Иностранный язык» были заданы вопросы о необходимости данной дисциплины в вузе; об изучаемом первом и/или втором ИЯ; о возможности выбора ИЯ; о цели изучения ИЯ; о количестве академических часов для изучения ИЯ на неязыковых направлениях; о необходимости ИЯ для использования в профессиональной и вне профессиональной деятельности.

2. Для выявления трудностей и причин, препятствующих успешному изучению ИЯ, студенты ответили на вопросы о трудностях в изучении ИЯ (необходимо было выбрать от 3–5 вариантов и/или написать свой вариант ответа) и причинах, препятствующих изучению ИЯ (выбор 1–4 вариантов и/или дополнение своего варианта).

3. Для определения уровня владения ИЯ на каждом этапе обучения и выявления пробелов по всем языковым аспектам (аудирование, чтение, грамматика, письмо, разговор) было проведено контрольное, промежуточное и итоговое тестирование.

4. Информация о мотивации студентов к изучению ИЯ была получена на основе вопросов о важности изучения ИЯ и возможных видах мотивации в ходе изучения ИЯ в вузе.

5. Степень заинтересованности студентов в изучении ИЯ определили ответы студентов на вопрос о составляющих занятия, которые могли бы вызвать интерес, и о приоритетном специальном курсе (элективе, факультативе) в условиях возможности выбора.

6. Еще ряд вопросов был предложен преподавателям для того, чтобы раскрыть проблемы и причины, препятствующие успешному преподаванию и овладению студентами ИЯ, и сравнить мнения студентов и преподавателей для совершенствования учебных программ, методики преподавания, индивидуального подхода к студентам и эффективного результата. Анкетирование преподавателей содержало вопросы о необходимости и цели изучения студентами неязыковых направлений ИЯ; составляющих эффективного изучения ИЯ студентами неязыковых направлений; мотивирующих и повышающих интерес факторах в изучении ИЯ в вузе; трудностях в изучении ИЯ и причинах, препятствующих успешному изучению ИЯ; количестве академических часов для изучения ИЯ в вузе на неязыковом направлении.

В исследовании приняли участие 265 респондентов, из них: 222 студента неязыковых направлений (бакалавриат, 100% – очное отделение) и 43 преподавателя иностранных языков (английского – 29, немецкого – 9, французского – 3, китайского – 1, испанского – 1) из ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». В заключение было сделано обобщение результатов и сформулированы выводы.

Результаты исследования

Полученные результаты позволили выявить конкретные причины, проблемы и трудности в изучении и обучении ИЯ студентов неязыковых направлений.

В опросе участвовало 67,1% студентов 1-го курса, 20,7% – 2-го курса, 12% – 3-го курса.

1. Более половины респондентов (69,6%) считают, что дисциплина «Иностранный язык» в вузе для неязыковых направлений необходима. 20% студентов скорее поддерживают последних. 5,9% опрошенных скорее бы не изучали ИЯ, чем изучали; 2,8% не поддерживают необходимости изучения ИЯ на неязыковых направлениях в вузе и 1,8% затрудняются ответить.

2. Как первый ИЯ большинство опрошенных изучают английский (89,5%), 8,6% – немецкий, 1,8% – французский.

3. Как второй ИЯ 24,1% респондентов изучают немецкий, 21,8% – английский, 5,9% – французский, 0,9% – испанский, 1,4% – китайский, 50% – никакой.

4. Если бы у студентов был выбор ИЯ для изучения в вузе, то большинство из них (35%) выбрали бы английский; 19,1% – немецкий; 13,1% – испанский; 11,7% – французский; 4,5% – китайский; 16,8% – никакой.

Из первого блока ответов можно сделать вывод, что почти 70% студентов заинтересованы в изучении ИЯ в вузе на неязыковых направлениях. Несмотря на то что большинство студентов желают изучать английский язык, тем не менее есть желающие изучать другие ИЯ как второй ИЯ или как первый ИЯ с нуля.

По мнению опрошенных студентов, ИЯ изучается в первую очередь для возможности путешествовать по-новому (76%), познакомиться с интересными людьми (73,9%), читать книги и периодические издания, смотреть фильмы в оригинале, участвовать в учебных курсах, форумах на иностранных языках (72,6%), для успешного карьерного роста (61,7%). 53,6% респондентов отмечают, что изучение иностранных языков способствует развитию памяти. Менее половины респондентов указывают на то, что изучение ИЯ влияет на развитие уверенности в себе, силы воли и самоконтроля (30,2%). 25,7% студентов считают, что изучать ИЯ престижно. Лишь немногие не понимают, для чего изучать ИЯ (0,9%).

Также получены результаты, отражающие взаимосвязь изучения ИЯ с профессиональной и вне профессиональной деятельностью.

1. Более трети респондентов (37,4%) связывают изучение ИЯ с профессиональной деятельностью. 22,5% скорее их поддерживают, 23,4% имеют скорее противоположное мнение, 12,2% не видят связи изучения ИЯ с профессиональной деятельностью; 4,5% затрудняются ответить.

2. Более половины респондентов изучение ИЯ соотносят с внепрофессиональной деятельностью (41,2% – ответ «да», 30,2% – скорее да, чем нет); Менее 27% полагают, что нет необходимости изучать ИЯ, если это не связано с профессией (14,9% – скорее нет, чем да, 11,34% – «нет»); 2,7% затрудняются ответить.

Опираясь на эти результаты, можно отметить, что студенты понимают необходимость изучения ИЯ в современном мире для успешного продвижения в условиях конкуренции, однако у них нет достаточной мотивации.

Для успешного овладения ИЯ большинство студентов (80,2%) видят необходимыми положительные эмоции и мотивацию, а также владение достаточным словарным запасом для ведения беседы (73,4%). Для 68% студентов важны системность в изучении ИЯ и регулярные занятия. 61,7% студентов указывают на потребность общения с носителями языка. Менее половины студентов (45%) считают необходимым изучение ИЯ. Использование аутентичного материала в процессе изучения ИЯ важно для 21,6% студентов. Для немногих (9,1%) немаловажен психологический климат и использование современных ИТ-технологий (3,6%). Последний показатель, вероятно, связан с тем, что большинство преподавателей (особенно в период пандемии и дистанционного обучения) использовали различные онлайн-программы, в том числе ИТ-технологии, и студенты не посчитали нужным отметить данный аспект.

Мотивационными факторами в изучении ИЯ для большинства студентов выступают поездки за границу в качестве туриста (73,9%), общение и встречи с носителями языка (67,6%), возможность учёбы или стажировки за рубежом (64,3 и 63,5% соответственно). Также высоко мотивирует изучение ИЯ возможность участия в различных языковых программах (32,1%) и индивидуальный подход преподавателя

(32,9%). Использование иностранного языка в различных сферах деятельности мотивирует треть студентов (29,3%). Участие в конференциях, олимпиадах, фестивалях и других мероприятиях становится мотивацией для 19,8% опрошенных; в совместных проектах – для 16,2%.

Студенты называют следующие трудности, препятствующие успешному изучению ИЯ. Одним из сложных аспектов для студентов является грамматика. Большинство опрошенных указывают на трудности подбора грамматических структур и использование правил в устной и письменной речи (59,9%). 45,5% студентов не умеют отвечать на вопросы, поддерживать беседу, вести диалог, участвовать в речевом взаимодействии с другими коммуникантами, соответственно, испытывают страх во время публичного выступления (43,2%); 42,9% испытывают трудности в использовании лексических средств как в устной, так и в письменной речи. 40,6% респондентов не понимают полного и детального содержания услышанного текста. 30,6% студентов не могут концентрировать внимание на учебных заданиях, объяснениях преподавателей и т.п. Кроме того, некоторые студенты называют трудности, связанные с недостаточным знанием основ межкультурной коммуникации (6,3%), проблемы межличностного характера (4,5%) и трудности, связанные с неприятием культурных ценностей и традиций страны изучаемого языка (3,2%).

Причины, препятствующие успешному изучению ИЯ, большинство студентов (57,6%) видят в низкой самоорганизации и самодисциплине, а также недостаточной силе воли. Половине студентов (49,9%) не хватает уверенности в себе. Примерно столько же опрошенных не владеют тайм-менеджментом (не умеют расставлять приоритеты, распределять свое время, чтобы все успеть – 40,2%), имеют мало времени для повторения, усвоения материала (40,6%). 39,9% респондентов боятся сделать ошибки. 28,7% обучаемым трудно дается изучение ИЯ. 15,3% студентов считают, что на занятиях не хватает контроля. 7,7% опрошенных не видят перспектив для себя в будущем. Среди других причин называются такие, как плохая память, лень, волнение, отсутствие понимания необходимости изучения иностранного языка, неумение организовать себя, недостаточный уровень школьной подготовки для дальнейшего успешного изучения ИЯ в вузе, прокрастинация, чрезмерная нагрузка по другим предметам, разноуровневые группы по ИЯ, что создает дискомфорт и нежелание отвечать на занятии.

Интерес могли бы вызвать, в свою очередь, просмотр и обсуждение фильмов на занятиях ИЯ (для 78,9% студентов), устное обсуждение отдельных тем (для 56,8%). Половина студентов предпочитают слушать аудиозаписи и новости (50,4%) на иностранном языке. 45,9% студентам нравится читать статьи, главы из книг для обсуждения на занятиях, художественную литературу на изучаемом языке и т.п. 42,9% респондентам интересно было бы общаться со сверстниками – носителями языка. Работу в группах над заданием или проектом интересной считают 38,7% студентов. 32,9% обучающихся с удовольствием делают пе-

реводы текстов. 22,1% охотно работали бы индивидуально. Некоторым студентам интересны выступления с докладом или презентацией (19,6%) и самостоятельный поиск информации по изучаемому вопросу (17,1%). Немногие с интересом пишут эссе (8,6%). Наименьшему количеству студентов нравится петь и делать театрализованные представления на ИЯ.

Популярными элективами и факультативами, а также дополнительными курсами на выбор стали «ИЯ для повседневной жизни» и «Фильмы на занятиях ИЯ». Эти элективы (курсы) выбрали бы 69,4 и 64% опрошенных соответственно. Далее следует «Креативная/коммуникативная грамматика ИЯ» (38,3%), «ИЯ для профессиональных целей» (33,3%). Курс «Фонетика (говори правильно)» выбрали бы 30,6%, «Дискурсивные практики и межкультурная коммуникация» – 22,1%, «ИЯ через театральные постановки» – 18,5%, «Лингвострановедение» – 11,7%. Незначительная часть студентов (6,8%) предпочла бы «Академическое письмо».

Относительно вопроса о количестве академических часов для изучения ИЯ 44% студентов считают, что для эффективного овладения ИЯ необходимо увеличить количество занятий (часов) ИЯ в неделю. Лишь 4% опрошенных выступили за уменьшение количества занятий (часов) ИЯ в неделю. 24,5% студентам необходимы дополнительные часы на консультативную помощь преподавателей. 41,9% студентов не поменяли бы ничего.

Мнение преподавателей по поводу цели и мотивации в изучении ИЯ студентами неязыковых направлений оказалось неоднозначным. Большинство преподавателей (86%) считают, что студентам неязыковых направлений необходимо изучать ИЯ для повышения своей конкурентоспособности. 81,4% преподавателей полагают, что знание ИЯ дает возможность читать книги и периодические издания на ИЯ (как художественные книги, так и профессионально-направленную литературу), а также смотреть фильмы в оригинале и расширять таким образом свой кругозор. 62,8% преподавателей видят цель изучения ИЯ в возможности путешествовать по-новому. Более половины преподавателей (58,1%) считают, что студентов могла бы мотивировать возможность участия в учебных курсах, МООС, форумах на иностранных языках, что является требованием времени. Почти половина преподавателей считают, что изучение иностранных языков способствует развитию памяти (и тем самым благоприятно влияет на другие сферы жизни) – 46,51%, и предоставляет хорошую возможность познакомиться с интересными людьми – 41,9%. 25,6% указывают на развитие таких качеств, как уверенность в себе, сила воли и самоконтроль. Лишь незначительная часть преподавателей (16,3%) отмечают престижность владения ИЯ.

Для эффективного изучения ИЯ студентами неязыковых направлений наиболее важным является, по мнению большинства преподавателей (93%), системность в изучении ИЯ и регулярность посещения занятий. Для многих большую значимость имеет четко поставленная цель изучения ИЯ (62,8% преподавателей)

и разнообразие применяемых методов (60,5%). Кроме того, многозначительными факторами называются положительные эмоции и мотивация (59,9%), использование аутентичного материала (46,5%) и современных IT-технологий (37,2%), необходимость общения с носителями языка (30,2%) и владение достаточным словарным запасом для ведения беседы (27,9%). Большинство преподавателей (81,4%) считают, что студентов неязыковых направлений при изучении ИЯ мотивировала бы возможность учебы и стажировки за рубежом (73,7%). Более половины преподавателей (55,9%) рассматривают как мотивирующие инструменты общение и встречи с носителями языка и участие в различных языковых программах (53,5%); использование иностранного языка как в повседневной, так и в профессиональной деятельности (48,8%); поездки за границу в качестве туриста (37,2%); совместные проекты, участие в конференциях, олимпиадах, фестивалях и т.п. (30,2%). 20,9% преподавателей придерживаются мнения о важности индивидуального подхода к каждому студенту.

Большее половины преподавателей (77,4%) по результатам тестирования и наблюдения акцентируют внимание на том, что студенты испытывают трудности в подборе лексических средств и использовании грамматических правил как в устном, так и письменном высказывании (75,1%), а также в публичном выступлении (74,7%). Более трети преподавателей (37,2%) указывают на неспособность обучающихся понимать полное и детальное содержание услышанного. 29,9% преподавателей в списке причин, вызывающих затруднения в овладении ИЯ студентами неязыковых направлений, указывают концентрацию внимания, 7,8% – неумение отвечать на вопросы, поддерживать беседу, вести диалог, участвовать в речевом взаимодействии с другими коммуникантами. Кроме того, отмечаются трудности межличностного характера и проблемы, связанные с неприятием культурных традиций страны изучаемого языка (7%). Основными причинами, препятствующими успешному изучению ИЯ студентами неязыковых направлений, по мнению 74,8% преподавателей, является тот факт, что студенты уделяют мало времени на повторение, закрепление и выполнение домашнего задания. 64,8% опрошенных называют низкую самоорганизацию, самодисциплину и недостаточную силу воли студентов. С точки зрения 49,8%, студенты не владеют в нужной степени тайм-менеджментом (не умеют расставлять приоритеты, распределять свое время). Неуверенность студентов в себе и языковой барьер отмечают 45,2% учителей. По оценкам 40,4% преподавателей, трудности в изучении ИЯ следующие: нежелание самостоятельно искать решение, лень, неудачное совмещение учебы и работы, пропуск занятий, разноразличные группы, неумение слышать преподавателя, нежелание думать самостоятельно, постоянное использование электронных переводчиков. Причинами также являются боязнь сделать ошибки (37,4%), сложности в освоении ИЯ как дисциплины, низкий уровень обучения (32,2%) и отсутствие перспектив изучения ИЯ (30%).

Для повышения интереса и мотивации студентов к изучению ИЯ необходимо, по мнению преподавателей, больше смотреть фильмов на изучаемом языке и обсуждать их на занятии (84,7%), использовать ролевые игры (65,1%), работать в группах над заданием или проектом (59,1%), обсуждать специальные темы (58,5%), слушать аудиозаписи и новости (23,3%), читать статьи, книги и обсуждать их в группах (20,9%). 18,9% преподавателей подчеркивают важность разнообразия применяемых методов, приемов, технологий, форм работ на занятии, организации встреч и общения с носителем языка, творческих заданий, индивидуальной работы со студентами. Также особо отмечается роль самостоятельного поиска студентами информации по изучаемому вопросу (16,3%) и выступлений с докладами, презентациями (14%). Наименьшее количество студентов,

как полагают 4,9% педагогов, привлекает перевод текстов на занятия и написание эссе (2,3%). Большинство преподавателей (88,4%) уверены, что для успешного овладения ИЯ необходимо увеличить количество занятий (часов) в неделю. 11,6% опрошенных видят необходимость в отведении дополнительных часов на консультативную помощь преподавателей в оказании помощи студентам. 4,8% педагогов находят целесообразным и эффективным деление групп по уровню владения ИЯ.

На основе полученных результатов исследования разработана модель поддержки студентов неязыковых направлений в освоении ИЯ (рис. 1), включающая создание условий для формирования высокой степени мотивации студентов неязыковых направлений в успешном овладении ИЯ, учета их индивидуальных особенностей и способностей.

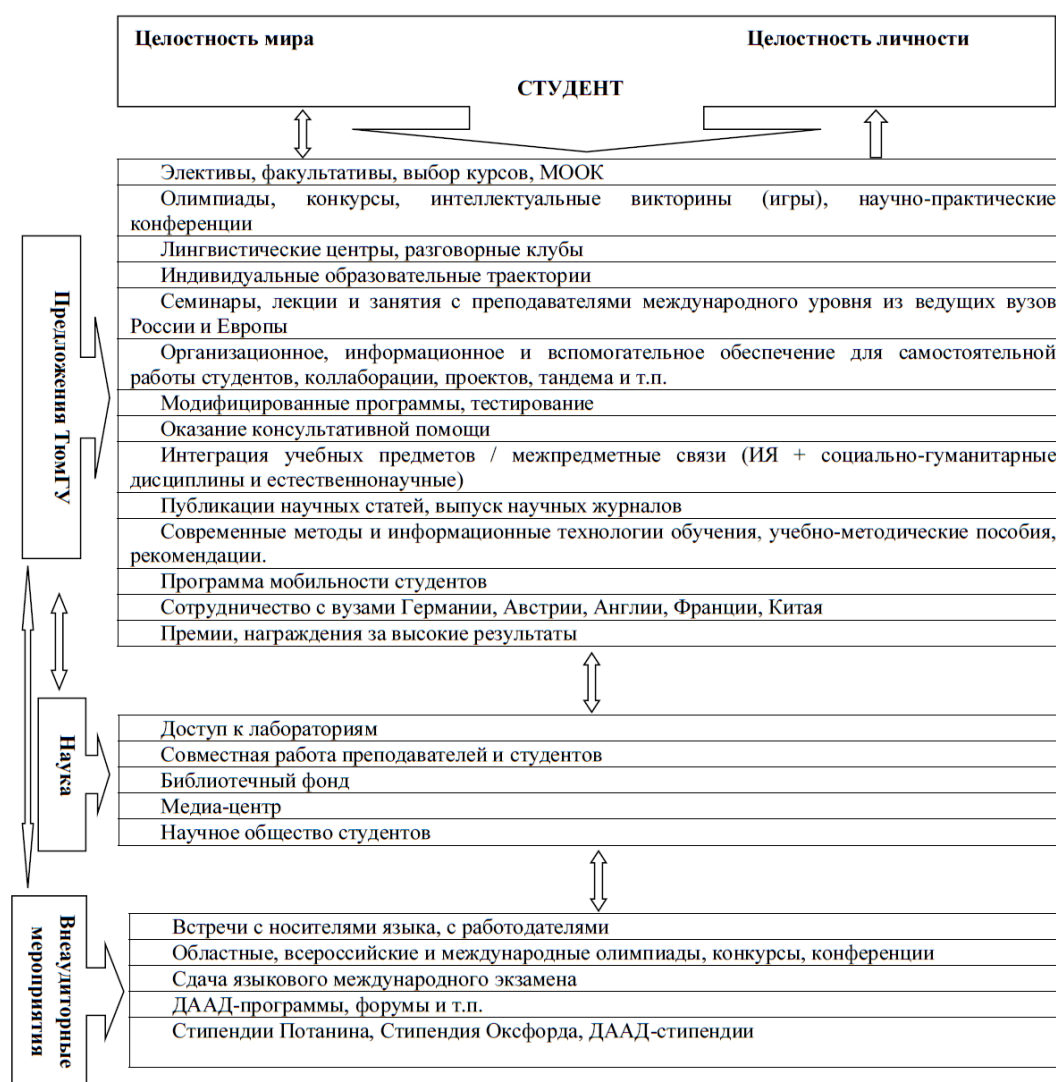

Рис. 1. Модель поддержки и развития индивидуальности студентов неязыковых направлений в успешном освоении иностранного языка

Необходимо отметить, что одним из важных инструментов повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка и индивидуализации данного процесса в рамках модели предлагается сотрудничество с зарубежными вузами. В настоящее время

партнерами ТюмГУ по вопросам образования и науки являются 182 международные организации Европы, Северной, Южной и Центральной Америки, Азии, Ближнего Востока, Африки и стран СНГ. В университете успешно реализуются различные программы ака-

демической мобильности, а именно программа студенческого обмена, семестр за рубежом, стипендии для обучения за рубежом, магистерские программы двойных дипломов, летние школы. Студенты, участвующие в данных программах, показывают более высокий уровень мотивации к изучению ИЯ и более высокий прогресс в образовательных результатах по ИЯ. Данная поддержка в образовательном процессе исходит из всеобщей целостности мира и предполагает целостность формируемой личности студента, целостность процесса обучения (взаимосвязь процессов преподавания и учения, единство содержательной и процессуальной сторон обучения, межпредметные связи, взаимозависимость учебной и внеучебной деятельности).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что для успешного овладения ИЯ студентами неязыковых направлений необходимо учитывать такие факторы, как поддержка студентов через организационно-педагогические условия (учет психологических, личностных, физиологических факторов); оказание студентам консультативной помощи и проведение

занятий с учетом их индивидуальных особенностей и способностей; предложение элективов и/или факультативов, МООК с учетом их интересов; контроль успехов и уровня владения ИЯ посредством (онлайн-портфолио, соревновательные и показательные мероприятия, публикация итоговых результатов (это могут быть видеопроекты и т.п.) на YouTube-канале, сайте Тюменского государственного университета с оставлением отзывов и комментариев самими студентами по их итоговой работе; привлечение студентов к участию в международных программах, форумах с учетом их будущей профессиональной деятельности; организация встреч с носителями языка и т.п. (см. модель поддержки студентов неязыковых направлений в успешном овладении ИЯ).

Дальнейшие перспективы данного исследования мы видим в проектировании системы подготовки студентов неязыковых направлений, пополнении базы учебно-методическими и дидактическими материалами, а также разработке рекомендаций по успешному изучению ИЯ для студентов неязыковых направлений. Преподавателям ИЯ, работающим со студентами неязыковых направлений, также необходимо изучить рекомендации по эффективному преподаванию ИЯ с учетом индивидуально-личностных особенностей студентов.

Список источников

1. Приоритет 2030 «Лидерами становятся». Программа развития университета 2030 // Тюменский государственный университет. 2022. 188 с. URL: <https://www.utmn.ru/o-tyumgu/tyumgu-today/programmy-razvitiya/>
2. Логинова Е.А., Морквина Е.А. Цифровая среда в обучении иностранному языку: анализ опыта работы ТюмГУ в период дистанционного формата образования // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2020) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2020. С. 95–102.
3. Логинова Е.А. Организация синхронной и асинхронной коммуникации при обучении иностранному языку в Тюменском государственном университете // Высшее образование сегодня. 2020. № 4. С. 37–41. doi: 10.25586/RNU.HET.20.04.P.37
4. Морквина Е.А., Логинова Е.А. Microsoft Teams как инструмент для реализации дисциплины «Иностранный язык» в вузе // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4 (38). С. 108–116. doi: 10.23951/2307-6127-2021-4-108-116
5. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс : пособие для студ. пед. вузов и учителей / под ред. Е.Н. Солововой. 4-е изд. М. : АСТ ; Астрель, 2008. 239 с.
6. Пассов Е.И., Азаровская А.Е., Кузнецова Е.С., Голдина Е.В., Завесова Е.Г. Методика обучения иностранным языкам. Упражнения как средства обучения. 2002. Ч. 2. 40 с.
7. Бабаян В.Г., Киргуева Р.А. Распространенные трудности в изучении иностранного языка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11 (4). С. 600–602. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10592>
8. Castro O., Peck V. Learning styles and foreign language learning difficulties // Foreign language annals. 2005. Vol. 38, Is. 3. P. 401–409. doi: 10.1111/j.1944-9720.2005.tb02226.x
9. DiFino S.M., Lombardino L.J. Language learning disabilities: The ultimate foreign language challenge // Foreign language annals. 2004. Vol. 37, Is. 3. P. 390–400. doi: 10.1111/j.1944-9720.2004.tb02697.x
10. Bak T., Long M., Wega-Mendoza M. Sorace Novelty Challenge and Practice: The Impact of intensive Language Learning on Attentional Functions // PLoS ONE. 2016. Vol. 11 (4). P. 6. doi: 10.1371/journal.pone.0153485
11. Вербицкая Т.И., Слюсарь Е.А. Иностранный язык как средство развития коммуникативной толерантности студентов медицинских специальностей // Профессиональное лингвообразование. 2019. С. 125–131.
12. Вербицкая Т.И. Педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов в процессе обучения иностранному языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград. 2003. 21 с. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-pedagogicheskie-usloviya-preodoleniya-psihologicheskikh-barierov-u-studentov-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku>
13. Танцупа Т.А. Траектория формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых специальностей // Теоретические и практические аспекты профессиональной подготовки студентов гуманитарных и технических специальностей. 2015. С. 276–295.
14. Минеева О.А., Борщевская Ю.М., Козлова Е.А. Основные мотивы изучения иностранного языка // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). 2018. № 2 (44). С. 76–80.
15. Манина В.А. Психолого-педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 12 (161). С. 46–51.
16. Коженец Т.С., Старченко Д.В. Обучение иностранному языку в специальных целях в неязыковом вузе // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. 2015. С. 68–72.
17. Артамонова Г.В. Аутентичные видеоматериалы как средство повышения мотивации студентов к самостоятельной работе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 51–54.
18. Шавина Д.И., Мухутдинова Л.Р., Даричева М.В. Использование интернет-ресурсов и мобильных приложений как способ повышения мотивации к изучению иностранного языка в неязыковом вузе // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 4 (20). С. 879–882.
19. VanNguyen S., Habók A. Vietnamese non-English-major students' motivation to learn English: from activity theory perspective // Heliyon. 2021. Vol. 7, Is. 4. doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e06819

20. Chen J.F., Warden C.A., Chang H.T. Motivators that do not motivate the case of Chinese EFL learners and the influence of culture on motivation // *Tesol Q.* 2005. Vol. 39 (4). P. 609–633. doi: 10.2307/3588524
21. Nguye S.V., Habok A. Non-English-major students' perceptions of learner autonomy and factors influencing learner autonomy in Vietnam // *Relay Journal.* 2020. Vol. 3 (1). P. 122–139. doi: 10.37237/relay/030110
22. Nazmiye Gürel Cennetkuşu, Hüseyin Koç, Esra Teker Kozcaz. An Experimental Study on Incidental Vocabulary Acquisition: Incidental Vocabulary Acquisition in Foreign Language by Visual Literary Quotations // *Library Journal.* 2020. Vol. 7, № 3. doi: 10.4236/oalib.1106176
23. Nam Phuong Le, Phoebe Nguyen. Content and Language Integrated Learning (CLIL) Method and How It Is Changing the Foreign Language Learning Landscape // *Library Journal.* 2022. Vol. 9, № 2. doi: 10.4236/oalib.1108381
24. Wei Zhao. Paradigm of Foreign Language Teaching and Learning: A Perspective of Self-Regulated Learning Environment Construction // *Open Journal of Social Sciences.* 2016. Vol. 4, № 5. doi: 10.4236/jss.2016.45020
25. Zeguniene V., Parisauskiene D. Foreign language learning: Difficulties and Improvement of the study process // *Scientific Conference on Society, Integration, Education.* Rezekne, 2017. Vol. III. P. 625–638. doi: 10.17770/sie2017vol3.2451
26. Cho M. An investigation into learners' ideal L2 self and its motivational capacity // *Reading and Writing.* 2020. Vol. 33 (8). P. 2029–2048. doi: 10.1007/s11145-020-10031-7
27. Guerrero M. Motivation in second language learning: A historical overview and its relevance in a public high school in Pasto, Colombia // *HOW.* 2015. № 22 (1). P. 95–106. doi: 10.19183/how.22.1.135
28. Chairat P. Attitudes and motivation of non-English-major students towards learning English as a foreign language: a case study // *ASEAN Journal of Education.* 2015. Vol. 1 (1). P. 69–84.

References

1. Gvozdeva, N.M. (2022) *Prioritet 2030 "Liderami stanovyatsya". Programma razvitiya universiteta 2030* [One Becomes a Leader. Priority 2030. University Development Program 2030]. Tyumen: Tyumen State University. [Online] Available from: <https://www.utmn.ru/o-tyumgu/tyumgu-today/programmy-razvitiya/>.
2. Loginova, E.A. & Morkvina, E.A. (2020) [Digital environment in teaching a foreign language: analysis of the experience of Tyumen State University during the period of distance education]. *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2020)* [Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2020)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 19–21 November 2020. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. pp. 95–102. (In Russian).
3. Loginova, E.A. (2020) Organizatsiya sinkhronnoy i asinkhronnoy kommunikatsii pri obuchenii inostrannomu yazyku v Tyumenskom gosudarstvennom universite [Organization of synchronous and asynchronous communication in teaching a foreign language at the Tyumen State University]. *Vyshee obrazovanie segodnya.* 4. pp. 37–41. doi: 10.25586/RNU.HET.20.04.P.37
4. Morkvina, E.A. & Loginova, E.A. (2021) Microsoft Teams kak instrument dlya realizatsii distsipliny "Inostranny yazyk" v vuze [Microsoft Teams as a tool for the implementation of the discipline "Foreign language" at the university]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie.* 4 (38). pp. 108–116. doi: 10.23951/2307-6127-2021-4-108-116
5. Solovova, E.N. (ed.) (2008) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs* [Methods of Teaching Foreign Languages: Basic course]. 4th ed. Moscow: AST; Astrel'.
6. Passov, E.I. et al. (2002) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Uprazhneniya kak sredstva obucheniya* [Methods of Teaching Foreign Languages. Exercise as a means of learning]. Part 2. [S.l.]: [s.n.].
7. Babayan, V.G. & Kirgueva, R.A. (2016) Rasprostranennye trudnosti v izuchenii inostrannogo yazyka [Common difficulties in learning a foreign language]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy.* 11 (4). pp. 600–602. [Online] Available from: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10592>.
8. Castro, O. & Peck, V. (2005) Learning styles and foreign language learning difficulties. *Foreign language annals.* 3 (38). pp. 401–409. doi: 10.1111/j.1944-9720.2005.tb02226.x
9. DiFinio, S.M. & Lombardino, L.J. (2004) Language learning disabilities: The ultimate foreign language challenge. *Foreign language annals.* 3 (37). pp. 390–400. doi: 10.1111/j.1944-9720.2004.tb02697.x
10. Bak, T., Long, M. & Wega-Mendoza, M. (2016) Sorace Novelty Challeng and Practice: The Impact of intensive Language Learning on Attentional Functions. *PLoS ONE.* 4 (11). doi: 10.1371/journal.pone.0153485
11. Verbitskaya, T.I. & Slyusar', E.A. (2019) [Foreign language as a means of developing communicative tolerance of students of medical specialties]. *Professional'noe lingvooobrazovanie* [Professional Linguistic Education]. Proceedings of the 13th International Conference. Nizhny Novgorod. 13 September 2019. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management. pp. 125–131. (In Russian).
12. Verbitskaya, T.I. (2003) *Pedagogicheskie usloviya preodoleniya psikhologicheskikh bar'erov u studentov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku* [Pedagogical conditions for overcoming psychological barriers among students in the process of teaching a foreign language]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kaliningrad. [Online] Available from: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertatsiya-pedagogicheskie-usloviya-preodoleniya-psikhologicheskikh-barierov-u-studentov-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku>.
13. Tantsura, T.A. (2015) Traektoriya formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti studentov neyazykovykh spetsial'nostey [The trajectory of the formation of foreign language communicative competence of students of non-linguistic specialties]. In: Nagornova, A. Yu. (ed.) *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty professional'noy podgotovki studentov gumanitarnykh i tekhnicheskikh spetsial'nostey* [Theoretical and Practical Aspects of Professional Training of Students of Humanitarian and Technical Specialties]. Ulyanovsk: SIMJET. pp. 276–295.
14. Mineeva, O.A., Borshchevskaya, Yu.M. & Kozlova, E.A. (2018) Osnovnye motivy izucheniya inostrannogo yazyka [The main motives for learning a foreign language]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybpromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki (teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya).* 2 (44). pp. 76–80.
15. Manina, V.A. (2013) Psikhologo-pedagogicheskie usloviya preodoleniya psikhologicheskikh bar'erov u studentov [Psychological and pedagogical conditions for overcoming psychological barriers among students]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta.* 12 (161). pp. 46–51.
16. Kozhenets, T.S. & Starchenko, D.V. (2015) [Teaching a foreign language for special purposes in a non-linguistic university]. *Yazyk i kul'tura: voprosy sovremennoy filologii i metodiki obucheniya yazykam v vuze* [Language and Culture: Issues of modern philology and methods of teaching languages at a university]. Proceedings of the Conference. Khabarovsk. 15 May 2014. Khabarovsk: Pacific National University. pp. 68–72. (In Russian).
17. Artamonova, G.V. (2016) Autentichnye videomaterialy kak sredstvo povysheniya motivatsii studentov k samostoyatel'noy rabote [Authentic video materials as a means of increasing students' motivation for independent work]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya.* 4 (17). pp. 51–54.
18. Shavina, D.I., Mukhutdinova, L.R. & Daricheva, M.V. (2018) Ispol'zovanie internet-resursov i mobil'nykh prilozheniy kak sposob povysheniya motivatsii k izucheniyu inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [The use of Internet resources and mobile applications as a way to increase motivation for learning a foreign language in a non-linguistic university]. *Alleya nauki.* 4 (20). pp. 879–882.
19. VanNguyen, S. & Habók, A. (2021) Vietnamese non-English-major students' motivation to learn English: from activity theory perspective. *Heliyon.* 4 (7). doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e06819

20. Chen J.F., Warden, C.A. & Chang, H.T. (2005) Motivators that do not motivate the case of Chinese EFL learners and the influence of culture on motivation. *Tesol Q.* 39 (4). pp. 609–633. doi: 10.2307/3588524
21. Nguyen, S.V. & Habok, A. (2020) Non-English-major students' perceptions of learner autonomy and factors influencing learner autonomy in Vietnam. *Relay Journal.* 3 (1). pp. 122–139. doi: 10.37237/relay/030110
22. Gürel-Cennetküşü, N., Koç, H. & Kozcaz, E.T. (2020) An Experimental Study on Incidental Vocabulary Acquisition: Incidental Vocabulary Acquisition in Foreign Language by Visual Literary Quotations. *Open Access Library Journal.* 3 (7). doi: 10.4236/oalib.1106176
23. Le, N.P. & Nguyen, P. (2022) Content and Language Integrated Learning (CLIL) Method and How It Is Changing the Foreign Language Learning Landscape. *Library Journal.* 2 (9). doi: 10.4236/oalib.1108381
24. Wei, Zh. (2016) Paradigm of Foreign Language Teaching and Learning: A Perspective of Self-Regulated Learning Environment Construction. *Open Journal of Social Sciences.* 5 (4). doi: 10.4236/jss.2016.45020
25. Zeguniene, V. & Parisauskiene, D. (2017) [Foreign language learning: Difficulties and Improvement of the study process]. *Scientific Conference on Society, Integration, Education.* Proceedings of the International Conference. Vol. 3. Rezekne. 26–27 May 2017. Rezekne: Rezekne Academy of Technologies. pp. 625–638. doi: 10.17770/sie2017vol3.2451
26. Cho, M. (2020) An investigation into learners' ideal L2 self and its motivational capacity. *Reading and Writing.* 33 (8). pp. 2029–2048. doi: 10.1007/s11145-020-10031-7
27. Guerrero, M. (2015) Motivation in second language learning: A historical overview and its relevance in a public high school in Pasto, Colombia. *HOW.* 22 (1). pp. 95–106. doi: 10.19183/how.22.1.135
28. Chairat, P. (2015) Attitudes and motivation of non-English-major students towards learning English as a foreign language: a case study. *ASEAN Journal of Education.* 1 (1). pp. 69–84.

Информация об авторах:

Логинова Е.А. – канд. пед. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: e.a.loginova@utmn.ru

Морквина Е.А. – канд. филол. наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: e.a.morkvina@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Loginova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.a.loginova@utmn.ru

E.A. Morkvina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.a.morkvina@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022;
одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 24.03.2022;
approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

Научная статья
УДК 37.013.75; 796.86
doi: 10.17223/15617793/485/18

Подходы российских коллективов арт-фехтования к подготовке спортсменов

Виктор Викторович Лобанов^{1, 2}, Сергей Викторович Мишенев^{3, 4}

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Федерация фехтования Томской области, Томск, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

⁴ Федерация фехтования Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} danvelur@rambler.ru

^{3, 4} smishenev@mail.ru

Аннотация. Обобщены результаты исследования особенностей подготовки российских арт-фехтовальщиков. Установлено, что при обучении арт-фехтовальщиков технике целесообразно применять методы, имеющиеся в спортивном фехтовании. Выявлено, что действующие правила и процедуры не обеспечивают однозначной зависимости результатов от применяемых подходов и качества выступлений. На фоне актуализации альтернативных систем судейства проиллюстрирована принципиальная незавершенность этапа становления арт-фехтования в России.

Ключевые слова: фехтование, артистическое фехтование, арт-фехтование, сценическое фехтование, методика подготовки спортсменов, спортивная педагогика, спортивный коллектив, тренировочный процесс, правила фехтования, судейство соревнований

Для цитирования: Лобанов В.В., Мишенев С.В. Подходы российских коллективов арт-фехтования к подготовке спортсменов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 164–176. doi: 10.17223/15617793/485/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/18

Different approaches of Russian artistic fencing collectives to the training process

Viktor V. Lobanov^{1, 2}, Sergey V. Mishenev^{3, 4}

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² Fencing Federation of Tomsk Oblast, Tomsk, Russian Federation

³ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

⁴ Fencing Federation of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} danvelur@rambler.ru

^{3, 4} smishenev@mail.ru

Abstract. We have initiated a retrospective study on the training process and competitive activities of Russian collectives. It was conducted as a way to solve the problem of artistic fencing popularity decline in Russia. One of our goals is to find a basis for an effective future development of this sphere. During the analysis of theoretical and empirical material, we studied the interrelationships between the peculiarities of the appearance of artistic fencing disciplines in the All-Russian Register of Sports and the disparity of views of modern professionals on the essence and content of the training process. The study of the training process and competitive performances of various clubs (by methods of systematization and generalization) made it possible to distinguish four methodological approaches in artistic fencing: stage-technical, stage-acting, empirical, and experimental. Two of them are based on the ideas of classics of theater pedagogy. The stage-technical approach generally corresponds to the views of I.E. Koch, and the stage-acting one corresponds to ideas of A.B. Nemerovsky. Existence of these approaches is justified by the fact that originally actors and actor groups actively participated in artistic fencing tournaments. At the same time, the theoretical basis of the new disciplines, the rules of competitions, and the nature of refereeing were determined by the content and methodology of another variety of stage fencing created by D.A. Tyshler and A.D. Movshovich. Later this content and methodology were implemented in the Espada studio. This led the theatrical groups to a gradual abandonment of artistic fencing competitions. The empirical approach has developed as a result of enthusiasts' practice in the "field" role-playing, clubs of historical fencing and reenactment. It led, in particular, to the development of the heavy weapons fencing technique and elements of the corresponding teaching methodology. Artistic fencing in such collectives, as a rule, is not a unique field of activity, it is rather one of many. Limited prospects for sports growth in artistic fencing (since 2008, no more than 10 masters of sports have been trained throughout the country) led to the fact that almost all clubs implementing an empirical approach stopped participating in the Russian National Championship by the end of the 2010s and focused on other fields. The experimental approach first manifested in the Espada studio (Moscow), in the International

Academy of Fencing Arts (Saint Petersburg) and in the Saberina studio (Tomsk). These collectives' approach is based on the existing theory, methodology and practice of competitive fencing. However, it is not possible to identify the determinism of competitive results and applied approaches in the conditions of opaque and subjective refereeing of the Russian National Championship. The uncertainty of the relationship between approaches and results also led to appearance and spread of alternative systems for evaluating performances and various scenarios of Russian artistic fencing development. Thus, the stage of the theory, methods of training and rules of artistic fencing formation in Russia cannot be considered completed.

Keywords: fencing, artistic fencing, art fencing, stage fencing, methods of training, sports pedagogy, sports collective, training process, rules of fencing, refereeing of competitions

For citation: Lobanov, V.V. & Mishenev, S.V. (2022) Different approaches of Russian artistic fencing collectives to the training process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 164–176. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/18

Введение

В научно-педагогической литературе зарождение артистического фехтования в России традиционно связывается с 2004 г., когда профессор А.Д. Мовшович посетил чемпионат мира по арт-фехтованию во Франции и познакомился с зарубежным опытом. Вскоре совместно с профессором Д.А. Тышлером он начал работу над российской версией правил арт-фехтования и их апробацией на неофициальных соревнованиях. Включение арт-фехтования в парадигму спорта благодаря этим признанным специалистам произошло быстро: уже в 2008 г. в составе вида спорта «фехтование» появились восемь новых дисциплин. Однако в связи с этим нормативные особенности, сущность и содержание арт-фехтования не стали продуктом консенсуса всероссийского сообщества, которое предварительно урегулировало бы расхождения в восприятии предмета деятельности, правил и процедур оценивания выступлений, а также методик подготовки.

Очевидно, что в 2004–2008 гг. тематическое сообщество только начинало складываться, обсуждая скорее внутренние различия, чем сходства. Так, в декабре 2006 г. в выступлении на семинаре после первого Кубка Москвы С.В. Мишенев обозначил неодинаковость московской и петербургской школ сценического фехтования причиной расхождения их представлений о сути качественного поединка [1. С. 52–53]. В итоге правила отразили только воззрения экспериментальной студии «Эспада» (г. Москва), став для прочих команд страны чужими «внешними» рамками. Полагаем, что именно это обстоятельство не позволило до настоящего момента удовлетворительно решить задачу, поставленную в 2007 г. А.Д. Мовшовичем: «...создать систему критериев и судейских оценок в артистическом фехтовании, способствующих его дальнейшему развитию» [2. С. 19]. В частности, после десяти лет реализации «системы критериев и оценок» оказалось, что россияне утрачивают интерес к арт-фехтованию: в 2018 г. в чемпионате страны участвовало 10 сборных команд субъектов РФ, в 2019 г. – семь команд, в 2021 г. – пять¹, а в 2022 г. только три. Снижение конкуренции закономерно привело к снижению качества выступлений и частичной дезавуации подходов ранее авторитетных арт-фехтовальных организаций к подготовке спортсменов.

В этом ракурсе история арт-фехтования видится процессом сопоставления разными коллективами России своих подходов и практики с нормированными в

правилах (а в дальнейшем – в методических рекомендациях В.М. Лихтаренко) взглядами студии «Эспада». Непосредственно сопоставление происходило на Чемпионатах России, где сравнивались, подчеркнем, выступления как «продукты» разных подходов, а не сами подходы. Учитывая, что правила конституировали идеал выступления, сложившийся в «Эспаде», наилучшее приближение к нему, а значит, и лучшие соревновательные результаты, обеспечивал подход именно этого коллектива. При этом неполнота и неопределенность многих пунктов правил не делала их удовлетворительным источником реконструкции эффективного в заданных границах подхода «Эспады». Поскольку члены «Эспады» – студии разработчиков правил – продолжали выигрывать, повышение точности и устранение субъективности в интерпретации «пунктов» велись лишь эпизодически. Неоднозначность требований обусловила и то, что долгое время после регистрации арт-фехтования ни один из подходов к постановке выступлений, включая подход «Эспады» и других крупных коллективов, не зафиксировался в качестве целостной методики, охватывающей все дисциплины и разновидности используемого оружия. Так, в 2009 г. один из учредителей Федерации арт-фехтования (ФАФ) А.А. Егоров писал, что в арт-фехтовании нет методик подготовки спортсменов, готовящих поединки на тяжелом оружии [3. С. 17].

Отсутствие методики не должно удивлять, ведь в 2009 г. руководство ФАФ признавало неопределенность даже самого понятия арт-фехтования: «Сценическое фехтование и артистическое фехтование. В чем разница? Разницы почти никакой нет... Мы называем артистическим, потому что это уже вид спорта. А сценическое фехтование – это предмет учебного плана театральных вузов» [4. С. 29]; «...надо прежде всего разобраться между собой, что есть артистическое фехтование» (А.А. Егоров) [3. С. 17]. Также в 2010 г. в дискуссии на конференции по вопросам развития арт-фехтования (Коломна, 2010) впервые актуализировался вопрос о связи правил соревнований с методикой подготовки спортсменов. Показательно, что А.Д. Мовшович, возглавлявший группу разработчиков правил, первичной задачей видел подготовку тренеров: «Давайте мы сначала подготовим хороших тренеров, которые будут знать, что такое фехтование, потом уже будем готовить и судей» [5. С. 29]. В свою очередь, Л.А. Бойко, руководитель Школы средневекового европейского фехтования «CREDENDO VIDAS» (г. Москва) не участвовал в

написании правил, вследствие чего он, по нашему мнению, обоснованно беспокоился скорее о судействе; в обобщенном виде его суждения касались зависимости развития спорта от направленности работы судей [5. С. 30]. Иными словами, магистральной для разработчиков правил являлась идея насаждения во всех клубах единого методического подхода к подготовке спортсменов, который отвечал бы сложившимся в «Эспаде» взглядам. Идея чаще всего обосновывалась тем, что А.Д. Мовшович обладал глубокими знаниями в области теории и методики фехтования. Тем не менее копирование методов «Эспад» в условиях, когда их динамика, не известная другим клубам или проявлявшаяся с задержкой, вела к изменениям в правилах, тексте и трактовках рекомендаций, а также в практике судейства², оказалось бесперспективным и не обеспечивающим занятия призовых мест. Это ярко проявилось после того, как судьи первых чемпионатов, которыми часто были спортивные фехтовальщики, уступили позиции выходцам из клуба, разработавшего правила: частота побед «Эспад» резко увеличилась. Однако вряд ли имело место прямое подсуживание; вероятно, судьи из спортивного фехтования ориентировались на внутренние образы качественного боя, а судьи из «Эспад» сравнивали технику с образом, сложившимся в их коллективе. Разумеется, ближе к идеалу оказывались «свои» выступления и номера, наиболее похожие на «эспадовские». С другой стороны, и победы не гарантировали перспективу: при отборе номеров для чемпионата мира 2012 г., помимо результатов соревнований, руководством ФАФ учитывался «вклад клуба в артистическое фехтование» [6. С. 14], а это явно противоречит принципам спорта.

В свете вышеизложенного ретроспективный анализ показал, что первый «календарный» Чемпионат России (20.11.2009) на фоне широкой географии интереса к арт-фехтованию выявил как неоднозначности в правилах и их трактовке, так и дискуссионность содержания качественного выступления. Признавая неразрешенность до настоящего времени обозначенных проблем, отметим, что не подверглась научному осмыслению отчетливая и устойчивая особенность арт-фехтования – наличие у коллективов, состоящих по утвержденным правилам, выработанных и часто прочных представлений о содержании и роли технического компонента в постановочном выступлении. При этом сама особенность не раз упоминалась в научных трудах. Так, в 2012 г. И.А. Петров и А.А. Высотина писали, что «даже в пределах города техника разных клубов может кардинально отличаться, что затрудняет судейство, усложняет работу спортсменам...» [7. С. 179]. Представляется, что «пути преодоления» затруднений противоположны: косвенное (через правила), но безальтернативное насаждение в коллективах приблизительно единого подхода, причем его разработчики всегда будут находиться в заведомо выигрышном положении, или осмысление опыта всех клубов для проектирования универсальных оснований подготовки спортсмена и правил арт-фехтования, адекватных текущему контексту его становления в РФ. Тенденции развития

арт-фехтования на протяжении последнего десятилетия в целом отвечали первому пути, вследствие чего в настоящее время контекст развития дополнился нерешенной задачей повышения массовости. В связи с этим путь раскрытия потенциала множества интересантов видится более перспективным, и эта мысль в общих чертах задает дизайн дальнейшей работы.

Ценным материалом для исследования является содержание выступлений, где демонстрировались техника фехтования и «стиль» разных коллективов; они позволили сформировать предположения об использовавшейся методике преподавания. Анализ номеров чемпионатов России (2009–2019 гг.) и рассмотрение опыта различных клубов дали возможность выделить и обозначить четыре основных методических подхода:

- 1) сценическо-технический;
- 2) сценическо-актерский;
- 3) эмпирический;
- 3) экспериментальный.

Сценическо-технический и сценическо-актерский подходы возникли как результат базирования методики подготовки спортсменов на материалах популярных пособий И.Э. Коха [8] и А.Б. Немеровского [9]. При этом развивавшиеся «по мотивам» пособий практики нельзя отождествлять с исторически закрепленными образами «школ» советских педагогов. Эмпирический подход, напротив, не основывался на традиционных методах сценического фехтования, его приверженцы искали собственное видение. Наконец, экспериментальный подход основывался в основном на методической базе фехтовального спорта. Учитывая неодинаковость подходов, ясно, что только осмысление их содержания, достоинств и недостатков, легитимизированное в открытой и взаимообогащающей коммуникации коллективов, позволит в условиях сохранения субъективного оценивания выступлений создать общепринятую методику подготовки спортсменов.

Опережая характеристику подходов, подчеркнем, что они вряд ли были проявлены в тех или иных регионах и коллективах артистического фехтования в целом, чистом виде; чаще практиковался смешанный стиль подготовки. Однако примеры доминирования четырех подходов прошли в регионах собственную адаптацию к существованию в системе спорта, а в ходе тренировочной и соревновательной деятельности обозначились их положительные и отрицательные стороны.

Сценическо-технический подход

Наиболее распространенная в СССР система сценического фехтования разрабатывалась ленинградским ученым Иваном Эдмундовичем Кохом в 1930–1970-х гг. Она развивалась в соответствии с общей тенденцией советского сценического фехтования – от доминирования спортивной составляющей к преобладанию театральной. В наиболее структурированном виде подход И.Э. Коха представлен в переработанном варианте пособия 1948 г., завершеном его дочерью Е.И. Стуровой и опубликованном в 2008 г. Однако опросы показали, что в коллективах России имело

хождение в основном издании 1948 г., содержащее далеко не окончательный вариант идей И.Э. Коха. В связи с этим сопоставлять методический подход арт-фехтовальщиков надо именно с ранним этапом деятельности будущего классика.

В основу сценического владения холодным оружием Иван Эдмундович положил собственные знания и опыт фехтовальщика (он познакомился с фехтованием в 1913 г. в частной школе К.И. Тернана, с начала 1920-х гг. сам преподавал фехтование и продолжал совершенствоваться под руководством С.И. Агафонова) [10], элементы трюковой пластики и акробатики. Его главная идея – организация последовательной подготовки в противовес традиционно нерегулярному образованию актеров в этой сфере. Как подчеркивал И.Э. Кох, ранее обучение в основном имело «явно случайный характер и передавалось из поколения в поколение главным образом устно и средствами показа при постановке того или иного драматического произведения» [8. С. 10].

В начале деятельности как педагога по сценическому фехтованию (конец 1930-х гг.) Иван Эдмундович опирался в большей степени на спортивный опыт, дополняя его, но обходясь без особой «театрализации». При этом к 1948 г. педагогические опыты позволили И.Э. Коху скорректировать роль фехтовального спорта в обучении условному владению оружием: занятия по спортивному фехтованию становились вспомогательными, призванными развивать психофизические качества и создавать у актера представления о реальном бое «с точки зрения внезапности действий» [8. С. 266]. Базисом подхода И.Э. Коха стала мысль, что навыков спортивного или боевого фехтования совершенно недостаточно для воплощения фехтовальной сцены.

Желание максимизировать безопасность актера [8. С. 9] не позволило ленинградскому маэстро положить в основу системы спортивные или «подлинные» приемы. Разрабатывая безопасное и посильное для большинства студентов содержание предмета «Сценическое фехтование», И.Э. Кох предельно упростил технику, убрав из нее все опасные и сложные, на его взгляд, элементы. Тем самым весь процесс обучения свёлся к инвариантному исполнению заранее известных и тщательно выученных движений. Это, наряду с отсутствием необходимости постановки контактного укола и удара в поражаемую поверхность и недостаточности часов, выделяемых на сценическое фехтование, закономерно сделало основным групповой метод обучения (в противовес спортивному фехтованию, где главная роль в постановке техники принадлежит индивидуальному уроку).

На ограниченный набор приемов фехтования И.Э. Кох предлагал опираться и при постановке боевых сцен с применением «исторических» видов оружия, хотя адекватная им техника существенно расходилась с принятой в советском спорте первой половины XX в. Так, раздел «Историческое фехтование», посвященный бою на двуручных мечах, мечах со щитами, алебардах и шпагах с кинжалами, основан на слегка модифицированном арсенале «классики»: «Передвижения совершенно аналогичны передвижениям школы сценического боя» [8. С. 122]; «Эти защиты [мечом] не требуют

описания; они тождественны защитам школы сценического боя» [8. С. 127] и так далее.

Разработки И.Э. Коха позволили начать массовое обучение студентов исполнению относительно несложных сценических поединков. Полагая, что фехтовальная сцена есть органическая часть спектакля с проработанными персонажами, И.Э. Кох уделил внимание этикетно-стилевым навыкам. Также его заслугой стало введение в научно-педагогическую лексику понятия «фехтовальный комплекс» и его определение как комплекса движений, обучающего занимающихся обращению с холодным оружием и предметами костюма, связанным с ношением вооружения [8. С. 9].

Таким образом, в пособии И.Э. Коха 1948 г. закреплены достижения раннего этапа создания дисциплины и методики преподавания. Ввиду профессиональной специализации (обучение актеров театра и кино) подход вряд ли будет в исходном виде применим для подготовки современного арт-фехтовальщика. При этом в нём имеются как подходящие, так и нецелесообразные в ракурсе арт-фехтования аспекты.

Положительные стороны: признание «школы фехтования» как базового понятия, внимание к классической технике; последовательность освоения приемов фехтования по принципу «от простого к сложному»; широкий спектр используемого холодного оружия; применение единой двигательной базы для различных видов холодного оружия; попытка универсализации терминологии; максимальная доступность избранного фехтовального арсенала; включение этикетно-стилевого раздела; разработка «фехтовального комплекса».

Отрицательные стороны: «менторская» основа преподавания, отсутствие стимулов для развития инициативы и творческого мышления; однообразие двигательной подготовки для разных видов оружия; ограничение защитного арсенала фехтовальщика шестью позициями рубящего оружия и одной позицией современного колющего, общая скудность репертуара («в сценическом фехтовании исполняются только простые ответные атаки» [8. С. 98]); поверхностность анализа исторических школ фехтования, искусственное включение спортивных приемов первой половины XX в. в арсенал исторического оружия.

Подход оказал заметное влияние на методику подготовки в коллективах: военно-исторический клуб «Витязь», г. Казань (с 2009 г. – студия арт-фехтования «Демисеркль» в составе клуба «Витязь»); группа «FLASH», Высшее театральное училище (ВТУ) имени М.С. Щепкина, г. Москва; студия сценического фехтования «Сирано», г. Москва; Рязанская региональная молодежная общественная организация «Княжество Рязанское», г. Рязань; и др.

Сценическо-актерский подход

Заслуженный деятель искусств РСФСР Аркадий Борисович Немеровский пришел в фехтование достаточно поздно, но достиг значительных результатов, став членом сборной команды СССР. После окончания в 1937 г. театрального училища им. Б.В. Щукина он служил в театре им. Евгения Вахтангова, преподавал в

нескольких театральных учебных заведениях. В клубах арт-фехтования его взгляды на сценическое движение и фехтование известны меньше, чем взгляды И.Э. Коха. В первую очередь, это связано с тем, что А.Б. Немеровский уделял мало внимания технической стороне создания сценического поединка, которая наиболее привлекательна для энтузиастов. При этом часть коллективов, освоивших скромный по объему набор приемов из пособия Коха, обратилась к наследию Немеровского в поисках новых источников развития собственной деятельности. Как правило, они изучали первое (1976) или второе (1988) издания пособия А.Б. Немеровского «Пластическая выразительность актера», так как позднее (2010, 2013) оно переиздавалось сравнительно мелкими тиражами.

Разносторонний спортивный и театральный опыт привел педагога к рассмотрению сценического фехтования в широком ракурсе пластической подготовки актера. В отличие от И.Э. Коха, Аркадий Борисович сосредоточился на актерской компоненте сценического фехтования, исследуя сопоставление двигательных умений и выразительности действий: «Если бы умение хорошо выполнять то или иное движение было равноценно выразительности актера, задача пластического воспитания решалась бы достаточно легко» [9. С. 7]. Не поддерживая догматику И.Э. Коха, московский специалист противопоставлял два направления в преподавании пластических дисциплин: шаблонное изучение техники и предельно творческий подход. Если И.Э. Кох возводил в своеобразный культ содержание «школы фехтования», то А.Б. Немеровский желал максимального раскрытия творческого потенциала учащегося, практически отрицая её значение. Он осуждал консервативность первого направления: «[вследствие привычки к заучиванию движений] притупляется способность к восприятию иного движения, выходящего за пределы “школы”, ограничивается умение быстро ориентироваться в непривычной обстановке» [9. С. 11]. Для преодоления этого недостатка А.Б. Немеровский создал подход, нацеленный на выразительность и внутреннее содержание боевых действий.

Ещё одна черта подхода А.Б. Немеровского – несомненное внимание к физической подготовке актера – судя по всему, обусловлена в том числе и тем, что педагог трудился в более поздний исторический период, существенно отличавшийся от послевоенных лет, в которых оттачивался метод И.Э. Коха. Выпуская свои книги, Иван Эдмундович не мог не воспроизводить опыт работы с учениками, пережившими войну – часто недокормленными и с различными заболеваниями. Это побудило И.Э. Коха исследовать способы, которые, наряду с гимнастикой, компенсируют физические несовершенства: сутулость, кривизну ног, недоразвитость мускулатуры, узость грудной клетки. По его мнению, кроме ракурсов, актуальны специальные приспособления (ватыны, корсеты, особые элементы одежды), которые «могут исправить почти все недостатки, если они не патологичны» [11. С. 61]. В свою очередь, перед А.Б. Немеровским уже не стояла задача обучать поколение «детей войны», вследствие чего он больше писал

о необходимости развития тела, а не компенсации разных недостатков, цитируя К.С. Станиславского: «[актерам] нужны крепкие, сильные, развитые, пропорциональные, хорошо сложенные тела...» [9. С. 17].

Несмотря на значительный вклад в методику и практику сценического фехтования, А.Б. Немеровский не написал учебника по этому предмету. Однако в книге «Пластическая выразительность актера» есть обширный раздел по работе холодным оружием и методам обучения. При этом в ракурсе применения идей Аркадия Борисовича для арт-фехтования крайне важно, что, говоря о фехтовании и явно противопоставляясь подходу И.Э. Коха, он не рассматривал вопросы фехтовальной техники. Описания боевой стойки, передвижений и выпадов, позиций оружия в его работе вообще отсутствуют. Эта особенность наложила отпечаток на дальнейшую жизнь школы А.Б. Немеровского. Его последователи осознанно пренебрегали спортивно-техническим аспектом сценического фехтования. Так, профессор Н.В. Карпов настаивал на максимальном отходе от спортивности: «Занимаясь с актёрами, надо отказаться от спортивной терминологии... Надо сделать всё, чтобы актёр понимал, что он пришел на урок не тренироваться, а познавать, что такое тело с точки зрения актерской профессии» [12. С. 10]. Закономерно игнорировались все упражнения, направленные на выработку двигательных автоматизмов, что привело к формированию особых приемов и методов обучения.

В перечне методов стоит отметить новацию, которую сам А.Б. Немеровский назвал «диктантом»: «Студенты... становятся попарно друг против друга, вооруженные шпагой и кинжалом. Им не известно, какие движения они будут выполнять... Я называю ряд движений, студенты тут же, без подготовок, их выполняют» [9. С. 128]. Педагог создал и «сложный диктант»: «...я называю четыре-шесть групп фехтовальных движений, в каждой группе в зависимости от сложности упражнения может быть от двух до четырех составных движений» [9. С. 129]. Последовательность движений должна была «сбивать» студента с привычного рисунка (диктант никогда не повторялся), что не соответствует полному запрету импровизации в современном арт-фехтовании.

Положительные стороны: выраженный творческий подход к процессу постановки и исполнения боя; систематическая подготовка исполнителя к выступлениям на публике; обнаружение новых форм преподавания фехтования (диктант); раскрытие творческого потенциала исполнителей фехтовальной сцены; обширное задействование средств темпо-ритмической выразительности.

Отрицательные стороны: недостаточное внимание к обучению актеров технике фехтования, пренебрежение качеством «технического рисунка»; ограниченность арсенала приемов, грубые ошибки в технике фехтования; условность подачи оружия, недоработки в области «внутреннего действия» приема; намеренный, но не всегда оправданный уход от «спортивности» в методике обучения.

Подход оказал заметное влияние на методику подготовки в коллективах: школа-студия артистического фехтования «Виват», г. Москва; команда «Фехтомания», г. Москва и др.

Эмпирический подход

Подход реализуют коллективы, возникшие вне профильных учебных заведений и влияния профессиональных педагогов, без существенной опоры на опыт спортивного или сценического фехтования. Как правило, хотя и не всегда, такие коллективы развивались на фоне дефицита специальной информации, хороших тренировочных условий и нехватки систематических контактов с представителями других школ. При этом сформированные ими методы подготовки зачастую оказывались интересными и самобытными. Чаще всего на этапе становления подобные коллективы широко использовали элементы единоборств, акробатики, каскадерской работы, боевой хореографии из различных фильмов, отчасти – восточных боевых искусств с оружием. По мере знакомства с теорией фехтования данный ранее накопленный опыт сопоставлялся ими с элементарной техникой, сведения о которой черпались из современных учебников и исторических трактатов.

В начале истории официального арт-фехтования эмпирический подход чаще всего разделяли коллективы, работавшие с тяжелым оружием, а также московские объединения поклонников «Звездных войн». Если первые осознавали, что артистическое фехтование на тяжелом оружии формируется «практически с нуля... предстоит создать теоретическую базу, ... методики обучения» [3. С. 17], то вторые начали соотносить своей практики с современной теорией фехтования достаточно поздно и в основном под влиянием знакомства с достижениями коллег из г. Томска, где фехтование на световых мечах «саберфайтинг» ещё до регистрации дисциплин арт-фехтования развивалось не как самобытное, а как спортивно-театральное, базируясь на спортивном фехтовании на саблях и шпагах [13]. Отметим, что в ряде клубов РФ, в том числе московских, переход на традиционную терминологию ещё не завершился: защита подстановкой по-прежнему именуется блоком, уступающая защита – сливом, укол – колющим ударом и так далее.

Вопреки дискуссионности методической базы эмпирическое направление сыграло значительную роль как в привлечении новых спортсменов и регионов, так и в дополнении техники арт-фехтования действиями, не описанными в классических пособиях по сценическому или спортивному фехтованию. Это, например, разнообразные мулинеги («прокрутки», или вращения) в фехтовании на тяжелом оружии и на световых мечах.

Кроме того, некоторые коллективы при разработке техники и методики обучения опирались преимущественно не на современные учебники, а на европейские трактаты по фехтованию XVI–XIX вв. Хотя обращение к первоисточникам следует считать довольно перспективным (правила соревнований в разных странах и на

различных международных турнирах могут существенно различаться), большинству коллективов РФ оно не принесло дивидендов ввиду того, что на турнирах оценивалась прежде всего техника, близкая к современной спортивной. Анализ показал, что в большинстве случаев коллективы, базисом подготовки в которых была «историческая» техника, разорвали связь с официальным арт-фехтованием и сосредоточились на деятельности сообщества исторических европейских боевых искусств – НЕМА (Historical European Martial Arts). С другой стороны, несколько московских коллективов, демонстративно поддерживавших методические установки студии «Эспада», с санкции разработчиков правил стали постепенно включать в «оцениваемую» технику приемы фехтбухов Лихтенауэра, Мейера и Тальхоффера. Тенденцией ближайших лет должна явиться, судя по всему, легализация в арт-фехтовании исторических техник, так как энтузиасты НЕМА в субъектах РФ остались для ФАФ практически единственным ресурсом расширения регионального представительства после кризиса 2021 г.

Положительные стороны: широкий взгляд на фехтование как сферу человеческой деятельности, «незапороженность» восприятия; разнообразие источников творчества (кино, театр, учебная и художественная литература); знание фехтбухов; устойчивые контакты с близкими по направлению коллективами, готовность перенимать опыт.

Отрицательные стороны: отсутствие в большинстве случаев профессиональной актерской и спортивной методической базы; смещение фокуса внимания на расширение арсенала осваиваемых приемов в условиях недостаточно качественной базовой техники; методически не обоснованное, хаотическое смешение различных техник фехтования.

Подход оказал заметное влияние на методику подготовки в коллективах: военно-исторический спортивно-культурный комплекс «Коломенский кремль» и Центр русской воинской культуры «Святогор», г.о. Коломна Московской области; студия артистического фехтования «Грифон», г. Красноярск; «Школа саберфайтинга», г. Москва; студия «Саберфайтинг арт», г. Москва и др.

Экспериментальный подход

Экспериментальный подход к арт-фехтованию с позиций теории и истории спорта, спортивной педагогики реализовали в России, прежде всего, три коллектива:

- 1) Студия арт-фехтования «Эспада», г. Москва, руководитель – профессор А.Д. Мовшович;
- 2) Международная академия фехтовальных искусств (МАФИ), г. Санкт-Петербург, руководитель – доцент С.В. Мишенев;
- 3) Студия фехтования «Saberia», г. Томск, руководитель – доцент В.В. Лобанов.

Научно-педагогическая деятельность профессора А.Д. Мовшовича (до 2014 г. – при поддержке профессора Д.А. Тышлера) стала первой отечественной попыткой осмысления возможности развития постановочного фехтования в составе вида спорта «фехтова-

ние». В качестве первоначальной основы были использованы формы европейских соревнований по арт-фехтованию и личный методический опыт преподавания спортивного фехтования. В ходе воплощения идеи надления арт-фехтования спортивным статусом А.Д. Мовшович стремился избавить соревновательную деятельность от недостатков, свойственных, по его мнению, зарубежным турнирам: неясности принципов отбора участников, недостаточной внятности критериев оценивания, смешивающих актерские и технические составляющие, «закрытости» судейства, отсутствия балльной системы и, как следствие, проходного балла спортсмена. Для организации экспериментальной деятельности по созданию правил и процедур оценивания выступлений, технологий постановки поединков и упражнений, а также методики преподавания А.Д. Мовшович вместе с Д.А. Тышлером открыл в 2004 г. на базе Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (РГУФК)³ студию арт-фехтования «Эспада».

При разработке нормативной базы российского арт-фехтования А.Д. Мовшовичем использовались особые методологические ориентиры: фиксация обязательных элементов в правилах, четкость критериев и показателей оценивания, единообразие «эталонной» техники, дифференциация постановочных форм по дисциплинам. Последнее дало возможность начать инновационную работу по выявлению содержания номеров «соло» и «ансамбль» (это международные названия; в России они – «упражнение соло» и «упражнение группа»), не включаемых в подготовку по сценическому фехтованию в театральных учебных заведениях. «Эталонном» стала техника спортивного фехтования из учебников второй половины XX в., а её восприятие в выступлениях в 2004–2008 гг. де-факто определяла книга Д.А. Тышлера и А.Д. Мовшовича «Искусство сценического фехтования» (2004) [14]. Постепенно деятельность по внедрению результатов экспериментов «Эспады» в практику турниров перешла в руки участницы коллектива В.М. Лихтаренко. Автор сделала значительный вклад в размежевание содержания критериев, в соответствии с которыми утвержденные правила требовали оценивать номера, и составила основную часть «Методических рекомендаций» для судей [15, 16]. Однако «рекомендации» как документ, интерпретирующий правила и прямо регулирующий практику судейства, в силу неоднозначности не превратились в надежную методическую опору тренеров и спортсменов.

Так, в версиях рекомендаций 2014–2017 гг. немало параметров названо, но не определено. Это, к примеру, «излишне высокая / низкая / широкая / узкая боевая стойка», хотя практика спортивного фехтования показала, что расстояние между стопами в боевой стойке вариативно и технически (от полутора до двух длин стопы), и индивидуально, в зависимости от роста, массы и других особенностей бойца. Ряд фрагментов рекомендаций устанавливали и визуализировали чисто «авторские» требования или содержали грубые фактические ошибки. В качестве спорного фрагмента проанализируем раздел «Держание оружия» приложения

7. На иллюстрациях «Держание колющей *шпаги* с “французской” рукояткой», «Держание *шпаги* с рукояткой с перекрестием» и «Держание рубяще-колющей *шпаги*» показаны спортивные *рапиры*. Два первых рисунка – упрощенные изображения из учебника В.А. Аркадьева [17. С. 100] – не сопровождаются комментарием, но данный педагог требовал при держании, скажем, французской рукоятки помещать большой палец на расстоянии примерно сантиметра от гарды, что продемонстрировано на рисунке в рекомендациях В.М. Лихтаренко. Это согласуется с вариантом Д.А. Тышлера [18. С. 58], но не совпадает с идеями В.К. Добровольского и А.П. Мордовина («большой палец накладывается... касаясь, но не упираясь, ногтем в дно гарды») [19. С. 24] и ранними разработками К.Т. Булочко («...слегка касаясь дна гарды») [20. С. 133]. Другое указание В.А. Аркадьева – нужно касаться гарды первой фалангой указательного пальца [17. С. 100]. Так же писали В.К. Добровольский, А.П. Мордовин и К.Т. Булочко, но совет противоречит мыслям А.И. Люгара [21. С. 10], И.Э. Коха («почти касаясь...») [8. С. 66] и Г.В. Морозовой («...не упираясь сгибом в дно гарды») [22. С. 43]. В свою очередь, А.Н. Пономарев и Л.В. Сайчук считали правильным, что «большой и указательный пальцы располагаются на рукоятке, отступая около 1 см от гарды» [23. С. 8]. Таким образом, опора на традицию единственного коллектива приводит к тому, что судья, соблюдая рекомендации В.М. Лихтаренко, имеет право зафиксировать «Неверное держание рукоятки» во всех случаях, отличающихся от изображенных на рисунке, хотя однозначности мнений по вопросу держания французской рукоятки нет ни в классическом, ни в спортивном, ни в сценическом фехтовании.

Ещё один аспект, предложенный В.М. Лихтаренко при оценивании атак с выпадом, фактически выводит из арсенала арт-фехтовальщика как классические глубокие выпады с расположением бедер в одну линию по примеру Кристиана Д’Ориоля, так и полувыпады: опирающийся на рекомендации судья должен снизить оценки, увидев «...слишком высокое положение таза при завершении выпада или выпад, в котором при тазе, находящимся ниже коленного сустава, бедро впереди стоящей ноги не параллельно полу» [16. С. 56]. Это неоправданно сужает и содержание подготовки спортсменов, и разнообразие техники в выступлениях.

Наконец, дробление параметров (скажем, оценивание только «атаки с выпадом» ведется по девяти признакам, каждый – в пределах от 0 до 0,10 или до 0,20 балла в зависимости от дисциплины) и право судей оперировать долями в пять сотых балла на практике не подтвердили целесообразность: если критерии инструментальны и точны, а судьи квалифицированы, то оценки по выступлениям должны совпадать, чего не наблюдается. К сожалению, зарубежная «закрытость» судейства, критикуемая А.Д. Мовшовичем, в России полностью сохранилась усилиями «Эспады» (на чемпионате России 2021 г. не оглашался даже состав судейской коллегии), поэтому на опыте всероссийских турниров полностью изучить проблему невозможно. Тем не менее, учитывая сложность не решенной до

настоящего времени задачи, ранний этап методической деятельности В.М. Лихтаренко явился позитивным формулированием технических ориентиров. Ими могли с успехом воспользоваться энтузиасты, не имевшие представлений о современной технике фехтования на рапирах и саблях, и спортивные фехтовальщики, привлекаемые в судейские бригады. К настоящему моменту, однако, легитимность рекомендаций вне г. Москвы практически утрачена. Это обусловлено: накоплением противоречий между точным следованием рекомендациям и соревновательным рейтингом; неравносильностью критериев (в дуэтных номерах с неинерционным оружием отсутствие атак с выпадом лишает участников целого балла, тогда как фехтование в неверной дистанции в течение всего выступления снижает оценку только на 0,20), игнорированием ряда принципиальных аспектов качественного управления оружием (дуате); обязательностью повышения оценок за действия, традиционные преимущественно в «Эспаде» (атаки с вращением, сочетание фехтования с элементами танца); отсутствием публичного обсуждения рекомендаций и обоснования их динамики. К сожалению, обоснованная критика рекомендаций понизила в регионах РФ интерес к качественным методическим продуктам В.М. Лихтаренко (в соавторстве с А.Д. Мовшовичем), посвященным тренировке юных арт-фехтовальщиков на легком оружии. Наконец, в 2016 г. ФАФ решением «Эспады» прекратила сотрудничать с Международной академией оружия (Académie d'Armes Internationale – AAI) и участвовать в совершенствовании международных правил. Эту работу подхватила вышедшая в 2021 г. из структуры ФАФ и реорганизованная Российская академия фехтования (РАФ) под руководством С.В. Мишенева. В настоящее время РАФ проводит в России соревнования по международным правилам и содействует внесению адекватных им коррективов в процесс подготовки спортсменов.

Положительные стороны: профессиональная методическая оснащенность в сфере «олимпийского» спортивного фехтования; ориентация на соревновательную деятельность; высокий уровень технической подготовки на легком колющем оружии; знание приемов из арсенала современного фехтования.

Отрицательные стороны: замкнутость на себе, отказ от изучения идей и практики отечественных и зарубежных школ; неумение создавать «эффект боя»; невыразительность действий, низкий актерский потенциал; догматичность авторской интерпретации техники спортивного фехтования; однообразие схем; нехватка аутентичных исторических техник при использовании оружия эпохи Ренессанса.

Научно-практические опыты С.В. Мишенева на ниве постановочного фехтования начались в 1985 г. при поддержке ленинградского фехтмейстера Николая Владимировича Чугунова. Н.В. Чугунов преподавал классическую французскую школу доэлектрической рапиры, знакомил последователей с техникой боя на спортивных шпагах и саблях, а также с результатами

собственных (совместно с В.В. Вышпольским) исследований по истории фехтования. Внимание к постановочному фехтованию, по воспоминаниям современников, Н.В. Чугунов впервые проявил в 1974 г., вдохновившись пособием И.Э. Коха и историческими материалами в текстах и интерпретациях А.П. Мордовина, К.Т. Булочко, В.А. Аркадьева и А.П. Голяницкого. С приходом С.В. Мишенева в январе 1985 г. в практике коллектива Н.В. Чугунова, вскоре ставшего студией европейского фехтования «Рипост» (в настоящее время это Международная академия фехтовальных искусств), оформились два ключевых направления:

1) *Расширение арсенала приемов и методов подготовки фехтовальщиков к созданию и демонстрации постановочных поединков на основе старинных руководств и пособий по фехтованию.* Благодаря многолетним исследованиям в структуре постановочных номеров и методах подготовки сценических и артистических фехтовальщиков в Санкт-Петербурге учтены разработки отечественных классиков Б. Фишера, И.Е. Сивербрика, А.И. Люгара и К.И. Тернана, а также зарубежных авторов эпохи позднего Ренессанса и XVIII–XIX вв.

2) *Использование в сценических выступлениях опыта взаимодействия с телевидением и кинематографом (постановка фехтовальных сцен и просветительская деятельность).* С 1990-х гг. участники студии «Рипост» фехтовали в сценах отечественных кинофильмов («Гроза над Русью», 1992; «Ермак», 1996 и др.) и обучали актеров историческим приемам. С одной стороны, это обусловило адаптацию освоенных студийскими техник фехтования к возможностям актеров и каскадеров, разработку методик ускоренного обучения. С другой – под воздействием кинематографа в номерах стали допускаться элементы импровизации, не всегда оправданная эклектика исторического, классического, спортивного фехтования, трюков. Это поставило перед молодым руководителем студии С.В. Мишеневым (в 1994 г. Н.В. Чугунов оставил пост по состоянию здоровья) задачу гармонизации существующих методов и используемых приемов в рамках общей для студии методики подготовки. Такая методика была разработана им на основе «школь» классической рапиры первой половины XX в.: в результате появились в том числе утвержденные Санкт-Петербургским спорткомитетом правила соревнований по классическому фехтованию.

Несомненно, что исследовательская, педагогическая и просветительская активность С.В. Мишенева расширяла представления об искусстве фехтования не только коллектива его студии, но и всего фехтовального сообщества Санкт-Петербурга. Скажем, в 1993 г. на базе редакции «Российские энциклопедии» он реализовал проект по истории фехтования. В передаче «Исторический альманах» увидели свет четыре серии: «Изогнутое оружие» и «Щит и меч, шпага и кинжал» – под руководством Н.М. Визирякина, главного редактора «Энциклопедий», сюжеты «Защищая честь» (краткая история дуэлей) и «Штык-молодец» (штыковой бой) сделал С.В. Мишенев. Следствием изысканий

периода 1990-х гг. явилась обширная публицистическая работа. В 1992 г. в газете «Невский проспект» были напечатаны первые статьи С.В. Мишенева, а в 1999 г. вышла книга «История фехтования. На пути к вершине», ставшая первым подробным русскоязычным изданием по этой теме [24]; ранее единственную, судя по всему, небольшую брошюру написала в 1990 г. А.П. Королева [25].

В XXI в. диверсификация работы МАФИ обусловила широкую известность идей С.В. Мишенева не только среди энтузиастов сценического и артистического фехтования, но и в сообществах различного фехтовального «профиля» (историческая реконструкция, национальные виды и т.д.). В этой связи методический подход С.В. Мишенева пользуется значительной популярностью среди большинства немосковских коллективов.

Положительные стороны: организация начального обучения арт-фехтовальщиков на базе «колющей классики»; реализация систематической общефизической подготовки; расширение технического арсенала за счет исторических, классических и национальных видов фехтования; приобщение к трюковой и каскадерской практике; применение особых образов («Крыса», «Роза») и тренажеров («Сердце», «Персидская гиря» и др.).

Отрицательные стороны: недостаточная согласованность содержания групповых и индивидуальных занятий; неполнота научного обоснования перенесения традиционных способов обучения фехтованию в современную практику; фрагментарность нормативного закрепления методики; снижение внимания к качеству базовой техники спортсмена после завершения этапа начальной подготовки, чрезмерная лояльность к «свои́змам».

Ключевое направление деятельности доцента В.В. Лобанова – разработка теории и методики обучения саберфайтингу как постановочному фехтованию на моделях световых мечей (саберах). Идея создания постановочных поединков на саберах появилась в 2000 г. у московских поклонников киносаги «Звездные войны», опиравшихся при реконструкции приемов преимущественно на видеоряд I эпизода «Скрытая угроза» 1999 г. (постановщик боевых сцен – британский каскадер Н. Гиллард) и некоторые движения из компьютерных игр. При этом важно, что фехтование на световых мечях в фильмах не представляло собой целостной системы – Ник Гиллард разработал для всех актеров индивидуальные стили. В этой связи первые московские попытки нормирования техники (*идеальная форма*) на базе воспроизведения стилистики боев в фильмах не получили развития. Энтузиасты пытались осуществить декомпозицию хореографии Н. Гилларда, не считая нужным знакомиться с тем, что лежало в её основе, то есть теорией различных направлений фехтования. Это привело в итоге к оформлению в г. Москве эмпирического подхода к саберфайтингу как в технике, так и в методике обучения. Техника, как правило, до сих пор не адекватна логике фехтования: атаки совершаются в основном без разгибания вооруженной руки (или рук), допускаются удары не слабой, а средней частью

клинки; при длине клинков в 80–100 см значительная часть схваток проходит на ближней дистанции, в ближнем бою и в кор-а-кор. Поединкам в указанной технике свойственны: высокая частота соударений клинками с затруднительностью опознания их как боевых действий, отсутствие ускорений в исполнении приемов; одновременность начал атаки и защитного действия оружием; бой на несоразмерной дистанции. В методике заметны пренебрежение техникой передвижения, невнимательное отношение к боевой стойке и осанке спортсменов, перекос в сторону развития скоростных качеств в ущерб точности выполнения приемов.

Несмотря на общую слабость техники и методики обучения, ряд идей московских саберфайтеров оказались позитивными для дальнейшего развития теории и практики арт-фехтования на световых мечях. Так, ценной стала идея «боевой» формы саберфайтинга, в которой прослеживается связь с историческими европейскими видами фехтования. Кроме того, боевая форма подходила для импровизационных поединков (фольклорное название – фрифайт), реализуя принципы: 1) из каждого заданного пространственного положения оружия наносился только конкретный удар, меч занимал обозначающее удар положение в конце фазы замаха; 2) «право атаки» не завоевывалось, а добровольно передавалось в ходе условленных действий; например, допускался повторный удар (с широким замахом) в тот же закрытый сектор – от него следовало уклоняться и выполнять ответную атаку либо давать ответ, если «противник» показал готовность парировать. В целом приближение двигательной формы части приемов саберфайтинга к реально существовавшим фехтовальным аналогам не детерминировало переход московских клубов к методикам и к пониманию принципов спортивного фехтования.

Напротив, в г. Томске всего через год после начала систематических тренировок по саберфайтингу (2002 г.; «пробные» занятия организовывались уже в 2001 г.) была сделана экспериментальная попытка осмысления саберфайтинга в свете теории и методики современного спортивного фехтования на шпагах и саблях. В течение 2003–2004 гг. В.В. Лобанов подготовил первую в РФ авторскую программу «Саберфайтинг», в соответствии с которой с осени 2004 г. во Дворце творчества детей и молодежи г. Томска заработала первая в мире официальная секция с одноименным названием. Рецензентом программы стал Н.Г. Путинцев, тренер-преподаватель высшей категории по фехтованию СДЮСШОР № 16 г. Томска (сейчас ДЮСШ № 16). Состязательность разработки закрепились дважды: на практике – в организации с 2005 г. и по настоящее время конвентов «Лайткон» с конкурсами постановок; в теории – через позиционирование саберфайтинга *спортивно-театральным фехтованием* еще в 2006 г. [13], до нормативного оформления арт-фехтования в России.

В 2008 г., после регистрации арт-фехтования во всероссийском реестре, Федерация фехтования Томской области (ФФТО) зафиксировала пригодность техники саберфайтеров г. Томска для подготовки выступлений в дисциплинах «упражнение соло», «упражнение группа», «дуэт – свободный стиль» и «группа –

свободный стиль». Подтверждающая это справка ФФТО – первое признание саберфайтинга представителями спортивного фехтования. При этом рамочность взглядов ряда участников «Эспады» на арт-фехтование привела к тому, что споры об основаниях допуска саберфайтеров на ЧР не прекращались вплоть до публикации в 2016 г. статьи А.Д. Мовшовича и В.В. Лобанова, легализовавшей «арт-фехтовальность» саберфайтинга в Москве [26].

Итогом методической деятельности В.В. Лобанова в 2008–2010 гг. стало отражение новаторского подхода в опубликованной в 2010 г. образовательной программе по артистическому фехтованию «Саберфайтинг» [27]. В 2012 г. программа удостоилась дипломов городских и областных методических конкурсов, а в 2013 г. она победила в физкультурно-спортивной номинации конкурса авторских образовательных программ дополнительного образования, организованного Министерством образования и науки РФ. В ходе реализации программы в 2010–2016 гг. выяснялись границы сближения технической подготовки саберфайтеров и спортивных фехтовальщиков. Эксперимент проходил в двух группах, кроме контрольной. Анализ результатов первой группы обнаружил эффективность освоения базовой техники саберфайтинга в соответствии с порядком, формами и арсеналом действий, созданными классиками В.А. Аркадьевым, К.Т. Булочко, Д.А. Тышлером и А.Д. Мовшовичем. Примером высокого уровня технической подготовленности явился номер С.В. Шматько и В.В. Лобанова «Альтернативная сцена», занявший второе место на чемпионате России 2016 г., что стало высшим результатом российских саберфайтеров за период 2008–2016 гг. В ходе анализа тренировочного процесса второй группы было установлено, что освоение базовой техники спортивного фехтования до начала занятий саберфайтингом не детерминирует качество поединков с применением моделей световых мечей, вследствие чего «легкое оружие» стало факультативом. При этом в 2016–2019 гг. студии удалось практически подтвердить целесообразность опоры на спортивные методики в обучении технике арт-фехтования не только на саберах, но и на других видах оружия. Так, шпажист Р.В. Мусенко, изучавший технику фехтования на саблях в формате индивидуальных уроков, в 2018–2019 гг. трижды становился призером чемпионата РФ – его приводило на пьедестал каждое выступление.

Результаты исследовательской деятельности В.В. Лобанова значительно изменили методику подготовки саберфайтеров на территории России. В качестве примеров назовем создание им общепринятой сегодня нумерации позиций оружия в саберфайтинге (2013) и публикацию – после обсуждений с заинтересованными коллективами – рекомендаций по судейству техники саберфайтинга в арт-фехтовании (2018) [28]. Наконец, 8 ноября 2021 г. в Томском государственном педагогическом университете под руководством В.В. Лобанова была открыта экспериментальная площадка «Самоорганизация подростков и молодежи на основе коллективной деятельности в области фехтования». Она направлена на выявление возможностей концептуализации

творческой и спортивной деятельности отечественных и зарубежных коллективов постановочного фехтования, адаптацию международных правил арт-фехтования к применению в российских реалиях, поиск методов развития сообщества арт-фехтовальщиков в процессе выращивания общего понимания сущности и содержания тематической активности. Например, взаимодействие студии «Saberia» с МАФИ, предварившее открытие площадки, повысило желание томичей осваивать трюковую пластику, а их работа, в свою очередь, обусловила внимание спортсменов Санкт-Петербургской студии саберфайтинга «Ravissant» к координационным упражнениям и совершенствованию техники передвижений в парах и группах.

Положительные стороны: аналитическое переосмысление техники фехтования на моделях световых мечей «Саберфайтинг» с научно-методических установок спортивного фехтования (определение допустимых способов реализации действий нападения, обороны и подготовки, описание нумерации позиций и др.); разработанность механизмов обмена опытом с другими коллективами РФ для обогащения и легитимации спортивного подхода к обучению саберфайтеров; актуализация индивидуального урока как основной формы обучения высококвалифицированных арт-фехтовальщиков на разных видах оружия.

Отрицательные стороны: малое число применяемых видов оружия (сабер, шпага и сабля); неоправданное сосредоточение на выступлениях в дуэтах (дуэлях) без участия в дисциплине «Упражнение группа» (ансамбль); ситуативная общефизическая подготовка; недостаточная нацеленность на соревновательную деятельность.

Таким образом, ключевым признаком экспериментального подхода является опора на ранее существовавшую теорию, методику и практику состязательного фехтования: это современное спортивное фехтование на рапирах и саблях в «Эспаде», французская школа доэлектрической рапиры в МАФИ, спортивное фехтование на шпагах и саблях в «Saberia» с их последующей адаптацией к российским и международным правилам арт-фехтования.

Заключение

Исследование техники, методики обучения и выступлений российских коллективов арт-фехтования позволило установить, что первая волна интереса к новым дисциплинам вида спорта «фехтование» породила сразу несколько обобщенных направлений наработки и передачи спортивного мастерства. Так, «сценические» подходы, в основании которых лежали идеи И.Э. Коха, А.Б. Немеровского, их учеников и коллег, сформировали начальные ориентиры для энтузиастов-руководителей клубов, но коллективов, реализующих *только* методики из классических пособий, обнаружить не удалось. Также на позднейших этапах развития арт-фехтования элементы «актерских» методик обогатили эмпирическую и экспериментальную практику многих клубов: к месту пришлось и системность в изучении

приемов (И.Э. Кох), и приоритетное внимание к артистической компоненте сценического выступления (А.Б. Немеровский). Эмпирический подход московских студий породил идею саберфайтинга, впоследствии переработанную на базе теории и методики спортивного фехтования в экспериментальной деятельности томичей и ставшую самостоятельным направлением внутри дисциплин «свободного стиля».

В свою очередь, участники «Коломенского кремля» и «Грифона» создали принципиально разные, но в равной степени не похожие на спортивное или сценическое фехтование техники боя на тяжелом оружии. Наконец, поисковая работа А.Д. Мовшовича, С.В. Мишенева и В.В. Лобанова обеспечила апробацию авторских концепций, учитывающих опыт спортивного и классического фехтования.

Результатом выявления положительных и отрицательных сторон разных подходов к обучению спортсменов явилось четкое понимание незавершенности этапа становления арт-фехтования в России в плане как тех-

ники, так и методики обучения. Незавершенность сохраняется и в настоящее время в связи с тем, что регистрацию арт-фехтования в реестре видов спорта не предвзяло согласование подходов региональных интересантов с разрабатываемыми правилами соревнований, ставшими не плодом совместного труда отечественного арт-фехтовального сообщества, а внешней по отношению к нему «рамкой». С учётом этого формирование единого подхода к подготовке арт-фехтовальщиков может реализовываться через: отход коллективов, имевших собственные традиции постановочного фехтования, от участия в деятельности ФАФ и их постепенную замену клубами, готовыми за неимением опыта в этой сфере взять на вооружение методику «Эспады» и удовлетворяться эпизодическими призовыми местами; отказ от практики судейства соревнований на основе догматической интерпретации учебников по спортивному фехтованию; включение существующих коллективов в разработку правил; организацию системы неофициальных состязаний по разным правилам, создающим условия для естественной гармонизации учебно-тренировочной и судейской практики.

Примечания

¹ Информация о количестве сборных команд субъектов РФ получена в процессе опроса участников, в открытом доступе официальных материалов обнаружить не удалось. Также установлено, что сборная команда Удмуртской Республики включала двух спортсменов, команда Республики Татарстан – одного спортсмена, а единственный представитель сборной Архангельской области, участвовавшей только в дисциплине «Упражнение соло», в остальных дисциплинах выступал за сборную команду г. Москвы.

² Единственное известное нам публичное анонсирование изменений в правилах сделано В.М. Лихтаренко на конференции по развитию арт-фехтования в России в Коломне [6. С. 12].

³ В настоящее время – Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ).

Список источников

1. Мишенев С.В. Артфехтование. Первый кубок // Созвездие Д'Артаньяна. СПб. : Solen, 2008. С. 51–53.
2. Мовшович А.Д. Артистическое фехтование как вид спорта : методическое пособие. М. : Принт Центр, 2007. 56 с.
3. Егоров А.А. Особенности и проблемы развития артистического фехтования на тяжелом средневековом оружии // Материалы научно-практической конференции по вопросам развития артистического фехтования в России. Коломна : Тираж, 2009. С. 16–18.
4. Большакова И.А. Международные контакты и связи в сфере артистического фехтования [комментарий А.Д. Мовшовича в обсуждении доклада] // Материалы научно-практической конференции по вопросам развития артистического фехтования в России. Коломна : Тираж, 2009. С. 28–29.
5. Лихтаренко В.М. Развитие системы судейства соревнований в артистическом фехтовании. Анализ результатов Чемпионата России 2009 года. О некоторых организационных моментах проведения официальных спортивных мероприятий [обсуждение доклада с участием А.Д. Мовшовича, Л.А. Бойко и др.] // Материалы научно-практической конференции по вопросам развития артистического фехтования в России. Коломна : Цифра, 2011. С. 17–31.
6. Лихтаренко В.М. Итоги Чемпионата России 2010 года. Изменения в правилах проведения соревнований по артистическому фехтованию Федерации артистического фехтования. Чемпионат Мира 2012 года, правила Чемпионата 2012 года, тенденции и отличия [с обсуждением доклада] // Материалы научно-практической конференции по вопросам развития артистического фехтования в России. Коломна : Цифра, 2012. С. 11–16.
7. Петров И.А., Высотина А.А. Артистическое фехтование как вид спорта: специфика, перспективы развития // Молодёжь и наука : материалы VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012. Т. 1. С. 178–183.
8. Кох И.Э. Сценическое фехтование : учебное пособие для театральных вузов и техникумов. Ленинград ; Москва : Искусство, 1948. 292 с.
9. Немеровский А.Б. Пластическая выразительность актера : учеб. пособие для театр. вузов и ин-тов искусств. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1988. 191 с.
10. Лобанов В.В. К 120-летию со дня рождения Ивана Эдмундовича Коха // Физическая культура, здравоохранение и образование : материалы XV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти В.С. Пирусского. Томск : СТТ, 2021. С. 22–26.
11. Кох И.Э. Основы сценического движения. Л. : Искусство, 1970. 568 с.
12. «Серебряная шпага» в зеркале сцены: о Николае Карпове / сост. А. Закиров. М. : Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2014. 240 с.
13. Лобанов В.В. Западно-Сибирская «Академия Джедай» как школа спортивно-театрального фехтования // Студенческие и молодежные общественные объединения в социокультурном пространстве современной России : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Томск : ТГПУ, 2006. С. 58–61.
14. Тышлер Д.А., Мовшович А.Д. Искусство сценического фехтования. М. : СпортАкадемПресс, 2004. 272 с.
15. Лихтаренко В.М. Артистическое фехтование : методические рекомендации для судей. М. : [б.и.], 2014. 107 с.
16. Лихтаренко В.М. Артистическое фехтование : методические рекомендации для судей. М. : [б.и.], 2017. 108 с.
17. Фехтование : учебник для институтов физической культуры / под общ. ред. В.А. Аркадьева. М. : Физкультура и спорт, 1959. 488 с.
18. Фехтование : учебник для институтов физической культуры / под ред. Тышлера Д.А. М. : Физкультура и спорт, 1978. 336 с.
19. Фехтование. Рапира, эспадрон, штык : пособие для инструкторов и преподавателей техникумов и вузов / под ред. В.К. Добровольского. М. : Физкультура и туризм, 1936. 128 с.

20. Фехтование и рукопашный бой : учебник для институтов физической культуры / под общ. ред. К.Т. Булочко, В.К. Добровольского и А.Ц. Пуни. Москва; Ленинград : Физическая культура и спорт, 1940. 356 с.
21. Люгар А.И. Руководство классического фехтования на рапирах, французской школы. СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 74 с.
22. Морозова Г.В. Сценический бой (фехтование и пластические трюки в спектакле). М. : Искусство, 1970. 144 с.
23. Пономарев А.Н., Сайчук Л.В. Фехтование на шпагах. М. : Физкультура и спорт, 1970. 152 с.
24. Мишенев С.В. История фехтования. На пути к вершине. СПб. : Атон, 1999. 224 с.
25. Королева А.П. История фехтования : Фехтование в Древнем мире и в Средние века : метод. разраб. М. : ГЦОЛИФК, 1990. 22 с.
26. Мовшович А.Д., Лобанов В.В. Артистическое фехтование: проблемы международного продвижения в системе спорта // Теория и практика физической культуры. 2016. № 8. С. 62–64.
27. Лобанов В.В. Саберфайтинг : образовательная программа по артистическому фехтованию. Томск : Томский государственный педагогический университет, 2010. 58 с.
28. Лобанов В.В. Судейство техники саберфайтинга в артистическом фехтовании : методические рекомендации (проект). Томск : Термопринт, 2018. 36 с.

References

1. Mishenev, S.V. (2008) Artfektovanie. Pervyy kubok [Art fencing. The First Cup]. In: *Sozvezdie D'Artan'yana* [Constellation of D'Artagnan]. Saint Petersburg: Solen. pp. 51–53.
2. Movshovich, A.D. (2007) *Artisticheskoe fekhovanie kak vid sporta* [Artistic Fencing As a Sport]. Moscow: Print Tsentr.
3. Egorov, A.A. (2009) [Features and problems of the development of artistic fencing with heavy medieval weapons]. *Proceedings of the Conference on the Development of Artistic Fencing in Russia*. Kolomna. 14–15 February 2009. Kolomna: Tirazh. pp. 16–18. (In Russian).
4. Bol'shakova, I.A. (2009) [International contacts and connections in the field of artistic fencing [comment by A.D. Movshovich in the discussion of the report]]. *Proceedings of the Conference on the Development of Artistic Fencing in Russia*. Kolomna. 14–15 February 2009. Kolomna: Tirazh. pp. 28–29. (In Russian).
5. Likhtarenko, V.M. (2010) [Development of the system of refereeing competitions in artistic fencing. Analysis of the results of the Russian Championship 2009. On some organizational aspects of holding official sporting events [discussion of the report with the participation of A.D. Movshovich, L.A. Boyko and others]]. *Proceedings of the Conference on the Development of Artistic Fencing in Russia*. Kolomna. 6–7 February 2010. Kolomna: Tsifra. pp. 17–31. (In Russian).
6. Likhtarenko, V.M. (2012) [Results of the Russian Championship 2010. Changes in the rules for holding artistic fencing competitions of the Artistic Fencing Federation. World Championship 2012, rules of the Championship 2012, trends and differences [with discussion of the report]]. *Proceedings of the Conference on the Development of Artistic Fencing in Russia*. Kolomna. 29 October – 14 November 2012. Kolomna: Tsifra. pp. 11–16. (In Russian).
7. Petrov, I.A. & Vysotina, A.A. (2012) [Artistic fencing as a sport: specifics, development prospects]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Proceedings of the 8th All-Russian Conference. Krasnoyarsk. 19–17 April 2012. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 1. pp. 178–183. (In Russian).
8. Kokh, I.E. (1948) *Stsenicheskoe fekhovanie* [Stage Fencing]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
9. Nemerovskiy, A.B. (1988) *Plasticheskaya vyrazitel'nost' aktera* [Plastic Expressiveness of the Actor]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
10. Lobanov, V.V. (2021) [To the 120th anniversary of the birth of Ivan Edmundovich Koch]. *Fizicheskaya kul'tura, zdoravookhraneniye i obrazovanie* [Physical culture, health care and education]. Proceedings of the 15th International Conference. Tomsk. 18 November 2021. Tomsk: STT. pp. 22–26. (In Russian).
11. Kokh, I.E. (1970) *Osnovy stsenicheskogo dvizheniya* [Fundamentals of Stage Movement]. Leningrad: Iskusstvo.
12. Zakirov, A. (ed.) (2014) *"Serebryanaya shpaga" v zerkale stseny: o Nikolae Karpove* ["Silver Sword" in the Mirror of the Stage: About Nikolai Karpov]. Moscow: Russian Institute of Theatre Arts.
13. Lobanov, V.V. (2006) [West Siberian "Jedai Academy" as a school of sports and theatrical fencing]. *Studentcheskie i molodezhnye obshchestvennye ob'edineniya v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii* [Student and Youth Public Associations in the Socio-Cultural Space of Modern Russia]. Proceedings of the 2nd All-Russian Conference. Tomsk. 16–17 February 2006. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 58–61. (In Russian).
14. Tyshler, D.A. & Movshovich, A.D. (2004) *Iskusstvo stsenicheskogo fekhovaniya* [The Art of Stage Fencing]. Moscow: SportAkademPress.
15. Likhtarenko, V.M. (2014) *Artisticheskoe fekhovanie: metodicheskie rekomendatsii dlya sudey* [Artistic fencing: Guidelines for judges]. Moscow: [s.n.].
16. Likhtarenko, V.M. (2017) *Artisticheskoe fekhovanie: metodicheskie rekomendatsii dlya sudey* [Artistic Fencing: Guidelines for judges]. Moscow: [s.n.].
17. Arkad'ev, V.A. (ed.) (1959) *Fekhtovanie* [Fencing]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
18. Tyshler, D.A. (ed.) (1978) *Fekhtovanie* [Fencing]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
19. Dobrovolskiy, V.K. (ed.) (1936) *Fekhtovanie. Rapira, espadron, shtyk* [Fencing. Rapier, espadron, bayonet]. Moscow: Fizkul'tura i turizm.
20. Bulochko, K.T., Dobrovolskiy, V.K. & Puni, A.Ts. (eds) (1940) *Fekhtovanie i rukopashnyy boy* [Fencing and Hand-to-Hand Combat]. Moscow; Leningrad: Fizicheskaya kul'tura i sport.
21. Lyugar, A.I. (1910) *Rukovodstvo klassicheskogo fekhovaniya na rapirakh, frantsuzskoy shkoly* [Manual of Classical Fencing on Rapiers, the French School]. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya.
22. Morozova, G.V. (1970) *Stsenicheskyy boy (fekhtovanie i plasticheskie tryuki v spektakle)* [Stage Fight (Fencing and plastic tricks in the play)]. Moscow: Iskusstvo.
23. Ponomarev, A.N. & Saychuk, L.V. (1970) *Fekhtovanie na shpagakh* [Fencing with Swords]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
24. Mishenev, S.V. (1999) *Istoriya fekhovaniya. Na puti k vershine* [History of Fencing. On the way to the top]. Saint Petersburg: Aton.
25. Koroleva, A.P. (1990) *Istoriya fekhovaniya: Fekhtovanie v Drevnem mire i v Srednie veka* [History of Fencing: Fencing in the Ancient World and the Middle Ages]. Moscow: GTsOLIFK.
26. Movshovich, A.D. & Lobanov, V.V. (2016) *Artisticheskoe fekhovanie: problemy mezhdunarodnogo prodvizheniya v sisteme sporta* [Artistic fencing: problems of international promotion in the system of sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 62–64.
27. Lobanov, V.V. (2010) *Saberfayting: obrazovatel'naya programma po artisticheskomu fekhovaniyu* [Saberfencing: An educational program in artistic fencing]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
28. Lobanov, V.V. (2018) *Sudeystvo tekhniki saberfaytinga v artisticheskom fekhovanii: metodicheskie rekomendatsii (proekt)* [Refereeing of Saberfighting Technique in Artistic Fencing: Guidelines (project)]. Tomsk: Termoprint.

Информация об авторах:

Лобанов В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия); член Правления Федерации фехтования Томской области (Томск, Россия). E-mail: danvelur@rambler.ru

Мишенев С.В. – доцент кафедры театрального искусства Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); старший тренер по артистическому фехтованию Федерации фехтования Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: smishenev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Lobanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation); board member, Fencing Federation of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danvelur@rambler.ru

S.V. Mishenev, associate professor, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation); senior coach, Fencing Federation of Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: smishenev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 24.06.2022;
approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/485/19

Медиакомпетентность в системе научно-исследовательской работы студента

Олег Леонидович Подлиняев¹, Светлана Вильсуровна Миндеева²

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, podlinyaev@inbox.ru

² Иркутский государственный университет путей сообщений, Иркутск, Россия pasha15032007@yandex.ru

Аннотация. Медиакомпетентность рассматривается как важнейшая компетентность инженерно-технического специалиста. Одним из наиболее результативных средств ее формирования является медиаобразование, интегрированное в образовательный процесс вуза. Научно-исследовательская работа рассматривается как фактор формирования медиакомпетентности будущего инженера. Представлен опыт внедрения элементов медиаобразования в научно-исследовательскую работу студента на кафедре математических дисциплин Иркутского государственного университета путей сообщения.

Ключевые слова: технический вуз, инженер, медиаобразование, медиакомпетентность, математика, научно-исследовательская работа, эссе, реферат, статья, конференция

Для цитирования: Подлиняев О.Л., Миндеева С.В. Медиакомпетентность в системе научно-исследовательской работы студента // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 177–186. doi: 10.17223/15617793/485/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/19

Media competence in the system of student's research work

Oleg L. Podlinyaev¹, Svetlana V. Mindeeva²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, podlinyaev@inbox.ru

² Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation,
pasha15032007@yandex.ru

Abstract. The article describes the experience of forming the media competence of a future engineer when students perform research work. The methodological basis of the research includes competence-based, person-centered and system-activity approaches. The research methods are: analysis of scientific literature, defended dissertations of media educators, generalization of practical experience in the implementation of media education technologies, observation. The authors of this article consider media competence as the key competence of an engineering and technical specialist. This is due to a number of reasons. Firstly, under the conditions of modern society, the role and importance of the engineering education system, as the engine of the national system of the innovative economy of Russia, is increasing. Secondly, the digitalization of society poses the problem of the correspondence of professional education to the needs of employers. Thirdly, the co-evolution of the information and educational space makes the task of forming and developing the media competence of future engineers urgent, which is the subject of media education research. The authors consider the essence of the concept “media competence”, which is the subject of research, and then present the authors’ definition of the notion “media competence of a future engineer”, which forms the basis of the study. Relying on a competence-based approach, integrating media education and research activities, the authors reach their aim within Irkutsk State Transport University, where the student’s research work is provided for in the curriculum and is one of the important stages in the training of a young specialist. Carrying out the leadership of the research work, the teachers of the Department of Mathematical Disciplines resort to the help of traditional and non-traditional forms of scientific work. The methodology of organizing and managing the student’s research work is carried out in several stages. The first stage of starting work is the choice of a leader and type of work, the selection of a research topic for a student. The next stage is the organization of the process of introducing media education into educational activities, regardless of the choice of the type of work. The further stage is directly the work of the research participants, which is considered on the example of the types of work: an essay, an abstract, writing an article and making a presentation at a conference – this is the final stage. When working in any direction, the researcher has to resort to the help of a media text, to consider different points of view on the chosen research problem. There is a high probability of encountering unverified information. Therefore, one of the tasks of the leaders is to teach research participants to choose verified, reliable information from a huge stream of media texts in order to apply it to research in order to fill and enrich their scientific work. The process of forming media competence is quite protracted, it requires regular monitoring by the leader and diagnostics. The expected result of all this work is the media competence of a future engineer being formed.

Keywords: technical university, engineer, media education, media competence, mathematics, research work, essay, abstract, article, conference

For citation: Podlinyaev, O.L. & Mindeeva, S.V. (2022) Media competence in the system of student's research work. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 177–186. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/19

Введение

В условиях современного общества возрастает роль инженерного образования как двигателя инновационной экономики России. В настоящий момент остро стоит проблема соответствия профессионального образования будущего инженера запросам работодателей. Для осуществления данного соответствия необходимо, чтобы современный инженер обладал достаточным набором профессионально значимых качеств, даже теми, которые не заявлены в федеральном государственном образовательном стандарте. Современное понимание профессионально значимых качеств инженера является общепринятым, оно складывается из физических, волевых и лидерских качеств, отношения к труду, способности и стремления к саморазвитию, творческой активности и т.д. Но данный вопрос продолжает интересовать ученых-исследователей, причиной этого выступает в том числе и цифровизация, вследствие которой приходится менять содержание образования в техническом вузе, стратегию подготовки будущих инженеров. В данном случае считаем необходимым интегрировать цифровое, медиа- и образовательное пространства в единое медиапространство вуза, которое позволит расширить границы профессионального образования с целью формирования медиакомпетентности личности.

Наше исследование направлено на формирование медиакомпетентности будущего инженера. В предыдущих работах мы неоднократно доказывали необходимость и значимость такого важного качества, как медиакомпетентность, которую мы рассматриваем как составляющую профессиональной компетентности будущего инженера. Обратившись к многочисленным работам в данном направлении, мы пришли к выводу, что медиакомпетентность, к сожалению, не входит в комплекс профессионально важных качеств личности будущего инженера, являющийся предметом этих исследований. Хотя следует отметить практическую потребность в подобного рода исследованиях, которые бы позволили разрешить противоречие между требованиями работодателя к современному инженеру и его подготовленностью к выполнению этих требований в условиях цифровизации.

Целью настоящей статьи является решение вопроса формирования медиакомпетентности будущего инженера как важного профессионального качества в системе научно-исследовательской работы студента. Разрешить эту проблему, по нашему мнению, можно с помощью медиаобразования и его средств, внедряя их в информационно-образовательное пространство вуза, неотъемлемой составляющей которого является научно-исследовательская работа. Тем более, что в ст. 34 «Основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования» Федерального

закона «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012) в пункте 23 прописано следующее: «Обучающимся предоставляется академическое право на участие в соответствии с законодательством Российской Федерации в научно-исследовательской, научно-технической, экспериментальной и инновационной деятельности, осуществляемой образовательной организацией, под руководством научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования и (или) научных работников научных организаций» [1]. Вследствие чего отметим, что внедрение экспериментальной и инновационной деятельности окажет только положительное влияние на будущего специалиста и не произведет ущемления прав обучающегося. Само же медиаобразование в современных условиях призвано помочь не только освоить образовательный потенциал медиа, но и показать возможности индивидуального личностного развития при причастности к информационному потоку.

Интерес к медиаобразованию в образовательном процессе вуза, по мнению медиапедагога Л. Мастермана, обоснован следующими факторами: «Высокий уровень потребления медиа и насыщенности современных обществ средствами СМИ; идеологическая важность медиа и их влияния, как отрасли промышленности, на сознание аудитории; быстрый рост количества медиаинформации, усиление механизмов управления ею и ее распространения; повышение значимости визуальной коммуникации и информации во всех областях; необходимость обучения студентов с ориентацией на соответствие будущим требованиям» [2. С. 38].

Наше исследование ведется в стенах инженерного вуза. Для успешного обучения процесс должен быть направлен на активное самостоятельное приобретение знаний, чтобы в дальнейшем плодотворно использовать их на практике. Возникает вопрос, как же соединить медиаобразование с инженерным образованием для получения медиакомпетентной личности? Нами была предпринята попытка их слияния через научно-исследовательскую деятельность студента (НИРС) на кафедре математических дисциплин Иркутского государственного университета путей сообщения. В работах известных педагогов-математиков, таких как С.Н. Дорофеев [3], С.А. Розанова [4], А.А. Столяр [5], отмечается положительная роль исследовательской деятельности в техническом вузе, где руководителями выступают преподаватели математических кафедр.

Методология и методы исследования

Методологическую базу изысканий авторов составляют компетентностный, личностно-центрированный и системно-деятельностный подходы. Методы исследования: анализ научной литературы, защищенных диссертаций медиапедагогов, обобщение

собственного практического опыта по внедрению медиаобразовательных технологий, наблюдение.

Опираясь на данную методологическую основу, мы добиваемся поэтапного формирования медиакомпетентности у студентов – будущих инженеров.

Ключевыми для нашего исследования являются следующие понятия: «медиакомпетентность», «медиакомпетентность будущего инженера», «научно-исследовательская работа».

Основополагающими принципами системы организации НИРС выступают: принцип систематичности, преемственности, непрерывности и целенаправленности.

Российские медиапедагоги О.А. Баранов, Л.С. Зазнобина, С.Н. Пензин, А.В. Спичкин, Ю.Н. Усов, А.В. Федоров, А.В. Шариков и др., которые детально исследовали сущность понятия «медиаобразование», «медиакомпетентность» ранее, создали фундамент для дальнейших научных исследований. Для работы в направлении медиаобразования применительно к

проблеме нашего исследования ценными являются труды Е.А. Бондаренко и А.А. Журина [6], И.В. Жилавской [7], Л.А. Ивановой [8], И.А. Фатеевой [9], Н.Ю. Хлызовой [10], И.В. Ямушевой [11] и др. Отметим, что в настоящее время идет активное внедрение медиаобразовательных технологий в образовательный процесс вузов различной направленности.

Выше сказано, что термину «медиаобразование» посвящено множество работ, авторы рассматривают сущность данного понятия с различных точек зрения. В настоящей статье мы не ставим целью подробное рассмотрение данного понятия, так как ранее и нами было проведено его детальное исследование [12]. Остановимся на сути понятия «медиакомпетентность», которое является предметом нашего исследования, а далее представим авторское понятие «медиакомпетентность будущего инженера».

Для наглядности представим формулировки толкования термина «медиакомпетентность» и его компонентный состав в виде таблицы.

Формулировки толкования термина «медиакомпетентность» и его компонентный состав

Автор (год издания)	Определение	Компонентный состав
Куткина О.П. (2006) [13]	«Медиакомпетентность – сложное личностное образование, включающее в себя совокупность знаний о медиа, умений и навыков практического их применения, опыт использования медиа в различных сферах деятельности, включая опыт работы с компьютером как основным медиаинструментом, качества личности, характеризующее человека, такие как: познавательная активность, критическое мышление, творческое мышление, коммуникативность, рефлексия, а так же положительная мотивация и ценностно-смысловые представления (отношения) о деятельности по использованию медиа»	Мотивация, ценностно-смысловые представления (отношения), знания в области медиа, умения в области медиа. Качества личности: познавательная активность, критическое мышление, творческое мышление, коммуникативность, рефлексия, опыт использования медиа в различных сферах деятельности
Хлызова Н.Ю. (2011) [14]	«Медиакомпетентность – результат целенаправленного медиаобразования, значимое стратегическое качество личности, состоящее из совокупности специальных знаний, умений, отношений, позволяющих личности полноценно функционировать в медиатизированном обществе, использовать весь спектр медиа в повседневной и профессиональной деятельности»	Когнитивный, операционный, мотивационный компоненты. Критериями медиакомпетентности вторичной языковой личности выступают: знание, умение, отношение. Каждый из показателей также может находиться на высоком, среднем или низком уровнях
Мясникова Т.И. (2011) [15]	«Медиакомпетентность – результат личностно-субъективных обретений студента в вопросе формального и неформального обучения»	Знание о медиа, медиапотребление, медиакритика, медиаконструирование; критерии – когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный
Ямушева И.В. (2013) [16]	«Медиакомпетентность – способность личности осуществлять культурообразные виды деятельности на материале СМК (поиск, отбор, использование, критический анализ, оценка информации, создание и передача медиатекстов)»	Мотивационный, когнитивный, деятельностный. Для каждого компонента критерии: ценностное отношение к медиа, медиазнания, медиаумения
Чеботарева Н.И. (2013) [17]	«Медиакомпетентность – совокупность знаний, умений, навыков, качеств, способствующих осознанному восприятию, выбору, критическому анализу, оценке, интерпретации, использованию медиаинформации, а также взвешенной мотивации медиапотребления и эмоциональной стабильности при восприятии медиатекстов, которая обеспечивает психологическую устойчивость к медиавоздействиям»	Когнитивный (знания о сущности, структуре, факторах, технологиях медиаманипуляции), практико-операционный (перцептивный, аналитический, дискуссионный, критическое мышление), мотивационный (специфика и иерархия мотивов медиапотребления), эмоциональный (характеристика эмоциональных реакций на медиатекст)
Льянова Л.М. (2014) [18]	«Медиакомпетентность – сложное личностное образование, включающее в себя знания о медиа, умения и навыки практического их применения; опыт использования его в различных сферах деятельности, включая опыт работы с компьютером как основным медиаинструментом; личностные качества пользователя – будущего юриста (познавательную активность, критическое мышление, творческое мышление, коммуникативность, рефлексия, положительную мотивацию и ценностно-смысловые представления о деятельности по использованию медиа)»	Не представлен

Автор (год издания)	Определение	Компонентный состав
Бакулева К.К. (2016) [19]	«Медиакомпетентность – совокупность способностей и умений, необходимых для взаимодействия с медиасредой»	Способность к категориальному обобщению и когнитивный стиль «полезависимость/полнезависимость»
Петрова С.В. (2018) [20]	«Медиакомпетентность педагога гуманитарно-художественных дисциплин – это динамическая система ценностей, личностных качеств, профессионально-личностного опыта, медиаобразовательных знаний, умений и способностей субъекта к осмыслению, анализу, созданию и творческой интерпретации образовательных и художественных медиатекстов в мультимедийной образовательной среде»	Совокупность профессиональных, медийных и творческих компетенций в аналитической, поисковой, конструкторской и креативно-моделирующей деятельности, необходимых для эффективного решения профессиональных и педагогических задач
Лобанов И.А. (2020) [21]	«Медиакомпетентность – интегрированная характеристика его готовности и способности использовать современные медиа в качестве источника актуальной социальной информации наряду с учебником и эффективным средства обучения предмету в единстве с не утратившими своего значения традиционными методами»	Операционально-технологический компонент, процедурные знания и навыки, мотивационный компонент, интегрированный характер усвоения способов деятельности
Амитрова М.В. (2021) [22]	«Медиакомпетентность у курсантов высших учебных заведений – интегративное качество личности, которое формируется и развивается в процессе выполнения деятельности, связанной с использованием медиа технологий, средств, и включает в себя совокупность мотивов, знаний, умений личности, позволяющих использовать, критически анализировать, оценивать, создавать различные виды медиатекстов, в том числе на иностранном языке»	Потенциальный, основной, оптимальный компонент. Уровни: потребностно-мотивационный, поведенческий, когнитивный

Все представленные в таблице определения и компонентный состав медиакомпетентности были признаны научным сообществом медиапедагогов и носят универсальный характер. Авторы преимущественно выделяют личностный элемент медиакомпетентности, включающий в себя совокупность знаний, умений, практического опыта, который будет направлен на развитие критического и творческого мышления, положительной мотивации, умению использовать весь спектр медиа в повседневной и профессиональной деятельности. Исследователи рассматривают медиакомпетентность как результат целенаправленного медиаобразования.

Мы работаем в направлении применительно к студентам технического вуза и рассматриваем медиакомпетентность с точки зрения их будущей деятельности. Формулировка нашего определения медиакомпетентности, которая ранее была вынесена на обсуждение читателей и получила положительные отзывы, звучит следующим образом: «Медиакомпетентность будущего инженера – это интегративное профессионально важное качество личности, определяющее ее способность и готовность действовать в системе “инженер – медиа – общество” и способствующее продуктивному осуществлению инженерной деятельности».

Проанализировав компонентный состав медиакомпетентности и преимущества мотивационного, когнитивного, деятельностного, информационного компонентов, мы определили актуальность для будущего инженера следующих компонентов: мотивационный, когнитивный, деятельностный. Кратко поясним: мотивационный компонент заключается в отношении, мотивации к осуществлению той или иной деятельности, что, на наш взгляд, является основополагающим. Наличие мотивации, активности учащегося и благоприятных условий в процессе обучения способствуют повышению качества приобретаемых знаний и умений. Это влечет за собой выделение ко-

гнитивного компонента, который ляжет в основу формирования знания и деятельностного. Мы определяем деятельностный компонент медиакомпетентности как способность и готовность самостоятельно определять и выстраивать траекторию осуществления различных видов деятельности. Данный компонентный состав медиакомпетентности лежит в основе нашего исследования.

Основная часть

Актуальность проблемы формирования медиакомпетентности у будущего инженера определяется переходом системы высшего образования на федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения, в соответствии с которым качество подготовки выпускников вузов стало измеряться в компетентностях.

Компетентностный подход предоставил возможность формировать компетентности в рамках не только аудиторной и самостоятельной работы, но и в рамках научно-исследовательской работы студента. «В истории высшей школы научно-исследовательская работа студента всегда рассматривалась как наиболее эффективный метод подготовки квалифицированных специалистов, как действенный инструмент интенсификации и развития научного потенциала» [23. С. 53]. НИР подразумевает ряд действий преподавателя и студента, обращенных на поэтапную, трудоемкую работу, направленную на достижение поставленной цели. НИРС, по мнению Н.А. Ноздриной, представляет собой «комплекс мероприятий, направленных на освоение студентами в процессе обучения по учебным планам и сверх них методов, приемов и навыков выполнения исследований и анализа, развитие способностей к научному и техническому творчеству, самостоятельности и инициативы» [24. С. 785].

Таким образом, научно-исследовательская работа студента – это сочетание теории и практики, способ-

ствующее формированию компетенций, а в нашем случае еще и выступает фактором формирования медиакомпетентности будущего инженера. НИРС для нас является подспорьем в достижении поставленной цели, так как в стандартах нет ни одной дисциплины, которая имеет прямое отношение к медиаобразованию.

Осуществляя организацию и развитие научно-исследовательской работы со студентами, необходимо учитывать общие задачи: выявление талантливой молодежи, привлечение ее в студенческие научные сообщества; создание условий для сближения учебного и научно-исследовательского процессов; овладение студентами методологией исследовательского процесса; приобретение ими опыта самостоятельной работы в новой области знания; воспитание чувства ответственности за результаты исследования; формирование исследовательских умений, опыта. Для студента НИР ценна тем, что благоприятно влияет на развитие его личностных качеств, таких как ответственность, самостоятельность, трудолюбие, стремление к успеху, любознательность, кропотливость, работоспособность, что положительно отразится на всем учебном процессе в целом и содействует становлению будущего инженера как профессионала.

В Иркутском государственном университете путей сообщения (ИрГУПС) научно-исследовательская работа студента предусмотрена учебным планом, поэтому является частью всего образовательного процесса вуза и одним из важных этапов подготовки молодого специалиста. В нашем случае реализация НИРС осуществляется в рамках математических дисциплин, что влечет за собой более активное формирование не только исследовательской компетенции, но и математической, которая для будущего инженера является неотъемлемой.

Специфика математического образования в инженерном вузе заключается в том, что будущего инженера интересует содержательная сторона дисциплины, а не формальная. Вследствие чего преподаватели кафедры математических дисциплин прибегают к помощи не только традиционных форм НИРС (индивидуальные домашние задания практической направленности, подготовка и написание сообщений, статей, рефератов, выступление с докладом на конференциях различного уровня), но и нетрадиционных (тематические кружки, олимпиады, эссе, проекты, студенческие научные общества).

Основные направления, которые мы реализуем при выполнении НИР в отношении преподавателя: привлечение к руководству НИРС; организация консультаций; ведение тематического кружка; рецензирование научных работ студентов; непосредственно организация и проведение мероприятий (конференций, олимпиад, конкурсов). В отношении студентов: включение в НИРС способных и желающих студентов в соответствии с их интересами в той или иной области; сотрудничество с руководителем работы и с единомышленниками (возможно написание работы студентами разных групп и факультетов); работа с научной и методической литературой; знакомство с учеными-исследователями в заинтересовавшей студента научной области и др.

Для получения наилучшего результата работа со студентами начинается уже в начале первого семестра. Согласно учебному плану, некоторые математические дисциплины ведутся 1–2 семестра, а некоторые 5 семестров. Как показывает опыт, после того как преподаватель закончил чтение своей дисциплины, студенты не заинтересованы в работе с ним. Хотя и были случаи, когда студент-исследователь шел рука об руку со своим научным руководителем с 1-го по 4–5-й курс. В ИрГУПС кафедра математики не является выпускающей, поэтому перед написанием ВКР сотрудничество преподавателей со студентами обычно прекращается.

Организация и управление научно-исследовательской работой студента осуществляются в несколько этапов. Первый этап – это выбор руководителя и вида работ, подбор темы научного исследования. Так как цель – формирование медиакомпетентности будущего инженера, то следующий этап – это организация процесса внедрения медиаобразования в исследовательскую деятельность, не зависимо от выбранного вида работы. «Процесс исследовательской работы для учащегося в любом возрасте в настоящее время должен стать процессом контролируемого медиаобразования» [25. С. 98]. Поэтому руководителями НИР являются медиаобразованные педагоги, которые учитывая специфику вуза, не заостряют внимание студентов на данное педагогическое направление. Процесс погружения в медиаобразование происходит постепенно.

Следующий этап – это непосредственно исследование. В процессе работы студенты привлекаются к личному общению с преподавателями кафедры на методических семинарах, в тематических кружках, которые проводятся в форме круглого стола с целью обсуждения проблем возникших в процессе выбора темы или непосредственно работы. Так, Л. Мастерман пишет: «Само по себе медиаобразование – это исследовательский процесс. В процессе выполнения НИР у учащегося постепенно формируется и повышается уровень медиакомпетентности. Он становится способен проанализировать текст, выделить главный его смысл, оценить ценность некоторого фрагмента, использовать в своих целях, в частности при написании своей работы» [2].

Поэтому мы практикуем такое направление, как привлечение студентов к участию в научных интернет-форумах, где педагоги и студенты обсуждают необходимость и значимость медиаобразования в техническом вузе, основные проблемы (<http://mim.org.ru>, <http://ntb.donstu.ru/content/2015417>). Нами ранее доказано, что в предложенном направлении также осуществляется формирование медиакомпетентности у будущего инженера [26]. Это направление ценно и потому, что стимулирует понимание, для чего и зачем участникам НИР это нужно, где этот опыт пригодится. Мы замечаем, что ближе к 2–3-му курсу студент самостоятельно находит ответ на вопрос, зачем ему быть медиакомпетентным? Но следует отметить, что желающих участвовать в исследовательской деятельности с погружением в область медиаобразования становится меньше со временем. Это

можно объяснить спецификой вуза. На более старших курсах студенты меняют направление интересов в сторону инженерных разработок, получения патентов, написания курсовых проектов и работ. Но даже в такой ситуации задача руководителей НИР донести до студентов ценность полученного опыта.

После выбора вида научной работы и объекта исследования осуществляется непосредственное погружение в процесс, который является длительным, требует много временных затрат. Исследователи учатся распределять свое личное время в соответствии с выбранной индивидуальной траекторией, учитывая загруженность учебными предметами. Обратим внимание на то, что работа над исследованием во внеучебное время осуществляется в рамках студенческих научных обществ (СНО). Деятельность СНО регламентируется нормативно-правовой базой вуза, которую курирует отдел НИР. СНО содействует процессу становления молодого ученого, раскрывает его возможности. Рассмотрим подробнее некоторые представленные выше виды работ.

Ценным видом НИР является эссе – это сочинение-рассуждение относительно выбранной темы исследования. Мы рассматриваем эссе как одну из форм реализации медиаобразования с целью формирования медиакомпетентности личности. Эссе предполагает анализ информации, его интерпретацию, сравнение фактов, личную оценку автора. При написании эссе чрезвычайно важно, как используются эмпирические данные и другие источники. В частности, анализ математической информации, её перевод из одной знаковой системы в другую, интерпретация, достоверность, обоснованность доказательств, выводов, личная оценка исследователя являются показателями сформированности медиакомпетентности будущего инженера. Защита эссе может проводиться перед группой и руководителем (как правило это преподаватель, ведущий дисциплину) на коллоквиуме, который является одной из форм контроля. Организуется дискуссия по выбранной исследователем теме, обсуждаются спорные вопросы, высказываются противоположные точки зрения. Либо руководитель оценивает письменное эссе без защиты. Безусловно, при публичной защите эссе формируется еще и навык выступления на аудитории, опыт ответа на вопросы, отстаивания своей точки зрения и др. Положительный опыт применения эссе в НИРС с целью формирования медиакомпетентности личности подтвержден и Н.Ю. Хлызовой [10]. Как показывает опыт, написание эссе не только повышает интерес к дисциплине, но и вносит неоценимый вклад полезен при участии студентов в конкурсах/проектах. Показательно, что практика предоставления эссе стала наиболее востребована у организаторов конкурсов.

Упрощенным видом НИР является написание реферата, тему которого предлагает преподаватель. Хотя практика написания реферата общепринята в школе, мы в вузе продолжаем сталкиваться с проблемой неумения студентов его писать и оформлять. «Методология его создания тесно связана с использованием разного рода источников об изучаемом объекте: зна-

комство с научной литературой, периодической печатью, аудио- и видеопубликациями, для того, чтобы получить не только предварительные знания об исследуемом объекте, но и для теоретически обоснованных выводов, получаемых в своей работе» [27. С. 94]. Источниками могут быть любые тексты и медиатексты, размещенные в сети Интернет, который является первостепенным помощником современного поколения и источником актуальной информации. Как показывает опыт, студенты из сети Интернет берут первые, появившиеся по ключевым словам, источники и их копируют, выдавая за свой труд. В данном направлении также ведется работа, руководители обучают студентов обращению с информацией по теме исследования и непосредственно с источниками.

Более распространенным видом НИРС является написание статей и выступление с докладом на конференциях. Данный вид научной работы можно рассматривать как проявление познавательного интереса учащихся и формирование его профессиональной ориентации. Первостепенным является выбор темы исследования. Для этого студенту необходимо проявить личный интерес к тому или иному вопросу, ответ на который он хотел бы найти. Руководитель подсказывает, что тема не должна быть обширной, иначе ее сложно будет уместить в статью. Либо предлагает дальнейшее развитие темы в следующей статье.

После принятия решения об изучаемом объекте исследования обучающемуся необходимо создать банк материалов, которые лягут в основу работы. Отметим сложность данного этапа для неопытного студента: подбор материала для публикации, анализ источников, их достоверность, выбор эмпирических методов. Поэтому параллельно кафедра назначает преподавателя (преимущественно секретаря секции конференции), который учит студентов работать с электронными библиотеками, корректно оформлять ссылки на источники, выстраивать структуру статьи в соответствии с требованиями выбранного журнала или сборника трудов конференции, готовить доклад, презентацию. Наполнив банк, учащийся определяется с источниками информации, отбрасывает «мусорные». Как показывает опыт, этот процесс следует проводить под контролем руководителя, чтобы не выбросились ценные источники. Руководитель предостерегает подопечного от использования обезличенных и непроверенных из сети Интернет, что может привести к обвинению в плагиате. Поэтому руководитель обязательно контролирует процесс написания статьи – переход от количественного восприятия материала к его творческому осмыслению. Таким образом, происходит процесс формирования медиакомпетентности учащихся, ее основных характеристик. Продуктом данного вида работы является выступление с докладом на конференции, об этом подробнее чуть ниже.

При работе в любом направлении исследователю приходится прибегать к помощи медиатекста. Для написания исследовательской работы необходимо осуществлять поиск научной литературы, при подготовке к олимпиаде – методической (сборники олим-

пиад, учебники, пособия), просмотр видеоконтента. Велика вероятность столкнуться с непроверенной информацией. Как сказано выше, медиакомпетентность имеет многокомпонентную структуру и одним из ее компонентов является критический анализ медиатекстов, работу с которыми мы выделяем как одно из направлений НИРС. Как говорит телеведущий Д. Киселев: «Информации много – знаний мало». Поэтому одной из задач руководителей является обучение участников исследовательской работы умению выбирать из огромного потока медиатекстов необходимую информацию. Безусловно, для написания НИР учащемуся необходимо самостоятельно находить и прорабатывать множество медиатекстов, рассматривать разные точки зрения по выбранной проблеме исследования, формулировать свою собственную точку зрения. Для этого необходимо проверять надежность источника информации, выявлять расплывчатые, двусмысленные аргументы, логическую совместимость в цепи суждений и т.д. Учащиеся прибегают к помощи печатных, электронных и online-источников. Без регулярного обращения к медиаисточникам в процессе написания научной работы, без стремления следить за новыми идеями, новыми взглядами ученых-исследователей, которые работают в выбранном учащимся направлении, без группировки информации по видам (справочная, учебная, нормативная, техническая) сложно получить объективные научные выводы.

Работая над рефератом, статьей, проектом, ВКР, исследователь должен помнить, что средства массовой информации воздействуют на аудиторию, манипулируя ею. Полностью поддерживаем мнение авторов: «Сверхзадача для обучающихся на младших курсах и одна из задач старшекурсников заключается в установлении некоторых закономерностей или приемов манипулирования СМИ поведением своей аудитории» [27. С. 82]. Данное высказывание подчеркивает обязательность реализации поставленной нами цели, которая должна начать осуществляться уже с первого курса, подготавливая хороший задел на будущее. Средства массовой информации, так или иначе, воздействуют на аудиторию, поэтому необходимо научить студентов ориентироваться в полученной информации, воспринимать и оценивать её.

Заключительный этап НИРС – это представление результатов исследования. В ИрГУПС ежегодно проводится Всероссийская студенческая конференция «Наука и молодежь», кафедра математики курирует секцию «Приложение математики в технических, экономических и социальных науках», где выступают с докладами участники НИР. Исследователи представляют аудитории результаты своего исследования, доказывая важность своей работы, актуальность объекта и предмета исследования, поставленной проблемы, предоставляют ее новизну; демонстрируют владение информацией, напрямую или косвенно касающейся выбранной области знания, обосновывают достоверность используемых источников. В рамках конференции работает жюри, которое обеспечивает обсуждение докладов, привлекая к нему слушателей, которые учат-

ся погружаться в другую область знания и задавать корректные вопросы. В данном случае результатом НИРС является статья, опубликованная в журнале или сборнике научных трудов. Имея публикацию, исследователь видит результат своего труда, что мотивирует его трудиться еще больше, продолжать свое исследование, выносить на обсуждение общественности. Важным фактором развития мотивационно-ценностного отношения к НИРС выступает поощрительная сторона (вручение сертификатов, грамот, дипломов). На усмотрение руководителя это может быть плюс балл на экзамене. Опубликованные статьи ценны при защите диплома и поступлении в магистратуру.

Мы согласны с коллективом авторов (Г.С. Кригер, Р.Р. Ахметзянова, Н.В. Ринская), которые рассматривают проведение студенческих конференций как одно из необходимых условий профессионального развития [28]. Однако данный формат представления результатов отнюдь не является единственным. Для нас ценным показался опыт авторов Т.А. Бороненко, А.В. Кайсиной, В.С. Федотовой, которые считают, что освещение результатов научной деятельности студентов может принимать различные формы: представление фото, видео и текстовых результатов научных и творческих достижений на сайте образовательной организации; электронное интернет-издание студенческой газеты университета и многое другое [29]. Также интересен опыт фестивального менеджмента, предложенный Е.Л. Крыловой [30]. Поэтому наша работа со студентами продолжается, а новые виды НИРС задают дальнейший вектор развития.

Нами экспериментально доказано, что при целенаправленном внедрении медиаобразования происходит формирование именно такого качества личности будущего инженера, как медиакомпетентность. Поддерживаем мнение Е.А. Сурудиной, что «медиакомпетентность сегодня выступает фактором привлечения в процесс образования комплексного средства освоения личностью окружающего информационного пространства, фактором непрерывного саморазвития субъекта» [31. С. 185]. При этом важен регулярный контроль со стороны руководителя за ходом выполнения НИРС, за формированием характеристик медиакомпетентности будущего инженера.

Заключение

Медиаобразование – это активный исследовательский процесс, направленный на формирование медиакомпетентности будущих инженеров. Детальное обращение к сути НИРС позволило нам сделать вывод, что интеграция медиаобразовательной и исследовательской деятельности способствует не только формированию медиакомпетентности будущего инженера, но и формированию его личностных качеств, что проявляется в дальнейшей работе с участниками НИР и подтверждается положительными отзывами выпускающих кафедр. Как показала практика, у студентов повышается мотивация к изучению дисциплины, что влечет за собой повышение уровня математической культуры; значительно расширяются возможности образователь-

ного процесса, идет подготовка молодежи к жизни в современных условиях информационного общества. Встраивание идеи формирования медиакомпетентности будущего инженера в образовательный процесс вуза средствами НИРС получило множество положи-

тельных отзывов преподавателей не только математических и естественно-научных кафедр, но и гуманитарных. В заключение отметим, что готовность руководителей НИРС к осуществлению поставленной цели встречает признательность всех сообществ вузов.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304167&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9986908909580925#045123264571653277> (дата обращения: 01.11.2022)
2. Мастерман Л. Обучению языку средств массовой информации: теория и практика // Перспективы. Вопросы образования. 1984. № 2. С. 37–48.
3. Дорофеев С.Н. Компетентностный подход к математическому образованию студентов технического вуза // Педагогическое образование и наука. 2009. 189 с.
4. Розанова С.А. Математическая культура студентов технических университетов. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 176 с.
5. Столяр А.А. Педагогика математики: учебное пособие для студентов физико-математических факультетов педагогических вузов. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 414 с.
6. Бондаренко Е.А., Журин А.А. Состояние медиаобразования в мире // Педагог: наука, технология, практика. 2002. № 3. 88 с.
7. Жилавская И.В. О современной концепции медиаобразования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 8. С. 62–72.
8. Иванова Л.А. Медиа-образование как педагогический феномен // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 1. С. 70–79.
9. Фатеева И.А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. 270 с.
10. Хлызова Н.Ю. НИРС как средство формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности студента // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 1 (12). URL: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/130000/nirs-as-2-lang-personality-tool> (дата обращения: 31.11.2022).
11. Ямушева И.В., Мурашкина Н.А., Никитина Е.А. Теоретическое осмысление эволюции теории и практики медиаобразования Восточной Сибири (вторая половина XX в.) // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1. URL: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/130000/eastsib-mediaedu> (дата обращения: 31.11.2022).
12. Миндеева С.В. Взгляд на феномен «Медиаобразование» через призму понятийного аппарата педагогики // Вестник ИрГТУ. 2012. № 6. С. 181–186.
13. Куткина О.П. Педагогические условия формирования медиакомпетентности студентов библиотечно-информационной специальности: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2006. 225 с.
14. Хлызова Н.Ю. Педагогические условия формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 210 с.
15. Мясникова Т.И. Развитие медиакомпетентности студентов университета: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2011. 200 с.
16. Ямушева И.В. Информационно-образовательное пространство вуза как фактор формирования медиакомпетентности будущего педагога: дис. ... канд. пед. наук. М., 2014. 210 с.
17. Чеботарева Н.И. Педагогические условия формирования медиакомпетентности студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 208 с.
18. Лянова Л.М. Развитие медиакультуры студентов – будущих юристов: дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2014. 187 с.
19. Бакулева К.К. Когнитивные аспекты политического поведения избирателей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2016. 24 с.
20. Петрова С.В. Формирование медиакомпетентности педагогов гуманитарно-художественных дисциплин в системе дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2018. 24 с.
21. Лобанов И.А. Формирование профессиональной компетентности учителя обществознания в условиях усиления воздействия медиасреды: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020. 30 с.
22. Амитрова М.В., Ковалева С.С. Критерии и уровни сформированности медиакомпетентности у курсантов высших военных учебных заведений в процессе обучения иностранному языку // Вестник педагогических наук. 2021. № 6. С. 17–22.
23. Ратнер Ф.Л. Реализация системы научно-исследовательской работы студента в высшей школе // Казанский педагогический журнал. 2003. № 3. С. 46–53.
24. Ноздрин Н.А. Научно-исследовательская работа студентов // Исследование различных направлений современной науки: VIII Международная научно-практическая конференция. Астрахань: Олимп, 2016. С. 275–279.
25. Араптанова О.В. Формирование медиакомпетентности учащихся в процессе исследовательской деятельности (на примере исследовательской работы по русскому языку) // Медиаобразование. 2011. № 2. С. 92–99.
26. Миндеева С.В. Медиакомпетентность будущего инженера: компонентный состав, критерии и показатели // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 45–53.
27. Туманов Д.В., Шайхитдинова С.К., Баканов Р.П. Научно-исследовательская работа студентов: учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. 140 с.
28. Кригер Г.С., Ахметзянова Р.Р., Ринская Н.В. Проведение студенческих конференций как одно из необходимых условий профессионального развития // История и педагогика естествознания. 2015. № 4. С. 27–30.
29. Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Федотова В.С. Стратегия медиаобразования: новые медиаформаты освещения результатов научно-исследовательской работы студентов // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 15–25.
30. Крылова Е.Л. Фестивальный менеджмент как эффективный инструмент медиаобразования // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7, № 1 (22). С. 29–35.
31. Сурудина Е.А. Медиакомпетентность как фактор модернизации современного образования и обеспечения его непрерывности // Перспективы науки. 2019. № 12 (123). С. 184–186.

References

1. Consultant Plus. (2012) *On Education in the Russian Federation. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on August 3, 2018)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304167&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9986908909580925#045123264571653277>. (Accessed: 01.11.2022). (In Russian).
2. Masterman, L. (1984) *Obucheniye yazyku sredstv massovoy informatsii: teoriya i praktika* [Teaching the language of the mass media: theory and practice]. *Perspektivy. Voprosy obrazovaniya*. 2. pp. 37–48.
3. Dorofeev, S.N. (2009) *Kompetentnostnyy podkhod k matematicheskomu obrazovaniyu studentov tekhnicheskogo vuza* [Competence-based approach to the mathematical education of students of a technical university]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 1. pp. 88–91.

4. Rozanova, S.A. (2009) *Matematicheskaya kul'tura studentov tekhnicheskikh universitetov* [Mathematical Culture of Students of Technical Universities]. Moscow: FIZMATLIT.
5. Stolyar, A.A. (1986) *Pedagogika matematiki* [Pedagogy of Mathematics]. Minsk: Vysheishaya shkola.
6. Bondarenko, E.A. & Zhurin, A.A. (2002) Sostoyaniye mediaobrazovaniya v mire [The state of media education in the world]. *Pedagog: nauka, tekhnologiya, praktika*. 3. pp. 88–98.
7. Zhilavskaya, I.V. (2012) O sovremennoy kontseptsii mediaobrazovaniya [On the modern concept of media education]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 8. pp. 62–72.
8. Ivanova, L.A. (2005) Media-obrazovanie kak pedagogicheskiy fenomen [Media Education as a Pedagogical Phenomenon]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 70–79.
9. Fateeva, I.A. (2007) *Mediaobrazovanie: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii* [Media Education: Theoretical Foundations and Implementation Practice]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
10. Khlyzova, N.Yu. (2017) NIRS kak sredstvo formirovaniya mediakompetentnosti vtorichnoy yazykovoy lichnosti studenta [SRW as a means of forming media competence of a student's secondary linguistic personality]. *CredeExperto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 1 (12). [Online] Available from: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/130000/nirs-as-2-lang-personality-tool>. (Accessed: 31.11.2022).
11. Yamusheva, I.V., Murashkina, N.A. & Nikitina, E.A. (2016) Teoreticheskoe osmyslenie evolyutsii teorii i praktiki mediaobrazovaniya Vostochnoy Sibiri (vtoraya polovina XX v.) [Theoretical understanding of the evolution of the theory and practice of media education in Eastern Siberia (second half of the 20th century)]. *CredeExperto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 1. [Online] Available from: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/130000/eastsib-mediaedu>. (Accessed: 31.11.2022).
12. Mindeeva, S.V. (2012) Vzglyad na fenomen "Mediaobrazovanie" cherez prizmu ponyatiynogo apparata pedagogiki [A look at the phenomenon of "media education" through the prism of the conceptual apparatus of pedagogy]. *Vestnik IrGTU*. 6. pp. 181–186.
13. Kut'kina, O.P. (2006) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya mediakompetentnosti studentov bibliotечно-informatsionnoy spetsial'nosti* [Pedagogical conditions for the formation of media competence of students of library and information specialty]. Pedagogy Cand. Diss. Barnaul.
14. Khlyzova, N.Yu. (2011) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya mediakompetentnosti vtorichnoy yazykovoy lichnosti* [Pedagogical conditions for the formation of media competence of a secondary linguistic personality]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
15. Myasnikova, T.I. (2011) *Razvitie mediakompetentnosti studentov universiteta* [Development of media competence of university students]. Pedagogy Cand. Diss. Orenburg.
16. Yamusheva, I.V. (2014) *Informatsionno-obrazovatel'noe prostranstvo vuza kak faktor formirovaniya mediakompetentnosti budushchego pedagoga* [Information and educational space of the university as a factor in the formation of media competence of the future teacher]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
17. Chebotareva, N.I. (2013) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya mediakompetentnosti studentov vuza* [Pedagogical conditions for the formation of media competence of university students]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
18. L'yanova, L.M. (2014) *Razvitie mediakul'tury studentov – budushchikh yuristov* [Development of media culture of students – future lawyers]. Pedagogy Cand. Diss. Vladikavkaz.
19. Bakuleva, K.K. (2016) Kognitivnye aspekty politicheskogo povedeniya izbirateley [Cognitive aspects of the political behavior of voters]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
20. Petrova, S.V. (2018) *Formirovanie mediakompetentnosti pedagogov humanitarno-khudozhestvennykh distsiplin v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Formation of media competence of teachers of humanitarian and artistic disciplines in the system of additional professional education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Voronezh.
21. Lobanov, I.A. (2020) *Formirovanie professional'noy kompetentnosti uchitelya obshchestvoznaniya v usloviyakh usileniya vozdeystviya mediasredy* [Formation of professional competence of a teacher of social science in the context of increasing the impact of the media environment]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
22. Amitrova, M.V. & Kovaleva, S.S. (2021) Kriterii i urovni sformirovannosti mediakompetentnosti u kursantov vysshih voennykh uchebnykh zavedeniy v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku [Criteria and levels of formation of media competence among cadets of higher military educational institutions in the process of teaching a foreign language]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. 6. pp. 17–22.
23. Ratner, F.L. (2003) Realizatsiya sistemy nauchno-issledovatel'skoy raboty studenta v vysshey shkole [Implementation of the system of research work of a student in higher education]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 3. pp. 46–53.
24. Nozdrina, N.A. (2016) [Research work of students]. *Issledovanie razlichnykh napravleniy sovremennoy nauki* [Research of Various Directions of Modern Science]. Proceedings of the 8th International Conference. Moscow. 29 January 2016. Astrakhan: Olimp. pp. 275–279. (In Russian).
25. Araptanova, O.V. (2011) *Formirovanie mediakompetentnosti uchashchikhsya v protsesse issledovatel'skoy deyatel'nosti (na primere issledovatel'skoy raboty po russkomu yazyku)* [Formation of media competence of students in the process of research activity (on the example of research work on the Russian language)]. *Mediaobrazovanie*. 2. pp. 92–99.
26. Mindeeva, S.V. (2017) Mediakompetentnost' budushchego inzhenera: komponentnyy sostav, kriterii i pokazateli [Media competence of the future engineer: component composition, criteria and indicators]. *Mediaobrazovanie*. 3. pp. 45–53.
27. Tumanov, D.V., Shaykhitdinova, S.K. & Bakanov, R.P. (2007) *Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov* [Research Work of Students]. Kazan: Kazan State University.
28. Kriger, G.S., Akhmetzyanova, R.R. & Rinskaya, N.V. (2015) Provedenie studencheskikh konferentsiy kak odno iz neobkhodimyykh usloviy professional'nogo razvitiya [Conducting student conferences as one of the necessary conditions for professional development]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 4. pp. 27–30.
29. Boronenko, T.A., Kaysina, A.V. & Fedotova, V.S. (2017) Strategiya mediaobrazovaniya: novye mediaformaty osveshcheniya rezul'tatov nauchno-issledovatel'skoy raboty studentov [Media education strategy: new media formats for highlighting the results of students' research work]. *Mediaobrazovanie*. 3. pp. 15–25.
30. Krylova, E.L. (2019) Festival'nyy menedzhment kak effektivnyy instrument mediaobrazovaniya [Festival management as an effective tool for media education]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1 (22). pp. 29–35.
31. Surudina, E.A. (2019) Mediakompetentnost' kak faktor modernizatsii sovremennogo obrazovaniya i obespecheniya ego nepreryvnosti [Media competence' as a factor of modern education modernization and ensuring its continuity]. *Perspektivy nauki*. 12 (123). pp. 184–186.

Информация об авторах:

Подлиняев О.Л. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: podlinyaev@inbox.ru

Миндеева С.В. – старший преподаватель кафедры математики Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия). E-mail: pasha15032007@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.L. Podlinyaev, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: podlinyaev@inbox.ru

S.V. Mindeeva, senior lecturer, Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: pasha15032007@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.07.2019;
одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 09.07.2019;
approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 141
doi: 10.17223/15617793/485/20

Игра как практика образования: феноменолого-герменевтический аспект

Юлия Николаевна Овсянникова¹, Юлия Станиславовна Осаченко, Ирина Андреевна Эннс²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ kirilenko_julia@list.ru

² irnns609@yandex.ru

Аннотация. Осуществлен анализ концепта образовательной игры в свете рассмотрения двух философских концепций – феноменологии и герменевтики. Авторы выводят главное противоречие между онтологией игры как фундаментальной основы человеческого бытия и игрой как образовательной практикой. Итогом рассмотрения стало обозначение еще одной проблемы в понимании игры как практики образования – невозможность однозначной ее интерпретации, что также противоречит внешнему целеполаганию педагогических методов.

Ключевые слова: игра, образование, феноменология, герменевтика, интерпретация

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31761.

Для цитирования: Овсянникова Ю.Н., Осаченко Ю.С., Эннс И.А. Игра как практика образования: феноменолого-герменевтический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 187–192. doi: 10.17223/15617793/485/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/20

Game as an educational practice: A phenomenological and hermeneutic aspect

Yulia N. Ovsyannikova¹, Yulia S. Osachenko, Irina A. Enns²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ kirilenko_julia@list.ru

² irnns609@yandex.ru

Abstract. The article aims to analyze the concept of an educational game in two philosophical concepts – phenomenology and philosophical hermeneutics. This approach is promising. It allows addressing the original meanings of the game, conducting a categorical analysis, and formulating a theoretical foundation and a methodological platform for the process of introducing game practices in education. This is relevant because, despite the numerous practices of using the game in education, the pedagogical and psychological justification of the game as a special method, a common semantic field regarding the concept of the game has not yet been formed. The ambiguity and instability of the term “game” today creates a situation of uncertainty in its use, and each time we need to redefine it for implementation into practice. To reach this aim, the authors use the works of Eugen Fink and deduce the main contradiction between the ontology of the game as the fundamental basis of human existence and the game as an educational practice. The game in its ontology takes place in “free time”, it has no purpose and is carefree, while educational practice always has a purpose. As an example of solving this contradiction, the authors refer to the works of Piero Bertolini. He proclaims the need to return to the real game. The teacher should leave the student alone with the game, give him/her freedom, realizing that the game itself is already part of learning. The game is a phenomenological method that allows the player to meet with the authentic and discover the realm of the “possible”. From this understanding of the game follows the problem of interpreting its meaning. As a source for this analysis, the authors use the phenomenological hermeneutics of Hans-Georg Gadamer. Based on the interpretation of hermeneutics, we cannot find objective meaning when interpreting games, but we are aware of our own subjectivity, the irreducibility of our own subjectivity in any act of interpretation. Moreover, this reasoning applies both to players inside the game who interpret game phenomena and actions of other players, and to a possible external observer of the game. The task of the interpreter in the case of a game as an educational event is to determine the factors that determine one’s own horizon of interpretation. The result of the review was the designation of another problem in understanding the game as an educational practice – the impossibility of its unambiguous interpretation, which also contradicts the external

goal-setting of pedagogical methods. The solution of these two problems, according to the authors, is a promising task for subsequent research.

Keywords: game, education, phenomenology, hermeneutics, interpretation

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-011-31761.

For citation: Ovsyannikova, Yu.N., Osachenko, Yu.S. & Enns, I.A. (2022) Game as an educational practice: A phenomenological and hermeneutic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 187–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/20

Образовательная практика игры выступает как значимая для современного научного дискурса тема. Эта значимость продиктована несколькими факторами. Во-первых, мы можем говорить о повышении роли транс- и надпрофессиональных компетенций в образовании [1]. Однако пул дисциплин, которые их формируют, часто не получают понимания их важности со стороны студентов во время обучения, так как они не видят практического применения полученных знаний для будущей профессиональной деятельности. Следовательно, система оценивания, а также форма подачи подобных дисциплин в условиях обучения (и за его пределами) должна иметь практическую направленность, что позволит снизить неудовлетворенность студентов разрывом между теорией и практикой в университетском образовании. Еще одним значимым условием для успешного освоения подобных компетенций является включение полученных знаний в более широкий, глобальный контекст, неограниченный лишь одной профессиональной сферой.

Таким образом, игра, теоретически обоснованная как педагогический прием еще в XX в. [2–4], получила новое развитие в связи с вниманием к универсальным компетенциям, которые она позволяет формировать. Сегодня также нельзя отрицать высокие темпы (продиктованные необходимостью) цифровизации образования в условиях пандемии и после нее. Однако эти же технологии становятся фактором риска, так как деформируют саму структуру образовательной коммуникации [5] и требуют трансформации подхода к осмыслению формирования и оценки компетенций. Одним из очевидных следствий, снижающий риски падения качества образования в условиях дистанционного и смешанного обучения, является необходимость постоянного руководства над работой студентов в виртуальном пространстве. Но эта рекомендация не столь универсальна, как кажется на первый взгляд, так как одна из ключевых задач университета состоит в том, чтобы студент научился адекватно и самостоятельно осуществлять self-экспертизу собственной деятельности, беря на себя ответственность за собственное обучение [6, 7]. В качестве конкретных способов достижения подобной двойственной цели служат разнообразные формы оценивания сформированности компетенций, подразумевающие самооценивание студентов, возможности построения студентами индивидуальных траекторий обучения, что позволяет также оказывать эмоциональную поддержку студентов в ситуации социальной изоляции [8]. Игровые практики с этой точки зрения отвечают всем критериям, предъявляемым к дистанционному обучению.

И наконец, третий фактор значимости игры как образовательной практики в современном научном дискурсе связан с тем, что запрос современных студентов к университетскому образованию зачастую не включает познание истины, которое есть цель науки. Как следствие, студент уже не воспринимает университет как эксклюзивный источник знания. В условиях VUCA-мира выбор источника информации с точки зрения его формы и содержания становится важным компонентом обучения в связи с увеличением доли самостоятельной работы студентов, а также деформации восприятия традиционной формы преподавания теоретического материала в виде лекций. Игра позволяет создать особый мир множества истин, где выбирать будет студент, а задачей преподавателя становится создание ситуации подобного выбора.

Однако несмотря на многочисленные практики применения игры в образовании, а также педагогического и психологического обоснования игры как особого метода, общего смыслового поля относительно самого понятия игры до сих пор не сформировано. Существующая сегодня многозначность и нестабильность термина «игра» создает ситуацию неуверенности в их использовании, и каждый раз нам требуется переопределять его для внедрения в практику. Одним из подходов к решению этой проблемы может стать обращение к изначальному смыслу понятий, которое наиболее полно выражается в философской традиции. С этой точки зрения целью исследования становится экспликация и анализ философского понимания игры, что в конечном итоге позволит создать теорию, устраняющую неопределенность данного термина. Таким образом, новизна исследования определяется методологическим подходом к решению поставленной проблемы, который предполагает углубленные поиски фундаментальных (метафизических) оснований игры. Только на таких основаниях реально выстроить достоверную и доказательную модель игры как образовательной практики, которая будет базироваться не на компаративном анализе трактовок различных авторов, но на философско-аналитической аргументации. Для решения поставленной задачи нами были выбраны две философских традиции, тесно связанные друг с другом – феноменология и герменевтика. Такой выбор обусловлен спецификой феноменологического метода «эпохе», который на наш взгляд, позволит прийти к изначальному смыслу игры.

Феноменологический аспект игры

Определяя игру в аспекте феноменологии, надо учитывать, что сам Гуссерль обозначал феноменологию как науку о феноменах [9]. Следовательно, нам нужно представить игру как феномен, который мы получаем,

применяя феноменологический метод. В качестве исходного источника нашего рассуждения мы предлагаем работы ученика и последователя Э. Гуссерля – Ойгена Финка, который задал представление об игре как о фундаментальной основе человеческого бытия [10, 11]. Игра подразумевает всегда избыточность среды с точки зрения того, что она не есть нечто необходимое. И тогда, на первый взгляд, кажется, что онтология игры противоречит игре как образовательной технологии, ведь во втором случае теряется ее «бесмысленность». С этим можно было бы согласиться, если бы О. Финк не продолжил далее свою мысль: «Игра к тому же вливает многие смысловые мотивы в жизненные сферы труда и господства: как говорится, игра оборачивается серьезностью» [10. С. 351]. Таким образом, для рассмотрения игры как образовательной технологии остается еще возможность в феноменологии. Хотя, безусловно, совмещение изначальной беззаботности игры с возможностью в дальнейшем перевода ее результатов в «реальную» жизнь из феноменальной игровой представляет нетривиальную педагогическую задачу. Однако именно в этом обстоятельстве – несоответствия сущности игры четкому педагогическому целеполаганию и планированию – нам видится причина не успешности многих образовательных игр.

Для продолжения вышесказанного имеет смысл обратиться и к еще одному феноменологическому концепту – заботе. Если игра является фундаментальной основой человеческого бытия, то в каком смысле мы можем говорить о том, что мы заботимся о себе в игре? По О. Финку, именно в игре кроется подлинное существование человека, в этом особом настоящем, в котором самоозабоченность человека собой выходит на первый план. В этом смысле феноменальный мир игры представляет собой как раз не существующий сам по себе мир, отдельный от человека, он строится как конструкт, как отношение человека с вещами, а через них с собой. «Владея способностью играть, человек может созерцать себя, обретать образ собственной жизни во всей его высоте и глубине, задолго до того, как он начинает размышлять и понятийно постигать истину своего существования. Игровая рефлексия образа, игра выводит сущность в явление до всякого явного» [10. С. 386]. В этом смысле опыт игры есть опыт самопознания.

Итак, благодаря идеям О. Финка мы можем поставить главную проблему игры как образовательной технологии: игра в своей онтологии происходит в «свободное время», она не имеет цели и беззаботна, в то время как образовательная практика всегда имеет цель, она анализируема и контролируема. Возможно ли совместить эти два аспекта? В качестве примера решения данного противоречия можно сослаться на работы П. Бертолини, который был не только феноменологом, но и педагогом. Он начинает свои рассуждения с того, что говорит о первичности образовательного опыта по отношению к педагогике. Образование было до всяких педагогических приемов и методов. В этом смысле образование становится таким же феноменальным миром, который не поддается понятийному объяснению,

но лишь дескрипции. Образовательное событие, которое маскируется под игру, быстро понимается игроками как симуляция игры, никакого перехода в иное пространство и подлинного проживания не происходит. Однако П. Бертолини считает, что образование и игра вовсе не противоречат друг другу, если не нарушается суть игры. Игра – это вызов реальности, она есть выход за нее, ее пространство свободно, в ней должно быть три элемента: риск, ошибка и развлечение. Но именно против этих трех элементов обычно выступает традиционное образование. Тогда каким образом не дать университету и школе разрушить имманентную суть игры внешними вмешательствами? Необходимо вернуть игре опыт ее проживания, т.е. вернуться к подлинной игре, что роднит призыв Бертолини с призывом Э. Гуссерля: «Назад к самим вещам». Педагог должен оставить учащегося наедине с игрой, предоставить ему свободу, осознавая, что уже сама игра является частью обучения. Игра сама по себе является феноменологическим методом, который позволяет игроку встретиться с собой подлинным и открыть для себя сферу «возможного» [12].

Герменевтический аспект игры

Феноменология позволяет выстроить онтологию игры, а феноменологическая герменевтика указывает на проблему интерпретации смысла игры. Связь между феноменологией и герменевтикой отражена в работах М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Герменевтика в этом феноменологическом смысле есть «сначала способ бытия, и только потом – способ познания» (цит. по: [13]). В этом смысле задачей герменевтики становится обнаружение сути феномена без нарушения его целостности. Х.-Г. Гадамер, так же как и О. Финк, рассматривает игру как онтологический феномен, игра для него не просто факультативная деятельность, а нередуцируемый момент человеческого существования. Гадамер в «Истине и методе» следующим образом определяет игру: «...отношение играющего не следует понимать как отношение субъективности, поскольку, скорее, играет сама игра, втягивая в себя игроков и таким образом сама, делаясь собственным *subjectum* игрового движения» [14. С. 565]. Идея автономии игры по отношению к субъективности играющих для Гадамера является принципиальной: «Игра обладает собственной сущностью, независимой от сознания тех, кто играет» [14. С. 148]. Именно в игре может быть достигнуто незаинтересованное созерцание, а следовательно, и познание. Но каким образом мы тогда можем говорить об интерпретации смысла игры? Сам Гадамер вводит понятие герменевтического круга и саму герменевтику интерпретирует как игру. Но задачи нашего исследования несколько шире такого понимания. Игра в нашем анализе сама выступает текстом и требует интерпретации, а следовательно, в процессе своей интерпретации впадает в герменевтический круг. Игрок набрасывает смыслы, постоянно находясь в процессе интерпретации других игровых персонажей и объектов. Важное замечание, которое здесь следует сделать, это вернуться к тому, что интерпретация является в феноменологической герменевтике

действием не познавательным, а онтологическим. По сути, в интерпретации мы познаем себя подлинных, и это еще раз указывает на связь феноменологии и герменевтики. Вторым важным замечанием является то, что, несмотря на множественность интерпретаций, она не есть нечто субъективное и относительное. Мы делаем наброски смыслов не произвольно, а исходя из горизонта, в котором осуществляется процесс интерпретации. Подлинного понимания мы достигаем лишь тогда, когда наш горизонт и горизонт объекта сливаются вместе: «Таким образом, горизонт настоящего формируется отнюдь не без участия прошедшего. Не существует никакого горизонта настоящего в себе и для себя, точно так же как не существует исторических горизонтов, которые нужно было бы обрести. Напротив, понимание всегда есть процесс слияния этих якобы для себя сущих горизонтов» [14. С. 362]. Гадамер снимает классическое противопоставление смысла предмета и акта понимания (интерпретации) этого предмета, смысл предмета не существует сам по себе, но лишь в акте интерпретации. Исходя из этого толкования герменевтики, мы не можем рассчитывать при интерпретации игр на нахождение объективного смысла, а скорее мы осознаем собственную субъективность, нередуцируемость собственной субъективности в любом акте интерпретации. Причем данное рассуждение относится и к игрокам внутри игры, которые интерпретируют игровые феномены и действия других игроков, и к возможному внешнему наблюдателю за игрой. Задачей интерпретатора в случае игры как образовательного события становится определение факторов, обуславливающих собственный горизонт интерпретации, экспликацию нерелексивных оснований деятельности собственного сознания.

И в этом смысле особую важность представляет то, что игра существует одновременно в момент игры, т.е. «здесь и сейчас», но, играя, мы также предполагаем ее возможное развитие и окончание, т.е. находимся «там и потом». Для определения двух этих состояний мы обратимся к М. Хайдеггеру и понятию *Dasein* (в цитате используется перевод «присутствие»). В «Бытие и время» М. Хайдеггер пишет: «Присутствие есть сущее, которое, понимая в своем бытии, относится к этому бытию. Тем самым заявлено формальное понятие экзистенции. Присутствие экзистирует. Присутствие есть далее сущее, которое всегда я сам. К экзистирующему присутствию принадлежит его всегдашнее как условие возможности собственности и несобственности. Присутствие экзистирует всегда в одном из этих модусов, соотв. в их модальной индифферентности. Эти бытийные определения присутствия должны быть теперь однако увидены и поняты а priori на основе бытийного устройства, которое мы именуем бытием-в-мире» [15. С. 70]. Таким образом, *Dasein* не есть некоторое «что» или предмет, оно одновременно существует и спрашивает о своем существовании, т.е. существует в определенных онтологических обстоятельствах и вопрошает о них, находится здесь, но открыто тому, что за его пределами, т.е. там. В этом смысле и игра существует одновременно в двух модусах – мы играем здесь и сейчас, но цель игры, ее воз-

можный результат находится за пределами этого «сейчас». При этом игроку должны быть с одной стороны раскрыты его возможности, т.е. он должен понимать механику игры и то, что позволит ему прийти к наилучшему результату, но точно так же другие возможности должны быть сокрыты. В этом смысле вопрошание, а как следствие, и интерпретация выходят за рамки герменевтической ситуации конкретного игрока, а игра выявляется не как заданный предмет, а как онтологический процесс.

Данное понимание позволяет подойти не только к проблеме интерпретации образовательной игры, но и ее дизайна. Игровые решения, вырабатываемые разработчиками игр, должны быть «подручными», т.е. удобными: «У забивания нет ни малейшего знания присущего молотку характера средства, но оно приспособило себе это средство как уместнее невозможно. В таком применяющем обращении озабоченность подчиняет себя вот этому для того-чтобы, конститутивному для всякого средства; чем меньше на вещь-молоток просто глаза, тем ловчее ее применяют, тем исходнее становится отношение к ней, тем незатемненное встречает она как то что она есть, как средство. Забивание само открывает специфическое «удобство» молотка» [15. С. 88]. То есть теоретическое знание о том, как должны быть устроены игры, и попытка теоретически подойти к их разработке влекут за собой исчезновение той самой «подручности», которая позволит игрока быть в игре, не отвлекаться от нее, действовать, не всматриваясь. Практическое в этом смысле предшествует теоретическому. Однако сложность такого подхода к разработке игр заключается в переосмыслении создателем игры своей роли как находящейся за пределами игры, вне действия и практики. В противном случае есть риск того, что игра будет непонятой, не проинтерпретированной игроками. Именно в этом, на наш взгляд, заключается причина неэффективности многих образовательных игр, разработчики которой сами не являются игроками, ведь «допуская, чтобы вещь осуществлялась в своем веществовании из мирящего мира, мы вспоминаем о вещи как вещи. Вспоминая таким образом о ней, мы позволяем мирящему существу вещи задеть нас. Вспоминая, значит думая о вещи как вещи, мы оказываемся способны ей при-слушаться. Мы тогда – в строгом смысле слова – послушны ей. Мы оставили позади себя претензию на всякую безусловную отвлеченность от вещи» [16. С. 325]. Создавая мир игры, педагогические дизайнеры не заботятся о том, чтобы игрок мог тематизировать, справиться с игрой, сделать ее понятной. По сути, игроки внутри игры не в состоянии поддерживать игру, она не увлекает из в бесконечный процесс интерпретации, что делает саму игру как игру невозможной.

Далее немалой сложностью с точки зрения герменевтического анализа является и то разнообразие игр, которые существует на данный момент. Возможно ли создать единую герменевтическую теорию, которая была бы применима и к любой компьютерной игре и к игре в карты? С этой точки зрения задача, стоящая перед нами, кажется более простой, так как мы изначально ограничиваем наше рассмот-

рение образовательными играми. Однако и последние могут принимать самые разнообразные формы и смыслы. В результате мы приходим к необходимости определять саму игру. Еще одним ответом на подобную трудность в герменевтическом анализе игры может стать указание Гадамера на особый характер игры, которая предшествует сознанию игрока. То есть свобода игрока осуществляется в четко заданных рамках самой игры: «...он может самозабвенно и свободно предаться процессу игры не иначе, чем преобразовывая целевые установки своего поведения в задачи игры» [14. С. 139].

Таким образом, цель игры, которая суть ее структура и находится извне игры, вполне могут быть проявлены в ходе герменевтического анализа. И здесь же мы можем говорить о том, что в этом смысле игра превосходит отдельную субъективность воли ее участников и на первый план выходит изначальная заданность игровых рамок. Одна из этих рамок задается так называемым движением взад и вперед, которая создает обязательный состязательный момент в игре. То есть игра всегда подразумевает Другого, даже когда игрок один. В этом смысле не бывает игры в одиночестве: «Сам характер движения столь явно и столь существенно принадлежит к сфере игры, что в конечном итоге игр “в одиночку” вообще не бывает, а именно: чтобы игра со-

стоялась, “другой” не обязательно должен в ней действительно участвовать, но всегда должно наличествовать нечто, с чем играющий ведет игру и что отвечает встречным ходом на ход игрока. Так играющая кошка выбирает клубок шерсти, потому что он способен включаться в игру, а неистребимость игры в мяч основана на свободной и всесторонней подвижности мяча, который способен как бы сам по себе совершать неожиданные движения» [14. С. 138]. С этой точки зрения продуктивным шагом в интерпретации образовательных игр нам видится изначальное высветление смыслов игры, которые определяют все игровое пространство и упорядочивают видимый хаос.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, мы можем сделать вывод о двух главных проблемных точках игры как образовательной технологии, которые мы смогли высветить благодаря исследованию феноменологической и герменевтической традиции. Первая касается противоречия между онтологией игры и назначением игры как образовательной практики. Вторая – невозможность однозначно и определенно интерпретировать происходящее в игре, а следовательно, прояснить ее образовательные эффекты. Решение этих двух проблем представляется значимым и перспективным для педагогической практики, так как является возможным условием успешности образовательных игр.

Список источников

1. Доклад экспертов Global Education Futures и WorldSkills Russia о навыках, которые понадобятся человеку в будущем. URL: http://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 479 с.
3. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 358 с.
4. Щедровицкий Г.П. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры. М., 1966. 45 с.
5. Alawamleh M., Mohannad Al-Twait L., Raafat Al-Saht G. The effect of online learning on communication between instructors and students during Covid-19 pandemic // Asian Education and Development Studies. 2020. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AEDS-06-2020-0131/full/html> (дата обращения: 05.08.2021).
6. Fitzpatrick J. Self-assessment as a strategy to provide interactive learning within a professional degree programme // Learning in Health and Social Care. 2006. Vol. 5 (1). P. 23–34.
7. The future of education and skills: Education 2030. Paris: OECD, 2018. URL: <http://www.oecd.org/education/2030/oecd-education-2030-position-paper.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).
8. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). The impact of COVID-19 on student equity and inclusion: Supporting vulnerable students during school closures and school re-openings. 19 November 2020. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-impact-of-covid-19-on-student-equity-and-inclusion-supporting-vulnerable-students-during-school-closures-and-school-re-openings-d593b5c8/> (дата обращения: 05.08.2021).
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуал. книги: Анашвили, 1999. 332 с.
10. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
11. Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH. Trad. It. (1969). Il gioco come simbolo del mondo. Roma: Lericci, 1960. 243 S.
12. Farné R. For the Phenomenology of Play // Encyclopaedia. 2016. Vol. 20 (45). doi: 10.6092/issn.1825-8670/6335 (дата обращения: 12.12.2021).
13. Ямпольская А.В. Метод феноменологии М. Хайдеггера // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 11 (112). С. 39–50.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
16. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

References

1. WorldSkills. (n.d.) *Doklad ekspertov Global Education Futures i WorldSkills Russia o navykakh, kotorye ponadobyatsya cheloveku v budushchem* [Report by Global Education Futures and WorldSkills Russia experts on the skills that a person will need in the future]. [Online] Available from: http://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf. (Accessed: 12.12.2021).
2. Vygotskiy, L.S. (1991) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow: Pedagogika.
3. El'konin, D.B. (1999) *Psikhologiya igry* [The Psychology of the Game]. Moscow: Vlados.
4. Shchedrovitskiy, G.P. (1966) *Metodologicheskie zamechaniya k pedagogicheskomu issledovaniyu igry* [Methodological Remarks on the Pedagogical Study of Play]. Moscow: [s.n.].
5. Alawamleh, M., Mohannad Al-Twait, L. & Raafat Al-Saht, G. (2020) The effect of online learning on communication between instructors and students during Covid-19 pandemic. *Asian Education and Development Studies*. [Online] Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/AEDS-06-2020-0131/full/html>. (Accessed: 05.08.2021).
6. Fitzpatrick, J. (2006) Self-assessment as a strategy to provide interactive learning within a professional degree programme. *Learning in Health and Social Care*. 5 (1). pp. 23–34.

7. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2018) *The future of education and skills: Education 2030*. Paris: OECD. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/education/2030/oecd-education-2030-position-paper.pdf>. (Accessed: 05.08.2021).
8. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2020) The impact of COVID-19 on student equity and inclusion: Supporting vulnerable students during school closures and school re-openings. *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)*. 19 November. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-impact-of-covid-19-on-student-equity-and-inclusion-supporting-vulnerable-students-during-school-closures-and-school-re-openings-d593b5c8/>. (Accessed: 05.08.2021).
9. Husserl, E. (1999) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Dom intellektual. knigi: Anashvili.
10. Fink, E. (2017) *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [Basic Phenomena of Human Existence]. Translated from German. Moscow: KaNON+ ROOI "Reabilitatsiya".
11. Fink, E. (1960) *Spiel als Weltsymbol*. Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH.
12. Farné, R. (2016) For the Phenomenology of Play. *Encyclopaideia*. 20 (45). doi: 10.6092/issn.1825-8670/6335
13. Yampol'skaya, A.V. (2013) Metod fenomenologii M. Khaydeggera [Heidegger's Method of Phenomenology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 11 (112). pp. 39–50.
14. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
15. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: Folio.
16. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 316–326.

Информация об авторах:

Овсянникова Ю.Н. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirilenko_juilia@list.ru

Осаченко Ю.С. – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Эннс И.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irnns609@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.N. Ovsyannikova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirilenko_juilia@list.ru

Yu.S. Osachenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

I.A. Enns, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irnns609@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.04.2022;
одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 25.04.2022;
approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 316.442
doi: 10.17223/15617793/485/21

Гендерный фактор в спорте: маскулинность/феминность ценностей спорта как социального института

Александра Валерьевна Пилюшенко¹

¹ *Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашикова, Ижевск, Россия, Che-pi@yandex.ru*

Аннотация. Исследован гендерный фактор в спорте и изучена гендерная направленность ценностей спорта как социального института. Рассмотрены исторические и физиологические причины маскулинности спорта. Обоснована архаичность критериев оценивания гендерной самоидентичности и включения в показатели маскулинности общегендерных личностных черт, характерных для современных людей.

Ключевые слова: спорт, маскулинизация спортсменов, гендер, эмансипация, гендерная идентичность

Для цитирования: Пилюшенко А.В. Гендерный фактор в спорте: маскулинность/феминность ценностей спорта как социального института // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 193–199. doi: 10.17223/15617793/485/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/21

Gender factor in sports: Masculinity/femininity of values of sports as a social institution

Alexandra V. Pilyushenko¹

¹ *Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation, Che-pi@yandex.ru*

Abstract. The problem of clarifying the content of social roles in conditions of high dynamics of the transformation of society necessarily raises the question of revising the content of gender differences as a set of social indicators of gender. A particularly controversial problem field in the context of gender relations is sports, which is an important institution of socialization and an instrument of social success. The masculine nature of sports activity leaves an imprint on their social status in the context of gender guidelines and raises questions about the gender status of sports and the problems of gender identity of athletes. The aim of the article is to study the gender factor in sports and to study the gender orientation of the values of sports as a social institution. The methodology of the study is determined by its problem field. When considering subject-object relations in the system of gender identification, the methods of a dialectical approach were applied, where gender was studied as a unity of subjective-personal and objective-cultural factors of thinking and behavior. When considering the problem of masculinization of female athletes, a structural approach was employed, where gender is considered as a cultural and historical code, as a special case of an episteme in gender-role discourse. In the study of the initial masculinity of sports values, a biosocial approach was used, where the phenomenon of sports was considered from both biological and social positions. The development of the problem of gender factor research in sports included consideration of the following issues: masculinity of sports as their typical feature, the impossibility of their feminization; the problem of masculinization of female athletes; sport as an area of female emancipation. As a result, the historical and physiological reasons for the masculinity of sports are considered. The archaic criteria for assessing gender identity and the inclusion of gender-specific personality traits characteristic of modern people in masculinity indicators are substantiated. The role of sports in the phenomenon of women's emancipation is considered: the role of infrastructural and cultural factors of women's inclusion in sports. The ambiguity of the phenomenon of masculinization of female athletes, the symbolic nature of the criteria, and the formulation of this problem are revealed. The role of the historical development of sports in the direction of universal needs and opportunities is shown, where the differentiation of sports disciplines and its qualitative diversity play a special role. This evolution has ensured an equal participation of women and men in sports activities.

Keywords: sport, masculinization of female athletes, gender, emancipation, gender identity

For citation: Pilyushenko, A.V. (2022) Gender factor in sports: Masculinity/femininity of values of sports as a social institution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 193–199. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/21

Введение

Многие аспекты социальной жизни исторически предусматривали различную степень участия в них мужчин и женщин, что в условиях гендерного равноправия, гарантируемого Конституцией РФ, противоречит возможности полноразмерной реализации социальных функций граждан с учетом гендерного фактора. Ярчайшим примером здесь является социальный институт спорта, который исторически возник в связи с необходимостью улучшения физических качеств солдат национальных армий. В связи с этим как военное дело, так и спортивная деятельность на сегодняшний день являются примером деятельности с выраженным гендерным перекосом участия.

Тем не менее сегодня спорт затрагивает важные аспекты личностного воспитания, формирует различные индивидуальные качества личной культуры: социальная самореализация, морально-волевые качества, физическое здоровье и красота и полнота социальной жизни.

Гендер определяется как социальная характеристика пола, а не биологическая, в связи с этим она не дана человеку от рождения, а формируется в процессе социализации, т.е. «прижизненно в социокультурной среде» [1. Р. 121], этим объясняются различия пола и гендера [2. Р. 122].

В свою очередь, если гендер – следствие социализации личности, то формирующие его содержание гендерные стереотипы, т.е. совокупность норм внешности и поведения для мужчин и женщин, есть нечто приходящее вместе с культурой и не всегда имеющее непосредственную связь с полом – биологическим статусом принадлежности к мужскому или женскому.

Теоретическую проработку проблема гендера как социокультурного феномена получила в работах Р. Коннелл: здесь представлено понимание гендера как крупномасштабной социальной структуры, предписывающей социальные качества личности как гендерно детерминируемые. В ее труде «Гендер и власть» [3] показано, что формирование представлений о женственности и мужественности не строится на простой дихотомии личностных качеств мужчин и женщин как противоположных, а вытекает из глубинных надсознательных форм мировоззрения, опирающихся на патриархальность. Именно поэтому концепция гегемонной маскулинности неизбежно конституирует «истинно мужские» качества такими, которые опираются на «насилие и признание».

Тем не менее гендер является основой полоролевого поведения и важной этической категорией, приписывающей нормы, распространяющиеся на все сферы жизни человека. Однако эти нормы не сформированы окончательно, они уточняются и трансформируются с течением времени и в связи с изменениями в области культуры. Женская эмансипация, усиливающаяся с течением времени, и развитие технологий в области биомедицины усугубляют проблему границ социальной независимости и условности гендерных различий [4. Р. 1053].

В связи с этим на сегодняшний день актуализируются вопросы о равном доступе мужчин и женщин к занятиям физической культурой и спортом.

Теоретико-методологическая основа исследования

Сегодня в разработке проблемы гендерного фактора в спорте можно выделить несколько направлений исследований.

Первое связано с выделением «женских» и «мужских» видов спорта и анализом возможности вовлечения в них и мужчин и женщин [5–8].

Е.А. Бобровский указывает: «Проникновение женщин в спортивную среду постепенно размывает традиционные представления о видах спорта, но пока еще в российском обществе достаточно сильны гендерные рамки, те или иные виды спорта пользуются разной популярностью у женщин и мужчин» [6. С. 42]. Здесь важно отметить, что подобное разделение опосредовано рядом исторических, этических и физиологических причин, и вопрос реализации принципов гендерного равенства связан с тем, какой характер носит это разделение. Очевидно, преодоление исторически навязанных социальных стереотипов будет проходить гораздо легче, чем преодоление этических табу, более того – физиологических.

Второе направление связано с попыткой объяснить стремление к гендерному равноправию в спорте «маскулинностью» психики современных женщин, приписывая спорту только маскулинные черты. Такая позиция характерна для Т.С. Соболевой с соавторами [9], Г.Н. Коноваловой с соавторами [10].

Третье направление изучает особенности психического портрета женщин-спортсменок и проблему их гендерной идентичности (работы А.А. Усольцевой [11], А.С. Дамадаевой, Х.Ш. Ибрагимовой [12], И.Л. Левиной [13]).

А.А. Усольцева пишет: «Немаловажную роль играет самооценка их гендерной идентичности, с целью выявления того, является проблема развития маскулинных качеств реально существующей проблемой спортсменок, а также того, насколько сильны противоречия между спортивной и гендерной ролями» [11. С. 175]. Конфликт гендерной роли с другими социальными ролями – спортивными, профессиональными, бытовыми – довольно банальная ситуация, однако уточнение специфики содержания конфликта между гендерной идентичностью и спортивной деятельностью человека представляет интерес в контексте данного исследования.

А.С. Дамадаева говорит о деформации гендерной идентификации под влиянием спорта: «Под воздействием того или иного вида спортивной деятельности происходят изменения в гендерной структуре личности: маскулинизация женщин, необходимая для достижения высоких спортивных результатов, но деформирующая гендерную идентификацию» [12. С. 31].

И.Л. Левина раскрывает наиболее популярные проблемы конфликта гендерной и спортивной ролей, среди которых выделяет сохранение репродуктивного здоровья спортсменок, влияние спорта на фемин-

ность, избыточную маскулинность и агрессивность [13. С. 586].

Четвертое направление рассматривает спорт как еще одну область женской эмансипации, утверждая и обосновывая гендерное равенство в области спорта как логичное продолжение парадигмы гендерного равенства и социального равноправия [14–16].

В ходе исследования были использованы общенаучные методы системного анализа, синтеза, обобщения, аналогии при рассмотрении гендера как совокупности поведенческих и когнитивных установок в системе социальных отношений в контексте взаимодействия элементов человек – гендер – общество. При рассмотрении субъектно-объектных отношений в системе гендерной идентификации были применены методы диалектического подхода, где гендер исследован как единство субъективно-личностных и объективно-культурных факторов мышления и поведения.

При рассмотрении проблемы маскулинизации женщин-спортсменок был исследован структурный подход, где гендер рассматривается как культурно-исторический код, как частный случай эпистемы в полоролевом дискурсе.

При исследовании исходной маскулинности ценностей спорта был использован биосоциальный подход, где феномен спорта был рассмотрен как с биологических, так и с социальных позиций.

Исследование и результаты

Разработка проблемы исследования гендерного фактора в спорте включает в себя рассмотрение следующих дискуссионных вопросов:

- маскулинность спорта как типичная его черта, невозможность его феминизации;
- проблема маскулинизации женщин-спортсменок;
- спорт как область женской эмансипации.

Все три исследовательских блока находятся во взаимосвязи, взаимообуславливают друг друга, однако содержание данных дискуссий различно и представляется целесообразным рассмотреть их по отдельности.

Маскулинность спорта как типичная его черта, невозможность его феминизации. Данное направление ярко представляет неуклюжую попытку конституирования социальных предрассудков, выражающихся тезисом «спорт для мужчин». Очевидно, что физическая активность как таковая – совершенно естественное состояние как женщин, так и мужчин, а значит, никаких биологических аргументов в пользу предпочтительно маскулинной ориентации спорта как таковых нет. Спорт как явление, вытекающее из биологической природы человека, не предъявляет никаких гендерных требований его участникам, а как социальный феномен – предъявляет. Исключительно социальная природа подобных предрассудков показывает всю искусственность гендерных различий в спорте, и уж тем более его маскулинную сущность. Однако обращаясь к исторической ретроспективе, мы вынуждены согласиться, что сущность и назначение спорта исторически было более ориентировано на

мужчин, чем на женщин, как и многие другие сферы социальной активности.

Обратимся к биосоциальному подходу при изучении этого вопроса. Как и любая другая дискуссия в гендерной плоскости, проблема маскулинности спорта может быть рассмотрена полноразмерно в контексте как биологических, так и социальных факторов.

С биологической точки зрения женщины и мужчины имеют известные отличия, обусловленные их репродуктивными функциями, в связи с этим мы можем выделить наиболее типичные благоприятные факторы: большую физическую силу, более характерную для мужчин, устойчивость их психики, обусловленную относительно стабильным гормональным фоном, агрессивность, спортивную злость и спортивный азарт, более характерные для мужчин (физиологическая обусловленность), отсутствие у них обстоятельств, связанных с репродуктивной функцией, – предполагаемого долгого периода условно ограниченных спортивных возможностей и восстановительного периода.

Роль описанных преимуществ биологического характера действительно была существенной, особенно в условиях неразвитой спортивной классификации и преимущественной популярности видов спорта, где перечисленные выше особенности крайне важны. Однако вместе с развитием спорта как такового, выделением широкого круга спортивных дисциплин такие биологические особенности оказались практически нивелированными в связи с введением различных признаков спортивной успешности в разных видах спорта. Сегодня мы являемся свидетелями того, что такие биологические особенности женщин, как артистизм, эмоциональная эмпатия, аккуратность и развитое периферическое зрение, являются точно такими же преимуществами в спорте, как физическая сила и агрессия у мужчин.

Разделение в этой связи спорта на женский и мужской и наделение второго какими-либо преимуществами по отношению к первому, позволяющими конституировать маскулинность спорта, на наш взгляд, бессмысленны. Есть просто спорт, и он такой же разный, как и спортсмены, участвующие в нем. Можно углубиться в классификацию по гендерному, возрастному, территориальному, национальному, сезонному признакам, однако это не наделяет спорт какими-либо титульными характеристиками в зависимости от данной классификации. Это как одежда – она есть просто женская или мужская. Однако мы не можем утверждать, что одежда более мужская, чем женская, и в ней преобладают маскулинные ценности только потому, что брюки – исторически мужской элемент одежды.

С социальных позиций утверждение о маскулинной сущности спорта представляется более убедительным. Спорт как социальный институт в большей степени вовлекает мужчин, чем женщин, как в качестве спортсменов, так и зрителей. Вся культура спорта в большей степени ориентирована на мужчин, однако это, скорее, результат культурно-исторических особенностей мышления людей и, вероятно, суще-

ствующая тенденция феминизации спорта приведет к некоему балансу социальных инструментов гендерного участия в спорте.

Интересным примером, демонстрирующим дефективность социальных установок о маскулинной сущности спорта, являются проблема жестокости в спорте, предпосылки утраты спортсменами сугубо человеческих качеств соперничества и сочувствия. М. Месснер пишет: «Когда я проводил интервью с бывшими спортсменами, мне было интересно узнать, почему многие спортсмены подвергают риску своё тело, играют с травмами, а также подвергают риску тела других людей в повседневной, рутинной спортивной деятельности. Самый очевидный ответ заключается в том, что мальчики рано учатся игнорировать боль других, и более того, игнорировать свою собственную боль. Если они успешно справляются с этим, их часто награждают и к ним относятся как к героям» [17]. Данный контекст исследования показывает, как социокультурный паттерн способен устранить физиологический (стремление к избеганию боли) и как социокультурные установки могут утверждать абсурдное, например, насилие и боль – как норму. Такая игра социальных «норм» в утверждении гендерных ролей демонстрирует некоторые «заблуждения» культуры, приводящей нас в искаженному пониманию как спорта, так и многих других видов социальной активности.

Проблема маскулинизации женщин-спортсменок. Обеспокоенность научного сообщества проблемой маскулинизации женщин-спортсменок сводится к дискуссиям о трансформации самооценки гендерной идентичности в связи с занятием спортом и формированием чисто мужских черт в их характере.

Здесь возникает вопрос о том, действительно ли существует такая проблема и кого она затрагивает: касается ли она спортсменок непосредственно, или это прежде всего проблема, озвучиваемая обществом, в том числе по поводу повсеместной истерии о гендерных ролях и границах их политических и социальных прав. Проблема конфликта между гендерной и спортивной ролями может иметь такую же природу, что и конфликт между гендерной и профессиональной ролью, как и любой другой конфликт социальных ролей. Более того, само по себе содержание гендерной роли постоянно трансформируется, уточняется и имеет существенные различия от культуры к культуре. В связи с этим такой конфликт всегда определяется частными случаями – границами социальных и этических прав женщин конкретной культуры, видом спорта и содержанием спортивной деятельности.

Главным здесь является вопрос о методах оценки гендерной идентичности и критериях, положенных в основу для определения маскулинных/феминных черт и вообще о том, что включает в себя маскулинность, а что – феминность. Необходимо отметить, что содержание женских и мужских социальных ролей имеет выраженные историко-культурные основания, в этой связи они не могут считаться чем-то конкретно сформулированным и устоявшимся. Однако необходимо взять некоторую шкалу оценок за

основу, и рассмотреть «типичные» женские и мужские черты характера, прежде чем констатировать факт смещения идентичности женщин-спортсменок в сторону маскулинности.

Тестовая система Idr labs по оценке гендерной идентичности, именуемой тестом CT-GRI, основанная на исследованиях Donelly [18], исходит из оценки черт характера, которые рассматриваются как свойственные мужчинам: амбициозность, аналитическое мышление, сильная личность, искренность, самодостаточность, индивидуализм и др.; и свойственные женщинам: сочувствие, непостоянство, умение успокоить, вежливость, сострадательность, таинственность, доброжелательность и др.

Здесь мы видим следующую причинно-следственную связь: высокие спортивные результаты требуют от женщин маскулинизации, в связи с чем происходят изменения в гендерной структуре. На наш взгляд, данное утверждение спорно. Во-первых, стремление заниматься спортом скорее возникнет у человека амбициозного, обладающего внутренней силой и самодостаточностью. А это значит, что изначальный человеческий капитал спортсменов уже предполагает определенный набор качеств, объясняющий выбор их решений. Во-вторых, отмечается достаточно спорный и архаичный набор «женских» и «мужских» черт характера, имеющих скорее индивидуальную эмоционально-личностную природу, а не гендерную. Отметим, что такие черты характера, как амбициозность, аналитическое мышление и внутренняя сила, действительно необходимы в спорте, однако гендерная обусловленность их формирования спорна.

В связи с этим если под спортивной маскулинизацией мы понимаем формирование вышеперечисленных качеств, то имеем дело с логическими ошибками и неверно построенной причинно-следственной связью. Более того, амбициозность, аналитическое мышление и сильная личность – качества, воспитываемые современной культурой, в связи с чем можем утверждать, что под маскулинизацией скрывается скорее естественная эволюция социальных ожиданий и общесоциального развития облика человека своей культуры и своего времени.

Отметим также исторический характер символов «мужское» и «женское». Уже давно короткая стрижка и брюки стали абсолютно уместными элементами женского образа, хотя бесспорно устоявшимися атрибутами «женского» являются длинные волосы и юбка, а «мужского» – брюки и короткая стрижка. Однако в современном обществе женщина в брюках с короткими волосами будет органично вписываться в женскую социальную роль, и вопрос о маскулинизации здесь неуместен. Такая ситуация говорит о некотором (неокончательном, неабсолютном) стирании границ содержания гендерных атрибутов и расширении универсальных бигендерных поведенческих и когнитивных установок, выражающихся в проявлении феномена унисекса, достигшего особой популярности в современном обществе. Феномен унисекса свидетельствует об избыточности гендерных стереотипов и об общественной усталости соответствия формальным культурным символам.

Проводя параллель со спортом, можно отметить несостоятельность заявлений о маскулинизации женщин-спортсменок, здесь, скорее, речь идет о существенной трансформации системы гендерных символов.

Спорт как область женской эмансипации. Сегодня проблемы эмансипации, с одной стороны, не столь злободневны, как на рубеже XIX и XX вв., однако это явление имеет новые концепции и требует новое пространство для существования. Все больше социальных институтов способствует равноправному участию в социальной жизни как женщин, так и мужчин.

Проблема эмансипации женщин в новых социокультурных реалиях сохраняет актуальность до тех пор, пока вопросы межгендерных коммуникаций и гендерно определяемых социальных прав и функций не будут реально соответствовать юридически зафиксированному правовому гражданскому равенству. Проблемы гендерного неравенства затрагивают широкий круг вопросов, и их причины оказываются сложными и многослойными. Ключевыми критериями такого неравенства являются гендерное неравенство в оплате труда [19], неравномерное распределение домашних обязанностей [20], доступ к социальным благам.

Все эти вопросы сводятся к одной сути: усилия женщин преобладают над усилиями мужчин в достижении одинакового уровня благ, восприятие заслуг мужчин и женщин различно при одинаковом уровне их достижений, а препятствия носят социокультурный характер – символическое восприятие «женщины» и «мужчины» в разрезе типичных полоролевых характеристик, опирающихся на предрассудки. Однако есть сферы деятельности, которые выступают ресурсом женской эмансипации, постепенно трансформирующим гендерные предрассудки и убеждения, традиции семьи и быта, трудовой деятельности, социальных взаимоотношений. Одним из таких ресурсов является спорт.

Если спорт высших достижений отличается незначительной гендерной диспропорцией, то массовый спорт является важнейшим показателем равномерной гендерной представленности его участников, что в разрезе общесоциальных тенденций имеет большее значение, чем спорт высших достижений.

Вопросы эмансипации в контексте спорта имеют значимость с учетом исторической ретроспективы: историческая роль спорта как преимущественно мужского занятия все больше трансформируется в бигендерный социальный институт и инфраструктурно и культурно. Инфраструктурный компонент спортивной женской эмансипации включает в себя развитие инфраструктуры, адаптированной под женский спорт. Культурный закрепляет в массовом сознании нормы включения в активное занятие спортом женщин: это поощряется культурой, обществом, государством (главным образом в западной культуре).

Спорт как область женской эмансипации выполняет ряд задач:

– выступает предметом социализации и социальной интеграции и кооперации, формирует круг общения человека, способствует установлению плодотворных межличностных контактов, в особенности такая тенденция очевидна в командных видах спорта;

– выступает ресурсом социальной успешности: современная культура складывается вокруг ориентиров, связанных со здоровым образом жизни, атлетическим телосложением, активным времяпрепровождением, таким образом, спорт выступает одновременно и инструментом получения социальных благ, социального успеха;

– спорт как ресурс развития физической силы: одной из физиологических особенностей мужчин является их физическое превосходство, это и есть исходный инструмент в развитии домашнего насилия и жестокого обращения с женщинами; занятия спортом женщин способны нивелировать такие физиологические различия, что в свою очередь будет являться способом профилактики острых социальных проблем;

– спорт как область гендерного равноправия: развитие женского спорта, поощряемое многими международными спортивными организациями, способствует установлению равного доступа мужчин и женщин к спортивной инфраструктуре и занятию спортом как таковому, что в свою очередь закрепляет в культурном коде установки на гендерное равноправие в этой области деятельности.

Заключение

Процесс трансформации и уточнения содержания гендерных ролей сегодня в условиях высокой социальной динамики неизбежен. Феминность и маскулинность обрываются новым содержанием с учетом важнейших социально-исторических изменений нашего общества. Это затрагивает многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе и спорт.

Гендерная направленность спорта является одним из самых неоднозначно решенных вопросов в структуре гендерной проблематики: возросшее социальное значение спорта в современной культуре определяет необходимость пересмотра гендерного содержания этого явления.

Исследование показало архаичность показателей гендерных различий в общепринятых тестовых системах, что усложняет понимание маскулинности и феминности. Понимание под маскулинными таких черт, как амбициозность, сила характера и аналитическое мышление, является скорее архаичным предрассудком, так как современная культура формирует такие качества вне связи с гендерными различиями.

Проблема маскулинизации женщин-спортсменок является символической, поскольку всецело зависит от внутрикультурного кода, описывающего различия мужчин и женщин, от неоднозначности современных средств оценки гендерной идентичности и критериев ее оценивания. Гендерные различия как фактор социального самоопределения является атрибутивным поведенческим критерием, определяющим стандарты

мышления и поведения. Однако социальные качества человека, характеризующие его с точки зрения гендера, профессии, социального статуса, нации, культуры,

имеют исторический характер и не могут рассматриваться как фиксированный набор социальных характеристик личности.

Список источников

1. Gentile D. Just what are sex and gender, anyway? A call for a new terminological standard // *Psychological Science*. 1993. № 4. P. 120–122.
2. Unger R., Crawford M. Sex and gender. The troubled relationship between sex and gender // *Psychological Science*. 1993. № 4. P. 122–124.
3. Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М., 2015. 540 с.
4. Pennings G. Elective egg freezing and women's emancipations // *Reproductive biomedicine online*. 2021. № 42 (6). P. 1053–1055.
5. Богомолова Т.В., Гасанова-Матвеева Т.А. Проблема гендерных предпочтений при выборе вида спорта // *Экстремальная деятельность человека*. 2021. № 1(59). С. 35–39.
6. Бобровский Е.А., Тельных Д.А. Гендерные предпочтения при выборе вида спорта среди российского населения // *Карельский научный журнал*. 2019. № 1 (26). С. 42–44.
7. Vilhjalmsson R., Kristjansdottir G. Gender differences in physical activity in order children and adolescents: the central role of organized sport // *Social Science & Medicine*. 2003. № 2 (56). P. 363–374.
8. Aransov M.V., Ozolin E.S., Tuponogova O.V. Gender limitations in women's boxing sport // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2021. № 2. P. 70–72.
9. Соболева Т.С., Азарных Т.Д., Соболев Д.В. Спорт, гендер, маскулинность и женский спорт // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2013. № 10 (104). С. 158–162.
10. Коновалова Г.Н., Пойманов В.П. Гендерные деформации в пространстве спорта // *Гендерные деформации в пространстве спорта*. 2016. № 2 (57). С. 32–34.
11. Усольцева А.А. Представления о гендерной идентичности женщин-спортсменок // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2010. № 5. С. 175.
12. Дамадаева А.С., Ибрагимова Х.Ш. Процессы гендерной социализации профессиональных спортсменов // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2019. № 4 (248). С. 30–37.
13. Левина И.Л. Девочка в хоккее: согласование гендерной и спортивной ролей // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2022. № 3 (205). С. 585–591.
14. Dabovic S. Skirting gender, race and class: women and (in)equality in sport. York University (Canada), 2002.
15. Harrison L., Lee A.M., Belcher D. Race and gender differences in sport participation as a function of self-schema // *Journal of Sport and Social Issues*. 1998. № 2 (22). С. 183–198.
16. Песков А.Н. Сексизм и правовые проблемы гендерных исследований в психологии и педагогике спорта // *Спорт: экономика, право, управление*. 2016. № 3. С. 25–31.
17. Messner M. *Out of play: Critical essays on gender and sport*. State University of New York Press, 2007.
18. Donnelly A. Twenge masculine and feminine traits on the Bem sex role inventory, 1993–2012: a cross temporal meta-analysis // *Sex roles*. 2016. № 2.
19. Woodhams C. Merit sticks to men: gender pay gaps and (in)equality at UK Russell group universities // *Sex roles*. 2022. № 86. P. 544–558.
20. Carlson D. Reconceptualizing the Gender Division of housework: number of shared tasks and partners relationship quality // *Sex roles*. 2022. № 86. P. 528–543.

References

1. Gentile, D. (1993) Just what are sex and gender, anyway? A call for a new terminological standard. *Psychological Science*. 4. pp. 120–122.
2. Unger, R. & Crawford, M. (1993) Sex and gender. The troubled relationship between sex and gender. *Psychological Science*. 4. pp. 122–124.
3. Connell, R.W. (2015) *Gender i vlast'. Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and Power. Society, personality and gender policy]. Moscow: NLO.
4. Pennings, G. (2021) Elective egg freezing and women's emancipations. *Reproductive biomedicine online*. 42 (6). pp. 1053–1055.
5. Bogomolova, T.V. & Gasanova-Matveeva, T.A. (2021) Problema gendernykh predpochteniy pri vybere vida sporta [The problem of gender preferences when choosing a sport]. *Ekstremal'naya deyatel'nost' cheloveka*. 1 (59). pp. 35–39.
6. Bobrovskiy, E.A. & Tel'nykh, D.A. (2019) Gendernye predpochteniya pri vybere vida sporta sredi rossiyskogo naseleniya [Gender preferences when choosing a sport among the Russian population]. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal*. 1 (26). pp. 42–44.
7. Vilhjalmsson, R. & Kristjansdottir, G. (2003) Gender differences in physical activity in order children and adolescents: the central role of organized sport. *Social Science & Medicine*. 2 (56). pp. 363–374.
8. Aransov, M.V., Ozolin, E.S. & Tuponogova, O.V. (2021) Gender limitations in women's boxing sport. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2. pp. 70–72.
9. Sobleva, T.S., Azarnykh, T.D. & Sobolev, D.V. (2013) Sport, gender, maskulinost' i zhenskiy sport [Sport, gender, masculinity and women's sport]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (104). pp. 158–162.
10. Konovalova, G.N. & Poymanov, V.P. (2016) Gendernye deformatsii v prostranstve sporta [Gender deformations in the space of sports]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'ye*. 2 (57). pp. 32–34.
11. Usol'tseva, A.A. (2010) Predstavleniya o gendernoy identichnosti zhenshchin-sportsmenok [Ideas about the gender identity of female athletes]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 175.
12. Damadaeva, A.S. & Ibragimova, Kh.Sh. (2019) Protsessy gendernoy sotsializatsii professional'nykh sportsmenov [Processes of gender socialization of professional athletes]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*. 4 (248). pp. 30–37.
13. Levina, I.L. (2022) Devochka v khokkee: soglasovanie gendernoy i sportivnoy roley [Girl in hockey: harmonization of gender and sports roles]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 3 (205). pp. 585–591.
14. Dabovic, S. (2002) *Skirting Gender, Race and Class: Women and (in)equality in sport*. Toronto: York University.
15. Harrison, L., Lee, A.M. & Belcher, D. (1998) Race and gender differences in sport participation as a function of self-schema. *Journal of Sport and Social Issues*. 2 (22). pp. 183–198.
16. Peskov, A.N. (2016) Seksizm i pravovye problemy gendernykh issledovaniy v psikhologii i pedagogike sporta [Sexism and Legal Issues of Gender Studies in the Psychology and Pedagogy of Sports]. *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie*. 3. pp. 25–31.
17. Messner, M. (2007) *Out of Play: Critical essays on gender and sport*. New York: State University of New York Press.
18. Donnelly, K. & Twenge, J. (2017) Masculine and feminine traits on the Bem sex role inventory, 1993–2012: a cross temporal meta-analysis. *Sex Roles*. 9–10 (76). pp. 556–565.

19. Woodhams, C. (2022) Merit sticks to men: gender pay gaps and (in)equality at UK Russell group universities. *Sex Roles*. 86. pp. 544–558.
20. Carlson, D. (2022) Reconceptualizing the Gender Division of housework: number of shared tasks and partners relationship quality. *Sex Roles*. 86. pp. 528–543.

Информация об авторе:

Пилушенко А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры общественных наук Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Ижевск, Россия). E-mail: Che-pi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Pilyushenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Social Sciences, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Che-pi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 21
doi: 10.17223/15617793/485/22

«Случайно ли умер Фред?»: наука между теизмом и натурализмом

Екатерина Борисовна Хитрук¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, lubomudreg@gmail.ru

Аннотация. Раскрываются основные положения дискуссии о соотношении современной науки и теизма между двумя знаменитыми американскими философами – натуралистом Дэниелом Деннетом и «аналитическим теистом» Алвином Плантингой. Формулируется вывод о том, что полемическое противостояние натурализма и теизма продолжает быть открытым и это обстоятельство положительно влияет на обе противостоящие стороны в плане стимуляции постоянного уточнения и совершенствования аргументации.

Ключевые слова: Дэниел Деннет, Алвин Плантинга, натурализм, теизм, эволюция, бытие Божие, наука, квазирелигия

Для цитирования: Хитрук Е.Б. «Случайно ли умер Фред?»: наука между теизмом и натурализмом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 200–205. doi: 10.17223/15617793/485/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/22

“Was Fred’s death accidental?”: Science between theism and naturalism

Ekaterina B. Khitruk¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.ru

Abstract. The article reveals the main provisions of the discussion on the relationship between modern science and theism between two famous American philosophers – the naturalist Daniel Dennett and the “analytic theist” Alvin Plantinga. The debate took place in 2009 as part of the session of the Central Division of the American Philosophical Association and was published in 2011 under the title “Science and Religion: Are They Compatible?” The positions of the analyzed discussion are reproduced in connection with the example proposed by Dennett. The example tells about an investigation into the causes of the sudden death of the art critic Fred, which symbolizes the process of evolution. Dennett believes that the cause of death of an art critic is natural, and the theistic interpretation offers an excessive and irrational explanation, arguing about God as the leader of the evolutionary process (in the example, the analogue of God is the artist Tom, who has supernatural abilities). Dennett’s key argument boils down to considering supernatural interference as an excessive addition to the naturalistic vision of the world – in fact, naturalists do not need to substantiate the non-existence of the Creator, since it is already implied at the level of common sense as a condition of scientific research (“trial”). Naturalism is practically justified. Plantinga agrees with Dennett that Tom’s imaginary abilities cannot be taken into account in a serious investigation. However, from his point of view, there is no basis for an analogy between a finite being with superpowers (Tom) and the absolute and transcendent God of theism. Thus, rejecting both the naturalistic interpretation of the evolutionary process as quasi-religious, and the imaginary intervention of a finite being with superpowers, Plantinga recognizes God as a possible (and even justified) cause of the evolutionary process. The article concludes that the polemical confrontation between naturalism and theism continues to be open and this circumstance has a positive effect on both competing parties in terms of stimulating constant clarification and improvement of their own argumentation.

Keywords: Daniel Dennett, Alvin Plantinga, naturalism, theism, evolution, being of God, science, quasi-religion

For citation: Khitruk, E.B. (2022) “Was Fred’s death accidental?”: Science between theism and naturalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 200–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/22

Противостояние между натурализмом и теизмом представляет собой одну из самых напряженных интриг современной философии религии. Опираясь на достижения эволюционной биологии, представители натуралистической линии бросают вызов теистическому мировоззрению, утверждая, что естествознание за последнее столетие достигло своей зрелости и мо-

жет аргументированно опровергнуть зародившееся во времена «научного невежества» представление о Высшем Существо, Создателе и Хранителе Вселенной [1. Р. 47]. Прогресс науки, с их точки зрения, позволяет изменить саму оптику восприятия мира и человека с метафизической и теистической на натуралистическую. Такая натурализация, неизбежно сопровождается

мая объективизацией личности и редукцией всего многообразия духовного опыта к наблюдаемым природным феноменам, воспринимается настороженно не только теистами, но и другими философами-гуманистами. Так, например, знаменитый немецкий философ Юрген Хабермас усматривает в современном радикальном натурализме тревожную тенденцию самообъективации и самоинструментализации человека, способную поставить под сомнение один из важнейших столпов западной цивилизации – представление об автономной, свободной и ответственной личности. В своей известной работе «Между натурализмом и религией» Ю. Хабермас отмечает, что радикальный натурализм «обесценивает все типы высказываний, которые невозможно свести к экспериментальным наблюдениям, выражениям законов или каузальным объяснениям, т.е. моральные, юридические и оценочные высказывания не меньше, чем религиозные. Как показывает возобновленная дискуссия о свободе и детерминизме, успехи в биогенетике, исследованиях мозга и робототехнике дают импульсы к тому виду натурализации духа, который ставит под вопрос наше практическое самопонимание как ответственно действующих индивидов» [2. С. 135].

Для теистов же основные опасения в связи с развитием натуралистической метанаррации заключаются не в самообъективации человеческой личности (хотя и в ней тоже), а в обесценивании религиозного опыта, рассматривавшегося многими поколениями людей как свидетельство существования Бога. Но может ли в действительности прогресс естествознания выдвинуть неопровержимые доказательства несуществования трансцендентного Бога? Как отмечает знаменитый американский генетик Фрэнсис Коллинз, «если Бог находится вне природы, то наука не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть Его существование» [3. С. 129]. В то же время представители натурализма убеждены, что против существования Бога свидетельствует сама возможность объяснения природы и человеческого сознания (как ее составляющей части) посредством «опасной идеи эволюции» [4]. Если многообразие природных и культурных феноменов можно объяснить посредством естествознания, гипотеза о Творце мира становится избыточной. Это позволяет, по выражению известного зоолога Джорджа Г. Симпсона, считать все попытки осмысления жизни, предпринимавшиеся до 1859 г., ничего не стоящими [5. С. 18]. Таким образом, современный натурализм «закладывает основание для преобразования дарвинизма из научной теории в мировоззрение, метанарратив, всеобъемлющее воззрение на реальность» [6. Р. 119]. И в этой перспективе натурализм становится настоящим конкурентом теистического мировосприятия.

Среди множества современных дискуссий в рамках обозначенной темы одной из ярчайших, без сомнения, является дискуссия между двумя знаменитыми американскими философами – натуралистом Дэниелом Деннетом и «аналитическим теистом» Алвином Плантингой. В 2009 г. в рамках сессии Центрального подразделения Американской философской

ассоциации (АРА) состоялись их дебаты, опубликованные позднее под названием «Наука и религия: совместимы ли они?» (Oxford University Press, 2011). В кульминационной точке дискуссии Д. Деннет решается иллюстрировать свою позицию с помощью увлекательного примера, некое воображаемой ситуации, связанной с обстоятельствами загадочной смерти искусствоведа по имени Фред. С точки зрения Д. Деннета, этот пример ясно свидетельствует об избыточности теистической гипотезы. Обратимся к самому примеру:

«Мерзкий искусствовед Фред опубликовал резкую рецензию о выставке произведений Тома, а на следующий день он был найден мертвым в своей квартире, его голова была разбита одной из скульптур Тома, которая валялась возле трупа, испачканная в крови, а на самом теле лежала опубликованная рецензия. Похоже, что перед нами самое отвратительное убийство, но защита Тома на судебном разбирательстве впечатляет: указанная скульптура принадлежала Фреду в течение многих лет, ее можно увидеть на фотографии, сделанной неделей ранее, расположенной ненадежно на высокой полке над его стулом для чтения. Более того, тем утром около 9 часов, в то время, когда Фред обычно читает утреннюю газету, небольшое землетрясение (данные сейсмографа прилагаются) сотрясло все соседние дома. Множество похожих предметов попадали с полок и столов в этом районе в тот день, и нет никаких доказательств того, что Том был где-то поблизости: ни следов взлома и проникновения, ни отпечатков пальцев, ни ДНК и т.п. По всей вероятности, смерть Фреда наступила по естественным причинам, а не в результате убийства или действий намеренного и разумного виновника» [1. Р. 30].

Казалось бы, невиновность Тома вполне обоснована, но прокурор приглашает к выступлению свидетеля-эксперта – профессора Плантингу, который выражает главный контраргумент: представленные защитой доказательства обосновывают только возможность того, что смерть Фреда произошла в результате несчастного случая, по естественным причинам, но они не могут быть рассмотрены в качестве доказательств того, что смерть Фреда не только возможно, но и действительно наступила вследствие естественных причин. Свидетель Плантинга не отрицает того, что землетрясение могло спровоцировать опрокидывание скульптуры на голову Фреда, однако эта ситуация, с его точки зрения, могла иметь и не только естественные причины: «Том мог устроить землетрясение таким образом! Ничто из того, что мы знаем о современной геологии, не исключает возможности того, что люди могут вызывать землетрясения, желая их достаточно сильно» [1. Р. 31]. То, что люди не могут вызывать землетрясения, не обосновано в этом суде, а значит, и не исключено. «Ну, конечно, нет, – восклицает Д. Деннет, подытоживая свой пример, – потому что натурализм молчаливо предполагается во всех авторитетных судах и во всех научных исследованиях» [1. Р. 31].

Иными словами, ключевой аргумент Д. Деннета сводится к рассмотрению сверхъестественного вмешательства как избыточного дополнения к натурали-

стическому видению мира – по сути, натуралистам нет необходимости обосновывать несуществование Творца, поскольку оно и так подразумевается на уровне здравого смысла как условие научного исследования («судебного разбирательства»). Натурализм обоснован *практически*.

Контраргумент А. Плантинги может быть представлен в виде двух основных положений:

1. Никакое подлинно научное исследование не предполагает натурализм (как атеистическое мировоззрение) в качестве своей необходимой предпосылки. Более того, натурализм по своей природе противоположен науке (один из параграфов анализируемой дискуссии показательно назван А. Плантингой «Натурализм против науки»). Действительно, в конкретных научных исследованиях вмешательство Бога в изучаемые феномены не предполагается, но эта установка не имеет никакого отношения к отрицанию бытия Божия. Во-первых, многим ученым их деятельность не мешает быть подлинно верующими людьми, а во-вторых, и теист и атеист, равным образом изучают законы природы как нечто автономное, независимое от внешних (трансцендентных) влияний. Вера в то, что Бог создал мир и действует в нем, не тождественна вере в то, что Бог произвольно вмешивается в научные эксперименты. Смешение науки и натурализма, как замечает А. Плантинга, похоже на утверждение о том, что «интеллектуальная честность требует от меня отрицать существование моих детей, учитывая, что я предполагаю, что они не подожгут мой дом» [1. Р. 64]. Кроме того, такое смешение отрицательно сказывается на репутации науки, вынуждая многих людей видеть в ней основания для воинственного атеизма и, как следствие, отрицать ее достижения, поскольку принятие этих достижений означает для них отказ от достоверности личного религиозного опыта и фундаментальных теистических убеждений.

2. А. Плантинга подчеркивает, что в используемых Д. Деннетом аналогиях представление о «сверхъестественном» агенте, мягко говоря, несколько отличается от теистических представлений о трансцендентном и абсолютном Боге. Это довольно распространенный среди атеистов ход дискредитации теизма посредством его карикатурной редукции к «суперменизму» (вере в сверхспособности Супермена), «зубнофеизму» (вере в Зубную фею) или вере в Летающего макаронного монстра [1. Р. 58]. Однако отличия между Богом и этими воображаемыми существами со сверхспособностями (к которым мы можем отнести и Тома, вызывающего землетрясения, из вышеописанного примера Д. Деннета) существенны. Для философски образованной публики излишне напоминание о фундаментальных дифференциациях между трансцендентным и имманентным, вечным и временным, абсолютным и относительным, имеющих в данном случае принципиальное значение и не позволяющих обосновать аналогию между Богом и Его карикатурными «подобиями». Натуралисты, по убеждению А. Плантинги, никогда и не старались всерьез обосновать эту аналогию, пользуясь ею исключительно в целях высмеива-

ния позиции оппонентов, руководствуясь знаменитым призывом Кристофера Хитченса излечивать религию «насмешками, ненавистью и презрением» [1. Р. 57].

Иначе говоря, А. Плантинга отказывается от однозначного ответа о причинах смерти искусствоведа Фреда, поскольку условия, описанные в указанном примере, недостаточны для вынесения требуемого решения. Сам А. Плантинга не становится на сторону «свидетеля-эксперта» профессора Плантинги», поскольку для него очевидно фундаментальное отличие между признанием сверхспособности Тома вызывать землетрясения и утверждением существования всемогущего и всеведущего Творца. Первое является плодом воображения, второе – размышления, базирующегося, кроме прочего, на значимом для философии А. Плантинги представлении о природной склонности к теизму. «Вера в Бога, – пишет А. Плантинга, – редко принимается на основании телеологического аргумента или в действительности любого аргумента или пропозиционального доказательства вообще. Как неискушенное наблюдение, так и текущее исследование в области научного изучения религии предполагают, что склонность к вере в Бога или в нечто подобное Богу, независимо от любых пропозициональных доказательств, является частью нашей природной познавательной способности» [1. Р. 9]. Эта склонность характеризуется Плантингой как нечто подобное *sensus divinitatis* Жана Кальвина. Это чувство божественного, запечатленное в сердце каждого человека [7. С. 479]. Еще в своей знаменитой работе 1983 г. «Совет христианским философам» А. Плантинга развивал эту мысль, утверждая, что, поскольку любое знание базируется на некоторых предпосылках, ничто не мешает христианину опираться на *sensus divinitatis* как именно на такую изначальную предпосылку, которая не дискредитирует, а, напротив, обосновывает теистическую позицию. Таким образом, христиане с полной уверенностью могут утверждать, что не только верят в существование Бога, но и знают, что Бог существует [7. С. 480].

Однако, как признавал и сам А. Плантинга, эта позиция, имея принципиальное значение для теистов, не убедит скептиков, продолжающих считать исходную установку исследователя натуралистической, а представление о Боге – избыточным. Так и происходит с Д. Деннетом, который отказывается признавать разницу между воображаемыми сверхсуществами и Богом теизма. Только привычка к воображению мешает А. Плантинге, считает Д. Деннет, осознать принципиальное и очевидное (для всех, кроме теистов) сходство между такими воображаемыми существами, как Том или Супермен и Бог. Вера в Бога дисциплинировала воображение Плантинги: «Он так привык воображать Бога как разумного агента без тела и настолько убедил самого себя, что в этом есть какой-то смысл, что он действительно не понимает, насколько похожи эти две истории. Бог подобно Супермену разумен, на стороне добра, способен на удивительные подвиги и глубоко заинтересован в *Homo sapiens* на планете Земля» [1. Р. 46]. Бог не обладает преимуществом даже в том смысле, что миллионы людей вери-

ли и продолжают верить в Его существование. Не смотря на то что сегодня люди гораздо более информированы относительно законов природы, чем во времена зарождения теизма, несколько миллиардов долларов и несколько тысяч лет способствовали бы появлению суперменизма, не менее развитого, чем современный теизм и вполне возможно с не меньшим количеством последователей. «Добавьте к этому “документальный фильм”, снятый Спилбергом, и мы действительно сможем сдвинуть дело с мертвой точки» [1. Р. 47].

Таким образом, с точки зрения Д. Деннета, продуктивная полемика между представителями натуралистического и теистического мировоззрения затруднена тем обстоятельством, что натурализм, основывающийся на рациональном мышлении, вынужден соприкасаться с иррациональным по своей природе стремлением легитимировать плоды коллективной теистической фантазии. Однако насколько в действительности рациональна природа самого натуралистического мировоззрения? Не является ли удивительным и достойным внимания сам по себе тот факт, что сторонники этой «научной» и сугубо «рациональной» концепции воспринимают натурализм в качестве успешного конкурента по отношению к религиозному мировоззрению? Сама соотносимость этих позиций ясно свидетельствует о том, что натурализм не сводится собственно к научному или, более широко, рациональному знанию. Сама его претензия на «всеохватность» и атеистическая метанаррация, которую он порождает, имеют иррациональные предпосылки. Указанные доводы позволяют Алвину Плантинге охарактеризовать натурализм как «квазирелигию», которая отличается от науки тем, что приписывает и утверждает в качестве научной атеистическую интерпретацию собственно научных достижений. Иначе говоря, наука (под ней и Д. Деннет, и А. Плантинга подразумевают преимущественно современную эволюционную биологию или, более широко, эволюционизм) не содержит в себе самой отрицание существования Бога, акта творения и возможности проявления Бога в мире, но натурализм – содержит. В то же время теизм, с точки зрения А. Плантинги, в высшей степени дружелюбен к науке. Теисты предлагают другую интерпретацию ее достижений, однако они не выдают эту интерпретацию, в отличие от натуралистов, за науку саму по себе. В этом смысле теизм более бережно относится к науке, чем натурализм. «Дело в том, что теистическая вера, – пишет А. Плантинга, – с ее учением о том, что Бог создал людей по Своему образу, в высшей степени дружелюбна и восприимчива к науке» [1. Р. 84]. Если и существует конфликт между наукой и религией, то это не конфликт между наукой и теизмом, а конфликт между наукой и натуралистической квазирелигией [1. Р. 17]. Как отмечает в своем анализе исследуемой дискуссии между А. Плантингой и Д. Деннетом священник Дмитрий Лушников, Д. Деннет ковенно подтверждает такую интерпретацию натурализма, когда в заключительном параграфе дискуссии «предлагает подождать, пока наука добьется необходимого экспериментального подтверждения теории неуправляемой эволюции, то есть, по сути, предлагает поверить» [8. С. 29].

Необходимо отметить, что интерпретация натуралистического мировоззрения как квазирелигиозного или близкого к религиозному, действительно распространена в современной критической литературе. Так, например, Бернард Уиллс и Даррен Хайнс в своей статье «Биологизация религии: “Разрушая чары” Деннета» обращают внимание на благоговейный тон, с которым знаменитый философ описывает свое мировоззрение. В работе «Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни» Д. Деннет пишет следующее: «Древо Жизни не является ни совершенным, ни бесконечным во времени и пространстве, но оно актуально, и если это не ансельмово “существо, превыше которого ничего невозможно помыслить”, то это, без сомнения, существо, которое превыше всего, что кто-либо из нас мог бы помыслить во всех подробностях. Есть ли в мире что-то священное? “Да”, – говорю я вслед за Ницше. Я не могу ему молиться, но я могу свидетельствовать о его великолепии. Наш мир священен» [4. С. 443]. Б. Уиллс и Д. Хайнс задаются вопросом о том, является ли научным такого рода утверждение: «Является ли окончательная позиция Д. Деннета в меньшей степени продуктом сверхрациональной интуиции, чем позиция верующих христиан, которых он так презирает?» [9. Р. 19]. Авторы делают вывод о том, что дарвиновский фундаментализм Д. Деннета похож скорее на идеологическую программу, чем на научное исследование, а дело Д. Деннета, очевидно, состоит в том, чтобы убеждать, а не в том, чтобы объяснять.

Такая интерпретация натурализма поддерживается и российским философом Владимиром Кирилловичем Шохиним, который в своей статье «Феномен атеистического фидеизма» отмечает, что вступать в конкурентное состязание с религией может только другая религия. Тот пафос, с которым атеистическое мировоззрение, воплощенное на разных исторических этапах в разных идеологиях, обрушивается на веру в Бога, свидетельствует об иррациональной вере в несуществование Бога, которая «“феноменологически” от любой другой веры не отличается» [10. С. 10]. «Сам общепризнанный миф, – продолжает В.К. Шохин, – об Эволюции как не только о корректоре или хотя бы редакторе развития форм жизни (с этим согласились бы и теисты), но и об их авторе, который осуществляет, будучи совершенно слепым и бессознательным, неправдоподобную последовательную и целеполагающую генерацию этих форм от бактерий и планктона до той формы, что дала возможность появиться шекспировским трагедиям, баховским хоралам, кантовским “критикам” или Интернету, свидетельствует о величайшей вере, презирающей любую “ползучую рациональность”» [10. С. 10].

Однако нужно отметить, что не всегда аналогия между натуралистическим мировоззрением и религией воспринимается в критической литературе как основание для дискредитации натурализма. Некоторые исследователи, напротив, рассматривают близость натуралистической трактовки мира в целом и человека в частности к некоторым установкам древнейших религий как доказательство научной адекватности

натурализма. Так, например, американский исследователь Уильям Симпсон в своей работе «Мистическая позиция: опыт преодоления самости и “центр нарративной гравитации” Дэниела Деннета» отмечает, что антропологические идеи философии Д. Деннета, связанные с преодолением классического представления об автономном мыслящем субъекте, близки многим древнейшим религиозным традициям. Мистические движения в буддизме, индуизме, христианстве и исламе предлагают преодоление самости в качестве одного из самых важных этапов на пути спасения, трактовки которого хотя и различаются, однако в этом антропологическом аспекте имеют много общего. У. Симпсон рассматривает натуралистическую трактовку человека как продолжение и развитие древней интуиции о пользе преодоления самости для психического здоровья человека. Сама по себе эта интуиция, с его точки зрения, не имеет религиозной природы, но она была поддержана на протяжении всей истории человечества самыми выдающимися традициями, которыми в древности являлись религиозные движения, а сейчас – натуралистическая психология [11. Р. 473].

Однако вернемся к смерти Фреда. После состязания сторон должен быть вынесен вердикт. Что именно послужило настоящей причиной смерти этого несчастного искусствоведа? Если с натуралистической точки зрения и дилемма, и решение представляются понятными и очевидными, то в контексте теистической интерпретации эта ситуация влечет за собой затруднения фундаментального характера. Действительно, в натуралистической перспективе судье предстоит сделать выбор между реальной причиной, в пользу которой есть неопровержимые свидетельства (землетрясение), и причиной воображаемой (сверхспособности Тома). В то же время теистическое рассмотрение, отвергая в полном согласии с натурализмом сверхспособности Тома как воображаемые, не может остановиться на простой констатации естественного стечения обстоятельств. Должен ли судья, склоняясь к теистической аргументации, выдвинуть

третью причину произошедшего, т.е. обвинить в смерти искусствоведа Бога? Здесь нужно отдать должное автору данного примера, который сформулировал его таким образом, что любое решение судьи в итоге будет свидетельствовать против теистического мировоззрения. Бог может быть признан источником и руководителем эволюционного процесса, символизируемого в данном примере смертью Фреда, но в прямом смысле назвать Бога виновником смерти человека теист не может себе позволить. При этом примечательным является тот факт, что Дэниел Деннет выбирает в качестве аллегории эволюционного процесса именно смерть. Как отмечает известный британский философ Ричард Суинборн, теория эволюции, по сути, и является теорией смерти или теорией уничтожения: «Естественный отбор – это теория уничтожения, она объясняет, почему столь многие из вариантов, предложенных эволюцией, оказались уничтоженными – это произошло потому, что они были непригодны для выживания. Однако эта теория не объясняет, почему такие (уничтоженные) варианты вообще появились» [12. С. 77–78]. Только в телеологической перспективе, считает Р. Суинборн, зарождение всего многообразия живых существ может обрести свое подлинное объяснение.

Иначе говоря, единственным разумным решением судьи в контексте обозначенного примера может стать натуралистический вердикт. Однако ничто не мешает теисту выйти за пределы конкретного примера, если он изначально сформулирован предвзятым образом. В данном примере теистическая позиция не обозначена, поскольку «свидетель профессор Плантинга», образ которого претендует на выражение теистической установки, оперирует неприемлемым для теистов образом Тома, обладающего сверхъестественными способностями. Иначе говоря, натуралистическая интерпретация вопроса о существовании Бога как избыточного требует корректировки и в анализируемом примере Д. Деннета выглядит неубедительно.

Список источников

1. Dennett D.C., Plantinga A. *Science and Religion: are they compatible?* Oxford : Oxford University Press, 2011. 82 p.
2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Весь мир, 2011. 336 с.
3. Коллинз Ф. Доказательство Бога: Аргументы ученого. М. : Альпина нон-фикшн, 2008. 216с.
4. Деннет Д. Опасная идея Дарвина: Эволюция и смысл жизни. М. : НЛО, 1995. 468 с.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : Corpus АСТ, 1989. 237 с.
6. McGrath A. Dawkins' God: Genes, Memes and the Meanings of Life. Wiley-Blackwell, 2013. 208 p.
7. Аналитический теист: антология Алвина Плантинги. М. : Языки славянской культуры, 2014. 568 с.
8. Лушников Д.Ю. Теизм и «новый атеизм»: к вопросу о полемике А. Плантинги и Д. Деннета // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 19–32.
9. Wills B., Hynes D. Biologizing Religion: Dennett's Breaking the Spell // *Toronto Journal of Theology*. 2008. Vol. 24, Is.1. P. 7–20.
10. Шохин В.К. Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 6–18.
11. Simpson W. The mystical stance: The experience of self-loss and Daniel Dennett's "Center of Narrative Gravity" // *Zygon*. 2014. № 49 (2). P. 458–475.
12. Суинборн Р. Есть ли Бог? М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 120 с.

References

1. Dennett, D.C. & Plantinga, A. (2011) *Science and Religion: Are they compatible?* Oxford: Oxford University Press.
2. Habermas, J. (2011) *Mezhdú naturalizmom i religiyey. Filosofskie stat'i* [Between Naturalism and Religion. Philosophical articles]. Translated from German. Moscow: Ves' mir.
3. Collins, F. (2008) *Dokazatel'stvo Boga: Argumenty uchenogo* [The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief]. Translated from

English. Moscow: Al'pina non-fikshn.

4. Dennett, D.C. (1995) *Opasnaya ideya Darvina: Evolyutsiya i smysl zhizni* [Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life]. Translated from English. Moscow: NLO.
5. Dawkins, R.C. (1989) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Translated from English. Moscow: Corpus AST.
6. McGrath, A. (2013) *Dawkins' God: Genes, Memes and the Meanings of Life*. Wiley-Blackwell.
7. Plantinga, A. (2014) *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi* [The Analytic Theist: An Alvin Plantinga reader]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
8. Lushnikov, D.Yu. (2018) Teizm i "novyy ateizm": k voprosu o polemike A. Plantingi i D. Denneta [Theism and "new atheism": on the issue of the controversy between A. Plantinga and D. Dennett]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii*. 1 (2). pp. 19–32.
9. Wills, B. & Hynes, D. (2008) Biologizing Religion: Dennett's Breaking the Spell. *Toronto Journal of Theology*. 1 (24). pp. 7–20.
10. Shokhin, V.K. (2018) Fenomen ateisticheskogo fideizma [The Phenomenon of Atheistic Fideism]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii*. 1 (2). pp. 6–18.
11. Simpson, W. (2014) The mystical stance: The experience of self-loss and Daniel Dennett's "Center of Narrative Gravity". *Zygon*. 49 (2). pp. 458–475.
12. Swinburne, R. (2006) *Est' li Bog?* [Is There a God?]. Translated from English. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana.

Информация об авторе:

Хитрук Е.Б. – д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.B. Khitruk, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.04.2022;
одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 06.04.2022;
approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.65 + 81'322.2
doi: 10.17223/15617793/485/23

Валидация моделей машинного обучения для автоматизированного определения тональности русскоязычных текстов

Полина Александровна Басина¹, Дарья Олеговна Дунаева², Анна Юрьевна Саркисова³

^{1, 2, 3}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ basina@data.tsu.ru

² ddo@data.tsu.ru

³ sarkisova@data.tsu.ru

Аннотация. Приводятся результаты валидации 6 моделей машинного обучения для определения тональности русскоязычных публикаций по тематике качества жизни населения. Используются коэффициенты межannotаторского согласия – альфы Кrippendorфа, каппа Коэна и каппа Флейса. Полученные значения коэффициентов показали низкий уровень надежности между экспертными метками и метками, которые были присвоены моделями. Сделаны выводы о наиболее частых причинах разногласий при определении тональности моделями машинного обучения.

Ключевые слова: анализ тональности, машинное обучение, валидация моделей, распознавание эмоций, коэффициенты межannotаторского согласия, альфа Кrippendorфа, каппа Коэна, каппа Флейса, автоматизированная обработка текстов на русском языке, качество жизни

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

Для цитирования: Басина П.А., Дунаева Д.О., Саркисова А.Ю. Валидация моделей машинного обучения для автоматизированного определения тональности русскоязычных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 206–216. doi: 10.17223/15617793/485/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/23

Validation of machine learning models for automated sentiment determination of Russian-language texts

Polina A. Basina¹, Darya O. Dunaeva², Anna Yu. Sarkisova³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ basina@data.tsu.ru

² ddo@data.tsu.ru

³ sarkisova@data.tsu.ru

Abstract. Sentiment analysis is one of the most demanded natural language processing operations for solving applied problems. One of the key methods of automated sentiment analysis is supervised machine learning. In the presence of a large selection of ready-made solutions for determining the tonality, the results of the models give significant errors due to the complexity and contextual conditionality of the linguistic explication of emotions. The article presents the results of the validation of 6 models for determining the sentiment of Russian-language publications using a research validation dataset – expertly marked 300 statements extracted from social network messages on the subject of quality of life and corresponding to one of the sentiment types: positive, negative, neutral. To evaluate the performance of the models, interannotator agreement coefficients were used, in particular, Krippendorff's alpha, Cohen's kappa and Fleiss's kappa coefficients. The obtained values of the coefficients showed a low level of reliability between the expert labels and the labels that were assigned by the models. Among the experiments performed, the lowest agreement coefficients were achieved for the Blanchefort model trained on Rusentiment data, and the highest for the model of the same developer trained on medical feedback data. Based on the results obtained, conclusions were drawn about the most common causes of disagreements in determining sentiment by machine learning models. Machine learning models correctly identify the tone of texts if they contain bright lexical markers that match in tone the general tone of the statement. On the contrary, problems in determining the tone of an emotionally charged message by the model are provoked by the presence of a word with the opposite

tone in it. The use of emotive vocabulary that does not match the tone of the entire statement, the presence of marker words not in their direct meanings, the use of uppercase, forms of complicated communication (including irony, sarcasm) remain risk factors for attracting automated analysis resources: with a high degree of probability the automatic classification model will not be able to correctly determine the tone of the text. The main reason for the “difficulties” of the automated determination of sentiment is the complexity of the task of focusing on the utterance as an integral unit and the refusal to focus on individual formal indicators. The utterance is the minimum communicative unit of speech. Capturing its semantic and emotionally expressive integrity is a super task for machine learning models in sentiment analysis. So, it is still quite difficult to trust machine learning models in solving such a complex task as automated categorization of emotions. It is advisable to associate the prospects for research directions in this area, first of all, with the development of high-quality, linguistically sound training datasets.

Keywords: sentiment analysis, machine learning, model validation, emotion recognition, inter-annotator agreement coefficients, Krippendorff’s alpha, Cohen’s kappa, Fleiss’s kappa, quality of life, well-being

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00480.

For citation: Basina, P.A., Dunaeva, D.O. & Sarkisova, A.Yu. (2022) Validation of machine learning models for automated sentiment determination of Russian-language texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 206–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/23

Введение

Одним из наиболее актуальных направлений компьютерной лингвистики является сентимент-анализ [1], который находит практическое применение в социологии, маркетинге, безопасности, финансовой сфере, политике и др. (см., например, [2–5] и др.). Сентимент-анализ включает в себя два основных блока: 1) анализ тональности – классификацию текстов на основе эксплицированного в них эмоционального отношения авторов к предмету речи; 2) извлечение мнений – выделение из корпуса текстов всех эмоционально-оценочных отзывов о конкретных заданных объектах.

Анализ тональности может осуществляться вручную или автоматизировано. На сегодняшний день ручная разметка текстов, безусловно, обеспечивает более корректный и качественный результат, позволяя учитывать специфику исследовательской задачи, однако увеличивающиеся объёмы данных, равно как и важность временного фактора в эффективности их обработки при современном темпе социальных, экономических, политических изменений, актуализируют задачу совершенствования методов автоматизированного определения тональности.

Разрабатываются такие методы автоматизированного анализа тональности, как генерация правил, использование тональных словарей, построение теоретико-графовых моделей, машинное обучение с учителем или без учителя, а также гибридные методы. Недостатками всех методов, требующих привлечения словарей, являются низкая универсальность, высокая трудоёмкость, необходимость большого объёма слов, потребность в обновляемости словарей, наличии специализированных словарей и др. В зарубежных исследованиях идёт активный поиск решений для совершенствования процедуры автоматизированного анализа тональности на основе методов с использованием словарей [6–10]. Тормозящим фактором также является тот, что готовые технические решения в области автоматизированного определения тональности сильно зависимы от конкретного языка. В работе А.А. Двойниковой, А.А. Карпова [11], содержащей

обзор подходов к анализу тональности русскоязычных текстовых данных, отмечается, что на начало 2020 г. в свободном доступе удалось найти четыре тональных словаря и семь текстовых корпусов, предназначенных для задачи сентимент-анализа текстов на русском языке [11. С. 23].

В нашем исследовании внимание концентрируется на машинном обучении с учителем. При данном подходе используется «обучающая выборка» – вручную размеченные по тональностям тексты, на которых обучается модель с целью последующего использования данной модели для автоматизированной классификации коллекции текстов намного большей размерности. Технологиям автоматизированного определения тональности с использованием машинного обучения посвящены, например, последние работы [12–16].

В использовании метода машинного обучения для обработки текстов первостепенную роль играет качество обучающей выборки. Сама модель превращается в «чёрный ящик», выдающий решение под ключ; в то время как именно разметка текстов может быть максимально научно обоснованной. Эффективность модели в распознавании тональности определяется 1) качеством обучающей выборки; 2) допустимой степенью возможности категоризации эмоций и автоматизации их определения в целом; 3) способами создания векторных представлений текстов и самой моделью (архитектурой).

Последний критерий нуждается в комментарии, так как далее он затрагиваться в статье не будет.

В рамках представленного эксперимента были использованы модели RuBERT.

RuBERT представляет собой нейронную сеть BERT, основанную на архитектуре трансформер, которая была обучена на русскоязычных данных. С 2018 г. упомянутая архитектура занимает лидирующие позиции в обработке естественного языка. Она основана на механизме внимания (attention), что позволяет модели обращать внимание на разные части текста и лучше понимать закономерности, необходимые для решения задачи. Результаты модели BERT показали значительный прирост по сравнению с предыдущими SOTA-решениями [17].

Эффективность работы алгоритмов для задач текстовой классификации зависит от многих факторов, где одними из значимых являются язык и источник данных. Популярными и эффективными алгоритмами классификации русскоязычного контента социальных сетей признаются рекуррентные нейронные сети (LSTM, GRU, BiLSTM). Однако на сегодняшний день предобученная на большом корпусе русскоязычных данных модель RuBERT показывает лучшие результаты [18–22]. Например, в 2020 г. А. Голубев и соавт. [20], используя пять российских наборов оценок («ROMIP-2013» и «Twitter SentiRuEval 2015–2016»), провели тестирование стандартных архитектур нейросетевых моделей (CNN, LSTM, BiLSTM) и моделей-трансформер RuBERT. Во-первых, важно отметить, что в случае моделей BERT предварительная обработка не оказывает значимого влияния (изменение около 0,01%). Во-вторых, в рамках поставленной задачи модель RuBERT-NLI показала лучшие результаты. Интересно, что один из участников «SentiRuEval-2015» загрузил ручную аннотацию тестового набора данных Telecom. Авторы отмечают, что лучшие результаты BERT очень близки к ручной маркировке [20]. Также данный тезис был подтвержден в нашем исследовательском опыте [23].

Наиболее актуальное направление исследований в данной области, таким образом, имеет лингвистический и психолингвистический вектор. Необходим поиск адекватных лингвистических (разного уровня) маркеров с учётом их функционирования в многообразии контекстов, которые будут обеспечивать точность отнесения включающих их высказываний к одному из типов тональности (насколько это вообще возможно).

Объективными лингвистическими трудностями автоматизированной детекции тональности являются категоризация сложных эмоций; многообразие и нестандартность формы выражения, затрудняющие идентификацию эмоции; зависимость от контекста – вплоть до антонимичной семантики эмоции при изолированном извлечении объективирующих её слов и фраз; лексическая полисемия; средства непрямого коммуникации; подтекст и имплицитность смыслов; наличие интегративных и дифференцирующих маркеров для каждой эмоции; несводимость общей тональности текста к тональности эмотивных слов; необязательная зависимость между частотностью позитивно/негативно окрашенной лексики и тональностью текста в целом и т.д. (см. также [24. С. 231–232; 25. С. 83]). К осложняющим факторам при работе с текстовыми данными большой размерности относятся количество шума в текстах, наличие спама в форме мнений, желательность обучающей выборки большого размера, требующей краудсорсинга. Для сложных шкал эмоций значимо также отсутствие в современной психологии чёткой классификации эмоций [25. С. 83].

Цель данного исследования – уточнить некоторые системные лингвистические трудности автоматизированного определения тональности с использованием методов машинного обучения с учителем посредством валидации ряда моделей, ориентированных на

обработку русскоязычных текстов, и анализа разногласий в результатах.

Материал и методы

Описание материала. Материал для тестирования моделей (для создания валидационного датасета) извлечён из наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/>). Социальные сети – это динамичная среда, удобная для получения картины общественного мнения, так как она количественно репрезентативная и требует сравнительно небольших временных и материальных исследовательских ресурсов [26]. Автоматизированный сбор данных осуществлялся с помощью открытого API «ВКонтакте» [27].

В исходном датасете были представлены сообщения из региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте» за 2020–2021 гг. [28], общее количество постов составило 88 733. С помощью алгоритма автоматической классификации [23] были отобраны только те сообщения, которые описывают социальную, политическую или экономическую жизнь региона (35 135 постов), далее были отфильтрованы и исключены сообщения с информационной тональностью – новости и объявления: «...формальные тексты существенно отличаются от неформальных по структуре и лексике и поэтому требуют другого подхода» [29. С. 44]. В результате был получен датасет, включающий в себя 1 500 постов, в которых содержится информация о социально-политической жизни в регионах РФ с выраженным отношенческим компонентом.

Исследовательский валидационный датасет включает извлечённые вручную текстовые фрагменты (как правило, ограниченные одним предложением) (далее – высказывания), которые более или менее однозначно можно отнести к одному из типов тональности: позитивному, негативному или нейтральному. Датасет составил 300 единиц – по 100 текстов каждой тональности.

Валидационный датасет представляет собой результат авторской выборки и авторской разметки по тональностям искомым текстов. В разделе «Принципы разметки валидационного датасета» описано, руководствуясь какими критериями авторы данной статьи размечали тексты по категориям.

О выборе шкалы тональности. В исследовательской практике используются разные шкалы тональностей: бинарная (положительная или отрицательная оценка), тернарная (положительная, отрицательная, нейтральная оценки), многоклассовая (расширенное количество более детализированных классов), дискретная (присвоение каждому тексту оценочного индекса, выраженного числом; не только наличие сентимента, но и интенсивность). Для решения некоторых задач «шкала тональности мнений должна быть гибкой, ориентированной на построение как абсолютных, так и сравнительных оценок» [30. С. 138].

В настоящем исследовании выбрана тернарная шкала тональности.

С одной стороны, было решено отказаться от сложных шкал. Исследование выполняется в рамках задачи построения индексов субъективного качества жизни [31]. «Субъективное» качество жизни как предмет анализа предполагает внимание именно к восприятию самим человеком уровня своего благополучия (в данном случае – зафиксированному им в социальных сетях). Оценка субъективного благополучия складывается из того, какие тематики преобладают в публикациях (что пишут), и того, какое эмоционально-экспрессивное отношение в них выражается (как пишут). Позитивное отношение означает, что сообщение содержит некоторую положительную оценку или выражение одобрения какой-либо новости или ситуации, упомянутой в сообщении; отрицательное отношение означает, что оно содержит неодобрение, негодование по отношению к содержанию сообщения; нейтральное отношение означает, что сообщение является чисто информативным и не содержит никакой оценки.

Отказ от сложных шкал позволяет предупредить риски повышения субъективности индекса, вызванные разночтениями в интерпретации большого количества эмоций.

С другой стороны, бинарная шкала, хотя и используется для анализа тональности текстов в социальных сетях [32], требует предварительной селекции текстов. Логично, что «применение бинарной шкалы тональности допустимо только при наличии предварительного этапа фильтрации объективных суждений и нейтральных мнений» [30. С. 137].

Принципы разметки валидационного датасета

При присвоении тональности высказыванию контекст извлечённых высказываний не учитывался. Эмоциональная окраска высказываний оценивалась в их изолированном виде.

Например:

– «Я рыдаю от бессилия» (negative), «Люди оторваны от остальной части города, а ещё спецслужбы не смогут приехать вовремя на вызов» (negative).

– «Были приведены в порядок территория и детская площадка» (positive), «Сайт сделан так, что граждане легко могут разобраться в нем вне зависимости от возраста» (positive).

– «Во всем регионе введен режим самоизоляции» (neutral), «Таким образом, выходными днями объявляются с 1 по 11 мая» (neutral).

При разметке высказываний не учитывались наличие и характер эмотивной лексики или других формальных элементов текстов. Принципиальное значение имела только общая оценочно-смысловая нагрузка высказывания.

Интерес представляла именно эмоциональная оценка с точки зрения говорящего. Если она никоим образом не выражена в рамках самого высказывания, то высказывание относилось к нейтральным. Например, нейтральными являются высказывания: «При этом четверть (24,5%) участников опроса отказались верить в существование эпидемии, а еще 9,1%

считают опасность преувеличенной», или «Ситуацию в министерстве на момент публикации не прокомментировали», или «В этот период во всех образовательных организациях происходят изменения».

Важным моментом также является то, что анализу подлежит именно пропозиция самого высказывания. Пресуппозиции не влияют на итоговую тональность. Оценочно-смысловую модальность высказывания определяет прежде всего его предикативное ядро.

Например, высказывание «Суд признал экс-бухгалтера окружной больницы виновной в мошенничестве» является нейтральным, несмотря на то, что говорящий даёт негативную оценку экс-бухгалтеру (считает её «мошенницей»). Аналогично нейтральным является высказывание «Убийцу из монастырской пекарни в Тверской области взяли под стражу» (говорящий присваивает лицу негативный ярлык «убийца», но высказывание посвящено не этому).

В случае сложных предложений приоритетной для определения доминантной тональности высказывания оказывается оценка, выраженная в главном предложении сложноподчинённых предложений или логически главная – в сложносочинённых. Например, в высказывании «Возможно, не все в курсе, но УК рекомендовано активно продолжать обрабатывать подъезды» смысловой акцент, определяющий тональность, – на рекомендациях УК, а не на том, что «не все в курсе».

В целом разметка определялась, в первую очередь, не формализованными параметрами, а целостным смыслом высказывания. Последнее определяло как коннотативный макрокомпонент его семантики, так и прагматическую интенцию говорящего.

Отбор моделей для валидации

Для тестирования были выбраны обученные под целевую задачу (определение тональности) модели, размещённые на сайте <https://huggingface.co/>. Hugging Face – это сообщество и платформа для изучения данных, которая предоставляет инструменты, позволяющие пользователям создавать, обучать и развертывать модели ML на основе кода и технологий с открытым исходным кодом (OS). Также Hugging Face представляет собой коммуникативную площадку для широкого круга специалистов по обработке данных, исследователей и инженеров ML, каждый из которых может внести свой вклад в проекты с открытым исходным кодом (см.: <https://towardsdatascience.com/whats-hugging-face-122f4e7eb11a>).

При отборе моделей мы руководствовались следующими критериями: 1) целевой задачей – определением тональности текстового сообщения; 2) тернарной системой шкалирования – дифференциацией позитивной, негативной и нейтральной тональностей; 3) языком – русским. Данным требованиям соответствовала 21 модель (<https://huggingface.co/models?language=ru&sort=downloads&search=sentimen>). В качестве четвёртого критерия выделено количество ска-

чиваний как показатель популярности и востребованности модели: определён порог – 30 скачиваний.

Результатом отбора стали 6 моделей RuBERT (табл. 1). В каждой модели используются следующие метки: 0 – NEUTRAL, 1 – POSITIVE, 2 – NEGATIVE.

Т а б л и ц а 1

Список моделей машинного обучения, отобранных для валидации

№ модели	Название модели (ссылка)	Название датасета	Объем (кол-во сообщений)	Тематика
1	Tatyana/rubert-base-cased-sentiment-new (https://huggingface.co/Tatyana/rubert-base-cased-sentiment-new)	Агрегированный корпус, состоящий из общедоступных датасетов для анализа тональности русскоязычных текстов	323 320	Смешанные темы
2	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment (https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment)	Агрегированный корпус, состоящий из общедоступных датасетов для анализа тональности русскоязычных текстов (состав датасетов отличается от представленной выше модели)	351 797	Смешанные темы
3	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rusentiment (blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rusentiment)	RuSentiment	31 185	Общая тематика (посты социальной сети)
4	cointegrated/rubert-tiny-sentiment-balanced (https://huggingface.co/cointegrated/rubert-tiny-sentiment-balanced)	Наборы данных, собранных Сметаниным	574 907	Смешанные темы
5	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rureviews (https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rureviews)	RuReviews	60 000	Женская одежда и аксессуары
6	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med (https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med)	Отзывы о медучреждениях	172 074	Медицинские отзывы

Справедливо отметить, что отбор моделей не учитывал тематику использованных в них обучающих датасетов. Рассмотрению подлежали все модели, соответствующие перечисленным выше критериям. Несмотря на то, что в данной статье акцент делается на универсальных лингвистических и процедурных факторах подготовки обучающих выборок, необходима оговорка о том, что несоответствие тематик текстов также, безусловно, влечёт за собой известную погрешность.

Методика выявления степени согласованности

Одним из известных и наиболее простых методов для оценки качества аннотирования является сравнение аннотаторов (в нашем случае предсказанных меток моделей) с некоторым золотым стандартом – правильными ответами, которые мы принимаем за истину. Популярным решением является расчет межаннотаторского соглашения – показатель согласия между аннотаторами (в нашем случае – между истинным ответом и предсказанными моделями классами). В представленной работе мы используем межаннотаторское согласие для определения того, можем ли мы доверять общедоступным моделям – согласуются ли наши представления об эмоциональной окраске текстов с теми, которые научились определять модели с помощью обучающих данных.

Коэффициент альфа Кrippендорфа (Krippendorff's alpha) позволяет определить общее согласие в наборе данных; также используются альтернативы данного коэффициента каппа Коэна (Cohen's kappa) и каппа Флейса (Fleiss's kappa) [33].

Методы интерпретации данных

Для интерпретации результатов использовались:

- 1) анализ коэффициентов согласия моделей с экспертной разметкой и между собой;
- 2) качественный анализ разногласий, лингвистический анализ «трудностей» автоматизированного определения тональности текста.

Результаты и обсуждение

Полученные коэффициенты позволяют сделать вывод о крайне низкой степени согласованности моделей с экспертной разметкой. Коэффициенты согласия моделей с экспертной разметкой представлены в табл. 2.

В случае с альфа Кrippендорфа надежным признается коэффициент согласия в интервале от 0,8 и выше [34]. Ни одна модель не показала хороший результат по этому коэффициенту.

Лэндис и Кох предложили следующую интерпретацию коэффициентов каппа [35]: значения ≤ 0 указывают на отсутствие согласия, 0,01–0,20 – незначительное отсутствие, 0,21–0,40 – справедливое, 0,41–0,60 – умеренное, 0,61–0,80 – существенное и 0,81–1,00 – почти полное согласие. Согласно рассмотренному определению, по критерию каппа Коэна модели № 1–5 демонстрируют схожие результаты и справедливую степень согласия (коэффициенты каппа Коэна = 0,34–0,37), а модель № 6 – умеренную степень согласия (коэффициент каппа Коэна = 0,42). Однако следует учитывать, что данная интерпретация не является общепринятой.

Таблица 2

Коэффициенты согласия моделей с экспертной разметкой

№ модели	Модель	Альфа Кrippendorфа	Каппа Флейса	Коэффициент согласия Каппа Козна
1	Tatyana/rubert-base-cased-sentiment-new	0,33	0,32	0,34
2	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment	0,33	0,32	0,34
3	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rusentiment	0,27	0,27	0,34
4	cointegrated/rubert-tiny-sentiment-balanced	0,33	0,32	0,34
5	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rureviews	0,36	0,36	0,37
6	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med	0,39	0,39	0,42

В случае каппа Флейса самые плохие результаты показала модель № 3 (0,27), модели № 1, 2, 4 демонстрируют немного лучшие результаты (0,32). У моделей № 5 и 6 самые высокие результаты по этому критерию – 0,36 и 0,39 соответственно.

Таким образом, результаты моделей в целом слабо согласуются с результатами ручной разметки согласно выделенным коэффициентам межжантового соглашения; самые высокие значения коэффициентов

согласия среди представленных расчетов демонстрирует модель № 6 (blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med).

Для того чтобы подробнее проанализировать разногласия между экспертной разметкой и тестируемыми моделями, обратимся к табл. 3, в которой указано количество сообщений в разрезе по трем типам тональностей, классифицированных вручную и моделями.

Таблица 3

Количество сообщений, соответствующих каждому типу тональности

№ модели	Название	POSITIVE		NEUTRAL		NEGATIVE	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
	<i>Экспертная разметка</i>	100	33	100	33	100	33
1	Tatyana/rubert-base-cased-sentiment-new	53	17	154	51	93	31
2	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment	53	17	154	51	93	31
3	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rusentiment	44	14	224	75	32	11
4	cointegrated/rubert-tiny-sentiment-balanced	52	17	188	63	60	20
5	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rureviews	56	18	158	53	86	29
6	blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med	110	36	10	3	180	61

Лучше всех позитивную тональность сообщений определяет модель № 6 (обучена на медицинском контенте) – расхождение с экспертной разметкой составляет всего 3%. Все остальные модели определили в два раза меньше позитивных сообщений по сравнению с экспертной разметкой. Сообщения с негативной тональностью модели определяют значительно лучше, можно выделить модели № 1, 2 и 5. Доля негативных сообщений, которые они обнаружили в датасете, отличается от экспертной разметки не более чем на 4%. Стоит отметить, что модель № 6, показавшая наилучшие результаты по определению позитивных сообщений, к негативу относит почти в два раза больше сообщений по сравнению с экспертной разметкой (61%). Эта модель практически не выявляет нейтральную тональность, классифицируя сообщения почти бинарно. Нейтральные сообщения плохо определяют и все остальные модели – их количество значительно больше, чем в экспертной разметке (на 18–42%).

Совпадение долей сообщений по каждой категории не является автоматически показателем качества той или иной модели. Для определения качества необходимо понять, какие сообщения эксперт и модели оценивают одинаково, а по каким у них возникают разногласия. Для этого обратимся к примерам сообщений по каждой тональности.

Для начала отметим, что в датасете присутствует 28 сообщений, по которым абсолютно все модели согласны с экспертной разметкой. Среди них 10 негативных, 5 нейтральных и 13 позитивных.

Основная особенность эмоционально окрашенных высказываний (позитивных или негативных) из этой группы – наличие в них ярких лексических маркеров, совпадающих по тональности с общей тональностью высказывания.

Так, негативные тексты включают слова-маркеры: «вредители», «хуже», «кошмар», «рухлядь», «хамский», «ужас», «убожество» и т.п. Например, высказывание «*Это – вредители, причем действуют целенаправленно, чтобы было всем ещё хуже*» все модели безошибочно категоризировали как негативное. Другие примеры негативных текстов, не вызвавшие трудностей у моделей: «*Такое ощущение что мы живем в промышленной зоне, рядом жилых домов нет, только через дорогу, и никому до нас нет дела*»; «*Доколе этот ужас будет в центре Магистрального проезда?*».

Правильно определённые позитивные сообщения включают такие слова-маркеры, как «прекрасно», «хорошо», «удобно», «красивый», «уникальный», «лучшие», «отличный», «не хуже», «вкусно», «спасибо», «добрые дела», «уютно», «добрый», «супер» и пр. При этом вновь эмоциональный посыл ни одного высказывания не противоречит эмоциональной окраске данных слов. Например: «*Субботник – это прекрасный способ проявить наше желание жить в красивом мире!*»; «*В нашем инфекционном отделении Снежинска самые лучшие в мире врачи и медсестры!*».

Единогласно идентифицированные нейтральные сообщения не содержат эмоционально окрашенных слов, междометий, а также восклицательных знаков.

Примеры текстов: «Обсудили ситуацию на встрече со службами территориальной администрации и мэрии г. Ярославля»; «Рассказываем, как так получилось».

Таким образом, модели хорошо определяют тональность коротких сообщений, выражающих одну мысль, содержащих непротиворечивую эмотивную лексику. Для классификации такого рода текстов модели можно считать релевантными, вероятнее всего они будут показывать хорошие результаты, однако требуются дополнительные тесты.

Также в датасете обнаружено 14 сообщений, где все 6 моделей не согласны с экспертной разметкой, а зачастую и между собой. Среди них 11 позитивных, 2 нейтральных и 1 негативное.

Анализ данных высказываний показывает, что проблемы при определении моделью тональности эмоционально окрашенного сообщения провоцирует наличие в нём слова с противоположной тональностью. Например, позитивное высказывание «Скоро безобразия закончатся» 4 модели категоризировали как негативное, 2 – как нейтральное.

При лингвистически корректном определении тональности в данном случае слово «закончатся» (позитив) оказывается важнее слова «безобразия» (негатив), потому что оно является предикатом данного высказывания и его ремой. Это тот фокус пропозиции, ради которого создавалось автором данное высказывание. Слова в синтаксической конструкции не равноценны с точки зрения семантики и прагматики целостного высказывания – что представляет при машинном обучении несомненную трудность. (Единственно верное решение её видится во включении в обучающую выборку множества подобных примеров: где слово противоречит по тональности высказыванию в целом. Необходимым условием при этом является качественная разметка).

Еще одной причиной «трудностей» моделей можно считать лексическую полисемию, использование слов в переносном значении: «Вооружившись необходимым инвентарем, участники уборки с энтузиазмом принялись за работу» (наличие маркера «вооружившись» приводит к ошибкам моделей).

Разногласия в результатах обуславливаются также наличием одновременно позитивных и негативных маркеров в одном высказывании: «Благодаря мусороперерабатывающему комбинату пластик, картон, макулатура, жёст, алюминий, полиэтилен получают новую жизнь, а не будут десятилетиями гнить и тлеть на полигонах».

Выявлено также, что текст, написанный в верхнем регистре, модели иногда автоматически расценивают как негативно окрашенный, потому что традиционно в социальных сетях заглавными буквами принято писать срочные объявления или выражать агрессию – «РАБОТНИКИ МАРИЭНЕРГО ПОМОГЛИ БЛАГОУСТРОИТЬ ПАМЯТНИК УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ». Модель не учитывает смысл сообщения в данном случае, несмотря на наличие «позитивных» слов-маркеров «помогли» и «благоустроить».

Одно из сообщений, отмеченных в экспертной разметке как нейтральное, модели посчитали позитивным:

«В наше время здоровье очень важная вещь. Это самый дорогой подарок». В сообщении констатируется важность здоровья, а не его наличие в конкретном случае (что означало бы позитивную тональность). Модели же, реагируя на слова «здоровье» и «подарок», определяют сообщение как позитивное. Строго говоря, в данном высказывании есть авторская оценка (субъективное отношение к здоровью), но измерить её по шкале «хорошо – плохо» невозможно, что вновь ставит вопросы как о выборе шкалы, так и о термине «нейтральное высказывание».

Второе нейтральное с точки зрения экспертов сообщение модели отметили негативным – вновь по причине наличия «негативного» слова-маркера: «Вы управляете транспортными средствами повышенной опасности».

Модели полностью не согласны только с одним негативным, согласно экспертной разметке, сообщением. Трудность обусловлена тем, что в сообщении содержится ирония: «Видимо это большой труд – убраться за собой».

Итак, использование эмотивной лексики, не совпадающей по тональности с тональностью всего высказывания, наличие слов-маркеров не в прямом значении, использование верхнего регистра, формы осложнённой коммуникации (в том числе иронии, сарказма) остаются факторами риска для привлечения ресурсов автоматизированного анализа: с большой долей вероятности модель автоматической классификации не сможет корректно данные тексты «прочитать». Поэтому на сегодняшний день использование таких моделей для анализа авторских текстов, написанных в разговорном стиле в открытых источниках, даёт низкие результаты и требует разработки новых подходов для обучения моделей.

Анализ примеров текстов, показавших частичные совпадения результатов экспертной разметки и моделей, дал несколько наблюдений.

1. Модель может реагировать на нестандартный порядок слов, фамильярные обращения, стык официальной и неофициальной лексики. (Например, высказывание «Знаете ли вы, дорогие друзья, что в столичном микрорайоне Лесозавод действует один из лучших в Северо-Западном федеральном округе Центр восстановления личности “Пробуждение”?» определено тремя моделями как негативное, двумя – как нейтральное, только одной – как позитивное).

2. Эмоциональный синтаксис, кричащая пунктуация – признак негативной тональности для ряда моделей (Например, высказывание «Никогда не сомневались, что сургутские педагоги – лучшие!!! И сегодня получили очередное подтверждение этому» определено тремя моделями как негативное, несмотря на лексический маркер «лучшие»).

3. Ведущей причиной ошибок моделей остаётся несоответствие присутствующего лексического маркера общей тональности высказывания (Примеры: «Прекрасная русская забава: 25 декабря в снег затопать асфальт, а 27-го ломать экскаватором»; «Только благодаря поддержке Бердникова С.Н. и официального представителя администрации города, нам удаётся решать многие проблемы посёлков!»).

Основной причиной трудностей автоматизированного определения тональности видится сложность задачи фокусировки на высказывании как целостной единицы и отказ от фокусировки на отдельных формальных индикаторах.

Высказывание является минимальной коммуникативной единицей речи. Уловить его смысловую и эмоционально-экспрессивную целостность – сверхзадача для моделей машинного обучения в сентимент-анализе.

Заключение

По результатам исследования представляются следующими следующие выводы.

1. Для совершенствования качества результатов автоматизированного определения тональности текстов с использованием машинного обучения с учителем ключевую роль играет качество обучающей выборки. В обучающую выборку необходимо включать большое количество разнотипных по способу выражения эмоций текстов, в том числе содержащих и не содержащих слова с коннотацией; одновременно содержащих слова с противоположными оценками; репрезентирующих непрямую коммуникацию, иронию и сарказм; включающих лексику, отличающуюся тональностью от общей тональности текста и др. Объём выборки и очистка от шума также повышают эффективность обучения модели.

В некоторых апробированных моделях для обучения было использовано объединение общедоступных датасетов. То есть это могли быть как датасеты разного тематического домена, так и отличные с точки зрения поставленной задачи (определение токсичных высказываний, оценка тональности) и форматов используемых речевых стилей – пост и отзыв (отзыв имеет цель – оценить что-то, пост – не всегда). В свою очередь, такое объединение приводит к дисбалансу, например, тематических доменов, в итоговой выборке.

Также важно учитывать, что различные датасеты используют различные оценочные шкалы. Таким образом, приведение разных датасетов к тернарной шкале тоже представляет собой достаточно субъективный вопрос (например, когда из 5-балльной шкалы создается тернарная шкала). В каждом ли датасете будет справедлив такой перевод? Будут ли равны содержательно в таком случае одинаковые классы?

2. Необходима тщательная согласованность инструкций по аннотированию данных: договорённость о терминах, прозрачная логика разметки, унифицированные принципы категоризации данных. В частности, остаётся дискуссионным понятие «нейтрального» текста. Это текст, не окрашенный эмоционально? Или текст, по которому невозможно определить, положительной является его эмоциональная окраска или отрицательной? Является ли нейтральным текст, содержащий информацию о негативном/позитивном событии, но не содержащий эмоциональной оценки говорящего («На трассе произошло ДТП»)?

Различение пресуппозиции и пропозиции, учтённое при разметке валидационного датасета, представ-

ляется важным принципом подготовки обучающих выборок, который должен отражаться в инструкциях для разметчиков. Тональность как категориальный признак высказывания (отдельной и целостной смысловой единицы) должна быть зависима от пропозиции высказывания. На настоящий момент добиться такой зависимости от машины если и возможно, то только путём строгого соблюдения данного принципа в обучающих выборках. Речь, разумеется, не идёт об экстраполяции уникальных пропозиций и пресуппозиций на другие тексты, но о лингвистически корректной разметке в каждом отдельном случае.

3. В рассмотренных нами решениях при формировании обучающих данных использованы разные способы получения меток (например, ассесоры или автоматически проставленные метки за счёт базовой оценки отзывов). В таком случае является невозможным получение информации о том, какими правилами руководствовались пользователи при проставлении той или иной оценки в своем отзыве. В данном случае мы имеем субъективный эффект: 5 звезд для одного пользователя и 5 звезд для другого являются эквивалентными значениями?

4. В рассматриваемой задаче было необходимо присвоить высказыванию (тексту) одну тональность (а не найти в нём эмоционально нагруженные отдельные элементы, которых может оказаться и несколько и которые могут характеризоваться противоположными по отношению друг к другу коннотациями). Таким образом, ее решение требует от машины выхода на синтаксический уровень. Искусственному интеллекту на современном этапе трудно работать с высказыванием как целостной единицей. Исследование показало, что в основном его возможности остаются на уровне слова, максимум связи слов. Если в высказывании есть оценочное слово, не совпадающее с оценочной семантикой всего высказывания, почти наверняка модели будут выдавать ошибки.

5. Очевидно, по этой причине моделям оказывается проще верно идентифицировать негативные и позитивные сообщения. Нейтральные сообщения, не имеющие явных индикаторов, сложнее поддаются идентификации. (Сказывается также неопределённость термина). То, что модели ошибочно выделяют больше нейтральных высказываний по сравнению с экспертной разметкой, объясняется частым отсутствием в данных текстах эмотивной лексики или других формально вычленимых признаков экспликации эмоции.

6. В качестве практической рекомендации для определения тональности русскоязычных текстов, опубликованных в социальной сети «ВКонтакте» и связанных с экономическими и социально-политическими темами, сегодня может быть предложено использовать лучшую по нашим результатам модель `blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med` (<https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-med>).

Итак, моделям машинного обучения в решении такой сложной задачи, как автоматизированная категоризация эмоций, сегодня доверять ещё достаточно

трудно. Перспективы направлений исследований в данной области целесообразно связывать, в первую очередь, с проработкой качественных, лингвистически обоснованных обучающих датасетов.

Список источников

- Pang B., Lee L. Opinion mining and sentiment analysis // *Foundations and Trends in Inf. Retrieval*. 2008. № 2 (1–2). P. 1–135.
- Das N., Sadhukhan B., Chatterjee T., Chakrabarti S. Effect of public sentiment on stock market movement prediction during the COVID-19 outbreak // *Social Network Analysis and Mining*. 2022. Vol. 12 (1). P. 92.
- Ghobakhloo M., Ghobakhloo M. Design of a personalized recommender system using sentiment analysis in social media (case study: banking system) // *Social Network Analysis and Mining*. 2022. Vol. 12 (1). P. 84.
- Umair A., Masciari E., Ullah M.H.H. Sentimental Analysis Applications and Approaches during COVID-19: A Survey // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2021. P. 304–308.
- Zhu Y., Hu J., Li B. Purchasing Warning Mechanism Based on Text Sentiment Analysis // *Journal of Uncertain Systems*. 2022. Vol. 15 (2). P. 2250006.
- Alshari E.M., Azman A., Doraisamy S., Mustapha N., Alkeshr M. Effective Method for Sentiment Lexical Dictionary Enrichment Based on Word2Vec for Sentiment Analysis // *Proceedings - 2018 4th International Conference on Information Retrieval and Knowledge Management: Diving into Data Sciences, CAMP 2018*. 2018, 8464775. P. 177–181.
- Cruz L., Ochoa J., Roche M., Poncelet P. Dictionary-based sentiment analysis applied to a specific domain // *Communications in Computer and Information Science* 656 CCIS. 2017. P. 57–68.
- Gao Y., Su P., Zhao H., Qiu M., Liu M. Research on Sentiment Dictionary Based on Sentiment Analysis in News Domain // *Proceedings – 2021 7th IEEE International Conference on Big Data Security on Cloud, IEEE International Conference on High Performance and Smart Computing, and IEEE International Conference on Intelligent Data and Security, BigDataSecurity/HPSC/IDS*. 2021. 9463563. P. 117–122.
- Rice D.R., Zorn C. Corpus-based dictionaries for sentiment analysis of specialized vocabularies // *Political Science Research and Methods*. 2021. № 9 (1). P. 20–35.
- Xu G., Yu Z., Yao H., Li F., Meng Y., Wu X. Chinese Text Sentiment Analysis Based on Extended Sentiment Dictionary // *IEEE Access*. 2019. Vol. 7. P. 43749–43762.
- Двойникова А.А., Карпов А.А. Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных // *Информационно-управляющие системы*. 2020. № 4 (107). С. 20–30.
- Bhasin A., Das S. Twitter sentiment analysis using Machine Learning and Hadoop: A comparative study // *ICSCC 2021 – International Conference on Secure Cyber Computing and Communications*, 2021. 9478077. P. 267–272.
- Maada L., Farani K., Aghoutane B., Fattah M., Farhaoui Y. A comparative study of Sentiment Analysis Machine Learning Approaches // *2022 2nd International Conference on Innovative Research in Applied Science, Engineering and Technology, IRASET*. 2022. 178001. P. 1–5.
- Zhang J., Yan K., Mo Y. Multi-task learning for sentiment analysis with hard-sharing and task recognition mechanisms // *Information (Switzerland)*. 2021. Vol. 12(5). P. 207.
- Zhang C., Liu L. Research on Semantic Sentiment Analysis Based on BiLSTM // *2021 4th International Conference on Artificial Intelligence and Big Data, ICAIBD 2021*, 9459091. P. 377–381.
- Ilgün H., Kiliç E. Sentiment Analysis using Transformers and Machine Learning Models // *Proceedings – 6th International Conference on Computer Science and Engineering, UBMK 2021*. P. 42–45.
- Devlin J., Chang M., Lee, L., Toutanova K. Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding // *ArXiv*. 2019. Vol. abs/1810.04805. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/BERT%3A-Pre-training-of-Deep-Bidirectional-for-Devlin-Chang/df2b0e26d0599ce3e70df8a9da02e51594e0e992> (accessed: 25 March 2021).
- Shulginov V.A., Mustafin R.Z., Tillabaeva A.A. Automatic Detection of Implicit Aggression in Russian Social Media Comments // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual Conference «Dialogue»*. 2021. Vol. 20. P. 636–645.
- Smetanin S. Toxic comments detection in Russian // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual Conference «Dialogue 2020»*. 2020. Vol. 19. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5181/smetaninsi-029.pdf> (accessed: 5 March 2021).
- Golubev A., Loukachevitch N.V. Improving Results on Russian Sentiment Datasets // *ArXiv*. 2020. Vol. abs/2007.14310. URL: <https://arxiv.org/pdf/2007.14310.pdf> (accessed: 25 September 2021).
- Konstantinov A., Moshkin V., Yarushkina N. Approach to the use of language models BERT and Word2vec in sentiment analysis of social network texts // *Studies in systems, decision and control*. 2021. Vol. 337. P. 462–473.
- Kuraton Y., Arkhipov M. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language // *ArXiv*. 2019. Vol. abs/1905.07213. URL: <https://arxiv.org/abs/1905.07213> (accessed: 8 March 2021).
- Басина П.А., Гойко В.Л., Петров Е.Ю., Бакулин В.В. Классификация публикаций сообществ «ВКонтакте» для оценки качества жизни населения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2022)*. Вып. 21, доп. т. М. : Изд-во РГГУ, 2022. С. 1001–1016.
- Андреева А.Н., Никитина М.С. Сентимент-анализ брендов в российской блогосфере как инструмент маркетинговых исследований // *Бренд-менеджмент*. 2012. № 4. С. 226–243.
- Колмогорова А.В. Вербальные маркеры эмоций в контексте решения задач сентимент-анализа // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 1 (54). С. 83–93.
- Redjeki, S., Widyarto, S. Big data analytics for prediction using sentiment analysis approach // *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*. 2022. Vol. 100 (13). P. 4987–5000.
- Благинин А.Л., Сайфулин Э.Р., Саркисова А.Ю. Из опыта организации автоматизированного сбора данных в Томском университете // *Большие данные и проблемы общества : сб. статей по итогам Междунар. науч. конф. (Киров, 19–20 мая 2022 г.)*. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2022. С. 34–46.
- Дунаева Д.О. Методология сбора данных из открытых онлайн-источников для оценки качества жизни населения (на примере социальной сети «ВКонтакте») // *Перспективы развития фундаментальных наук : сб. тр. XIX Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 26–29 апреля 2022 г.) : в 7 т. Т. 5: Экономика и управление / под ред. И.А. Курзиной, Г.А. Вороновой*. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2022. С. 14–17.
- Polyakov P.Yu., Kalinina M.V., Pleshko V.V. Automatic object-oriented sentiment analysis by means of semantic templates and sentiment lexicon dictionaries // *Комп'ютерна Лінгвістика і Інтелектуальні Технології*. 2015. Vol. 2 (14). P. 44–52.
- Чернышев М.В. Классификация тональности мнений для задачи автоматического сентимент-анализа текста // *Учёные записки УО ВГУ им. П.М. Машерова*. 2018. Т. 28. С. 136–140.
- Shchekotin E., Goiko V., Myagkov M., Dunaeva D. Assessment of quality of life in regions of Russia based on social media data // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. Vol. 12, № 2. P. 182–198.
- Shayegan M.J., Molanorouzi M.A. A lexicon weighted sentiment analysis approach on Twitter // *International Journal of Web Based Communities*. 2021. Vol. 17 (3). P. 149–162.

33. Монарх (Манро) Р. Машинное обучение с участием человека / пер. с англ. В.И. Бахура. М. : ДМК Пресс, 2022. 498 с.
34. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. Thousand Oaks, CA : Sage, 2004. 422 p.
35. Landis J.R., Koch G.G. The measurement of observer agreement for categorical data // *Biometrics*. 1977. Vol. 33 (1). P. 159–174.

References

1. Pang, B. & Lee, L. (2008) Opinion mining and sentiment analysis. *Foundations and Trends in Inf. Retrieval*. 2 (1–2). pp. 1–135.
2. Das, N. et al. (2022) Effect of public sentiment on stock market movement prediction during the COVID-19 outbreak. *Social Network Analysis and Mining*. 12 (1). P. 92.
3. Ghobakhloo, M. & Ghobakhloo, M. (2022) Design of a personalized recommender system using sentiment analysis in social media (case study: banking system). *Social Network Analysis and Mining*. 12 (1). P. 84.
4. Umair, A., Masciari, E. & Ullah, M.H.H. (2021) Sentimental Analysis Applications and Approaches during COVID-19: A Survey. *ACM International Conference Proceeding Series*. pp. 304–308.
5. Zhu, Y., Hu, J. & Li, B. (2022) Purchasing Warning Mechanism Based on Text Sentiment Analysis. *Journal of Uncertain Systems*. 15 (2). P. 2250006.
6. Alshari, E.M. et al. (2018) [Effective Method for Sentiment Lexical Dictionary Enrichment Based on Word2Vec for Sentiment Analysis]. *CAMP 2018. Proceedings of the 4th International Conference on Information Retrieval and Knowledge Management: Diving into Data Sciences*. 8464775. Kota Kinabalu. 26–28 March 2018. IEEE. pp. 177–181.
7. Cruz, L. et al. (2017) Dictionary-based sentiment analysis applied to a specific domain. *Communications in Computer and Information Science 656 CCIS*. pp. 57–68.
8. Gao, Y. et al. (2021) [Research on Sentiment Dictionary Based on Sentiment Analysis in News Domain]. *BigDataSecurity/HPSC/IDS 2021. Proceedings of the 7th IEEE International Conference on Big Data Security on Cloud, IEEE International Conference on High Performance and Smart Computing, and IEEE International Conference on Intelligent Data and Security*. 9463563. New York. 15–17 May 2021. IEEE. pp. 117–122.
9. Rice, D.R. & Zorn, C. (2021) Corpus-based dictionaries for sentiment analysis of specialized vocabularies. *Political Science Research and Methods*. 9 (1). pp. 20–35.
10. Xu, G. et al. (2019) Chinese Text Sentiment Analysis Based on Extended Sentiment Dictionary. *IEEE Access*. 7. pp. 43749–43762.
11. Dvoynikova, A.A. & Karpov, A.A. (2020) Analiticheskiy obzor podkhodov k raspoznavaniyu tonal'nosti russkoyazychnykh tekstovykh dannykh [Analytical review of approaches to the recognition of the tonality of Russian-language text data]. *Informatsionno-upravlyayushchie sistemy*. 4 (107). pp. 20–30.
12. Bhasin, A. & Das, S. (2021) [Twitter sentiment analysis using Machine Learning and Hadoop: A comparative study]. *ICSCCC 2021. Proceedings of the International Conference on Secure Cyber Computing and Communications*. 9478077. Jalandhar. 21–23 May 2021. IEEE. pp. 267–272.
13. Maada, L. et al. (2022) [A comparative study of Sentiment Analysis Machine Learning Approaches]. *IRASET 2022. Proceedings of the 2nd International Conference on Innovative Research in Applied Science, Engineering and Technology*. 178001. Meknes. 3–4 March 2022. IEEE. pp. 1–5.
14. Zhang, J., Yan, K. & Mo, Y. (2021) Multi-task learning for sentiment analysis with hard-sharing and task recognition mechanisms. *Information (Switzerland)*. 12 (5). P. 207.
15. Zhang, C. & Liu, L. (2021) [Research on Semantic Sentiment Analysis Based on BiLSTM]. *ICAIBD 2021. Proceedings of the 4th International Conference on Artificial Intelligence and Big Data*. 9459091. Chengdu. 28–31 May 2021. IEEE. pp. 377–381.
16. İlgin, H. & Kiliç, E. (2021) [Sentiment Analysis using Transformers and Machine Learning Models]. *UBMK 2021. Proceedings of the 6th International Conference on Computer Science and Engineering*. Ankara. 15–17 September 2021. IEEE. pp. 42–45.
17. Devlin, J. et al. (2019) Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. *ArXiv*. abs/1810.04805. [Online] Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/BERT%3A-Pre-training-of-Deep-Bidirectional-for-Devlin-Chang/df2b0e26d0599ce3e70df8a9da02e51594e0e992>. (Accessed: 25.03.2021).
18. Shulginov, V.A., Mustafin, R.Z. & Tillabaeva, A.A. (2021) [Automatic Detection of Implicit Aggression in Russian Social Media Comments]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Proceedings of the International Dialogue 2021 Conference. 20. Moscow. 16–19 June 2021. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 636–645.
19. Smetanin, S. (2020) [Toxic comments detection in Russian]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Proceedings of the International Dialogue 2020 Conference. 19. Moscow. 17–20 June 2020. [Online] Available from: <https://www.dialog-21.ru/media/5181/smetaninsi-029.pdf>. (Accessed: 5.03.2021).
20. Golubev, A. & Loukachevitch, N.V. (2020) Improving Results on Russian Sentiment Datasets. *ArXiv*. abs/2007.14310. [Online] Available from: <https://arxiv.org/pdf/2007.14310.pdf>. (Accessed: 25.09.2021).
21. Konstantinov, A., Moshkin, V. & Yarushkina, N. (2021) Approach to the use of language models BERT and Word2vec in sentiment analysis of social network texts. *Studies in systems, decision and control*. 337. pp. 462–473.
22. Kuratov, Y. & Arkhipov, M. (2019) Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language. *ArXiv*. abs/1905.07213. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/1905.07213>. (Accessed: 08.03.2021).
23. Basina, P.A. et al. (2022) [Classification of publications of communities “VKontakte” for assessing the quality of life of the population]. *Dialog. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. [Dialogue. Computer Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of the International Conference. Vol. 21. Moscow. 29 May – 1 June 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 1001–1016. (In Russian).
24. Andreeva, A.N. & Nikitina, M.S. (2012) Sentiment-analiz brendov v rossiyskoy blogosfere kak instrument marketingovykh issledovaniy [Sentiment Analysis of Brands in the Russian Blogosphere as a Marketing Research Tool]. *Brend-menedzhment*. 4. pp. 226–243.
25. Kolmogorova, A.V. (2018) Verbal'nye markery emotsiy v kontekste resheniya zadach sentiment-analiza [Verbal markers of emotions in the context of solving problems of sentiment analysis]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (54). pp. 83–93.
26. Redjeki, S. & Widyarto, S. (2022) Big data analytics for prediction using sentiment analysis approach. *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*. 13 (100). pp. 4987–5000.
27. Blagin, A.L., Sayfulin, E.R. & Sarkisova, A.Yu. (2022) [From the experience of organizing automated data collection at Tomsk University]. *Bol'shie dannye i problemy obshchestva* [Big data and problems of society]. Proceedings of the International Conference. Kirov. 19–20 May 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–46. (In Russian).
28. Dunaeva, D.O. (2022) [Methodology for collecting data from open online sources to assess the quality of life of the population (on the example of the social network “VKontakte”)]. *Perspektivy razvitiya fundamental'nykh nauk* [Prospects for the Development of Fundamental Sciences]. Proceedings of the 19th International Conference. Tomsk. Vol. 5. 26–29 April 2022. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 14–17. (In Russian).
29. Polyakov, P.Yu., Kalinina, M.V. & Pleshko, V.V. (2015) Automatic object-oriented sentiment analysis by means of semantic templates and sentiment lexicon dictionaries. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii*. 14 (2). pp. 44–52.

30. Chernyshevich, M.V. (2018) Klassifikatsiya tonal'nosti mneniy dlya zadachi avtomaticheskogo sentiment-analiza teksta [Classification of the sentiment of opinions for the task of automatic sentiment analysis of the text]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 28. pp. 136–140.
31. Shchekotin, E. et al. (2021) Assessment of quality of life in regions of Russia based on social media data. *Journal of Eurasian Studies*. 2 (12). pp. 182–198.
32. Shayegan, M.J. & Molanorouzi, M. (2021) A lexicon weighted sentiment analysis approach on Twitter. *International Journal of Web Based Communities*. 17 (3). pp. 149–162.
33. Monarch, R. (2022) *Mashinnoe obuchenie s uchastiem cheloveka* [Machine Learning with Human Participation]. Translated from English by V.I. Bakhur. Moscow: DMK Press.
34. Krippendorff, K. (2004) *Content Analysis: An introduction to its methodology*. Thousand Oaks, CA: Sage.
35. Landis, J.R. & Koch, G.G. (1977) The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*. 33 (1). pp. 159–174.

Информация об авторах:

Басина П.А. – аналитик Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, ассистент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: basina@data.tsu.ru

Дунаева Д.О. – лаборант Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, ассистент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ddo@data.tsu.ru

Саркисова А.Ю. – канд. филол. наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.A. Basina, analyst, Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: basina@data.tsu.ru

D.O. Dunaeva, lab assistant, Research Laboratory for Applied Big Data Analysis; teaching assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ddo@data.tsu.ru

A.Yu. Sarkisova, Cand. Sci. (Philology), junior research fellow, Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 22.10.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 316.1; 316.4
doi: 10.17223/15617793/485/24

Применение алгоритма машинного обучения для профориентации абитуриентов высшего учебного заведения

Любовь Дмитриевна Забокрицкая¹, Татьяна Анатольевна Орешкина²,
Илья Николаевич Обабков³, Евгений Георгиевич Чепуров⁴

^{1, 2, 3, 4} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ zabokritskaya@urfu.ru

² t.a.oreshkina@urfu.ru

³ I.N.Obabkov@urfu.ru

⁴ evgeny.chepurov@urfu.ru

Аннотация. Представлено описание опыта разработки и внедрения собственного программного продукта по профориентации и навигации абитуриентов – Wizard УрФУ. Со стороны ИТ в статье решаются следующие задачи: дается описание основных методов, на которых может строиться работа программного продукта по профориентации и навигации абитуриентов; описывается алгоритм работы Wizard УрФУ; представлены результаты тестового этапа работы программного продукта. Со стороны социологии дается описание социально-демографического портрета пользователя Wizard УрФУ.

Ключевые слова: абитуриент, высшее учебное заведение, профориентационная работа, навигация, ИТ-технологии, машинное обучение

Для цитирования: Забокрицкая Л.Д., Орешкина Т.А., Обабков И.Н., Чепуров Е.Г. Применение алгоритма машинного обучения для профориентации абитуриентов высшего учебного заведения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 217–225. doi: 10.17223/15617793/485/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/24

Application of machine learning algorithm for career guidance of university applicants

Lyubov D. Zabokritskaya¹, Tatyana A. Oreshkina², Ilya N. Obabkov³, Evgeny G. Chepurov⁴

^{1, 2, 3, 4} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ zabokritskaya@urfu.ru

² t.a.oreshkina@urfu.ru

³ I.N.Obabkov@urfu.ru

⁴ evgeny.chepurov@urfu.ru

Abstract. The aim of the article is to describe the experience of implementing our own software product (Wizard UrFU) for career guidance and navigation of university entrants. The importance of introducing digital technologies for career guidance and navigation of university entrants is substantiated. The article addresses both sociological and IT tasks. On the part of information technology, a description is given of the main methods on which the work of a software product for vocational guidance and navigation of applicants can be built. In particular, we have proved that the most promising is the complex method, which is based on a combination of several methods and algorithms for the operation of neural networks for vocational guidance and navigation of applicants. The article describes the algorithm of the software product developed by our team. We show that this algorithm is based on the analysis of digital traces of applicants in the social network VKontakte. The algorithm uses the machine learning method. We also show that the career guidance system in the Wizard web application is based on a comparison of profile data in the VKontakte social network and generalized data of university students successfully enrolled in one of the educational programs. We analyzed the statistics of recommendations of educational programs to UrFU applicants using the UrFU Wizard web application using the Yandex. Metrics. The socio-demographic portrait of the UrFU Wizard software product user is a young man (or woman) aged 18 to 24 from Yekaterinburg or Sverdlovsk Oblast. This description fully coincides with the main target audience of the Ural Federal University. As a result, 12,780 potential applicants of Ural Federal University started submitting documents through the web application. In addition, 32% or 15,293 applicants made a transition to the institutions' social networks and educational programs for a more detailed acquaintance. The analysis of the admission campaign results showed that all educational programs that were in the TOP of recommended areas had a significant increase in applicants compared to previous

years. In general, Ural Federal University in 2021 held the most massive admission campaign among higher educational institutions in the Russian Federation. In our opinion, the use of services based on the work of artificial intelligence for career guidance and navigation of applicants of a higher educational institution allows a successful solution of the following tasks: to expand the geography of admission without holding face-to-face meetings with applicants; to increase the reach of the advertising campaign and personalize advertising offers; to attract creative and motivated youth; to help the applicant to make the right choice of the direction of training and thereby increase the motivation to study.

Keywords: applicant, higher educational institution, career guidance, navigation, IT, machine learning

For citation: Zabokritskaya, L.D., Oreshkina, T.A., Obabkov, I.N. & Chepurov, E.G. (2022) Application of machine learning algorithm for career guidance of university applicants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 217–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/24

Введение. Каждое высшее учебное заведение ведет активную работу по привлечению абитуриентов, и с каждым годом уровень конкурентной борьбы за абитуриентов только возрастает. Для привлечения абитуриентов и осуществления с ними профориентационной работы на российском рынке появляются разные, порой весьма контрастные предложения со множеством нюансов: от узкоспециализированных до сложных комплексных решений; различных форматов – онлайн/офлайн, живые профпробы и мастер-классы; профориентационные лагеря, квесты, экскурсии и т.д. [1]. В данной публикации мы не будем анализировать все перечисленные предложения, а лишь остановимся на решениях, основанных на применении цифровых технологий, в том числе алгоритмов машинного обучения.

Актуальность внедрения цифровых технологий для профориентации и навигации абитуриентов высшего учебного заведения мы связываем с тем, что:

Во-первых, анализ исследований ученых относительно состояния цифровой среды ведущих университетов России показал, что существует выраженная недостаточность развития интерактивных форм онлайн-сопровождения абитуриентов российских вузов. В российских университетах цифровые технологии, ориентированные на информирование, существенным образом доминируют над цифровыми технологиями, нацеленными на коммуникацию, интерактивные форматы [2]. Действительно, высшие учебные заведения активно размещают на своих сайтах описание специальностей, направлений подготовки, дисциплин и другую общую информацию, но дальнейший выбор остается за абитуриентом. Большие объемы информации часто не помогают, а запутывают абитуриентов, в результате чего выбор осуществляется интуитивно, основываясь на мнении третьих лиц либо по итогам проведения иных профориентационных мероприятий. Вследствие этого возрастает вероятность неверного выбора будущей профессии со всеми негативными последствиями, в том числе снижения мотивации к учебе.

Во-вторых, абитуриенты считают онлайн-среду для обучения даже более комфортной. Сегодняшние абитуриенты – это, прежде всего, люди, родившиеся после 2000-х гг. Они относятся к поколению зумеров (поколение Z), для которых характерна приверженность цифровым технологиям, естественны нахождение

в онлайн-среде, желание воспринимать информацию визуально [3]. Исследования показывают, что порядка 90% студентов используют интернет в выборе профессии и подавляющее большинство (более 70%) в целом положительно относится к перспективе использования искусственного интеллекта для помощи в профориентации [4]. Помимо прочего, исследователи отмечают, что грамотное построение процесса обучения, цифровизация приемной кампании и готовность к диалогу с абитуриентом являются важным фактором формирования имиджа учебного заведения [5]. Именно поэтому для современных студентов создание цифровых профориентационных ресурсов становится не просто желаемым, а необходимым.

В-третьих, существуют общие тренды в образовательной реальности, связанные с тотальной цифровизацией современного образовательного пространства. Эти тренды исходят как от государства, так и из потребностей самого общества. Важнейшим содержанием образовательной реальности в ближайшем будущем станет постановка и решение обществом и образованием задач по синхронизации и цифровой репликации данных обо всех объектах, акторах, а также о связях, свойствах, отношениях и закономерностях виртуального, реального и социального миров [6].

Постановка проблемы. Вследствие указанных перспектив высшие учебные заведения для профориентации и навигации абитуриентов стремятся разрабатывать, внедрять и использовать цифровые сервисы. Так, команда из УрФУ разработала свой сервис для профориентации и навигации абитуриентов – «Визард».

Надо отметить, что сам процесс разработки и внедрения цифровых сервисов, а особенно с использованием технологий искусственного интеллекта, является достаточно ресурсоемким, в связи с чем в настоящее время в Российской Федерации практически отсутствуют примеры использования цифровых ресурсов, применяемых для профориентации и навигации абитуриентов. В качестве такого примера можно назвать математическую модель, предназначенную для выявления способностей людей к научной деятельности, описанную Л.Н. Ясницким с соавторами. В основе модели лежит нейронная сеть, обученная на психологических, социологических, биологических и биографических данных некоторых выдающихся ученых XVIII–XX вв. Авторы отмечают, что компьютерная программа, реализующая разработанную математическую модель, может быть использована как ин-

струмент психофизиологической диагностики и профориентации [7]. К недостаткам подобной модели можно отнести то, что современного молодого ученого сравнивают с учеными из других поколений и стран, а также то, что вносимых для подсчета данных нейросети недостаточно для того, чтобы составить достоверную профориентационную модель или осуществить психофизиологическую диагностику.

Единственным прямым конкурентом разработанного нами сервиса «Визард» является разработка Томского государственного университета «Робот-профориентатор», представленная в соцсети «ВКонтакте» как приложение. (адрес: <https://vk.com/app6877638>; разработчики: <https://vk.com/career.assistance>). Ключевое отличие сервиса «Визард» от «Робота-профориентатора» состоит в работе алгоритма. Так, «Робот-профориентатор» определяет психотип по методологии MBTI и строит рекомендации по выбору профессии, исходя из психотипа абитуриента. А «Визард» сопоставляет данные профиля абитуриента в социальной сети «ВКонтакте» и обобщенные данные студентов Уральского федерального университета, успешно обучающихся на одной из 138 образовательных программ, и рекомендует конкретную образовательную программу вуза.

Также косвенными конкурентами сервиса «Визард» являются различные профориентационные и карьерные консультации, которые проводятся лично или онлайн.

С точки зрения международных конкурентов после скандала с Cambridge Analytics развитие данных сервисов за рубежом приостановилось, тем не менее можно отметить сервис анализа (см.: <https://applymagicsauce.com/>), представляющий собой разработку Кембриджского центра психометрии и позволяющий определить не только личностные черты, но и профессиональные склонности; однако к недостаткам данного сервиса можно отнести то, что он ориентирован на работу с сетями Twitter и Facebook, а не с самой популярной в России сетью – ВКонтакте.

Целью данной работы является описание опыта внедрения собственного программного продукта по профориентации и навигации абитуриентов. Для достижения поставленной цели потребовалось решить задачи как в области ИТ-решения, так и социологии. Со стороны ИТ перед нами стояли задачи: во-первых, дать описание основных методов, на которых может строиться работа программного продукта по профориентации и навигации абитуриентов; во-вторых, описать алгоритм работы разработанного нами программного продукта; в-третьих, представить основные результаты тестового этапа его работы. Со стороны социологии требовалось описать социально-демографический портрет пользователя профориентационного программного продукта.

Описание методов работы нейронных сетей по профориентации и навигации абитуриентов. Отметим, что под искусственным интеллектом мы понимаем свойство интеллектуальных систем к творческим работам, установлению сложных причинно-след-

ственных связей. Такая творческая работа становится возможной благодаря нейросетям.

Первоочередной задачей для осуществления верной профориентации абитуриентов является получение максимально полной, быстрой и объективной информации о самом абитуриенте, его интересах и ожиданиях. В настоящее время одним из основных источников информации об абитуриентах являются социальные сети, которые во многом становятся цифровыми двойниками реальных социальных объектов. В связи с этим изучение контентных интересов пользователей социальных сетей является весьма приоритетной задачей. Данные об интересах пользователей активно используются исследователями и маркетологами из различных областей. Интересы пользователей служат основанием для персональных рекомендаций, а также используются для решения образовательных задач, обеспечения информационной безопасности и в иных областях.

Существуют различные методы и алгоритмы извлечения и дальнейшего анализа контентных интересов пользователей социальных сетей, и все их можно разделить на три группы:

1. Метод идентификации интересов пользователей социальных сетей на основе анализа их профиля.

Профиль пользователя социальной сети содержит информацию, явно предоставленную им самим. Очень часто в процессе заполнения личной информации пользователи ссылаются на свои профили в других социальных сетях. Исследования показывают, что пользователи имеют сходство в данных профиля в разных социальных сетях, т.е. в таких данных наблюдается сходство [8]. Как следствие, исследователи используют данные профили или нескольких профилей для проведения исследований.

Один из возможных алгоритмов анализа по данному методу (для социальной сети «ВКонтакте») выглядит следующим образом:

1) посредством API-интерфейса социальной сети (например, ВКонтакте) с помощью методов `users.search` и итеративного перебора по интересам отбираются и загружаются профили (заполнившие свои интересы и имеющие открытый профиль);

2) полученный список ID опрашивается с помощью метода `users.get` (с использованием дополнительного параметра вывода – `personal`);

3) собранные данные обрабатываются с помощью статистических программ и приемов;

4) данные анализируются исследователем исходя из поставленных целей и задач [9].

Отметим, что метод идентификации интересов пользователей социальных сетей на основе анализа их профиля является наиболее изученным, его общий алгоритм хорошо известен и отработан. Но для каждой социальной сети и используемого языка имеются свои небольшие нюансы и особенности работы.

К основным недостаткам данного метода относится невозможность получения информации об интересах пользователя из закрытых аккаунтов, а также намеренное искажение информации пользователем в своем профиле социальной сети [10].

Именно поэтому стали развиваться альтернативные методы.

2. Метод идентификации интересов пользователей социальных сетей на основе анализа их дружественных связей.

Данный метод основывается на том, что социальное окружение пользователя и его социальная среда в целом дают достаточно точное представление об интересах пользователя социальной сети. Эта гипотеза была доказана в контексте поиска профилей пользователей в социальных сетях, а также определения интересов пользователей по их окружению [11]. Связь пользователей может быть как явной (дружеские отношения), так и неявной (например, пользователи, которые взаимодействуют на одном ресурсе, пользователи, разделяющие общие интересы). Сегодня дружественные связи также анализируют с целью сбора недостающих данных о пользователе или группе пользователей [12].

Идентификация пользователя на основе информации о дружественных связях относится к методам, в которых дружеские отношения между пользователями рассматриваются как эквивалентные топологии сети, что позволяет выполнять сопоставление сходства между узлами. Топология сети, сформированная пользователями, имеет определенное сходство в разных социальных сетях.

Существуют различные алгоритмы, позволяющие идентифицировать интересы пользователей по их дружеским контактам; так, например, известен алгоритм идентификации пользователей на основе дружеских отношений без предварительного знания (FRUI-P). FRUI-P сначала извлекает функцию «друг» каждого пользователя, а затем вычисляет сходство всех потенциальных идентичных пользователей между двумя SNS. То есть алгоритм извлекает характеристики друзей каждой учетной записи в социальной сети в виде вектора характеристик, а затем вычисляет сходство между всеми потенциальными пользователями. Наконец, разрабатывается индивидуальная схема карты для идентификации пользователей на основе сходства и их интересы. Эффективность FRUI-P доказана и апробирована [13].

3. Метод идентификации интересов пользователя на основе контента.

Под контентом понимается все многообразие содержания странички пользователя – от картинок до текстов и тегов. То есть контент может быть любого типа (URL-адреса, видео, изображения, и т.д.). Анализируя как отдельные элементы контента, так и несколько элементов в комплексе, мы можем получить достаточно полное представление о пользователе и его интересах. Интересы выводятся на основе объектов/ресурсов, к которым обращается пользователь.

У данного метода или, вернее, группы методов имеется достаточно много алгоритмов реализации. Так, например, Y. Sha и соавторы [14] предложили анализировать статусы и комментарии, размещенные пользователями, для идентификации пользователей и изучения их интересов. R. Roedler с соавторами [15] применили информацию о геометках, сгенери-

рованную мобильными устройствами, для построения персонализированной модели социального поведения, определения приоритетов через места посещения. R.W. White и соавторы [16] предложили изучать интересы исходя из данных о посещении пользователями определенных ресурсов и времени, проведенном на этих ресурсах, страницах. A.M. Mezghani и соавторы [17] предложили анализировать интересы по тега.

Для анализа содержимого профиля существуют различные алгоритмы и методики, такие как индексация, которая используется для извлечения значимых терминов из профиля. После индексации профиля к нему может быть применена другая функция, например, оценки терминов и их отнесение к сферам интересов. Точность запроса (относительно профиля и терминов) может быть оценена с помощью различных функций оценки, применяемых при поиске информации, таких как TF*IDF, BM25 и т.д. Эти оценки являются результатом процесса индексирования, который вызывает запрос и набор ресурсов. Использование этих методик показало их полезность и надежность при поиске информации.

В целом методы, ориентированные на ресурсы, достаточно надежны из-за достаточно богатой информации, содержащейся в ресурсах. Наиболее же надежным считается комплексный метод, т.е. использующий комбинацию из нескольких описанных выше методов и алгоритмов.

Описание применяемого алгоритма. При разработке нашей методики (программа Wizard) были выгружены следующие типы данных:

- социально-демографическая информация;
- жизненные ценности;
- информация о подписках;
- обобщенные данные других студентов вуза, обучающихся на специальностях.

Таким образом, анализировались контент, профиль и связи пользователей социальной сети. За счет сочетания данных методик мы достигли более высокой точности и надежности предоставляемых результатов. Таким образом, для выгрузки данных об интересах (выраженных в подписках на интересующие пользователя страницы) был использован метод (см.: <https://vk.com/dev/users.getSubscriptions>).

Если рассматривать проделанную работу в виде технологических этапов, то на первом этапе пользователь вводил данные о своей учетной записи в программу Wizard. На втором этапе на основании методов машинного обучения устанавливается сфера интересов данного пользователя социальной сети. Отметим, что на тестовых испытаниях алгоритмов классификации лучше всего себя показал алгоритм на основе логистической регрессии. Именно он был задействован в качестве основного в машинном обучении. На третьем этапе соотносились интересы пользователя и информация об уже обучающихся по программам вуза студентах (их интересах), а также обобщенные данные о программах обучения в УрФУ. На основании максимального совпадения выдаются рекомендации о приоритет-

ных специальностях для поступления. Отметим, что в основе алгоритма машинного обучения, выполняющего распределение профилей пользователей по списку образовательных программ вуза, лежит доказанная возможность использования перечня подписок пользователя ВКонтакте для формирования вектора его интересов, а данные об интересах в социальных сетях могут быть использованы для оценки и профессионального ориентирования студентов разных направлений подготовки. Для обучения нейронной сети используются данные конкретного вуза, включающие обезличенный список студентов, с разбивкой по образовательным программам.

Таким образом, анализ цифровых следов абитуриентов в социальной сети «ВКонтакте» с помощью алгоритма машинного обучения позволяет выявить жизненные ценности, образовательные интересы и индивидуальные психологические особенности пользователя и рекомендовать подходящее ему направление подготовки конкретного вуза. Система профессиональной ориентации основана на сопоставлении данных профиля в социальной сети «ВКонтакте» и обобщенных данных студентов вуза, успешно обучающихся на одной из образовательных программ.

Результаты исследования и обсуждение. Анализ статистики рекомендаций образовательных программ абитуриентам УрФУ посредством веб-приложения Wizard УрФУ (<https://wizard.urfu.ru/>) проводился с помощью интернет-сервиса «Яндекс. Метрика». «Яндекс. Метрика» – это бесплатный интернет-сервис компании «Яндекс», предназначенный для оценки посещаемости веб-сайтов и анализа поведения пользователей. Отметим, что на данный момент «Яндекс. Метрика» является третьей по размеру системой веб-аналитики в Европе.

Проведенный анализ показывает, что за все время работы сервиса (с 1 июля 2021 г. по 25 ноября 2021 г.) сервис посетило 47 672 потенциальных абитуриента УрФУ. Считаем, что низкие объемы трафика веб-приложения связаны с достаточно поздним сроком введения сервиса в эксплуатацию. Приемная кампания уже проходила, и самые активные абитуриенты определились с приоритетными образовательными программами. Тем не менее введение в эксплуатацию сервиса помогло осуществить его тестовый запуск в полном объеме.

Основными источниками посещений стали: переходы из поисковых систем (31,1%), переходы по прямым ссылкам с сайтов (30,9%), переходы из социальных сетей (27,3%). Такие источники посещений, как прямые заходы (почти 10%), реклама (0,66%), показали гораздо меньшую эффективность.

Полученные данные будут использованы для выбора каналов продвижения веб-приложения. Именно поэтому нас интересует конкретика в источниках посещений.

Если говорить о социальных сетях, то самыми результативными оказались «ВКонтакте» (49,9%), Instagram (25,3%) и Facebook (24,7%). Наименее результа-

тивной оказалась социальная сеть «Одноклассники» (всего 0,04%).

Если рассматривать статистику внешних посещений, то самым результативным оказался сайт приемной кампании УрФУ (42,2%), в остальном достаточно хороший результат дали другие станочки портала УрФУ и новостные страницы.

Что касается типа электронного устройства, с которого осуществлялись переходы, то здесь статистика выглядит следующим образом: главным типом электронного устройства являются персональные компьютеры (57,8%), на втором месте оказались смартфоны (38,2%).

Поскольку смартфоны, как и персональные компьютеры, являются весьма популярными источниками, с которых осуществляется посещение веб-приложения, то целесообразно поддерживать версию Wizard УрФУ для мобильных устройств.

Основная возрастная группа посетителей веб-приложения – это абитуриенты в возрасте от 18 до 24 лет (44,8%). Доля пользователей в возрасте до 18 лет составила 25,7%, от 25 до 34 лет – 11,1%, от 35 до 44 лет – 8,9%, от 45 до 54 лет – 4,7%, и доля остальных составила 4,8%. Распределение по полу не показало существенных перекосов и соотносится с генеральной совокупностью в целом. Таким образом, мы видим интерес к нашему приложению среди абитуриентов, их родителей, а также учеников школ. То, что активными пользователями веб-приложения являются граждане младше 18 лет, говорит о достаточно высоком интересе выпускников к Wizard УрФУ и вопросу выбора ОП на будущее.

На основании данных о регионах и городах, из которых осуществлялось посещение веб-приложения, можно констатировать, что Wizard УрФУ вызывает интерес и отклик не только у абитуриентов Свердловской области, но и из других, в первую очередь близлежащих регионов, таких как Челябинская область (18,1%), Москва и Московская область (9,72%), Тюменская область (5,92%) и др. Как следствие можно констатировать, что Wizard УрФУ является достаточно эффективным инструментом продвижения бренда и ОП УрФУ в других регионах страны.

Таким образом, социально-демографический портрет пользователя программного продукта Wizard УрФУ можно описать как молодого человека или молодую девушку преимущественно в возрасте от 18 до 24 лет из города Екатеринбурга либо Свердловской области. Данное описание полностью совпадает с основной целевой аудиторией Уральского федерального университета.

Также нами была выгружена статистика выданных рекомендаций абитуриентам по направлениям образовательных программ. Так, с 01.07.2021 по 01.12.2021 веб-приложением было выдано 32 214 рекомендаций абитуриенту. В каждой рекомендации выдавалось шесть образовательных программ, максимально подходящих абитуриенту, исходя из данных работы алгоритма искусственного интеллекта и результатов профориентационного те-

ста. Таким образом, каждая их образовательных программ могла быть рекомендована веб-приложением значительное число раз, и общий объем всех рекомендованных/показанных ОП составил 193 284 рекомендации.

На основании выдаваемых абитуриентам рекомендаций были составлены ТОПы. Для упрощения процесса визуализации было проведено отсеивание непопулярных программ за счет того, что для построения ТОПа общих рекомендаций отбирались только те ОП, по которым было выдано более 1 000 рекомендаций, а для ТОПов рекомендаций первого, второго и третьего мест – более 500 рекомендаций соответственно. Проценты распределялись между этими программами.

Общий ТОП первой десятки рекомендованных направлений выглядит следующим образом:

1. Информационная безопасность – 9%.
2. Радиотехника – 8%.
3. Электроника радиотехника и системы связи – 8%.
4. Математическое обеспечение и администрирование информационных систем – 8%.
5. Сервис – 7%.
6. История – 7%;
7. Мировая экономика и международный бизнес – 6%.
8. Международный и корпоративный менеджмент – 6%.
9. Электроника и автоматика физических установок – 6%.
10. Физическая культура – 5%.

Также посчитали эффект работы Wizard УрФУ в виде конверсии. Отметим, что под Конверсий веб-приложения понимается отношение числа посетителей веб-приложения, выполнивших в нем какие-либо целевые действия, к общему числу посетителей веб-приложения, выраженному в процентах. В данном случае наиболее важными являются конверсии конкретных совершенных действий абитуриентами такие как: подача документов и переход на сайты рекомендованных образовательных программ для более детального ознакомления с ними.

Так, кнопку подать документы непосредственно со стартовой страницы нажали 8,14% посетителей сайта (или 3 880 человек). После получения рекомендаций кнопку подать документы нажали 18,67% посетителей веб-приложения (или 8 900 человек). При этом пик активности подачи документов приходился на июль месяц. Таким образом, благодаря веб-приложению перешли к подаче документов 12 780 потенциальных абитуриента УрФУ. А дополнительно совершили переход в социальные сети институтов и образовательных программ, для более детального ознакомления с ними еще 32,08% или 15 293 абитуриента.

Заключение. Веб-приложение Wizard УрФУ за время работы показало высокий потенциал, как один из инструментов проведения приемной кампании. Также были доказаны качество и надежность выбранных алгоритмов работы. Проведенные теоретические и практические исследования методов и алгоритмов анализа контентных интересов пользователей соци-

альных сетей показали, что используемый в веб-приложении Wizard УрФУ комплексный метод является одним из наиболее надежных, с максимальными показателями эффективности.

Целевая аудитория посетителей веб-приложения полностью совпадает с типичным портретом абитуриента УрФУ. Именно поэтому веб-приложение Wizard УрФУ является чрезвычайно востребованным и актуальным для абитуриентов, особенно в период проведения приемной кампании. Благодаря веб-приложению перешли к подаче документов 12 780 потенциальных абитуриента УрФУ. А дополнительно совершили переход в социальные сети институтов и образовательных программ, для более детального ознакомления с ними еще 32,08% или 15 293 абитуриента.

В свою очередь анализ статистики итогов приемной компании показал, что все образовательные программы, которые попали в ТОП рекомендованных направлений имели существенный прирост абитуриентов по сравнению с предыдущими годами. В целом Уральский федеральный университет в 2021 г. провел самую массовую приемную компанию среди высших учебных заведений в Российской Федерации.

По нашему мнению, использование сервисов, основанных на работе искусственного интеллекта для профориентации и навигации абитуриентов высшего учебного заведения, позволяет успешно решать стоящие перед университетами задачи, а именно:

- расширить географию приема без проведения очных встреч с абитуриентами;
- увеличить охват рекламной кампании и персонализировать рекламные предложения;
- привлечь креативную и мотивированную молодежь;
- помогать абитуриенту сделать правильный выбор направления подготовки и тем самым увеличить его мотивацию к учебе.

С точки зрения управления и принятия управленческих решений в образовании использование цифровых сервисов в высших учебных заведениях способствует более естественному и привычному способу работы и восприятия информации людей поколения Z, а также созданию и удержанию имиджа образовательного учреждения.

Как показали исследования коллег из Томского государственного университета по гранту «Исследование потенциала социальных сетей для выявления, привлечения и закрепления талантливой молодежи в региональных вузах на основе анализа больших данных» (номер гранта № 17-16-70-004), использование данных социальных сетей и инструментов профориентации на их основе позволяет добиться таких характеристик, как повышение среднего балла на 8% в первый год обучения, снижение отчислимости на 50% в первый год обучения, уменьшение доли студентов со средним баллом, близким к 3,0, на 36% в сравнении со студентами, привлеченными и профориентированными иным способом.

Главной возможностью, предоставляемой предлагаемым сервисом, является масштабирование, поскольку классические методики имеют множество

ограничений, препятствующих их эффективному масштабированию.

Одним из трендов образования будущего является персонализация, реализуемая через возможность построение индивидуальной траектории образования. Модель образования будущего опирается на новый (желательный) тип обучающегося – «самоуправляемого ученика», его осознанный, самостоятельный и ответственный выбор направления своего образования [4]. И первым шагом на этом пути становится правильная профориентация, которую возможно упростить посредством применения современных цифровых технологий в образовании.

Сегодня, по мнению Е. Бабкина [8, 19], в области разработки моделей принятия решений на основе нейронных сетей, а также в исследовании социальных явлений и процессов коммуникации в сети Интернет накоплен положительный опыт, который может быть востребован для разработки математических моделей и алгоритмов генерации профориентационных рекомендаций на основе искусственных нейронных сетей.

Уже создан новый класс прогностических моделей, адаптированных к условиям принятия решений в ситуации профессионального выбора.

Эффективные сервисы, основанные на искусственном интеллекте, предназначенные для профориентации и навигации абитуриентов высшего учебного заведения, должны строиться на комплексных методах работы нейронных сетей. Цифровые технологии должны быть включены в целостный процесс профориентации, навигации и сопровождения абитуриентов, уже имеющейся в высшем учебном заведении.

Считаем, что представленный нами опыт создания и применения сервиса Wizard, основанный на искусственном интеллекте и предназначенный для профориентации и навигации абитуриентов и студентов университета при выборе образовательной программы и индивидуальной образовательной траектории, будет интересен и полезен как для управленцев, так и разработчиков программного обеспечения.

Список источников

1. Комаров Р.В., Шаповалов И.В. Тренды, тенденции и модели развития профориентации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 2(44). С. 18–30.
2. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Т.Э. Петрова [и др.] // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 12. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22
3. Степанова Л.Н. Предикторы специфики познавательного и личностного развития представителей цифрового поколения // Вопросы педагогики. 2021. № 11-1. С. 406–409.
4. Зинина С.М. Цифровые технологии как средство профессионального выбора: будущее и настоящее // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2020. Т. 1, № 3. С. 38–49.
5. Ануфриева Е.В., Ефимов Е.Г., Овчар Н.А., Небыков И.А. Модели поведения абитуриентов в условиях пандемии (на материале фокус-групп) // Вестник педагогических наук. 2021. № 5. С. 40–45.
6. Вихман В.В., Ромм М.В. «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 2. С. 22–32. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32
7. Ясницкий Л.Н., Байдин Д.Ю., Макурина Т.В., Черепанов Ф.М. Возможности выявления способности людей к научной деятельности методами искусственного интеллекта // Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., г. Пермь, 18–19 мая 2016 года. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 193–200.
8. Li Y.J., Peng Y., Ji W.L., Zhang Z., Xu Q.Q. User identification based on the display name across online social network sites // IEEE Access. 2017. Vol. 5. P. 17342–17353.
9. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 148–167. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
10. Zhou X.P., Liang X., Zhang H.Y., Ma Y.F. Cross-platform identification of anonymous identical users in multiple social media networks // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2016. Vol. 28. P. 411–424.
11. Tchuente D., Canut M.-F., Jessel N., Peninou A., Sedes F. A community-based algorithm for deriving users' profiles from egocentric networks: experiment on Facebook and DBLP // Social Network Analysis and Mining. 2013. Vol. 3. P. 667–683
12. Кавеева А.Д., Гурин К.Е. Локальные сети дружбы «ВКонтакте»: восстановление пропущенных данных о городе проживания пользователей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 78–90. doi: 10.14515/monitoring.2018.3.05
13. Zhou X., Liang X., Du X., Zhao J. Structure Based User Identification across Social Networks // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2018. Vol. 30. P. 1178–1191.
14. Sha Y., Liang Q., Zheng K.J. Matching user accounts across social networks based on users message // Procedia Computer Science. 2016. Vol. 80. P. 2423–2427.
15. Roedler R., Kergl D., Rodosek G.D. Profile matching across online social networks based on geo-tag // Advances in Nature and Biologically Inspired Computing. 2016. Vol. 419. P. 417–428.
16. White R.W., Bailey P., Chen L. Predicting user interests from contextual information // Proceedings of the 32nd International ACM SIGIR Conference on Research on Information and Development in Information Retrieval, SIGIR '09. New York, NY, USA, 2009. P. 363–370. doi: 10.1145/1571941.1572005
17. Mezghani M., Peninou A., Zayani C.A., Amous I., Sèdes F. Producing relevant interests from social networks by mining users' tagging behaviour: A first step towards adapting social information // Data & Knowledge Engineering. 2017. Vol. 108. P. 15–29. doi: 10.1016/j.datak.2016.12.003
18. Babkin E., Babkina T., Demidovskij A. Hybrid neural network and bi-criteria tabu-machine: comparison of new approaches to maximum clique problem // Big Data Intelligence. 2018. Vol. 5, № 3. URL: <https://publications.hse.ru/articles/225135427>
19. Babkin E., Demidovskij A. Developing a distributed linguistic decision making system // Business Informatics. 2019. Vol. 13, № 1. P. 18–32. URL: <https://bijournal.hse.ru/en/2019--1%20Vol.13/269673867.html>

References

1. Komarov, R.V. & Shapovalov, I.V. (2018) Trendy, tendentsii i modeli razvitiya proforientatsii [Trends, tendencies and models of career guidance development]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 2(44). pp. 18–30.
2. Brodovskaya, E.V. et al. (2019) Tsifrovaya sreda vedushchikh universitetov mira i RF: rezul'taty sravnitel'nogo analiza dannykh saytov [Digital environment of the leading universities of the world and the Russian Federation: results of a comparative analysis of site data]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 12 (28). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22
3. Stepanova, L.N. (2021) Prediktory spetsifiki poznavatel'nogo i lichnostnogo razvitiya predstaviteley tsifrovogo pokoleniya [Predictors of the specifics of cognitive and personal development of representatives of the digital generation]. *Voprosy pedagogiki*. 11-1. pp. 406–409.
4. Zinina, S.M. (2020) Tsifrovye tekhnologii kak sredstvo professional'nogo vybora: budushchee i nastoyashchee [Digital technologies as a means of professional choice: the future and the present]. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii*. 3 (1). pp. 38–49.
5. Anufrieva, E.V. et al. (2021) Modeli povedeniya abiturientov v usloviyakh pandemii (na materiale fokus-grupp) [Models of Applicants' Behavior in a Pandemic (on the Material of Focus Groups)]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. 5. pp. 40–45.
6. Vikhman, V.V. & Romm, M.V. (2021) "Tsifrovye dvoyniki" v obrazovanii: perspektivy i real'nost' ["Digital Twins" in Education: Prospects and Reality]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2 (30). pp. 22–32. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32
7. Yasnitskiy, L.N. (2016) [Possibilities of identifying the ability of people to scientific activity by artificial intelligence methods]. *Iskusstvennyy intellekt v reshenii aktual'nykh sotsial'nykh i ekonomicheskikh problem XXI veka* [Artificial Intelligence in Solving Actual Social and Economic Problems of the 21st Century]. Proceedings of the All-Russian Conference. Perm. 18–19 May 2016. Perm: Perm State University. pp. 193–200. (In Russian).
8. Li, Y.J. et al. (2017) User identification based on the display name across online social network sites. *IEEE Access*. 5. pp. 17342–17353.
9. Zabokritskaya, L.D. et al. (2020) Vozmozhnosti izucheniya tsennostey molodezhi cherez profil' sotsial'noy seti "Vkontakte" [Opportunities to study the values of young people through the profile of the social network "Vkontakte"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2 (156). pp. 148–167. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
10. Zhou, X.P. et al. (2016) Cross-platform identification of anonymous identical users in multiple social media networks. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*. 28. pp. 411–424.
11. Tchuente, D. et al. (2013) A community-based algorithm for deriving users' profiles from egocentric networks: experiment on Facebook and DBLP. *Social Network Analysis and Mining*. 3. pp. 667–683.
12. Kaveeva, A.D. & Gurin, K.E. (2018) Lokal'nye seti druzhby "VKontakte": vosstanovlenie propushchennykh dannykh o gorode prozhivaniya pol'zovateley [Local friendship networks "VKontakte": recovery of missing data about the city of residence of users]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 78–90. doi: 10.14515/monitoring.2018.3.05
13. Zhou, X. et al. (2018) Structure Based User Identification across Social Networks. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*. 30. pp. 1178–1191.
14. Sha, Y., Liang, Q. & Zheng, K.J. (2016) Matching user accounts across social networks based on users message. *Procedia Computer Science*. 80. pp. 2423–2427.
15. Roedler, R., Kergl, D. & Rodosek, G.D. (2016) Profile matching across online social networks based on geo-tag. *Advances in Nature and Biologically Inspired Computing*. 419. pp. 417–428.
16. White, R.W., Bailey, P. & Chen, L. (2009) [Predicting user interests from contextual information]. *SIGIR '09*. Proceedings of the 32nd International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval. Boston, MA. 19–23 July 2009. New York: Association for Computing Machinery. pp. 363–370. doi: 10.1145/1571941.1572005
17. Mezghani, M. et al. (2017) Producing relevant interests from social networks by mining users' tagging behaviour: A first step towards adapting social information. *Data & Knowledge Engineering*. 108. pp. 15–29. doi: 10.1016/j.datak.2016.12.003
18. Babkin, E., Babkina, T. & Demidovskiy, A. (2018) Hybrid neural network and bi-criteria tabu-machine: comparison of new approaches to maximum clique problem. *Big Data Intelligence*. 3 (5). [Online] Available from: <https://publications.hse.ru/articles/225135427>.
19. Babkin, E. & Demidovskiy, A. (2019) Developing a distributed linguistic decision making system. *Business Informatics*. 1 (13). pp. 18–32. [Online] Available from: <https://bijournal.hse.ru/en/2019--1%20Vol.13/269673867.html>.

Информация об авторах:

Забокрицкая Л.Д. – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: zabokritskaya@urfu.ru

Оreshkina Т.А. – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, первый заместитель директора Института фундаментального образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

Обабков И.Н. – канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой интеллектуальных информационных технологий, директор Института радиотехники и информационных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: I.N.Obabkov@urfu.ru

Чепуров Е.Г. – зав. учебной лабораторией робототехники и автоматизированных систем управления технологических процессов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: evgeny.chepurov@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.D. Zabokritskaya, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: zabokritskaya@urfu.ru

T.A. Oreshkina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, first deputy director of the Institute for Fundamental Education, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

I.N. Obabkov, Cand. Sci. (Engineering), docent, head of the Intelligent Information Technologies Department; director of the Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems; Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: I.N.Obabkov@urfu.ru

E.G. Chepurov, head, Laboratory of Robotic Engineering and Automated Industrial Process Control Systems, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: evgeny.chepurov@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 316.6:316.346.32-053.9
doi: 10.17223/15617793/485/25

Самооценка здоровья среди пожилых людей Томской области

Екатерина Александровна Таран¹, Вероника Анатольевна Маланина^{2, 3}, Елена Игоревна Клемашева⁴

^{1, 3, 4} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ektatan@yandex.ru

^{2, 3} milanskaya@mail.ru

⁴ klemaha@mail.ru

Аннотация. Проведен опрос респондентов старше 55 лет (2021 г., Томская область, N = 400), который выявил сильные положительные взаимосвязи между самооценкой здоровья, удовлетворенностью жизнью и счастьем. Представлены новые эмпирические данные, свидетельствующие о заметно более низкой самооценке здоровья среди женщин, вдов(цов), горожан и неработающих пожилых людей. У респондентов, оценивающих свое материальное положение как очень плохое и очень хорошее, самооценка здоровья ниже, чем у людей со средними оценками своего дохода.

Ключевые слова: самооценка здоровья, капитал здоровья, субъективное благополучие, пожилые люди, Томская область

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00300, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>.

Для цитирования: Таран Е.А., Маланина В.А., Клемашева Е.И. Самооценка здоровья среди пожилых людей Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 226–232. doi: 10.17223/15617793/485/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/25

Self-perceived health among older adults in Tomsk Oblast

Ekaterina A. Taran¹, Veronika A. Malanina^{2, 3}, Elena I. Klemasheva⁴

^{1, 3, 4} Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ektatan@yandex.ru

^{2, 3} milanskaya@mail.ru

⁴ klemaha@mail.ru

Abstract. This article aims to identify the factors presumably contributing to the self-perception of health of older adults. Subjective assessments of health, resilience, life satisfaction, happiness are becoming increasingly valuable along with objective quality-of-life measurements. The dataset for the research was collected on the basis of a sociological survey conducted among 400 older adults (aged 55+) in Tomsk Oblast in April 2021. The survey sample is representative for the region in terms of gender and urban-rural balance. The questionnaire was designed in accordance with the methodology and practices of regular cross-sectional international and all-Russia surveys, namely the European Social Survey (ESS) and the Comprehensive Monitoring of Living Conditions (CMLC). We were also granted permission to use the verified version of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC-25) in Russian from the authors of this methodology. Thus, we present novel empirical data to understand how factors of older adults' subjective wellbeing are interconnected. Descriptive statistics show that for Tomsk older adults mean self-perceived health assessment reaches 5.5 on a 10-score scale. Higher self-perceived health is registered among men, persons living with a partner, persons without disabilities, employed persons, and rural dwellers. The assessments of happiness, life satisfaction, satisfaction with filial support, communications and resilience are above average. About 30% of the sample are full-time or bridge-employed. All things considered, 42% cannot afford buying anything but food and one third can only buy food, clothes and footwear. We built linear models, t-tests and ANOVA with self-perceived health as a dependent variable and a range of socio-demographic characteristics, subjective assessments of well-being, financial status, social interactions and physical activity as independent variables. The results show that self-perceived health is interrelated positively, significantly ($p < 0.01$) and strongly (high R squared) with life satisfaction (0.402) and happiness (0.368). Other probable predictors like resilience, financial hardship, social interactions, physical activity and satisfaction with filial support fail to

show considerable contribution to health self-assessment. Self-perceived health is highly positively correlated with comparative health and total resilience. We can also trace close interrelations between independent variables, namely, happiness and life satisfaction (.667**), happiness and resilience (.448**), which is common for most international surveys and proves the reliability of the data collected.

Keywords self-perceived health, health capital, subjective wellbeing, older adults, Tomsk Oblast

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300, <https://rscf.ru/project/19-18-00300/>

For citation: Taran, E.A., Malanina, V.A. & Klemasheva, E.I. (2022) Self-perceived health among older adults in Tomsk Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 226–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/25

Введение

Устойчивый интерес к изучению демографических тенденций последних десятилетий обусловлен длящимся изменением в возрастной структуре населения. В современных условиях турбулентности внешней среды реализация ресурсного потенциала старшего поколения в большей степени актуализируется в контексте необходимости наличия условий и возможностей для сохранения и накопления капитала здоровья, особенно когда анализ удовлетворенности пожилых людей своим здоровьем как грани ресурсного потенциала и показателя капитала здоровья продемонстрировал его наибольшее падение по сравнению с другими показателями субъективного благополучия. На основе отмеченных вызовов необходимо сформировать ответы посредством участия личности и социума в организации ответственного здоровьесбережения, формирования современной инфраструктуры для поддержания здоровья и активного долголетия на основе анализа детерминант капитала здоровья. Капитал здоровья, трактуемый как «актив, позволяющий его обладателю как можно дольше “использовать по назначению” свой человеческий капитал» [1], имеет особое значение для качества жизни пожилых людей и реализации их ресурсного потенциала. В исследовании поставлена задача выявить взаимосвязи между потенциальными предикторами самооценки здоровья: удовлетворенностью жизнью, счастьем, уровнем жизнестойкости, физической активностью, демографическими характеристиками пожилых людей, проживающих в Томской области, в период пандемии COVID-19.

Обзор литературы

Междисциплинарный подход в исследовании капитала здоровья проявляется в анализе здоровья не только как физиологического состояния, но также как экономического и социального [2]. В данном направлении наибольший исследовательский интерес в области капитала здоровья сосредоточен в его изучении посредством анализа субъективной оценки здоровья пожилыми людьми. Исследование, проведенное на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) в 1994–2010 гг. для респондентов всех возрастов, показало, что для российских мужчин характерна более высокая самооценка здоровья, сопровождающаяся менее сохранным поведением в отношении здоровья. Также

выявлена взаимосвязь положительной самооценки здоровья с удовлетворенностью жизнью, удовлетворенностью материальным положением и оптимизмом относительно будущего [3]. Отдельными авторами предлагается повышать субъективные оценки здоровья пожилыми людьми через вовлеченность в образовательную активность [4].

Актуальные международные исследования приводят к похожим выводам. Среди пожилых людей Португалии основными детерминантами самооценки здоровья и удовлетворенности жизнью являются наличие хронических заболеваний, физические ограничения в повседневной жизни, депрессия. Результаты также показали значимость социальных взаимодействий и дохода в формировании субъективных оценок здоровья и удовлетворенности жизнью [5].

Обследование более чем 10 000 корейских пожилых респондентов выявило положительную корреляцию когнитивной функции (как составляющей здоровья) с удовлетворенностью жизнью, а также взаимосвязь физической немощи с потерей социальных связей [6].

Исследование Мичиганского университета, проведенное в рамках оценки изменения в удовлетворенности жизнью и 35 показателей физического, поведенческого и психосоциального здоровья и благополучия среди взрослых американцев старше 50 лет, продемонстрировало, что участники с самой высокой удовлетворенностью жизнью имели лучшие результаты по некоторым объективным показателям физического здоровья и поведению в отношении сохранения и поддержания здоровья. Вместе с тем удовлетворенность жизнью оказалась не взаимосвязана с хроническими заболеваниями и состояниями или вредными привычками [7].

Важность субъективных индикаторов благополучия наравне со здоровьем подчеркивается и в другом лонгитюдном исследовании пожилых американцев [8], выявившем падение удовлетворенности жизнью и оптимизма с возрастом.

Значимость здоровья для пожилых людей признается и в исследованиях открытости и доступности рынка труда и желательности продления трудовой активности в возрасте старше трудоспособного [9]. Вне зависимости от степени благоприятствования институциональных условий сохранения занятости, здоровье остается главным регулятором трудоспособности, по сути, активом, без которого невозможно использование человеческого капитала [1].

Методы исследования

Исследование проводилось в апреле–мае 2021 г. в г. Томске и Томской области путем поквартирных опросов по случайной выборке с элементами квотирования. Респонденты были распределены: по месту проживания (51% в городах и 49% в поселках и деревнях), по возрасту (от 55 лет до 65 лет – 52,3%, и от 65 лет и старше – 47,7%) и по полу в соответствии с утвержденной выборкой. Было опрошено 400 человек. Ответы респондентов, проживающих в Томске, собраны из разных районов города с разным социально-экономическим статусом (благополучные и неблагополучные районы). Проведение опроса и инструктаж интервьюеров, контроль поля, ввод данных и составление матрицы данных в формате SPSS осуществлялись силами ООО ЦСМИ «Контекст».

Самооценка здоровья респондентов измерялась через вопрос анкеты: «Как Вы в целом оцениваете состояние своего здоровья? По Вашему мнению, оно...» (по шкале от 0 до 10, где 0 – «очень плохое», 10 – «очень хорошее»), и рассматривалось во взаимосвязи со следующими независимыми переменными:

Субъективное благополучие. Удовлетворенность жизнью измерялась традиционным для современной социологии вопросом «Учитывая все факторы, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в настоящее время?». Оценка производилась по шкале от 0 до 10, где 0 означает «полностью не удовлетворен(а)», а 10 – «полностью удовлетворен(а)». Счастье измерялось вопросом «Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?». Респонденты использовали шкалу от 1 – «очень несчастливы», до 10 «очень счастливы».

Жизнестойкость измерялась при помощи валидизированной на русском языке шкалы Коннор–Дэвидсона (Connor–Davidson Resilience Scale, CD-RISC-25) [10]. Данная шкала самооценки включает в себя 25 вопросов, ответы на которые оцениваются по пятибалльной шкале от 0 до 4 баллов (диапазон: 0 («совершенно неверно»), 1 («правда, но редко»), 2 («иногда правда»), 3 («часто правда») и 4 («правда почти всегда»)). Суммарное значение жизнестойкости может находиться в диапазоне от 0 до 100 баллов, где 100 соответствует максимально высокому уровню жизнестойкости.

Социально-экономические факторы. Финансовое благополучие оценивалось при помощи вопросов:

1. «Как бы Вы оценили свое материальное положение?» Предлагается выбрать один вариант из ответов: «могу покупать все, что захочется», «могу покупать многое, но крупные приобретения недоступны», «могу покупать новую одежду и обувь», «все деньги уходят на питание» и «денег не хватает даже на питание».

2. «Было ли Вам трудно за последние 12 месяцев покрыть необходимые расходы на проживание, такие как жилье, электричество, вода, здравоохранение, питание, одежда, транспорт?» Варианты ответов: 0 – «очень сложно», 1 – «трудно», 2 – «ни трудно, ни легко», 3 – «легко», 4 – «очень легко».

3. «Каков Ваш основной род занятий, которому Вы посвящаете большую часть времени (дня, неде-

ли)?» Респондентам предлагалось выбрать из более десяти вариантов времяпрепровождения, включая различные варианты занятости и досуга, в том числе была возможность предложить свой вариант ответа. Для целей данного исследования пожилые люди были разбиты на две группы: занятые (полная, неполная занятость, предпринимательство и т.д.) и незанятые (большую часть своего времени посвящающие неоплачиваемой деятельности – хобби, домашнему хозяйству, общению с семьей и друзьями).

4. «Сколько в среднем в месяц составляет доход Вашей семьи?» Предлагается выбрать один из десяти шагов на шкале от «менее 12 000 руб.» до «более 80 000 руб.».

Социальные связи, которые оценивались с помощью следующих вопросов:

1. «Как часто Вы общаетесь с родными, знакомыми, друзьями?». Интенсивность общения измерялась по шкале от «никогда» до «несколько раз в день».

2. «Насколько Вы удовлетворены помощью и поддержкой близких Вам людей в случаях, когда Вам нужна такая помощь (не только материальная)?» Оценка проводилась по шкале от 1 до 10, где 1 означает «не удовлетворен(а)», а 10 – «полностью удовлетворен(а)».

Физическая активность и сравнительная оценка здоровья по следующим вопросам:

1. «Сколько дней в неделю Вы занимаетесь любыми видами физической активности (прогулки, фитнес, танцы, велосипед и др.)?» Респонденты указывают количество дней – от 0 до 7.

2. «Назначена ли Вам группа по инвалидности?» Для целей данного исследования ответы респондентов, включающие в том числе разбивку по группам инвалидности, были перекодированы в дихотомическую переменную: «есть инвалидность» и «нет инвалидности».

3. «Как бы Вы оценили Ваше здоровье по сравнению с другими людьми вашего возраста?» Предлагалось выбрать один вариант ответа из пяти: «гораздо лучше, чем у большинства», «лучше, чем у большинства», «примерно так же, как и у большинства сверстников», «хуже, чем у большинства», «гораздо хуже, чем у большинства».

4. Здоровье на пенсии: «Сталкивались ли Вы с серьезными трудностями, которые сильно повлияли на Вашу будущую жизнь? (Укажите, пожалуйста, в какой сфере и в какой период жизни)». Респонденты выбирают в списке травмирующих ситуаций «здоровье» и период жизни «в пенсионном возрасте».

Демографические характеристики: место проживания (город или село/поселок/деревня, пол (женский, мужской), возраст, образование (среднее общее и ниже, среднее профессиональное и высшее), семейное положение (состоит в браке, не состоит в браке, вдовец/вдова).

Описание выборки

В исследовании приняли участие респонденты в возрасте старше 55 лет. Средний возраст участников исследования составил 66,3 лет (SD = 7,7, диапазон = 55–92). В исследуемой выборке женщин представлено больше, чем мужчин (женщин – 247; муж-

чин – 153), что соответствует разной продолжительности жизни у представителей двух полов. Фактически в Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин составляет 65,5 лет, а для женщин – 74,5 года. В Томской области ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 65 и 74,4 года для мужчин и женщин соответственно [11]. Большинство респондентов имеют среднее профессиональное (52%) образование, высшее есть у 25% респондентов, среднее и ниже – у 23%. Более половины опрошенных состоит в браке (53%), а чуть менее (31%) респондентов овдовели. Около 49% выборки проживали в сельской местности.

Анализ

Учитывая характер данного исследования, влияние каждой независимой переменной (удовлетворенность жизнью, счастье, жизнестойкость, место проживания, возраст, пол, семейное положение и образование, финансовое благополучие и социальные связи) на зависимую переменную (самооценка здоровья) анализировали с использованием двумерного анализа. Были проанализированы как сила связи (критерий корреляции Спирмена для порядковых и интервальных переменных, бисериальный коэффициент для дихотомических переменных), так и средние различия (t-test критерии Стьюдента и ANOVA для категориальных переменных и линейные регрессии для порядковых переменных) независимых переменных, за исключением двух неупорядоченных категориальных переменных: семейного положения и образования, которые были проанализированы только с помощью дисперсионного анализа. Стандартное нормальное распределение имеет асимметрию и избыточный эксцесс, равные

нулю. Статистическая значимость оценивается с 0,05 в качестве порогового уровня. Все анализы проводились с использованием статистического пакета SPSS-27.

Результаты исследования

Описательная статистика для зависимой переменной (самооценка здоровья) и независимых переменных (субъективное благополучие, жизнестойкость, физическая активность и социально-экономические параметры) представлена в табл. 1.

Данные таблицы свидетельствуют о среднем уровне самооценки респондентами своего здоровья (5,5), физической активности (3,9 из 7), уровня дохода (код 5 соответствует доходу в интервале 21–25 тысяч рублей) и бремени расходов за последние 12 месяцев (медианное значение 2 соответствует оценке «ни трудно, ни легко»). При этом более 42% респондентов не могут позволить себе никаких покупок, кроме продуктов питания, и еще треть респондентов не могут позволить себе значимых приобретений, только одежду и обувь. В оценках сравнительного здоровья также преобладают с большим перевесом относительно других вариантов ответа средние оценки «примерно такое же (здоровье), как у большинства сверстников». Данный вопрос часто используется в современных опросниках, но средние оценки часто превалируют в силу того, что запрашивается не просто самооценка, а сравнительное субъективное суждение относительно здоровья. Выше средних значений оказались показатели счастья, удовлетворенности жизнью, удовлетворенности поддержкой близких, общения с друзьями и интегрального показателя жизнестойкости. Более 30% опрошенных в той или иной мере продолжают трудовую активность.

Таблица 1

Описательные статистики выборки (2021 г., Томск, N = 400)

Переменная	Среднее в баллах или %	Стандартное отклонение или количество	Медиана	Диапазон
Самооценка здоровья	5,5	2	5	0–10
Удовлетворенность жизнью	6,4	2,2	6	0–10
Счастье	6,9	2,2	7	0–10
Жизнестойкость	62,5	18,7	64	0–100
Трудности с расходами в последние 12 мес.	1,6	0,8	2	0–4
Доход семьи	5,1	2,2	5	1–10
Общение с друзьями	6	1	6	0–7
Удовлетворенность помощью близких	8	2,2	8	1–10
Физическая активность	3,9	2,7	4	0–7
Занятость:				
Не работает	68,5	274		
Работает	31,5	126		
Материальное положение:				
Денег не хватает даже на питание	5	20		
Все деньги уходят на питание	37,3	149		
Могу покупать новую одежду и обувь	32,3	129		
Могу покупать многое, но крупные приобретения недоступны	22,8	91		
Могу покупать все, что захочется	2,8	11		
Инвалидность:				
Есть группа инвалидности	12,5	50		
Нет инвалидности	87,5	350		
Сравнительное здоровье:				
Гораздо хуже, чем у большинства	2,3	9		
Хуже, чем у большинства	11	44		
Примерно так же, как у большинства	58,8	235		
Лучше, чем у большинства	16,5	66		
Гораздо лучше, чем у большинства	6	24		
Затрудняюсь ответить	5,5	22		

Анализ корреляционных взаимосвязей между переменными капитала здоровья, включенными в исследование, приведен в табл. 2. Из 16 протестированных переменных 12 значимо коррелируют с самооценкой здоровья (уровень значимости $p < 0,01$). Связи самооценки здоровья с переменными пола, места проживания, дохода семьи и общения с друзьями можно признать незначимыми. Наиболее сильно самооценка здоровья коррелирует со сравнительным здоровьем, жизнестойкостью, удовлетворенностью жизнью и счастьем. Интересны также взаимосвязи между независимыми переменными, например между

счастьем и удовлетворенностью жизнью (.667**), счастьем и жизнестойкостью (.448**). Уровень жизнестойкости тестируется на выборке пожилых томичей впервые, высокая положительная корреляция между счастьем и удовлетворенностью жизнью достаточно типична, и большинство исследований в различных странах демонстрируют именно ее. В целом по данной выборке объективные переменные семейного статуса, дохода, пола, образования существенно слабее коррелируют с самооценкой здоровья в сравнении с субъективными оценками удовлетворенности, счастья, жизнестойкости и др.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Спирмена для интервальных/порядковых переменных и бисериальный коэффициент корреляции для дихотомических переменных

Переменная	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Оценка здоровья	–																
2. Общение с друзьями	–.018	–															
3. Пол	–.074	–.028	–														
4. Образование	.138**	–.006	.056	–													
5. Материальное положение	.252**	–.04	–.138**	.145**	–												
6. Занятость	–.219**	–.023	.109*	–.087	–.184**	–											
7. Жизнестойкость	.442**	–.03	–.043	.167**	.302**	–.176**	–										
8. Удовлетворенность помощью близких	.203**	–.06	.150**	.015	.08	.071	.246**	–									
9. 12 месяцев трудности с расходами	.269**	–.105*	–.028	.153**	.510**	–.123*	.277**	.123*	–								
10. Удовлетворенность жизнью	.441**	–.07	.025	.104*	.309**	–.07	.357**	.286**	.340**	–							
11. Счастье	.421**	–.08	.02	.077	.282**	–.011	.448**	.357**	.295**	.667**	–						
12. Возраст	–.300**	.01	.034	–.071	.04	.437**	–.176**	.00	.08	.03	.00	–					
13. Место проживания	.057	.003	.004	–.136**	.027	.037	.013	.061	.01	.016	.110*	.015	–				
14. Доход семьи	.114*	–.07	–.141**	.205**	.426**	–.316**	.144**	.03	.403**	.216**	.227**	–.01	–.053	–			
15. Физическая активность	.248**	.00	–.034	.03	.08	.03	.234**	.228**	.09	.099*	.192**	–.07	.205**	.013	–		
16. Инвалидность	–.297**	–.034	–.014	–.06	.02	.142**	–.199**	–.099*	–.078	–.114	–.175**	.167**	–.021	–.024	–.135**	–	
17. Сравнительное здоровье	.531**	–.07	–.113*	.117*	.290**	–.197**	.348**	.166**	.261**	.221**	.241**	–.04	.035	.139**	.218**	–.202**	–

Примечание. N = 400 (кроме сравнительного здоровья N = 378 и дохода семьи N = 394). Коэффициенты переменных, которые значимо коррелируют с самооценкой здоровья, выделены жирным шрифтом. Интервальные или порядковые переменные: «Оценка здоровья», «Общение с друзьями», «Образование», «Материальное положение», «Жизнестойкость», «Удовлетворенность помощью близких», «12 месяцев трудности с расходами», «Удовлетворенность жизнью», «Счастье», «Возраст», «Доход семьи», «Физическая активность», «Сравнительное здоровье». Дихотомические переменные: «Пол», «Занятость», «Место проживания», «Инвалидность» * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 3

Линейные модели (порядковые или интервальные переменные), t-тесты и ANOVA (категориальные переменные) с оценкой здоровья в качестве зависимой переменной

Независимая переменная	Самооценка здоровья
Удовлетворенность жизнью	$B = 0,402$; $p < 0,01$; $SE = 1,81$; $CI = (0,32, 0,48)$; $R = 0,193$
Счастье	$B = 0,368$; $p < 0,01$; $SE = 1,85$; $CI = (0,29, 0,45)$; $R = 0,158$
Жизнестойкость	$B = 0,049$; $p < 0,01$; $SE = 1,79$; $CI = (0,04, 0,06)$; $R = 0,206$
Трудности с расходами за последние 12 месяцев	$B = 0,611$; $p < 0,01$; $SE = 1,96$; $CI = (0,37, 0,85)$; $R = 0,056$
Доход семьи	$B = 0,115$; $p < 0,01$; $SE = 2$; $CI = (0,02, 0,21)$; $R = 0,013$
Общение с друзьями	$B = 0,053$; $p < 0,01$; $SE = 2,02$; $CI = (-0,15, 0,26)$; $R = -0,002$
Удовлетворенность помощью близких	$B = 0,180$; $p < 0,01$; $SE = 1,98$; $CI = (0,09, 0,27)$; $R = 0,035$
Физическая активность	$B = 0,193$; $p < 0,01$; $SE = 1,95$; $CI = (0,12, 0,26)$; $R = 0,067$
Возраст	$B = -0,081$; $p < 0,01$; $SE = 1,92$; $CI = (-0,11, -0,06)$; $R = 0,092$
Семейное положение:	
В браке	5,75 (1,94)
Не в браке	5,38 (1,89)
Вдовец/вдова	5,07 (2,16)

Независимая переменная	Самооценка здоровья
Образование:	
Среднее общее и ниже	4,82 (2,53)
Среднее профессиональное	5,64 (1,80)
Высшее	5,74 (1,81)
Материальное положение:	
Могу покупать все, что захочется	4,82 (2,32)
Могу покупать многое, но крупные приобретения недоступны	6,09 (2,06)
Могу покупать новую одежду и обувь	5,88 (1,88)
Все деньги уходят на питание	5,05 (1,84)
Денег не хватает даже на питание	3,75 (2,19)
Сравнение здоровья со сверстниками:	
Гораздо хуже, чем у большинства	2,00 (1,58)
Хуже, чем у большинства	3,48 (1,66)
Примерно так же, как у большинства	5,44 (1,57)
Лучше, чем у большинства	6,80 (1,72)
Гораздо лучше, чем у большинства	7,38 (2,36)
Занятость:	
Не работает	5,18 (2,04)
Работает	6,13 (1,82)
Место проживания:	
Город	5,37 (2,12)
Село/поселок/деревня	5,60 (1,90)
Инвалидность:	
Есть группа инвалидности	3,90 (1,90)
Нет инвалидности	5,71 (1,94)
Пол:	
Мужчины	5,67 (2,08)
Женщины	5,36 (1,98)

Примечание. N = 400. Анализ проводился с применением ANOVA («Семейное положение», «Образование», «Сравнение со сверстниками», «Материальное положение»), t-теста («Пол», «Место жительства», «Наличие инвалидности», «Занятость») или линейной регрессии («Удовлетворенность жизнью», «Счастье», «Жизнестойкость», «Трудности с расходами за последние 12 месяцев», «Доход семьи», «Общение с друзьями», «Физическая активность»). Среднее значение (стандартное отклонение) оценки здоровья представлена как функция категориальных переменных. Для статистически значимых тестов средние значения и коэффициенты выделены жирным шрифтом. Для линейных моделей предусмотрены следующие значения: B = ненормированный коэффициент; SE = стандартные ошибки; CI = 95% доверительный интервал; R = скорректированный R-квадрат.

Из табл. 3 следует, что на самооценку здоровья сильно положительно, значимо ($p < 0,01$) и со значительным объясняющим потенциалом (R-квадрат) влияют удовлетворенность жизнью (0,402) и счастье (0,368). Для остальных потенциальных порядковых и интервальных предикторов мы видим либо слабое воздействие на самооценку здоровья (коэффициент B), либо невысокий R-квадрат, либо комбинацию этих исходов.

Выводы и дискуссия

Проведенное исследование взаимосвязи самооценки здоровья с показателями субъективного благополучия, уровнем жизнестойкости, социально-экономическими факторами, физической активностью и демографическими характеристиками на выборке пожилых людей, проживающих в Томской области, показало значимые корреляции субъективных факторов между собой и слабые корреляции субъективных и объективных факторов благополучия.

Анализ номинальных и порядковых переменных на томской выборке подтвердил несколько достаточно устойчивых феноменов, ранее отмеченных други-

ми исследователями благополучия пожилых людей. Часто на разных страновых выборках женщины и вдовцы/вдовы демонстрируют относительно низкую самооценку здоровья, что справедливо для выборки данного исследования. В томской выборке более высокую самооценку здоровья имеют мужчины, респонденты, находящиеся в браке, не имеющие инвалидности, работающие и жители деревни. Иногда эти различия более существенны – почти на балл между работающими и неработающими, почти на два балла между людьми с инвалидностью и без таковой. В то же время различия между мужчинами и женщинами, а также между горожанами и сельскими жителями выражены слабее. Субъективная оценка материального положения и самооценка здоровья связаны нелинейно. Респонденты, выбравшие вариант «могу покупать все, что захочется» в среднем имеют самооценку здоровья хуже тех, кто тратит все деньги на питание. Представляется разумным, что если капитал здоровья по каким-то причинам подорван, хорошее материальное положение и возможность оплачивать медицинские услуги не компенсируют переживания и опасения относительно здоровья.

Список источников

- Grossman M. The demand for health, 30 years later: a very personal retrospective and prospective reflection // Journal of health economics. 2004. Vol. 23(4). P. 629–36.
- Эмилиано М., Присяжная Н.В. Здоровье и человеческий капитал: к вопросу социального благополучия населения // Социология медицины. 2016. Т. 15, № 2. С. 73–79.
- Назарова И.Б. Здоровье и качество жизни жителей России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 139–145.
- Беловол Е.В., Бойко З.В., Радых И.В., Радых Б.Б., Шурупова Е.Ю. Здоровье лиц «третьего возраста»: объективное и субъективное в представлениях пожилых людей о своем здоровье // Экология человека. 2016. № 4. С. 45–49.

5. Tavares A.I. Health and life satisfaction factors of Portuguese older adults // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2022. Vol. 99. P. 104600. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494321002636> (дата обращения: 07.07.2022).
6. Ko H., Jung S.J. Association of social frailty with physical health, cognitive function, psychological health, and life satisfaction in community-dwelling older Koreans // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18 (2). P. 818. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/2/818/htm> (дата обращения: 07.07.2022).
7. Kim E.S. et al. Life satisfaction and subsequent physical, behavioral, and psychosocial health in older adults // *The Milbank Quarterly*. 2021. Vol. 99 (1). P. 209–239. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0009.12497> (дата обращения: 07.07.2022).
8. Hudomiet P., Hurd M.D., Rohwedder S. The age profile of life satisfaction after age 65 in the US // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2021. Vol. 189. P. 431–442. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268121002857> (дата обращения: 07.07.2022).
9. Carlstedt A.B. et al. A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of “bridge employment” // *Work*. 2018. Vol. 60 (2). P. 175–189.
10. Connor K.M., Davidson J.R.T. Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson resilience scale (CD-RISC) // *Depression and anxiety*. 2003. Vol. 18 (2). P. 76–82.
11. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 11.07.2022).

References

1. Grossman, M. (2004) The demand for health, 30 years later: a very personal retrospective and prospective reflection. *Journal of Health Economics*. 4 (23). pp. 629–636.
2. Emiliano, M. & Prisyazhnaya, N.V. (2016) Zdorov'e i chelovecheskiy kapital: k voprosu sotsial'nogo blagopoluchiya naseleniya [Health and human capital: on the issue of social welfare of the population]. *Sotsiologiya meditsiny*. 2 (15). pp. 73–79.
3. Nazarova, I.B. (2014) Zdorov'e i kachestvo zhizni zhiteley Rossii [Health and quality of life of Russian residents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 139–145.
4. Belovol, E.V. et al. (2016) Zdorov'e lits “tret'ego vozrasta”: ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v predstavleniyakh pozhilykh lyudey o svoem zdorov'e [Health of persons of the “third age”: objective and subjective in the views of older people about their health]. *Ekologiya cheloveka*. 4. pp. 45–49.
5. Tavares, A.I. (2022) Health and life satisfaction factors of Portuguese older adults. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 99. P. 104600. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494321002636>. (Accessed: 07.07.2022).
6. Ko, H. & Jung, S.J. (2021) Association of social frailty with physical health, cognitive function, psychological health, and life satisfaction in community-dwelling older Koreans. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2 (18). P. 818. [Online] Available from: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/2/818/htm>. (Accessed: 07.07.2022).
7. Kim, E.S. et al. (2021) Life satisfaction and subsequent physical, behavioral, and psychosocial health in older adults. *The Milbank Quarterly*. 1 (99). pp. 209–239. [Online] Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0009.12497>. (Accessed: 07.07.2022).
8. Hudomiet, P., Hurd, M.D. & Rohwedder, S. (2021) The age profile of life satisfaction after age 65 in the US. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 189. pp. 431–442. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268121002857>. (Accessed: 07.07.2022).
9. Carlstedt, A.B. et al. (2018) A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of “bridge employment”. *Work*. 2 (60). pp. 175–189.
10. Connor, K.M. & Davidson, J.R.T. (2003) Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson resilience scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety*. 2 (18). pp. 76–82.
11. Federal State Statistics Service. (n.d.) Ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii [Life expectancy at birth]. *EMISS. Gosudarstvennaya statistika* [EMISS. State statistics]. [Online] Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293>. (Accessed: 11.07.2022).

Информация об авторах:

Таран Е.А. – канд. экон. наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ektatan@yandex.ru

Маланина В.А. – канд. экон. наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); доцент кафедры экономики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: milanskaya@mail.ru

Клемашева Е.И. – канд. экон. наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: klemaha@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Taran, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ektatan@yandex.ru

V.A. Malanina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: milanskaya@mail.ru

E.I. Klemasheva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klemaha@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022;
одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 08.09.2022;
approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/485/26

Использование психологического анализа устной речи и биографического метода в изучении личности

Татьяна Александровна Алексеева¹, Владимир Лишиньевич Юань²

¹ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия,
tanyaalek@yandex.ru

² Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия, it-rigon@mail.ru

Аннотация. Обозначена необходимость сочетания психологических и криминалистических методов изучения личности преступника. В качестве методов представлены анализ устной речи и биографический метод. Приведена взаимосвязь элементов структуры устной речи и биографии. Описаны типовые речевые модели поведения отдельных психологических типов во время дачи показаний. Особенности устной речи отдельных психологических типов проанализированы с учетом криминалистической структуры устной речи.

Ключевые слова: устная речь, психологический тип, личность преступника

Для цитирования: Алексеева Т.А., Юань В.Л. Использование психологического анализа устной речи и биографического метода в изучении личности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 233–239. doi: 10.17223/15617793/485/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/26

The use of psychological analysis of oral speech and the biographical method in the study of personality

Tatyana A. Alekseeva¹, Vladimir L. Yuan²

¹ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation,
tanyaalek@yandex.ru

² West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation it-rigon@mail.ru

Abstract. The study of personality is a cross-cutting direction of research in forensic science. One of the most effective methods for studying personality is the analysis of biographical information. Oral speech is of particular importance in the production of investigative actions that have a communicative aspect, such as interrogation, confrontation and presentation for identification on the basis of voice and speech. Signs of speech are individual, which determines their forensic significance. The aim of the work is to consider the possibilities of forensic research of personality through psychological analysis of oral speech and the biographical method. The main research methods were the biographical method of studying personality and the method of analyzing oral speech. The features of a typical speech model of participants in investigative actions belonging to various psychological types were analyzed. In recent decades, a new integrative field of scientific knowledge, the forensic doctrine of speech, has been actively formed in world forensic science at the intersection of psychology and linguistics. This line of research is based on the premise that a person's oral speech is the richest source of information about a wide variety of features that characterize the speaker. Information about these features is established on the basis of an analysis of vocabulary, syntax, accent, and many other features of oral speech. Participating in the process of trace formation, reflection of events, recorded oral speech becomes a carrier of forensically significant information necessary for the detection and disclosure of crimes. The interrelation of the personality's biography with the elements of the structure of oral speech is determined. For example, some structural elements of oral speech (content) reflect individual symbols and personally significant information in speech, which is closely related to the psychological data and social status of the individual (education and professional activity). The authors note a tendency in the analysis of speech behavior – the use of a typological approach, which makes it possible to individualize tactics in the production of investigative actions. The characteristics of a typical speech model of ten psychological types of participants in investigative actions are considered. The integration of psychological research methods into forensics also gives rise to a number of problems, such as the choice of the optimal personality typology, the need to develop a unified methodology for

the psychological analysis of oral speech and the availability of specialists capable of analyzing speech on the basis of a special technical base.

Keywords: oral speech, psychological type, offender's personality

For citation: Alekseeva, T.A. & Yuan, V.L. (2022) The use of psychological analysis of oral speech and the biographical method in the study of personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 233–239. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/26

Криминалистическое изучение личности представляет собой сложную аналитическую работу, в процессе которой используются как широкий круг источников информации о личности, так и большой спектр научных методов познания. Точность и полнота результата анализа находятся в прямой зависимости от методов познания, поэтому необходимо применение всех доступных методов изучения личности в криминалистической науке. Данный вывод был сделан на основе проведенных исследований, которые наглядно показали эффективность криминалистического изучения личности посредством различных методов [1. С. 212]. Достижение большей полноты, глубины и точности познания посредством использования большего числа методов криминалистического изучения личности происходит следующими путями:

1) дополнением собранной информации о личности новыми сведениями;

2) уточнением ранее выявленных одним методом криминалистически значимых тенденций и характеристик изучаемой личности другим методом;

3) путем проверки собранной совокупности информации с целью выявления противоречий и достаточной целостности сформированной картины.

Последний пункт требует уточнения. В психологических исследованиях известен феномен искажения экспериментального результата, который имеет даже специальный научный термин – «артефакт». Артефакты возникают как из-за отклонений в процедуре проведения исследования, так и из-за дефектов используемых методик. Сказанное приводит к выводу о том, что нет никаких гарантий безусловного и абсолютного результата криминалистического изучения личности, вместе с тем, есть вероятность повысить результативность за счет сочетания использования различных методов изучения личности в криминалистической науке. Среди доступных методов криминалистического изучения личности наибольший интерес представляют методы анализа устной речи и анализ биографии. Особую актуальность названные методы приобрели после марта 2020 г., когда впервые произошел принудительный массовый переход на дистанционный формат обучения и работы, в рамках которого на первый план вышли тексты (электронный документооборот) и звуковой форматы взаимодействия в обмене информацией, а в политическом дискурсе вновь был поднят вопрос о повсеместной цифровизации, которая затронет все сферы жизни граждан, включая перевод информации биографического характера гражданина в электронный формат.

Совместное использование анализа устной речи и биографического метода возможно путем соотношения основных структур устной речи [2. С. 167] и био-

графии изучаемой личности [3. С. 377] в криминалистической науке. Так, вокальность устной речи строго индивидуальна и обусловлена в наибольшей степени физиологической природой человека, что позволяет говорить о возможной взаимосвязи биологических параметров с вокальностью в структуре речи изучаемой личности. В свою очередь, тональность речи является показателем эмоциональной насыщенности речи, на основе чего можно сделать вывод о ее связи как с биологическими параметрами (темперамент, способ рефлексии), так и с психологическими данными (психологическая ориентация) личности. Содержательность речи отражает индивидуальные символы и личностно значимую информацию в речи, что тесно взаимосвязано с психологическими данными и социальными статусами личности (образование и профессиональная деятельность) (таблица).

Взаимосвязь элементов структуры устной речи и биографии

Элемент структуры устной речи	Биологические параметры	Социальные статусы	Психологические данные
Вокальность	Высокая взаимосвязь	Не выражена взаимосвязь	Не выражена взаимосвязь
Тональность	Высокая взаимосвязь	Не выражена взаимосвязь	Высокая взаимосвязь
Содержательность	Не выражена взаимосвязь	Высокая взаимосвязь	Высокая взаимосвязь

Анализ устной речи вызывает в настоящее время все больший интерес, начиная от производства экспертных исследований и заканчивая проведением переговоров. Речевая деятельность является объектом исследования нескольких областей наук: лингвистики, психологии, криминалистики, проявляя свою междисциплинарную природу.

В лингвистике устная речь понимается как совокупность индивидуальных особенностей порождения речи: скорости речи, тембра голоса и интонационных явлений [4. С. 213]. С точки зрения психологии анализ устной речи – это способ получения информации о свойствах личности и состоянии говорящего. Рассмотрим некоторые возможности психологического анализа речи.

1. Определение зависимости между особенностями устной речи и психологическими свойствами личности (психологическим типом).

В 1960-е гг. было установлено, что такая черта как «экстраверсия – интроверсия» (предложенная К.Г. Юнгом и оцениваемая по опроснику Г. Айзенка), влияет на характер и частоту пауз в речи и связана с темпом речи. Помимо этого, разные исследователи выделили отрицательную взаимосвязь громкости речи и преобладания в ней низкого тона с интроверсией и положительную корреляцию между громкостью и

экстраверсией. Нейротизм обнаруживает связь и с беглостью речи, а также с безапелляционностью говорящего лица. Выраженные невротики в устной речи часто используют местоимения и глаголы [5]. Наряду с этим есть данные, что интроверты проявляют тенденцию к большей вариативности в ответах по сравнению с экстравертами. Для их устных высказываний типичны более длинные предложения, большое число союзов, прилагательных, личных местоимений и наречий. Экстраверты же обнаруживают более высокое словарное разнообразие и большее количество предложений для выражения замысла речи [4. С. 216]. Продолжая характеристику речевого поведения экстравертов и интровертов, можно отметить также особенности темпа речи. Экстравертов отличает быстрый неравномерный темп речи в совокупности с неравномерной интонацией, а речь интровертов характеризуется средним по скорости или медленным темпом, равномерной интонацией. Указанные особенности могут быть следствием скорости протекания психических реакций: экстраверты принимают и озвучивают решения быстрее, тогда как интроверты обычно сомневаются, обдумывают свой ответ, перед тем как высказаться [6. С. 216].

И.Т. Кривошеин в своей работе рассматривал два типа личности, в основе которых выделял особенности деятельности и поведения: первый – интеллектуально-волевой (рациональный), второй – интеллектуально-эмоциональный (эмоциональный). Для каждого из указанных типов автор выделил и особенности речевого поведения. Речь рационального типа характеризуется преимущественно наличием элементов логического, аналитического и оценочного характера. Высказывания излагаются, как правило, взвешенно, аргументированно, логично. В речи прослеживается не спонтанная, не ситуативная, а предварительная продуманность. Речь рационального типа сопровождается такими выражениями, как «видите ли...», «да знаете...», «понимаете...». С них обычно начинается ответ на вопрос, построение фразы. Данные выражения указывают на такую особенность в познавательной, мыслительной деятельности, как склонность к обдумыванию. Темп речи, в общем, спокойный, уравновешенный, рассудительный, эмоциональная окраска невыразительная, неброская, очень сдержанная, что можно объяснить отчасти значительной развитостью волевых свойств, их приоритетом над эмоциями, контролем поведения [7. С. 64].

Речь эмоционального типа, как правило, быстрая, сумбурная, нелогичная (рваная), без особой аргументации, по тону выше среднего. В речи и поведении лиц с преобладанием эмоционального компонента в способах реагирования чаще встречаются элементы алогичного характера, оценочные суждения имеют выраженную эмоциональную окраску, сопровождаются эмоциональными восклицаниями (например, «ай», «ой», «ну»), выражающими недовольство, беспокойство, растерянность, удивление, гнев [7. С. 65].

Одним из наиболее распространенных в криминалистических исследованиях подходов к изучению личности, позволяющих проанализировать особенности устной речи, является типология акцентуирован-

ных личностей К. Леонгарда [8]. Указанный типологический подход был адаптирован к криминалистическим исследованиям профессором Р.Л. Ахмедшиным, в том числе применительно к анализу устной речи участников следственных действий [9]. Достоинством типологии акцентуированных личностей является то, что она позволяет выделить десять типов, характеризующихся уникальным сочетанием поведенческих маркеров, в том числе и речевых характеристик. Кроме того, акцентуированные типы можно соотносить с психологическими типами, предложенными К.Г. Юнгом и И.Т. Кривошеиным, описанными выше, тем самым усилив возможность определения типовых особенностей устной речи. Акцентуированные типы соотносятся с экстраверсией/интроверсией следующим образом:

- 1) экстравертный тип: эпилептоид, гипертим, циклоид, истероид, застревающий;
- 2) интровертный тип: гипотим, параноид, шизоид, сензитив, конформный.

Рациональная модель поведения характерна для таких акцентуированных типов, как циклоид, параноид, шизоид, гипотим, застревающий. Эмоциональная модель поведения присуща следующим психологическим типам: эпилептоид, гипертим, истероид, сензитив, конформный.

Т.А. Алексеева в своей монографии предложила структуру устной речи, включающую в себя три элемента: вокальность, тональность и содержательность, и проанализировала устную речь указанных десяти акцентуированных типов, сформулировав признаки типовой речевой модели для каждого типа [10]. Преимуществом такого подхода является то, что следователь, обладая знаниями о таком биографическом признаке, как психологический тип, может заранее подготовиться к производству коммуникативных следственных действий (например, допроса) и учесть особенности устной речи и поведения в целом участника следственного действия. В то же время типологический подход позволяет провести анализ и в обратном направлении, т.е., обладая знаниями о типовой речевой модели каждого психологического типа, следователь способен определить тип личности участника коммуникативного следственного действия, что будет способствовать установлению психологического контакта и индивидуализации тактических приемов. Рассмотрим типовую речевую модель каждого акцентуированного типа личности.

Для эпилептоида свойствен громкий голос в сочетании со средним или быстрым темпом; короткие паузы, а также неравномерная (восходящая) интонация. Содержательная сторона речи характеризуется употреблением указательных, повелительных интонаций, требующих совершения действия. Эпилептоиду присущи такие слова, как «конкретно», «должен», «обязан», а также необоснованные категоричные высказывания. Как в профессиональной сфере, так и в быту представители рассматриваемого психологического типа считают необходимым подчеркнуть свое положение и статус в обществе, высказать свое мнение, которое должно быть авторитетным для всех. Если

человек эпилептоидного типа находится на руководящем посту, то его будут отличать следующие фразы: «я так сказал», «слушайте меня», «я уже все сказал», «я лучше знаю», «по моему мнению», при этом они эмоционально и интонационно подчеркиваются. Однако, находясь в подчинении, эпилептоид будет говорить не так громко, избегать употребления повелительных конструкций, но подчеркнет свое мнение.

Отличительной особенностью речи гипертима является громкий голос, быстрый темп речи и короткие паузы, часто не соответствующие синтаксическим. Это самый громкоговорящий акцентуированный тип личности. Интонация неравномерная, речь малоэмоциональна, что компенсируется употреблением наречий. Гипертимы словоохотливы, выделяются своей активностью и дружелюбностью в коллективе, у них всегда имеется достаточное количество историй, разнообразных идей, которыми они готовы поделиться с окружающими. Однако в силу некоторой безответственности, озвучив свои идеи и предложения, гипертимы не спешат на их реализацию, предпочитая, чтобы остальную работу проделали другие: «Самое сложное я сделал – подал идею, теперь дело уже за малым». В общении как с коллегами, так и с руководителем гипертиму свойственна фамильярность, что не является признаком неуважения – представители данного психологического типа не понимают принятые в обществе нормы иерархического общения.

Речь истероида характеризуется вокальной насыщенностью: громкость, интонация изменяются в зависимости от ситуации, целью такого изменения, как правило, является привлечение внимания окружающих. От природы владея ораторским искусством, люди истероидной акцентуации используют речевые паузы не столько в качестве синтаксических, сколько в качестве «театральных», фокусируя внимание окружающих на себя. Представители рассматриваемого психологического типа употребляют провокационные фразы, неуместные специфические термины, склонны провоцировать окружающих на негативную реакцию. Истероид всегда найдет момент, чтобы переключить внимание на себя, поэтому в его речи постоянно присутствуют местоимения «я», «мне», «мое», и такие выражения, как «мое мнение», «я так думаю», «это мое личное мнение, отношение», «по-слушайте, что я скажу». Кроме того, люди, принадлежащие к данному психологическому типу, в общении прибегают к лести по отношению к одним («великий человек», «господин», «уважаемая персона»), особенно в отношении вышестоящего руководства, и к оскорблениям – по отношению к другим.

Особенностью устной речи циклоида является чередование вокальных характеристик, т.е. громкость голоса со средней меняется на громкую, а темп со среднего переходит на быстрый, и наоборот. Интонация неравномерная, речевые паузы средние по длине. Как правило, циклоиды читают достаточно много разнообразной литературы, поэтому обладают широкими знаниями в нескольких областях, используя соответствующую специальную терминологию. Используют в речи сложносочиненные и сложноподчи-

ненные предложения, статистические данные. Кроме того, речь изобилует не констатацией фактов, а анализом событий, поведения людей, постановкой проблемы и прогнозом на будущее. Негодование циклоида может вызвать некомпетентность коллег, изложение «глупой» на его взгляд информации, постановка очевидных вопросов. Однако особенностью циклоида является то, что он склонен рассматривать вопрос с разных точек зрения, поэтому, обосновав свою позицию, может обсудить и позицию своего оппонента. Представители циклоидной акцентуации не признают авторитетов, соблюдая формальные правила приличия с вышестоящим руководством. Уважение циклоида нужно заслужить, доказав свою компетентность.

Застревающий психологический тип характеризуется громким голосом, четким произношением слов, хорошей артикуляцией, средним темпом речи с четким соблюдением интонационных пауз и интонационной завершенностью каждого предложения. В профессиональной сфере представители застревающей акцентуации особое внимание отводят соблюдению субординации, расписания, не терпят опозданий. Никогда не бывают голословны, доказывая свою точку зрения различными фактами, правилами, законами и нормативами, употребляя такие вводные конструкции, как «во-первых», «во-вторых» (или «первое», «второе»). Рассказ застревающего похож на доскональный отчет о проделанной работе, поэтому для него характерно частое употребление глаголов, преобладает описание действий, без личностной оценки. Рассматриваемый психологический тип очень точен в своих высказываниях, дотошен в мелочах, ничего не будет утверждать, если не уверен в своих словах.

Параноид характеризуется громким голосом, средним темпом речи и низким тембром голоса, равномерная интонация, средние по продолжительности речевые паузы. В устной речи параноида прослеживается принципиальность и категоричность практически во всем: в оценке происходящих событий и поведения людей, во взглядах на жизнь и т.д. Категоричность проявляется и в том, что параноид очень сложно переубедить; скорее всего, выслушав все доводы противоположной стороны, он останется при своем мнении. Предпочитает высказываться точно, по существу проблемы, обходя абстрактные рассуждения, негативно относится к сплетням, равнодушен к лести в свой адрес. Параноиду важно ассоциировать себя с группой единомышленников, поэтому при общении он употребляет такие местоимения, как «мы», «наш», «нами», «нас» и т.д. Представители рассматриваемого психологического типа уважают людей со своей позицией, точкой зрения, которая может не совпадать с их собственной, главное, чтобы человек твердо стоял на своем. При работе в коллективе берут много ответственности на себя, считая, что и остальные должны максимально вкладываться в общее дело: «мы не можем подвести», «это наш долг», «я несу за это ответственность».

Конформный психологический тип характеризуется следующими речевыми характеристиками: громкость голоса средняя, убывающая; интонация равномерная; темп речи и количество пауз – средние. Од-

нако, в силу неуверенности в себе и зависимости от мнения окружающих, на темп будет оказывать влияние человек, с которым конформный разговаривает: если собеседник не смог расположить к себе представителя указанного психологического типа, речь конформного будет характеризоваться средним темпом с многочисленными паузами; и наоборот, если контакт установлен, использование речевых пауз сводится только к синтаксической функции. В профессиональной сфере конформному сложно высказывать, а тем более отстаивать свою точку зрения («возможно, я буду аккуратен в своих высказываниях»), поэтому он предпочитает соглашаться с большинством («я, как все»), придерживается нейтралитета или старается переложить ответственность на других. Для представителей конформного психологического типа важно одобрение и поддержка, понимание со стороны коллег, особенно руководителя, авторитет которого не может быть под сомнением.

Устная речь шизоида отличается медленным темпом (самый медленный темп из рассматриваемых психологических типов), тихим голосом, наличием продолжительных пауз. Интонация равномерная в сочетании с неэмоциональностью речи. Из-за погруженности в свои мысли шизоиды немногословны, в речи используют узконаправленные термины, могут недоговорить предложение и углубиться в размышления. Зато этот тип обладает высокими аналитическими способностями, способен разобраться с проблемой, требующей досконального изучения. Однако из-за того, что им сложно донести до окружающих свои мысли и идеи, часто остаются непонятыми и становятся изгоями в обществе.

Отличительной чертой сензитива является то, что это самый эмоциональный из акцентуированных типов, что также отражается в его речи в виде многотональности голоса. Как представитель интровертного типа сензитив характеризуется ровной интонацией с плавными переходами вверх-вниз, темп и громкость речи – средние, однако, указанный психотип легко владеет тоном своего голоса, переводя его с высокого на низкий, с громкого на тихий, переходя на шепот. Речь сензитива в содержательном смысле также наполнена эмоциями, чувствами, состраданием, в связи с этим наблюдается значительно большее, по сравнению с другими психологическими типами, употребление прилагательных, уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах, междометий и восклицаний.

Речь гипотима характеризуется следующими особенностями: самый тихий голос из указанных психотипов, медленный темп с частыми, но короткими паузами; интонация равномерная, нисходящая; малоэмоциональна. Если говорить о содержательной составляющей, то в речи гипотима преобладают слова, обозначающие отрицание: «нет», «ничего», «никому», или символизирующие падение вниз и безысходность: «не жду благодарности», «от тебя/меня ничего не зависит», «нет выхода», «не стоит пытаться» и т.д. В профессиональной сфере свойственна неуверенность в своей компетенции, успехе, приуменьшение

своих возможностей и заслуг: «я не столь компетентен», «до конца все равно не получится разобраться», «я ничего не умею / не знаю, не могу об этом судить».

2. Диагностика эмоционального состояния лица. К базовым эмоциям, которые испытывает человек, относятся: радость, удивление, грусть, злость, страх, отвращение. Диагностика эмоционального состояния лица по устной речи интересна как в научно-исследовательском, так и в прикладном аспектах. Особый интерес представляют исследования, позволяющие диагностировать несоответствие сообщаемой информации испытываемым эмоциям, а также определение эмоционального состояния лица, находящегося вне зоны видимости (например, при проведении переговоров о захвате заложников).

Важно отметить, что стоит различать силу эмоционального реагирования и степень выражения эмоций и учитывать, что указанные характеристики эмоционального проявления отличаются у представителей рассматриваемых акцентуированных личностей. Так, например, эпилептоид (которого можно соотнести с таким типом темперамента, как холерик) характеризуется агрессивностью, которая одинаково испытывается и проявляется во вне. В то же время параноидУ, при высокой силе испытываемых негативных эмоций, присущ контроль и, соответственно, низкая степень их выражения.

Иногда в ходе расследования преступления, следователь оценивает эмоциональную реакцию свидетеля или подозреваемого, ожидая увидеть определенные эмоции: чувство сострадания, эмпатии, вины. Однако если от сензитива или конформного (двух самых эмоциональных типов) можно ожидать проявления искреннего переживания, понимания эмоций других людей или чувства причастности к произошедшему, то от таких психологических типов, как шизоид, гипотим, циклод, добиться этого будет достаточно сложно. Это не означает, что люди, принадлежащие к указанным психотипам, не испытывают эмоций, однако степень выражения их крайне мала.

3. Определение неискренности в сообщаемой информации. Достоверное определение признаков лжи в речи вызывает неподдельный интерес у исследователей различных областей наук. Психофизиологические исследования с использованием полиграфа подтвердили, что ложь является стрессом для человеческого организма, признаки которого проявляются на физиологическом уровне. Ложь – это осознанное искажение действительности в знании [11. С. 37]. Можно выделить основные особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности.

1. Особенности выбора слов: затруднения в выборе слов для выражения своих мыслей:

а) возрастает количество и длительность пауз, предшествующих искомому слову. Такие паузы наблюдаются даже перед словами, обладающими большой частотностью и легко используемыми в речи в обычном состоянии. Поисковые паузы сопровождаются заполненными паузами – «э», «кх», «гм», «мм», количество которых возрастает. Сокращается

средняя длина отрезка речи, возрастает отношение времени пауз ко времени чистой речи;

б) затруднения в осуществлении выбора слов проявляются в виде возрастающего количества повторов отдельных звуков, слогов, слов, словосочетаний: «я все не знаю, может она, может оно, может оно у меня / эээ, со дня рождения может она у меня есть»;

в) затруднения в формулировании мыслей – возрастание количества пояснительных слов: «это», «такой», растягивание конечного гласного в слове;

г) слова-паразиты: «видите ли», «типа», «как бы», «это самое», «собственно», «так сказать», «вот», «ну» и др. В состоянии эмоциональной напряженности их количество возрастает вдвое (вследствие ослабления контроля говорящего за качеством речи).

2. Снижение словарного разнообразия – говорящий отбирает слова, которые наиболее часто употребляются в его речи, т.е. он упрощает поиск слов.

3. Возникновение парафазий – слов, употребляемых неуместно в определенном контексте: «красный круг большого цвета».

4. Колебания частоты тона и интенсивности речевого сигнала, резкие перепады общего темпа речи [12. С. 59–87].

Д.В. Аксенов выделяет речевые построения, указывающие на неискренность собеседника:

– настойчивое убеждение в собственной искренности, при котором он чрезмерно подчеркивает свою честность, неизменно настаивая на том, что говорит только правду – в случаях, когда никак не выражается недоверия к его словам, например: «честное слово, я не знаю»; «клянусь здоровьем»; «даю руку на отсечение»; «честное слово, дело было так»;

– уход от обсуждения определенных тем, вопросов. Например – «я не буду это обсуждать»; «не могу вспомнить»; «я этого не говорил(а)»; «не вижу здесь никакой связи»;

– необоснованно пренебрежительный, вызывающий или враждебный тон, явно провоцирующий на грубость: «я не обязан(а) отвечать на ваши вопросы»; «я не знаю, о чем идет речь»; «я вообще не желаю с вами говорить»;

– стремление вызвать симпатию, доверие, чувство жалости у собеседника, в случае если предшествующие отношения не привели к такому сближению, например: «у меня семья, дети»; «я такой же, как и вы»; «у меня точно такие же проблемы»;

– непродолжительное отрицание или равнодушные, уклончивые ответы на прямые вопросы. Простые повторяющиеся ответы или повторение простого отрицания. Уклонение от использования слов «да» или «нет»: «я об этом ничего не знаю»; «вы же сами это говорили»; «я не уверен(а)»; «вы меня уважаете?»; «вы, несомненно, человек серьезный» [13].

Изучение признаков недостоверности устной речи является одним из наиболее сложных, но одновременно интересных и перспективных исследований. Развитие данного направления исследований представляется в анализе устной речи применительно к представителям отдельных психологических типов, что позволит сформулировать индивидуальный подход в определении признаков лжи.

Устная речь – это достаточно сложный объект исследования, поэтому неизбежно возникнут проблемы ее анализа. Рассмотрим некоторые из них.

1. Выбор «отправной точки» исследования при психологическом анализе устной речи или выбор типологического подхода. Из всего многообразия типологий, которые предполагают возможность анализа особенностей устной речи, в процессе исследования все-таки необходимо остановиться на одной. Тогда и возникает проблема выбора и оценки критериев различных типологий.

Отдавая приоритет акцентуированным типам личности, в качестве аргументов можно указать следующие: а) типология акцентуированных личностей содержит десять типов, характеризующихся специфическим сочетанием личностных свойств; б) направлена на анализ поведения, в том числе и речевого; в) ориентирована на экспериментальные, прикладные исследования, позволяющие сделать определенный вывод.

2. Необходимость разработки единой методики психологического анализа устной речи. Проблема объективности исследования порождает ограничения в выборе методики анализа речи. Главный вопрос, который возникает в данном случае: с какой целью, для чего необходимо провести психологический анализ устной речи? В одном случае будет достаточно авторитетного мнения специалиста (например, при анализе переговоров – для выбора делового партнера), в другом – четко регламентированной процедуры и объективной методики (например, в случае решения вопроса о виновности/невиновности лица, привлекаемого в рамках уголовного дела). Разрешение проблемы формулирования единых критериев оценки устной речи представляется одной из приоритетных задач в данном направлении исследований.

3. Наличие специалистов, способных провести анализ речи и необходимой технической базы. Возникновение нового вида исследований влечет и появление специалистов, способных проводить такие исследования. В случае с психологическим анализом устной речи возникает вопрос: специалисты из каких областей должны привлекаться: психологии, лингвистики, фоноскописты или криминалистики? Скорее всего, психологические исследования в области анализа устной речи потребуют подготовки нового рода специалистов, а возможно, и появления со временем самостоятельного направления экспертных исследований.

Список источников

1. Юань В.Л., Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л. Выявление истероидной акцентуации у обвиняемого с помощью анализа его речи, поведения и биографии // Правосудие. 2020. Т. 2, № 1. С. 207–224.
2. Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170.

3. Юань В.Л. Криминалистическая формализация и классификация биографических сведений о личности // Криминалистика: теория и практика : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 374–380.
4. Марютина Т.М. Дифференциальная психология : в 2 ч. Ч. 1 : учебник для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 248 с.
5. Johar S. Emotion, Affect and Personality in Speech. The Bias of Language and Paralanguage. N.Y. : Springer, 2016.
6. Воронин С.Э., Ахмедшин Р.Л., Алексеева Т.А. Психотипологический подход в системе криминалистического знания. Красноярск, 2015. 326 с.
7. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск, 2001. 114 с.
8. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 544 с.
9. Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск, 2014. 293 с.
10. Алексеева Т.А. Исследование устной речи в криминалистической тактике. М., 2022. 200 с. (Библиотека криминалиста.)
11. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. 191 с.
12. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975. 179 с.
13. Аксенов Д.В. Речевые построения, выдающие ложь // Элитариум. URL: http://www.elitarium.ru/2005/08/12/rechevye_postroeniya_vydajushhie_lozh.html

References

1. Yuan, V.L., Alekseeva, T.A. & Akhmedshin, R.L. (2020) Vyyavlenie isteroidnoy aktsentuiatsii u obvinyaemogo s pomoshch'yu analiza ego rechi, povedeniya i biografii [Identification of hysterical accentuation in the accused by analyzing his speech, behavior and biography]. *Pravosudie*. 1 (2). pp. 207–224.
2. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic structure of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 167–170. (In Russian).
3. Yuan, V.L. (2019) [Forensic formalization and classification of biographical information about a person]. *Kriminalistika: teoriya i praktika* [Criminalistics: Theory and practice]. Proceedings of the 7th International Conference. Krasnodar. 31 May 2019. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 374–380. (In Russian).
4. Maryutina, T.M. (2017) *Differentsial'naya psikhologiya* [Differential Psychology]. Part. 1. Moscow: Yurayt.
5. Johar, S. (2016) *Emotion, Affect and Personality in Speech. The bias of language and paralanguage*. New York: Springer.
6. Voronin, S.E., Akhmedshin, R.L. & Alekseeva, T.A. (2015) *Psikhotipologicheskii podkhod v sisteme kriminalisticheskogo znaniya* [Psychotypological Approach in the System of Forensic Knowledge]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
7. Krivoshein, I.T. (2001) *Teoreticheskie i prikladnye problemy doprosa obvinyaemogo* [Theoretical and Applied Problems of the Interrogation of the Accused]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Leonhard, K. (2000) *Aktsentuirovannye lichnosti* [Accentuated Personalities]. Rostov on Don: Feniks.
9. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of Communicative Investigative Actions]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Alekseeva, T.A. (2022) *Issledovanie ustnoy rechi v kriminalisticheskoy taktike* [The Study of Oral Speech in Forensic Tactics]. Moscow: YurLitinform.
11. Zakatov, A.A. (1984) *Lozh' i bor'ba s neyu* [Lies and Struggle with It]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
12. Nosenko, E.L. (1975) *Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noy napryazhennosti* [Features of Speech in a State of Emotional Tension]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University.
13. Aksenov, D.V. (2005) Rechevye postroeniya, vydayushchie lozh' [Speech constructions that give out lies]. *Elitarium*. [Online] Available from: http://www.elitarium.ru/2005/08/12/rechevye_postroeniya_vydajushhie_lozh.html.

Информация об авторах:

Алексеева Т.А. – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Юань В.Л. – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: it-rigon@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Alekseeva, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

V.L. Yuan, senior lecturer, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 08.11.2022;
approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

Научная статья
УДК 349
doi: 10.17223/15617793/485/27

Некоторые проблемы использования сетевой формы реализации образовательных программ в образовательных организациях высшего образования

Инна Анатольевна Котляр¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, abuhamda@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие в связи с реализацией образовательных программ в сетевой форме. Раскрываются преимущества и недостатки использования сетевых программ в практической деятельности образовательных организаций высшего образования. Анализируются пробелы в действующем законодательстве, регулирующем данную сферу отношений, и выносятся ряд предложений по его совершенствованию.

Ключевые слова: образование, сетевая форма реализации образовательных программ, сетевое взаимодействие, образовательная деятельность, образовательные организации высшего образования

Для цитирования: Котляр И.А. Некоторые проблемы использования сетевой формы реализации образовательных программ в образовательных организациях высшего образования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 240–244. doi: 10.17223/15617793/485/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/27

Some problems of using the network form of educational programs' implementation in educational institutions of higher education

Inna A. Kotlyar¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, abuhamda@mail.ru*

Abstract. Currently, to improve the quality of training of students, educational institutions of higher education use a network form of educational programs' implementation. The use of the considered form by universities in practical activities led to the emergence of new problems and issues related to the process of educational activities within the framework of network interaction. This study aims to examine the existing problems in the legal regulation of network forms of educational programs' implementation and propose ways to solve them in order to create advanced educational programs that allow training highly professional specialists through the use of the resources of several organizations. To reach this aim, the author analyzed the advantages and disadvantages of using a network form of education. On the one hand, there are numerous administrative barriers that prevent the use of a network form of educational programs; on the other hand, various practices of a successful implementation of network programs in universities are cited as an example. Particular attention is paid to the impact of the use of educational programs by universities in a network form on the development of regions. The author examines issues related to the licensing of educational activities of implemented network programs. The absence of a license to carry out educational activities by a participant organization that is a subject of economic activity does not allow it to implement part of the network program, share the skills and experience in the competence being mastered with students, but determines their participation in network training only through the provision of resources. As a way out of this situation, the author proposes to consider the possibility of implementing part of the network program without a license and make appropriate changes to the legislation. The author also touches upon problems in the field of international cooperation, considers the question of whether a foreign educational organization can be a basic organization, correlates these concepts with each other, emphasizes the need to integrate Russian higher education into the international educational space in terms of using online forms of implementing educational programs. The author also dwells on the problem of using state property in the implementation of network programs. She notes that, for the effective introduction of network programs into the activities of educational organizations, special attention should be paid to the issues of free use of property, to a detailed elaboration of the procedure for its use in regulatory legal acts. The study uses general scientific methods of cognition: a comparative legal method, methods of deduction, induction, analysis and synthesis. The result of the work is proposals for improving the current legislation regulating the issues of the network form of implementation of educational programs.

Keywords: education, network form of implementation of educational programs, networking, educational activities, educational organizations of higher education

For citation: Kotlyar, I.A. (2022) Some problems of using the network form of educational programs' implementation in educational institutions of higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 240–244. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/27

Сетевая форма реализации образовательных программ в образовательных организациях высшего образования всё чаще используется в образовательном процессе, что позволяет повысить качество подготовки обучающихся за счет использования ресурсов нескольких организаций, применяя различные уровни теоретической, научно-исследовательской базы и практической подготовки.

Сетевая форма реализации образовательных программ предполагает возможность объединения ресурсов как нескольких образовательных организаций, включая иностранные, так и образовательной и иной организации. Сетевая образовательная программа при этом может включать в себя части, предусмотренные образовательными программами различных видов, уровней и (или) направленностей.

Использование сетевой формы имеет множество преимуществ. В частности, сетевое взаимодействие позволяет предоставлять доступ обучающимся к современной научно-исследовательской базе, инновационным разработкам, актуальным методикам, имеющимся у различных организаций, участвующих в реализации образовательной программы. Как указывает П.В. Сысоев, «привлечение к образовательному процессу ресурсов не одной, а двух или нескольких организаций значительно расширяет спектр возможностей дидактического плана» [1. С. 149]. Внедрение новых образовательных технологий в рамках сетевых форм реализации образовательных программ положительно влияет на качество образования, государство, в свою очередь, способствует развитию таких форм взаимодействия.

Так, Президент России Владимир Путин по итогам заседания наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей», состоявшегося 26 марта 2021 г., поручил Минобрнауки РФ расширить практику реализации университетами образовательных программ в сетевой форме [2]. В поручении отмечено, что подобная форма позволит обучающимся получить высшее образование по специальностям и направлениям подготовки, которые соответствуют приоритетным направлениям научно-технологического развития России.

Минобрнауки России по поручению Президента РФ утвердило план мероприятий по расширению образовательных программ в сетевой форме. Как указывает министерство, на данный момент реализуется 16 программ, по которым обучается 330 человек, включая 108 студентов, поступивших в 2021 г. [3].

Кроме того, развитие сетевых образовательных программ позволяет решить проблему востребованности в регионах определенных профессий. В качестве примера можно привести Томскую область, где реализуются междисциплинарные программы на сты-

ке образования и науки для подготовки высококлассных специалистов по новым направлениям подготовки, которые не могут быть реализованы университетом самостоятельно. К числу таких программ можно отнести программы в области ядерной медицины, реализуемой совместно ТПУ, СибГМУ, ТНИМЦ РАН; биомедицинской инженерии, реализуемой СибГМУ и ТПУ; технологии космического материаловедения, реализуемой ТПУ и ИФПМ СО РАН.

Особенностью здесь является реализация сетевых программ в рамках одного города, когда обучающийся не только получает уникальную специальность, но и максимальный доступ к лучшим образовательным, научным и инфраструктурным ресурсам, а преподаватели могут повышать уровень своих знаний. Так, на территории Томской области реализуется дополнительная профессиональная программа «Организационно-методические и педагогические решения ключевых задач и проектов программы развития университета (Сетевая программа Большого университета Томска)», в соответствии с которой сотрудники университетов Томска повышают свою квалификацию в рамках межвузовского взаимодействия.

Однако, несмотря на множество положительных факторов от использования образовательных программ в сетевой форме, в процессе их реализации образовательные организации высшего образования сталкиваются с определенными проблемами, которые требуют дополнительного нормативного регулирования.

Основные положения, касающиеся сетевой формы обучения, закреплены в статье 15 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании в РФ») [4]. Более подробно правила организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ изложены в приказе Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (далее – Приказ № 882/391) [5].

В соответствии с установленным порядком осуществлять образовательную деятельность вправе только образовательные организации, обладающие соответствующей лицензией. При этом организации, обладающие ресурсами, не реализуют сетевую образовательную программу, так как не осуществляют образовательную деятельность, они предоставляют другим сторонам договора о сетевой форме ресурсы, необходимые для реализации сетевой образовательной программы.

Но в практической деятельности образовательные организации высшего образования сталкиваются с ситуациями, когда предприятие – сторона договора о

сетевой форме, готово обучить студентов, слушателей соответствующими навыками в осваиваемой компетенции, обеспечить их практической подготовкой, умением использовать специализированное оборудование. Тем не менее, учитывая отсутствие лицензии на осуществление образовательной деятельности, такие предприятия вправе участвовать в сетевом взаимодействии с вузами только предоставлением своих ресурсов.

В этой связи Президент России по итогам встречи с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества поручил Правительству РФ принять меры по устранению административных барьеров, препятствующих использованию сетевой формы реализации образовательных программ, предусмотрев в том числе возможность участия в сетевой форме реализации образовательной программы организаций, не имеющих лицензии на осуществление образовательной деятельности, но обладающих необходимыми ресурсами и опытом осуществления экономической деятельности соответствующей направленности [6].

В целях исключения ограничений, препятствующих развитию междисциплинарных образовательных программ, приказом Минобрнауки России № 150, Минпросвещения России № 89 от 21.02.2022 «О внесении изменений в приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 г. № 882/391 “Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ”» были исключены положения, упоминающие о лицензировании образовательной деятельности организации-участника [7]. В частности, из Приказа № 882/391 был исключен пункт, устанавливающий, что образовательная организация-участник реализует часть сетевой образовательной программы на основании лицензии на осуществление образовательной деятельности по соответствующему виду образования, по уровню образования, по профессии, специальности, направлению подготовки, по подвиду дополнительного образования, к которым относится соответствующая часть сетевой образовательной программы.

Несмотря на внесенные изменения в Приказ № 882/391, с учетом положения, закрепленного в ст. 91 ФЗ «Об образовании в РФ», где установлено, что образовательная деятельность подлежит лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности, в настоящее время организации-участники не вправе участвовать в образовательной деятельности без лицензии.

В этой связи представляется необходимым внести изменения в ФЗ «Об образовании в РФ», касающиеся возможности участия таких организаций в реализации части сетевой программы, без лицензии. Это станет существенным шагом на пути самостоятельного регулирования условий реализации образовательной программы в сетевой форме, позволит расширить осваиваемые компетенции с учетом технологий, используемых в реальном секторе экономики.

Следующая проблема, с которой сталкиваются образовательные организации высшего образования в процессе реализации сетевых программ, касается международного сотрудничества.

Исходя из определения, установленного в п. 4 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ, утвержденного Приказом № 882/391, можно сделать вывод, что под базовой организацией понимается организация, в которую обучающийся принят на обучение в соответствии с нормами российского законодательства об образовании, и которая осуществляет образовательную деятельность на территории РФ на основании соответствующей лицензии.

В отличие от базовой организации, иностранная образовательная организация создается на территории иностранного государства, там же осуществляет свою деятельность. В соответствии со ст. 1202 ГК РФ личным законом юридического лица считается право страны, где оно учреждено. Следовательно, иностранная образовательная организация осуществляет свою деятельность в соответствии с законом своей страны.

Таким образом, исходя из системного толкования норм образовательного и гражданского права, можно сделать вывод, что иностранная образовательная организация может выступать только в качестве организации-участника, базовой организацией она быть не может.

При реализации образовательных программ в сетевой форме такая ситуация приводит к сложностям в договорных отношениях с иностранными партнерами. Законодательство многих зарубежных стран не разделяет образовательные организации на «базовую» и «организацию-участник», в связи с чем зачастую сложно включить в договоры соответствующие формулировки из-за различий в правовых терминах. Закономерно в таком случае встает вопрос о зачислении обучающихся в иностранную образовательную организацию. Согласно российскому законодательству обучающиеся сначала должны быть зачислены в российскую базовую образовательную организацию и затем путем перевода – в образовательную организацию-участник. Такое положение часто не устраивает зарубежные вузы, так как они сразу зачисляют студентов в свою организацию, что противоречит нормам Приказа № 882/391. В этой связи является необходимым закрепить в указанном подзаконном нормативном акте особенности реализации образовательных программ совместно с иностранными организациями с целью имплементации их деятельности в российском образовательном пространстве для дальнейшего эффективного сотрудничества с зарубежными партнерами.

В процессе реализации программ с иностранным участием возникают также вопросы их финансового обеспечения. С одной стороны, законодательством установлен запрет организации-участнику взимать плату с обучающихся за реализацию части сетевой образовательной программы, предоставление ресур-

сов для ее реализации. С другой стороны, затраты зарубежного вуза на реализацию части сетевой образовательной программы должны быть возмещены базовой организации. Закрепленный в Приказе № 882/391 механизм возмещения затрат разработан для российских образовательных организаций без учета специфики реализации программ с иностранным участием. В рассматриваемой ситуации возникает проблема в формировании и обосновании стоимости реализации части программы зарубежным партнером и, соответственно, оплаты российским вузом, поскольку обучающиеся оплатить обучение напрямую иностранной организации не могут, а базовой организации необходимо обосновать выбор партнера и цену договора.

Данные вопросы требуют дополнительной проработки на уровне законодательства РФ для обеспечения успешной международной академической мобильности студентов и в целом для наращивания отечественными университетами потенциала международной конкурентоспособности.

Не менее важным является вопрос об использовании имущества в рамках реализации сетевых программ. В части 4 ст. 15 ФЗ «Об образовании в РФ» установлено право государственных и муниципальных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, использовать имущество друг друга на безвозмездной основе при сетевой форме реализации образовательных программ. Закрепление такого правомочия среди образовательных организаций высшего образования делает более эффективным процесс сетевого взаимодействия, снижает множество правовых барьеров. Однако не разъяснен порядок пользования таким имуществом, требуется ли его определять сторонам в договоре о сетевой форме либо должен быть заключен в каждом конкретном случае договор безвозмездного пользования.

Также в условиях виртуальной мобильности обучающихся встает вопрос о возможности использования на безвозмездной основе результатов интеллектуальной деятельности, например онлайн-курсов, права на которые принадлежат вузу, а также безвозмездное

оказание информационных и консультационных услуг, сопровождающих данные онлайн-курсы. Что касается результатов интеллектуальной деятельности (РИД), то, согласно позиции Минобрнауки России, изложенной в письме от 07.11.2019 № МН-15/583-ЮС «О включении результатов интеллектуальной деятельности в перечень особо ценного движимого имущества», исключительные права на РИД относятся к иному имуществу, но при этом не являются таким объектом гражданских прав как вещи, следовательно, не могут быть движимым имуществом [8]. Таким образом, представляется, что образовательные организации высшего образования вправе использовать права на результаты интеллектуальной деятельности друг друга на безвозмездной основе. Однако это право не распространяется на оказание сопутствующих услуг, сопровождающих такие РИД, так как имуществом они не являются.

Требуется уделить особое внимание в действующем законодательстве вопросам безвозмездного использования имущества, поскольку оно является объектом публичной собственности. При этом использование такого имущества должно способствовать эффективной реализации сетевых программ, исключать ситуации, когда стороны заключают притворные сделки с целью безвозмездного пользования государственным имуществом, а не с целью действительной реализации образовательной программы в сетевой форме.

Таким образом, на сегодняшний день существует необходимость в совершенствовании норм законодательства об образовании в области реализации образовательных программ в сетевой формы. Это является важным условием для дальнейшего успешного внедрения сетевых форм в практику деятельности образовательных организаций высшего образования. Благодаря сетевому взаимодействию возможно использовать лучшие образовательные технологии, создавать передовые образовательные программы, которые могут конкурировать в международном пространстве, максимально широко использовать инфраструктурные ресурсы и в конечном итоге улучшить качество подготовки кадров в стране.

Список источников

1. Сысоев П.В. Спорные вопросы реализации образовательных программ по сетевой форме обучения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2016. № 255 (4). С. 148–152.
2. Перечень поручений по итогам заседания наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» : утв. Президентом Российской Федерации от 30 апр. 2021 г. № Пр-716 // СПС «КонсультантПлюс».
3. В 10 российских вузах стартовало обучение по новым программам в сетевой форме // Минобрнауки России. 2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59963/> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ : приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 5 авг. 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Перечень поручений по итогам встречи с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества : утв. Президентом Рос. Федерации от 17 марта 2021 № Пр-419 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 г. № 882/391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» : приказ Минобрнауки России № 150, Минпросвещения России № 89 от 21 февр. 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».
8. О включении результатов интеллектуальной деятельности в перечень особо ценного движимого имущества : письмо Минобрнауки России от 7 нояб. 2019 г. № МН-15/583-ЮС // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Sysoev, P.V. (2016) Spornye voprosy realizatsii obrazovatel'nykh programm po setevoy forme obucheniya [Controversial issues in the implementation of educational programs in the network form of education]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*. 255 (4). pp. 148–152.
2. Consultant Plus. (2021) List of instructions following the meeting of the Supervisory Board of ANO "Russia – the Land of Opportunities": approved by President of the Russian Federation No. Pr-716 on April 30, 2021. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2022) V 10 rossiyskikh vuzakh startovalo obuchenie po novym programmam v setevoy forme [In 10 Russian universities, training has started on new programs in a network form]. *Minobrnauki Rossii* [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. 18 October. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59963/>. (Accessed: 01.12.2022).
4. Consultant Plus. (2021) *On education in the Russian Federation: Federal law 273-FZ of December 29, 2012*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Consultant Plus. (2020) *On the organization and implementation of educational activities in the network form of implementation of educational programs: Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 882, Ministry of Enlightenment of Russia No. 391 of August 5, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
6. Consultant Plus. (2021) *List of instructions following the meeting with university students on the occasion of the Day of Russian Students: approved by President of Russian Federation No. Pr-419 of March 17, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
7. Consultant Plus. (2022) *On amendments to the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Ministry of Enlightenment of the Russian Federation No. 882/391 of August 5, 2020 "On the organization and implementation of educational activities in the network form of the implementation of educational programs": order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 150, Ministry of Enlightenment of Russia No. 89 of February 21, 2022*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2019) *On the inclusion of the results of intellectual activity in the list of especially valuable movable property: letter of the Ministry of Education and Science of Russia No. MN-15 / 583-YuS of November 7, 2019*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторе:

Котляр И.А. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, административного права, начальник правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: abuhamda@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kotlyar, senior lecturer; head of the Legal Division, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abuhamda@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 485. Декабрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.12.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5341. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21.04.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru